

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pe. 278975 d. 80

01. 0 1 9

204

204

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1873

№ 1 ЯНВАРЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38)

Digitized by Google

I. — БЛАГОНАМЪБРЕННЫЯ РЪЧИ.—П. Н. Щедрина.	1
II. — ДОРА. (Разсказъ Альфреда Теннисона). Стих. А. Плещеева.	33
III. — ИЗЪ БАЙРОНА. (When all around grew drear und dark). Стих. А. Плещеева.	39
IV. — ИЗЪ ДЕРЕВНИ.—III. А. Энгельгардта	41
V. — ДЪЛЪЦЫ. Романъ въ шести книгахъ. <i>Книга пя- тая</i> . Гл. 1—VIII. Петра Воборыкина	91
VI. — ДЪЛЪЦЫ. Стих. А. Плещеева	150
VII. — РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВЪЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ ПИТАНІЯ. А. Шапова	153
VIII. — ШЕЛЛИ.—I. М. Цебриковой	183
IX. — РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. — II. Княгиня М. Н. Вол—ская Н. Некрасова.	213
X. — ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО. Н.	153
XI. — МИДДЪЛМАРЧЪ. Романъ Джорджа Эллиота. (Приложеніе). (529—560).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XII. — ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ. <i>Статья пер- вая</i> А. Скабичевскаго	1
XIII. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (XCV—XCVI). Клода Франка.	40
XIV. — МОСКОВСКІЯ ГОРОДСКІЯ ВЫБОРЫ. (Письмо изъ Москвы). Z.	73
XV. — ПО ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВОЛОСТ- НЫХЪ СУДОВЪ. Г. Ф.	85
XVI. — ВТОРАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАР- ТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. П. К.	93
XVII. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Н. Д.	104
XVIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. На новый годъ.—Изъ исторіи отношеній нашей	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВВСКАГО (Литейная, № 38).

1873.

НОВЫЯ КНИГИ:

ГОСНОДА ТАШКЕНТЦЫ.

Сочиненіе М. Солъжова (Щедрина). Цѣна 2 руб. съ перес. за 2 фунта.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Соч. его же. Цѣна 2 руб. съ перес. за 2 фунта.

Продаются во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.
Складъ изданій у книгопродавца Печаткина,
внутри гостинаго двора, по суконной линіи.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЯ РЪЧИ.

II¹.

Я возвращался съ вечера, на которомъ былъ свидѣтелемъ споровъ о такъ-называемомъ женскомъ вопросѣ. Говоря по совѣсти, это были, впрочемъ, не споры, а скорѣе обрывки всевозможныхъ предположеній, пожеланій и устремленій, откуда-то внезапно появившихся, и куда-то столь же внезапно исчезающихъ. Говорили всѣ вдругъ, говорили громко, стараясь перекрычать другъ друга. Въ сознаніи не сохранилось ни одного ясно формулированнаго вывода, но, взаимѣнъ того, передъ глазами такъ и мелькали живые образы спорящихъ. Вотъ кто-то вскакиваетъ, кричитъ-крикомъ, захлебывается, жестикулируетъ, а рядомъ, какъ бы соревнуя, вскакиваютъ двое другихъ, и тоже начинаютъ захлебываться и жестикулировать. Вотъ четыре спорящихъ фигуры заняли середину комнаты и одновременно пропекаютъ другъ друга на перекрестномъ огнѣ восклицаній, а въ углу безнадежно выкрикиваетъ нѣкто пятый, котораго осаждаютъ еще трое ораторовъ, и буквально не даютъ сказать слова. Всѣ глаза горятъ, всѣ руки въ движеніи, всѣ голоса надорваны и тянутъ какую-то недостижимо высокую ноту; во всѣхъ горлахъ пересохло. Среди моря гула, слухъ поражаютъ фразы, скорѣе имѣющія видъ междометій, нежели фразъ.

— Хоть бы позволили въ медико-хирургическую академію поступать! восклицаютъ одни.

— Хоть бы позволили университетскіе курсы слушать! отзываются другіе.

— Не доказали-ли телеграфистки? убѣждаютъ третьи.

— Наконецъ, кассирши на желѣзныхъ дорогахъ, наборщицы въ типографіяхъ, сидѣльницы въ магазинахъ — все это не доказываетъ-ли? допрашиваютъ четвертые.

¹ См. «Отеч. Зап.» 1872 г. № 10-й.

И въ заключеніе, склоненіе: Суслова, Сусловой, Суслову, о Суслова! и т. д.

Наконецъ, когда всё пожеланія были высказаны, когда исчерпались всё междометія, пренія упали сами собою, и всё стали расходиться. Въ числѣ прочихъ, вышелъ и я, сопутствующій другомъ моимъ, Александромъ Петровичемъ Тебенъковымъ.

Я либераль, а между „своими“ слышу даже „краснымъ“. „Наши дамы“, разумѣется, въ шутку, но тѣмъ не менѣе такъ мило называютъ меня Гамбеттой, что я никакъ не могу сердиться на это. Скажу по секрету, названіе это мнѣ даже льститъ. Чтожь, думаю, Гамбетта такъ Гамбетта — не повѣсятъ же въ самомъ дѣлѣ за то, что я Гамбетта, переложенный на русскіе нравы! Не знаю, по какому поводу пришло ко мнѣ это прозвище, но предполагаю, что я обязанъ ему не столько революціонернымъ моимъ наклонностямъ, сколько тому, что съ измалѣтства сочувствую „благимъ начинаніямъ“. Въ сороковыхъ годахъ, я съ увлеченіемъ аплодировалъ Грановскому и зачитывался статьями Бѣлинскаго. Въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, я помню одну ночь, которую я всю напролетъ прошагалъ по Невскому, и чувствовалъ, какъ все мое существо словно уноситъ куда-то высоко, на встрѣчу какой-то зарѣ, которую совершенно явственно видѣлъ мой умственный взоръ. Въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, я просто на просто ощущалъ, что подо мною горитъ земля. Я не жилъ въ то время, а рѣялъ и трепеталъ при звукахъ „гласность“, „устность“, „свобода слова“, „вольный трудъ“, „независимость суда“ и т. д., которыми былъ полонъ тогдашній воздухъ. Въ довершеніе всего, я былъ мировымъ посредникомъ. Даже и нынѣ, когда все уже совершилось и желать больше нѣчего, я все-таки не прочь посочувствовать тѣмъ людямъ, которые продолжаютъ нѣчто желать. По старой привычкѣ, мнѣ все еще кажется, что во всякихъ желаніяхъ найдется хоть крупица чего-то подлежащаго удовлетворенію (особливо если тщательно разсортировывать желанія настоящія, разумныя, отъ излишнихъ и неразумныхъ, какъ это дѣлаю я), и что если я люблю на досугъ послушать, какія бываютъ на свѣтѣ вольныя мысли, то вѣдь это ни въ какомъ случаѣ никому и ничему повредить не можетъ. Вѣдь я не выхожу съ оружіемъ въ рукахъ! Вѣдь я люблю вольныя мысли лишь по ст.л.ку, по ст.л.ку они представляютъ *matière à discussion*! Будемте спорить, господа! *raisonons, messieurs, raisonons!* Но чтобы, съ Божьею помощію, выйти съ вольными мыслями куда-нибудь на площадь... Нѣтъ, это ужъ позвольте, господа! Это запрещено-съ!

А такъ-какъ „наши дамы“ знаютъ мои мирныя наклонности,

и такъ-какъ онѣ очень добры, то прозвище „Гамбетта“ звучитъ въ ихъ устахъ скорѣе ласково, чѣмъ сердито. Къ тому же, быть можетъ, и домашніе Руэри нѣсколько понадобѣли имъ, такъ что въ Гамбеттѣ онѣ подозрѣваютъ что нибудь болѣе нѣкакое. Какъ бы то ни было, но наши дамы всегда спѣшатъ взять меня подъ свое покровительство, какъ только услышатъ, что на меня начинаютъ нападать, и когда, однажды, князь Лель Кириллычъ, выслушавъ одну изъ моихъ діатрибъ, воскликнулъ:

— Вы, мой любезнѣйшій другъ,—человѣкъ очень добрый, но никогда никакой каррьеръ не достигнете! Потому что вы есть „красный“!

То княгиня Наталья Борисовна очень мило заступилась за меня, сказавъ:

— Ce pauvre Gambetta! Il est dit qu'il restera toujours méconnu et calomnié! Et il ne deviendra ni sénateur, ni membre du Conseil de l'Empire!

Однимъ словомъ, я представляю собой то, что въ нашемъ кружкѣ называютъ „un liberal très prononcé“, или, говоря другими словами, я человѣкъ, котораго никто никогда не слушаетъ, и которому, еслибъ онъ сунулся къ кому-нибудь съ совѣтомъ, безцеремонно отвѣтили бы: mon cher! vous divaguez! И я сознаю это; я понимаю, что я не способенъ, и что въ мнѣнїи моемъ дѣйствительно никому существенной надобности не предстоитъ. Такъ что однажды, когда два дурака изъ породы умѣренныхъ либераловъ (то-есть два такихъ дурака, о которыхъ даже пословица говоритъ: „два дурака съѣдутся—инно лошади одурѣютъ“) при мнѣ вели между собой одушевленный обмѣнъ мыслей о томъ, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ принять за благопрїятный признакъ для судебной реформы, что тайный совѣтникъ Проказниковъ не получилъ къ празднику никакой награды, и когда одинъ изъ нихъ, видя, что и я горю нетерпѣніемъ посодѣйствовать разрѣшенію этого вопроса, сказалъ мнѣ: mon cher! ты можешь только запутать, помѣшать, но не разрѣшить,—то я не только не обидѣлся этимъ, но отвѣтилъ: да, я могу только запутать, а не разрѣшить, и скромно удалился, оставивъ дураковъ переливать изъ пустого въ порожнее на всей ихъ волѣ...

Но какъ ни велико мое сочувствіе благимъ начинаніямъ, я не могу¹ выносить шума, я страдаю, когда въ ушахъ моихъ раздается крикъ. Я росъ и воспитывался въ такой средѣ, гдѣ такъ-называемыя „рѣзкости“ считаются первымъ признакомъ неблаговоспитанности. Поэтому, когда передо мной начинаютъ „шумѣть“, мнѣ дѣлается не по себѣ, и я способенъ! даже потерять изъ вида предметъ, по поводу котораго производится „шумъ“..

*

Случалось, что я отворачивался от многих „благих начинаний“, къ которымъ я несомнѣнно отнесся бы благосклонно, еслибы не примѣшались тутъ „шумъ“ и „рѣзкости“. „Помилюте!“ говорю я, „развѣ можно имѣть дѣло съ людьми, у которыхъ губы дрожатъ, глаза выпучены и руки вертятся какъ крылья у мельницы? Съ людьми, которые не демонстрируютъ, а кричатъ! Сядемте, господа! будемте разговаривать спокойно! сперва пусть одинъ скажетъ, потомъ другой пусть выскажется, послѣ него третій и т. д. Тогда я, конечно, готовъ и выслушать, и взвѣснить, и сообразить, а ежели окажется возможнымъ и своевременнымъ... отчего же и не посочувствовать! Но вы хотите кричать на меня! вы хотите палить въ меня какъ изъ пушки—ну, нѣтъ-съ, на это я не согласенъ!“

А такъ-какъ только-что проведенный вечеръ былъ отъ начала до конца явнымъ опроверженіемъ той теоріи поочередныхъ высказовъ, которую я, какъ либераль, считаю необходимымъ условіемъ истиннаго прогресса, то, очевидно, что впечатлѣніе, произведенное на меня всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ не могло быть особенно благоприятнымъ.

Но еще болѣе неблагоприятно подѣйствовалъ вечеръ на друга моего Тебенъкова. Онъ, который обыкновенно бывалъ словоохотливъ до болтливости,—въ настоящую минуту оцъ угрюмо залахивался въ шубу, и лишь изрѣдка, изъ-подъ воротника, разрѣшался афоризмами, въ родѣ: „quel taudis! Tudieu, quel exécration taudis!“ или: „ah, pour l'amour du ciel! où me suis-je donc fourré!“ и т. д.

Тебенъковъ—тоже либераль, хотя, разумѣется, не такой красивый, какъ я. Я—Гамбетта, то-есть человекъ отпѣтый и не признающій ничего святого (не понимаю, какъ только земля меня носитъ!). „Наши“ давно махнули на меня рукой, да и я самъ, признаться, начинаю подозрѣвать, что двери сената и государственнаго совѣта заперты для меня навсегда. Я могъ бы еще поправить свою репутацію (да и то едвали!), написавъ, напримеръ, вторую „Парашу Сибирячку“, или что-нибудь въ родѣ „Съ бѣлыми Борей власами“, но, вопервыхъ, все это ужъ написано, а вовторыхъ, къ моему несчастію, въ послѣднее время меня до того одолѣла офенбаховская музыка, что какъ только я размахнусь, чтобъ изобразить монологъ „Неизвѣстнаго“ (монологъ этотъ начинается такъ: „И я могъ усумниться! О, судебная реформа! о, земскія учрежденія! И я могъ недоумѣвать!“) или, что одно и то же, какъ только приступлю къ написанію передовой статьи для „Старѣйшей Россійской Пѣнокснимательницы“ (статья эта начинается такъ: „Есть люди, которые не прочь усумниться

даже передъ такими бесспорными фактами, какъ напริมѣръ, судебная реформа и наши все еще молодыя, все еще неокрѣпшія земскія учрежденія“ и т. д.) такъ сейчасъ, словно буря, въ мою голову вторгаются совсѣмъ неподходящіе стихи:

Se suis gai!
Soyez gai!
Il le faut!
Je le veux!

И далѣе я уже продолжать не могу, а прямо бѣгу къ фортепьяно и извлекаю изъ клавишъ цѣлое море веселыхъ звуковъ, которое сразу и безслѣдно поглощаетъ всѣ горькія напоминанія о необходимости монологовъ и передовыхъ статей...

Совсѣмъ другое дѣло—Тебенъковъ. Вонервыхъ, онъ, какъ говорится, toujours à cheval sur les principes, вонторныхъ, о „святомъ“ выражается такъ: „convenez, cependant, mon cher, qu'il y a quelque chose, que notre pauvre raison refuse d'approfondir“, и въ третьихъ, пишетъ и монологи и передовыя статьи столь неослабно, что никакой Оффенбахъ не въ силахъ заставить его положить оружіе, покуда существуетъ хоть одинъ не сраженный врагъ. Поэтому, хотя онъ въ настоящую минуту и не у дѣлъ, но считаетъ карьеру свою далеко неконченною, и когда проѣзжаетъ мимо сената, то всегда хоть однимъ глазкомъ да посмотритъ на него. Въ сущности, онъ даже не либераль, а фрндеръ, или, выражался иначе, почтительно, но съ независимымъ видомъ, лающій русскій человѣкъ. Происхождение его либерализма самое обыкновенное. Кто-то, когда-то сдѣлалъ что-то не совсѣмъ такъ, какъ онъ имѣлъ честь почтительнѣйше полагать. По настоящему, ему тогда же слѣдовало, не конфузаясь, объяснить недоразумѣніе и возразить: да я именно, ваше превосходительство, такъ и имѣлъ честь почтительнѣйше полагать!—но, къ несчастію, обстоятельства какъ-то такъ сложились, что онъ не успѣлъ ни назадъ отступить, ни броситься въ сторону, да такъ и остался съ почтительнѣйшимъ докладомъ на устахъ.

Съ тѣхъ поръ, онъ держитъ себя особнякомъ, и не безъ дерзости доказываетъ, что еслибъ вотъ тутъ на вершокъ убавить, а тамъ на вершокъ прибавить (именно какъ онъ въ то время имѣлъ наглость почтительнѣйше полагать), то все было бы хорошо, и ничего бы этого не было. Но въ то же время, онъ малый воркій, и очень хорошо понимаетъ, что будущее еще не ускользнуло отъ него.

— Я теперь въ законѣ, mon cher, откровенничаетъ онъ иногда со мной: — я въ законѣ, потому что вѣтеръ дуетъ не съ той стороны. Теперь—честь и мѣсто князю Ивану Семеновичу:

c'est lui qui fait la pluie et le beau temps. Tant qu'il reste là, je m'éclipse—et tout est dit. Но это не может продолжаться. Cette bagarre gouvernementale ne saurait durer. Придетъ минута, когда вопросъ о князѣ Львѣ Кирилчѣ, самъ собой, такъ сказать, силою вещей, выдвинется впередъ. И тогда...

Дойдя до этого „тогда“, онъ скромно умолкаетъ, но я очень хорошо понимаю, что „тогда“—то именно и должно наступить царство того серьезнаго либерализма, который понемножку да помаленьку, съ Божьею помощью, выдастъ сто однихъ томъ „Трудовъ“ съ таковымъ притомъ заключеніемъ, чтобы всѣмъ участвовавшимъ въ „Трудахъ“, въ вознагражденіе за рвеніе и примѣрную твердость спиннаго хребта, дать въ вѣчное и потомственное владѣніе хотя по одной половинѣ уѣзда въ плодороднѣйшей полосѣ Россійской Имперіи, и затѣмъ уже, всякій либерализмъ навсегда прекратить.

За всѣмъ тѣмъ, онъ человѣкъ добрый, или лучше сказать, мягкій, и тѣ вершки, которые онъ предлагаетъ здѣсь убавить, а тамъ прибавить, всегда свидѣтельствуютъ скорѣе о благосклонномъ отношеніи къ жизни, нежели объ ожесточеніи. Выраженія: согнуть въ бараній рогъ, стереть съ лица земли, вырвать вонъ съ корнемъ, зашвырнуть туда, куда Макаръ теляты не гонялъ—никогда не принимались имъ серьезно. По нуждѣ, онъ, конечно, терпѣлъ ихъ, но никакъ не могъ допустить, чтобы они могли служить выраженіемъ какой бы то ни было административной системы. Онъ былъ убѣжденъ, что даже въ простомъ разговорѣ не лишнее ихъ избѣгать, чтобы какъ-нибудь по ошибкѣ, вслѣдствіе несчастнаго lapsus linguae, въ самомъ дѣлѣ, кого-нибудь не согнуть въ бараній рогъ. Первая размолвка его съ княземъ Иваномъ Семеничемъ (сначала, они нѣкоторое время служили вмѣстѣ) произошла именно по поводу этого выраженія. Князь утверждалъ, что „этихъ людей, пош шер, непременно надобно гнуть въ бараній рогъ“, Тебенъковъ же имѣлъ смѣлость почти тельнѣйше полагать, что самое выраженіе „гнуть въ бараній рогъ“, est une expression de nationalgarde, à peu près vide de sens.

— Смѣю думать, ваше сіятельство, доложилъ онъ: — что и заблуждающийся человѣкъ можетъ отъ времени до времени что-нибудь полезное сдѣлать, потому что заблужденія не такая же спеціальность, чтобы человѣкъ только и дѣлалъ всю жизнь, что заблуждался. Франклинъ, на примѣръ, имѣлъ очень многія и очень вредныя заблужденія, но по-прочему по всему и онъ былъ человѣкъ не бесполезный. Стало бытъ, еслибъ его въ то время взять и согнуть въ бараній рогъ, то хотя бы онъ и пре-

кратилъ по этому случаю свои заблужденія, но съ другой стороны и полезнаго ничего бы не совершилъ!

Выслушавъ это, князь обрубилъ разомъ. Онъ всталъ и поклонился съ такимъ видомъ, что Тебенъкову тоже ничего другого не оставалось, какъ въ свою очередь встать, почтительно расшаркаться, и выйти изъ кабинета. Но оба вынесли изъ этого случая надлежащее для себя поученіе. Князь написалъ на бумажкѣ: „Франклинъ—имѣть въ виду какъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ и возмутителей“; Тебенъковъ же, воротясь домой, тоже записалъ: „Франклинъ—имѣть въ виду, дабы на будущее время избѣгать разговоровъ объ немъ“.

Такимъ образомъ, Тебенъковъ очутился за предѣлами жизненнаго пира и началъ фрондировать. Съ этихъ поръ, репутація его, какъ либерала, до толѣ мало замѣтная, утвердилась на неизблемомъ основаніи. Идетъ ли рѣчь о женскомъ образованіи—Тебенъковъ тутъ какъ тутъ; напишеть ли кто статью о преимуществахъ реального образованія передъ классическимъ—прежде всего слѣшитъ прочесть ее Тебенъкову; задумается ли кто-нибудь о средствахъ къ устраненію чумы рогатаго скота—идеть, и передъ Тебенъковымъ изливаетъ душу свою. Народныя чтенія, читальни, изданіе дешевыхъ книгъ, распространеніе въ народѣ здравыхъ понятій о томъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма—вездѣ съумѣлъ прикритися Тебенъковъ, и во всемъ даетъ чувствовать о своемъ присутствіи. Здѣсь скажетъ нѣсколько почувствованныхъ словъ, тамъ—подаритъ десятирублевую бумажку. И вмѣстѣ съ тѣмъ добръ, ну такъ добръ, что я самъ однажды видѣлъ, какъ одна нигилисточка трепала его за бакенбарды, и онъ ни однимъ движеніемъ не далъ почувствовать, что это его беспокоитъ. Словомъ сказать, человекъ хоть куда, и я даже очень многихъ знаю, которые обращаютъ къ нему свои взоры съ гораздо болѣею надеждою, нежели ко мнѣ...

Но, подобно мнѣ, Тебенъковъ не выноситъ „шума“ и „рѣзкостей“.

— Зачѣмъ они такъ кричатъ! à quoi mènent toutes ces crudités! жалуются онъ иногда:—зачѣмъ онѣ привскакиваютъ, когда говорить! Премиленькія—а вотъ этого не понимаютъ, что надобно, чтобъ сперва одинъ высказался, потомъ другой бы представилъ свои соображенія, потомъ третій бы присовокупилъ... право! И какіе у нихъ голоса—точь въ точь какъ у актрисъ въ александринкѣ! Тоненькіе—вотъ какъ булавка! Послушай, напримѣръ, какъ Паскà говорить—вотъ это голось! А наши—ну, ни дать ни взять шавечки: амъ-амъ-амъ!—хоть ты что хочешь, ничего не разберешь!

И такъ, мы возвращались домой. Понуда я вдыхалъ всѣми легкими свѣжій воздухъ начинающейся зимы, мнѣ припоминались тѣ „вабы позволили“, да „когда же, наконецъ, позволить“, которые, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, преслѣдовали мой слухъ.

Мнѣ казалось, что я цѣлый вечеръ видѣлъ передъ собой человѣка, который зашелъ въ безвѣчный, темный и извилистый корридоръ, и ждетъ чуда, которое вывело бы его оттуда. Съ одной стороны, его терзаетъ мысль: а что, если мнѣ всю жизнь суждено бродить по этому корридору? Съ другой — стремленіе увидѣть свѣтъ само по себѣ такъ живо, что оно, даже въ виду полнѣйшей безнадежности, нѣтъ-нѣтъ да и подскажетъ: а вотъ, погоди, упадутъ стѣны по обѣ стороны корридора, или снесетъ магіемъ волшебства потолокъ, и тогда...

Я знаю, что въ корридоры нието собственной охотой не заходить; я знаю, что есть корридоры обязательные, которые самой судьбою устроиваются въ виду извѣстныхъ вопросовъ; но положеніе человѣка, поставленнаго въ необходимость блуждать и колебаться между страхомъ гибели и надеждой на чудесное паденіе стѣнъ, отъ этого отнюдь не дѣлается болѣе яснымъ. Это, все-таки, положеніе человѣка, котораго умъ поглощаетъ не дѣйствительнымъ предметомъ извѣстныхъ и ясно соціальныхъ стремленій, и тѣми несносными околичностями, которыя, Богъ вѣсть, откуда легли на пути и ни наволося не приближаютъ къ цѣли.

Такого рода именно положеніе совершенно отчетливо рисовалось мнѣ посредникъ этихъ безпрестанно повторявшихся двухъ фразъ, изъ которыхъ одна гласила: „неужели-жь, наконецъ, не позволить?“ а другая: „а что, если не позволить“?

„Что, ежели позволить?“ думалось въ свою очередь и мнѣ. „Вѣдь начальство — оно снисходительно; оно, чего добрато, все позволить, лишь бы ничего изъ этого не вышло. Что тогда будетъ? Будутъ ли они усердны въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей? — Конечно, будутъ, ибо не доказываютъ ли телеграфистки? Окажутъ ли себя способными охранять казенный интересъ? — Конечно, окажутъ, ибо не доказываютъ ли вассирши на желѣзныхъ дорогахъ!“

Въ моихъ глазахъ, это было такъ ясно, что, еслибъ зависѣло отъ меня, я, конечно, ни одной минуты не колебался бы: я бы позволилъ...

Скажите, какой вредъ можетъ произойти отъ того, что въ Петербургѣ, а, быть можетъ, и въ Москвѣ явится довольно компактная масса женщинъ, скромныхъ, почтительныхъ, усердныхъ

и блюдущихъ казенный интересъ, женщинъ; которыя, встрѣчаясь другъ съ другомъ, вмѣсто того, чтобъ восклицать: „*bonjour, chère madame!* Какое вчера на *princesse N.* платье было!“ будутъ говорить: „а что, *mesdames*, не составить ли намъ компанію для защиты мясниковского дѣла“?

Какая опасность можетъ предстоять для общества отъ того, что женщины желаютъ учиться, стремятся посѣщать медико-хирургическую академію, слушать университетскіе курсы! Допустимъ даже самый невыгодный исходъ этого дѣла: что онѣ *ничему* не научатся и потратятъ время *задаромъ*—все-таки, спрашивается: кому отъ этого вредъ? Кто пострадаетъ отъ того, что онѣ *задаромъ* проведутъ свое и безъ того даровое время?

Какъ ни повертывайте эти вопросы, съ какими иезуитскими приемами ни подходите къ нимъ, а отвѣтъ все-таки будетъ одинъ: нѣтъ, ни опасности, ни вреда не придвинется никакихъ... За что же это жестокое осужденіе на безсрочное блужданіе въ корридорѣ, которое, представляя собой фактъ безпричинной нетерпимости, служить, кромѣ того, источникомъ „шума“ и „рѣзкостей“?

Я знаю, многіе полагаютъ, будто женская работа не можетъ быть такъ чиста, какъ мужская. Но, во первыхъ, мы этого еще не знаемъ. Мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить, *какимъ* образомъ женщина обработала бы, на примѣръ, мясниковское дѣло, и не чище ли была бы ея работа противъ той мужской, которую мы знаемъ. Въ вторыхъ, мы забываемъ, что опредѣленіе степени чистоты работы вполнѣ зависитъ отъ давальцевъ: не станеть женщина чисто работать—растеряеть давальцевъ. Втретьихъ, наконецъ, не напрасно же сложилась на міру пословица: не боги горшки обжигаютъ—а чѣмъ же, кромѣ „обжиганія горшковъ“ занимается современный русскій человѣкъ, къ какому бы онъ полу или возрасту ни принадлежалъ?

Я знаю другихъ, которые не столько опасаются за чистоту работы, сколько за возможность увлеченій. Но эти опасенія ужъ просто не выдерживаютъ никакой критики. Что женщина охотно увлекается—это правда, но не менѣе правда и то, что она всегда увлекается въ извѣстныхъ границахъ. Начертивъ себѣ эти границы, она все пространство въ нихъ заключающееся, наполнить благодарнымъ энтузіазмомъ, но только *это* пространство—ни больше, ни меньше. Она извлечетъ весь сокъ изъ даннаго „позволенія“, но извлечетъ его лишь въ предѣлахъ самаго *позволенія*—и отнюдь не дальше. Если мужчина способенъ упереться лбомъ въ уставы судопроизводства, то женщина уперется въ нихъ тѣмъ съ большимъ упоеніемъ, что для нея это дѣло вновь. Она

и дома и на улицѣ будетъ декламировать: „Кто похитить или съ злымъ умысломъ повредить или истребить“, и ежели вы прервете ее вопросомъ: какъ здоровье мамаша? — то она наскоро отвѣтитъ (словно отъ мухи отмахнется): „благодарю васъ“, и затѣмъ опять задекламируетъ: „если вслѣдствіе составленія кѣмъ-либо подложнаго указа, постановленія, опредѣленія, предписанія или иной бумаги и т. д.“.

Нѣтъ, какъ хотите, а я бы позволилъ. Ужь одно то, что онѣ будутъ у дѣла и слѣдовательно не останется повода ни для „шума“, ни для „рѣзкостей“ — одно это ужь представило бы для меня несомнѣнное основаніе, чтобы не медлить разрѣшеніемъ. Но, кромѣ того, я увѣренъ, что тутъ-то именно, т.-е. въ средѣ женщинъ, которымъ *позволено*, я и нашелъ бы для себя настоящую опору, настоящихъ столбовъ. Не спорю, есть много столбовъ и между мужчинами, но, ради Бога, развѣ мужчина можетъ быть настоящимъ, то-есть, пламеннымъ, исполненнымъ энтузіазма, столбомъ? Нѣтъ, онъ и на это занятіе смотритъ равнодушно, ибо знаетъ, что оно ему разрѣшено искони и что никто его права быть столбомъ не оспариваетъ. То ли дѣло столбъ, который еще самъ хорошенько не знаетъ, столбъ онъ или нѣтъ, и потому пламенѣетъ, славословитъ и изъявляетъ желаніе сложить свою жизнь! И за что готовъ сложить жизнь? за то только, что ему „позволено“ быть столбомъ наравнѣ съ мужчинами!

Ну просто, позволилъ бы — и дѣлу конецъ!

Разумѣется, еслибы меня спросили, достигнется ли черезъ это „дозволеніе“ разрѣшеніе такъ-называемаго „женскаго вопроса“, я отвѣтилъ бы: не знаю, ибо это не мое дѣло.

Еслибы меня спросили, подвинется ли хоть на волосъ вопросъ мужской, тотъ извѣчный вопросъ объ общеловѣческихъ идеалахъ, который держитъ въ тревогѣ челоѣчество — я отвѣтилъ бы: опять-таки это не мое дѣло.

Но потому-то именно я, кажется, даже еще охотнѣе позволилъ бы. Какъ либераль, какъ русскій Гамбетта, я люблю, чтобы вопросы стояли особняками, каждый въ своихъ собственныхъ границахъ, и смотрю съ нетерпѣніемъ, когда они слишкомъ цѣпляются другъ за друга. Я представляю себѣ, что я начальникъ (опять-таки, какъ русскій Гамбетта, я не могу представить себѣ, чтобы у какого бы то ни было вопроса не имѣлось подлежащаго начальника), и что нѣсколько десятковъ женщинъ являются утруждать меня по части улучшенія женскаго быта. Прежде всего, какъ *galant homme*, я принимаю ихъ съ утонченною вѣжливостью (я настолько воспитанъ, что во всякой женщинѣ вижу женщину, а не кобылицу изъ татарсала).

— Mesdames! charmé de vous voir! чѣмъ могу быть полезенъ? спрашиваю я.

— Намъ хотѣлось бы посѣщать университетскіе курсы, ваше превосходительство.

— Прекрасно-съ. Сядемте и будемте обсуждать предметъ вашихъ желаній со всѣхъ сторонъ. Но прежде всего прошу васъ: будемте обсуждать именно тотъ вопросъ, по поводу котораго вы удостоили меня посѣщеніемъ. Остережемся отъ набѣговъ въ область другихъ вопросовъ, ибо наше время не время широкихъ задачъ. Будемъ скромны, mesdames! Не станемъ расплываться! И такъ, вы говорите, что вамъ угодно посѣщать университетскіе курсы?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Извольте-съ. Я готовъ дать соотвѣтствующее по сему предмету предписаніе. (Я звоню; на мой призывъ прибѣгаетъ мой главный подчиненный). Ваше превосходительство! потрудитесь сдѣлать надлежащее распоряженіе о допущеніи русскихъ дамъ въ слушанію университетскихъ курсовъ! И такъ, сударыни, по надлежащемъ и всестороннемъ обсужденіи, ваше желаніе удовлетворено; но я надѣюсь, что вы воспользуетесь даннымъ вамъ разрѣшеніемъ не для того, чтобы сѣять семена революцій, а для того, чтобы оправдать доброе мнѣніе объ васъ начальства.

— Рады стараться, ваше превосходительство!

— Вы рады, а я въ восторгѣ-съ. Я всегда и вездѣ говорилъ, что вы скромны. Вы по природѣ переводчицы—я это знаю. Поэтому, я всѣхъ, всегда и вездѣ убѣждалъ: господа! дадимте имъ книжку—пусть смотрять въ нее! Не правда-ли, mesdames?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

И еслибъ въ это время отдѣлился какой-нибудь робкій голосъ, чтобъ замѣтить:

— Но женскій вопросъ, ваше превосходительство...

Я сейчасъ же остановилъ бы возражательницу, сказавъ ей:

— Позвольте-съ. Мы условились не выходить изъ предѣловъ вопроса, подлежащаго нашему обсужденію, а вопросъ этотъ таковъ: предоставить женщинамъ посѣщать университетскіе курсы. Вы скажете, можетъ быть, что кромѣ этого, есть еще много другихъ, не менѣ важныхъ вопросовъ—я знаю это, милостивыя государины! Я знаю, что вопросовъ существуетъ больше чѣмъ нужно! Но знаю также, что всякому вопросу свой чередъ—да-съ! Впослѣдствіи, идя постепенно, потихоньку да помаленьку, исподволь да не торопясь, мы, съ Божьею помощію, всѣ ихъ по очереди переберемъ, а быть можетъ, по каждому издадимъ сто одинъ томъ „Трудовъ“, но теперь мы должны проникнуться убѣж-

деніемъ, что намъ слѣдуетъ глядѣть въ одну точку, а не во множество-сь. Вы желаете посѣщать университетскіе курсы—я удовлетворилъ вашему желанію! затѣмъ, я больше не имѣю причинъ васъ задерживать, mesdames! Прощайте, и Богъ да просвѣтитъ сердца ваши!

И только. Въ результатѣ оказалось бы, что я позволилъ бы женщинамъ учиться, что допустилъ бы ихъ въ званіе стенографистокъ, и что въ то же время, съ Божьею помощію, на долгое время эскамотировалъ „женскій вопросъ!“

Такъ было бы, еслибъ я „позволилъ“...

„Но еслибъ я не позволилъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ. „Что было бы тогда“!

Да очень ясно, что было бы! Было бы то, что есть и теперь, а именно, что, въ качествѣ либерала и русскаго Гамбетты, я былъ бы обязанъ ходить по „умнымъ вечерамъ“, и выслушивать безнадежныя: „ахъ, кабы позволили!“ да „не доказали ли телеграфистки?“ и т. д.

Конечно, и „позволь“ я, и „не позволь“—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ общественное спокойствіе не было бы нарушено, но развѣ это достаточный резонъ, чтобы непремѣнно не дозволить? Уже ли же перспектива пріобрѣсти либеральную репутацію имѣетъ въ себѣ такъ мало заманчиваго, чтобы предпочитать ей перспективы, обѣщаемыя хладнымъ и бесплоднымъ восклицаніемъ „ццц?“

Но въ эту минуту. размышленія мои были прерваны восклицаніемъ Тебенъкова.

— Какіе, однако, это неблагонамѣренные люди!

Признаюсь, со стороны Тебенъкова высказъ этотъ былъ такъ неожиданъ, что я нѣкоторое время стоялъ молча, словно ошбенный.

— Тебенъковъ! ты! либераль! и ты это говоришь! наконецъ произнесъ я.

— Да, я. Я либераль, mais entendons nous, mon cher. Въ обществѣ я, конечно, не высказалъ бы этого мнѣнія, но не высказалъ бы его именно только потому, что я представитель русскаго либерализма. Какъ либераль, я ни въ какомъ случаѣ не могу допустить аркебузирования ни въ видѣ частной мѣры, ни въ видѣ общаго мѣропріятія. Но внутренно, я все-таки долженъ сказать себѣ: да, это люди неблагонамѣренные!

— Но что же тебя такъ поразило во всемъ, что мы слышали?

— Все! и эта дерзкая назойливость (ces messieurs et ces dames ne demandent pas, ils commentent!), и это полупрезрительное от-

ношеніе къ авторитету благоразумія и опытности, и наконецъ это поруганіе всего, что есть для женщины драгоцѣннаго и святаго! Все!

— Надъ чѣмъ же поруганіе, однакожь?

— Надъ женскимъ стыдомъ, сударь! Если ты не хочешь понимать этого, то я могу тебѣ объяснить: надъ женскою стыдливостью! надъ цѣломудріемъ женскаго чувства! надъ этимъ милымъ невѣденіемъ, *ce je ne sais quoi, cette saveur de l'innocence*, которые душистымъ ореоломъ окружаютъ женщину! Вотъ надъ чѣмъ поруганіе!

Я зналъ, что для Тебенькова всего дороже въ женщинѣ—ея невѣденіе, и что онъ стоитъ на этой почвѣ тѣмъ болѣе твердо, что она составила ему репутацію въ глазахъ „нашихъ дамъ“. Поэтому, я даже не пытался возражать ему на этомъ пунктѣ.

— Страшно! продолжалъ онъ между тѣмъ:—не за *нихъ* страшно (*les pauvres! elles ont l'air si content en débitant leurs mesquineries, qu'il serait inutile de les plaindre!*), но за *женщину!*

— Позволь, душа моя! Если ты всего больше цѣнишь въ женщинѣ ея невѣжество...

— Не невѣжество-сь, *mais cette pieuse ignorance, ce délicieux parfum d'innocence qui fait de la femme le chef d'oeuvre de la création!* Вотъ что-сь!

— Ну, хорошо, ну не будемъ спорить. Но все-таки гдѣ же ты видишь неблагонамѣренность?

— Вездѣ-сь. По вашему, подкапываться подъ драгоцѣннѣйшее достояніе женщины — это благонамѣренность? По вашему, топтать въ грязь авторитеты, подкапываться подъ священнѣйшія основы общества—это благонамѣренность? *Ces gens... эти люди... ces gens, qui traînent la femme dans la fange...* по вашему, они благонамѣренны? Поздравляю-сь.

— Да, но вѣдь это еще вопросъ: чтò собственно составляетъ „драгоцѣннѣйшее достояніе“ женщины?

— Нѣтъ-сь, это не вопросъ. На этотъ счетъ сомнѣнія непозволительны-сь!

Сказавъ это, Тебеньковъ взглянулъ на меня такъ строго, что я счелъ не лишнимъ умолкнуть. Увы! наше время такъ строго насчетъ „принципій“, что даже узы самой испытанной дружбы не гарантируютъ человѣка отъ вторженія въ его жизнь выражений въ родѣ „неблагонадежнаго элемента“, „сторонники выдохшагося радикализма“ и проч. Тебеньковъ уже измѣнилъ „ты“ на „вы“—кто же могъ поручиться, что онъ вдругъ, въ виду гороховаго (не съ намѣреніемъ, конечно, а такъ, невзначай), не начнетъ обличать меня въ безвѣріи и попраіи авторитетовъ?

Долгое время мы шли молча, и я ничего другого не слышалъ, кромѣ того, какъ изъ взволнованной груди моего друга вылетало негодующее фырканье.

— Нѣтъ, ты замѣть! наконецъ произносить онъ, опять измѣняя „вы“ на „ты“:—замѣть, какъ она это сказала: „а вы, говорить, милый старецъ, и до сихъ поръ думаете, что Ева изъ Адамова ребра выскочила?“ И изъ-за чего она меня огорошила! Изъ-за того только, что я осмѣлился выразиться, что съ одной стороны исторія, а съ другой стороны священное писаніе... Ah, sapristi! Les gueuses!

— Но вѣдь это, наконецъ, твои личные счеты, мой другъ...

— А эта... маленькая... продолжалъ онъ, не слушая меня:— эта... въ букляхъ! Замѣтилъ ты, какъ она подсказывала! „Подчиненность женщины... я говорю, подчиненность женщины... если, съ другой стороны, мужчины... если, какъ говорить Милль, вѣковой деспотизмъ мужчинъ...“ Au nom de Dieu!

— Но скажи, гдѣ же все-таки тутъ неблагонамѣренность?

— Это дерзость-съ, а дерзость есть уже неблагонамѣренность. „Женщина порабощена!“ Женщина! этотъ живой еиміамъ! эта живая молитва человѣка къ Богу! Она „порабощена!“ Кто имъ это сказалъ? Кто позволилъ имъ это говорить!

— Стало быть, ты просто-на-просто не признаешь женскаго вопроса?

— Нѣтъ-съ... то-есть, да-съ, признаю-съ. Но признаю совсѣмъ въ другомъ смыслѣ-съ. Я говорю: женщина—это святыня, которой не долженъ касаться ни одинъ нечистый помыселъ! Вотъ мой женскій вопросъ-съ! И мужчина, и женщина—это, такъ-сказать, двоица; это, какъ говоритъ поэтъ, „Ладъ и Лада“, которыми суждено взаимно другъ друга восполнять. Они гуляютъ въ тѣнистой рощѣ и слушаютъ пѣніе соловья. Они бѣгаютъ другъ за другомъ, ловятъ другъ друга — и, наконецъ, устаютъ. Лада склоняетъ томно головку и говоритъ: *réposons nous!* Ладъ же отвѣчаетъ: *ce que femme veut, Dieu le veut!* и ведетъ ее подъ сѣнь деревь... А *mon avis, toute la question est là!*

— Да, хорошо тебѣ говорить: *ce que femme veut, Dieu le veut!* Согласись, однако, что и пословицы не всегда говорятъ правду! Вѣдь для того, чтобъ женщина дѣйствительно достигла, чего желаетъ, ей нужно, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, лукавить и дѣйствовать изподтишка!

— Не изподтишка-съ, а съ соблюденіемъ приличій-съ.

— Но „приличія“... что же это такое? вѣдь приличія... это, наконецъ...

— Приличія-съ! вы не знаете, что такое приличія-съ! Прили-

чія—это, государь мой, основы-сь! приличія—это краеугольный камень-сь. Отбросьте приличія—и мы всё очутимся въ анатомическомъ театрѣ... que dis-je! не въ анатомическомъ театрѣ—это только первая ступень!—а въ воронинскихъ баняхъ-сь! Вотъ что такое эти „приличія“, объ которыхъ вы изволите такъ иронически выражаться-сь!

Однимъ словомъ, мой либеральный другъ такъ разгорячился началъ говорить такія непріятныя вещи, что я не въ шутку сталъ бояться, какъ бы не произошелъ въ немъ какой-нибудь „спасительный“ кризисъ! А ну, какъ онъ вдругъ, пользуясь симъ случаемъ, возьметъ да и повернетъ оглобли? Хотя и несомнѣнно, что онъ повздорилъ съ княземъ Иваномъ Семенычемъ—это съ его стороны былъ очень замѣчательный гражданскій подвигъ!—но кто же знаетъ, не тоскуетъ ли онъ по этой размолвкѣ? Что, ежели онъ ищетъ только повода, чтобъ прекратить бесплодное фрондерство, а затѣмъ явиться къ князю Ивану Семенычу съ повинной, сказавъ: „la critique est aisée, mais l'art est difficile—ваше сіятельство, я вчера окончательно убѣдился въ святости этой истины“? Что будетъ, если это случится?! Вѣдь Тебеньковъ—это столбъ современнаго русскаго либерализма! Вѣдь если онъ дрогнетъ, что станется съ другими столбами? Что станется съ княземъ Львомъ Кириллычемъ, который въ Тебеньковѣ видитъ своего вѣрнѣйшаго выразителя? Что станется съ тою массою сербѣзныхъ людей, которые выбрали либерализмъ какъ временный *modus vivendi*, въ ожиданіи свободнаго пропуска къ пирогу? Что станется, наконецъ, съ „Старѣйшею Всероссийскою Пѣнокосимательницей“, этимъ лучшимъ проводникомъ тебеньковскихъ либеральныхъ идей?

— Другъ мой! воскликнулъ я почти умоляющимъ голосомъ:—сообрази однакожь! вѣдь онъ только въ медико-хирургическую академію просятся!

— Да-сь, въ академію, отвѣчалъ онъ мнѣ сухо:— въ академію-сь, но только не художествъ, а въ медико-хирургическую. Знаю-сь. Я самъ смотрѣлъ на это снисходительными глазами... до нынѣшняго вечера-сь! Они топтали въ грязь авторитеты—и я молчалъ; они подрывали общественныя основы—и я не противорѣчилъ. Я говорилъ себѣ: эти люди заблуждаются, но заблужденія—вѣдь это, наконецъ, въ вѣдомствѣ князя Ивана Семеныча! Пусть онъ и вразумитъ ихъ—je m'en lave les mains! Но женщина-сь! Но бракъ-сь! Но святость семейныхъ узъ-сь! Это ужъ превосходитъ все! Женщина! эта святыня! это благоуханіе! этотъ кристаллъ! Et l'on veut trainer tout ça dans la fange!

Въ медико-хирургическую академію! Vous êtes bien bonnes, mes-dames!

Сказавши это, онъ холодно кивнулъ головой, и даже не пожавъ мнѣ руки, исчезъ въ темнотѣ переулка.

Въ теченіе ночи, мои опасенія на счетъ того, что въ Тебеньковѣ, чего добраго, произойдетъ „спасительный кризисъ“, послѣдствіемъ котораго будетъ соглашеніе съ княземъ Иваномъ Семенычемъ, превратились въ жгучее, почти несносное безпокойство. Если это соглашеніе состоится, думалось мнѣ, то все кончено—либеральнымъ идеямъ капутъ. Нашъ юный либерализмъ такъ слабъ, такъ слабъ, что только благодушіе Тебенькова и поддерживаетъ его. Отважись Тебеньковъ—я все это зданіе, построенное на песчѣ, рухнетъ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ пыли, способной возбудить одно чиханіе. Тебеньковъ тѣмъ опасенъ, что онъ знаетъ (или, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что знаетъ), въ чемъ суть либеральныхъ русскихъ идей, и потому, если онъ разъ рѣшится покينуть гостепріимныя сѣни либерализма, то, сильный своими познаніями по этой части, онъ на всѣ резоны будетъ уже отвѣчать одно: „Нѣтъ, господа! меня-то вы не надуете! я самъ былъ „онымъ“! я знаю!“ И тогда вы не только ничего съ нимъ не подѣлаете, а напротивъ того, дождетесь, пожалуй, того, что онъ, просто изъ одного усердія, начнетъ открывать либерализмъ даже тамъ, гдѣ есть лишь невинность.

А для князя Ивана Семеныча это воссоединеніе Тебенькова будетъ настоящимъ кладомъ. До сихъ поръ, князь былъ силенъ не столько основательностью, сколь живостью своихъ намѣреній. На практикѣ, его намѣренія очень рѣдко получали надлежащее осуществленіе, и это происходило именно вслѣдствіе того, что, по неполному знанію признаковъ русскаго либерализма, князь довольно часто попадалъ, какъ говорится, пальцемъ въ небо. Такъ случилось, напримѣръ, съ распоряженіемъ о разысканіи Франклина, въ которомъ этотъ послѣдній былъ названъ сначала „эмиссаромъ“, потомъ „человѣкомъ, потрясшимъ западную Европу“ и, наконецъ, просто „злodeмъ“. Конечно, въ этомъ прежде всего виноватъ секретарь князя, который не досмотрѣлъ (онъ былъ немедленно за это уволенъ), но все-таки даже въ клубахъ всѣ ахнули, когда узнали, что ищутъ „эмиссара“ Франклина, а Тебеньковъ прямо такъ-таки и выразился: ça fait pitié! Теперь Тебеньковъ всѣ эти смѣшенія устранить. Онъ прямо въ настоящую точку ударить; онъ сдѣлаетъ это уже по тому одному, что самое воссоединеніе его въ лоно князя Ивана Семеныча можетъ произойти лишь цѣною

сожженія тебенъковскихъ кораблей. Сколько погибнетъ тогда невинныхъ людей! Сколько несчастныхъ, никогда не имѣвшихъ въ головѣ другой идеи, кромѣ: какъ прекрасенъ божій міръ, съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ существуютъ земскія учрежденія! — вдругъ вынуждены будутъ убѣдиться, что это идея позорная, потрясая западную Европу, и потому достойная аркебузирования! Да, Тебенъковъ будетъ и аркебузировать, несмотря на то, что до сихъ поръ онъ горячо ратовалъ противъ аркебузирования! Онъ скажетъ: „mon cher! я самъ былъ противъ этого, но—que veux tu!— у насъ такъ мало средствъ, что это все-таки одно изъ самыхъ подходящихъ! И напрасно] будутъ молить его „невинные“, напрасно будутъ они слетничать на другихъ солибераловъ, напрасно станутъ клясться и доказывать свою невинность! На всѣ извороты ихъ Тебенъковъ дастъ одинъ холодный и ясный отвѣтъ: „господа! вы меня не надуете! я самъ былъ „онимъ“! я знаю“!

Понятно, что въ виду такого темнаго будущаго, я рѣшился во что бы ни стало, даже съ пожертвованіемъ своего самолюбія, воспрепятствовать союзу Тебенъкова съ княземъ. При одной мысли, что въ видъ реакціи проникнетъ этотъ новый Орфей и начнетъ пѣть тамъ свои чарующія пѣсни, — въ умѣ моемъ рисовались самыя мрачныя перспективы. Поэтому, я принялъ всю вину на себя, я сдѣлалъ видъ, что не Тебенъковъ говорилъ мнѣ вчера колкости, но я, по своей необдуманности и неопытности, былъ виною происшедшаго скандала. И вотъ, на другой день, около полудня, я уже былъ у моего друга.

— Тебенъковъ! привѣтствовалъ я его: — ужели изъ-за того, что произошло вчера, изъ-за нѣсколькихъ необдуманныхъ съ моей стороны выраженій, ты захочешь разорвать со мною!

Мой другъ дрогнулъ. Я очень ясно прочиталъ на его лицѣ, что у него ужъ готовъ былъ виць-мундиръ, чтобъ ѣхать къ князю Ивану Семенычу, что опоздай я еще минуту — и кто бы поручился за то, что могло бы произойти. Однако, замѣшательство его было моментальное. Раскаяніе мое видимо тронуло его. Онъ протанулъ мнѣ обѣ руки, и мы долгое время стояли рука въ руку, чувствуя, по взаимнымъ трепетнымъ пожиманіямъ, какъ сильно взволнованы были наши чувства.

— Разорвать! Съ тобой, мой Гамбетта! наконецъ произнесъ онъ: — никогда!

— Но... съ либерализмомъ?! спросилъ я, почти задыхаясь отъ страха.

Онъ дрогнулъ опять. Идея, что виць-мундиръ вычищенъ, и что затѣмъ стоитъ только взять извощика и ѣхать — видимо угнетала его. Но такова сила либеральнаго прошлаго, что оно

даже въ виду столь благопріятныхъ обстоятельствъ, откликнулось и восторжествовало.

— Никогда! воскликнулъ онъ совершенно твердымъ голосомъ.— *Plutôt la mort que le déshonneur!*

— *La mort—c'est trop dire!* Но подумай, однакожь, мой другъ! вотъ ты ждалъ къ празднику черезъ плечо... вотъ это какъ бы...

— *A bas! ça viendra!* сказали онъ весело, и махнулъ рукою.

Затѣмъ, мы обнялись, Тебенъковъ велѣлъ сервировать завтракъ, и всѣ недоразумѣнія были сейчасъ же кончены.

— Мнѣ разорвать съ либерализмомъ! мнѣ! говорилъ мой другъ, покада мы дежюстировали какой-то необыкновенной красоты лафитъ:—но развѣ ты не понимаешь, что это значило бы разбить въ дребезги всю мою жизнь! Знаешь-ли ты, съ которыхъ поръ я либераль? ты еще въ рубашечкахъ ходилъ, какъ я ужъ былъ испытаннѣйшимъ либераломъ въ цѣломъ Петербургѣ! Уже тогда я проектировалъ всѣ тѣ идеи, которыми теперь нашъ общій другъ, Менандръ Прелестновъ, волнуешь умы въ „Старѣйшей Русской Пѣнокснимательницѣ!“ Покойный князь Федоръ Федорычъ не даромъ говаривалъ: Тебенъковъ тѣмъ болѣе опасенъ, что никогда нельзя понять, чего собственно онъ добивается! Ты понимаешь! Это была цѣлая система, именно въ томъ и заключавшаяся, чтобъ никто ни въ чемъ не могъ уличить, а между тѣмъ, всякій бы чувствовалъ, что нѣчто есть, и только вотъ теперь эта система пошла настоящимъ образомъ въ ходъ! Либерализмъ, *mon cher*, это для меня цѣлое семейное преданіе! *C'est tout un culte.* Мой отецъ, моя мать, мой дѣдъ... всѣ были либералы! Мой отецъ первый подалъ мысль объ обязательномъ посѣвѣ картофеля... *tu sais*, потомъ изъ этого еще произошли знаменитыя „картофельныя войны?“ Моя мать еще въ 1818 году порѣшила съ женскимъ вопросомъ, выйдя, при живомъ мужѣ, замужъ за моего отца! И ты могъ думать, что я измѣню этимъ преданіямъ! *Mon cher!* позволь тебѣ сказать: ты грубо, ты непростительно грубо ошибался.

Тебенъковъ такъ былъ взволнованъ, говоря это, что даже закусилъ нижнюю губу.

— Тебенъковъ! Я ошибался! я глубоко, грубо, непростительно ошибался! я сознаю это! лепеталъ я.

— Постой! я не все сказалъ. Возьми мои теперешнія связи—онѣ всѣ до одной либеральныя. Отъ кого я жду обновленія Россіи—отъ князя Льва Кирилыча! Какую газету я читаю—„Старѣйшую Всероссійскую Пѣнокснимательницу!“ *J'espère que c'est assez concluant!* Учрежденіе читаленъ, лекцій, народнаго театра, распространеніе полезныхъ знаній—во всемъ и вездѣ я

играю первую роль! Я всегда и вездѣ говорю: господа! не полагайте движенію препонъ, но умѣйте овладѣть имъ. Овладѣйте, господа! дайте движенію надлежащее направленіе—et alors tout ça ira comme sur des roulettes! Только овладѣйте! Сколько я потерялъ черезъ это — ты знаешь самъ. Ты знаешь очень хорошо, чѣмъ бы я могъ быть, еслибъ принялъ въ то время предложеніе князя Ивана Семеныча! Онъ предлагалъ мнѣ Анны... Ты понимаешь! святая Анны... помимо Станислава! въ мои лѣта! Ah! c'était bien joli! Но я сказалъ прямо: еслибы къ этому прибавили три тысячи аренды, то и тогда я еще подумаю! Почему я такъ смѣло отвѣтилъ? а потому, мой другъ, что, вопервыхъ, у меня есть своя административная система, которая несомнѣнно когда-нибудь понадобится, а во вторыхъ, и потому, что я знаю навѣрное, что отъ меня мое не уйдетъ. Система моя очень проста: *никогда ничего прямо не дозволить и никогда ничего прямо не воспрещать*. C'est simple comme bonjour. Но чтобы ты могъ лучше понять мой административный идеалъ, я попрошу тебя вообразить себѣ, что въ настоящую минуту я нахожусь у дѣла. Первое, что я дѣлаю — это ослабляю бразды. Хотя, въ сущности, въ этомъ еще нѣтъ ничего определеннаго, но для насъ, русскихъ, это очень и очень важно. Мы такъ чувствительны къ браздамъ, что малѣйшее измѣненіе въ манерѣ держать ихъ уже цѣнится нами. И вотъ, когда я ослабилъ бразды, когда всѣ почувствовали это — вдругъ начинается настоящее либеральное пиршество, un vrai festin d'idées libérales. Литература ликуетъ, студенты ликуютъ, женщины ликуютъ, всѣ вообще, какъ бы сговорившись, выходятъ на Невскій съ папиросами и сигарами въ зубахъ! И замѣтъ: я ничего *прямо* не позволялъ, я только ничего *прямо* не воспрещалъ! Я съ своей стороны тоже лую. Я вижу эти наивныя, малымъ довольныя лица, я указываю на нихъ и говорю: вотъ доказательства разумности моей системы! J'espère que j'ai bien mérité mon cordon rouge de s-te Anna! Такимъ образомъ, проходитъ годъ, а можетъ быть и два; я все продолжаю мою систему, то-есть, ничего *прямо* не позволяю, но и ничего *прямо* не воспрещаю. Тогда начинаются тамъ и самъ прорываться проявленія такъ-называемой licence. Подчиненные Держиморды бѣгутъ ко мнѣ въ ужасѣ и докладываютъ, что такого-то числа въ Кононерскомъ переулкѣ, въ домѣ подъ № такимъ-то, шла рѣчь о непризнаніи авторитетовъ. Но я еще не раздѣляю опасеній моихъ сослуживцевъ, и настаиваю на томъ, что мѣръ кротости совершенно достаточно, чтобы обратить заблудшихъ на путь истины. Pas trop de zèle, messieurs, говорю я, surtout pas trop de zèle! Затѣмъ, я при-

зываю зачинщиковъ и белейнымъ образомъ дѣлаю имъ внушеніе. „Господа! говорю я, вы должны понять, что у насъ безъ авторитетовъ нельзя! Если вы хотите, чтобъ я имѣлъ возможность защитить васъ, то поберегите и меня! если не хотите, то скажите прямо— я удалюсь въ отставку!“ Разумѣется, моя угроза дѣйствуетъ. Всѣ кричатъ: осторожнѣе! осторожнѣе! потому что, если оставить насъ Тебеньковъ, — мы погубимъ! Такъ проходитъ, быть можетъ, еще цѣлый годъ. Mais hélas! les idées subversives — c'est quelque chose de très peu solide, mon cher! et c'est peut être à cause de ce peu de solidité qu'elles se nomment subversives! Съ ними никогда нельзя быть увѣреннымъ, гдѣ онѣ останутся, и не перейдутъ ли ту границу „недозволеннаго“, но и „невоспрещеннаго“, въ прочномъ установленіи которой и заключается вся задача истиннаго либерализма. И вотъ, по прошествіи извѣстнаго времени, la licence relève la tête, и прямо утверждаетъ, что „невоспрещеніе“ равняется „дозволенію“. Начинается шумъ, mesquineries, рѣзкости, въ родѣ тѣхъ, которые мы слышали вчера вечеромъ. Тогда, я говорю уже прямо: messieurs! je m'en lave les mains! и уступаю мое мѣсто князю Ивану Семенычу. Hein? tu comprends?

— Гм... да... это въ своемъ родѣ...

— Неправда-ли? Mais attends, attends encore! je n'ai pas tout dit! И такъ, на мое мѣсто приходитъ и начинаетъ оперировать князь Иванъ Семенычъ. Собственно говоря, я ничего не имѣю противъ князя Ивана Семеныча, и даже, въ ряду прочихъ феноменовъ, признаю его далеко не бесполезнымъ. Въ общей административной экономіи такіе люди необходимы. Въ минуты, когда дурныя страсти доходятъ до своего апогея, всегда являются такъ-называемые божіи бичи и очищаютъ воздухъ. Не нужно только, чтобъ они слишкомъ долго оставались въ должности воздухоочистителей, потому что тогда это дѣлается, наконецъ, скучнымъ. Но по временамъ очищать воздухъ—небесполезно. Такимъ образомъ, покуда князь Иванъ Семенычъ выполняетъ свое провиденціальное назначеніе, я остаюсь въ сторонѣ; я только слѣжу за нимъ и слегка критикую его. Этою критикою я, такъ-сказать, напоминаю о себѣ; я не даю забыть, что существуетъ и другая система, которая состоитъ не столько въ очищеніи воздуха, сколько въ умѣренномъ пользованіи его благораствореніями. И дѣйствительно, не проходитъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ страсти уже утихли, волненія отчасти усмирены, отчасти подавлены, и существованіе князя Ивана Семеныча само собой утрачиваетъ всякій raison d'être. Напрасно старается онъ устраивать бури въ стаканѣ воды: его время прошло, онъ не нуженъ, онъ надобѣль,

онъ даже не забавень. Тогда опять прихожу я, и опять привошу съ собой свою систему... И такимъ образомъ, мы чередуемся, сперва я, потомъ князь Иванъ Семенычъ, потомъ опять я, опять князь Иванъ Семенычъ и такъ далѣе... Mais n'est-ce pas que c'est le vrai système?

— Да; это система... я назвалъ бы ее системою равновѣсія! твердо замѣтилъ я.

— Именно такъ. Именно система равновѣсія! C'est toi qui l'as dit, Gambetta! Pauvre ami! tu n'as pas de système à toi, mais tu as quelquefois des révélations! Ты иногда однимъ словомъ опредѣляешь цѣлое положеніе! Система равновѣсія — c'est le mot, c'est le vrai mot! Сегодня я, завтра опять Иванъ Семенычъ, послѣ завтра опять я — какого еще равновѣсія нужно! Mais revenons à nos moutons, то-есть, къ цѣли твоего посѣщенія. И такъ, ты находишь, что вчера я былъ къ нимъ слишкомъ строгъ?

— Да, строгонекъ-таки...

— Нельзя, mon cher! Ты забываешь, что я имъ же добра хочу. Нельзя этого допустить... ты понимаешь: нельзя!

— Но вѣдь ты самъ же сейчасъ говорилъ, что твоя „система“, между прочимъ, заключается въ томъ, чтобъ „не воспрещать“?

— Ah, mais entendons nous, mon cher! Прямо не воспрещать но и прямо не позволять — voici la formule de mon système! Сверхъ того, ты забываешь еще, что какъ поправку къ моей системѣ я допускаю періодическое вмѣшательство князя Ивана Семеныча — а это очень важно! Ah, c'est très grave, mon cher! потому что безъ князя Ивана Семеныча tout mon système s'écroule et s'évanouit! Я необходимъ, но и князь Иванъ Семенычъ... о! онъ тоже въ своемъ родѣ... ah! c'est une utilité! c'est une très grande utilité!

— Послушай, однакожь! Сообрази, чего же онъ собственно хотятъ?

— Онъ хотятъ извратить характеръ женщины — excusez du peu! Представь себѣ, что онъ достигнуть своей цѣли, что всѣ женщины вдругъ разбредутся по академіямъ, по университетамъ, по окружнымъ судамъ... что тогда будетъ? Où sera le plaisir de la vie? Что станется съ нами? съ тобой, со мной, которые не можемъ существовать безъ того, чтобъ не баловать женщину?

Вопросъ, предложенный Тебеньковымъ, нѣсколько сконфузилъ меня. Признаюсь, онъ и мнѣ нерѣдко приходилъ въ голову, но я какъ-то всегда отлынивалъ отъ его разрѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, что станется со мной, если женщины будутъ пристроены къ занятію? Кого я буду баловать? Теперъ, куда женскій во-

прось еще находится на старомъ положеніи, я знаю, гдѣ мнѣ „въ минуту жизни грустную“ искать утѣшенія. Когда мнѣ горько жить, или просто когда мое сердце располагается къ чувствительности, я ищу женскаго общества, и знаю навѣрное, что тамъ обрѣту забвеніе всѣхъ несносностей, которыя отуманиваютъ мое существованіе ici-bas. Тамъ я найду ту милую sauserie, полную неуволимыхъ petits riens, которая, не прибавляя ничего существеннаго къ моему благополучію, тѣмъ не менѣе разливаетъ извѣстный bien-être во всеиъ моемъ существѣ и помогаетъ мнѣ хоть на время забыть, что я не болѣе какъ печальный осколокъ сороковыхъ годовъ, живущій воспоминаніемъ прошлыхъ лучшихъ дней и тщетно усиливающейся применить къ настоящему, съ его „шумомъ“ и его „crudités“. Тамъ, я отдохну душой, въ самомъ изящномъ значеніи этого слова. Тамъ, на этихъ волнахъ кружевъ и блондъ, на этомъ граціозномъ смѣшеніи бархата и атласа мой взоръ успокоится отъ сермяжныхъ впечатлѣній дѣйствительности. Тамъ, я найду тотъ милый обманъ, то чудесное смѣшеніе идеальнаго и реальнаго, котораго такъ жаждетъ душа моя, и котораго, конечно, не дадутъ никакіе диспуты о прародителяхъ человѣка. Тамъ все уютно, все тепло; тамъ и свѣтъ не рѣжетъ глазъ, и тѣни ложатся мягче, ровнѣе. И всего этого вдругъ не будетъ?! И на мой вопросъ: дома-ли Катерина Михайловна? — Мнѣ отвѣтятъ: Онѣ сегодня въ окружномъ судѣ мясниковское дѣло защищаютъ!? Что со мной станется, когда всѣ эти petits riens исчезнутъ, уступивъ мѣсто крикливымъ возгласамъ о фаллопиевыхъ трубахъ и объ околлодной жидкости? Кого я буду баловать? Передъ кѣмъ стану сжигать оніміамъ моего сердца? Кому буду дарить конфеты? Кого стану называть „belle dame“?

Но развѣ надо мной однимъ страдется бѣда — что будетъ съ литературой, съ романомъ? Если бездѣлица отойдетъ на второй планъ, о чемъ будутъ траговать романисты? Что ни говори, какъ ни притворяйся романистъ публицистомъ и гражданиномъ, ему никогда не скрыть, что настоящая болячка его сердца — это все-таки улучшеніе быта бездѣлицы. Не будетъ дѣвицъ, томящихся подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ въ ожиданіи кавалеровъ, не будетъ дамъ, изнемогающихъ въ напрасной борьбѣ съ адюльтеромъ — не будетъ и романа! Вотъ что ясно для меня, какъ дважды-два. Но, ради самого Бога, чтоже тогда будетъ? Кто меня утѣшитъ? кто заставитъ пролить слезу! Нѣтъ! ежели не ради себя, то ради романа, ради „изящной словесности“ — я протестую!! Возьмите все, что угодно! Поищите авторитеты! подкапывайте подъ основы! Оспаривайте рус-

ское происхожденіе Микулы Селяниновича! но сохраните дѣвиць, глядящихъ на большую дорогу, по которой имѣютъ обыкновеніе прїѣзжать кавалеры, и дамъ, выходящихъ на борьбу съ адюльтеромъ! Ah, c'est si joli — une femme qui reste indécise entre le devoir et l'adultère! Сколько тутъ перипетій! сколько непредвидѣннаго! Какая горькая, почти безнадежная борьба! Даже суровые моралисты—и тѣ поняли, какъ великъ предстоящій въ этомъ случаѣ женщинѣ жизненный подвигъ, и потому назвали побѣду надъ адюльтеромъ—*торжествомъ добродѣтели*. Вотъ эта женщина „добродѣтельна“, говорятъ они, ибо съ успѣхомъ боролась въ Чугуевѣ съ цѣлымъ штабомъ военныхъ поселеній. А вотъ эта женщина не можетъ быть названа „добродѣтельною“, потому что не могла устоять передъ настойчивостью одного землемѣра.. Однимъ словомъ, вся женская „добродѣтель“ заключена тутъ, въ этомъ ограниченномъ, завѣтномъ кругѣ...

— И за всѣмъ тѣмъ, я все-таки снисходителенъ, продолжалъ мой другъ: — до тѣхъ поръ, пока онѣ разглагольствуютъ и сотрясаютъ воздухъ междометіями,—я готовъ смотрѣть на ихъ домогательства сквозь пальцы! Mais malheur à elles, если онѣ начнутъ обобщать эти домогательства и приискивать для нихъ надлежащую формулу... ah, qu'elles y prennent garde!

— Но вѣдь онѣ ничего же и не формулируютъ?

— Гм... ты думаешь! Ты полагаешь, что женскій вопросъ, по ихъ мнѣнію, въ томъ только и состоитъ, чтобъ женщины получили доступъ въ телеграфистки и къ слушанію университетскихъ лекцій? Ты серьезно такъ полагаешь?

— Позволь! дѣло не въ томъ, какъ я, или онѣ полагаютъ, а въ томъ, чѣмъ онѣ *ограничиваютъ* свои домогательства!

— A d'autres, mon cher! Un vieux surnois comme moi ne se laisse pas tromper si facilement! Сегодня къ вамъ лезутъ въ глаза съ какою-нибудь медико-хирургическою академіею, а завтра на сцену выступитъ уже вопросъ объ отношеніяхъ женщины къ мужчинѣ и т. д. Connu!

— Да не выступитъ этотъ вопросъ! А ежели и выступитъ, то именно только какъ теоретическій вопросъ, который нелишне обсудить! Ты знаешь, какъ онѣ охотно становятся на отвлеченную точку зрѣнія! Вѣдь въ ихъ глазахъ, даже мужчина—только вопросъ, и больше ничего!

— Да, но вотъ это-то именно и опасно. C'est justement là que git le danger. Въ твоихъ глазахъ, абстрактность — смягчающее обстоятельство, въ моихъ — это обстоятельство усугубляющее. Еслибъ онѣ разрѣшали этотъ вопросъ практически, каждая сама для себя — ça serait une question de tempérament, et voilà tout.

Но онѣ хотятъ, чтобъ имъ разрѣшеніе на бумажѣ было написано! Онѣ *законовъ* требуютъ! Понимаешь ли: онѣ хотятъ, чтобъ законодатель взялъ въ руки перо и написалъ: *peut-elle à ces demoiselles* и т. д. Нѣтъ-съ! Этого нельзя-съ!

Опять мысль, и опять откровение! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь *онѣ* какъ будто о томъ больше хлопочуть, чтобъ было что-то на бумажѣ написано? Ихъ интригуешь не столько фактъ, сколько то, что вотъ въ такой-то книжѣ объ этомъ такъ-то сказано! Спрашивается: необходимо ли это, или же представляется достаточнымъ, просто безъ всякихъ законовъ, признать совершившійся фактъ, да и дѣло съ концомъ?

— Наши дамы давно ужъ порѣшили съ этимъ вопросомъ, и міръ ни мало не пострадалъ отъ этого! продолжалъ ораторствовать Тебеньковъ.— На дняхъ, la princesse Nathalie — tu sais qu'il lui arrive quelquefois d'avoir des moments de charmante intimité avec ses amis! — сказала мнѣ: mon cher! nous autres, femmes du monde, nous avons depuis longtems tranchée la question! Nous ne faisons pas de radottages, mais nous agissons!

— La princesse Nathalie! est-ce possible? Une „sainte“!

— Да-съ, une „sainte“! Et elle a parfaitement raison, la belle princesse! Потому что, вѣдь ты понимаешь, что ежели извѣстныя формы общегитія становятся слышеомъ узкими, то весьма естественно, что является желаніе расширить ихъ. Не объ этомъ споръ: это давно всѣми признано, подписано и рѣшено. Saperlotte! не дѣлаться же монахиней изъ-за того только, чтобъ князь Левъ Кирилъчъ имѣлъ удовольствіе свободно надѣвать на голову свой ночной колпакъ! Но *какъ* расширить этѣ формы—вотъ въ чемъ весь вопросъ! Voici la grande, la grandissime quuestion!

— Стало быть, по твоему, лучшее средство—это протестовать на манеръ „Belle Helène“?

— А ты шутишь съ „Belle Helène“? Нѣтъ, ты подумай! Вотъ онѣ, протестъ-то, съ которыхъ поръ начался! и замѣть: въ этой формѣ, никто никогда не видѣлъ въ немъ ни малѣйшей опасности. Еще во времена троянской войны женскій вопросъ былъ уже рѣшенъ, но рѣшенъ такъ ловко, что это затрогивало только одного Менелая. Ménélas! on s'en moque—et voilà tout! Всѣ этѣ Фрины, Лаясы, Аспазіи, Клеопатры — что это такое, какъ не прямое разрѣшеніе женскаго вопроса? А *онѣ* волнуются, требуютъ какихъ-то разъяснительныхъ правилъ, говорятъ: напишите намъ все это на бумажѣ! Согласись, что это нѣсколько странно? Согласенъ?

— Да... для „Belle Helène“... дѣйствительно, едвали требуются разъяснительныя правила!

— Ну, вотъ видишь! А *онъ* сохнуть о правилахъ! Мы всѣ, tant que nous sommes, понимаемъ, что первоизданная Таутова азбука отжила свой вѣкъ, но, какъ люди благоразумные, мы говоримъ себѣ: зачѣмъ подрывать то, что и безъ того стоитъ еле живо, но на чемъ покуда еще виситъ проржавѣвшая отъ времени вывѣска съ надписью: „Здѣсь начинается царство запретнаго“? Зачѣмъ публично и съ какииъ-то дурнымъ пигомъ вторгаться въ предѣлы этого царства, коль скоро мы всѣмъ этимъ quasi-запретнымъ можемъ пользоваться подъ самыми удобными псевдонимами? Для большей вразумительности приведу тебѣ хоть слѣдующій примѣръ. И ты, и я, и всѣ мы, люди современн ой интеллигенціи, любимъ отъ времени до времени посѣщать театръ Берга. Для чего мы ѣздимъ туда? что привлекаетъ насъ? — Это, конечно, наше личное дѣло. И вдругъ, выскивается какой-нибудь intrus и выпаливаетъ намъ въ упоръ: вы, господа, ѣдите къ Бергу смотрѣть, какъ французенки юпки поднимаютъ! Согласись, что это было бы крайне неприятно! По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я сразу осадилъ бы наглеца. „Нѣтъ, милостивый государь! сказалъ бы я, вы ошибаетесь! я хожу къ Бергу совсѣмъ не для юпокъ и проч., а для того, чтобъ видѣть французскую веселость, la bonne et franche gaité française!“ Понимаешь? *Онъ* сказалъ: юпки поднимаютъ, а *я* ему отвѣтилъ: французская веселость. Вотъ это-то и есть псевдонимъ, одинъ изъ тѣхъ псевдонимовъ, которые позволяютъ намъ не слишкомъ тяготиться игомъ первоизданной Таутовой азбуки!

Тебеньковъ говорилъ такъ убѣдительно, и въ то же время такъ просто и мило, что мнѣ оставалось только удивляться: гдѣ почерпнулъ онъ такія разнообразныя свѣдѣнія о Таутѣ, Фринѣ, Клеопатрѣ и проч.? Ужели все въ томъ же театрѣ Берга, который уже столь многимъ изъ насъ послужилъ отличнѣйшею воспитательной школой?

— Жизнь наша полна подобнаго рода экскурсій въ область запретнаго, или, лучше сказать, вся она—не что иное, какъ сплошная экскурсія. Азбука говоритъ, наприимѣръ, очень ясно, что всѣ дѣти имѣютъ равное право на заботы и попеченія со стороны родителей, но еслибы я или ты дали одному сыну рубль, а другому грошъ, то развѣ кто нибудь повволилъ бы себѣ сказать, что подобное дѣйствіе есть прямое отрицаніе семейственнаго союза? Нѣтъ, всякій сказалъ бы себѣ: это только экскурсія въ область запретнаго, экскурсія, въ которой всякій смертный можетъ встрѣтить нужду! Другой примѣръ: кто не знаетъ, что похищеніе чужой собственности есть прямое нарушеніе гражданскихъ законовъ, но ежели бы Х., благодаря какииъ нибудь

формальнымъ упущеніямъ со стороны Z., оттягаль у послѣдняго съ плечъ рубашку, развѣ кто нибудь скажетъ, что такой исходъ процесса есть отрицаніе права собственности! Нѣтъ, всякій выразится, что и это только экскурсія, въ которой каждый смертный можетъ встрѣтить нужду! Представь же себѣ теперь, что вдругъ выступаешь впередъ наглець и заручившись этими фактами, во все горло оретъ: господа! посмотрите-ка! вѣдь собственность-то, семейство-то, основы-то ваши... фьюю! Не вправѣ ли мы будемъ замазывать этому человѣку ротъ и сказать: „дуракъ! чему обрадовался! догадался?! велика штука! ты догадался, а мы и подавно! Только мы не хотимъ, чтобы ты насъ беспокоилъ! Не беспокой насъ, ибо дураковъ-горлановъ на цѣпь сажаютъ!“ Но, впрочемъ, pardon, cher! Я, кажется, слишкомъ заболталъ тебя этими mesquineries, которыя слывуть у насъ подѣ пышнымъ именемъ „вопросовъ“.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! сдѣлай милость! Съ твоей стороны это такая откровенность! такая, можно сказать, драгоценнѣйшая откровенность!

— Итакъ, continuons. Я самъ не дорого цѣню эту первозданную азбуку, и очень хорошо понимаю, что стоитъ ткнуть въ нее пальцемъ—и она развалится сама-собою. Но для черни, mon cher, это неоцѣненнѣйшая вещь! Представь себѣ, что вдругъ *всѣ* сказали бы, что запретнаго нѣтъ—вѣдь это было бы новое нашествіе печенѣговъ! Вѣдь они подвергли бы дома наши разграбленію, они осквернили бы нашихъ женъ и дѣвъ, они уничтожили бы всѣ памятники цивилизаціи! Но, Dieu merci, этого нѣтъ и не будетъ, потому что это запрещено. Они знаютъ, saperlotte! что въ каждой губерніи существуетъ окружной судъ, а въ иныхъ даже по два и по три, и что при каждомъ судѣ имѣется прокуроръ, который относительно печенѣговъ неумолимъ. Вотъ это именно и заставляетъ меня видѣть въ первозданной азбукѣ нѣкотораго рода палладіумъ. Я говорю себѣ: свойства этой азбуки таковы, что для меня лично она можетъ служить только огражденіемъ отъ печенѣжскихъ набѣговъ—съ какой же стати я буду настаивать на ея упраздненіи?

— Позволь, душа моя! Я понимаю твою мысль: если *всѣ* захотятъ имѣть безпрепятственный входъ къ Бергу, то, понятно, что твои личныя желанія въ этомъ смыслѣ уже не найдутъ такого полного удовлетворенія, какое они находятъ теперь. Но, признаюсь, меня страшитъ одно: а что если они, то есть печенѣги... тоже начнутъ вдругъ настаивать?

— Impossible! это именно тотъ предразсудокъ, который уже неразъ ввергаль въ бездну гибели цѣлыя націи. Съ тѣхъ поръ

какъ печенѣги перестали быть номадами, ихъ нечего опасаться. У нихъ есть осѣдлость, есть домъ, поле, домашняя утварь, и хотя все это, вмѣстѣ взятое, стоитъ двугривенный, но вѣдь для человѣка, не видавшаго ни гроша, и двугривенный уже представляетъ довольно солидную цѣнность. Сверхъ того, они „боятся“, и что всего замѣчательнѣе, боятся именно того, что всего менѣе способно возбуждать страхъ въ мыслящемъ человѣкѣ. Они боятся грома, боятся домовыхъ, боятся свѣтопреставленія. Et plus ils sont bêtes, plus ils sont souples. Слѣдовательно, самая лучшая внутренняя политика относительно печенѣговъ — это разъ навсегда сказать себѣ: чѣмъ меньше имъ давать, тѣмъ больше они будутъ упорствовать въ удовольствіи. Я либераль, но мой взглядъ на печенѣговъ до такой степени ясенъ, что самъ князь Иванъ Семеновичъ, конечно, позавидовалъ бы ему, если онъ могъ понять въ чемъ состоитъ настоящій, разумный либерализмъ. Печенѣгъ смиренъ, покуда ему ничего не даютъ. Какъ только ему попало что нибудь на зубы—онъ дѣлается ненасытенъ, et puis—c'est fini! L'histoire des peuples esi là pour attester la vérité de ce que j'avance!

— Такъ ли это, однакожь? Вотъ у меня былъ знакомый, который тоже такъ думалъ: попробую-моль я не кормить свою лошадь: можетъ быть, она и привыкнетъ! И точно, дней шесть не кормилъ, и только что, знаешь, успѣлъ сказать: ну слава Богу! кажется привыкла!—ахъ лошадь-то возьми да и издохни!

— Гм... да... ты все смѣешься, Гамбетта! А знаешь ли ты, что эта смѣшливость очень и очень тебѣ вредитъ! Tu ne parviendras jamais—и я первый объ этомъ жалѣю, parceque tu as quelque fois des idées. Даже наши либералы, и тѣ выражаются о тебѣ: ce n'est pas un homme sérieux! Разумѣется, я заступаюсь за тебя, сколько могу. Я всѣмъ и всегда говорю: въ государствѣ, господа, и въ особенности въ государствѣ обширномъ, и Гамбетта имѣетъ право на существованіе!—но вѣдь противъ общаго установившагося мнѣнія и мое заступничество безсильно!

Сдѣлавши этотъ выговоръ, Тебеньковъ такъ дружески-милостиво подавъ мнѣ руку, что я самъ созналъ все неприличіе моего поведенія, и далъ себѣ слово никогда не рассказывать анекдотовъ, когда идетъ рѣчь о выѣденномъ яйцѣ.

— Затѣмъ, возвратимся вновь къ такъ называемому женскому вопросу, и постараемся придти къ заключенію. Я утверждалъ, что вопросъ этотъ давнымъ давно разрѣшенъ, и берусь подтвердить эту мысль примѣрами. Оглянись кругомъ: la princesse de P., baronne de K., наконецъ, Катерина Михайловна, наша добрѣйшая Катерина Михайловна—развѣ не разрѣшили онѣ это-

го вопроса совершенно опредѣленно и къ полному своему удовольствію? Что онѣ не посѣщаютъ медико-хирургической академіи — *mais c'est simplement parcequ'elles s'en moquent bien... de l'Academie!* А еслибы захотѣли, то и въ академію бы ѣздили и никто бы не имѣлъ ничего сказать противъ этого! А почему никто ничего не сказалъ бы? потому просто, что всякій понялъ бы, что это одинъ изъ тѣхъ *jolis caprices de femme*, которымъ уже потому одному нельзя противорѣчить, что *ce que femme veut, Dieu le veut*.

— Но коли такъ, то почему же не удовлетворить желанію этихъ *demoiselles*, которыхъ ты слышалъ вчера?

— Да именно потому, что въ первомъ случаѣ *c'est un de ces jolis caprices, que toute femme a le droit d'avoir* Женщина, и въ особенности хорошенькая, имѣетъ право быть капризною — это ея привилегія. Если она можетъ *вдругъ* пожелать парюру въ двадцать тысячъ, то почему же *вдругъ* не пожелать ей посѣтить медицинскую академію? И вотъ она желаетъ, но желаетъ такъ мило, что достоинство женщины ни мало не терпитъ отъ этого. Напротивъ, тутъ-то именно, въ этомъ оригинальномъ желаніи, и выступаетъ та женственность, которую мы, мужчины, такъ цѣнимъ. *La baronne de K.*, слушающая господина Сѣченова — можно ли вообразить себѣ *quelque chose de plus gracieux, de plus piquant?* Поэтому, я не только не буду препятствовать желанію баронессы, но самъ поѣду сопровождать ее, самъ предупрежу господина Сѣченова. *Monsieur! lui dirai-je, la baronne est bonne fille! Elle ne déteste point les crudités, mais à condition qu'on sache leur donner une forme piquante, qui permette à son sentiment de femme de ne pas s'en formaliser!* Затѣмъ, мы ѣдемъ, мы беремъ съ собой Катерину Михайловну и ея *jeunes gens*, мы садимся на тройки устраиваемъ *quelque chose comme un piquenique*, и выслушиваемъ курсъ физиологии à l'usage des dames et des demoiselles, который г. Сѣченковъ прочтетъ намъ. Оттуда — къ Дороту, или въ другой какой-нибудь кабачекъ. Вотъ и все. О томъ, чтобъ интернировать господина Сѣченова въ сердцахъ нашихъ дамъ, о томъ, чтобъ сдѣлать его лекціи настольной книгой нашихъ будуаровъ, о томъ, чтобъ укоренить въ нашихъ салонахъ физиологическій жаргонъ — нѣтъ и помину. Мы разрѣшили женскій вопросъ, мы узнали *comment cela leur arrive* — этого съ насъ довольно! Напротивъ того, дѣвицы, въ обществѣ которыхъ мы находились вчера, о томъ только и думаютъ, чтобъ навсегда интернировать господина Сѣченова въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Чистота женскаго чувства, *ce sentiment de pudeur qui fait monter le feu au visage d'une femme*, это благоуханіе невѣ-

денія, эта прелесть непочатости — elles mettent tout ça hors de cause! Онѣ требуютъ господина Сѣченова tout de bon, et elles traient le reste dans la fange! Halte là, mesdames!

— Но все-таки, нѣтъ же прямого повода называть ихъ неблагонамѣренными? Онѣ любятъ Сѣченова, но вѣдь онѣ не неблагонамѣренныя! Неправда ли? Вѣдь ты согласишься со мной?

— „Неблагонамѣренная“—это слишкомъ сильно сказано, j'en conviens. Mais ce sont des plaies—отъ этого слова я никогда не откажусь. Это какія-то утопистки стенографистки и телеграфистки! А утопизмъ, mon cher, никогда до добра не доводитъ. Можно упразднить азбуку de facto: взяли и упразднили—это я понимаю, но чтобъ придти и требовать какихъ-то законовъ объ упраздненіи—с'est tout bonnement exorbitant.

Я задумался. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ дожидаться закона объ упраздненіи, когда никто не препятствуетъ de facto совершить самый актъ упраздненія? Вѣдь вотъ и la princesse de P. и la baronne de K. и, наконецъ, наша милѣйшая Катерина Михайловна — вѣдь упраздняютъ же онѣ! О Надинька Лаврецкая! о Гапочка Перерепенко! Вы, которыя, чуть не пѣшкомъ прибѣжали въ Петербургъ изъ вашихъ захолустьевъ, ради разрѣшенія женскаго вопроса, — вы не понимаете, что вопросъ этотъ разрѣшается такъ легко! Стоить только подобрать компанію jeunes gens bien, bien comme il faut, затѣмъ, нанять нѣсколько троекъ и покатить, съ бубенчиками, прямо въ театръ Берга, эту наилучшеобразнѣйшую медико-хирургическую академію à l'usage des dames et des demoiselles! Тамъ дѣвица Филиппо прочтетъ вамъ лекцію: „L'impôt sur les celibataires“, а дѣвица Лафуркадъ, пропѣвъ „A bas les hommes!“, вмѣстѣ съ тѣмъ провозгласитъ и окончательную эмансипацію женщинъ...

Тебеньковъ между тѣмъ торжествовалъ. Онъ замѣтилъ мое раздумье, и до того увѣровалъ въ неотразимую убѣдительность своихъ доводовъ, что все лицо его какъ бы сіяло вдохновеніемъ.

— Я не называю ихъ неблагонамѣренными, говорилъ онъ:—à Dieu ne plaise! Но полиція, mon cher! полиція не можетъ быть лберальной, какъ я, или ты! Она не имѣетъ права терпѣть, чтобъ общественная нравственность была подрываема, такъ сказать, при свѣтѣ дня. Она смотритъ съвозъ пальцы, она благосклонно толерируетъ, когда ты, я, всякій другой наконецъ, разрѣшаемъ женскій вопросъ келейнымъ образомъ и на свой страхъ. Но когда мы выходимъ изъ нашей келейности, и съ дерзостью начинаемъ утверждать, что разговоръ объ околлодной жидкости есть единственный достойный женщины разговоръ — alors la police

intervient et nous dit: halte là, mesdames et messieurs! respectons la morale et n'embétons pas les passans par des mesquineries inutiles! Согласись, что оно и не может быть иначе!

— Да какъ бы тебѣ сказать... оно точно... на практикѣ оно такъ и бываетъ!

— Нѣтъ, не „бываетъ“, а „должно быть“, не можетъ иначе быть! Ты, Гамбетта, неисправимъ! Ты думаешь, что то, что совершается такъ, а не иначе, совершается по какому-то озорству! Нѣтъ, оно совершается такъ, потому что не можетъ иначе совершиться. L'histoire a sa logique, mon cher, и для какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ дѣвицъ не можетъ измѣнить свое величественное теченіе! Не расплывайтесь, messieurs! Помните, что наше время — не время широкихъ задачъ! Вотъ лозунгъ, къ которому пришла вся наша либеральная партія, et tant qu'elle restera dans ces convictions, la police n'aura rien à y redire! Но впрочемъ, къ чему продолжать бесплодный разговоръ! Чтобъ убѣдить тебя нагляднымъ образомъ, на сколько эти дамы не правы, добиваясь какого-то разрѣшенія женскаго вопроса, тебѣ достаточно пройтись со мной по Невскому, и потомъ зайти позавтракать къ Дюд. Здѣсь, ты на каждомъ шагу десять разъ убѣдишься, что женскій вопросъ давнымъ давно разрѣшенъ, и притомъ самымъ радикальнымъ образомъ. И такъ, идемъ. Кстати, ужъ третій часъ, а это именно моментъ моей прогулки и моего завтрака...

День стоялъ сѣрый, не холодный, но съ легкимъ морозцемъ, одинъ изъ тѣхъ дней когда Невскій, около трехъ часовъ, гудитъ народомъ. Слышалось бряцаніе палашей, шарканье калошъ, постукиванье палокъ. Пестрая говорящая толпа наполняла тротуаръ солнечной стороны, стущаясь около особенно бойкихъ мѣстъ и постепенно рѣдѣя по мѣрѣ приближенія къ Аничкину мосту. Тамъ и самыя истоиво выступали „наши дамы“, окруженныя молоденькими послѣдняго выпуска офицерами и сопровождаемыя лакеями въ богатыхъ ливреяхъ. Между ними, словно ящерицы, проползали ревнительницы женскаго вопроса, по поводу которыхъ у насъ чуть-чуть не произошла ссора съ Тебенковымъ, бойко стуча каблучками и держа подъ мышками книги. Сановники *faisaient leur tournée de matin*, и нѣкоторые изъ нихъ очень мило вставляли въ глазъ стеклышко и не безъ пріятности фредонировали: *J'ai un pied qui g'mue!* Четыре брата С. видѣлись на всѣхъ перекресткахъ и своимъ сходствомъ вводили проходящихъ въ заблужденіе. Дѣловой людъ не показывался, или жался къ стѣнамъ домовъ. Напротивъ, гулящій людъ шелъ

вольно, пѣлыми шеренгами и партіями, заложивъ руки въ карманы и занимая всю середину тротуара. У Полицейскаго моста, остановились два бывшихъ губернатора, и объясняли другъ другу, какъ бы они въ данномъ случаѣ поступили. Выходецъ изъ провинціи, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, съ широкимъ затылкомъ, съ трепещущимъ подъ кашне кадыкомъ и съ особыми глазами, уставился противъ елисейскихъ оконъ и только что не вслухъ думалъ: хорошо бы тутъ родиться, тутъ получить воспитаніе, тутъ жениться и тутъ умереть, буде безсмертіе не дано человѣку! Передъ магазиномъ эстамповъ остановилась пѣлая толпа и глядѣла на эстампъ, изображавшій дѣвицу съ поднятою до колѣнъ рубашкою; внизу эстампа было подписано: „L'oiseau envolé“. Изъ ресторана Доминика выходили полициальныя личности, жертвы страсти къ билліарду и къ желудочной. Посрединѣ улицы царствовала сумятица въ полномъ смыслѣ этого слова. Кареты, сани, дилижансы, желѣзнодорожные вагоны — все это появлялось и исчезало какъ въ сонномъ видѣніи. Въ самомъ разгарѣ суматохи, рискуя передавить пѣшеходовъ, мчались на тысячныхъ рыскахъ молодые люди, обгоняя кокотокъ, которыхъ коляски и соболя зажигали неугасимое пламя зависти въ сердцахъ „нашихъ дамъ“. Газъ въ магазинахъ еще не зажигался, но по мѣстамъ изъ-за оконъ уже видѣлась протягивающаяся къ газовому рожку рука. Еще минута — и весь Невскій загорится огнями, а вмѣстѣ съ огнями моментально исчезнетъ и та пестрая, фантастическая публика, которая переполняетъ теперь его тротуары...

Группа 1-я.

На углу Большой Конюшенной; шеренга изъ четырехъ молодыхъ людей неизвѣстнаго оружія.

1-ый молодой человѣкъ (*докторальнымъ тономъ*). Чтобъ утверждать что-нибудь, надо прежде всего знать то, что утверждаешь. Вѣдь ты незнакомъ съ Муриными?

2-ой молодой человѣкъ. Я... да... нѣтъ... но я слышала...
quelqu'un qui est très intime dans la maison m'a raconté...

1-ый молодой человѣкъ. Ну, вотъ видишь! ты только слышала, а утверждаешь! И что ты утверждаешь? Qu'Olga est jusqu'à nos jours fidèle à son grand dadais de colonel! Olga! je vous demande un peu, si ça a le sens commun!

Группа 2-я.

У Казанскаго моста; трое штатскихъ молодыхъ людей.

1-й молодой человѣкъ. И представь себѣ: сразу!

2-й и 3-й молодые люди (*вмѣстѣ*). Pas possible!

1-й молодой человѣкъ. Я самъ не успѣлъ хорошенько по-

нать, что со мной дѣлается, какъ ужь былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

Группа 3-я.

У Михайловской; два несомнѣнныхъ кавалерпста.

Первый. И мужь, ты говоришь, въ сосѣдней комнатѣ... ха, ха!

Второй. Да, въ сосѣдней комнатѣ, за преферансомъ сидитъ.

И мы слышимъ какъ онъ говоритъ: пассъ!!

Первый. Ah, c'est unique!

Группа 4-я.

У одной изъ Садовыхъ; начальникъ и подчиненный.

Подчиненный. Онъ, вашество, какъ мѣсто-то получилъ? Вы Глафиру-то Ивановну изволите знать?

Начальникъ. Какъ же! какъ же! Хорошенькая! Ахъ! да вѣдь она съ графомъ Николаемъ Петровичемъ... по-ни-маю!

Подчиненный. Ну вотъ-съ! ну вотъ-съ! ну вотъ-съ!

Начальникъ. Пон-ни-маю!!

Группа 5-я.

У подвѣзда Дюсо. Тебеньковъ и я.

Тебеньковъ. А ты еще сомнѣвался, что женскій вопросъ рѣшенъ! Давно, mon cher! Еще „Прекрасная Елена“ — ужь та порѣшила съ нимъ!

Н. Щедринъ.

Д О Р А.

(Разсказъ Альфреда Теннисона).

У старика богатаго Аллена,
На фермѣ жили Дора и Вилльямъ.
Вилльямъ былъ сынъ единственный его,
А Дора—дочь его родного брата.
Смотря на нихъ, Алленъ нерѣдко думалъ:
«Вотъ нарочна! Я ихъ соединю». —
Желанье дяди Дора замѣчала;
Она любила юношу; но онъ
О ней не думалъ вовсе, — постоянно
Съ ней подъ одною кровлею живя.

И вотъ Алленъ, призвавъ однажды сына,
Сказалъ ему: «Женился поздно я:
Но все жь бы мнѣ хотѣлось передъ смертью
Еще помянуть внука, милый сынъ,
Хотѣлось бы тебя женатымъ видѣть.
Взгляни на Дору... Какъ она мила,
Что за хозяйка!.. даже не по лѣтамъ.
Она моя племянница, ты знаешь.
Когда съ отцомъ ея мы разошлись,
Уѣхалъ онъ, и умеръ на чужбинѣ.
Но память брата чта, я взялъ къ себѣ
Малютку дочь его на воспитанье,
И на глазахъ моихъ она выросла.
Женись на ней; завѣтное желанье,
Что много лѣтъ въ душѣ моей живетъ,
Исполни сынъ». Но юноша отвѣтилъ
Отцу безъ колебанья,—на прямикъ:
— Нѣтъ, не хочу; не по сердцу мнѣ Дора.
Тогда въ глазахъ Аллена гнѣвъ сверкнулъ.
Т. ССѪІ. — Отд. І.

«Не хочешь ты? сказала старикъ Вильяму,
 Сжавъ кулаки: — противиться мнѣ смѣешь?
 Когда мы были молоды, слова
 Отцовскія закономъ мы считали.
 Такъ слушай же, сынокъ любезный мой,
 Даю тебѣ на размышленье мѣсяцъ.
 И если ты опять отвѣтишь мнѣ
 Такъ какъ теперь, то я вѣянусь Творцомъ,
 Что никогда отцовскаго перега,
 Пока я живъ, не переступишь ты».

Вильямъ ушелъ, сердито хлопнувъ дверью.
 Онъ въ кровь себѣ всѣ губы искусалъ,
 И самъ себя не помнилъ отъ волненья.
 Чѣмъ больше онъ, потомъ, смотрѣлъ на Дору,
 Тѣмъ больше убѣждался, что ее
 Онъ полюбить не въ силахъ, и сурово
 Съ ней обходиться началъ. Но она
 Была кротка подрежнему; и горя,
 Что въ глубинѣ души ея таилось,
 Не выдавалъ спокойный, свѣтлый взоръ.
 Еще и срокъ, назначенный отцомъ,
 Не истекалъ, а ужъ Вильямъ покинулъ
 Родной очагъ. Въ работу нанался
 Онъ на поляхъ сосѣднихъ, и потомъ
 (Любовь ли то была или досада,
 Богъ вѣсть!) женился вскорѣ на одной
 Молоденькой и бѣдной поселянкѣ,
 Сироткѣ круглой: Мэри Моррисонъ.

Когда Алленъ услышалъ звонъ церковный,
 Ему о свадьбѣ сына возвѣщавшій,
 Племянницу онъ позвалъ и сказалъ:
 «Ты мнѣ мила, дитя мое; но еслибъ —
 Когда-нибудь, хоть словомъ обмѣнялась
 Ты съ тѣмъ, кто прежде сыномъ былъ моимъ,
 Иль съ той, кого женой онъ называетъ,
 То, вѣрь мнѣ, мы разстанемся сейчасъ.
 Не забудь, что я сказала, то светомъ.
 Исполнить волю дяди обѣщала
 Безъ возраженій Дора; но сама
 Подумала: современемъ смягчится
 Гнѣвъ старика, и сына онъ проститъ.
 За днями дни летѣли. У Вильяма

Родился сынъ, но немножко нмѣ дѣла.
 Онъ проходилъ верѣдко мимо дома
 Отца жудой, печившіи и унылыи;
 Но не помогъ старикъ ему въ нуждѣ.
 Урадкою лишь Дора послыдала
 Женѣ его все что могла сберечь
 Отъ крохъ своихъ; и ни Вилльямъ, ни Мери
 Не знали, кто былъ этотъ тайный другъ,
 Пока Вилльямъ не захворалъ горячкой,
 И осенью въ могилу не сошелъ.

Тогда къ его вдовѣ явилась Дора.
 Ребенка мать держала на рукахъ,
 И по лицу у ней катились слезы.
 Считаая Дору злой, недружелюбно
 Ее принять готовилась она;
 Но та, вѣжда, ей ласково сказала:
 «Донинѣ я повиновалась дядѣ,
 Но горячо раскаяваюсь въ томъ.
 Лишь я одна причиною всѣхъ несчастій,
 Всѣхъ горестей, постигнувшихъ Вилльяма.
 Теперь, для тѣни вѣчно-дорогой
 Того, кто взять у насъ могилой ранней,
 И для тебя, кого своей женой
 Онъ называлъ, и для его ребенка
 Сюда пришла я; ты вѣдь знаешь, Мери,
 Что урожай Господь намъ послыаетъ
 Такой, какого не было давно.
 Дай своего малютку мнѣ, и въ полѣ,
 Средь золотистой ржи и васильковъ,
 Я посажу его, чтобъ дяди видѣть.
 Обрадованный жатвою богатой,
 Смягчится онъ, и позабывъ вражду,
 Благословить ребенка со слезами!»

И Дора, взявъ ребенка, съ нимъ пошла
 Полями... Вотъ, на холмикѣ отлогомъ,
 Что весь покрытъ былъ макомъ разноцвѣтнымъ,
 Она присѣла съ ношею своей...
 Старикъ Алленъ прошелъ, но такъ далеко,
 Что ихъ не могъ замѣтить; и никто
 Изъ слугъ не смѣлъ сказать ему, что Дора
 Его ждала съ ребенкомъ. Ужь она

Хотѣла встать, идти къ нему на встрѣчу,
 Но твердость вдругъ оставила ее...
 Лучъ солнца гасъ, жнецы свой трудъ кончали,
 И на поля спускалась ночи мгла...

Лишь разсвѣло, опять съ малюткой Дора
 Пошла въ поля, и сѣла на пути.
 Изъ всѣхъ цвѣтовъ, что около пестрѣли,
 Для мальчика вѣнокъ она сплела,
 И обвила имъ дѣтскую головку,
 Чтобъ дяди взоръ она могла плѣнить.
 Когда Алленъ, обзрѣвая жатву,
 Племянницу увидѣлъ, отъ жнецовъ
 Онъ отошелъ, и подоидъ къ ней быстро,
 Спросилъ: «Гдѣ ты была вчера? Зачѣмъ
 Ты здѣсь теперь? И чей ребенокъ это?»
 — Твой внучекъ, сынъ умершаго Вилльма,
 Произнесла потупившись она.

«Но развѣ ты—сказалъ Алленъ—забыла
 Мои слова? Не запретилъ ли я...»

Она ему въ отвѣтъ: — Ты можешь сдѣлать
 Со мной чтò хочешь, но возьми ребенка,
 И съ памятью Вилльма примиришь.

Алленъ сказалъ: «Я вижу — это шанин.
 Ты съ той, знать, сговорила, и меня
 Учить моимъ обязанностямъ хочешь,
 Надъ волей насмѣхаешься моею.

Такъ ладно-жъ. Я беру къ себѣ ребенка,
 Но чтобъ тебя я больше не видалъ!»

Онъ замолчалъ, и, взявъ у ней ребенка,
 Который бился, плакалъ и кричалъ,
 Унесъ его. Вѣнокъ съ его головки

Упалъ къ ногамъ поникшей грустно Доры.
 Закрывъ лицо руками, вся въ слезахъ,
 Она сидѣла долго. Плачь ребенка

Все отдаваясь, слышался слабѣй,
 И наконецъ замогъ; невольно

Припомнилось ей прошлое: тотъ день,
 Когда она пришла сюда впервые,

И все чтò послѣ было... А жнецы

Кончали трудъ свой молча... Солнце гасло,
 И на поля спускалась ночи мгла...

И въ Мери въ домъ направилася Дора.

Но у крыльца, на нѣсколько мгновений,
 Боясь войти, остановилась вдругъ...
 Когда-жъ въ окошко Мери увидала,
 Что Дора возвращается одна,
 То радости исполнена глубокой,
 Благодарить усердно стала Бога,
 Пришедшаго на помощь сиротѣ.
 «Мой дядя взялъ къ себѣ ребенка, Мери,
 Сказала Дора, въ комнату войди.
 Но мнѣ позволъ остаться жить съ тобою,
 Позволъ тебѣ въ работахъ помогать.
 Меня не хочеть больше видѣть дядя.
 — Нѣтъ! никогда не допущу я, Дора,
 Отвѣтила ей Мери, чтобы ты
 Изъ-за меня страдала. Не оставлю
 У дяди я ребенка, ни за что!
 Его онъ сдѣлать можетъ безсердечнымъ,
 Онъ презирать его научить мать!
 Пойдемъ къ нему, пойдемъ скорѣе, Дора.
 Пускай тебя опять онъ приметъ въ домъ,
 А я возьму навадь къ себѣ малютку.
 Но еслибы отвергъ тебя старикъ,
 Тогда съ тобой мы вмѣстѣ несалимся,
 И вмѣстѣ будемъ печься о ребенкѣ,
 Покажеться онъ не выростеть большой,
 И въ свой чередъ не будетъ намъ опорой.

Онѣ поцаловались, и пошли,
 И въ полчаса уже достигли фермы.
 Дверь въ комнату, гдѣ фермеръ помѣщался,
 Отворена была на половину,
 И вотъ что ихъ представилась глазамъ,
 Когда онѣ уградкой заглянули
 Въ ту дверь: Старикъ малютку на колѣняхъ
 Своихъ держалъ, давалъ ему играть
 Часами и цѣпочкою массивной,
 И даже иногда его ласкалъ...
 То щечкочетъ шейку мальчугана,
 То вдругъ ево потреплетъ по щекѣ,
 То съ нѣжностью погладитъ по головкѣ...
 И чѣмъ-то походившимъ на любовь,
 Тогда свѣтились старческіе взоры...

Онѣ вопли. Увидѣвъ мать, ребенокъ
 Къ ней потянулъ свои ручени съ крикомъ,
 И на полъ посадилъ его Алленъ.
 «Я ни о чемъ — тогда сказала Мери —
 Васъ не просила, батюшка, (простите,
 Что такъ назвать осмѣлилась я васъ)
 Ни для себя самой, ни для Вилльама,
 Ни для малютки этого. Но вотъ
 Я прихожу теперь просить о Дорѣ,
 Которая васъ любитъ горячо.
 Позвольте къ вамъ опять ей возвратиться.
 Вилльамъ, сойдя въ могилу, не унесъ
 Съ собой вражды къ поинутому міру.
 Со всѣми онъ предъ смертью примирился.
 На мой вопросъ, не сожалѣлъ ли онъ
 Когда-нибудь, что онъ на мнѣ женился,
 Вилльамъ сказалъ, что счастливъ былъ со мной,
 Что я его ничѣмъ не огорчала,
 Но что разладъ съ отцомъ его гнетѣтъ,
 И что себя онъ все-таки неправимъ
 Передъ отцомъ во многомъ признаеть.
 Последнія слова Вилльама были:
 Пусть никогда отецъ мой не узнаеть,
 Какъ больно мнѣ, съ нимъ въ ссорѣ умирать.
 Теперь прошу: отдайте мнѣ ребенка,
 Его суровымъ сдѣлаете вы,
 И къ памяти отцовской — онъ, пожалуй,
 Презрѣніе научится питать!
 Опять къ себѣ вы въ домъ примите Дору,
 И все пускай попрежнему идетъ».
 Такъ говорила Мери, и къ плечу
 Ея припала Дора головою.
 И въ комнатѣ нѣмая тишина
 На нѣсколько мгновеній воцарилась.
 Ее прервалъ Алленъ своимъ рыданьемъ:
 «О, горе мнѣ! Виновенъ много я...
 Я сына свелъ безвременно въ могилу...
 Вилльама дорогаго своего...
 Мой милый сынъ! Вѣдь я тебя любилъ!...
 Тяжка, тяжка вина моя!... О! дѣти —
 Молю васъ — обнимите старика,
 Простите мнѣ безмѣрныя страданья,
 Что заставлялъ я васъ переносить!»

И обняли онъ его сердечно,
 И все ему простили въ этотъ мигъ.
 Раскаяньемъ совсѣмъ онъ былъ подавленъ;
 Вся прежняя любовь проснулась въ немъ.
 И долго надъ малюткою Вильяма
 Рыдалъ старикъ, Вильяма вспоминая.

И съ той поры всѣ четверо они
 На фермѣ подъ одною кровлей жили.
 Прошли года; и Мери избрала
 Себѣ другаго мужа, но осталась
 Не замужемъ до самой смерти Дера.

А. Наседцовъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

(When all around grew drear und dark).

Когда былъ страшный мракъ вкругомъ,
 И гасъ разсудокъ мой, казалось,
 Когда надежда мнѣ являлась
 Далекимъ, блѣднымъ огонькомъ.

Когда готовъ былъ изнемочь
 Я въ битвѣ долгой и упорной,
 И клеветѣ внимая черной,
 Всѣ отъ меня бѣжали прочь.

Когда въ измученную грудь
 Вонзались ненависти стрѣлы,
 Лишь ты, во тьмѣ, звѣздой блестя,
 И мнѣ указывала путь.

Благословенъ будь этотъ свѣтъ
 Звѣзды не меркнувшей, любимой;

Что словно око серафима
 Меня берёгъ средь бурь и бѣдъ.

За тучей туча вслѣдъ плыла,
 Не омрачивъ звѣзды лучистой;
 Она по небу блескъ свой чистый,
 Пока не скрылась ночь, лила.

О! будь со мной! учи меня
 Иль смѣлымъ быть, иль терпѣливымъ.
 Не приговорамъ свѣта лживымъ,
 Твоимъ словамъ лишь вѣрю я!

Какъ деревцо стояла ты,
 Что уцѣлѣло подъ грозю,
 И надъ могильною плитою,
 Склоняеть вѣрные листы.

Когда на грозныхъ небесахъ,
 Сгустилась тьма; и буря злая
 Вокругъ ревла, не смолкая,
 Ко мнѣ склонилась ты въ слезахъ.

Тебя, и близкихъ всѣхъ твоихъ,
 Судьба хранить отъ бурь опасныхъ,
 Кто добръ — небесъ достоинъ ясныхъ, —
 Ты прежде всѣхъ достойна ихъ.

Любовь въ насъ часто ложь одна;
 Но ты измѣнѣ не доступна,
 Неколебима, неподкупна,
 Хотя душа твоя нѣжна.

Все той же вѣрной встрѣтилъ я
 Тебя въ дни бѣдствій, погибая,
 И мѣръ, гдѣ есть душа такая,
 Ужъ не пустыня для меня!

А. Плещеевъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ¹.

III.

Сентябрь. Бабѣ лѣто наступило. Лѣсъ расцвѣтился пестрыми красками, листь на деревьяхъ сдѣлался жестокъ и шумить по осеннему, но еще не тронулся—морозовъ не было. Небо сѣро, моросить осенній мелкій дождичекъ, солнышко, если и взглянетъ, то сквозь туманъ, и свѣтитъ, и грѣеть плохо. Мокро; но это слава-Богу, потому что «коли бабѣ лѣто ненастно—осень сухая». Со дня на день ждемъ морозовъ: мы въ деревнѣ всегда чего нибудь ждемъ: весною ждемъ перваго теплаго дождика, осенью—перваго мороза, перваго снѣга; хоть морозъ намъ вовсе не нуженъ, но нельзя же осенью безъ мороза, какъ-то неспокойно, что нѣтъ мороза, все думается не было бы отъ этого худа. Через-чуръ что-то хорошо нынче: весна стала съ первыхъ чиселъ апрѣля, осень еще не началась въ сентябрѣ, пять мѣсяцевъ не было морозовъ. Къ добру ли это? ворчить «старуха», — нѣтъ, нѣтъ морозовъ, а потомъ какъ хватить! Все Божья воля, прибавляетъ она, спохватившись, что не слѣдуетъ роптать, все Божья воля, Богъ не безъ милости, онъ, милосердный, лучше насъ знаетъ, чтѣ къ чему.

Но вотъ и бабѣ лѣто кончилось. Прошли «Федоры—замочи хвосты». Уже и по календарю наступила осень, а морозовъ настоящихъ все нѣтъ какъ нѣтъ, скучно даже. Наконецъ, на Вздвиженіе ударилъ настоящій морозъ; ночью сильно прихватило. Проснулся по утру—свѣтло, ясно, весело. Смотрю въ окно—все бѣло, подсолнечники уныло опустили головы, листь на настурціяхъ, бобахъ, ипомеяхъ, почернѣлъ—только горошки и лунины еще стоятъ. Послѣ мороза лѣсъ пошелъ быстро оголяться: тронулась липа, осина; еще морозъ — пошла и береза. Листъ такъ и летитъ, съ каждымъ днемъ въ рощахъ все дѣ-

¹ См. «От. Зап.» 1872 г. № 5 и 6.

ляется свѣтлѣе и свѣтлѣе, опавшій листь шумить подъ ногами, лѣтнія птицы отлетѣли, зимнія сбились въ стан, заяцъ началъ бѣлѣть, около дома появились первые зимнія гости—синички.

Удивительный нынче годъ! въ концѣ сентября опять вернулось лѣто. Вотъ уже нѣсколько недѣль стоитъ великолѣпная погода, небо ясно—ни облачка, солнце печетъ какъ въ покое, только по вечерамъ чувствуется, что дѣло идетъ не на лѣто, а на зиму. Передъ Казанской, прихватило было, но потомъ опять отпустило и скотъ еще послѣ Родительской ходитъ въ полѣ.

Какъ попривыкнешь, хорошо въ деревнѣ и осенью — вольно главное.

Съ полей давно уже убрались. Лошадямъ приволье—бродать беспутанныя гдѣ хотятъ. Народъ веселъ—хлѣбъ родился хорошо, тяжелыя полевныя работы окончены. Конечно, мужикъ и теперь не безъ работы, но день малъ, а ночь длинна—не такъ утомляется на работѣ днемъ и есть когда отдохнуть ночью; хлѣбъ чистый, вольный. Съ огородовъ и овиновъ несутся звуки веселыхъ осеннихъ свадебныхъ пѣсенъ; бабы уже рѣшили, кто на комъ долженъ жениться, и въ пѣсняхъ, по своему усмотрѣнiю, сочетаютъ имена парней и дѣвокъ, которымъ пора жениться нынѣшней осенью.

Въ комнатахъ—сейчасъ видно, что осень—господствуетъ тотъ особенный запахъ, который вы ощущаете осенью, входя на постоялый дворъ или въ чистую избу зажиточнаго мужика, попа, мѣщанина,—запахъ лука, гороха, укропа и т. п. Въ одномъ углу наваленъ лукъ, въ другомъ—на рядинахъ дозрѣваютъ бобы, сѣмена настурцiй. Въ столовой весь полъ заваленъ кукурузой, подсолнечниками—все это у насъ нынче выспѣло. На окнахъ, на столахъ, на полкахъ разложены цвѣточные и огородныя сѣмена, образчики сѣна, льна, хлѣбовъ. Стѣны увѣшаны пучками укропа, тмина, петрушки.

Идетъ уборка огороднаго. Авдотья совсѣмъ про меня забыла; она до такой степени занята «огороднымъ» и льномъ—на обязанности Авдотьи лежитъ брать «спытки» льну со стлица и опредѣлять «лежился ли ленъ»—что готова оставить меня безъ обѣда. Забѣжить по утру.

— Я вамъ, А. Н., сегодня щи съ бараниной сдѣлаю.

— А еще что?

— Баранины жарю.

— Да ты бы, Авдотья, хоть утку съ рыжиками сдѣлала, а то все баранина да баранина.

— Какъ прикажете, начинается сердиться Авдотья: —вы всегда

же во время загадаете: сегодня бабы пришли капусту рубить, а тутъ утку... Воля ваша, какъ прикажете, только насчетъ огороднаго не спрашивайте. Извольте, утку сдѣлаю, а ужъ капусту, значить, оставимъ. Понапрасну только пироги пекли.

— Ну, хорошо, хорошо, жарь баранину, да только не забудь чесночкомъ нашпиговать.

— Не забуду, весело отвѣчаетъ Авдотья, и торопливо убѣгаетъ въ застольную, откуда черезъ минуту слышится ея звонкій голосъ:—вы, бабочки, идите капусту возить, а я сейчасъ, только спытокъ сонну.

Черезъ какихъ нибудь полчаса, Авдотья уже прибѣгаетъ ко мнѣ съ двумя горстями льну.

— Какой это ленъ?

— Троценковъ. Вчера спытокъ взяла; по моему, дежилса; особенно который побуйнѣйшій. Мелкій-то еще не совсѣмъ, а буйный хорошо лежился—сами извольте посмотрѣть.

— Что-жь, подымать будемъ.

— Воля ваша, а по моему пора подымать — еще въ кладкѣ что нибудь дойдетъ, послабѣетъ.

Авдотья бѣжитъ на огородъ, откуда опять слышится ея голосъ:

— Вы, бабочки, какъ свезете капусту, позавтракайте, да и начинайте рубить, а я сейчасъ, только барину кушанье ставлю.

Авдотья готовить кушанье, но мысли ея далеко—въ избѣ, гдѣ рубать капусту. Какъ только кушанье готово, она чуть не въ одиннадцать часовъ утра подаетъ обѣдать, и не дождавшись, пока я кончу обѣдъ, предоставляетъ все убрать Савельичу, бѣжить въ застольную угощать бабъ водкой и пирогами, потому что бабы пришли убирать огородное «изъ честна». До обѣда было тихо, но выливъ воды и пообѣдавъ, бабы работая «скричать» пѣсни. Долго послѣ солнечнаго заката, до поздней ночи, изъ избы несется мѣрный стукъ сѣчель и слышится звонкія пѣсни.

Зеленая рутушка, желтый цвѣтъ,
Что тебя, Сидорча, долго вѣтъ
Давно тебя Анисья къ себѣ ждетъ..

послѣ бабы. Бабы рѣшили, что Сидоръ, молодой парень изъ сосѣдней деревни, служащій у меня въ качествѣ кучера, огородника, мясника—онъ рѣжетъ телятъ и барановъ—и вообще по особымъ порученіямъ, непременно долженъ въ нынѣшнемъ году жениться, потому что, за выходомъ замужъ Сидоровой сестры, въ его дворъ нужна работница. Бабы рѣшили, что Сидоръ долженъ жениться на молодой дѣвушкѣ изъ той же деревни, Анисьѣ, которой въ нынѣшнемъ году тоже слѣдуетъ вы-

ходить замужъ. Сидоръ, слушая пѣсни, ничего, только укивается, но одна изъ моихъ работницъ солдатка, которая находитъ съ Сидоромъ въ интимныхъ отношеніяхъ, не можетъ скрыть своей досады. Бабы это замѣчаютъ и съ особеннымъ наслажденіемъ «точать» солдатку, Прокричавъ «рутушку», бабы заводятъ:

Переманочка уточна
 Переманила селезня
 На свое озеро плавати.
 Но не я жъ-то его манила,
 Самъ ко мнѣ селезень прилетѣлъ,
 На меня, утицу, гляючи,
 На мои тихіе наплывы,
 На мои сѣрыя перушки,
 На сизыя крылушки.
 Перепросочка Анисья
 Перепросила Сидора
 На свою уличку гуляти.
 Нѣтъ, не я его просила
 Самъ молодецъ ко мнѣ пришелъ,
 На меня дѣвицу гляючи и т. д.

Солдатка изъ себя выходитъ. Сказать бабамъ ничего нельзя, придаться не къ чему, а бабы, понимая это, такъ и пробираютъ, такъ и пробираютъ: Анисья-то и молода, Анисья-то и хороша, Анисья-то Сидору подъ пару, толкуютъ бабы и опять заводятъ пѣсню. Въ вакихъ нибудь двѣ недѣли капустенскихъ вечорокъ, солдатка, женщина тихая и добрая, озлобилась до такой степени, что и не подходитъ къ ней, взбѣсилась какъ говорить Авдотья, похудѣла, почернѣла; со всѣми ссорится, бранится, придирается къ пустякамъ, а не на комъ сорвать злобу, такъ мучить свою грудную дочку — плодъ преступной любви. Совсѣмъ одурѣла баба, да оно впрочемъ и понятно. Дошло до того, что солдатка пришла наконецъ ко мнѣ просить разсчета...

— Пожалуйте мнѣ разсчетъ, А. Н. Всѣмъ я вами довольна, а жить больше не могу. Обижаютъ меня всѣ.

— Кто-жъ тебя обижаетъ?

— Всѣ обижаютъ, старуха обижаетъ, все не такъ, говорить, дѣлаю; скотница обижаетъ; всѣ обижаютъ.

— Изволь.

Солдатка въ слезы—и плачетъ, и злится. Жалко мнѣ ее стало, ужъ должно быть хорошо ее бабы пробрали, если она рѣшилась уйти и разстаться съ Сидоромъ.

Призываю Авдотью.

— Что это, спрашиваю, съ солдаткой?

— Богъ ее знаетъ. Взбѣсилась. И сердисься на нее, и жал-

но. Просто съ ума сошла. Вчера дочку въ хлѣвъ бросила по-
среди веревъ. Пропадай она, говорить, мнѣ все равно. Еще
чего не сдѣлала бы.

— Да съ чего это съ ней стало?

— Совсѣмъ одурѣла, отъ дѣла отбилась, злится все.

— Это все ваши пѣсни.

— Ну, конечно. Да вѣдь нельзя же, А. Н., ротъ другому за-
жать, а и Сидору не оставаться же холостымъ.

— Да какое же вамъ, бабамъ, до этого дѣло?

— А вотъ хотятъ, поютъ — что же она бабамъ подѣлаеть?
такъ вотъ ее и испугались! Она себѣ злится! Начинаетъ сер-
диться Авдотья.

Кое-какъ успокоилъ солдатку, обѣщавъ дать черезъ недѣлю
разсчитать; потомъ дѣло уладилось, кончилась уборка капусты,
бабы перестали къ намъ собираться и солдатка успокоилась.
Теперь весела, добра и расчета не спрашиваетъ.

Во время уборки огорода, Авдотья совсѣмъ меня вытѣснила,
точно не я и хозяйнѣ; дошло до того, что она уже и въ домъ
перевѣхала съ своей капустой. Просыпаюсь разъ по утру, слы-
шу какой-то шумъ за стѣной, таскаютъ что-то, передвигаютъ.

— Что это? спрашиваю Авдотью.

— А капусту будемъ въ кухнѣ рубить.

— Какую капусту?

— Бѣлую; будемъ шинковать и рубить бѣлую капусту для
васъ. Въ застойной грязно, а для васъ нужно почище сдѣ-
лать—я вотъ и надумалась въ кухнѣ рубить.

— А я-то куда дѣнусь?

— Въ поле пойдете теперь, а вечеромъ что же вамъ все
однимъ сидѣть. Весело будетъ, бабы пѣсни играть будутъ, я
самыхъ лучшихъ игрицъ позвала, «Селезня» сыграемъ.

— А споете: «Чтобы рожь была колосиста, чтобы моя жена
стоячи жала, синны не ломала»? смѣюсь я.

— Сыграемъ и эту. Авдотья на все согласна, лишь бы я
не запретилъ шинковать капусту въ домѣ: ей ужасно хочется,
чтобы капуста у насъ вышла хорошая, не хуже чѣмъ у сосѣд-
нихъ помѣщицъ.

Я, разумѣется, разрѣшилъ рубить капусту въ домѣ. Авдотья
заняла всѣ комнаты и готова была даже въ мой кабинетъ по-
ставить какую-нибудь кадку, но кабинетъ я отстоялъ. Вече-
ромъ было весело. Въ чистыхъ двухъ комнатахъ Авдотья за-
садила дѣвочекъ лущить бобы и перебирать лукъ; въ кухнѣ, на
Авдотьиной половинѣ, шинковали и рубили капусту. Бабы и
дѣвочки пѣли пѣсни и наконецъ, покончивши съ капустой,

плясать, мустылись. Всѣмъ распоряжалась Авдотья, и даже ее мужъ, староста Иванъ, ни во что не вмѣшивался, потому что капуста — бабье дѣло. Все вышло очень хорошо; нарубил и нашинговали двѣ огромныхъ ведки, которыя и поставили въ сундѣ. На другой день я уѣхалъ въ гости и возвратился черезъ нѣсколько дней. Вхожу въ комнаты — вонь страшнѣйшая, продохнуть нельзя.

— Что это у тебя, Авдотья, такъ вонзеть въ комнатахъ?

— Помилуй Господи!

— Вѣдь войти въ домъ нельзя.

— Не знаю. Ничего такого нѣтъ, развѣ капустой пахнетъ, капуста закисаетъ, бруда идетъ. А то ничего нѣтъ.

Дѣйствительно, это капуста закисала.

Все «огородное» бабье изъ двухъ сосѣднихъ деревень убирала у меня «изъ чести»; только картофель убирала «за потрави».

Работа «изъ чести», толовой, производится даромъ, бесплатно; но, разумѣется, должно быть угощеніе, и вѣчно, прежде всего водка. Загадавъ рубить капусту, чистить бураки и пр., Авдотья приглашаетъ, «просить» бабъ придти на «помочи». Отказа никогда не бываетъ, изъ каждаго двора приходитъ по одной, по двѣ бабы, съ раннаго утра. Берутъ ведки, пекутъ пироги, заготавливаютъ обѣдъ получше, и если есть изъ чего, то непременно дѣлаютъ студень — это первое угощеніе. «Толочане» всегда работаютъ превосходно, особенно бабы, такъ, какъ никогда за поденную плату работать не станутъ. Каждый старается сдѣлать какъ можно лучше, отличиться такъ сказать. Работа сопровождается смѣхомъ, шутками, весельемъ, пѣснями. Работаютъ какъ бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а «помогать». Баба изъ зажиточнаго двора, особенно теперь осенью, за деньги работать на поденщину не пойдетъ, а «изъ чести», «на помощь», «въ толову», придетъ и будетъ работать отлично, вполнѣ добросовѣстно, похозяйски, еще лучше, чѣмъ баба изъ бѣднаго двора, потому что въ зажиточномъ дворѣ у хорошаго хозяина и бабы въ порядкѣ, умѣютъ все сдѣлать, да и силы больше имѣютъ, потому что живутъ на хорошемъ харчу. Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходятъ и такія бабы, которыя водки не пьютъ; случается даже, что приходятъ безъ зову, узнавъ, что есть какая-нибудь работа. Конечно, все это происходитъ оттого, что мужики и теперь всегда въ зависимости отъ сосѣднаго помѣщика: мужику и дровецъ нужно, и лукокъ нуженъ, и «суруга» (выгонъ) нужна, и деньжонокъ перехватить иногда, можетъ

быть, придется, и посоветываться, можетъ быть, о чемъ-нибудь нужно будетъ, потому что всѣ мы подь Богомъ ходимъ—вдругъ, крнй Господи, къ суду какому-нибудь притануть—какъ же не оказать при случаѣ уваженіе пану! И въ деревнѣ вѣдь то же самое: къ богатому мужику всѣ «низъ чести» пойдутъ на толоку, потому что нельзя же—то за тѣмъ, то за другимъ придется къ нему обратиться. Я замѣтилъ, что тѣмъ богаче деревня, тѣмъ зажиточнѣе и замысловатѣе крестьяне, тѣмъ болѣе стараются они о хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику, ближайшему сосѣду. Зажиточный мужикъ всегда вѣжливъ, почтителенъ, готовъ на всякія мелкія услуги—что ему значить прислать бабу на день, на два въ такое время, когда полевая работа окончена? Конечно, онъ не возьмется работать за безцѣношь, но если дѣна подходящая, выгодная и онъ взялъ работу, то работаетъ превосходно. Я слышалъ отъ многихъ помѣщиковъ и даже старостъ, особенно бывшихъ старостами въ крѣпостное время, что еслибы мужики были позажиточнѣе, то помѣщикамъ нельзя было бы вслѣдствіе дороговизны рабочихъ хозяйничать; но я думаю, что это не такъ, и постараюсь потомъ, въ особой статьѣ, доказать это. Разумѣется, только крайняя нужда, голодъ, заставляютъ крестьянъ работать за ту баснословно низкую цѣну, за которую они у насъ работаютъ, но хозяйничать съ выгодой можно даже и тогда, еслибы цѣнность работы значительно возвысилась, только нужно измѣнить систему хозяйства, а не болтать землю, какъ болтали ее наши дѣды, когда былъ крѣпостной трудъ. Крѣпостной трудъ уничтоженъ, а система хозяйства остается все та же: понятно, что хозяйство можетъ успѣшно идти только въ томъ случаѣ, когда крестьяне, вслѣдствіе бѣдности, находятся почти въ томъ же крѣпостномъ состояніи, какъ и прежде. А нужно ли это чтобы такъ было?

Когда я, два года тому назадъ, пріѣхалъ въ деревню, то первую же весну, разливомъ рѣки, у меня промыло плотину и такъ испортило дорогу, что я, какъ петербуржецъ, думалъ, что по ней и ѣздить нельзя. Конечно, я скоро убѣдился, что можно ѣздить по всякой дорогѣ, потому что если нельзя проѣхать въ телегѣ, то можно проѣхать на передкѣ — весной крестьяне обыкновенно ѣздятъ на тележномъ передкѣ, на ось котораго ставится небольшая корзинка—а верхомъ, или пройти пѣшкомъ всегда можно; но, тогда, когда я былъ еще вновь, услышавъ, что староста предлагаетъ проѣзжему помѣщику, который желалъ перебраться на ту сторону рѣки, переѣхать на нашей лошади верхомъ, причемъ убѣждалъ, что это совершенно безопасно, потому что лошадь умна, осторожна, привычна,

знать дорогу и переплыветъ гдѣ глубоко, — я былъ крайне смущенъ и порѣшилъ, тотчасъ какъ снадетъ вода, поправить дорогу и задѣлать прорву въ плотинѣ. По моему расчету, для поправки плотины и дороги не пошло бы болѣе двадцати кубовъ земли и если взять землекоповъ, граберовъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, то работа обошлась бы рублей тридцать; но землекоповъ вблизи не было, а мнѣ, какъ петербуржцу, казалось, что нельзя оставлять дорогу въ такомъ видѣ и необходимо исправить ее тотчасъ же, а потому я пригласилъ сосѣднихъ крестьянъ и предложилъ имъ взять на себя эту работу. Крестьяне запросили за работу сто рублей. Я предлагалъ тридцать, предлагалъ пятьдесятъ, отказались наотрѣвъ: менѣе 100 рублей не пойдемъ, говорятъ. Ну, думаю, принимаютъ. Знаютъ, что негдѣ взять землекоповъ, и потому жмутъ: я вѣдь тогда все воображалъ, что дорогу-то непременно нужно тотчасъ чинить и что крестьяне, зная это, потому и принимаютъ. Теперь, когда я пишу эти строки, мнѣ даже смѣшны мои тогдашнія волненія, потому что если теперь испортилась дорога, я уже хладнокровно говорю: придетъ лѣто, дастъ Богъ хорошую погоду, дорога сама исправится, а теперь чини кто хочетъ. Да и кто же весной ѣздитъ? зачѣмъ въ такую пору ѣздитъ? Къ мировому привлечь могутъ—привлекай,—чтожъ? можно и къ мировому, мировой тоже человѣкъ, понимаетъ, что я противъ стихіи Божьей не властенъ. Мировой! а развѣ у него въ имѣніи дорога лучше моей? Извѣстное дѣло, проселочная дорога—проѣхать можно. Кое-какъ поладимъ, въ телегѣ проѣхать можно—жить. Да и зачѣмъ намъ такая дорога, чтобы удобно было въ каретахъ ѣздить, когда во всемъ околотоу существуютъ кареты у двухъ трехъ человѣкъ, да и то старыя до «Положенія» построенныя. Да и что значить «починить» проселочную дорогу? въ какой именно видѣ ее привести? Чтобы въ каретахъ на лежачихъ ресорахъ можно было ѣздить? но если всѣ проселочныя дороги держать въ такомъ порядкѣ, то и пахать некому будетъ, всѣмъ придется постоянно сидѣть на дорогахъ и ихъ чинить. Но если некому будетъ пахать, не будетъ ни у кого и каретъ, зачѣмъ же тогда дороги чинить? Хочешь въ каретахъ ѣздить — чини самъ, а мы на колесахъ—есть такой экипажъ, который называется «колеса», потому что въ немъ, кромѣ колесъ, ничего нѣтъ — вездѣ проѣдемъ. Разумѣется, когда начальство ѣдетъ: губернаторъ, архіерей, исправникъ — тогда, понятно, слѣдуетъ уваженіе оказать, дорогу починить, тогда не то, что худую, а и хорошую дорогу починимъ! Повторяю, теперь я привыкъ ко всему этому; знаю, что осенью

и весной ѣздить не слѣдуетъ, да и лѣтомъ, отправляясь въ дорогу, нужно перекреститься — но тогда, вновь, я ужасно волновался. Нужно чинить дорогу — а за починку требуютъ несообразную цѣну — сто рублей. Чтò тутъ дѣлать? крестьяне такъ и уперлись на ста рубляхъ.

На другой день, приходитъ ко мнѣ одинъ крестьянинъ, съ которымъ первымъ я сошелся по приѣздѣ въ деревню. Крестьянинъ этотъ въ крѣпостное время былъ взятъ изъ деревни въ дворню и служилъ при мнѣ въ «смальчивахъ» въ домѣ, гдѣ я воспитывался до пятнадцати лѣтъ. Въ малолѣтствѣ мы были друзьями и когда-то вмѣстѣ играли, бѣгали, дрались. Потомъ, меня отвезли въ Петербургъ, а Степка попалъ въ поваренки, былъ поваромъ, служилъ при одномъ изъ молодыхъ господъ, съ которымъ, какъ онъ выражался, отломалъ два похода: венгерскій и крымскій. Послѣ крымской войны, Степанъ получилъ вольную, служилъ долго въ Петербургѣ при одной изъ гимназій, наконецъ заболѣлъ, пролежалъ восемь мѣсяцевъ въ больницѣ, и поправившись, по совѣту доктора, отправился въ деревню — дворъ его зажиточный, — гдѣ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался совершеннымъ крестьяниномъ, научился пахать, косить, рубить. Человѣкъ онъ былъ — нынѣшней зимой онъ умеръ — очень умный, добросовѣстный работникъ, отличный хозяинъ, понаметался около людей, все хорошо понималъ и пользовался громаднымъ уваженіемъ въ деревнѣ. Когда я приѣхалъ въ деревню, Степанъ явился ко мнѣ поздравить съ приѣздомъ; я ему очень обрадовался, стали мы придоминать старое время, какъ вмѣстѣ лазили на голубятню, вмѣстѣ воровали вишни и дразнили стараго садовника Осипа. Я, конечно, угостилъ Степана и водочкой, и чайкомъ. Потомъ, Степанъ иногда навѣдывался ко мнѣ по праздникамъ вечеркомъ покаялять: пили чай, болтали о Петербургѣ, о старомъ и новомъ времени, о козаяствѣ. Степанъ много мнѣ разъяснилъ изъ деревенскихъ отношеній, много далъ хорошихъ совѣтовъ. «Теперь еще лучше можно козаяничать, чѣмъ прежде, когда были крѣпостные, говаривалъ Степанъ: — теперь все стало дороже, особенно какъ дорогу провели; вы не опасайтесь, что будетъ недостатокъ въ рабочихъ, не бойтесь, что земля запустеетъ — все обработаютъ; дѣлайте такъ, чтобы и вамъ было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у васъ все пойдетъ хорошо.

— Да какъ же это сдѣлать?

— Хозяиномъ нужно быть для этого. Коли сдѣлаетесь хозяиномъ, такъ и будетъ все хорошо, а если хозяиномъ не можете сдѣлаться, такъ не стоитъ и въ деревнѣ жить. По-

деревенски только все дѣлайте, а не попетербургски. Здѣсь иначе нельзя, сами увидите.

Послѣ разговора съ крестьянами насчетъ поправки плотины и дороги, на другой день Степанъ пришелъ ко мнѣ и принесъ зайца.

— Я вотъ зайца убилъ, А. Н., вамъ принесъ — русачокъ.

— Спасибо, вотъ и отлично, самъ его и зажаришь, вмѣстѣ и закусимъ.

Степанъ зажарилъ зайца, выпили, сѣли закусить и разумѣется разговорились о прорывѣ плотины. Я жаловался, что крестьяне прижимаютъ и требуютъ сто рублей за такую работу, которая стоитъ много тридцать рублей.

— Не такъ вы сдѣлали, А. Н., заговорилъ Степанъ. — Вы все попетербургски хотите на деньги дѣлать; здѣсь такъ нельзя.

— Да какъ же иначе?

— Зачѣмъ вамъ нанимать? Просто позовите на толоку; изъ чести къ вамъ всѣ пріѣдутъ, и плотину, и дорогу поправятъ. Разумѣется, по стаканчику водки поднесете.

— Да вѣдь проще, кажется, за деньги работу сдѣлать? Чище расчесть.

— То-то оно проще понѣмецки, а по нашему выходитъ не проще. Пососѣдски, намъ не слѣдуетъ съ васъ денегъ брать, а «изъ чести» всѣ пріѣдутъ, повѣрьте моему слову.

— Хорошо, положимъ, я толоку сдѣлаю, нужно угощеніе хорошее, а ты самъ знаешь, у меня никакого заведенія нѣтъ, столовъ даже нѣтъ.

— Ничего этого не нужно. Всѣ знаютъ, что у васъ еще нѣтъ заведенія, и потому пріѣдутъ позавтракавши дома, вы имъ поднесете по стаканчику водки—самимъ вамъ нужно, какъ хозяину, на работу придти. Тутъ дѣло не въ водкѣ, «изъ чести» пріѣдутъ, водки для того только нужно, чтобы веселѣе было работать.

— Мнѣ кажется, гораздо проще за деньги дѣлать. Теперь такое время, что работъ полевыхъ нѣтъ, все равно на печи пролежатъ. Цѣну вѣдь я даю хорошую?

— Конечно, цѣна хороша, да мужикъ-то «изъ чести» скорѣе сдѣлаетъ. Оттого и цѣну такую несообразную сто рублей запросили. Да позвольте, вотъ я самъ: за деньги совсѣмъ не поѣду на такую работу, а «изъ чести», конечно, пріѣду, да и много такихъ. Изъ чести всѣ богачи пріѣдутъ; что намъ значить по человѣку, да по лошади съ двора прислать? время теперь свободное, все равно гуляемъ.

— Постой, но вѣдь хозяйственныя же работы полевныя всё на деньги дѣлаются?

— Хозяйственныя, то другое дѣло. Тамъ иначе нельзя.

— Не понимаю, Степанъ.

— Да какъ же. У васъ плотину промыло, дорогу попортило—это, значить, отъ Бога. Какъ же тутъ не помочь пососѣдски? Да вдругъ у кого—помилуй Господи—овинъ сгорить, развѣ вы не поможете лѣскомъ? У васъ плотину прорвало—вы сейчасъ на деньги нанимаете, значить пососѣдски жить не желаете, значить все понѣмеецки на деньги идти будетъ. Сегодня вамъ нужно плотину чинить—вы деньги платите; завтра намъ что-нибудь понадобится—мы вамъ деньги плати. Лучше же пососѣдски жить—мы вамъ поможемъ, и вы насъ обижать не будете. Намъ безъ васъ тоже вѣдь нельзя: и дровецъ нужно, и лужокъ нуженъ, и скотинку выгнать некуда. И намъ и вамъ лучше жить пососѣдски, побожески.

— Ну, хорошо.

— Одно только неладно сдѣлали, что они, дураки, деньги съ васъ выпросили; имъ бы прямо сказать: помилуйте, А. Н., что тутъ за деньги дѣлать, мы и такъ изъ чести прѣйдемъ. Еслибы вы въ нашу деревню прислали, то мы такъ бы и сказали. Да вы вотъ попробуйте: скажите, что согласны дать сто рублей, посмотрите какъ головы зачешутъ. Они съ васъ сто рублей возьмутъ, и вы не забудете, что они васъ прижали; тогда ужъ, значить, не пососѣдски жить будемъ. Вотъ вы въ грибы запретите къ вамъ ходить; конечно, вамъ съ грибовъ пользы не будетъ, даромъ погниютъ, еще сторожа нужно держать, а мужику безъ гриба нельзя. Вы и вѣнники запретите у васъ въ моложахъ брать, и мху на постройку не дадите, и въ ягоды не пустите, и скотъ на своей землѣ, чуть перейдетъ, брать станете въ хлѣвъ. Вы со всѣхъ сторонъ мужика нажать можете. Сто рублей своихъ, конечно, не вернете, да мужику-то отъ васъ житья не будетъ, и пойдутъ у насъ съ вами ссоры да неприятности. Куда лучше пососѣдски, побожески жить: и мы вамъ поможемъ, и вы насъ не обидите. Дураки они, что выпросили деньги, наши бы никогда этого не сдѣлали. Посылайте-ка завтра, А. Н., въ нашу деревню звать на толоку.

Я послушался Степана и послалъ старосту звать двѣ сосѣднія деревни на толоку поправлять плотину и чинить дорогу. На другой день явилось двадцать-пять человѣкъ, всѣ саженики-молодцы пришли, потому что и богачи прислали своихъ ребятъ, съ двадцатью-пятью лошадьми, и въ одинъ день все сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ, мы стали жить пососѣдски, и вотъ уже скоро два года ни ссоръ, ни неприятностей никакихъ не было.

Я сказалъ выше, что картофель у меня убирали «за потравы». Вопросъ о поправахъ считается однимъ изъ важныхъ въ хозяйствѣ и въ прошедшемъ году предложенъ для разработки петербургскимъ собраніемъ сельскихъ хозяевъ. «Второе распространенное въ Россіи зло (первое-то зло—дороговизна рабочихъ рукъ) — говорить собраніе — это поправа какъ луговъ, такъ и полей, особенно гдѣ много мелкихъ землевладѣльцевъ. Штрафы ведутъ только къ неприятнымъ столкновеніямъ, а большею частію они и невозможны, такъ-какъ крестьяне не всегда въ состояніи бываютъ платить за поправы. Не могутъ ли быть—спрашиваетъ собраніе — указаны мѣры болѣе прочныя и обоюдовыгодныя для сосѣдей?» Я, конечно, не могу взяться за разработку предложеннаго собраніемъ вопроса, ибо все, чтд я могу сказать, будетъ относиться лишь къ одной мѣстности, гдѣ живу. Безъ сомнѣнія, кто-нибудь изъ специалистовъ, чиновниковъ департамента сельской промышленности, куда стекаются хозяйственныя свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Россіи, лучше разработаетъ этотъ вопросъ и представитъ собранію обстоятельный докладъ, но мнѣ хотѣлось бы внести свою лепту, рассказать, какъ я устроился съ поправами.

Начну съ того, что занимаясь хозяйствомъ какъ дѣломъ, въ которое влагаю душу, которымъ живу (да и не въ матеріальномъ только отношеніи), я не могу легко относиться къ поправамъ. Мои цвѣты, мои овощи, мой ленъ, мой клеверъ, мой хлѣбъ дороги мнѣ до такой степени, что еслибы мнѣ предложили за мою капусту вдвое противъ того, чтд она стоитъ, лишь бы я позволилъ свиньямъ свободно рыться въ моемъ огородѣ, я не согласился бы на такую сдѣлку. Еслибы мое имѣніе находилось въ такой мѣстности, гдѣ бываютъ маневры, и мнѣ бы ежегодно вытаптывали поля, то хотя бы за вытопанное платили втрое, я все-таки бросилъ бы хозяйство. Все это я говорю для того, чтобы не подумали, что я легко отношусь къ поправамъ. Повторяю, поправы я такъ близко принимаю къ сердцу, разумѣется когда поправой нанесенъ существенный вредъ, что серьезно огорчаюсь, серьезно страдаю, если мои же куры заберутся въ мой полисадникъ и разроютъ клумбы, на которыхъ я посадилъ цвѣты. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы задумали что-нибудь новое, ну хоть на примѣръ удобрили лужокъ костями, хлопотали, заботились, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, вашъ лужокъ вытравленъ. Крестьяне къ поправамъ тоже относятся чрезвычайно строго. Извѣстно, что крестья-

аже въ вопросѣ о собственности самыя крайніе собственники, и ни одинъ крестьянинъ не поступится ни одной своей копѣйкой, ни однимъ клочкомъ сѣна. Крестьянинъ неумолимъ, если у него вытравятъ хлѣбъ; онъ будетъ преслѣдовать за поправу до послѣдней степени, возьметъ у бѣдняка послѣднюю рубашку, въ шею наколотитъ, если нечего взять, но поправу не проститъ. Точно такъ же крестьянинъ признаетъ, что травитъ чужой хлѣбъ нельзя, что платить за поправу слѣдуетъ, и если поправа *дѣйствительно* сдѣлана, то крестьянинъ заплатитъ и въ претензіи не будетъ, если вы возьмете штрафъ побожески. Конечно, крестьянинъ не питаетъ безусловнаго, во имя принципа, уваженія къ чужой собственности, и *если можно*, то пуститъ лошадь на чужой лугъ или поле, точно также какъ вырубитъ чужой лѣсъ, если можно, увезетъ чужое сѣно, если можно, — все равно помѣщичье или крестьянское — точно такъ же, какъ и на чужой работѣ, если можно, не будетъ ничего дѣлать, будетъ стараться свалить всю работу на товарища; поэтому крестьяне избѣгаютъ, по возможности, общихъ огульныхъ работъ, и если вы наймете, напримѣръ, 4-хъ человекъ рыть канаву издѣльно, съ платой посаженно, то они не станутъ рыть канаву вмѣстѣ, но раздѣлятъ на 4 участка и каждый будетъ рыть своей участокъ отдѣльно. *Если можно*, то крестьянинъ будетъ травитъ помѣщичье поле — это безъ сомнѣнія. Попавшисъ въ поправу, крестьянинъ, хотя внутренно и признаетъ, что за потравленное слѣдуетъ уплатить, но, разумѣется, придетъ къ помѣщику просить, чтобы тотъ простилъ поправу, будетъ говорить, что лошадь нечаянно заскочила и т. п. въ надеждѣ, что баринъ, по простотѣ, то-есть по глупости, какъ не хозяинъ, какъ человекъ своимъ добромъ недорожающій — извѣстно баринъ! — посердится, посердится, да и проститъ.

Конечно, если баринъ просто, не хозяинъ, и за поправу не будетъ взыскивать, то крестьяне вытравятъ луга и поля, и лошадей въ садъ будутъ пускать. Почему же и не кормить лошадей на господскомъ полѣ, если за это не взыскивается? почему же не пускать лошадей зря, безъ присмотра, если это можно? Зачѣмъ же крестьянинъ станетъ заботиться о чужомъ добрѣ, когда самъ хозяинъ не заботится?

Я никакъ не могу согласиться съ петербургскимъ собраніемъ, «что штрафы ведутъ только къ неприятымъ столкновеніямъ». Никакихъ неприятныхъ столкновеній не будетъ, если хозяинъ требуетъ вознагражденія за свое добро, если беретъ штрафъ соразмѣрно съ дѣйствительной поправой, подобно тому какъ беретъ мужикъ съ другого мужика, одна деревня съ другой

деревни (я до сихъ поръ еще не видаю случая, чтобы мужикъ не взялъ съ другаго мужика за потраву или одинъ деревни не взяла съ другой—и никакихъ неприятныхъ столкновений между двумя мужиками или двумя деревнями при этомъ не бываетъ), если нѣтъ придиорокъ, каприза, вымогательства, желанія посредствомъ штрафовъ заставить крестьянъ отбывать какую-нибудь работу на невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, такъ-называемаго, стремленія приучить крестьянъ къ исполненію и уваженію закона и т. п. Причиной неприятныхъ столкновений обыкновенно бываютъ: капризъ, прижимы, ссора.

— Не хочу, чтобы по моей землѣ ваши лошади ходили. Не смѣй пускать лошадей на мой паръ!

— А! Вы не хотите у меня работать, такъ я васъ прижму. Носу вамъ показать некуда будетъ. Пять сторожей найму...

Начинается война, и такъ-какъ мужикъ не любитъ безпокойства и въ особенности судовъ, то обыкновенно поворачается; но я думаю, что еслибы мужикъ уперся, то и пану пришлось бы уступить, потому что на сколько мужику нуженъ выгонъ и пр., на столько же пану нужны руки.

Если виннуть въ положеніе крестьянъ, узнать деревенскій бытъ, отбросить понятія, заимствованныя изъ нѣмецкихъ книгъ о ховействѣ, то дѣло и насчетъ потравы разрѣшится довольно просто. Разумѣется, когда крестьяне разбогачаются, будутъ сѣять влеверь, будутъ огораживать поля живыми изгородями, кормить лѣтомъ скотъ на стойлахъ, тогда и потравъ не будетъ; но теперь нужно дѣлать такъ, чтобы выходило сообразно съ мѣстными условіями. Крестьянскій скотъ всегда пасется съ пастухомъ; конечно, пастухъ обыкновенно плохой, но все-таки при пастухѣ—если онъ не травитъ нарочно—серьезной потравы быть не можетъ. Только въ жаркое время, когда скотъ *зжуситъ*, можетъ случиться, что стадо бросится въ разсыпную и поженется куда глаза глядятъ, отыскивая или воду, или чащу, гдѣ можно было бы укрыться отъ зноя и оводовъ, — тутъ, конечно, пастухъ иногда не можетъ удержать скотъ, но такіе случаи вообще рѣдки (въ два года у меня только одинъ разъ былъ подобный случай), а если и случится что-нибудь подобное, то всегда выходитъ много шума изъ ничего: скотъ пробѣжитъ по полю или по лугу и бросится въ воду — потрава ничтожна. Случается, что по оплошности пастуха одна, другая корова отобѣется отъ стада и зайдетъ на лугъ или въ хлѣбъ; тутъ, конечно, штрафъ. Крестьяне, разумѣется, выпишутъ этотъ штрафъ съ своего пастуха, точно также, какъ они выкидываютъ штрафъ—а если нечего взять, то поколотить—съ своего пастуха, если

онъ погравить и ихъ поля. Если потрава сдѣлана светомъ, который ходитъ съ пастухомъ, то штрафа нельзя не взять уже потому, что деревенскій пастухъ, видя, что баринъ не беретъ за потраву, подумаетъ, что онъ простъ, то-есть дуракъ—а дурака слѣдуетъ учить—и будетъ просто на просто кормить скотъ на господскомъ лугу (точно также и мой пастухъ запустилъ бы скотъ на крестьянскій лугъ, еслибы онъ не былъ увѣренъ, что крестьяне не простятъ и возьмутъ штрафъ, но такъ-какъ мой пастухъ знаетъ, что крестьяне не пропустятъ потраву даромъ, то онъ не только не пуститъ скотъ кормиться на крестьянскій лугъ—это ему даже и въ голову придти не можетъ—но будетъ смотрѣть во всѣ глаза, какъ бы случайно какая-нибудь скотина не заскочила). Но какъ ни строги крестьяне къ потравамъ, однако если мой скотъ въ зной, *зжухъ*, забѣжитъ на ихъ лугъ, то они штрафа не возьмутъ, разумѣется если между нами нѣтъ войны. Этими опредѣляются всѣ отношенія. Потрава светомъ, овцами, даже свиньями, если только усадьба не примыкаетъ къ деревнѣ непосредственно, случается рѣдко, когда пастухъ знаетъ, что смотреть строго и потраву не простятъ. Другое дѣло—лошади. Лошади у крестьянъ не пасутся со скотомъ. Въ покорику крестьянинъ, спутавъ, пускаетъ лошадей кормиться, а самъ ложится отдыхать; присмотръ за лошадьми при этомъ поручается ребятишкамъ, и каждый дворъ самъ смотритъ за своими лошадьми и, разумѣется, *только за своими*, такъ что еслибы мальчигъ съ Панасова двора, стерегущій своихъ лошадей, увидалъ, что лошади съ Семенова двора зашли въ чужой хлѣбъ, онъ ихъ не выгонитъ: «самъ смотри за своими лошадьми, намъ какое дѣло». Ночью, лошадей гоняютъ въ ночное, гдѣ опять-таки каждый дворъ смотритъ за своими лошадьми. Съ ночного лошади чаще всего и попадаютъ въ потравъ; съ вечера ребятишки, которымъ обыкновенно поручается надзоръ за лошадьми въ ночномъ, хорошо смотрятъ за лошадьми, да и лошади, пока не найдется, не отходятъ далеко, но потому ребятишки, набаловавшись, заснутъ на зарѣ, а лошади разбредутся. Поэтому, чаще всего попадаютъ лошади; но если присмотръ хорошій, если староста или сторожъ ежедневно на разсвѣтѣ объѣзжаетъ поля и луга, если хозяинъ самъ часто бываетъ въ полѣ и самъ увидитъ, что вытравлено, а увидавъ не спуститъ старостѣ, если взятыхъ лошадей не отдадутъ даромъ, то нельзя сказать, чтобы потравы случались часто. Лошади замѣтчивы у крестьянъ, строгихъ хозяевъ, имѣющихъ много и хорошихъ лошадей, рѣдко попадаютъ въ потравъ, потому что хозяинъ или самъ ѣздитъ въ ночное, или посылаетъ «старика»—

въ богатомъ дворѣ почти всегда есть какой-нибудь старикъ, дѣдъ или дядя хозяина, потому что зажиточные мужики большею частію доживаютъ до глубокой старости—или работлива, или если и ребята, то ребята у строгаго хозяина не набалованы и лошадей не упустятъ. Мужикѣ не столько важенъ штрафъ, сколько потеря времени, когда лошадь окажется взятою: ищи ее, иди на панскій дворъ, дожидайся пока отдадутъ. Да кромѣ того и совѣстно: хорошъ хозяинъ, коли за лошадьми усмотрѣть не можетъ. Вѣдь если лошадь могла уйдти на чужое поле, то ее точно такъ же могли и украсть. Лошади зажиточныхъ крестьянъ, повторяю, попадаютъ очень рѣдко, гораздо чаще попадаютъ лошади бѣдняковъ, плохихъ хозяевъ, недоумковъ, или потому, что присмотрѣть некому, или потому, что ребята набалованы и хозяинъ не умѣетъ держать ихъ въ строгости.

Такъ-какъ я знаю пословицы: «на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ», «не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ»; такъ-какъ я знаю, что всякій считаетъ обязанностію «учить дурака», такъ-какъ я изъ опыта знаю, что если не брать штрафа, то вытравятъ и поля и луга—будутъ пригонять лошадей кормиться на мой лугъ или на мой овесъ—то я всегда строго взыскаваю за потравы. А какъ денегъ у крестьянъ обыкновенно не бываетъ, да и я не желаю брать деньги, потому что въ сущности штрафъ берется для страха, чтобы имѣли опаску и лошадей зря не пускали, то лошадь, взятую въ потравѣ—на некошеномъ лугу или въ хлѣбѣ—староста отдаетъ крестьянину, когда тотъ принесетъ въ закладъ чтонибудь: полушпунникъ, кушакъ, шапку. Весною, какъ выпускаютъ скотъ въ поле, обыкновенно на первый разъ попадается много лошадей; загонять нѣсколько штукъ, возьмутъ заклады, крестьяне станутъ строже смотрѣть за своими лошадьми. Недѣли три, четыре крестьяне смотрятъ строго, потравъ нѣтъ, вотомъ опустятся; опять загонять нѣсколько штукъ, возьмутъ заклады, станутъ опять строже смотрѣть—и такъ все лѣто. Осенью, когда у крестьянъ менѣе работы, староста зоветъ тѣхъ, чьи у него лежатъ заклады, копать «за потраву» картофель или убирать огородное, и по исполненіи работы возвращаетъ заклады. Интересно, что когда дозовутъ попавшихся въ потравѣ копать картофель, то приходитъ, на день на два—картофеля у меня немного—не только тѣ, у которыхъ попадались лошади въ потравѣ, но и тѣ, у которыхъ не попадались. Нынче одна сосѣдняя деревня, гдѣ большая часть крестьянъ зажиточны, безъ зову, прислали по бабѣ со двора копать картофель, хотя изъ этой деревни въ теченіе цѣлаго лѣта не попалось въ потравѣ

ни одной лошади. Завладь, очевидно, берется только «для страху» — не будешь строго смотрѣть за лошадьми, можно штрафъ деньгами по закону взять — потому что если «позвать», то всѣ сосѣди осенью и безъ того придутъ копать картофель.

У меня потравы, какъ видите, не составляютъ «зла», и если сосчитать все, что въ дѣйствительности вытравлено въ теченіе двухъ лѣтъ, то едва-ли я имѣлъ отъ потравъ убытку болѣе чѣмъ на пять рублей, которые, конечно, вознаградились съ избыткомъ сдѣланными «за потравы» и «связъ чести» разными мелкими работами. Для выясненія нужно однако прибавить, что сосѣднимъ крестьянамъ, которые у меня работаютъ, я дозволяю пастись скотъ и лошадей, за исключеніемъ свиней, по моему шару, по скошеннымъ лугамъ и убраннимъ полямъ. Кромѣ того, мѣста особенно для меня дорогія: садъ, огородъ, дворъ, телачій выгонъ, я огородилъ крѣпкими изгородами и плетнями; наконецъ, посѣявъ нынче клеверъ — чего крестьяне очень боялись, — я нанялъ особеннаго сторожа смотрѣть за клеверомъ послѣ уборки ржи, но не для того чтобы сторожъ, который и жилъ на полѣ въ шалашѣ, ловилъ крестьянскихъ лошадей, а для того чтобы онъ выгонялъ ихъ когда зайдутъ на клеверъ, потому что, ежели крестьянамъ предоставлено пускать лошадей въ мое ржище, то какъ же тутъ крестьянинъ усмотритъ за тѣмъ, чтобы лошадь не вошла на тѣ десятины, которыя засѣяны клеверомъ? Лошади сначала бросились-было на клеверныя десятины, но сторожъ скоро ихъ отучилъ и онѣ заходили на клеверъ только во время его отсутствія, когда сторожъ ходилъ обѣдать.

Мнѣ кажется, что потравы только воображаемое «зло», и взглядъ петербургскаго собранія хозяевъ на этотъ предметъ не совсѣмъ вѣренъ. Дѣло гораздо проще, если на него посмотреть вблизи. Если самъ хозяинъ знаетъ каждую десятину въ своемъ полѣ, часто осматриваетъ поля, умѣетъ оцѣнить, какъ великъ вредъ, причиненный потравой, относится къ потравамъ хладнокровно, не капризничаетъ, не нажимаетъ крестьянъ, если сторожъ строгъ, — то никакихъ неприятныхъ столкновеній не будетъ. Первое зло — дороговизна рабочихъ; второе зло — потравы; третье зло — несоблюденіе рабочими договоровъ; — такъ говорятъ и пишутъ. На дѣлѣ же выходитъ не то: рабочіе дешевы, такъ дешевы, что рабочій никогда не зарабатываетъ на столько, чтобы имѣть кусокъ мяса за обѣдомъ, постель на ночь, сапоги, и хотя сколько нибудь досуга. Потравы? — но съ потравами, какъ сказано выше, *хозяинъ* всегда можетъ уладить дѣло. Несоблюденіе договоровъ рабочими? — но отчего же замѣточныя

крестьяне, нанная работникоу, никакыхъ договоровъ не дѣлають и ничего отъ того не происходитъ? Конечно, къ пану мужикъ относится не такъ, какъ къ другому мужику; конечно, у мужика существуетъ извѣстнаго рода затаенное чувство къ пану...

Мужику не подѣ силу платить повинности, а кто ихъ наложилъ? Паны, говоритъ мужикъ. Продають за недоимки имущество—кто? Опять паны. Мировой присудилъ мужика за покражу двухъ возовъ сѣна къ тремъ съ половиною мѣсяцамъ тюремнаго заключенія; мужикъ просить написать жалобу на сѣвядъ, и никакъ не можетъ понять, что нельзя жаловаться на то, что за 2 воза мировой присудилъ къ 3¹/₂ мѣсяцамъ тюрьмы.

— За два-то воза на три съ половиною мѣсяца?

— Да, законъ такой есть.

— Помилуйте, гдѣ-жъ такой законъ? Ну, сами посудите, побожеси ли это будетъ!

— Понимаешь ты, въ законѣ написано.

— Въ какомъ это законѣ? Кто-жъ этотъ законъ писалъ? Все это паны написали.

И такъ во всемъ. Все—и требованіе недоимокъ, и требованіе поправки дорогъ, и требованіе посылать дѣтей въ школу, рекрутчина, рѣшенія судовъ,—все отъ пановъ. Мужикъ не знаетъ «законовъ»; онъ уважаетъ только какой-то божій законъ. Напримѣръ, если вы, поймавъ мужика съ возомъ украденнаго сѣна, отберете сѣно и наволотите ему въ шею—не воруй—то онъ ничего; если кулакъ, скупающій немку, найдеть въ связкѣ подмоченную горсть и тутъ же вздуеть мужика—не обманывай—ничего; это все будетъ побожески. А вотъ тотъ законъ, что за возъ сѣна на 3¹/₂ мѣсяца въ тюрьму,—то паны написали мужику на подпоръ.

Живя въ деревнѣ, хозяйничая, находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужику, вы постоянно чувствуете это затаенное чувство, и вотъ это-то и дѣлаеть деревенскую жизнь тяжелою до крайности.... Согласитесь, что тяжело жить среди общества, всѣ члены котораго, если не къ вамъ лично, то къ вамъ, какъ къ пану, относятся неприязненно. Но, впрочемъ, оставимъ это...

Нынѣшній годъ у насъ урожай, какаго давно не было; все уродилось отлично, даже грибы и орѣхи. Богъ, по милосердію своему, не далъ Касьяну взглянуть на насъ, а извѣстно, «Касьямъ гровный на что ни взглянетъ—все вянеть», за что ему, Касьяну немилостивому, биваетъ въ четыре года одинъ праздникъ, тогда какъ Николѣ Благому чудотворку два праздника въ году. Не

дѣто нынѣшняго года для хозяйства, особенно горяченькаго, невыработаннаго, было ужасное. Повѣрите ли, я нынѣшнимъ лѣтомъ чуть съ ума не сошелъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Взвѣсившись два года тому назадъ за хозяйство, я скоро рассчиталъ, что хозяйничать постарому, то-есть сѣять рожь и овесъ, держать скотъ для навоза и кормить его тѣмъ, что достанется съ половины покосовъ, словомъ, вести хозяйство какъ оно до сихъ поръ ведется въ нашей мѣстности у большинства помѣщиковъ, хозяйствомъ незанимающихся и добывающихъ деньги службою государственной или земской—не стоитъ. Простой расчетъ показалъ скоро, что нужно измѣнить систему хозяйства, ввести новые хлѣба, улучшить скотъ. Я не буду здѣсь говорить о разныхъ соображеніяхъ по этому предмету—это завлекло бы насъ слишкомъ далеко—скажу только, что я съ перваго же года хозяйства началъ вводить посѣвъ льна. Крестьяне, разумѣется, были противъ этого нововведенія, говорили, что ленъ у насъ не будетъ родиться, что я не найду охотниковъ обрабатывать ленъ, что ленъ портитъ землю и пр. Въ прошедшемъ году я посѣялъ двѣ хозяйственныхъ десятины; ленъ хотя и не былъ особенно хорошъ, но все-таки каждая десятка дала тридцать пять рублей чистаго дохода, тогда какъ прежде эти десятины—ленъ сѣется на облогахъ—давали не болѣе какъ на 3 рубля сѣна. Послѣ льна носѣяма рожь по небольшому удобренію—1000 пудъ на хозяйственную десятину—и зелень на этихъ десятинахъ лучшая въ полѣ. Въ нынѣшнемъ году я уже сѣялъ четыре хозяйственныхъ десятины льну. Осенью прошедшаго года я выбралъ подъ ленъ четыре десятины облогъ, отчасти заросшихъ березнякомъ; съ осени березнякъ вычистили, сожгли, золу разбросали по десятинамъ и облоги подняли на зиму. Мѣсто было выбрано отличное, по старонавозью, земля превосходная, работа выполнена мастерски. За зиму облоги отлично промерзли и весной распушились превосходно. День для посѣва былъ отличный; посѣяли и задѣлали какъ нельзя лучше. Мы сѣяли ленъ 2, 3 и 4 мая; вечеромъ 4-го мая, когда послѣдній ленъ уже былъ задѣланъ, прошелъ теплый проливной дождь, который хорошо смочилъ и прибилъ сильно распушенную землю, 5-го было пасмурно, 6-го шелъ дождь, 7-го начали показываться всходы. 8-го мая утромъ, осматривая цвѣты и овощи въ огородѣ, я былъ пораженъ тѣмъ, что всѣ молодые листья на ревенѣ оказались сильно продравленными. Всмотриваюсь—вижу на листьяхъ сидятъ маленькіе темнокоричневые блестящіе прыгающіе жучки—земляныя блохи—какихъ я прежде не видалъ, совершенно отличныя отъ хороша известныхъ намъ земляныхъ

блехъ съ золотистыми полосками на спинѣ, побѣдающихъ всходы рѣпы и редиса. Осмотрѣвъ одинъ огорождъ, маленький подлѣ дома—бѣлый какъ называетъ староста, потому что въ этомъ огорождѣ я занимаюсь самъ и развожу въ немъ разнообразныя, господскіе, овощи—я пошелъ въ другой, сѣрый огорождъ, гдѣ у меня, между прочимъ, былъ засѣянъ небольшой участокъ льну. Ленъ этотъ былъ посѣянъ раньше полеваго, хорошо взошелъ и уже поднялся на вершокъ отъ земли. Смотрю—на льнѣ сидятъ тѣ же земляныя блохи, что и на ревенѣ, и точатъ молодые листики. Это чтѣ еще, думаю, за напасть? и побѣжалъ въ поле. Глянулъ на ленъ, и чуть въ обморокъ не упалъ: представьте себѣ, все поле покрыто неисчислимымъ количествомъ земляной блохи, которая напала на молодой всходъ льна; на каждомъ, только что вышедшемъ изъ земли, растеньицѣ сидитъ нѣсколько блохъ и точатъ молодые листики... Гдѣ мѣсто пониже, посырѣе, гдѣ ленъ уже поднялся, тамъ блохи меньше; гдѣ посуше, гдѣ ленъ и безъ того идетъ туго, тутъ-то она, проклятая, и точить. На глазахъ ленъ пропадаетъ. Ну, думаю, конецъ; въ два три-дня все объѣстъ—вотъ тебѣ и ленъ, вотъ тебѣ и нововведеніе. Мы говорили, скажутъ, что по нашимъ мѣстамъ льны не идутъ, что у насъ и дѣды льнами не занимались. Тутъ, конечно, дѣло не въ деньгахъ; потеря ста рублей, заплаченныхъ за обработку четырехъ десятинъ, меня бы не разорила, но дѣло бы затынулось, а при введеніи чего нибудь новаго—первая вещь успѣхъ. Одно вышло хорошо, другое, третье вышло хорошо—и вотъ приобретается уваженіе, довѣріе къ знанію. «Это, малый, голова», скажутъ, «это хозяинъ», и на всякую новость будутъ уже смотрѣть съ меньшимъ недоувѣріемъ, а если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все будетъ идти успѣшно, то можно приобрести такое довѣріе, что всякую новость принимать будутъ.

Понятно, какъ я былъ пораженъ этой неожиданной незадачей.

Что дѣлать? Досыта наглядѣвшись, какъ блохи ѣдятъ ленъ, я побѣжалъ домой.

— Ну, Авдотья, пропалъ нашъ ленъ.

— Помилуй Господи!

— Да. Ужъ я тебя говорю, что пропалъ. Гдѣ Иванъ?

Авдотья испугалась; она подумала, что ея мужъ, староста Иванъ, что нибудь не подладилъ.

Отыскавъ Ивана я, ни слова не говоря, повелъ его въ поле ко льну.

— Видишь? Чтѣ это такое?

Иванъ сначала не могъ понять, о чемъ я его спрашиваю. Я показывалъ ему на блоху.

— Вижу, теперь вижу, козявочки сидятъ.

— Да, козявочки, а видишь-ли ты, что козявочки эти ѣдятъ лень?

Иванъ усомнился; но рассмотрѣвъ внимательно, и онъ согласился, что дѣйствительно козявочки точатъ листики на лень.

— Это ничего.

— Какъ ничего? Да развѣ ты не видишь, что ѣдятъ? ну, и съѣдятъ все. Пропадетъ нашъ лень.

— Крнй Господи! Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? да такъ, что объѣдятъ все, и ничего не останется—вотъ тебѣ и лень. Вѣдь рѣпу въ прошедшемъ году всю съѣли.

— То рѣпа, рѣпу всегда объѣдаетъ, а на лень никогда этого не бывало; сколько льновъ ни съѣлъ, никогда не бывало.

— Мало-ли что не бывало, а можетъ быть и бывало, да вы не замѣчали.

— Развѣ что!

Иванъ однако на этотъ разъ не убѣдился, что блоха дѣйствительно можетъ съѣсть лень. «Такъ козявочки—мало ли ихъ лѣтомъ бываетъ».

Въ этотъ день я разъ десять бѣгала смотрѣть лень—точать.

На другой день, блохи появилось еще болѣе, а между тѣмъ наступила засуха. Ни дождики, солнце жжетъ, каждый день дуетъ сильный южный вѣтеръ, суховѣй. Земля высохла, потрескалась; лень и безъ того идетъ плохо, а блохи все прибываетъ, да прибываетъ. Который лень пораньше вышелъ изъ земли, тотъ ничего, еще стоитъ, только листики подточены и росту нѣтъ; который позже началъ выходить—не успѣетъ показаться изъ земли—уже съѣденъ. Даже крестьяне дивились. Блохи всюду появилось такое множество, что ея былъ успанъ не только лень, но всякая былинка въ полѣ.

Я просто думалъ, что съ ума сойду. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, всюду мнѣ мерещились земляныя блохи. Пью чай, задумаюсь, а передъ глазами тучи земляныхъ блохъ прыгаютъ; бросаю недопитый стаканъ и бѣгу въ поле—ѣдятъ. Сонъ даже потерялъ: лягу, только что забудусь, — передъ глазами мириады земляныхъ блохъ, которыя скачутъ, кружатся: вотъ онѣ растутъ, растутъ, вырастаютъ величиною въ слоновъ... Душно, жарко; измученный кошмаромъ, вскакиваю. Свѣтаетъ. Накидываю халатъ и бѣгу въ поле. Роса еще не обсохла, съ блохой какъ будто полетче, попряталась, сидитъ куч-

Ками на комочкахъ земли, оживленный росой лень повеселѣлъ. Успокоенный возвращаюсь домой и засыпаю. Преснувшись довольно поздно, взову Ивана.

— Ну, что?

Иванъ пожимаетъ плечами. Сначала онъ считалъ это кусками—такъ козявочки, мало ли ихъ бываетъ»; но видя, что блоха, начиная на выходящія изъ земли первые листики (сѣмядоли), отъѣдаетъ ихъ начисто, вслѣдствіе чего корешокъ засыхаетъ, онъ убѣдился, что блоха дѣйствительно портитъ всходы и тоже началъ сомнѣваться. Но я вижу, она думаетъ: это не съ проста.

— Ъдять?

— Точуть; съ утра полегче было, должно росы бонтся, а теперь опять навалилась. И откуда ее такая пронасть берется?

— Пронадетъ нашъ лень.

— Господня воля.

— Чтò же мы будемъ дѣлать?

Иванъ молчитъ, переминается съ ноги на ногу, и стараясь отклонить мои мысли отъ льна, заводитъ разговоръ о посѣвѣ овса, которому такъ благопріятствуетъ погода. Иванъ, какъ человѣкъ бывалый, въ старостахъ давно уже служащій, около господъ понатершійся, всегда заботится о хорошемъ расположеніи духа барина. Первую зиму, когда я только-что пріѣхалъ, дѣла по хозяйству не было и я цѣлые дни сидѣлъ у себя въ комнатѣ, читалъ и писалъ письма, Иванъ всегда, бывало, подвернется вечеромъ: — Вамъ должно быть скучно, А. Н.?—Да, невесело.—Вы бы чайку попили.—Что-жь, дай чаю. Подастъ Иванъ чаю, а самъ тутъ же стоитъ.—Къ сосѣдямъ бы съѣздили, познакомились, барини тоже есть, а то все одни изволите сидѣть.—Кто-жь тутъ сосѣди? Иванъ начинаетъ пересчитывать сосѣдей и въ особенности налегаетъ на сосѣдокъ:—Въ А. барыня, въ В. барыня, въ Г. барыня—тутъ почитай все барыни, господъ совсѣмъ нѣтъ: кои померли, кои на службѣ находятся. А то другой разъ придетъ Иванъ!—Папирсы на исходѣ, А. Н.; я думаю бабенку позвать изъ деревни, пусть напробуетъ, не мудреное дѣло, сдѣлаетъ; Дарочку думаю позвать—вотъ что сегодня приходила, вы изволили видѣть. Теперь Иванъ, думая отклонить мои мысли отъ льна, на другія стороны хозяйства налегаетъ.

— Скотъ какъ отлично наѣдается! Новая корова, что недавно вушили, должно, телится скоро. Вотъ еслибы Богъ далъ телку! Я молчу.

— Отлично земля идетъ нынче въ раздѣлку. Рѣдко такой

сѣвъ бываетъ. Рожь такъ и преть. Если Господь совершитъ все, урожаѣ будетъ отличный.

— Да что мнѣ твоя рожь, если лень пропадетъ.

— Пшеница тоже отлично идетъ, вы бы изволили сходить посмотреть.

— Я знаю, что пшеница хороша; не даромъ мужики такъ на пшеницу лѣзутъ. Отчего ей быть худой?

— Не всегда такъ бываетъ; иной разъ и лядо хорошо, да не задается. Все воля Господня.

Что мнѣ рожь?—я всю весну ни разу даже въ равномъ полѣ не былъ; что мнѣ овесъ? — я опять бѣгу смотрѣть лень. Ъдять, не успѣютъ еще листики развернуться, какъ на нихъ сидятъ уже цѣлая куча блохъ и точатъ.

Что дѣлать? Всѣ книги перерылъ, отыскивая способы уничтоженія земляныхъ блохъ. Способовъ предлагаютъ нѣмцы множество. «Для уничтоженія ея—т.-е. земляной блохи—посыпаютъ всходы льна золою», читаю въ одной книгѣ. Зову Ивана.

— Ты, Иванъ, вотъ все не вѣришь, что блоха съѣстъ лень, а и въ книгѣ сказано, что всходы льна истребляетъ земляная блоха. Нѣмцы-то вотъ замѣтили, а ты говоришь: никогда не бывало.

— Никогда не бывало, сколько льновъ ни сѣялъ.

— Да, вотъ ты не вѣришь!

— Отчего не вѣрить, все бываетъ—вотъ у Б. барини—сами изволите знать—нынѣшней весной сороки были напущены.

Сначала Иванъ не придавалъ блохамъ *никакой* значенія, но потомъ, убѣдившись, что козявочки дѣйствительно подѣбдаютъ листики, вслѣдствіе чего лень пропадаетъ, онъ высказалъ, что это не настоящія какія нибудь блохи—никогда этого до сихъ поръ не бывало—что это не претныя козявочки, а *напущенныя* злыми людьми изъ зависти, подобно тому, какъ бывають напущенныя сороки, крысы. Дѣйствительно, нынѣшней весной у одной моей сосѣдки былъ такой случай—были *напущены* сороки. Ни съ того ни съ сего, весной, когда скоть и безъ того былъ цлохъ, еле вставалъ, появилось множество сорокъ, которыя стали летать въ хлѣвы и расклеивать у коровъ спины: заберутся въ хлѣвъ, усядутся у коровъ на спинахъ и клюютъ точно падалъ—у всѣхъ коровъ спины изранили страшнѣйшимъ образомъ. Что ни дѣлали, ничто не помогало (вотъ и заводи тутъ симентальскій скоть!); гоняли, стрѣляли, надоумилъ кто-то, за дѣдами послали, наконецъ помѣщица пригласила нопа служить съ большимъ требникомъ. Потомъ, черезъ нѣсколько недѣль, встрѣтивъ у одного богатаго помѣщика на иманинахъ

священника, я ему рассказал о сороках. — Бываетъ это; все дѣло въ томъ, какія сороки, замѣтилъ священникъ глубокомысленно:—если напущенныя—это нехорошо. Тоже недавно у насъ былъ случай: у одного арендатора поляна появились въ хлѣвахъ крысы, бѣгаютъ по коровамъ, шерсть объѣдаютъ, на спинахъ гнѣзда дѣлаютъ; возился, возился и, хотя католикъ, поповъ призывалъ для совершенія на скотномъ дворѣ водосвятія, чего прежде не дѣлалось.

— По твоему это значить напущенныя блохи? У васъ все напущенныя, разсердился я:—телята дохнуть—хлѣвъ не на мѣстѣ стоитъ; корова заболѣла—сглазили.

— Поживите въ деревнѣ, сами изволите узнать, А. Н., все бываетъ. Отъ злого человѣка не убережешься.

— Ну, да что тутъ толковать; вотъ и въ книгѣ сказано, что поѣдаютъ. Я знаю только, что если мы ничего не будемъ дѣлать, то пропадетъ нашъ ленъ.

— Да что же дѣлать, А. Н.?

— Совѣтуютъ посыпать золой. Ты какъ думаешь?

— Тѣкъ-съ.

— «Для уничтоженія ея посыпаютъ всходы льна золой», медленно читаю я въ книгѣ.

Иванъ молчитъ.

— Что же ты молчишь?

— Какъ прикажете. Испытаніе сдѣлать можно; бабы, можетъ, еще не всю золу изъ печей повыгребли, сколько-нибудь найдется.

— Не всю повыгребли, не всю повыгребли! ступай ты!

Иванъ уходитъ. Дѣйствительно, откуда же взять золы, чтобы посыпать четыре десятины? Опять начинаю рыться въ книгахъ: «въ другихъ мѣстахъ распускаютъ сѣрный цвѣтъ съ водою и поливають его всходы. Равнымъ образомъ большую пользу приносятъ въ этомъ случаѣ поливка всходовъ льна водою, въ которой распущены гуано». Ну, гуано у насъ достать нельзя, а не попробовать ли сѣрный цвѣтъ? Зову Ивана.

— Вотъ что, Иванъ. Золы, конечно, теперь на четыре десятины не достанетъ, а вотъ тутъ въ книгѣ сказано, что хорошо поливать всходы льна сѣрнымъ цвѣтомъ, распущеннымъ въ водѣ. Какъ ты думаешь?

Иванъ молчитъ.

— Можно послать въ городъ купить сѣрнаго цвѣту. Передѣлаемъ двѣ бочки, такъ чтобы удобно было поливать—вѣдь ты видалъ, какъ поливають шоссе?

Иванъ молчитъ.

— Что же ты молчишь? Вѣдь ты видалъ, какъ шоссе поливаютъ въ Петербургѣ?

— Бочки можно приладить, досточку сзади сдѣлаемъ.

— Ну, да, приладимъ; вѣдь это хорошо будетъ, вѣдь ты самъ замѣтилъ, что она боится мокроты, а тутъ еще сѣрный цвѣтъ.

— Много воды нужно, А. Н.

— Конечно, но вѣдь самъ знаешь, безъ работы ничего не достается; жаль только, что въ книгѣ не сказано, сколько сѣрнаго цвѣта на десятину нужно. Пуда по два, я думаю, довольно будетъ?

Иванъ молчитъ.

— Пошлемъ Сидора сегодня въ городъ, завтра вечеромъ онъ вернется — на саврасомъ пусть ѣдетъ, тотъ лучше бѣжить — а мы тѣмъ временемъ двѣ бочки приладимъ.

— Какъ прикажете, можно Сидора послать.

— Только достанетъ ли онъ тамъ сѣрнаго цвѣту?

— Сколько ни на есть достанетъ; если въ лавкахъ нѣтъ, въ аптекѣ можно достать. Я для собакъ въ аптекѣ бралъ — на десять копѣекъ порядочно въ бумажку отсыпали.

Молчаніе. Я перелистываю книгу. Иванъ переминается.

— Сѣрнаго цвѣту если не достанетъ, селитры можно взять; селитра въ лавкахъ всегда есть.

— Селитры? Какой селитры?

— Да что въ солонину кладутъ; эта всегда въ лавкахъ бываетъ, потому что въ солонину кладутъ, червякъ не заводится, червякъ селитры боится. Тоже бура хороша, отъ прусаковъ помогаетъ.

— Нѣтъ, не нужно; ступай.

Иванъ уходитъ. Я опять роюсь въ книгахъ; ишу, нѣтъ ли чего въ курсахъ огородничества. «Къ уничтоженію этихъ насѣкомыхъ способствуютъ частыя всприскиванія водой, посыпка известію или табакомъ; особенно дѣйствительнымъ оказалось средство, рекомендованное Буше, а именно: всприскиваніе растворомъ полыни; другіе хвалятъ всприскиваніе чесночной водой». Все не идетъ; гдѣ тутъ всприскивать водой — пока другую бочку привеземъ, первая и высохнетъ; извести нѣтъ, полыни нѣтъ, чесноку и для огурцовъ-то не всегда достанешь. Табакомъ развѣ посыпать? Не идетъ: когда его натрешь, да и разсыпать неудобно — всѣ глаза запорошить. Я начинаю бѣситься, проклиная нѣмцевъ, а еще больше русскихъ составителей ученыхъ руководствъ по сельскому хозяйству. «Распускаютъ сѣрный цвѣтъ въ водѣ и поливаютъ ею всходы», скажите пожалуйста! А вѣдь навѣрно учениковъ заставляютъ все это за-

учивать и нули ставить, ученыхъ степеней не дають, если они не знаютъ средствъ для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ, этихъ бичей хозяйства...

Опытъ рѣшю въ книгахъ—все еще старая привычка по книгамъ доходить—перелистываю, даже въ глазахъ отъ напряженнаго вниманія темно стало; ну, вотъ, кажется подходящее средство: «дѣлають двѣ рамы шириною въ грядѣ и вышиною въ 1', натягивають на нихъ прочную парусину, которую съ обѣихъ сторонъ намазываютъ очень липкимъ веществомъ, напримеръ, дегтемъ или птичьимъ клеемъ. Къ передней части рамы придѣлываютъ ручки въ 3' длиною, а на задней втыкають мелкій хворостъ. Когда эти рамы проводятъ нѣсколько разъ по грядѣ, то множество этихъ прыгающихъ личковъ прилипаетъ къ липкой поверхности парусины». Кажется, что будетъ хорошо; это предлагается для огородовъ, но, думаю, если сдѣлать рамы побольше, обить крѣпкимъ холстомъ, намазать дегтемъ и возить на колесахъ по полю, блохи будутъ подпрыгивать и прилипать къ дегтю. Отлично, думаю—когда наберется много блохъ, рамы можно очистить, опять помазать дегтемъ и снова возить по полю. И блохъ, сколько наберется при очисткѣ рамъ, не бросимъ—въ компостъ употребимъ, вѣдь употребляютъ же нѣмцы въ компостъ майскихъ жуковъ, которыхъ просто обирають руками. Побѣжалъ въ поле, лень покрыть блохой, ударилъ по землѣ палкой—блохи подпрыгивають. Отлично; замѣтилъ, и на какую высоту они прыгають. Такъ, думаю, и рамы устроимъ.

Прибѣжавъ домой, зову Ивана и говорю ему о рамахъ.

Иванъ молчить.

— Вѣдь это, кажется, хорошо будетъ. Устроимъ рамы на колесахъ, понимаешь, намажемъ дегтемъ, и будемъ возить по полю.

Иванъ молчить.

— Какъ налипнуть онѣ, такъ и очистимъ скребкомъ; только пожалуйста скажи ты Сидору—онъ будетъ возить рамы—чтобы все, что очистилъ съ рамъ, собиралъ въ одно мѣсто, плетянку дай, и потомъ сvezь бы въ ту кучу, куда носить... Вѣдь тутъ все азотистыя вещества, а по изслѣдованіямъ вольно-экономическаго общества первое дѣло—азотистыя вещества. Компостъ потомъ для луговъ употребимъ.

Иванъ молчить.

— Да что же ты молчишь? Ты скажи, какъ ты думаешь? Вѣдь не трудно же рамы устроить? Не трудно?

Иванъ молчить.

— Да что же ты молчишь? Вѣдь вѣдать.

— Ъдятъ; на Кувиной десятинѣ, почитай, весь край объѣди. Такъ и точать.

— Ну?

— Какъ прикажете; только по моему, А. Н., лучше бы всего за попами спосылать, богомолествіе совершить. Богъ не безъ милости, дастъ дождика, и все будетъ хорошо; сами изволили замѣтить, она божьей росы боится.

Въ нѣсколько дней я совершенно измучился, отъ сна и ѣды отбился, похудѣлъ и даже заговариваться началъ, въ московскій комитетъ сельско-хозяйственной консультаціи писать хотѣлъ...

Что дѣлать? Думалъ я, думалъ, и наконецъ пославъ къ чорту всѣхъ нѣмцевъ, какъ настоящихъ, такъ и переводныхъ, надумался.

— Ну, Иванъ, говорю, я надумался: если завтра не будетъ дождя, если блохи не убавятся, мы будемъ отсѣвать—выскородимъ опять хорошенечко и отсѣемъ, еще не поздно.

Иванъ сначала воспротивился такому рѣшенію, но я его разбилъ на всѣхъ доводахъ, которые главнымъ образомъ состояли въ томъ, что, можетъ, Богъ дастъ, обойдется и такъ. Наконецъ, я ему предложилъ такой ультиматумъ: если не будетъ еще нѣсколько дней дождя, то блоха съѣстъ ленъ, поэтому слѣдуетъ послать за сѣменами; если же ты, Иванъ, старый и опытный хозяинъ, думаешь, что отсѣвать не нужно, то будь по твоему, только бери ленъ за себя — и барыши, и убытки твои. Если возьмешь ленъ за себя, то можешь дѣлать что хочешь: за попами посылать, за дѣдами, что хочешь.

Иванъ пошелъ въ поле, въ сотый разъ осмотрѣлъ ленъ и вернулся съ отвѣтомъ:

— Нѣтъ, оставимъ такъ, не будемъ отсѣвать.

— Такъ значитъ ты берешь ленъ за себя? Хорошо — вотъ тебѣ еще до завтра день сроку; подумай, посмотри.

Иванъ въ этотъ день нѣсколько разъ ходилъ на ленъ. Вечеромъ, когда онъ пришелъ съ докладомъ, я тотчасъ замѣтилъ, что и онъ началъ сомнѣваться. Выслушавъ докладъ о работахъ, я ни полслова обо льнѣ. Иванъ самъ заговорилъ.

— Да что же тутъ толковать: по моему ленъ долженъ пропасть, слѣдуетъ отсѣять, и если льняныхъ сѣмянъ не доставимъ, то овсомъ отсѣять; но если ты берешь ленъ за себя — завтра дай окончательный отвѣтъ — и будь по твоему.

На другой день, я не пошелъ смотрѣть ленъ. Иванъ это замѣтилъ.

— Что же вы, А. Н., на ленъ сегодня не ходили? заговорилъ.

— Да что же его смотрѣть. По моему, нечего смотрѣть—от-

сѣвать нужно; но если ты за себя берешь — пусть будетъ по твоему.

Однако, вижу, Иванъ трусить—Авдотья настроила. Молчу.

— Сегодня еще больше объѣла.

— Ну, такъ какъ же?

— Надумался и я: должно быть, отсѣвать придется.

— Ну, отсѣвать такъ отсѣвать. Хорошо, собирайся и поѣзжай. Если льнянаго сѣмени не достанемъ, овсомъ отсѣмемъ, или подь озимь къ будущему году пустимъ.

Пообѣдавъ, Иванъ поѣхалъ за 60 версть доставать сѣмени. День былъ солнечный, знойный, но подь вечеръ стало натягивать съ запада, и къ ночи набѣжала туча, которая разразилась такимъ проливнымъ дождемъ, что щепки поплыли. На завтра задуть сѣверовосточный вѣтеръ, стало холодно, цѣлый день моросилъ дождикъ; блоха попряталась и ленъ сталъ оживать—откуда что берется. Когда Иванъ вернулся съ сѣменами, то отсѣвать было уже ненужно и невозможно. Пошли дожди, блоха пропала, ленъ ожилъ, поправился и урожай вышелъ хороший. Та десятина, которая была сильно подтѣдена, за которую мы очень боялись, дала, за вычетомъ сѣмянъ, на 40 рублей льнянаго сѣмени и на 85 рублей льну, всего на 125 рублей, а такъ-какъ обработка стоитъ 25 р., то съ десятины получилось чистаго дохода 100 рублей, то-есть втрое болѣе чѣмъ стоитъ самая земля. Интересно, что на одной изъ десятинъ, гдѣ блохи было гораздо менѣе—блоха нападала на самые сильные всходы—урожай вышелъ гораздо хуже. Конечно, все земля править.

Ленъ даетъ громадный доходъ, и даже при плохомъ урожаѣ—въ прошедшемъ году я получилъ по 35 рублей чистаго дохода съ десятины—окупаетъ землю; только совершенное отсутствіе хозяевъ—всѣ на службѣ, и это правильно, потому, что по нашимъ расчетамъ служба безъ всякаго риска даетъ еще болѣе дохода чѣмъ ленъ—причиною, что земля пустуетъ, зарастаетъ березнякомъ, вмѣсто того, чтобы производить ленъ. Всѣ земли, которыя запущены послѣ «положенія» и пустуютъ, могли бы быть теперь обращены подь ленъ или пшеницу, и еслибы это сдѣлали, то народъ въ нашей мѣстности не голодалъ бы и не долженъ былъ бы отправляться на дальніе заработки. Вы не повѣрите, какъ тяжело хозяину смотрѣть на такое положеніе: превосходныя земли, которыя могли бы производить ленъ и хмѣль, пустуютъ, зарастаютъ кустами, березнякомъ, а тутъ же дромъ измученные люди болтаютъ кое-какъ пустую землю, которая не даетъ имъ куса чистаго хлѣба. То же самое количество работъ, то же число пудо-футовъ работъ въ одномъ слу-

чаѣ дало бы на 100 рублей продуктовъ, а въ другомъ даетъ только на 10 р. Не обидно ли, что работа прилагается такъ бесплодно? Мнѣ постоянно говорятъ здѣшніе хозяева, что они лень не сѣять, потому что онъ истощаетъ землю. Не знаю, откуда явилось такое ложное мнѣніе (послѣ льна хлѣбъ родится еще лучше), но если даже допустимъ, что это вѣрно, если допустимъ, что лень портитъ землю, то это все же ничего не значитъ. Если я получу отъ льна 100 р. чистаго дохода съ десятины, то не все ли мнѣ равно, что земля истощится — да хоть бы она совсѣмъ провалилась—когда я за эти 100 рублей могу купить три такихъ же десятины. Но, разумѣется, веденіе льна требуетъ много хлопотъ, затраты хотя небольшого капитала и пр. и пр. Конечно, гораздо проще быть предсѣдателемъ земской управы, мировымъ судьей — за 500 р. можно найти писаря, который все знаетъ, а если что-нибудь не такъ сдѣлается, то на мировомъ съѣздѣ поправить и т. д.

Оказалось, что мы напрасно беспокоились насчетъ блохи — урожай льна вышелъ отличный. Когда пришло время молотить, то мнѣ просто хоть не показывайся на токъ: старикъ гуменщикъ Пахомичъ проходу не давалъ. Чуть я на токъ, Лаврентъ сейчасъ:

— Посмотрите-ка, баринъ, сколько льну съ Деминской десятины навозили, а вы говорите весной — лень пропалъ. Отсѣвать хотѣли, противъ Бога идти думали. Поправлять дѣло Божье хотѣли, а Господь милосердный ишь сколько ленку уродилъ. Такъ-то, баринъ.

— Однако же, Пахомичъ, ты вѣдь самъ видѣлъ, что блоха подѣдала всходъ; еслибы не пошелъ вдругъ дождь, нужно было бы отсѣвать.

— Какая тамъ блоха, выдумали блоху!

— Да вѣдь ты самъ видѣлъ!

— Видѣлъ. Все воля Господня, значитъ оно такъ и нужно было. Господь указалъ блохѣ быть, значитъ ей и нужно быть. А вы отсѣвать хотѣли, противъ Бога думали идти, поправлять хотѣли. Нѣтъ, баринъ, все воля божья; коли Богъ уродитъ, такъ хорошо, а не уродитъ—ничего не подѣлаешь.

— Однакоже, и мужики говорятъ, что «навозъ и у Бога крадетъ».

— Оно такъ, да нѣтъ, все воля божья. Поживете—увидите. Вотъ и нынѣшній годъ—вѣдь думали, всѣ помремъ съ голоду, а вотъ живы, новъ ѣдимъ и водочку съ нови пьемъ. Такъ-то. Богъ не безъ милости.

Богъ не безъ милости, говоритъ народъ, давно уже такого года не бывало. Богъ не безъ милости.

Разъ весной, въ самую ростоцель, возвращаясь домой послѣ осмотра полей, встрѣтилъ я бабу Панфилиху изъ сосѣдней деревни—везеть на колесахъ мѣшокъ.

— Здравствуй, А. Н.

— Здравствуй, Панфилиха; что везешь?

— Изъ гамазен овесъ. По осьминѣ на дворъ выдали, скотъ кормить нечѣмъ.

— Что-жъ такъ, сѣна нѣтъ?

— Какое сѣно, соломы нѣтъ, послѣднюю съ крышъ дотравливаемъ. Поспать было нечѣмъ, вотъ слава Богу по осьминѣ на душу, что наибѣднѣйшимъ, дали.

— Плохо дѣло, а вѣдь нескоро еще скотъ въ поле пустимъ!

— Воля божья. Господь не безъ милости — моего одного прибралъ, все же легче.

— Котораго-жъ?

— Младшаго, на дняхъ сховала. Богъ не безъ милости, взглянулъ на насъ сиротъ своихъ грѣшныхъ.

Я не выдумываю; я сообщаю факты. Если не вѣрите, вспомните, что отвѣчала въ Тверской губерніи баба комисіи, изслѣдовавшей, по поводу моей статьи, вопросъ объ артельныхъ сироварницъ.

— Это вы, господа, говорила баба: — прандуете дѣтьми; у насъ не такъ: живутъ—ладно, нѣтъ — «Богъ съ ними».

— Да что-жъ тебѣ младшій—вѣдь онъ грудной былъ, хлѣба не просилъ?

— Конечно, грудной хлѣба не просить, да вѣдь меня ты не жъ то же, а съ пушного хлѣба какое молоко, самъ знаешь. И въ кусочки ходить мѣшалъ, побольшенькихъ пошлешь, а сама съ груднымъ дома. Куда съ нимъ пойдешь, холодно, то же нищать. Теперь, какъ Богъ его прибралъ, волю бже мнѣ стало. Самъ знаешь, сколько ихъ Панфилъ настругалъ, а кормить не умѣеть. Плохо. Божья воля; да Богъ не безъ милости. И баба ударила кнутомъ кобыденку.

Весною нынѣшняго года крестьянамъ пришлось совсѣмъ погибать. Ни хлѣба, ни корму; даже богачамъ пришлось прикупать хлѣбъ; всю солому съ крышъ потравили, кислой капустой, у кого оставалась, овецъ кормили — сами весной щавелькомъ перебежся—даже сѣмя льняное, у кого было оставлено для посѣва, все потравили: толкли и посыпали рѣзку. Каждый думалъ уже не столько о себѣ, сколько о скотѣ, какъ бы поддержать скотъ до выгона на пастбище. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, положеніе было ужасное; еслибы весна была обыкновенная, то бдльшая часть скота должна была бы погибнуть отъ безкормицы, но Богъ не безъ милости! Весна въ нынѣшнемъ году

наступила такъ рано, какъ и не запомнятъ старики. Въ чистый четвергъ, 13-го апрѣля, было тепло какъ лѣтомъ, даже жарко, прошелъ теплый проливной дождь, прогремѣлъ громъ. Въ этотъ день въ первый разъ выпустили скотъ въ поле и—вещь неслыханная—съ 12-го апрѣля весна установилась и скотъ уже не пришлось болѣе оставлять дома; было, правда, нѣсколько холодныхъ дней на святой, но съ Егорья скотъ уже сталъ найдаться въ полѣ. Весна въ нынѣшнемъ году, настоящая весна, теплая, радостная, зеленая, наступила тремя недѣлями ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Не будь этого, крестьяне совершенно бы разорились, особенно бѣдняки, потому что кормы были потравлены еще до Евдокей и весь мартъ пришлось кормить скотъ соломенной рѣзкой, поспичанной мукой, а муку-то нужно было покупать, ахъ-какъ даже богачамъ своего хлѣба не хватило. Счастье еще, что желѣзная дорога поддержала: былъ, впервыхъ, заработокъ—пилка и подвозка дровъ, отправляемыхъ отсюда въ Москву—а вовторыхъ, вслѣдствіе подвозки хлѣба по желѣзной дорогѣ, степная рожь не поднималась выше 7 рублей, мѣстная же шла въ 8 рубляхъ. Не будь желѣзной дороги, рожь достигла бы, какъ въ прежніе годы, 12 рублей.

Повторяю, положеніе было ужасное. Крестьяне, кто побѣднѣе, продали и заложили все, что можно—и будущій хлѣбъ, и будущій трудъ. Процентъ за взятія займы деньги платили громадный, по 30 копѣекъ съ рубля и болѣе за 6 мѣсяцевъ. Мужикъ прежде всего старается занять, хотя бы за большой процентъ, лишь бы перевернуться, и уже тогда только, когда негдѣ занять, набираетъ работы. Въ апрѣлѣ, ко мнѣ пришелъ разъ довольно зажиточный мужикъ, у котораго не хватило хлѣба, съ просьбой дать ему займы денегъ на два кула ржи.

— Дай ты мнѣ, А. Н., пятнадцать рублей денегъ займы до Покрова; я тебѣ деньги въ срокъ представлю, какъ сѣмя продамъ, а за процентъ десятину лугу уберу.

— Не могу. А если хочешь, возьмись убрать три десятины лугу, по 5 рублей за десятину дамъ. Деньги всѣ впередъ.

— Нельзя, А. Н.

— Да вѣдь я хорошую цѣну дамъ, по 5 рублей за десятину; самъ знаешь, какой лугъ; если 100 пудовъ накопишь, такъ и слава Богу.

— Цѣна хороша, да мнѣ-то невыгодно. Возьму я три десятины лугу убирать, значить свой покосъ упустить долженъ, хозяйству разстройство. Мнѣ бы теперь только на переворотку денегъ, потомъ Богъ-дасть конопельку къ Покрову продамъ, а тебѣ десятину уберу съ удовольствіемъ.

Дѣйствительно, крестьянину очень часто гораздо выгоднѣе занять денегъ и дать большій процентъ, въ особенности работою, чѣмъ обязаться отработать взятые деньги, хотя бы даже по высокой цѣнѣ за работу. При извѣстныхъ условіяхъ, мужикъ не можетъ взять у васъ работу, хотя бы вы ему давали непомерно высокую цѣну, положимъ два рубля въ день, потому что, взявъ вашу работу, онъ долженъ упустить свое хозяйство, разстроить свой дворъ, а за свой дворъ, каковъ бы онъ ни былъ, понятно, мужикъ держится и руками и зубами. Когда мужику нужны деньги, онъ даетъ громадный процентъ, лишь бы только переверотиться, а тамъ — Богъ хлѣбушки народить, пенёчка будетъ. Если мужикъ вынужденъ занимать деньги подъ большіе проценты, это еще не вѣсѣе худо; а вотъ когда плохо, если мужикъ наберетъ работъ не подъ силу. Въ нынѣшнемъ году было множество и такихъ, которые готовы были взять какую угодно работу, только бы деньги впередъ. Хлѣба нѣтъ, корму нѣтъ, самому ѣсть нечего, скотъ кормить нечѣмъ, въ долгъ никто не даетъ—вотъ мужикъ и мечется изъ стороны въ сторону: у одного берется обработать кругъ, у другого десятину льна, у третьяго убрать лугъ, лишь бы денегъ впередъ получить, хлѣбушки купить, «душу спасти». Положеніе мужика, который зимою, «спасая душу», набралъ множество работъ, лѣтомъ самое тяжелое: его рвутъ во всѣ стороны—туда ступай сѣять, туда косить, конца работъ нѣтъ, а своя нива стоитъ.

Утро. Прелестное весеннее утро, роса, воздухъ наполненъ ароматами, птицы начинаютъ просыпаться. Солнце еще не взошло, но Аврора ужъ не спитъ и «изъ подземнаго чертога съ яркимъ факеломъ бѣжитъ». Мужикъ Дѣма всталъ до свѣту, подѣлъ хлѣбушки, запрягаетъ на дворѣ лошадь въ соху, думаетъ на свою ниву ѣхать — у людей все вспахано, а его нива еще лежитъ, не успѣлъ Дѣма обрядить лошадь, а уже староста изъ Бардина, прискакавшій верхомъ выгонять обязавшихся работою, тутъ какъ тутъ—стучитъ въ ворота.

— Эй, Дѣма!

— Чего?

— На скородьбу ступай. Что-жь ты до сихъ поръ на скородьбу не выѣжаешь—люди выѣхали, а тебя нѣтъ.

— Ослобони, Гаврилычъ, ей-богу своя нива не пахана.

— Что мнѣ до твоей нивы—скородить, говорю, ступай.

— Есть ли на тебѣ хрестъ, Гаврилычъ? Ей-богу, нива не вспахана—люди всѣ подняли, а моя лежитъ.

— Ступай, ступай. Обвязался такъ ступай, а не то знаешь Сидорыча (волостной), тотъ сейчасъ штаны спустить.

Дѣма почесывается, но дѣлать нечего — обязался работой, нужно ѣхать, волостной шутить не любить, да и староста такъ не уѣдетъ. Староста дожидается, пока Дѣма не запрежетъ лошадей въ бороны и не выѣдетъ на улицу.

— Ну, поѣзжай, да хорошенько, смотри, выскороди, я уже заверну. Выпроводишь Дѣму, Бардинскій староста посылалъ въ другую деревню выгонять какого-нибудь Панаса.

Ѣдетъ Дѣма на скородѣбу въ Бардино и думаетъ о своей непаханой нивѣ.

— Стой, Дѣма, куда ты? встрѣчаетъ Дѣму Фединскій староста, тоже прискакавшій выгонять на работу въ Федино. — Что же ты не выѣзжаешь до сихъ поръ лень сѣять—вѣдь я тебѣ указалъ вчера.

— Я, Павлычъ, къ вамъ и собирался, да вотъ Гаврилычъ набѣжалъ, скородить въ Бардино выгналъ.

— Да мнѣ-то что за дѣло до Бардинскаго старосты! Вѣдь ты у насъ обязался на лень, такъ и работай. Мы вѣдь тоже не щепками платимъ. Какое намъ дѣло до Бардинскаго старосты! Ступай лень сѣять, люди всѣ выѣхали, а тебя одного нѣтъ. Ступай, а не то знаешь... Сидорычъ долго думать не будетъ.

— Ей Богу, Павлычъ, сейчасъ Бардинскій староста былъ, на скородѣбу выгналъ, тоже волостнымъ пугаетъ.

— Какое намъ дѣло! Ступай, ступай, запрагай телегу.

Фединскій староста, чтобы не упустить Дѣму, ждетъ, пока тотъ не запрежетъ, и торжественно ведетъ его въ Федино, а баринъ на дворѣ уже сердится.

— Что же ты, Дѣма, такъ запоздалъ? Видишь, утро какое тихое, самый сѣвъ, ступай насыпайся.

— Да я и то, Мигулайчъ, спѣшилъ: кони на пустоши были, кобыла пути оборвала, бѣгалъ, бѣгалъ, насилу поймалъ — не дается, волею ее заѣшь — оттого и припозднился. Сейчасъ насыплюсь, намъ недолго посѣять, къ вечеру задѣлаемъ, уроди только Господи.

На другой день Дѣма скородить въ Бардинѣ, а его нива стоитъ непаханою. Нѣтъ, ужъ это послѣднее дѣло, когда мужикъ долженъ набирать работы не подъ силу—тутъ во всемъ хозяйствѣ упущеніе, и смотришь черезъ нѣсколько лѣтъ мужикъ совершенно провалился. Но что же дѣлать? за то «душу спасъ», зимою съ голоду не умеръ. Единственный случай, когда мужику выгодно взять подъ работу, даже непосильную, это если онъ беретъ хлѣбъ на сѣмена. Въ нынѣшнемъ году весною, во время посѣва, овесъ доходилъ до 5 рублей за вулъ, такъ что

мужикъ за кулъ овса для посѣва брался убрать десятину луга, и ему все-таки выгодище, разумѣется, въ случаѣ урожая, упу-стить свой покой, чѣмъ оставить поле непосѣяннымъ. Однако, нынче все-таки много осталось нивъ незасѣянными, потому что и за высокую плату сѣмянъ дебыть негдѣ было.

Нынѣшняя ранняя весна всѣхъ, даже опытныхъ стариковъ крестьянъ, поставила въ тупикъ. Все шло ранѣе обыкновеннаго на три недѣли. 13-го апрѣля слышали первый громъ, появились мухи, начали пахать подъ яровое, гagea разцвѣла, ку-кушки закуковали. Съ 15-го овцы уже стали наѣдаться въ полѣ. 18-го жабникъ былъ въ полномъ цвѣту. 20-го появились май-скіе жуки. Къ 23-му березнякъ одѣлся, лѣсъ зазеленѣлъ, ласточки показались, крупный скоть сталъ наѣдаться. 25-го листь на осинѣ уже трясется—значить, лошади въ полѣ будутъ сыты. 28-го затрубили медвѣди, зацѣли соловьи. 29-го казалець зацвѣлъ на жирныхъ мѣстахъ, черемуха въ полномъ цвѣту—ягнать стричь пора. Къ первому мая липа одѣлась, головы трутся. Къ 5-му «скоровой напоръ» былъ въ полномъ цвѣту—самое молоко значить, рожь начала колоситься, черные грибы показались, закричали коростели и перепела. Такой ранней весны никто не запомнить. Обыкновенно, посѣвъ яроваго у насъ начинается съ царя (21-го мая, св. царей Константина и Елены). Въ обыкновенные годы это число совпадаетъ у насъ съ полнымъ развитіемъ весенней теплоты, проявляющемся въ извѣстномъ развитіи растительной и животной жизни. Овсяный сѣвъ, признакомъ котораго считается разцвѣтаніе казельца, ходъ головлей, появленіе грибовъ березовиковъ обыкновенно бываетъ въ 20-хъ числахъ мая. Въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе теплой, ранней весны, земля отошла ранѣе, растительная и животная жизнь опередила обыкновенные годы на цѣлыхъ двѣ недѣли и не дождалась «царя».

Сѣять или не сѣять? вотъ вопросъ, который занималъ всѣхъ насъ. До царя еще далеко, а уже наступили всѣ признаки овсянаго сѣва: тепло, и казалець цвѣтетъ, головы трутся, и коростели кричатъ, а еще Никола не прошелъ. Неслыханное дѣло, чтобы у насъ сѣяли до Никола.

Сѣять или не сѣять?

Посѣемъ рано—овесъ можетъ попасть подъ засуху, не нальетъ хорошо, не своимъ спѣхомъ поспѣетъ, поспѣетъ вмѣстѣ съ рожью, такъ что два хлѣба за разъ убирать придется.

Опоздаемъ посѣвомъ—можетъ морозомъ захватить овесъ во время налива, и тогда все пропадетъ—примѣры этому были—а по ранней веснѣ можно ожидать и раннихъ морозовъ. Сдѣлалось

уже совершенно тепло, лѣто установилось, а еще не отошло 40 утренниковъ, которые должны быть послѣ сорокъ (9 марта, срока мучениковъ) — было всего только 36 морозовъ, что съ точностію опредѣлила моя «старуха», которая на «сроки» спекла сорокъ колбановъ — шариковъ изъ ячной муки — и каждый день, когда морозъ, давала одинъ колбанъ коровѣ. Пришло лѣто, а у старухи осталось еще 4 колбана, значить было всего 36 морозовъ; можно было еще ожидать 4 мороза (примѣта нынче не оправдалась, все лѣто морозовъ не было). Сѣять или не сѣять?

28-го апрѣля у насъ было первое совѣщаніе съ Иваномъ насчетъ сѣва. Вечеръ былъ теплый, превосходный, совершенно майскій вечеръ, соловьи такъ и заливались въ олешиникѣ подлѣ пруда, медвѣдки трубили во всю мочь. Хорошо весной въ деревнѣ! Право, еслибы мнѣ предложили теперь быть директоромъ департамента, министромъ даже, то я, кажется, не согласился бы. Я сидѣлъ на балконѣ, наслаждался весеннимъ вечеромъ, курилъ и прихлебывалъ чай. Иванъ внизу балкона, съ стаканомъ чаю въ рукахъ — Иванъ при мнѣ *никогда* не садится, и если я ему предложу чаю, то онъ всегда пьетъ стоя — докладывалъ о дневныхъ работахъ.

— Ну что, Иванъ, когда сѣять будемъ? Не начать ли съ будущей недѣли, ты какъ думаешь?

— Рано еще, А. Н. Сколько лѣтъ живу, никогда такъ рано не сѣяли. Нельзя до Николи сѣять. Послѣ Николи тамъ что Богъ дастъ. Ленъ до Николи попробуемъ.

— Отчего-же рано? Мало ли, что никогда объ эту пору не сѣяли — вѣдь никогда и весны такой ранней не было. Не ждать же царя? Зацвѣтеть казалець, и сѣять.

— Зачѣмъ царя будемъ ждать, но все-таки рано еще. Ленъ посьемъ.

Сѣять или не сѣять?

Написалъ одному опытному хозяину — вы не думайте однако, что у насъ вовсе нѣтъ хорошихъ хозяевъ: есть такіе, что такъ деньги и гребутъ! — прося его совѣта насчетъ времени сѣва. Тотъ отвѣчалъ, что ждать царя нечего, а нужно сѣять, когда земля сдѣлается «посѣвна», будетъ тепла, будетъ издавать «посѣвный запахъ».

«Когда земля сдѣлается посѣвна!» А почему это узнать? — Вотъ для этого-то и нужно быть *хозяиномъ*. Будешь хозяиномъ, будешь и денежки загребать; это не то, что въ департаментѣ — чирнуть перомъ, и готово. Пожалуйте жадованье получать.

Между тѣмъ, узнаю, что одинъ изъ моихъ сосѣдей уже по-

сѣялъ 29-го апрѣля. Опять совѣщаніе съ Иваномъ—тотъ уже не такъ упорно стоитъ, чтобы сѣять непременно послѣ Никола.

— Можно, говорить, и до Никола сколько нибудь посѣять.

— Въ Фединѣ, говорятъ, посѣяли.

— Слыхалъ, что посѣяли, только у нихъ, говорятъ, овесъ особенный, чужестранный, который рано сѣютъ. Посѣмъ и мы сколько нибудь до Никола. Ленъ съ понедѣльника заказу.

Обращаюсь къ книгамъ; беру руководство къ практическому сельскому хозяйству и отыскиваю статью «овесъ». Читаю, узнаю, что овесъ принадлежитъ къ классу *Triandria Duginia*, что слово *Avena* неизвѣстно откуда происходитъ, но Пекстонъ полагаетъ, что оно происходитъ отъ кельтическаго слова *Etan*, что значитъ: ѣсть; узнаю, что существуетъ 54 разности овса, что овесъ можно сѣять послѣ всѣхъ хозяйственныхъ растений, и что это служить яснымъ доказательствомъ того, что овесъ можетъ питаться самыми грубыми началами почвы, которыя, такъ сказать, не годятся для питанія другихъ сельско-хозяйственныхъ растений... Ей-Богу не вру, все это я буквально выписываю изъ книжки—не говорю изъ какой, потому что какую ни возьми, все равно. Просмотрѣвъ рубрики «климатъ», «почва», «мѣсто въ сѣвооборотѣ», «обработка поля», нахожу наконецъ «время посѣва». Вотъ оно, вотъ это-то мнѣ и нужно! Прочиталъ разъ, прочиталъ другой,—чортъ-знаетъ, что такое! написана цѣлая страница, а толку нѣтъ! «Самое лучшее время для посѣвовъ овса апрѣль и май».—Тэкъ-съ. «На низменныхъ и сырыхъ почвахъ его сѣютъ въ маѣ, а на сухихъ въ апрѣлѣ»... и все въ такомъ родѣ, а въ заключеніе сказано: «такъ-какъ весьма важно опредѣлить настоящее время овсянаго посѣва, то потому и необходимо при этомъ брать во вниманіе многія мѣстныя условія».

Да какія же условія нужно брать во вниманіе?

Вотъ для этого-то и нужно быть хозяиномъ. Будешь хозяиномъ, будешь и деньги загребать, а то по книгамъ зако-тѣлъ.... Странное дѣло, отчего это наши агрономическія книги такъ плохи? Все-то у насъ есть: и цѣлный департаментъ, и два—не то три—инспектора сельскаго хозяйства, и академія, и институтъ, и школы агрономическія, профессоровъ сколько, наукъ сколько—домоводство, растениеводство, скотоводство,—это главные, — да еще сколько специальныхъ: луководство, пиявководство—а книгъ хорошихъ нѣтъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я взялъ съ собою множество агрономическихъ книгъ; кажется, у меня есть почти все, чтдъ издано по этой части на русскомъ языкѣ; получаю три хозяйственныхъ

журнала—тоже вѣдь казна деньги на нихъ отпускаетъ—а по-вѣрите ли, всякій разъ, когда я обращаюсь къ книгѣ, въ концѣ концовъ дѣло сводится на то, что я швыряю книгу подъ столъ. Читаешь, читаешь, написано много, а того, чего ищешь, никогда не найдешь. Единственные книги, которыя мнѣ приносили пользу—это книги и статьи по садоводству и огородничеству Регеля, Грачева и друг.; даже брошюрка о разведеніи огородныхъ растений, которую магазинъ Запѣвалова присылаетъ вмѣстѣ съ огородными сѣменами, оказалась очень полезною, а изъ агрономическихъ книгъ ничего извлечь не могу. Во всей этой массѣ книгъ и журнальныхъ статей поражаетъ отсутствіе здраваго смысла, практическихъ знаній и даже способности вообразить реальное дѣло. Ну, положимъ, самымъ дѣломъ не занимаешься на практикѣ, такъ неужели же нельзя пишучи статью вообразить себя въ положеніи человѣка, который долженъ выполнять то, о чемъ пишется на дѣлѣ? Ну, положимъ, пишешь статью о разведеніи клевера—неужели нельзя вообразить себя въ положеніи человѣка, которому дѣйствительно приходится сѣять клеверъ, которому нужно прежде всего купить сѣмена, а слѣдовательно нужно умѣть различить, хороши ли они, и т. д. Тянуть, тянуть, пишуть или лучше сказать переводятъ—одна строчка изъ Шверца, другая изъ Шмальца—безъ всякаго толку. Сейчасъ видно, что всѣ эти книги пишуться людьми, которые никогда не хозяйничали, которые не знаютъ, что въ половинѣ августа бываютъ морозы, что въ сентябрѣ бываютъ заморозки, при которыхъ наваливаетъ снѣгу на 3 аршина, что зимою навозная жижа замерзаетъ, что при 30 градусахъ мороза нельзя работать на дворѣ, и если человѣкъ въ такой морозъ слѣзаетъ съ печи, то потому только, что «неволя велитъ и сопливаго любить». Ничего своего, все изъ нѣмцевъ взято; такой-то нѣмецъ говорить то-то—давай сюда, другой нѣмецъ говорить совершенно противоположное—давай сюда, третій нѣмецъ говорить... тащи сюда, вали все въ кучу, кому нужно—разберетъ. Учености въ каждой статьѣ тьма, а дѣла нѣтъ. Совершенное отсутствіе практическихъ знаній и какая-то воловья вялость—точно всѣ эти книги пишуться кастратами. Мнѣ много разъ случалось слышать отъ ученыхъ агрономовъ, что на лекціяхъ, въ книгахъ и статьяхъ, нельзя излагать практическое хозяйство, но это неправда. Я теперь собственнымъ опытомъ убѣдился, что и книги, сообщающія чисто-практическія свѣдѣнія, даже книги, написанныя чистыми практиками, вовсе незнакомыя съ научными изслѣдованіями, незнающими ни состава почвы, ни состава растений, могутъ быть очень полезны прак-

тину; я убѣдился въ этомъ на книгахъ о садоводствѣ и огородничествѣ. Приѣхавъ на хозяйство, я не имѣлъ никакихъ практическихъ знаній по полеводству, скотоводству и огородничеству; моимъ помощникамъ—Ивану, Сидеру, Авдотѣй—всѣ эти части хозяйства были извѣстны въ равной степени и даже огородничество мнѣ всего, потому что у нашихъ крестьянъ огородничество въ плохомъ состояніи. Мнѣ часто приходилось обращаться къ книгамъ за совѣтомъ и, странное дѣло, отчего же только книги по огородничеству, отчего статьи Грачева, Запѣвалова и другихъ, людей, которые едва-ли знаютъ, какой составъ имѣютъ сѣмена рѣпы и огурцовъ, не сходять у меня со стола, между тѣмъ, какъ книги по скотоводству и полеводству, за весьма небольшими исключеніями — за исключеніемъ напр. книги Совѣтова о кормовыхъ травахъ, которая оказалась мнѣ очень полезною, хотя въ научномъ отношеніи не выдерживаетъ самой снисходительной критики (теперь мнѣ понятно, отчего эта книга имѣла 3 изданія)—валяются подъ столомъ? Отчего же можно написать такую статью о разведеніи огурцовъ, которая мнѣ, практику, приноситъ непосредственную пользу, и нельзя написать такую же статью о разведеніи клевера? Отчего статью по огородничеству можно написать такъ, что она непосредственно относится къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ, а статью по полеводству такъ написать нельзя? Отчего Регель и Грачевъ даютъ мнѣ такіа указанія относительно разведенія земляники, смородины, капусты и пр., которыя я могу непосредственно примѣнить съ пользою на практикѣ, а какойнибудь агрономъ или скотоводъ даетъ такіе совѣты, которые я выполнить не могу? Отчего огородникъ не посовѣтуетъ мнѣ сдѣлать то, что можно сдѣлать только въ Италіи—я, разумѣется, исключая книги по огородничеству, переведенныя съ нѣмецкаго профессорами, и говорю только о статьяхъ нашихъ (иногда написанныхъ и нѣмцами) садоводовъ и огородниковъ—а какойнибудь агрономъ, нѣтъ, нѣтъ, да и посовѣтуетъ сѣять рожь въ концѣ сентября или накачивать насосомъ на гноевище замерзшую навозную жижу? Отчего въ статьяхъ по садоводству и огородничеству чувствуется живая струя, а отъ агрономическихъ статей пахнетъ мертвечиной, кастратской вялостію? Отчего Авдотья вѣрится въ книги по огородничеству, точно такъ, какъ вѣрится въ поваренныя хозяйственныя книги—вотъ еще книги, которыя мнѣ принесли пользу—и часто просятъ меня посмотреть въ «книжку», какъ слѣдуетъ посадить то-то и то-то, и не вѣрится въ книги по скотоводству? Не оттого ли это, что статьи по огородничеству пишутся людьми, которые сами занимались

своими огородами, а иногда отъ огородовъ своихъ только и получали средства для своего существованія, между тѣмъ какъ статьи по агрономіи и скотоводству пишутся людьми, которые млеверъ сушили только для гербаріевъ, и много если разводили на грядкахъ, скотъ видѣли только на выставкахъ, а сливки видѣли только кипяченныя—съ пѣнками?

Мнѣ часто думается, не эта ли мертвая вялость, которою несетъ отъ книгъ, причиною, почему наши агрономическія заведенія выпускаютъ такъ мало людей, идущихъ въ практику? Мнѣ все кажется, что профессоръ, который никогда самъ не хозяйничалъ, который съ первыхъ дней своей научной карьеры за сѣлъ за книги и много если видѣлъ, какъ другіе хозяйничаютъ на образцовыхъ фермахъ, который не жилъ хозяйственными интересами, не волновался, вида находящую въ разгаръ покоса тучу, не страдалъ, вида какъ забилъ дождемъ его посѣвъ, который не несъ матеріальной и нравственной отвѣтственности за свои хозяйственныя распоряженія—мнѣ кажется, что такой профессоръ, хотя бы онъ прочелъ всѣ книги, написанныя Шверцами и Шмальцами, никогда не будетъ чувствовать живаго интереса къ хозяйству, не будетъ имѣть хозяйственныхъ убѣжденій, смѣлости, увѣренности въ непреложности своихъ мнѣній, всего того, словомъ, что дается только «дѣломъ». Агрономъ, который никогда не прилагалъ своихъ знаній на дѣлѣ, будетъ похожъ на химика, который изучилъ химию по книгамъ, но никогда самъ въ лабораторіи не работалъ. Занятіе агрономіей по книгамъ, подобно тому какъ занятіе химіей или анатоміей по книгамъ, есть онанизмъ для ума. Мнѣ кажется, что такіе профессора, сами не интересуясь живо предметомъ, не имѣя подъ собой почвы, не могутъ возбудить интереса къ «дѣлу» и въ своихъ ученикахъ, вслѣдствіе чего тѣ, окончивъ курсъ въ агрономическомъ заведеніи, не идутъ въ хозяйство, а копируя своихъ профессоровъ, поступаютъ въ чиновники. Недостатокъ агрономическихъ книгъ у насъ полнѣйшій, хотя книгъ много. Бѣда тому, кто начнетъ хозяйничать при помощи этихъ книгъ; не даромъ сложилось у насъ понятіе, что кто хозяйничаетъ «по агрономіи», тотъ разоряется.

Не найдя въ книгахъ ничего путнаго относительно времени посѣва овса, выругавшись и, разумѣется, помянувъ нѣмцевъ—нѣмцы-то тутъ, впрочемъ, ни въ чемъ не виноваты, потому что они пишутъ для себя: вольно же намъ, не пережевавъ, все таскать отъ нихъ въ свою утробу! — я пошелъ бродить по полямъ и лугамъ. Весна въ полномъ разгарѣ, всюду зелень и благоуханіе, черемуха въ полномъ цвѣту, казелець зацвѣ-

тасть, въ лѣсу стоитъ весенній гулъ отъ пѣнія птицъ, жужжанія насѣкомыхъ, земля тепла, хоть босикомъ ходи, на пашнѣ пахнетъ земляными червями—вотъ онъ, посѣвный запахъ. Возвращаясь домой, встрѣтилъ «дѣда»; бѣжить босикомъ въ одной рубахѣ и мокрыхъ портахъ и тащить что-то въ ведерочкѣ, должно быть раковъ или рыбу. — Вотъ, думаю, кто мнѣ скажетъ насчетъ посѣва. «Дѣдъ» — старикъ изъ ближайшей деревни, совсѣмъ сивый, какъ у насъ говорятъ, былъ уже взрослымъ мальчикомъ въ разоренный годъ и хорошо помнитъ французовъ — «обходительный говоритъ народъ!» — потому что держалъ лошадей, которыхъ его отецъ ковалъ проходящимъ французскимъ кавалеристамъ. «Дѣдъ» — хорошій хозяинъ, знаетъ всѣ примѣты, и его мнѣніе всегда уважается на совѣтѣ «стариковъ», который рѣшаетъ когда сѣять коноплю, овесъ, рожь и ленъ: у крестьянъ всегда бываетъ предварительное совѣщаніе, когда начать сѣвъ, особенно конопли, которую сѣютъ всѣ за разъ, и какъ рѣшаютъ старики, такъ и дѣлается. «Дѣдъ» — рыболовъ, лѣтомъ постоянно доставляетъ мнѣ рыбу и раковъ, а на заработанные деньги балуетъ ребзтъ, своихъ внучатъ, которыхъ всегда самъ возитъ на сельскія ярмарки и тамъ угощаетъ на свои, рыбою и раками, заработанные деньги.

— Здравствуй, дѣдъ! что, рыбы принесъ?

— Рыбьи, рыбьи свѣженькой.

— Небось головли?

— Головлики, головлики.

— Что-жь, трутся?

— Трутся, трутся.

— А вѣдь рано нынче пошелъ головль?

— Рано; и не помню таковой ранней весны.

— Сѣвъ, значить, овсяный?

— Да сѣвъ, головль трется, скоро сѣвъ.

— Когда же сѣять будемъ?

— А когда пора придетъ, когда пора придетъ. Рано нынче будемъ сѣять.

— Я думаю сѣять.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, рано еще, обожди маленько, пока матушка начнетъ выколашиваться; ты не смотри, что въ Фединѣ посѣяли: тамъ овесъ заморскій; обожди маленько, а ленъ сѣй, ленъ сѣй.

Вечеромъ, при докладѣ, Иванъ началъ сдаваться насчетъ посѣва.

— Обходилъ рожь сегодня, отлично набирается, скоро колоситься начнетъ, вазелецъ зацвѣтаетъ, никогда еще такой ран-

ней весны не было. Два сѣва сдѣлаемъ, А. Н.: одинъ до Николи, а другой послѣ Николи.

4-го мая мы засѣяли половину поля овса, 10-го—вторую половину, 17-го—посѣяли ячмень. Посѣвъ ярового окончился благоприятно. Задѣлали хорошо. Послѣ сѣва прошелъ дождикъ. Выходы показались хорошо. Ну, теперь все кончено, можно отдохнуть, только бы Богъ далъ благоприятную погоду. Послѣ сѣва, вскорѣ наступила засуха. Съ утра до ночи печетъ солнце, постоянно дуетъ сухой югозападный вѣтеръ. Земля высохла, потрескалась. Скоро, превосходные въ началѣ, всходы овса начали желтѣть. Недѣля прошла, другая—бѣда! если еще нѣсколько дней засухи, то яровое выгоритъ какъ въ прошедшемъ году. Тяжело хозяину въ такое время; ходишь, на небо посматриваешь, въ поле хоть не ходи, овесъ заострился, желтѣетъ, трава на лугахъ не растетъ, отцвѣла ранѣе срока, зрѣетъ не своимъ спѣхомъ, сохнетъ. Чуть сдѣлается пасмурно, набѣжитъ тучка, радостно смотришь на небо. Упало нѣсколько капель дождя... Ну, слава тебѣ Господи, наконецъ-то дождь! Нѣтъ, небо нахмурилось, походили тучи, погромѣлъ громъ въ отдаленіи, и опять нѣтъ дождя, опять дуетъ суковѣй, опять солнце жжетъ, точно раскаленное желѣзо. Вотъ опять набѣжала тучка, брызнуло нѣсколько капель дождя, а потомъ опять солнце, опять зной, а по сторонамъ все тучи ходятъ. Ну, наконецъ-то будетъ дождь: совсѣмъ стемнѣло, съ запада медленно надвигается темная грозовая туча, сверкнула молнія, разъ, другой, громовые удары слѣдуютъ безостановочно одинъ за другимъ, все ближе и ближе надвигается туча, старуха въ застойной уже зажгла страстную свѣчу и накурила ладономъ, вотъ пахнуло холодомъ, поднялся вихрь,—сейчасъ польетъ дождь. Нѣтъ, туча прошла мимо и въ пяти верстахъ разразилась проливнымъ дождемъ и градомъ, который отбилъ рожь. Насъ Богъ помиловалъ, а въ окрестностяхъ много полей отбито градомъ, такъ что засѣвать не чѣмъ было, и крестьяне должны были покупать рожь на посѣвъ.

Уже началась вывозка навоза, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ, трава посохла, овесъ желтѣетъ и видимо чахнетъ. Наконецъ, на второй день возки навоза, подъ вечеръ набѣжала туча и разразилась проливнымъ дождемъ, который хорошо промочилъ землю. Къ утру все зазеленѣло. На другой день, съ утра зарядилъ обкладной дождь, такъ что послѣ обѣда пришлось прекратить возку навоза, потому что повознички—мальчишки и дѣвочки 7—12 лѣтъ, которые водятъ лошадей съ возами навоза—размякли, а повознички такой народъ, что какъ размякнуть да озябнуть, убѣгутъ и лошадей небросаютъ—что съ ними подѣлаемъ!

Прошло нѣсколько дней, яровья поправились, но травы уже не могли поправиться—отавы за то хороши были потому—все время навозовъ шли дожди, перемежаясь съ хорошими днями. Наступило время покоса, а дожди все идутъ. Передъ Петровымъ днемъ какъ-то выскочило нѣсколько хорошихъ дней, начали косить. Только-что подкосили лучшей лугъ—дождь. Черезъ день опять погода и пошло такъ: вечеромъ помочить, утромъ парить, только-что повернемъ, опять дождикъ—сѣногной. Просто измучились; лугъ, который обыкновенно убирался въ 5 дней, убирали 2 недѣли, да и то бдльшая часть сѣна убрана сильно испортившагося—а травы-то и безъ того были плохи. Не успѣли еще покончить съ главными покосами, наступило жнитво. Выскочило нѣсколько хорошихъ дней, и у меня въ три дня скали все поле; еще два хорошихъ дня—и весь хлѣбъ будетъ въ сараѣ. Не тутъ-то было — пошелъ дождь и намочилъ снопы. Пришлось накрывать, разставлять, пересушивать; къ счастью выскочило три сухихъ дня съ вѣтромъ: въ два дня снопы высохли, на третій всѣ 450 телегъ ржи были свезены и уложены въ сарай. Уфъ! Когда положили послѣднюю телегу и Иванъ, замкнувъ сарай и перекрестившись, проговорилъ: «теперь только разлучи Господи съ дымушкомъ», точно камень съ сердца свалился. Не успѣли мы съ Иваномъ дойти отъ сарая до дому, какъ пошелъ дождь. Съ уборкой ржи кончились всѣ наши волненія. Послѣ того, погода благоприятствовала всѣмъ работамъ: и поздніе покосы, и посѣвъ озими, и уборка льновъ и яровыхъ шли хорошо. Конечно, не безъ того, чтобы мы не волновались; въ особенности насъ беспокоили льны, потому что мы, на основаніи того, что весна была ранняя, ожидали ранней осени и раннихъ зимовъ; но если весна была такая, что и старики не забывать, то осень тоже стояла превосходная, на рѣдкость: скотъ ходилъ въ полѣ до 1-го ноября, слѣдовательно былъ въ полѣ 6½ мѣсяцевъ!

За исключеніемъ травъ и мѣстами картофеля, все нынче уродилось хорошо.

Въ нынѣшнемъ году, крестьяне, какъ я писалъ въ первыхъ письмахъ, пережили ужасную зиму—ни хлѣба, ни корму. Только необыкновенно ранняя весна спасла скотъ. Когда скотъ весной рано пошелъ въ поле, одной заботой стало меньше; нужно только было прокормиться до новы, но это-то и есть самое трудное. Зимой, кто побѣдѣе, кормились въ міру кусочками; теперь же, когда наступило время работъ, въ кусочки ходить нѣкогда, да теперь и не подадутъ, потому что у всѣхъ хлѣбы подобрался. Перебивались кое-какъ. Кто позамыслова-

тѣе, какъ говорить Авдотья, тѣ еще съ зимы запасли хлѣба на рабочее время—приберегали свой хлѣбъ, а сами ходили въ кусочки. Весною, кто скотинку лишнюю продалъ и хлѣба купилъ, кто работою обязался и на полученный задатокъ купилъ хлѣба, кто въ долгъ набралъ до нови; но было множество и такихъ, которые перебивались изо дня въ день. Раздобудется мужикъ гдѣ нибудь пудикомъ мучицы, въ долгъ возьметъ, работу какую нибудь сдѣластъ, агнечка продастъ, протянетъ нѣсколько времени, работаетъ, потомъ денекъ - другой голодаетъ, бѣгая, гдѣ бы еще достать хоть пудикъ, хоть полпудика, гдѣ нибудь на поденщину станеть—хорошо еще если можно хоть поденную работу найти — заработаетъ пудъ муки и опять дома сидитъ, свою ниву пашеть. Разумѣется, тутъ не до хорошаго хлѣба; замѣсить баба съ вечера хлѣбъ, не успеетъ закиснуть—ѣсть-то хочется, дѣти пищать—нрѣсныхъ ленешекъ нанечетъ, а то и просто болтушку сдѣластъ. Въ праздникъ въ кусочки сбѣгаетъ, по окрестнымъ деревнямъ дѣтей пошлетъ, а то и такъ около своихъ одноподенцевъ, у которыхъ хлѣбъ есть, перебивается: сработаетъ что-нибудь — покормить, скидку хлѣба дадутъ; иной разъ и просто зайдетъ въ кому нибудь во время обѣда—не ѣлъ, скажетъ, сегодня; покормить—потомъ въ покось, въ жнитво поможетъ, поработаетъ. А бабы... «А что-жь ты будешь дѣлать», говоритъ Авдотья:—и... не умирать же съ голоду!»

Грибы пошли, полегче стало, все-таки подспорье. Нынѣшній годъ грибы показались рано и урожай на нихъ былъ необыкновенный; конечно, на однихъ грибахъ безъ хлѣба не наработаешь много, но все-таки же продержаться, пока достанешь хлѣба, можно, да и къ хлѣбу подспорье—все же лучше, чѣмъ одинъ сухой хлѣбъ. Въ моихъ рощахъ грибы роятся во множествѣ. Лѣтомъ чуть свѣтъ всѣ бабы изъ окрестныхъ деревень прибѣгаютъ въ мои рощи за грибами, такъ что навѣрно, каждый день въ рощахъ перебиваетъ человѣкъ до полутора. Разумѣется, бабы еще до свѣту обшарать всѣ рощи и всѣ грибы, въ особенности бѣлые, выбираютъ, такъ что къ утру ничего не останется. Авдотья, какъ баба, какъ Коробочка, но жадности, все уговаривала меня заязвать рощи, т.-е. запретить въ нихъ брать грибы. Я на это не согласился. Миѣ кажется, что помѣщику—не говоря уже о томъ, что голодные только грибами и питаются—нѣтъ расчета запрещать брать грибы въ своихъ владѣнiяхъ, и что вотъ подобныя-то запрещенiя и влекутъ къ неприятымъ столкновенiямъ. Извѣстно, что народъ, не только у насъ, но даже въ Германiи, не признаетъ лѣсъ частною собственностiю и порубъ лѣса не считаетъ за воровство; даже и

по закону у насъ порубъ лѣса не считается воровствомъ; что же сказать о грибахъ! Положимъ, что лѣсъ растетъ самъ собою по волѣ божьей, но такъ-какъ лѣсъ растетъ медленно, то нужно его беречь, чтобы дожидаться извѣстнаго результата; я могъ бы срубить 25-лѣтній лѣсъ, но я ждалъ, давалъ ему расти до 100 лѣтъ, слѣдовательно, такъ-сказать, отрицательно тратилъ на него. Кромѣ того, еслибы я вырубилъ лѣсъ, то земля изъ-подъ лѣса давала бы мнѣ доходъ, и разъ земля считается собственностію, то если я оставляю ее подъ лѣсомъ, я несую извѣстный расходъ.

Но что же сказать о грибахъ? Грибъ вырастаетъ самъ собою, никто его не садить, никто за нимъ не ухаживаетъ, никто даже не знаетъ, гдѣ онъ вырастетъ; сберечь грибъ нельзя—не взялъ его сегодня, завтра онъ никуда не годится; ожидать, чтобы онъ выросъ, нельзя; помѣшать тому, чтобы онъ не выросъ на извѣстномъ мѣстѣ, тоже нельзя, да и срубить грибы какъ лѣсъ для того, чтобы воспользоваться землею, нельзя. Слѣдовательно, если даже лѣсъ не признается собственностію, а похищеніе лѣса воровствомъ, то похищеніе грибовъ нельзя даже поставить на одну степень съ порубомъ. Очевидно, что грибъ, по волѣ божьей, растетъ на общую потребу, и запрещать брать грибы какъ-то зазорно. Конечно, владѣлецъ лѣса можетъ запретить брать въ его лѣсу грибы, но это ужъ значить снимать пѣнки... Но если даже и не принимать во вниманіе, такъ-сказать, неуловимость такой собственности, какъ грибъ, все-таки нѣтъ расчета запрещать. Если запретить брать грибы, то это неминуемо поставитъ владѣльца въ военныя, такъ-сказать, отношенія къ крестьянамъ, что невыгодно; запрещеніе брать грибы особенно тяжело отзовется на бѣднякахъ, которые безъ грибовъ положительно существовать не могутъ; оно отзовется также и на работахъ, потому что работающіе въ имѣніи и суть тѣ, которые наиболѣе пользуются грибами. Наконецъ, люди будутъ голодать, а грибы будутъ пропадать бесполезно, потому что выбрать всѣ грибы невозможно, да и невыгодно этимъ заниматься. Барыни-помѣщицы обыкновенно запрещаютъ брать въ своихъ рощахъ грибы, потому что такъ же плохо расчитываютъ, какъ Авдотья, которая нивагъ не могла понять, что мнѣ выгоднѣе покупать грибы у бабъ, чѣмъ собирать своими работницами.—За свои-то грибы да еще и деньги платить! цѣлое лѣто твердила Авдотья. Грибовъ было нынче дѣйствительно множество; Авдотья съ двумя работницами не могли бы выбрать и тысячную долю того, что нарождалось. Какъ много грибовъ, видно изъ того, что послѣ того, какъ утромъ по ро-

шамъ пройдетъ до полотораста человекъ, да еще днемъ бродить много праздношатающагося, немѣющаго дѣла разнаго двороваго люда, все-таки вечеромъ, объѣзжая верхомъ рощи и собирая только тѣ грибы, которые увижу не слѣзая съ лошади на опушкѣ, я обыкновенно привозилъ штукъ 30 бѣлыхъ грибовъ, что отчасти успокаивало Авдотью.

Впрочемъ, и я извлекъ выгоду изъ грибовъ. Въ одной изъ моихъ рощъ случился порубъ: крестьяне изъ сосѣдней деревни срубили 10 березъ и испортили 1 ель для раскохи. Призвалъ я ихъ:

— Дѣсь порубили?

— Не можемъ знать, А. Н.

— Мимо шли, видѣли?

— Шли, видѣли

— Вами?

— Не можемъ знать.

— То-то не можемъ знать. Если еще будетъ порубъ, въ грибы не пушу, такъ и бабамъ скажите.

— Слушаемъ, А. Н.; будьте покойны.

Съ тѣхъ поръ порубовъ не было.

Такъ, грибами, добытымъ гдѣ-нибудь пудикомъ мучицы, постоянно голодая, никогда не найдаясь досыта, бѣднякъ перебивается до «снови». Будь я художникомъ-живописцемъ, сколько бы типичныхъ картинъ представилъ я на академическую выставку! Вотъ мужикъ Дѣма — у него жена и двое дѣтей — цѣлую весну онъ перебивался кое-какъ. Скоро «сноть», а Дѣма третьяго-дня съѣлъ послѣднюю крошку хлѣба и побѣжалъ раздобыться хотя пудикомъ мучицы. Пробѣгавъ вчера цѣлый день, онъ нигдѣ не могъ достать ни въ долгъ, ни подъ работу; сегодня, въ числѣ другихъ, онъ пришелъ ко мнѣ наниматься чистить лугъ. Посмотрите на эту группу: сытые двое торгуются, а голоднаго Дѣму беретъ нетерпѣние и страхъ, что вотъ я откажу работу, если не наймутся за мою цѣну, — онъ толкаетъ локтемъ сытаго Бабура: бери. Дѣмѣ всѣ равно, какая цѣна, лишь бы добыть сегодня ковригу хлѣба, а завтра пудикъ мучицы. Еслибы я умѣлъ рисовать, я нарисовалъ бы на выставку «жницу», да не такую, какъ обыкновенно рисуютъ. Узенькая нивка, тощая рожь, солнце жжетъ, баба въ одной рубахѣ, мокрой отъ поту, съ осунувшимся, «почернѣвшимъ» отъ голоду лицомъ, съ запершею кровью на губахъ, жнетъ, зажинаетъ первый снопокъ — завтра у нея хотя еще и не будетъ хлѣба, потому что смолоть не успѣетъ, но уже будетъ вдоволь каши изъ пареной ржи.

Тяжелѣе всего мужику предъ новью. Вотъ, вотъ не сегодня,

такъ завтра рожь воспѣветъ хотя на столько, что можно будетъ зеленую кашу ѣсть, а вотъ тутъ-то и ѣсть хлѣба; пудъ муки, и то трудно достать въ это время, потому что каждый запасалъ хлѣба только до нови. Годъ плохой — всѣ жмутся.

Но вотъ наконецъ смолотили первую рожь и повезли «новы» на мельницы, — едва-ли одинъ изъ ста вернулся съ мельницы не выживши. Оно и понятно: человекъ голодалъ цѣлый годъ, а теперь хлѣба — по крайней-мѣрѣ до Покрова — вволю. Намъ, которые никогда не голодали, намъ, которые дѣлаемъ передъ обѣдомъ прогулку для возбужденія аппетита, конечно, не со-всѣмъ понятно положеніе голодавшаго мужика, который наю-нецъ дождался «нови». Представьте однако себѣ, что Дѣма, который недѣлю тому назадъ бѣгалъ, хлопоталъ, кланялся, на колѣняхъ ползалъ передъ содержателемъ мельницы, выпрашивая пудикъ мучицы, теперь счастливый, гордый — самъ чортъ ему не братъ — сидитъ на телегѣ, въ которой лежатъ два мѣшка новаго чистаго хлѣба! Содержатель мельницы, который недѣлю тому назадъ, несмотря на мольбы, не одолжилъ Дѣмѣ пуда муки, встрѣчаетъ его теперь ласково, почтительно, величаетъ Павлычемъ. Дѣма, вивнувъ головой мельнику, медленно слѣ-заетъ съ телеги, сваливаетъ мѣшки и въ ожиданіи очереди — нови-то навезли на мельницу гибель — когда придется ему за-спинать, идетъ въ мельничную избу, откуда слышатся глѣсны и крики подгулявшихъ замельщиковъ. — А! здравствуй, Демьянъ Павлычъ! здравствуй, Дѣма! что, новы привезъ? Ну, сами посу-дите, какъ тутъ не выпить! Поймите же радость человека, ко-торый всю зиму кормился кусочками, весну пробился кое-какъ, по часту питаюсь одной болтушкой изъ ржаной муки и грибами, когда у этого человека вдругъ есть *цѣлый* кулъ чистаго хлѣба, — *цѣлый кулъ*! Въ набѣ Дѣму толпа подгулявшихъ замельщиковъ зоветъ за свой столъ. Дѣма требуетъ стаканъ водки, калачъ, огурцовъ; ему съ почтеніемъ подаютъ и водку, и закуску, не требуя денегъ впередъ, какъ это обыкновенно водится, потому что его рожь стоитъ на мельницѣ. На тонкій желудокъ водка дѣйствуетъ быстро; послѣ одного стакана Дѣма охмѣлѣлъ, тре-буетъ еще водки. Черезъ полчаса Дѣма уже пьянъ... Когда проспится, расплачивается рожью.

Такъ-какъ ежегодно часть ржи пропивается крестьянами на мельницахъ — что отымается на ихъ благосостояніи, ибо при про-мѣнѣ на водку рожь идетъ по очень низкой цѣнѣ: гарнецъ ржи за стаканъ водки и ломоть хлѣба да пару огурцовъ — такъ-какъ у пьянаго мужика содержатель мельницы легко мо-жетъ отсыпать хлѣба (нужно же и ему заработать на патентъ,

торговое свидѣтельство, аренду), то, для охраненія народнаго благосостоянія и нравственности, промѣнъ хлѣба на водку и вообще продажа водки на мельницахъ воспрещается; но на дѣлѣ этого не бываетъ. И водка на мельницахъ всегда есть, и промѣнъ водки на рожь ежедневно совершается; да и нельзя иначе, потому что *на такую мельницу, идъ тотъ водки, никто не повезетъ молотъ новъ*. Такъ-какъ мельница безъ водки существовать не можетъ — въ «новъ»-то и бываетъ главный заработокъ на мельницѣ—то правило какимъ-нибудь образомъ обходить. Обыкновенно, кабакъ устраивается въ нѣкоторомъ разстоянн отъ мельницы, иногда и рядомъ съ избой мельника, но только кабакъ имѣетъ особый входъ, — патентъ берется на другое имя. Если кабака подлѣ мельницы нѣтъ, если, напримѣръ, помещикъ, заботясь о благосостоянн крестьянъ, начитавшись въ газетахъ о вредѣ пьянства, не дозволяетъ содержателю мельницы имѣть кабакъ, то онъ торгуетъ водкой тайно, безъ патента; если надзоръ ужь очень строгъ, то хозяинъ не продаетъ водки, но угощаетъ по знакомству водкой замельщиковъ, которые къ нему привозятъ молотъ свою новъ. Разумѣется, за угощенн хозяину отсыпаютъ рожью. Акцизные знаютъ, конечно, что правило относительно непродажн водки на мельницахъ нигдѣ не соблюдается и соблюдаемо быть не можетъ, ибо никто на нее возить молотъ не будетъ. Мнѣ не разъ случалось говорить объ этомъ съ акцизными, но они какъ-то странно относятся къ этому. Когда доказываешь, что на мельницахъ водку продаютъ и мѣняютъ на рожь, когда объясняешь, что безъ этого мельница существовать не можетъ, то акцизный соглашается: нельзя не согласиться, когда фактъ существуетъ; но если начнешь говорить о томъ, что акцизнымъ слѣдуетъ представлять высшему начальству о непримѣнности такъ этого, такъ и многихъ другихъ правилъ, придуманныхъ съ цѣлью уменьшенн пьянства, но цѣли недостигающихъ, правилъ бесполезныхъ, стѣснительныхъ даже вредныхъ, акцизный уже не то.

— Вѣдь мужикъ, когда у него есть новъ, непременно выпьетъ съ радости?

— Выпьетъ.

— И напьется?

— Напьется.

— Вѣдь еслибы васъ сдѣлали акцизнымъ генераломъ — поставили бы вы бутылочку, другую холодненькаго?

— Ну, конечно, улыбается акцизный.

— А вѣдь мужикъ генераломъ себя чувствуетъ, когда везетъ новъ на мельницу?

— Пожалуй.

— Нельзя же ему не выпить съ нови, и ужь, конечно, онъ не поѣдетъ молоть туда, гдѣ нельзя раздобыться водкой?

— Пожалуй, что не поѣдетъ.

— Водка, значить, непременно должна быть на мельницѣ; безъ того и мельница существовать не можетъ?

— Пожалуй, что такъ.

— Ну, почему же не дозволить торговлю водкой на мельницахъ?

— Нѣтъ, нельзя дозволить; вѣдь согласитесь, это большое зло, если дозволено будетъ на мельницахъ держать водку. Мужикъ привозитъ молоть хлѣбъ, напивается пьянъ, промѣниваетъ хлѣбъ на водку, его при этомъ обираютъ, а потомъ зимой у него нѣтъ хлѣба.

— Но вѣдь это зло существуетъ, потому что правило не исполняется и исполнено быть не можетъ, такъ-какъ никто хлѣба не повезетъ, если выпить на мельницѣ нельзя; такъ-какъ, если водку продавать въ мельничной избѣ не дозволяется, то нужно на извѣстномъ разстояніи отъ мельницы выстроить кабакъ: расходъ, значить, бесполезная трата денегъ, потому что кабакъ стоитъ только для виду, а потраченныя деньги мельникъ все же долженъ выбрать съ того же мужика. Слѣдовательно, правило не достигаетъ цѣли, и къ тому же еще болѣе способствуетъ обѣдненію мужика, потому что всякое стѣснительное правило, чтобы быть обойденнымъ, требуетъ нѣкотораго расхода, который все-таки платитъ тотъ же мужикъ.

— Оно такъ, но вѣдь согласитесь, что продажа водки на мельницахъ — зло!

— По моему, нѣтъ; да кромѣ того, правило не уничтожаетъ зла: водка вѣдь на мельницахъ есть.

— Однакоже...

По этому случаю я припомнилъ рассказъ о томъ, какъ нѣмецъ показывалъ публикѣ въ звѣринцѣ бѣлаго медвѣдя.

— Сей есть левъ, житель знойной Африки, кушаетъ живыхъ быковъ, говоритъ нѣмецъ монотоннымъ голосомъ, указывая палочкой на льва.

— Сей есть бѣлый медвѣдь, житель полярныхъ странъ, очень любитъ холодно; его каждый день отъ двухъ до трехъ разъ обливаютъ холодной водой.

— Сегодня обливали? спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Нѣтъ.

— Вчера обливали?

— Нѣтъ.

— Что-жь, завтра будутъ обливать?

— И нѣтъ.

— Да когда же его обливають?

— Его никогда не обливають, сей есть бѣлый медвѣдь, житель полярныхъ странъ, очень любить холодно, его каждый день отъ двухъ до трехъ разъ обливають холодной водой, продолжаютъ нѣмецъ.

И сколько такихъ правилъ—бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ каждый день обливають холодной водой.

Мы всё удивительно какъ привыкли къ этому; каждый и говорить, и дѣлаетъ такъ, какъ будто онъ не сомнѣвается, что бѣлаго медвѣдя, котораго никогда не обливають, ежедневно отъ двухъ до трехъ разъ обливають холодной водой. Дорога, пролегающая по моимъ полямъ, теперь у меня въ большомъ порядкѣ — вездѣ прорыты канавки, сдѣланы мостики, поставлены вѣтки, хозяйственно обдѣлано, хоть въ каретѣ шестерикомъ поѣзжай, самъ становой приставъ похвалилъ. Лѣтомъ, въ нынѣшнемъ году разнесся слухъ, что будетъ проѣзжать губернаторъ, изъ волости прислали десятскаго чтобы поправить дороги... черезъ нѣсколько времени староста, давая отчетъ о произведенныхъ граборами работахъ, говоритъ: «1 поденщина на починку дороги — 45 копѣекъ».

— Гдѣ это ты чинилъ?

— На горкѣ; губернаторъ, говорятъ, поѣдутъ.

— Пойдемъ, поважи.

Прихожу, и вижу, что подлѣ дороги, которая достаточно хороша для проѣзда — по ней мимо меня очень часто проѣзжаетъ богатая сосѣдка въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ четверкой врьдъ, не дурна значить дорога — срѣзанъ дернъ и брошенъ въ боковую рывину.

— Для чего ты это тутъ накопалъ? дорога и безъ того хороша.

— Да какъ же-съ? губернаторъ поѣдутъ, чинить дорогу нужно-съ.

— Такъ что-жь что поѣдетъ — дорога вѣдь хороша?

— Дорога ничего. Ф. барыня третьяго-дни четверкой въ каретѣ проѣзжали, даже не выходили.

— Такъ зачѣмъ же чинить, когда хороша?

— Губернаторъ изволятъ ѣхать.

— Наконецъ, какая же польза что срѣзали дернъ и побросали въ рывину — вѣдь рывину все равно не засыпали?

— Оно такъ. Все-таки же чинили, уваженіе значить оказали.

И всё убѣждены, что когда ѣдетъ губернаторъ или архіерей, то дорогу—хоть бы она и была хороша—нужно починить, то-

есть поковырять землю то здѣсь, то тамъ заступомъ, уваженіе оказать. Послѣ такой починки, гдѣ дорога была хороша, и остается хороша, гдѣ была худа—и остается худа, развѣ только на самыхъ непроѣзжихъ мѣстахъ зачинять на столько, что дорога простоитъ недѣлю, другую.

Даже животныя у насъ привыкають къ извѣстнымъ порядкамъ. У меня есть старый пѣгій конь, на которомъ я верхомъ объѣзжаю мои владѣнія; конь этотъ чрезвычайно смиренъ и уменъ, такъ что имъ и править не нужно — бросилъ поводья, онъ самъ знаетъ, куда идти. Пѣганъ изъ опыта знаетъ, какъ ненадежны мостики на дорогахъ, и потому, если предоставить ему идти вольно, онъ никогда не пойдетъ черезъ мостики, а старается обойти стороною. На моихъ полевыхъ дорогахъ всѣ мостики въ исправности, но Пѣганъ — какъ ни уменъ — все-таки обходитъ и мои мостики.

Попробовавъ «нови», народъ повеселѣлъ, а тутъ еще урожай, осень превосходная. Но недолго ликовали крестьяне. Къ Покрову стали требовать недоимки, разныя повинности—а все газеты виноваты: прокричали, что урожай—да такъ налегли, какъ никогда. Прежде, бывало, ждали до Андріяна, когда пеньки продадутъ, а теперь съ Покрова налегли. Обыкновенно, осенью, продавъ по времени конопельку, сѣмячко, лишнюю скотинку, крестьяне расплачиваются съ частными долгами, а нынче всѣ должники просятъ подождать до пенека, да мало того, ежедневно, то тотъ, то другой приходятъ просить въ долгъ — въ закладъ коноплю, рожь ставить или берутъ задатки подъ будущія работы—волость сильно налегаетъ. Чтобы расплатиться теперь съ повинностями, нужно тотчасъ же продать скоть, коноплю, а цѣны нѣтъ. Мужикъ и обождалъ бы, пока цѣны подымутся — нельзя, деньги требуютъ, изъ волости нажимають, описью имущества грозятъ, въ работу недоимщицковъ ставятъ общають. Скупщики, зная это, попридержались, понизили цѣны, перестали ѣздить по деревнямъ; вези къ нему на домъ, на постоянный дворъ, гдѣ онъ будетъ принимать на свою мѣру, отдавай за что дасть, а тутъ у него водочка... да и какъ тутъ не вынить! Плохо. И урожай, а все-таки поправиться бѣдняку врядъ ли. Работа тоже подешевѣла, особенно сдѣльная, напри- мѣръ, пила дровъ, потому что нечѣмъ платить — заставляйся въ работу. На скоть никакой цѣны нѣтъ, за говядину полтора рубля за пудъ не дають. Весною бились, бились, чтобы какъ-нибудь прокормить скотину, а теперь за нее менѣе дають, чѣмъ сколько ее стоило прокормить прошедшей весной. Плохо. Неурожай — плохо. Урожай — тоже плохо...

А. Энгельгардтъ.

ДѢЛЦЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Когда Илларионъ Семеновичъ Малявскій бывалъ у Саламатова, предметомъ его особенной зависти дѣлакъся, каждый разъ, саламатовскій кабинетъ. Сколько времени мечталъ онъ о тавомъ точно „дѣловомъ будуарѣ“, какъ иногда называлъ свою хранину штатскій генералъ. Мы знаемъ, что она произвела когда-то впечатлѣнiе даже на Прадильникова, въ самый разгаръ его дѣлового идеализма.

И вотъ, очутившись директоромъ общества „Самоочиститель“, пайщиномъ и во всѣхъ статьяхъ дѣлдомъ, Малявскій вкушалъ ежедневно созерцанiе собственнаго кабинета. За квартиру платилъ онъ полторы тысячи рублей, и лучшую комнату отвелъ подъ кабинетъ. Онъ хотѣлъ сочетать въ немъ грандіозную дѣльность саламатовской хранины съ шикомъ второго прiемнаго покоя прiятеля своего Воротилина. Столъ занималъ всю комнату поперекъ. На первый взглядъ, столъ этотъ казался необозримымъ, и дѣйствительно, поражалъ своими размѣрами. Оклеенъ онъ былъ свѣтлосиннимъ сукномъ и издали смотрѣлъ учетвереннымъ бильярдомъ. Освѣщенiе его совершалось посредствомъ массивныхъ подсвѣчниковъ подъ бронзовыми абажурами. Ихъ было штукъ шесть,—точно на этомъ столѣ производилось какое-нибудь жертвоприношенiе. Такие столы только и дѣлаются что въ Петербургѣ: ни у какихъ дѣльцовъ запада вы ихъ не найдете. Столъ Малявскаго обошелся въ триста рублей, но въ немъ все-таки не было ничего художественнаго. Маленькое „бюро“, купленное въ Парижѣ, на аукционѣ въ улицѣ Друд, могло бы обойтись въ какихъ-нибудь сто

франковъ и было бы, конечно, во сто разъ изящнѣе. Но зачѣмъ тутъ художественность, когда главное дѣло заключается во внушительности размѣровъ. Вѣнская бронза покрывала средину стола. Всѣ борты его были уставлены книгами, по сторонамъ отъ центра лежали кипы бумагъ; но еслибъ ихъ было вдвое больше, то и тогда на столѣ оставалось бы много мѣста. Позади стола, вдоль стѣны, направо и налево, стояли этажерки съ картонами, на манеръ саламатовскихъ, только цвѣта они были другого. Библиотека Иларіона Семеновича не отличалась еще обиліемъ томовъ; но шкапы были приготовлены изъ массивнаго орѣха. Въ углу противъ входа, завѣшаннаго репсовой портьерой, помѣщалась этажерочка въ три полки. На нихъ разставлены были фарфоровыя фигурки и группы самаго кребильоновскаго содержанія. Иларіонъ Семеновичъ, чуть-ли еще не съ кадетскаго возраста, имѣлъ склонность къ собиранію эротическихъ фигурокъ. Теперь у него была уже изрядная коллекція. Онъ ихъ каждый день любовно оглядывалъ и самъ счищалъ съ нихъ пыль. Имъ бы слѣдовало находиться за стекломъ; но ему пріятно было брать ихъ въ руки и оглядывать со всѣхъ сторонъ. На двухъ стѣнахъ темногогороховаго цвѣта съ красными бордюрами висѣли три большія „наготы“: одна—перензвѣстныя нимфы Неффа, а двѣ остальные—грубоватыя копии съ рубенсовыхъ картинъ. Къ печкѣ была прислонена, обернутая изнанкой, масляная картина безъ рамки. Полукруглый диванъ, въ восточномъ вкусѣ, восполнялъ уголъ, противоположный тому, гдѣ стояла этажерка съ фигурками. Онъ обитъ былъ такимъ же малиновымъ репсомъ, какъ и портьера. Высокое зеркало, съ узкимъ подзеркальникомъ, который подавляли двѣ грубоватаго литья жирандоли, отражало одну изъ картинъ. На верху зеркала, съ круглой подставкѣ, глядѣла также фигурка изъ коллекцій. Весь кабинетъ произвелъ бы на чловѣка со вкусомъ впечатлѣніе чего-то несоразмѣрнаго, дебедаго, преисполненнаго претензій, и вмѣстѣ съ тѣмъ сухого и крикливаго. Коверъ, крупными букетами и чучело медвѣдя, поставленное въ кабинетѣ ни съ того, ни съ сего (Малыевскій и не думалъ быть охотникомъ), дополняли это впечатлѣніе. Отъ тяжелыхъ, темныхъ гардинъ, въ комнатѣ стояли сумерки; но эти-то сумерки и нравились Иларіону Семеновичу; въ нихъ онъ находилъ нѣчто очень дѣловое и внушительное.

Въ десять часовъ, Малыевскій вышелъ изъ спальни, потянувшись, звѣнуль очень громко и, съ гримасой, засѣлъ въ кресло передъ столомъ-биллиардомъ. Его домашній костюмъ былъ также собственнаго изобрѣтенія: шелковый, стеганный наружу пиджачекъ съ бархатнымъ воротникомъ-шалю, свѣтлокофейные бай-

ковые панталоны на сборкахъ и турецкая феска съ синей кистью, отъ которой лицо его получало что-то еще болѣе нахальное.

Онъ оглянулъ свой кабинетъ, потянулъ въ себя струю воздуха, приподнялся и поморщился. Рука его взялась за тяжелый бронзовый колокольчикъ, въ видѣ пяти-фунтовой гири.

Звонъ вызвалъ появленіе лакея, робко пріотворившаго половину опущенной портьеры.

— Ты закрылъ? крикнулъ ему пронзительно Малявскій.

— Сейчасъ только закрылъ-сь.

— Животное! Осель! Ты меня отравить хочешь!

— Да помиуйте, Илларіонъ...

— Молчать, скотина!.. Сказано тебѣ разъ навсегда: не смѣть закрывать безъ моего приказа. Еще одинъ угаръ—и я тебя, дурака, вышвырну вонъ безъ всякихъ разговоровъ.

— Воля ваша, Илларіонъ Семеновичъ.

— Знаю, что моя... Вынь заслонки скорѣй!

Лакей началъ вынимать заслонки, а Малявскій, продолжая морщиться, взялся за одну кипу бумагъ, прикрытую синимъ листомъ.

— Газетъ не приносили? крикнулъ онъ, не поднимая головы.

— Сейчасъ принесли-сь, отвѣтилъ лакей, обертываясь къ Малявскому въ поголовы, въ то время, какъ правая его рука засунута была по локоть въ отдушину.

— Гдѣ-жь онѣ? Говорилъ я тебѣ или нѣтъ, что газеты должны быть здѣсь на столѣ каждое утро, какъ только ихъ принесутъ. Говорилъ я тебѣ, да или нѣтъ?

— Говорили-сь... Я сейчасъ...

— И что еще тебѣ было сказано? Иль запомнать?

Простоватое лицо служителя выражало большое недоумѣніе.

— Утромъ до двѣнадцати часовъ ты долженъ быть въ красной курткѣ и бѣломъ передникѣ, а ты чучелой смотришь! Вонъ! Съ глазъ моихъ!

Лакей удалился беззвучными шагами.

Голова Илларіона Семеновича была не особенно свѣжа. Онъ вернулся въ четыре часа изъ маскарада. Сезонъ кончался. На носу висѣло воликопостное сухоядіе по части публичныхъ увеселеній, нисколько, впрочемъ, неуступающее по скудѣ удовольствіямъ скоромнаго времени. Вчерашній маскарадъ оставилъ въ немъ неуходившееся еще раздраженіе. Ему показалось, что онъ узналъ въ одномъ домино, съ желтыми лентами, Зинаиду Алексѣевну. Онъ кинулся за этимъ домино, сталъ приставать къ нему, но въ отвѣтъ получилъ только нѣсколько весьма неприв-

девательныхъ окриковъ. Ошибка была очевидна; но Маливскій не успокоился. Весь маскаррадъ бѣгалъ онъ по залѣ, заглядывалъ въ амбразуры оконъ и въ углы столовыхъ, точно въ немъ сидѣло безусловное убѣжденіе въ томъ, что Тимофѣева тутъ. Никогда еще не былъ онъ такъ раздраженъ и золъ. Спалъ онъ северно. Проснувшись, продолжалъ думать на ту же тему...

Тема эта была для него самая ядовитая. Никогда еще не уязвляли его съ такой безопасностью и неотразимостью, съ какими объяснилась съ нимъ Зинаида Алексѣевна. Какъ отчетливо и рельефно представлялся ему номеръ гостиницы, гдѣ они въ послѣдній разъ видѣлись. Онъ пріѣхалъ съ надеждой неокончить сухую любовь. Онъ именно рассчитывалъ восторжествовать на этотъ разъ. Она явилась веселая, болтливая, острая какъ всегда, очень пикантная, раскраснѣвшаяся отъ мороза. Онъ предложилъ ей согрѣться поскорѣе стаканомъ грѣтаго вина. Она съ удовольствіемъ согласилась. Присѣли они къ столу. Онъ былъ тоже въ ударѣ и даже, какъ ему казалось, пустилъ въ ходъ нѣсколько страстныхъ нотъ. И вдругъ... Зинаида Алексѣевна поднимается, легко и граціозно покачивается и, пройдясь два-три раза, становится противъ него. Тутъ изъ устъ ея полился неспѣшно, безъ раздраженія, безъ злобы, но съ чувствомъ пронизывающей гадливости, такой рапортъ о нравственномъ содержимомъ „мессира Маливскаго“, какъ она его назвала, что у него языкъ дѣйствительно присохъ къ гортани. Ни возражать, ни злобствовать на словахъ она ему не дала. Она его совершенно прихлопнула крышкой... Кончивши свое „резюме“, она раскланялась съ нимъ и ушла какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ было-винулся и хотѣлъ что-то крикнуть, но голосъ у него оборвался. Онъ выговорилъ только: „Коли такъ, имѣю честь кланяться“, и началъ глупо пошвыстывать, глядя, какъ она надѣваетъ свою шубку, шапочку и бѣлый большой платокъ. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя до такой степени зарѣзаннымъ безъ ножа. И вотъ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, всѣ слова Зинаиды Алексѣевны такъ и звенѣли у него въ ушахъ, и каждое изъ нихъ отдавалось точно во внутренностяхъ. Онъ не любилъ этой дерзкой и извѣтливой дѣвчонки; онъ, напротивъ, ненавидѣлъ ее; онъ много разъ называлъ ее даже „ехидной“, но все-таки объ ней думалъ; вчера гонялся по маскарраду, какъ сумасшедшій, за однимъ ея призракомъ, и сегодня, посреди своего внушительнаго кабинета, поглощенъ опять-таки ею же, а не сознаниемъ своей дѣловой значительности. Онъ не хотѣлъ только выразить болѣе опредѣленно свое душевное настроеніе; но ему именно не доставало борьбы съ этой эхидной и дерзкой дѣвчонкой. Онъ хандрить.

Раздался звонокъ въ передней. Илларионъ Семеновичъ перемѣнилъ задумчивую позу на сосредоточенную и приготовился къ приему. У него уже бывалъ каждое утро приемъ гостей и просителей, продолжавшійся иногда до двухъ, до трехъ часовъ.

Портьера приподнялась. Бѣлокурая голова Флегонта, стѣсняющагося своей красной фуфайкой, просунулась и доложила:

- Господинъ Гуднишинъ.
- Кто? крикнулъ Малявскій.
- Господинъ Гуднишинъ, повторилъ Флегонтъ.
- Ты, скотина, перевралъ фамилію.
- Никакъ нѣтъ-съ.
- Ну, просп!

„Ужь не Гольденштернъ-ли?“ быстро подумалъ Малявскій, и осклабился: такая возможность чувствительно защекотала его. Онъ кинулъ съ любопытствомъ взглядъ на портьеру. Обѣ половинки разсѣкла разомъ короткая, круглая фигурка челоуѣка съ брюшкомъ, съ широкимъ, скуластымъ, курносимъ лицомъ еврейскаго типа. Щоки были плохо выбриты; черные, курчавые волосы приглажены были въ височки, съ небольшимъ кокомъ, подъ которымъ пріютилась лысина. Золотые, въ толстой оправѣ, очки сидѣли на вздернутомъ носу такъ, что голова безпрестанно вскидывалась назадъ. Широчайшій ротъ, съ толстыми, жирными губами, выказывалъ два ряда крѣпкихъ, но черныхъ зубовъ. Темно-каріе глазки искрились изъ-за очковъ и оглядывали все съ необыкновенной быстротой. Костюмъ на этомъ господинѣ былъ скромный, но не безъ франтовства, въ видѣ цвѣтнаго, хотя и темныхъ колеровъ, шарфа, брилліантовыхъ запонокъ и массивной цѣпочки. На большомъ пальцѣ блестялъ солитеръ.

Малявскій, увидѣвши фигурку въ складкахъ портьеры, съ шумомъ отодвинулъ кресло и устремился на встрѣчу гостю.

— Абрамъ Игнатьичъ! вскричалъ онъ:—никакъ не могъ дождаться! Мой идиотъ богъ-знаетъ какъ перевралъ вашу фамилію.

— Это не суть важно! разсмѣялся громко Абрамъ Игнатьевичъ, пожимая руку Малявскаго и оглядывая кабинетъ.

— Милости прошу, милости прошу вотъ сюда, на диванъ; здѣсь помягче и потеплѣе, около печи.

— Ну, хоть тутъ — все-равно. Вы меня не усаживайте такъ; я, вѣдь, не старій хрычъ какой; во мнѣ еще какъ кровь ходить, посиленѣе, чѣмъ въ васъ молодыхъ людяхъ.

При этомъ Абрамъ Игнатьевичъ осклабился и всю свою курносую маску сластолюбиво передернулъ. Кончикомъ языка онъ облизнулъ верхнюю и нижнюю губу.

— Да я знаю, вскричалъ Малявскій:—вы бѣдовый!..

— Ну, теперь уж не то, что лѣтъ десять тому назадъ.

— Тогда никому спуску не давали?

— Никому!

Оба расхохотались.

— Богатый у васъ аппартаментъ, заговорилъ одобрительно Абрамъ Игнатьевичъ: — авантажно, во всѣхъ частяхъ. Васъ съ новосельемъ надо поздравить... И картины какія!..

Абрамъ Игнатьевичъ посмотрѣлъ на рубensoвскія копии, и улыбка сатира заиграла на его губахъ и ямочкахъ скулъ.

— Любитель вы на-счетъ декольте? спросилъ онъ, быстро ворочая свою круглую голову то вправо, то влѣво. — Любитель

— Есть грѣшнокъ, отозвался съ хихиканьемъ Малявскій.

— То-то, то-то!.. Это у васъ тамъ въ углу какія игрушки? Въ этакомъ же вкусѣ? А? Въ этакомъ?

Они оба подошли къ этажерѣ, и Малявскій началъ показывать Абраму Игнатьевичу фарфоровыя группы.

— Хи, хи, хи! взвизгивалъ Абрамъ Игнатьевичъ. — Скажите пожалуйста, какъ это все представлено... Хи, хи, хи! Съ большимъ талантомъ... Ужъ на эту штуку французы первые мастера... Вѣдь это французскій фарфоръ?

— Французскій. Вы видите, какая работа!.. Вотъ эта группа — старинная веница. Она мнѣ стала въ копейку...

— Охоту, охоту имѣете. Это хорошо. И вещи цѣнныя: всегда можно выгодно спустить любителю...

— Вотъ еще эту фигурку обсмотрите, Абрамъ Игнатьичъ; какъ придется на вашъ вкусъ?

— Хи, хи, хи! еще прозвительнѣе взвизгнулъ сладострастный сынъ Израиля, и замоталъ головой. .

— Позвольте мнѣ, началъ Малявскій, покачиваясь на каблукахъ: — поднести вамъ въ даръ сіе изображеніе, почтеннѣйшій Абрамъ Игнатьичъ, въ память вашего перваго посѣщенія.

— Что вы, что вы! сдѣлайте одолженіе...

Абрамъ Игнатьевичъ вытянулъ руку, какъ бы отводя отъ себя ударъ.

— Да вы видите, настаивалъ Малявскій: — что у меня лекція изрядная. Она не обѣднѣетъ отъ этого.

— Да помигите! Это самая богатѣйшая штука... какъ можно!..

— Оттого-то я и приношу ее вамъ въ даръ, что она богатѣйшая. Позвольте же завернуть ее и положите ее въ себѣ въ карманъ.

Малявскій взялъ фигурку изъ рукъ Гольденштерна, подбѣ-

жалъ къ письменному столу, взялъ листокъ афиши, завернулъ и положилъ въ шляпу гостя.

— Затѣйникъ вы, затѣйникъ, повторялъ Абрамъ Игнатьевичъ, возвращаясь къ дивану. — А это у васъ какая картина? спросилъ онъ, указывая пальцемъ на полотно, прислоненное къ печкѣ. — Только я боюсь и спрашивать: вы, пожалуй, сейчасъ и это въ подарокъ!

— Ну, этой картины я вамъ не подарю, откликнулся Малявскій. — Вы можете заказать копію гораздо лучше.

Онъ подошелъ и перевернулъ картину лицомъ. Она тоже изображала нѣкоторую наготу и даже настолько плѣнительно, что Абрамъ Игнатьевичъ щелкнулъ языкомъ, облизнулся и замоталъ головой.

Осмотромъ картины и покончилась эротически-художественная экскурсія гостя съ хозяиномъ по кабинету. Они опять усѣлись на диванъ. Малявскій оглянулъ всю фигуру Абрама Игнатьевича и даже вздохнулъ отъ внутренняго удовольствія. Визитъ такого денежнаго воротила, какимъ былъ Гольденштернъ, предвѣщаль нѣчто очень вкусное и знаменовалъ собою сильное поднятіе авцій Малявскаго въ мірѣ дѣльцовъ „демутовскаго“ сорта. Онъ зналъ прекрасно, что Абрамъ Игнатьевичъ, хотя и притворялся добрякомъ и человѣкомъ простаго обхожденія, но въ сущности — сатанински тщеславенъ, и безъ экстренной надобности не поѣдетъ первый съ визитомъ къ такому „птенчику“, какъ Малявскій.

— Сигарочку не прикажете ли? предложилъ хозяинъ.

— Да я боюсь засидѣться; а впрочемъ, сдѣлайте одолженіе.

Малявскій завелъ для „нужныхъ“ посѣтителей тридцатирублевныя кабанасы и, съ скромной усмѣшкой, поднесъ Абраму Игнатьевичу пачку.

— Какъ на вапъ вкусъ? спросилъ онъ, когда Гольденштернъ, скусивъ съ легкой гримасой кончикъ, сталъ аппетитно раскуривать сигару.

— Смакъ есть, отозвался тотъ, расширяя и безъ того раздутыя ноздри и отмахивая на себя дымъ рукой.

— Изъ среднихъ, замѣтилъ Малявскій и опустился на диванъ уже въ послѣдній разъ.

— Вы какъ нынче расположили свой день? спросилъ Абрамъ Игнатьевичъ.

— Да вотъ поработать надо, а потомъ начнется петербургское катанье.

— А я васъ хотѣлъ звать сегодня на обѣдъ... въ холостой компаніи... Тамъ бы мы кое о чемъ потолковали.

— Душевно радъ.

— Вотъ, видите, добрыйшій... какъ васъ по батюшкѣ-то...

— Илларионъ Семеновичъ.

— Такъ вотъ, добрыйшій Илларионъ Семеновичъ, вы вѣдь, конечно, знаете, что въ общему собранію нашего „Самоочистителя“ готовится большая баталья.

— Какъ, уже!

— Помилуйте!.. Тамъ пушки Армстронга наведены, хи, хи, хи!.. батареи ужаснейшія... И все это противъ правленія... Стало быть, и ваша кожа тутъ замѣшана.

— Слышала я отчасти, но не придавала этому большой важности. Вы знаете пословицу: собака лаетъ—вѣтеръ носить.

— Такъ, эта пословица остроумная; но нужна осторожность: надо предвидѣть что затѣваетъ непріятель. И я вамъ между нами скажу, что тутъ необходима экстраординарная защита. Надо напустить такого тумана, чтобы всѣ враги въ ладоши захопала и закричали: браво! Безъ этого—правленіе провалилось!

— Будто-бы!

— Будьте благонадежны, добрыйшій.

— Кто же будетъ напускать этого самого туману? спросилъ, прищуриваясь, Малаевскій.

— Да вѣдь вы знаете нашего перваго мастера, который въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ.

— Саламатова?

— Извѣстное дѣло! Между нами: онъ обошелся обществу въ такой кушъ, что на него и слѣдуетъ завалить эту службу; коли бы онъ такой службы не сослужилъ, такъ это было бы мое почтеніе!

— Ну, что-жь, значить, дѣло въ шляпѣ. Вѣдь противъ Саламатова, вы сами говорите, никто не устоитъ.

— Э! воскликнулъ Абрамъ Игнатьевичъ, и откинулся назадъ.— Сдѣлайте одолженіе, я этого вамъ не докладывалъ, что противъ него никто не устоитъ. Вотъ тутъ-то и преткновеніе. Объ этомъ-то я и кочу съ вами дружески перетолковать. Саламатовъ—волшебникъ, на счетъ разныхъ фокусовъ—первый въ государствѣ мастеръ. Это ужъ будьте благонадежны. Я, вотъ, еврей и своего происхожденія никогда ни предъ кѣмъ не скрываю, хотя и могъ бы, ибо имѣю рожу толстую и съ короткимъ носомъ и акценту, вы слышите, не имѣю. Прозываюсь я Гольденштернъ; но это по собственному желанію; я могъ бы называться Авраамій Игнатьевичъ Золотаревъ... Такъ вы мнѣ повѣрьте: я еврей и евреевъ знаю; но они сами, здѣсь въ городѣ Петербургѣ, безъ Саламатова, заголосили бы: вай мирь!..

— Будто-бы!

— Сдѣлайте одолженіе! Вся наша братія безъ него капутъ. Вести дѣла мы и безъ Саламатова умѣемъ отлично; но пустить въ ходъ что въ голову залѣзло, обработать это въ наилучшемъ видѣ, представить публикѣ, облагородить, въ авантажѣ показать—этого мы не можемъ. Тутъ подавай камергера Саламатова.

— Вѣрю вамъ, откликнулся Малявскій, съ наклоненіемъ головы.

— Но вотъ какая статья: баталья предстоитъ экстраординарная, а вывезетъ ли Саламатовъ на одномъ себѣ—это еще гово...

— Сомнѣваетесь?

— Онъ больно ужъ курить все это время... время у него такъ, зря, уходитъ... Наобщаетъ онъ, наобщаетъ, но одного генеральскаго слова мало, надо надъ книгами посидѣть, бумажку, другую проглядѣть. А ему когда же? Онъ козыряетъ, а потомъ съ мамзельками, и все это въ русскомъ вкусѣ, чтобы дмшъ... какъ это говорится. .

— Коромысломъ, подсказалъ Малявскій.

— Досконально такъ! Вотъ я и разсудилъ, добрѣйшій...

— Илларионъ Семенчъ, съ подавленной гримасой добавилъ Малявскій.

— Такъ, такъ, сдѣлайте одолженіе... Я и разсудилъ, что на одного Саламатова, въ такомъ дѣлѣ, нельзя положиться... Онъ выступить; ему это слѣдуетъ сдѣлать. И если онъ дебоширить на этой самой недѣлѣ не будетъ, онъ всѣхъ уважить, вся компанія расхохочется — и наша возьметъ; но съ пресонокъ и онъ можетъ провалиться...

„Вотъ оно что“, подумалъ въ эту минуту Малявскій. „Ты, стало быть, добираться до меня... Ладно“.

— Какъ же тогда быть, Абрамъ Игнатьевичъ? освѣдомился онъ недоумѣвающимъ голосомъ.

— Надо другому спѣшить на помощь — и нанести послѣдній ударъ. .

— Послѣ Саламатова-то?

— Н-да! Тѣмъ больше будетъ триумфу! Честь великая!.. Надо ему такъ подготовиться, какъ будто-бы Саламатовъ совсѣмъ и не собирался говорить...

— Задача! точно про себя промолвилъ Малявскій.

— Доподлинно, въ самой вещи такъ — задача; но послѣ такого триумфа можно вторымъ Саламатовымъ быть!

— На кого же вы рассчитываете?

Малявскій отвелъ лицо въ сторону и сдунулъ пепелъ съ своей сигары.

— Я ~~хотел~~ просить васъ, выговорить Гольденштернъ, искося поглядывая на хозяина изъ-подъ очковъ.

— Меня! вскрикнулъ Малавскій, и приподнялся съ дивана.

— Самый доскональный выборъ. Мы видимъ, сколькои вы талантами обладаете въ дѣлахъ... наукамъ обучены и писать ловко умѣете, говорить точно такимъ же манеромъ. Жаръ у васъ, благородный жаръ есть, а это, сдѣлайте одолженіе, важнѣе всего!

— Но вѣдь я не Саламатовъ, почтеннѣйшій Абрамъ Игнатьевичъ. Я не могу уподобляться фокуснику Жану Мартинно и разливать вамъ изъ одной бутылки и красное, и бѣлое, и ликеръ, и ерофейчъ! Если у меня и есть кое-какой умишко и кой-какіе талантишки, какъ вы любезно изволили выразить здѣсь, то я все-таки долженъ серьезно подготовиться къ такой рѣчи, знать что я защищаю... И могу ли я, какъ честный человѣкъ, явиться защитникомъ...

— Ну, что-же объ этомъ беспокоиться; это все пустяжныя вещи.

— Однако, позвольте, Абрамъ Игнатьевичъ...

— Вѣдь вы членъ правленія. Если не выиграть баталіи — вамъ придется выходить въ отставку... И не все ли равно, на чьей сторонѣ видимая правда, хи, хи, хи!.. Еслибъ мы уступили сейчасъ этой самой правдѣ—намъ надо лавочку закрывать. Это какъ въ парламентѣ: правая и лѣвая... Намъ надо провести наше распоряженіе, а больше намъ ни до чего и дѣла нѣтъ. Ганцъ вурштъ!..

Гольденштернъ такъ вкусно захихикалъ, что Малавскій не могъ ему не вторить.

„Ну, теперь, проговорилъ онъ про себя, preliminаріи кончены и можно приступить къ куплѣ-продажѣ“.

Онъ пододвинулся къ гостю, взялъ его за руку, пожалъ ее, поглядѣлъ ему прямо въ яреко-блестѣвшія орбиты золотыхъ очковъ и потише выговорилъ:

— Вы уже заключили условіе съ Саламатовымъ?

— Нѣ!.. еще ничего не кончено.

— Но должны будете заключить?

— Упаси Боже безъ условія!

— И вы начнете непремѣнно съ него?

— Сами изволите знать.

— Въ какомъ же вкусѣ, примѣрно, будетъ заключенъ контрактъ?

— А вотъ въ такомъ: что, дескать, коли наша возьметъ, такъ я, нижеподписавшійся, получаю такой-то кусъ.

— Какой же именно предполагаете кушъ, Абрамъ Игнатьичъ?

Гольденштернъ ослабился и какъ-то глухо кашлянулъ.

— Я желаю это знать, выговорилъ твердо **Малавскій**.

— Тысячъ на двадцать, на двадцать-пять.

— А если ваша не возьметъ, что тогда?

— Онъ ничего не получаетъ, сдѣлайте одолженіе!

— И онъ пойдетъ на такое условіе?

— Пойдетъ. Деньги охъ какъ нужны камергеру!

— Но, скажу вамъ откровенно, Абрамъ Игнатьичъ, я на такую сдѣлку не пойду. Помилуйте! Я просижу надъ подготовленіемъ къ рѣчи добрую недѣлю — и рискую, въ случаѣ успѣха Саламатова, даже рта не раскрыть...

— Вы — другая статья. Мы это понимаемъ. Если вамъ придется выиграть баталію — къ вамъ идетъ кушъ.

— Полностью? спросилъ въ упоръ **Малавскій**.

— Полностью.

— Если же мнѣ не придется говорить, если я не одержу побѣды, тогда сколько?

— Это какъ вы положите.

— Четверть суммы, выговорилъ **Малавскій** отчетливо.

— То-есть, пять тысячъ?

— Да.

Абрамъ Игнатьевичъ задумался.

— Ужъ вы меня не обезсудьте, добавилъ **Малавскій**. — У меня, кромѣ труда и мозговъ, нѣтъ никакихъ мажностей.

Гольденштернъ всталъ.

— Мы вѣдь обѣдаемъ сегодня, добрѣйшій **Иларіонъ Семеновичъ**, такъ тамъ и порѣшимъ.

— Какъ хотите, небрежно отозвался **Малавскій**, приподнялся и, съ улыбкой, сказалъ:

— Не забудьте, что у васъ въ шляпѣ фарфоровая штучка.

— Утѣшили!.. Антикъ!

Абрамъ Игнатьевичъ взвизгнулъ, берясь за шляпу и протягивая свою пухлую ручку хозяину.

— Мы поладимъ, сдѣлайте одолженіе, закончилъ онъ, облизываясь.

Проводивъ гостя до передней, **Иларіонъ Семеновичъ** потянулся, сдѣлалъ кисло-сладкую гримасу, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы, и, повернувшись на каблукъ, сказалъ про себя:

„Коли не двадцать, такъ пять, и то кушъ“.

— **Флегонтъ!** крикнулъ онъ: — одѣваться!

И прошелъ въ спальню.

II.

До обѣда, на который пригласилъ его Абрамъ Игнатьевичъ, Малявскій, немного поработавши дома, рассчитывалъ сдѣлать нѣсколько визитовъ. Ровно въ три часа онъ долженъ былъ явиться къ Авдотѣ Степановнѣ. Наканунѣ, онъ получилъ отъ нея весьма любезную записку, въ которой она приглашала его быть у ней по дѣлу „ровно въ три часа“—не раньше и не поздиѣ. Эта женщина никогда, въ сущности, не переставала ему нравиться: онъ находилъ въ ней нѣчто общее съ Зинаидой Алексѣвной, по внѣшнему виду, складу натуры и характеру ума. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ былъ способенъ приволннуться за ней. Илларионъ Семеновичъ не могъ оставаться безъ женщины. Онъ видѣлъ, что никакіе дѣловые успѣхи не заставляютъ притянуть въ немъ ту тревогу, которая овладѣваетъ тщеславнымъ чувственнымъ мужчиной, сознающимъ свое одиночество. На Зинаиду Алексѣвну и исторію своей сухой любви съ нею слѣдовало поставить крестъ. Интимной жизни г-жи Бѣлаго Малявскій не зналъ. Ея разрывъ съ Саламатовымъ представлялся ему въ такомъ же свѣтѣ, какъ онъ разъяснлялъ это Воротилину, въ ту ночь, когда ему вздумалось познакомить Зинаиду Алексѣвну съ дѣльцами. Ему и въ голову не приходило, что такая крупная камелия, такой тертый калачъ, какъ Авдотья Степановна, вдругъ бросить свое „развеселое житье“. Еслибъ его завѣряли самые вѣрные люди въ томъ, что она, въ это время, пригрѣла цѣломудреннымъ чувствомъ чудака Прядильникова, онъ бы расхохотался надъ этимъ, какъ надъ фарсомъ. Онъ только соображалъ: какому тузу достанется она? Времени съ разрыва прошло не мало, а до сихъ поръ ни на биржѣ, ни въ театрахъ, ни на мужскихъ обѣдахъ, ни у другихъ камелій не слышно было: кто замѣнилъ или собирается замѣнить Саламатова. Авдотья Степановна нигдѣ не было видно, даже по Невскому она не каталась. Быть можетъ, содержитъ ее какой-нибудь высокопоставленный старецъ, который выговорилъ себѣ условіемъ: скромную, замкнутую жизнь своей одалиски. Но Авдотья Степановна не таковская. Малявскій подумалъ о Воротилинѣ. Ужъ не онъ ли, подъ шумокъ, пользуется прекрасной Евдокіей? Онъ даже покраснѣлъ отъ одной этой мысли. Господина Воротилина Илларионъ Семеновичъ самымъ искреннѣйшимъ образомъ презиралъ. Въ немъ онъ видѣлъ круглую бездарность, которая только благодаря всеяднымъ своимъ покровительствѣмъ,

сумѣла составить себѣ извѣстный пахѣшш годоваго дохода. Онѣ никакъ бж не снесъ, еслѣбъ Воротилинъ сдѣлался покровителемъ Авдотьи Степановны. Если Воротилинъ имѣеть на нее виды, то почему же ему, Малявскому, не имѣть ихъ? Она сумѣеть распознать въ Илларионѣ Семеновичѣ будущаго туза первой величины и раздѣлеть съ нимъ шансы дальѣйшихъ успѣховъ. Надо только надлежащимъ манеромъ отрекомендоваться... И тутъ Малявскій вспомнилъ о Прядильниковѣ. Онѣ не видалъ его съ того времени, когда ѣздилъ къ нему предлагать наступательный союзъ противъ Саламатова. Съ тѣхъ поръ, очутившись по двумъ обществамъ товарищемъ Саламатова, Малявскій былъ бы очень радъ направить на него такого дароваго изобличителя, какъ Прядильниковъ. Онѣ зналъ также, что Прядильниковъ очутился акціонеромъ общества „Самоочиститель“. Это именно обстоятельство и удерживало Малявскаго отъ заигрываній съ Прядильниковымъ. Надо было сначала самому хорошенько окрѣпить на мѣстѣ. Да тутъ еще сегодняшнее предложеніе Гольденштерна. Придется выступить уже официально помощникомъ Саламатова, а въ числѣ враговъ, по всей вѣроятности, очутился Прядильниковъ.

Исполнить Ивановичъ Воротилинъ получилъ въ одинъ день съ Малявскимъ записку, которою Авдотья Степановна Бѣлаго пригласила его пожаловать къ ней на другой день ровно въ три съ четвертью часа. Такая точность въ обозначеніи времени почему-то очень понравилась Воротилину. Онѣ не посѣщаль Авдотьи Степановны, выжидая, какъ поведетъ дѣло о наслѣдствѣ Загариноу Малявскій, а Малявскій велъ его вяло; въ послѣдніе дни в совѣмъ пересталъ давать ему знать, двигается ли оно. Воротилинъ зналъ только черезъ него, что г-жа Загарина сначала отнеслась съ довѣріемъ къ Малявскому, и вдругъ повернула въ сторону, сказывалась больной, не приняла его, а на два письма отвѣтила уклончиво. Адвокатъ сообразилъ, что тутъ кто-нибудь забѣжалъ половчѣе, сразу вручилъ кушъ и приобрѣлъ процессъ. На Саламатова у Воротиллина была слабая надежда. Тотъ очень ужъ замотался какъ-то, и такъ облѣнился, что ни во что его втануть было невозможно, воли ему „по первому абдугу“ не подносили куша примѣрно въ тридцать тысячъ. Поэтому, и къ Авдотѣ Степановнѣ Воротиллину совѣстно было явиться; а его то и дѣло подмывало. Онѣ не переставалъ развѣдывать: съ кѣмъ она теперь живетъ, и далеко не потерялъ надежды приобрести ее по дешевле, посредствомъ различныхъ комбинацій..

Сочинительница записокъ къ двумъ пріятелямъ поджидала ихъ съ нѣкоторою торжественностью. Она была въ бѣлой кашемировой тунникѣ по лиловой юбкѣ и съ высокой фрезой изъ рюша, придававшей всей ея особѣ больше тонкости и изящества. Въ волосахъ, подъ круто поднятымъ шиньономъ, веолотъ былъ свѣтло-лиловый бантикъ. Авдотья Степановна въ этомъ туалетѣ была необычайно моложава, и талья ея получила чистые скульптурные контуры.

Ровно въ три часа доложили ей о Маливскомъ. Она приняла его въ гостиной, за которой у нея и въ новой квартирѣ помещался маленькій кабинетъ.

Маливскій вошелъ быстро и увѣренно. Онъ разодѣлся въ пухъ. Ухмыляясь и покачиваясь, стоялъ онъ передъ Авдотьей Степановной. Она его нѣсколько секундъ оглядывала и какъ-то тоже выпрямлялась, точно хотѣла сначала глазами сообразить: кто кого одолѣетъ.

— Просто зажмурить глаза нужно, вскричалъ Маливскій, и звукъ его пронзительнаго голоса заставилъ Авдотью Степановну слегка, но чуть замѣтно вздрогнуть.

— Это отчего? проговорила она шуточно.

— Сіаніе идетъ отъ васъ... нѣтъ никакой возможности устоять... Извините! оправдился Маливскій, вспомнивъ, что онъ долженъ изобразить у Авдотьи Степановны совсѣмъ другого челоука.

— Садитесь, пригласила она его ласково, указывая на диванъ и предложила ему курить.— Вы не въ претензіи на меня за то, что я васъ точно къ мировому вызвала ровно въ три часа?

— Помилуйте, этакъ гораздо лучше.

— Я не хочу терять времени и васъ задерживать понапрасну. Помните, мы говорили на счетъ одного процесса, куда меня хотѣлъ втянуть Воротилинъ?

— Какъ же!

— Я сообщила справки. Не то, чтобы я вамъ не вѣрила, а все лучше самой убѣдиться.

— Вы—сама мудрость!

Маливскій поглядѣлъ въ эту минуту на свою собесѣдницу и внутренно облизнулся. Онъ находилъ въ ней, на этотъ разъ, еще большее сходство съ Зинаидой Алексѣвной, особенно въ манерѣ говорить. Сходство это, впрочемъ, существовало только для него одного. Онъ испыталъ и ту же степень возбужденія, какъ съ Зинаидой Алексѣвной, которая дѣйствовала на него, кромѣ наружности, именно голосомъ своимъ и манерой говорить.

— Я навела справки, продолжала весело Авдотья Степанов-

на: — дѣло возмутительное. Не надо ни въ какомъ случаѣ допускать до него артистовъ въ родѣ милѣйшаго Иполита Иваныча.

— Не правда ли? воскликнулъ Малявскій. Въ эту минуту, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, что она такъ честить Воротилина. Въ головѣ его промелькнула даже мысль: нельзя ли дѣйствительно устранить отъ онаго дѣла „дровоката“, какъ Малявскій про себя называлъ Воротилина.

— То, что вы мнѣ объ немъ говорили, продолжала Авдотья Степановна, съ легкой гримасой: — сущая правда! Это ужасное дрянцо!

— Именно дрянцо, вскричалъ уже совершенно искренно Малявскій; но тотчасъ же подумалъ: „а какъ же мы потомъ все это расхлебывать-то будемъ?“. — И вообразите, началъ онъ опять вслухъ: — онъ имѣетъ до сихъ поръ серьезныя виды на васъ.

— На меня?

Авдотья Степановна расхохоталась и долго не могла перестать.

— На меня? повторила она, успокоившись.

— На васъ. Я это доподлинно знаю.

— Какъ это ему не надоѣстъ, право. И годъ тому назадъ онъ имѣлъ на меня виды, и полгода, и теперь все то же. Чего же онъ ждетъ? Зачѣмъ сватовъ не засылаетъ? или дожидается, что я совсѣмъ прогорю и тогда онъ явится геніемъ-искунителемъ въ лучезарномъ сіяніи?

— Ужъ чего-нибудь да дожидается...

Въ дверяхъ показался человѣкъ и остановилъ теченіе рѣчей Малявскаго.

— Господинъ Воротилинъ.

— Кто? спросила, наморщившись, Авдотья Степановна.

— Воротилинъ, повторилъ лакей. — Они по дѣлу-съ.

— Ахъ, какая досада! полушопотомъ воскликнула Авдотья Степановна и сообразивъ что-то, тутъ же прибавила: — гг. Малявскій, этотъ уродъ явился по дѣлу, я его протурю черезъ десять минутъ, съ вами я еще не успѣла двухъ словъ сказать, не хотите ли въ тотъ кабинетъ пройти? Тамъ есть газеты и книги.

— Помилуйте, да это препикантно будетъ!

Малявскій шумно вскочилъ съ мѣста и весь какъ-то передернулся.

Авдотья Степановна указала ему на спущенную портьеру небольшой двери, куда онъ и скрылся.

— Ты убралъ пальто, какъ я тебѣ приказывала? тихо спросила она лакея.

— Прибралъ-съ.

— Проси господина Воротилина.

Она сѣла на кушетку и вытянула ноги. Лицо ея сдѣлалось вдругъ утомленнымъ и скучающимъ. Она даже раза два кашлянула.

Малавскій присѣлъ на низкомъ креслицѣ, около самой двери и сталъ прислушиваться, выпятивъ нижнюю губу. Ему доставляло особое удовольствіе: быть незримымъ свидѣтелемъ того, какъ пріятеля Воротилина будутъ выпроваживать, и по всей вѣроятности наговорить ему разныхъ неожиданныхъ пріятностей, на которыя Авдотья Степановна была такая мастерица.

Воротилинъ не менѣе былъ радушенъ въ туалетѣ своемъ, чѣмъ Малавскій, только его бакенбарды, придававшіе ему теперь видъ совершеннѣйшаго посольскаго егеря, укривали немного пестоту галстука, цвѣтной рубашки и панталонъ.

Первымъ дѣломъ онъ приложился къ ручкѣ; Авдотья Степановна поцѣловала его напомаженное темя, съ отвращеніемъ, которое онъ, впрочемъ, замѣтить не могъ.

— Давненько васъ не видала, начала она, оглядывая и его точно также какъ Малавскаго.

Онъ пришелъ въ еще большій восторгъ отъ ея блистательнаго вида.

— Ложись и умирай! воскликнулъ адвокатъ, поворачивая глазами, и останавливаясь преимущественно на бюстѣ Авдотьи Степановны.

— Тс... Я вамъ послала официальную повѣстку, вы явились аккуратно. Извольте же сидѣть смирно и не забывать, что вы дѣлецъ. Вы мнѣ предлагали участвовать пайщицей въ процессѣ.

— Какъ же...

— Я не прочь.

Воротилинъ помолчалъ.

— Видите что, красавица моя, я вашъ рабъ до гробовой доски, и моя священная обязанность служить вамъ только самыми цѣнными вещами... Процессъ же этотъ— была бы великолѣпная афера. (Ипполитъ Ивановичъ произносилъ афера, а не афера); но дѣло какъ бы расклеивается. Вопервыхъ, на Саламатова плохая надежда, его теперь не заманишь.

— Оттого, что я тутъ участвую?

— Онъ и не узналъ бы объ этомъ никогда! Нѣтъ, онъ ужасно опустился, потому непомѣрно жаждетъ на деньги... и вотто-

рыхъ, тутъ начинается гадить одинъ мой благопріятель, котораго я, мимоходомъ сказать, терпѣть не могу и презираю.

— Кто это такой? очень громко освѣдомилась Авдотья Степановна.

— Да Малявскій этотъ, также громко выговорилъ Воротилинъ.

— А-а!...

Въ эту минуту Иллариона Семеновича за портьерой перекосило на его низкомъ креслицѣ. Онъ не приготовился къ такому вступленію. Съ самаго начала, разговоръ Авдотьи Степановны съ его благопріятелемъ не особенно ему нравился. Онъ чувствовалъ все большее и большее раздраженіе. Авдотья Степановна, если она и маску на себя надѣвала, обращалась съ Воротилиннымъ гораздо дружественнѣе, чѣмъ съ нимъ. Ему дала поцѣловать ручку, сразу же ему позволила называть себя „ангелъ мой“ и „красавица моя“. Наконецъ, что покорило Иллариона Семеновича неожиданно и сильнѣйшимъ манеромъ — это возгласъ Воротилина, что онъ его „ненавидитъ“ и „презираетъ“. Еще „ненавидитъ“ — буда не шло; но „презираетъ“ — этого Малявскій вынести никакъ не могъ и схватился рукой за портьеру, точно желая ринуться въ гостиную.

„Воротилинъ меня презираетъ“, закипятился онъ, про себя, „Воротилинъ, эта дубина, неимѣющая ничего кромѣ лакейскихъ бакенбардъ, какъ онъ смѣлъ слово-то это выговорить“.

— Презираю, слышалось ему сквозь портьеру все такъ же отчетливо:— потому что въ этомъ высочіи нѣтъ никакого собственного достоинства; всюду лѣзетъ, алчность въ немъ непоимѣрная, почище Саламатовской, и мѣдный лобъ какой!... Такого еще ни одинъ тульскій самоварникъ не фабриковалъ!... и что за тонъ! Вѣдь съ нимъ нельзя быть ни въ одномъ публичномъ мѣстѣ! такъ, съ позволенія сказать, орѣтъ, что просто пальцами всѣ указываютъ.

Малявскій вскопился.

„Нѣтъ, ужъ это чортъ знаетъ что такое! выругался онъ.— Нарочно они меня, что ли, сюда засадили! Эта дура бабенка точно не понимаетъ, въ какомъ я миломъ положеніи, но и то сказать: какъ ей быть! А мнѣ-то что за дѣло! Не хочу я сидѣть въ этой дурацкой засадѣ!“

Ему слышался смѣхъ Авдотьи Степановны.

— Едетъ! вскричалъ Воротилинъ:— кадетскій фельдфебель!... И воображаетъ себя фешенеблемъ.

Малявскому на этотъ разъ совершенно ясно слышался хо-

хоть, и очень раскатиный, Авдотьи Степановны. Этого онъ уже никакъ не могъ вытерпѣть.

Онъ ринулся со всѣхъ ногъ и даже чуть не запутался въ портьеръ.

— Извините, вскричалъ, онъ:—что я прерываю вашу веселый разговоръ!

И съ этими словами онъ выкатилъ на самую средину.

Авдотья Степановна не поднялась съ кушетки; но Воротилинъ вскопчилъ и вытаращилъ на Малявскаго глаза.

Онъ сейчасъ же сообразилъ, что тотъ слышалъ все и явился не изъ залы, а изъ задней комнаты. Его глуповато-недоумѣвающий взглядъ обратился къ Авдотьѣ Степановнѣ. Она ему отвѣчала двусмысленной усмѣшкой.

— Что это такое? прошепталъ онъ.

— Такъ я кадетъ, любезнѣйшій Иполитъ Ивановичъ? допросилъ Малявскій, подступая къ Воротилину, раскраснѣвшись и смотря на него въ упоръ.

— Здравствуйте! отвѣтилъ Воротилинъ и преглупо разсмѣялся.

— А вамъ, обратился Малявскій къ Авдотьѣ Степановнѣ:—угодно было устроить у себя сцену изъ балаганнаго водевиля, и вы изволили вторить смѣхомъ остроумію вашего собесѣдника.

— Да, вторила, смѣло отвѣтила Авдотья Степановна:—это ничего не значить. За четверть часа вы со мной отдѣлывали вашего благопріятеля Иполита Иваныча, и я вамъ точно также вторила; жаль только, что у меня другого кабинета не случилось, а то бы я и его засадила.

— Объясните же намъ наконецъ, окрысился Воротилинъ:—что все это изображаетъ собою?

— Вы не понимаете? спросила уже серьезно Авдотья Степановна.

— Нѣтъ-съ! отвѣчала Малявскій.

— Темна вода во облацѣхъ, съострилъ совершенно ужъ глупо Воротилинъ.

— Вы, господа, прежде чѣмъ собираться дурачить кого-нибудь, начала Авдотья Степановна:—сначала бы справились, хватить ли у васъ на это пороку? Вы думали, я такъ въ вашу ловушку и шлепнусь?

— Въ какую-съ? спросилъ Воротилинъ, взявшись за шляпу и принаравливаясь, какъ бы ему половчѣе улизнуть.

— Какую! Скажите пожалуйста, вы и не знаете совсѣмъ. Вы меня старались втянуть въ дѣло, гдѣ хотѣли нагрѣтъ бѣдную женщину, да только между собой-то не сговорились

получше, какъ другъ про друга говорить. Вотъ я вамъ и устроила комедію!

— Повѣрьте, Илларионъ Семенычъ, обратился вдругъ къ Малявскому Воротилинъ: — что я сообразовался только...

— Оставьте-съ, отрѣзалъ Малявскій: — какое мнѣ дѣло до того, сообразовались ли вы или нѣтъ съ чѣмъ-нибудь? Я, милостивый государь, въ васъ не нуждаюсь. До такихъ кадетовъ и фельдфебелей, какъ я, вамъ еще не дорости!...

Воротилинъ хотѣлъ-было разсердиться, но сдержалъ себя. Авдотья Степановна продолжала все тѣмъ же тономъ:

— Теперь вы видите, господа, что вамъ не слѣдовало меня дурачить... Сначала пообдержитесь маленько, попривыкнете выслушивать другъ объ другѣ разныя пріятности; а то вы очень ужъ щекотливы. А впрочемъ, вы помиритесь, вѣдь вамъ выгоднѣе держаться въ одной кучѣ.

— Однако позвольте, любезнѣйшая Авдотья Степановна, перебить ее Воротилинъ: — я не вижу никакой причины длить подобный разговоръ и имѣю честь вамъ кланяться.

— Прощайте, почтеннѣйшій; вы получили свою порцію — и довольно.

Воротилинъ издалъ какъ бы презрительный звукъ въ родѣ: ахъ! и удалился бочкомъ изъ гостиной, не кланяясь Малявскому.

— Вы нарочно все это устроили? спросилъ Малявскій, подступающа къ Авдотѣ Степановнѣ.

— Нарочно, отвѣтила она спокойно.

— Зачѣмъ же это-съ?

— А затѣмъ-съ, передразнила она его: — что больно ужъ вы мнѣ всѣ огадили.

— Кто же это, смѣю спросить?

— Да вы всѣ, саламатовскіе молодцы. У того, по крайней-мѣрѣ, душа—мѣра его жадности и плутовству; а вы-то...

И она презрительно повела губами.

Малявскій, въ буквальный смыслѣ, позеленѣлъ.

— Знайте же, однако, вдругъ закричалъ онъ: — что я не намѣренъ стѣсняться передъ вами! Такія женщины, какъ вы, не заслуживаютъ галантерейнаго обхожденія. Когда онѣ зазнаются и дурятъ, то ихъ за это, примѣрно, учать и... Малявскій не договорилъ: его сзади схватили за горло двѣ нервныхъ руки. Онъ опрокинулся назадъ, и, вырвавшись, обернулся. На него бросился Прядильниковъ, который, въ дверяхъ, слышалъ его послѣднюю фразу.

Точно звѣрекъ какой, схватилъ онъ опять Малявскаго за горло

уже спереди, и, задыхаясь от ярости, блѣдный, какъ мертвецъ, выдалъ отрывистыя слова.

— Такъ вотъ ты какой!.. Гадина!.. Задушу живого!.. задушу!..

— Петръ Николаичъ! крикнула Авдотья Степановна, и схватила его за руку:—оставьте его—я вамъ приказываю!

Прядильниковъ повиновался, какъ ребенокъ. Малявскій, посинѣлый отъ страха и злобы, поводилъ только глазами; зубы у него стучали, и онъ былъ близокъ къ припадку.

— Вонъ! крикнула ему Авдотья Степановна.

— Вонъ! повторилъ Прядильниковъ, и сдѣлалъ жестъ рукой, которъй, въ другой моментъ, вышелъ бы очень забавенъ.

Малявскій почти выбѣжалъ изъ гостиной.

— Мерзавецъ! вскричалъ Прядильниковъ и изподлобья поглядѣлъ на Авдотью Степановну.

— Полноте, голубчикъ, я бы и сама съ нимъ справилась.

Она протянула ему руку.

III.

Иларіонъ Семеновичъ сидѣлъ въ саняхъ точно угорѣлый. Но голова, на холодномъ воздухѣ, скоро заработала. Злость сказалась въ чувствѣ тошноты и желчной горечи, которая такъ и облѣпила ему языкъ.

„Послать вызовъ? спрашивалъ онъ себя, или же послать!.. Избить его, мозгляка, гдѣ-нибудь... но гдѣ? У него на квартирѣ—кто объ этомъ узнаеть?... Да и не застанешь его врасплохъ... А если закатить ему пощечину въ публичномъ мѣстѣ—выйдетъ жесточайшій скандалъ. Онъ кинется, какъ бѣсноватый... и чортъ-знаеть что можетъ выдти!.. Но какъ же оставить безъ послѣдствій такія оскорбленія? Меня онъ оттаскалъ, точно какое четвероногое! И гадиной... да, гадиной обовалъ!.. Вызвать надо; по крайней мѣрѣ, надо объявить о вызовѣ!“

Тутъ Иларіонъ Семеновичъ подумалъ, съ кѣмъ онъ можетъ очутиться на обѣдѣ Гольденштерна, и сообразилъ, что народъ будетъ, во всякомъ случаѣ, подходящий. Передъ ними и нужно было сдѣлать заявленіе и кому-нибудь даже предложить секунданство... Что изъ этого выйдетъ, Малявскій еще не выяснялъ себѣ до тонкости; но онъ злобно усмѣхнулся, несмотря на то, что языкъ у него продолжалъ имѣть полынный вкусъ.

„А съ этой скотиной, Воротилинымъ, какъ-же?“ спросилъ онъ уже гораздо спокойнѣе, хотя фраза „кадетскій фельдфебель“ такъ и звенѣла у него въ ухахъ. „Этого непременно слѣдуетъ

вызвать. Онъ, разумѣется, сейчасъ-же струсить и пришлетъ письменное извиненіе. Безъ письменнаго извиненія съ этими дровоскатами никакъ нельзя! А послѣ того, онъ начнетъ лебезить, потому что онъ около нашего общества сильно увивается. Только фамиллярность всякую съ этимъ животнымъ надо радикально пресѣчь!.. Такъ оно даже лучше будетъ“.

Въ головѣ его развивался цѣлый планъ допеканій Воротилина, не мытьемъ, такъ катаньемъ, не только за „кадета“, но и за „мѣдный лобъ“, и за неприличное держаніе себя въ обществѣ.

„Какую же я оппозицію теперь устрою съ помощью этой экс-инженерной каракатицы—Прядильникова? поневолѣ, придется ладить съ Саламатовымъ... Разрывать не изъ чего, глупо, а подзадоривать и держать на сторожѣ — необходимо, и случаи будутъ самые частые...“.

И опять передъ нимъ началъ развертываться цѣлый планъ, заставившій его злобно усмѣхнуться.

Онъ настолько успокоился, что приказалъ везти себя на катокъ, и тамъ цѣлый часъ, при звукахъ мерзвѣйшей роговой музыки и освѣщеніи бумажными фонарями, упражнялся въ выдѣлываніи разныхъ веззелей то одной, то обѣими ногами. Илларионъ Семеновичъ вообще наклоненъ былъ къ гимнастическимъ упражненіямъ и, кромѣ того, считалъ катокъ вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать блестящую партію „dans la haute finance“ въ какомъ-нибудь жидовско-нѣмецко-армянскомъ рассадникѣ богатыхъ дѣвственницъ.

Въ началѣ шестого часа, Илларионъ Семеновичъ подъѣхалъ къ Дону, гдѣ уже его ждало общество, въ кабинетѣ направо отъ средней большой комнаты. Ему пришлось пройти черезъ грязныя сѣни, ведущія въ кухню.

— Вотъ онъ, вотъ онъ, аматеръ! вскричалъ Абрамъ Игнатьевичъ, схватывая Малаевского за обѣ руки. — Имѣю честь рекомендовать. Таковую, господа, коллекцію собралъ, что хоть въ кунсткамеру! Васъ, господа, нечего рекомендовать. Вы знакомы?

— Еще-бы, откликнулся высокаго роста военный, въ сюртукѣ инженернаго вѣдомства и въ полковничихъ погонахъ. — Здравствуйте, дружище! крикнулъ онъ, подавая руку Малаевскому.

Полковникъ былъ уже очень веселъ. Длинный и приплюснутый носъ его раскраснѣлся, а на припухлыхъ щекахъ видны были красныя жилки. Покатистый лысый лобъ прикрытъ былъ широкой прядью рыжеватыхъ, тусклыхъ, неопрятныхъ волосъ. Сюртукъ онъ растегнулъ; изъ-подъ него виднѣлся однобортный бѣлый жилетъ.

Другой господинъ былъ небольшого роста, широкоплечій и

крайне благообразный нѣмчикъ, тоже, по всей вѣроятности, „изъ нашихъ“. Его бакенбарды отливали какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. Проборъ его темныхъ волосъ былъ сдѣланъ посрединѣ головы и заканчивался нѣсколькими, искусно положенными, колечками. Костюмъ на немъ былъ англійскій, весь изъ снятаго шаршаваго ратина, видимо выходившій изъ мастерскихъ Пуля. Онъ тоже подаль руку Малявскому, но какъ человѣкъ мало знакомый.

— Да вы видали ли всю коллекцію, полковникъ? допрашивалъ Гольденштернъ.

— Нѣтъ, не сподобился, отвѣчалъ инженеръ. Голосъ у него былъ хриповатый и почти такой же неприятный, какъ и у Малявскаго.

— Изучите, изучите... Только самую-то лучшую фигуру я получилъ въ даръ. Какъ ни упирался, сдѣлайте одолженіе — никакихъ резовъ не хочетъ принимать; такой ужъ человѣкъ. Русская натура, стало быть!

— Еще-бы! откленинулся полковникъ. — Русакъ какъ есть... Однако, господа:

Жоини да Жоини,
А объ водкѣ ни полслова.

Нельзя-ли разрѣшить насчетъ закуски?

— Сдѣлайте одолженіе! вскричалъ Гольденштернъ. — Пожа-луйте вонъ туда, къ столу.

— Я еще кой-кого просилъ, заговорилъ онъ тише, беря Малявскаго подъ плечико и отводя его къ дивану. — Да нынче именинницъ, что-ли, много въ городѣ, не могъ собрать. Эти два господина вамъ извѣстны? Они большое имѣютъ вліяніе на два сорта акціонеровъ. Тотъ молодой...

— Какъ, бишь, его фамилія? спросилъ Малявскій, прищуриваясь.

— Гулке. Онъ изъ вѣнигсбергскихъ нѣмцевъ.

— А я полагаю, больше изъ іерусалимскихъ дворянъ.

— Хи, хи, хи! взвизгнулъ Гольденштернъ, и подпрыгнувъ на мѣстѣ. — Шутникъ вы, я посмотрю!.. Такъ, этотъ самый господинъ большой авторитетъ имѣетъ у нѣкоторыхъ солидныхъ нѣмцевъ. Ну, а полковникъ Раздобольскій на русопетовъ поналяжетъ, на русопетовъ. Они его героемъ считаютъ. Онъ цѣлую линію вывелъ. И говорить онъ съ ними умѣетъ, знаете, все больше крѣпкими словами!..

Илларионъ Семеновичъ, все еще блѣдный въ лицѣ, хранилъ какую-то таинственную сдержанность. Онъ нѣчто соображалъ.

— Хорошо, ответилъ онъ многозначительно Гольденштерну, и отирался къ закускѣ. Планъ его былъ готовъ.

Въ самомъ началѣ обѣда, полковникъ Раздобольскій, обращаясь къ Гольденштерну, говорилъ, указывая на Малавскаго:

— Вѣдь вотъ, Абрамъ Игнатьичъ, какъ нашъ Илларионъ Семеновичъ своро въ гору пошелъ. А отчего? Оттого, что съ людьми настоящими сталъ водиться: Саламатовъ Борисъ Павловичъ, вы, теперь, я тоже. Ну, таланты свои и есть гдѣ приложить; а голова съ мозгами.

— Сдѣлайте одолженіе! взвизгнулъ Гольденштеръ.

Господинъ Гулеке, ѣвшій молчаливо и низко наклоня голову надъ тарелкой, поднялъ свои красивые на выкатъ глаза и должно быть подумалъ: много-ли дѣйствительно мозгу въ головѣ молодого „директора“, какъ онъ называлъ про себя Малавскаго.

Тонъ полковника не особенно нравился Иллариону Семеновичу; но онъ давалъ ему говорить, ибо видѣлъ все-таки въ разглагольствованіи инженера грубую похвалу себѣ.

— Года два тому назадъ, продолжалъ полковникъ: — кажется такъ, да такъ и есть, какъ разъ объ эту пору познакомили васъ съ Иллариономъ Семеновичемъ. Онъ тогда еще птеньчикомъ смотрѣлъ, такъ фитилечкой, а статьи ужъ бойнія отмахивалъ. Миѣ и говорятъ: вамъ ваше дѣло надо литературно оформить. Матеріалъ у васъ есть, а писательской сноровки нѣтъ. Мы васъ познакомимъ съ нѣкимъ господиномъ Малавскимъ, онъ на этомъ собаку съѣлъ.

„Эдакій болванъ“, выругался про себя Малавскій: „что за дурацкая безтактность; еслибъ ты миѣ не былъ сегодня нуженъ, а бы внучилъ тебя благопримѣчу“.

Онъ почувствовалъ опять на себѣ взглядъ красивыхъ глазъ господина Гулеке.

— Такъ писать уже былъ великій мастерина? спросилъ Гольденштеръ, повертывая въ сторону полковника свой чувствительный носъ.

— Мастакъ, мастакъ! только все еще фанасберія была какая-то сочинительская, но редакціямъ по разнымъ бѣгамъ, строчили статьи и днем и ночью, а паекъ получалъ деньщицѣй!

— Хи, хи, хи! разразился Гольденштеръ.

„Да когда же онъ кончитъ?“ раздраженно спросилъ про себя Малавскій, и опять почувствовалъ на языкѣ желчную горечь.

— Познакомились мы, говорилъ все громче полковникъ, подливая и себѣ, и другимъ лафиту: — равочъ, другой выпили и закусили и стали пріятелями. Статью онъ миѣ тогда изобразилъ первый сортъ. Думаю себѣ: бесполезно нашему брату и съ

газетныхъ дѣлъ мастерами компанію водить. Илларионъ Семеновъ мнѣ какъ разъ и говоритъ: не угодно ли вамъ, полковникъ, отобѣдать съ нами у Дюссо? я, говоритъ, приглашу нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ публицистовъ. Ладно, молъ, говорю. Устроили обѣдъ. Привезъ онъ ихъ штуки четыре, все такихъ-же птенчиковъ, какъ и онъ самъ. Тары-бары, хорошъ табачекъ, я къ нимъ всячески присосѣдиваюсь, а они промежду себя изволятъ хихикать. Сначала эдакъ больше въ аллегорическомъ вкусѣ, а потомъ уже просто и выпучиваютъ. Одинъ даже спросилъ меня: хорошо ли я спрягаю глаголь „объинженерить“, я все это, однако, по крайности своей, стерпѣлъ. Думаю себѣ: пушай ихъ острять, молокососы все. Самъ-же велѣлъ два крутона подать, и снялъ эдокъ санъ-фасонъ, за десертомъ, скрутукъ,—да и говорю охному изъ этихъ птенцовъ, съ рыжей бородкой, шустрому такому: вы де напрасно около нашего брата, дѣловаго человѣка, мало третесь. Вамъ бы все-таки кой-что перепало. Намъ самимъ писать некогда, да и не очень мы это долбобливаемъ, по правдѣ сказать. А тутъ, по нашимъ указаніямъ, статеечку настрочилъ, все хотъ на извозчика заработалъ.

Полковникъ наполнилъ опять стаканы краснымъ виномъ и положилъ себѣ рѣбы съ огромнымъ количествомъ гарнира.

— Ребатишкамъ на молочишко, вставилъ Гольденштернъ, и расхохотался.

— Именно, подкрѣпилъ полковникъ:—ну, что-же тутъ я такого сказалъ? Самую обыкновенную вещь. И какъ бы вы думали, только что это я выговорилъ, какъ публицистъ-то съ рыжей бородкой начинаетъ меня испытывать: „такъ вы, говоритъ, полагаете, что всѣ должны получать на водку отъ господъ инженеровъ и разныхъ другихъ ташкентцевъ?“ Такъ и сказалъ: „ташкентцевъ!“ Послушайте, говоритъ, господа, обращается онъ къ остальнымъ: какую сей полковникъ,—ей Богу, такъ и обозвалъ меня—сей полковникъ развиваетъ милую теорію. И начали они меня въ четыре жгута. Такъ стали язвить, и такую нести ни съ чѣмъ несообразную фанаберію, что я отвелъ милѣйшаго Иллариона Семеновъ въ уголокъ и говорю ему: „нѣтъ, батюшка, въ другой разъ вы меня не заманите калачомъ на сочинительскій обѣдъ; я вашъ гость, и вдругъ эти мальчуганы начинаютъ надо мной хихикать и подъ конецъ совсѣмъ ругаться!“ И какъ бы вы думали: Илларионъ Семеновъ былъ еще столь юнъ, что вломился въ амбицію и началъ мнѣ нотацію читать! какъ это я могъ оскорбить литературное званіе, сказавши, что лишнихъ пять копѣчекъ за строчку—на извозчика годятся. Мы съ нимъ тогда

чуть-чуть совсѣмъ не поругались; но голова-то у него съ мостомъ; онъ и расчухалъ, гдѣ раки зимуютъ.

Полковникъ и Гольденштернъ разомъ разсмѣялись. На лицѣ Малявскаго не было ничего, кромѣ кислой гримасы.

Онъ мало говорилъ въ теченіе всего обѣда, за которыми Абрамъ Игнатьевичъ давалъ инструкціи полковнику и господину Гулеке, какъ подтасовать общее собраніе.

Послѣ десерта Малявскій взялъ подъ руку полковника и посадилъ его въ уголь.

— У меня до васъ есть просьба, сказалъ онъ ему полу-тайно.

— Что такое, дружнице?

Полковникъ много выпилъ, но „контенансу“ не терялъ.

— У меня вышла исторія изъ-за одной женщины, началъ Малявскій:— какъ разъ съ тѣмъ Прядильниковымъ, который собирается, по слухамъ, нападать на наше правленіе; исторія серьезная, онъ меня оскорбилъ, и я ему хочу послать вызовъ...

— Вызовъ? повторилъ полковникъ.

— Положительно!..

— Вотъ-те оказія! изъ-за фаммы?

— Да, изъ-за фаммы!

— Какого чорта!.. Да кто такая эта женщина, позвольте полюбопытствовать....

— Это все равно.

— Нѣтъ, однако.

— Вы ее, кажется, знаете.

— Тѣмъ паче.

— Госпожа Бѣлаго...

— Авдотья Степановна? Саламатовская-то?

— Теперь ужъ не саламатовская. Она самая.

— Такъ изъ-за нее скандалъ вышелъ?

— Изъ-за нее.

— Да что-же, дошло до боксированія, что-ли?

— До боксированія не доходило; но фактъ тотъ, что меня оскорбилъ!..

— Да полноте, дружнице; ну, на такой-ли вы теперь дорогѣ, чтобы съ проходницами всякими на дуэли драться? Мы этого никакъ не допустимъ.

— Однако позвольте, началъ-было возражать Малявскій съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Да что тутъ: однако! Господа! крикнулъ полковникъ въ сторону Гольденштерна и Гулеке, о чемъ-то тоже горячо тол-

кованихъ:— пожалуйста на сюда и извольте прилунать, что нашъ юный директоръ выдумалъ.

— Что такое, что такое? затараторилъ Гольденштернь, шумно подходя къ нимъ.

Господинъ Гулеке тоже изобразилъ всѣмъ своимъ видомъ недоумѣвающее любопытство.

— Ни больше, ни меньше, докладывалъ полковникъ, ухвативъ на Малявскаго:— единоборство, сирѣчь, дуэль.

— Ай, ай! вскрикнулъ Гольденштернь, и даже отскочилъ, точно его окатили горячей водой.

— И зачѣмъ? произнесъ господинъ Гулеке бархатнымъ басомъ, съ чистѣйшимъ прусскимъ акцентомъ, ударяя на букву „а“.

— Вотъ подите, продолжалъ кричать полковникъ:— втемяшилось этому барину, что онъ долженъ тамъ какого-то мозгляка вызвать за то, что они поругались изъ-за феи одной.

— Фей? удивленно выговорилъ господинъ Гулеке, вообще плохо понимавшій жаргонъ полковника.

— Ну, камелия, коли хотите по другому.

— Какъ прозывается? спросилъ Гольденштернь, и глазки его заблестали.

— Да Авдотья Степановна, знаете, чай, бывшая саламатовская.

— Она? вскрикнулъ Гольденштернь.

— Ну, да. И изъ-за такой барыни вдругъ на дуэль выходить. Да это курамъ на смѣхъ!..

— Курамъ, курамъ, подтвердилъ Гольденштернь.

Господинъ Гулеке издалъ тоже какой-то звукъ, какъ бы подтверждающій мнѣніе полковника и Гольденштерна.

— Да помилуйте, затараторилъ Гольденштернь:— да какъ же это возможно? у насъ на носу общее собраніе, вы для насъ необходимый человѣкъ, мы васъ хотимъ поставить на первый планъ и вдругъ вы, какъ гусаръ какой-нибудь, будете налить изъ пистолетовъ? Да сдѣлайте одолженіе! да кто это вамъ позволить!... Полковникъ, чего-же вы смотрите!

— Да я-то что же сдѣлаю? Я и слышать объ этомъ не хочу! Просто мы васъ, любезнѣйшій Илларионъ Семенычъ, запремъ, если вы не дадите шлякетнаго слова, что вы ни съ какимъ мозглякомъ на дуэль выходить не станете.

— Запремъ его! вскричалъ Гольденштернь:— въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду!.. Прямо отсюда отвеземъ ко мнѣ и де общаго собранія не выпустимъ. И караулъ будетъ кричать, и тогда не выпустимъ.

— Однако, господа, началъ было Малявскій:— не могу же я...

— Человѣкъ! гаркнулъ полковникъ: — три бутылки гейцигу, кабинетъ!.. Снимайте-ка, господа, куртки, жарко здѣсь, и я сниму.

— И пивнуть не дадимъ вамъ, въ карцеръ! повторялъ Голденштернъ, трепля Малавскаго по плечу и поворачивая свою голову во всѣ стороны.

Илларионъ Семеновичъ былъ доволенъ результатомъ этой сцены.

Принесли шампанскаго, и о дуэли не было уже рѣчи.

„Вотъ онъ у насъ какой бѣдовый!“ подумалъ Абрамъ Игнатьевичъ, и почувствовалъ даже решектъ къ Малавскому.

„Mord Kerl“, сказалъ про себя господинъ Гулеке.

IV.

Въ девять часовъ утра, лакей вошелъ въ спальную Бориса Павловича Саламатова и началъ его будить.

Спальня Бориса Павловича была узенькая комната въ одно окно, неблиставшая особой отдѣлкой. Тутъ Саламатовъ спалъ по холостому, на узкой кровати; но спать онъ тутъ гораздо чаще, чѣмъ въ супружеской опочивальнѣ.

— Ваше превосходительство, повторялъ лакей: — Борисъ Павловичъ, десятый часъ въ началѣ, приказали разбудить...

— Мм, мычала туша, пуская красными губами струю воздуха и посапывая носомъ.

— Вставать извольте-съ.

Лакей рѣшился подсунуть руку подъ туловище Саламатова.

Тотъ, наконецъ, продралъ глаза.

— Чтò такое? хрипнулъ онъ.

— Десятый часъ, приказали разбудить въ восемь.

— А!

Саламатовъ сдѣлалъ надъ собою видимое усиліе, и откинувшись одѣяло. Онъ перекатился съ одного бока на другой, такъ что кровать затрещала, и разомъ спустилъ обѣ ноги.

— Душъ готовъ? прохрипѣлъ онъ.

— Готовъ-съ.

Черезъ четверть часа, онъ, отдуваясь, съ остатками влаги на волосахъ, сидѣлъ уже передъ нисьменнымъ столомъ. Въ головѣ страшно трещало; а надо было усиленно проработать не только этотъ день, но и слѣдующихъ два. Наванунъ Саламатовъ получилъ примѣрный репримандъ. Старикъ первоприсутствующій сказалъ ему сухимъ начальническимъ тономъ:

— Чтобы все въ три дня было приведено въ порядокъ по вашей канцеляріи. Мы не допустимъ такой распушенности.

Борисъ Павловичъ долженъ былъ стоять и переминаясь передъ нимъ, какъ школьникъ, и теперь вотъ „пороть горячку“ для того только, чтобы его превосходительство успокоилось.

Эта чиновничья подчиненность ужасно обижала Саламатова и сидѣла на его пухлой шеѣ тяжелымъ хомутомъ.

„И за конимъ чортомъ“, бранился про себя Саламатовъ, проглядывая бумаги, „за конимъ чортомъ я треплюсь до сихъ поръ на службѣ? Изъ-за жалованья, что-ли? такъ мнѣ его на шампанское не хватаетъ. Изволь вотъ тутъ прыгать передъ всякой старой обезьяной, точно регистраторъ какой-нибудь“.

Ему тутъ же представился образъ его супруги, этой худищей и злоющей Надежды Аполмоновны, которая хорошо знала, что его считаютъ пустымъ шарлатаномъ, пускающимъ пыль въ глаза своей изворотливостью. Работать ежедневно онъ не могъ, какъ начальникъ своей канцеляріи, и каждый мѣсяцъ у него должны были выходить проволоочки и упущенія, и каждый мѣсяцъ онъ долженъ былъ „пороть горячку“, чтобы въ три дня все окончить и заслужить одобреніе его высокопревосходительства.

Саламатовъ схватилъ себя за волосы, точно съ намѣреніемъ серьезно оттаскать себя.

— Господинъ Пичугинъ, доложилъ лакей.

— Зови! крикнулъ Саламатовъ.

Это былъ одинъ изъ его подчиненныхъ, самый работающій и безотвѣтный. На его гемороиальномъ лицѣ Петербургъ наложилъ свое роковое чиновничье клеймо. Возраста онъ не имѣлъ и никакихъ особыхъ примѣтъ.

— Ну, что-жь, батюшка! обратился къ нему Саламатовъ:—засидели вы всю братію?

— Какъ же-съ, вчера до третьяго часа сидѣли, и сегодня такимъ же манеромъ просидать. Вотъ неудобно ли-съ просмотрѣть вѣдомости?

— Пожалуйте сюда... Прекрасно. Валяйте вторую половину, да пришлите мнѣ двухъ писцовъ самыхъ бойкихъ. И главное: наблюдайте, чтобы Горизонтовъ не копался.

— Наблюдаю-съ.

— Въ первомъ часу я самъ приѣду, и чтобы не было у меня вчерашнихъ отговорокъ. Что я, по наряду, что-ли, взялся выслушивать выговоры за канцелярію? Это въ послѣдній разъ, такъ и объявите; а то такъ у меня господа лежебоки и верхъ тармаш-ками полетятъ.

Господинъ Пичугинъ все это безстрастно выслушалъ, и когда Саламатовъ отпустилъ его, вышелъ беззвучно изъ кабинета, сдѣлавъ какой-то особый поклонъ на ходу.

„Нѣтъ, за конимъ чортомъ я служу?“ вскричалъ опять про себя Саламатовъ: „вотъ теперь въ головѣ у меня—пустое пространство, просто даже самому страшно; а тутъ корпичѣлыхъ три дня“.

Онъ зарылся въ бумаги и громко сощѣлъ, перекидывая „дѣла“ въ обложкахъ со стола на стулъ.

— Борисъ! оклинули его.

— Что еще? вскричалъ онъ, не поднимая головы.

— J'ai a te parler.

Съ боку кресла стояла Надежда Аполлоновна, въ голубой шитой шелками блузѣ, которая ни мало не скрывала востлавости ея тѣла.

— Некогда! кивнулъ Саламатовъ.

— Voilà trois jours que je ne vous vois pas! Ça dépasse toutes les limites.

Интонація, съ какою была сказана послѣдняя фраза, заставила Саламатова обернуться и поморщиться.

— Въ чемъ же дѣло, Nadine? Ты видишь, мой другъ, что я ужасно занятъ.

Надина взяла стулъ и сѣла противъ мужа, по другую сторону стола.

— Boris, начала она ежась и отчеканивая слова: — я была вчера у графини Барвары Петровны, и она мнѣ сообщила по дружбѣ, que tu es très mal vu par les supérieurs... mais très mal vu.

— Знаю!

— Comment, tu ne nie pas ce fait?

Надежда Аполлоновна выпрямила свою сухую грудь и строго-испытующимъ взглядомъ обдала Бориса Павловича.

— Я знаю, заговорилъ Саламатовъ, поднимая голову и переходя въ жалобный тонъ:—что мое высшее начальство сметритъ на меня съ кандачка.

— Q'est ce que cette expression? перебила съ гримасой Надежда Аполлоновна.

— Ну, да, съ кандачка смотреть, считаютъ меня мерзвѣйшимъ чиновникомъ, я это прекрасно знаю.

— Mais tu ne penses donc pas à ta carrière?

— Эхъ! вскричалъ Саламатовъ, и точно сбрасывая съ себя какую-то тяжесть, всталъ, выпрямился, и сложилъ руки на груди.—J'en ai assez!

Надежда Аполлоновна съ истиннымъ изумленіемъ поглядѣла на своего супруга. Ничего подобнаго она отъ него еще не слышала.

— Oui, j'en ai assez! повторилъ Саламатовъ и тряхнулъ головой.—Я самъ, матушка, на себѣ волосы рву, что до сихъ поръ, чортъ знаетъ въ-за чего, втануть въ этотъ дурацкій чиновничій хомутъ.

— Boris, ménagez de grace vos expressions!

— Вамъ угодно продюзировать меня въ грань-мондѣ и заставлять выслушивать отъ всякаго выжившаго изъ ума старикашки распеканья! Нечего сказать, пріятная перспектива!

Саламатовъ заходилъ по кабинету.

— Mais vous divaguez, mon cher, отчеканила супруга, не мѣняя позы и слѣдя злыми глазами за тушей своего мужа. — Вы, кажется, совершенно забыли, что я сдѣлала для вашей карьеры? Вы потому имѣете такой успѣхъ... dans la finance... что вы въ большомъ чинѣ, que vous avez une charge honorifique... этого никогда не нужно забывать... иначе ваши купцы и жида... enfin Dieu sait quel monde не станутъ заискивать въ васъ. Et vous me lancez à la figure le dur reproche de porter le joug du service! Ah! Vous me faites pitié, Boris!

Борисъ Павловичъ пожалъ плечами и, сбавивъ тону, произнесъ:

— Мнѣ золотого шитья не нужно, мнѣ жалованья не нужно, и у разныхъ старушенцій ручки дѣловать опротивѣло. Я не хочу, имѣть каторжный, работать чортъ-знаетъ изъ-за чего!

— Mais ça provient de votre dévergondage... Ваша жизнь дѣлается наконецъ... je ne saurais la qualifier dignement... Вы знаете, какъ я снисходительна къ вашимъ прогнессес; но на все есть мѣра. Вы наконецъ меня срамите; моя родня tougit pres-que en prononçant votre nom...

— Ну, и пуцай се!

— Boris! гнѣвно сказала Надежда Аполлоновна, возвышая голосъ и приподнимаясь:—vous savez que je ne suis pas femme à faire danser sur le pied que l'on veut. Vous changerez de conduite. Adieu. Travaillez.

Борисъ Павловичъ хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукой. Онъ былъ радъ наконецъ, что она уберется. Но прежде, чѣмъ она вышла изъ кабинета, лакей доложилъ:

— Господинъ Гольденштернъ.

— Eh bien! La juiverie va son train, пустила супруга.

— Да вѣдь я сказалъ, что ко мнѣ никого не принимать!

— Вы еще вчера изволили приказать ихъ только и принять.

Саламатовъ схватился за голову.

— Ne vous donnez pas de démentis au moins vis à vis les domestiques, уязвила супруга и прослѣдовала въ гостиную.

— Прости, вымолилъ совсѣмъ убитый Саламатовъ.

Абрамъ Игнатьевичъ таялъ и вестилъ клубомъ въ кабинетъ.

— Ну, что вамъ еще? ошлкнулъ его Саламатовъ.

— Ай, ай! какой вы сердитый! Вѣдь вы сами просили, чтобы къ вамъ сегодня заѣхать. Вотъ я и заѣхалъ.

— Ну, садитесь, садитесь, проговорилъ Саламатовъ, отправляясь къ столу.

— Вы, ваше превосходительство, не забыли, началъ Гольденштернъ, нѣсколько насмѣшливымъ тономъ: — что вамъ надо приготовиться къ большой баталіи.

— Некогда мнѣ, отрѣзалъ Саламатовъ.—Я три дня и три ночи долженъ просидѣть по моей канцеляріи.

— Но вы забыли, возразилъ Гольденштернъ:—что у насъ уже условіе домашнее написано.

— Какое условіе?

— Ай, ай, какъ же это вы такъ скоро забываете, ваше превосходительство! Вѣдь вы же хотѣли непременно условіе. Вотъ оно. Не угодно-ли взглянуть?

Абрамъ Игнатьевичъ полѣзъ въ боковой карманъ, вынулъ оттуда сложенный въ четверо листъ, развернулъ его и поднесъ Саламатову.

— Что мнѣ его читать! крикнулъ Саламатовъ.— Да и какія тутъ условія? Развѣ вы прежде условія со мною заключали? Небось, когда я вамъ нуженъ былъ, вы прямо несли куши и валили на столъ: бери и дѣйствуй, а воли этого мало, такъ мы еще столько же наворотимъ. Вотъ вы какъ поступали!

— Сдѣлайте одолженіе, Борисъ Павлычъ, васъ и теперь никто не обижаетъ. Это для вашей же обезпеченности. Вы будете рисковать.

— Такъ вы бы ужъ такъ прямо и сказали, что собираетесь мошенничать.

— Полноте, полноте, ваше превосходительство. Повѣрьте, вамъ бы ужъ предоставленъ былъ весь кушъ сполна, еслибъ вы сами немножко...

— Ну, что я самъ?

— Еслибъ вы сами не запугали нашихъ. Не разъ, и не два было, что вы насъ на мель сажали. Развѣ неправда?

— Я не дву-жильный! вскричалъ Саламатовъ, все еще не бери развернутаго листа изъ рукъ Гольденштерна.

— А впрочемъ, сказалъ Абрамъ Игнатьевичъ, взглянувъ изъ-подъ очковъ на Саламатова:—если вамъ неужгодно подписать это условіе, то вы насъ, по крайней мѣрѣ, предупредите. Мы будемъ искать другого.

— Кого же это? быстро спросилъ Саламатовъ.

— Мы васъ сами хотѣли просить на случай, если вамъ рѣшительно нѣтъ времени, указать на когонибудь, кто бы имѣлъ

хоть часть вашихъ талантовъ. Вотъ мы думали на счетъ молодого нашего директора.

— Ужь не Малявскаго ли? спросилъ Саламатовъ.

— Именно, именно.

— Провѣлитесь вы съ нимъ на удивленіе всей Европы.

— Конечно, ему до васъ—вотъ какъ. И Абрамъ Игнатьевичъ показалъ рукой чуть не до потолка:—но въ немъ есть огонекъ, и на цифрахъ его не скоро собьешь, не скоро.

— И вы съ нимъ также условіе заключите?

— Своимъ порядкомъ! Онъ, извѣстное дѣло, не сталъ бы упраться.

— Еще-бы! сказалъ, тряхнувъ головой, Саламатовъ:—губа-то у него не дура.

Борисъ Павловичъ сдѣлалъ конца два по кабинету. Онъ успѣлъ вспомнить, что безъ тридцати тысячъ, выговоренныхъ имъ въ условіи, онъ рѣшительно не сведетъ концовъ съ концами, и скандально запутается.

— Такъ какъ же, ваше превосходительство? спросилъ Гольденштернъ, успѣвшій переложить бумагу изъ правой руки въ лѣвую.

— Дайте-ка условіе, крикнулъ Саламатовъ, и почти вырвалъ листъ изъ рукъ Гольденштерна.

Онъ быстро пробѣжалъ его, тяжело дыша и посипывая, потомъ подошелъ къ столу и положилъ на него бумагу.

— У васъ копія нѣтъ? спросилъ онъ. — Прикажете переписать? Ну, да все-равно. Надуете, такъ и такъ надуете. Я слова своего назадъ не беру. Слѣдовало бы съ васъ задатокъ, ну, да ужъ чортъ съ вами!

Онъ однимъ взмахомъ подписалъ условіе и отдалъ сложенный вчетверо листъ Гольденштерну.

— Если вашему превосходительству, началъ опять въ полушутливомъ тонѣ Абрамъ Игнатьевичъ:—такъ уже тяжело отъ всякаго рода занятій, то мы можемъ попросить того же самого господина Малявскаго взять на себя нѣкоторую подготовительную работу. У него много благороднаго рвенія и самолюбіе большое. Онъ будетъ польщенъ такимъ сотрудничествомъ.

Саламатовъ сначала ничего не отвѣтилъ, потомъ выговорилъ:

— Коли хочеть, можеть пріѣхать.

— Вы ужъ не безпокойтесь. Я ему дамъ знать, и онъ къ вамъ явится, и будетъ весьма польщенъ, весьма!

— Хотите покурить—курите, сказалъ Саламатовъ:—только прошу извинить меня: я адски занятъ.

— Да и я также, отвѣтилъ съ хихиканьемъ Абрамъ Игнатьевичъ, и, взявшись за шляпу, удалился, не закуривъ сигары.

Саламатовъ сухо подаль ему руку и не проводилъ его даже до дверей кабинета.

„Жидова проклятая!“ выругался онъ про себя. „Стали и меня на кордѣ гонять. Еслибъ не крайность, я бы вамъ задалъ феферу“.

Генераль хорохорился, но очень хорошо постигалъ, что вся его дѣловая карьера неразрывно связана съ этой самой жилой. Когда говорили о разныхъ дѣльцахъ, то выражались обыкновенно такъ: „въ это дѣло, навѣрно, ввяжутся жиды и Саламатовъ“. Различія между ними уже никакого не дѣлали. Стало быть, его превосходительству нечего было особенно негодовать на іерусалимскую братію. Только жидова начинала терять къ нему безусловное довѣріе. Онъ вернулся мысленно къ разговору съ супругой и не могъ мысленно-же не сознаться, что ея превосходительство была права. На службѣ онъ долженъ былъ оставаться; иначе половина его кредита тотчасъ бы улетучилась. Онъ былъ не на особенно хорошемъ счету у высшаго начальства; но про это не знали въ публикѣ. Важнѣе всего было то, что онъ — крупный чиновный баринъ и что грудь и прочія части его мундира разшиты золотымъ шитьемъ.

Съ этою мыслью онъ опять засѣлъ за бумаги...

Но Борису Павловичу не суждено было кончить день свой въ усиленныхъ занятіяхъ. Послѣ обѣда, отдохнувъ по обыкновенію, онъ приказалъ заложить сани въ одиночку и, не заходя къ женѣ, уѣхалъ.

Условіе, заключенное съ жидовой, представляло собою сумму въ тридцать тысячъ, въ случаѣ успѣха. Но безусловная вѣра въ успѣхъ еще не оставляла Саламатова. Онъ и думать не хотѣлъ, что эти тридцать тысячъ выскользнутъ у него изъ рукъ. Онъ зналъ свою публику и ресурсы собственной діалектики. Тридцать тысячъ считалъ онъ лежащими въ карманѣ, и на нихъ ему страшно захотѣлось отыграться. Въ послѣднее время картежная страсть брала верхъ надъ остальными страстями Бориса Павловича. И съ каждымъ днемъ онъ игралъ все рискованнѣе и несчастнѣе. Онъ пересталъ даже и считать, сколько у него денегъ уходило на карты... Зато нигдѣ такъ не жилъ онъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ за зеленымъ столомъ. Такихъ азартныхъ игроковъ мало было въ Петербургѣ. Борисъ Павловичъ чувствовалъ всѣ инстинкты и побужденія игрока: и задоръ, и томленіе неизвѣстности, и минутное презрѣніе къ деньгамъ, и сладость быстрой наживы, и бѣшенство, вызываемое роковой задачей, и апатію игроцкаго отчаянія. Онъ не могъ себѣ вооб-

разить, что когда-нибудь останется безъ большихъ средствъ къ игрѣ...

Вчера Саламатовъ отпустилъ у подъѣзда щеголеватого дома на Сергѣевской.

V.

Планъ Малявскаго насчетъ двухъ дуэлей удался какъ нельзя лучше. Довольно было того, что его пріатели сочли его человѣкомъ, нелюбящимъ шутить. Они, конечно, разгласили о томъ, что только благодаря ихъ упрасиваньямъ, дѣло уладилось безъ кровопролитія. Больше ничего и не требовалось. А Воротилину онъ въ тотъ же день написалъ краткій вызовъ, который долженъ былъ произвести надлежащій эффектъ. Ипполитъ Ивановичъ, какъ и ожидать слѣдовало, жесточайшимъ образомъ струсилъ и запросилъ прощенья, сваливая все на простое недоразумѣніе. Малявскій остался доволенъ его письмомъ, которое и положилъ на храненіе, какъ и некоторый документъ.

Послѣ того, Илларионъ Семеновичъ почувствовалъ себя въ своей тарелкѣ, и когда Гольденштернъ пріѣхалъ къ нему съ просьбой помочь Саламатову въ приготовленіяхъ къ баталіи, онъ очень мало ломался, но выговорилъ себѣ нарядный кушъ.

На другой день, часовъ въ десять, онъ уже отправлялся къ Саламатову, съ желаніемъ выказаться какъ можно великодушнѣе.

— Борисъ Павлычъ сидѣно занятъ, я знаю, сказала онъ даже:—но меня онъ приметъ.

— Тамъ ужъ дожидается чиновникъ, отвѣтилъ лакей.—Да баринъ еще не вставалъ.

— До сихъ поръ?

Лакей ухмыльнулся какъ-то въ сторону.

— Поздно започивали, выговорилъ онъ.

— А въ которомъ часу вчера вернулся Борисъ Павлычъ?

— Утромъ-съ, на разсвѣтѣ.

„Не видать ему тридцати тысячъ“, подумалъ Малявскій.

— Я подожду; а ты бы побудилъ барина.

— Раньше десяти не приказано; теперь ужъ никакъ время.

Малявскій вошелъ въ кабинетъ и увидалъ тамъ вчерашняго чиновника, сидѣвшаго бочкомъ на диванѣ.

Они молча раскланялись другъ съ другомъ.

Буженіе Саламатова продолжалось болѣе четверти часа. Совсѣмъ уже на ногахъ, онъ продолжалъ спать, глядя безсмыслен-

ними глазами на лампу. Служителю пришлось взять его и сиюминутно свести подъ душъ.

Въ кабинетъ Саламатовъ ввалился точно пошатываясь; и въ самомъ дѣлѣ, его шатало изъ стороны въ сторону. Спать ему хотѣлось смертельно. Онъ въ сущности и продолжалъ спать на ходу.

— Борисъ Павлычъ, все ли по добру по здорову? крикнулъ довольно-таки пронзительно Малаевскій, шумно подходя къ Саламатову.

Тотъ даже отшатнулся отъ него. Мутными глазами поглядѣлъ онъ на чиновника.

— Вы давно здѣсь? спросилъ онъ его, не отвѣчая ничего Малаевскому.

— Нѣтъ, не такъ давно-съ, отвѣчалъ вице-мундиръ.

— Пожалуйте, пожалуйста сюда. Вторая половина готова?

— Никакъ не могли покончить: нѣсколько листовъ не переписаны.

— Что-жь вы со мной дѣлаете! завопилъ Саламатовъ: — безъ ножа вы меня рѣжете!

— До четырехъ часовъ вчера просидѣли, докладывалъ безстрастно чиновникъ.

— До четырехъ! Всю ночь напролетъ бы просидѣли! Развѣ мнѣ самому не случилось?..

— Хоть бы вотъ сегодня, выговорилъ вполголоса Малаевскій, наклонясь надъ письменнымъ столомъ.

Саламатовъ вскинулъ на него глазами, и губами состроилъ нѣчто въ родѣ улыбки.

— Извините, пош сего; благодарю, что навѣдались. У меня здѣская кутерьма по канцелярии. Берите сигару. Я сейчас покончу.

„А! мяконецкій сталь“, подумалъ Малаевскій, завуривая сигару и отходя къ огню, гдѣ онъ и усѣлся съ газетой.

Саламатовъ бранился еще минутъ десять и повторялъ все, что его хотятъ безъ ножа зарѣзать.

— Мы въ три дня никакъ не кончимъ! вскричалъ онъ, и схватился за голову!

— Въ три дня затруднительно, подтвердилъ чиновникъ.

— Какъ же мнѣ быть съ первоприсутствующимъ?

— Надо хоть еще денъка два.

— Да что они со мной въ бирюльки играютъ! Я знать ничего не хочу! завопилъ онъ вдругъ благимъ матомъ, такъ что у Малаевского чуть не вывалилась газета изъ рукъ: — чтобы завтра ночью все было готово, все!..

Чиновникъ промолчалъ.

Черезъ пять минутъ, онъ былъ отпущенъ, и Саламатовъ, откинувшись на спинку кресла, громко вздохнулъ и жалобно простоналъ:

— Что это за каторга, Господи Боже мой!

Малайскій подошелъ и сталъ противъ него, по другую сторону стола.

— Да что у васъ такое дѣлается? спросилъ онъ довольно скромно:— разъясните мнѣ пожалуйста.

— Вы развѣ не видите! вскричалъ съ отчаяньемъ Саламатовъ.— Вотъ, въ три дня, вынн, да положь его высокопревосходительству такую работу, на которую мало шести недѣль!

— Начальство, значитъ, осерчалъ?

— Плевать я хочу!..

Саламатовъ дѣйствительно плюнулъ; но за голову опять схватился.

— Если вамъ такъ наскучила служба, бросьте ее, сказали все еще добродушно Малайскій.

— Такъ ее сейчасъ и бросишь!

— Удивляюсь я вамъ, началъ другимъ тономъ Малайскій:— какъ это вы добровольно соглашаетесь играть такую... просто унижительную роль.

— Толкуйте!

— Да вы сами прекрасно чувствуете, что она унижительна. Вотъ, теперь вы должны готовиться къ строгому выговору: въ три дня вы не сдѣлаете того, на что нужно шесть недѣль.

— Заморю всѣхъ, а сдѣлаю!

— Эхъ, полноте, Борисъ Павловичъ, вы и себя-то не можете заморить какъ слѣдуетъ; стало, какъ же вы будете за другихъ-то отвѣчать.

— Что это за аллегорія?

— Въ которомъ часу изволили вернуться?

— А вамъ что?

— Да такъ; я только для вѣншей демонстраціи привожу этотъ фактъ. Ужъ если вашему превосходительству никакъ нельзя было провести ночь иначе, какъ, примѣрно, за зеленымъ столомъ—значить это роковая необходимость. Какъ же вы ее помирите съ такой государственной службой, гдѣ вамъ приказываютъ, чтобы въ три дня—тяпъ да ляпъ—и вышелъ бы корабль!..

— Какъ будто я ничего этого не понимаю! отозвался злобно Саламатовъ.

— Такъ зачѣмъ-же вы служите?.. Позвольте-съ, Борисъ Павловичъ, немного счестся. Я неапопаметенъ, а такъ, знаете, для очистки старья. Вы, когда за нѣкоторой дѣвицей приударяли...

— За какой это?

— А за Тимофьевой, за Зинаидой Алексеевной...

— Где она, куда провалилась? Вы ею завладели?

— Провалилась; и я ею нисколько теперь не интересуюсь; а напомнил об ней совсем для другого. Вы ведь к ней являлись — и меня самым пскудным манером отрекомендовали. Она мне все сама рассказала. И все вы, ваше превосходительство, напирали на мою мелкоту, что я, как лягушка, напыжваюсь и прыгаю передь сильными мира сего. Я человек маленький. Но если соглашусь прыгать передь кем-нибудь, то затмю только, чтобы большой процент получить. Ну, а вы, смею спросить, из-за чего прыгаете передь наибольшими?.. Право, еслиб я хотел предаться злорадству, я бы нашего обильную пищу в настоящий моментъ.

„Что же это онъ надо мной подшучиваетъ?“ спросилъ про себя Саламатовъ, и ему захотѣлось вытолкать вонъ Малявскаго; но въ отуманенной головѣ его промелькнулъ вчерашній проигрышъ, уже поглотившій то, что баталья должна была принести ему, въ случаѣ побѣды.

— Вы никакъ сердитесь? спросилъ Малявскій умышленно-кроткимъ голосомъ.

— Нечего мне, любезный другъ, сердиться. Я одному только удивляюсь: какъ это вы не отучитесь отъ весьма юной манеры — заводитъ неподходящія разговоры...

— Вы, пожалуйста, не сердитесь; продолжалъ Малявскій, уже язвительнѣе улыбаясь. — Я ведь васъ не подраживаю, я только вамъ указываю со стороны на нелѣпость той обузы, которой вы нести не можете, чрезъ что и ставите себя, каждый мѣсяцъ, въ безвыходное и смѣшное положеніе. Где же ваша гордость, Борисъ Павловичъ? где чувство независимости, которымъ вы такъ любите гордиться, при случаѣ? Все это, видно, говорится для одного близиру?

— Хорошо вамъ, любезный другъ, рассуждать такъ!

— Да и вамъ было бы нетрудно рассуждать точно такъ же. Если вамъ почетъ нуженъ, ну, возьмите какое-нибудь важное мѣсто безъ жалованья, попечителя какого-нибудь, где вамъ и чины, и кресты будутъ идти, и никакого при этомъ дѣла вы дѣлать не будете. Чего же лучше? И неужели вамъ, при вашихъ связяхъ, трудно это устроить?

— Ну, да что объ этомъ! Довольно! вскричалъ Саламатовъ. — Лучше позавтракаемъ.

— Я ведь это не изъ простаго резонерства говорилъ, откликнулся Малявскій: — а изъ сознанія вашихъ собственныхъ нитъ

ресовъ. Мѣшать вашимъ затѣямъ я, тоже, не стану, и явился вовсе не затѣмъ... Абрамъ Игнатьевичъ просилъ меня задержать къ вамъ.

— Да, да, добрыйшій Илларионъ Семеновъ, вы, право, такъ великодушны...

Саламатовъ говорилъ это глухо и неохотно, а Малавскій глядя на него думалъ:

„Нечего, братъ, ломаться; а благодарить-то можешь и не усердѣе; вѣдь ты моими же руками будешь жаръ загребать“.

Подали завтракъ. Саламатовъ былъ очень не въ ударѣ, и говорилъ больше Малавскій. Послѣ завтрака Саламатовъ хотѣлъ выпроводить неприятнаго собесѣдника, но Малавскій, взявши его за руку, а въ другой держа шляпу, сказалъ съ оттяжкой:

— Вы можете изнывать на очисткѣ вашего канцелярскаго хлама, а я вамъ подготовлю все, что слѣдуетъ....

— Мерси, мерси, выговорилъ одуванъ Саламатовъ.

— Вы съ жидовой заключили условіе? спросилъ въ упоръ Малавскій.

— Они непременно хотѣли, все вздоръ такой...

— Такъ вы какой-же положите процентивъ за коллаборацию? Саламатовъ точно поперхнулся.

— Да какъ вы полагаете? довольно глуховато спросилъ онъ.

— Двадцать процентиковъ будетъ похристіански... не правда-ли?

— Но вѣдь тутъ какая-же работа, Илларионъ Семеновичъ, подумайте!

— Такъ дѣлайте ее сами, отрывалъ Малавскій, выпрямляясь и исправляя галстухъ.

— Хорошо, хорошо.

— Я вотъ приготовилъ маленькую записочку.

И съ этими словами Малавскій вынулъ изъ бокового кармана листъ, сложенный вчетверо.

— Да зачѣмъ-же это-съ! вскрикнулъ уже совершенно сердито Саламатовъ.

— Такъ для памяти, Борисъ Павловичъ, для памяти-съ! право, такъ лучше будетъ; вѣдь мы ничѣмъ тутъ не рискуете. Если я вамъ черезъ пять дней не представлю чего нужно, вы мнѣ ни единой колушки не закладите...

— Подписать, что-ли, прикажете? спросилъ Саламатовъ глухо.

— Да ужъ соглашайтесь.

Опять однимъ взмахомъ подписалъ Саламатовъ условіе и отдалъ Малавскому листъ, не сложивъ его.

Прощанье произошло молча. Малавскій удалился скорыми шагами, а Саламатовъ легъ на диванъ и громко выругался.

Ему было очень скверно. И сцена съ женой, и визитъ Гольденштерна, и главное—визитъ этого противнѣйшаго Малавскаго,— все это подняло въ немъ жолчь, а онъ вовсе не былъ жолчень по натурѣ.

— Нѣтъ, выговорилъ онъ энергически: — такъ нельзя идти дальше; а чортъ-знаетъ на кого сталъ похожь!.. Выходить, что и жена права, и жидъ, и эта архибестія правъ также! Службу надо по богу, и взять почетное мѣсто. Надина на этомъ успокоится. И главное не играть передъ деньгами, иначе я всегда буду въ рукахъ всякихъ мазуриковъ! Ну за что я этому проходимцу Малавскому уступилъ пять тысячъ серебряныхъ рублей? Еще два, три такихъ случая, и я буду—притча во языцѣхъ“.

Онъ долго не могъ приподняться съ дивана, незамѣтно захрапѣлъ и спалъ до самыхъ сумерекъ. Когда онъ продралъ глаза, былъ уже шестой часъ. Сначала ему показалось, что онъ лежитъ въ кровати и проснулся рано утромъ.

„Вотъ это славно: теперь и восьми часовъ нѣтъ; то-то я на работаю“.

Но когда онъ оцупалъ себя и вспомнилъ, какъ онъ заснулъ на диванѣ, его охватило просто какое-то бѣшенство, и онъ позвонилъ.

— Огня, лампу, свѣчей! Лавей, показавшійся въ дверяхъ, съ испугомъ бросился назадъ.

Илларионъ Семеновичъ, возвращаясь отъ Саламатова, подводилъ въ умѣ итоги. Выходило, что онъ если и слова не вымолвить на предстоящей акціонерной баталіи, то все-таки зарабатываетъ треть того куша, который Саламатовъ заполучилъ отъ жидовъ.

Онъ не могъ не усмѣхнуться продолжительно. Ему въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось смѣшно при мысли: какъ легко играть на струнѣ человеческихъ глупостей. Стоило ему выкарабкаться, и онъ ни за понюхъ табаку забираетъ куши. И это еще цвѣточки, а ягодки впереди!..

VI.

Прядильниковъ ожидалъ вызова отъ Малавскаго. Онъ считалъ его способнымъ, по злобности, затѣять дуэль.

Авдотья Стенановна допросила его: будетъ ли онъ стрѣляться, если Малавскій пришлетъ ему вызовъ. Прядильниковъ далъ

увлеченный отвѣтъ. Она же стала больше допытываться, но и успокоивать его не стала. А онъ готовъ былъ самъ поѣхать къ Малаевскому и вызвать его. Сначала смутно, а потомъ совершенно ясно распозналъ онъ нравственную подкладку этого „фальшимера“, какъ онъ продолжалъ называть его. Въ подымающихся къ нему Малаевскаго, Прядильниковъ видѣлъ нѣчто превосходящее всѣ саламатовскіе подвиги.

„Одакихъ людей надо истреблять“, повторялъ онъ, ходя по своей рабочей комнатѣ: „истреблять надо!“

Но прошли цѣлыя сутки, а отъ Малаевскаго никто не явился и письма никакого не было.

„Я долженъ вытунуть на барьеръ этого негодяя!“ кипятился онъ, но пламенное желаніе подстрѣлить Малаевскаго не заглушило все-таки вопроса: да какъ же я буду его вызывать? Вѣдь я его схватилъ за горло и обозвалъ гадимой! Послѣ разныхъ соображеній, Петръ Николаевичъ рѣшилъ, что Малаевскій стрѣляться не будетъ, даже еслибъ онъ явился къ нему требовать извиненія передъ Авдотьей Степановной. То, что Малаевскій сказалъ ей, до сихъ поръ перердывало Петра Николаевича. Сцена, которой онъ встаетъ или не встаетъ сдѣлался свидѣтелемъ, привела его къ рѣшенію, уже замашену въ его сердце.

„Никто не знаетъ этой женщины“, говорилъ онъ самъ себѣ: „ея чудной души, ея благороднѣйшей природы. Всѣ помнятъ прекрасную Авдотью Степановну Бѣлаго, Саламатовскую“....

Онъ не договорилъ.

„Зачѣмъ же ей носить на себѣ этотъ позоръ, когда можно сдѣлать по другому? зачѣмъ превращать нашу любовь въ интригу?“

Петръ Николаевичъ рѣшилъ нѣчто, и уже болѣе спокойно сталъ готовиться къ общему собранію, гдѣ онъ долженъ былъ выступить противъ правленія и его махинацій. Онъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ, не потому что былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ, а фактъ-то уже слишкомъ его поддерживали.

Ему въ особенности хотѣлось бы сразиться съ Малаевскимъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ явиться подручнымъ Саламатова. Онъ хотѣлъ тряхнуть стариной, вспомнить о тѣхъ баталіяхъ, которыя онъ выносилъ на своихъ плечахъ.

Засѣвъ за работу, онъ вспомнилъ также: какъ, бывало, Карповъ, лежа на диванѣ, подсмѣивается надъ нимъ и перебираетъ свои прибаутки. Ему стало жутко. Онъ тутъ только почувствовалъ, въ какой мѣрѣ неправъ былъ передъ своимъ загадкой. Но поѣхать къ нему сейчасъ же и просить прощенія, онъ не былъ въ состояніи. Самъ лично онъ готовъ былъ повиниться; но

примиреніе съ Карповымъ повело бы за собой новое сожительство. Карповъ, еслибъ и ничѣмъ не задѣвалъ его любви къ Авдотѣ Степановнѣ, то сталъ бы протестовать противъ того рѣшенія, къ которому пришелъ сегодня Петръ Николаевичъ. Да и вообще онъ не могъ уже выносить Карпова вблизи Авдоты Степановны.

Былъ еще всего первый часъ ночи, а Петръ Николаевичъ чувствовалъ уже порядочное утомленіе. Давно ли, кажется, ему было ни почему просидѣть надъ цифрами всю ночь напролетъ; а теперь онъ, послѣ четырехчасовой работы, и вялъ, и тревоженъ, и разсѣянъ. У него въ головѣ появлялись и исчезали: то Авдотья Степановна, то Карповъ, то нахальная рожа Малавскаго. Задумавшись надъ цифрами, онъ въ ту же минуту уходилъ отъ нихъ въ даль. Не было прежняго задора. Самое дѣло не представляло и тѣни прежняго лихорадочнаго увлеченія.

Онъ остановился даже на такомъ вопросѣ: если онъ и побѣдетъ жидовскую компанію, которая, навѣрно, выставитъ ораторами Саламатова и Малавскаго, то чего же онъ самъ-то въ этомъ случаѣ добьется? Въ случаѣ блистательнаго успѣха, онъ можетъ попасть въ члены правленія. Но одинъ онъ тамъ ничего не сдѣлаетъ. Да и стоитъ ли вообще тратить свой гражданскій пылъ на ловлю разныхъ тузистыхъ мазуриковъ? не лучше ли распрощаться съ этимъ міромъ? Петръ Николаевичъ находился на перепутьи. А любовь ввела его къ замкнутой интимной жизни; но онъ могъ начать вести ее только въ томъ случаѣ, если Авдотья Степановна согласится на то рѣшеніе, къ которому онъ теперь пришелъ. Иначе онъ долженъ былъ оставаться дѣльцомъ. Такъ выходило, по крайней мѣрѣ, по его логикѣ... Насталъ день баталіи. Наканунѣ, Малавскій доставилъ Саламатову родъ докладной записки. Тотъ ее еле просмотрѣлъ утромъ. Чтобы сорвать на чемъ-нибудь свое сердце, Борисъ Павловичъ опять проигралъ всю ночь. По канцеляріи онъ получилъ образцовую головоломку и въ тотъ же день супруга дала ему послѣднее ultimatum на счетъ нравовъ и положенія въ высшемъ обществѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ правленіе, къ нему сейчас же пристала жидова съ Гольденштерномъ во главѣ и стала его выспрашивать: чувствуетъ ли онъ себя способнымъ разбить въ пухъ и прахъ всѣхъ противниковъ и отстоять во что бы то ни стало ихъ предложеніе? Саламатовъ былъ очень хмурый и нѣхотя отвѣчалъ имъ, такъ что Абрамъ Игнатьевичъ побѣждалъ въ Малавскому и началъ лебезить передъ нимъ.

— Ужь сдѣлайте одолженіе, говорилъ онъ ему полушопотомъ: — поусердствуйте за насъ, не посрамите земли русской.

Мы боимся, ужасно какъ боимся, что Саламатовъ ничего не сдѣлаетъ хорошаго.

— Ужь коли мнѣ придется говорить, сказалъ покачиваясь Малавскій: — я свое обязательство исполню, я не Саламатовъ.

Но Гольденштернь съ братьей были въ большомъ волненіи, они послали даже полковника Раздобольскаго зондировать Придильникова. Но зондировать его было излишне: онъ съ первыхъ же словъ началъ такъ безпощадно отдѣлывать саламатовскую компанію, что въ силѣ его нападенія сомнѣваться было глупо. Пошутувавши между собой, саламатовцы рѣшили, что надо предупредить ударъ, и Гольденштернь побѣжалъ убѣждать Саламатова, чтобы тотъ началъ первый говорить. Саламатовъ сначала уперся, говоря, что онъ мастеръ только защищаться и изворачиваться, но такъ-какъ ему, въ сущности, было все равно, онъ согласился.

Тотчасъ же послѣ скучной части засѣданія, Саламатовъ поднялся съ мѣста. Ему захлопала часть правой; но двѣ трети залы такъ зашикали, что даже онъ слегка стѣснился. Это его разсердило и онъ началъ говорить рѣзкимъ генеральскимъ тономъ, отрывисто, сухо и неубѣдительно. Гольденштернь уже вѣсколько разъ переглянулся съ Малавскимъ. Они говорили глазами другъ другу, что Саламатовъ взялъ неподходящую ноту и непременно провалится. Цифровыя данныя Саламатовъ плохо подготовилъ, и минутъ чрезъ десять говоренья у него не хватило матеріалу. Внушительностью онъ не взялъ, фактами еще менѣе. Еще пять минутъ, и онъ бы совсѣмъ зарапортовался. Когда онъ кончилъ на какой-то звонкой и банальной фразѣ, раздалось еще большее шиканье, и хлопали только Гольденштернь, полковникъ Раздобольскій и господинъ Гулеке. Атака произведена была сначала какимъ-то добродушнѣйшаго вида толстякомъ, съ гостинодворческой наружностью. Онъ сталъ полегонечку подтрунивать надъ правленіемъ и дѣлать намеки на іерусалимскую братію, которая желаетъ поживиться на счетъ акціонеровъ. Его немудрый юморъ и здравый смыслъ настроили собраніе такъ, что при первыхъ желчныхъ и вѣскихъ доводахъ Придильникова, Гольденштернь съ братьей были бы разбиты на голову. Но Придильниковъ не успѣлъ попросить слова, какъ раздался скрипучій голосъ Малавскаго. Онъ взялъ совсѣмъ не саламатовскій тонъ. Играя на стрункѣ промышленнаго либерализма, онъ началъ доказывать жалкую отсталость людей, которые хотятъ добиваться большихъ барышей, не желая ничѣмъ рисковать. Фактическую сторону подготовилъ онъ старательно и ловко подтасовалъ цифры. Въ доказательствахъ онъ выказалъ

большую изворотливость. Гольденштернь, слушая его, нѣсколько разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и протиралъ очки отъ пріятнаго волненія. Манера Малявскаго съ его пронзительнымъ голосомъ подходила къ размѣрамъ залы и къ характеру дебатовъ. Его диалектика производила впечатлѣніе на людей, которые любятъ бойкую дѣльность, или лучше сказать, ея мундиръ. Рѣчь молодого директора поселила порядочное смятеніе, и еслибы въ эту минуту пойдти на голоса, то побѣда была бы, конечно, за саламатовцами. Слушая Малявскаго и глядя на его фигуру, Петръ Николаевичъ ощущалъ во всемъ своемъ существѣ цѣлыя міриады нервическихъ чортиковъ. Никогда еще никакой противникъ не возмущалъ его такъ, какъ этотъ нахаль, стерпѣвшій отъ него брань и потасовку. Съ первыхъ словъ, произнесенныхъ Прядильниковымъ, аудиторія какъ-то особенно встрепенулась, всѣ съ возбужденнымъ любопытствомъ глядѣли на эту маленькую нервную фигуру съ большимъ носомъ, начавшую, безъ всякихъ лишнихъ преламинарій, громить кого слѣдуетъ. Прядильниковъ все язвительнѣе и язвительнѣе доѣзжалъ своихъ противниковъ, и нѣсколько разъ одобрителный гулъ раздавался по залѣ. Всѣ почувствовали, что тутъ звучало настоящее знаніе дѣла и безпощадная логика честности; а акцентъ рѣчи переполненъ былъ негодованіемъ. Саламатовъ слушалъ откинувшись на спинку своего кресла и улыбка не сходила съ его жирныхъ губъ. Малявскій, глядя куда-то въ бокъ, все блѣднѣлъ. Абрамъ Игнатьевичъ совсѣмъ съежился и изрѣдка только вскидывалъ своей круглой головой. Громкія рукоплесканія покрыли рѣчь Прядильникова. Онъ сѣлъ утомленный, отирая лобъ и разсѣянно глядя на тѣхъ, кто ему хлопалъ и посылалъ издали поздравительные поклоны... Саламатовцы заколыхались. Гольденштернь побѣждалъ къ Борису Павловичу, и размахивая руками, такъ горячился, точно ему кто-нибудь сейчасъ только далъ пощечину. Улыбающееся лицо Саламатова показывало, что онъ все сообразилъ и сейчасъ поднесетъ пріятный сюрпризъ всей компаніи.

Раздался звонокъ. Шумъ въ залѣ продолжался; но когда передніе ряды увидали, что поднимается саламатовская туша, тишина опять водворилась. Малявскій мигомъ перевернулся въ его сторону и въ его глазахъ промелькнуло нѣчто крайне-злое и досадное. Онъ видѣлъ, что дѣло проиграно послѣ рѣчи Прядильникова; но ему никакъ не хотѣлось, чтобы Саламатовъ еще разъ говорилъ. Кто его знаетъ, быть можетъ, онъ и вывернется и чѣмъ-нибудь и пройметъ собраніе. Тогда Малявскій будетъ забыть и рѣчь его окончательно ступуется. Была даже такая минута, когда онъ хотѣлъ-было встать и напрямъ послѣд-

ніа усилія; но онъ разсудилъ тотчасъ же, что сильными средствами теперъ ужъ не возьмешь: ни негодовањемъ, ни важностью, ни цифрами, ни злобными нападками. Надо было пустить въ ходъ какой-нибудь особенный фортель, а онъ ему не представлялся въ эти минуты. Малявскій страшно злобствовалъ...

Прядильниковъ вздрогнулъ, заслышавъ звуки саламатовскаго голоса. Борисъ Павловичъ заговорилъ разговорнымъ тономъ, что называется „здорово живешь“, точно ничего особеннаго не произошло, и никакого пораженія онъ не получалъ. Просто ему хотѣлось резюмировать въ удобоваримой формѣ то, что было говорено съ обѣихъ сторонъ. Такимъ безобиднымъ приѣмомъ онъ сразу далъ всей залѣ другую температуру, точно выкупалъ всѣхъ въ ароматической прохладной ваннѣ, и освободилъ отъ неприятнаго зуда и чесотки. Послѣ этого вступленія, послѣдовалъ тотчасъ фейерверкъ прибаутокъ, одна другой смѣлѣе и безошаднѣе. Зала захохотала. Саламатовъ не защищалъ во все ни правленіе, ни мѣры, предложенной съ его подкрѣпленемъ. Онъ только прошелся на счетъ противниковъ въ такомъ серьезно-смѣхотворномъ вкусѣ, что самъ Прядильниковъ раза два разсмѣялся. Попавши на настоящую зарубку, чувствуя, что собраніе устало отъ серьезныхъ фразъ и цифръ, Саламатовъ удержу себѣ не зналъ, и зала вторила ему раскатистымъ гоготаніемъ. Черезъ четверть часа, это перешло въ комическое представленіе. Гольденштернъ взвизгивалъ, точно кто его продѣвалъ иглой, и даже господинъ Гулеке, не совсѣмъ хорошо понимавшій саламатовскіе „lazzi“, смѣялся крупнымъ, густымъ смѣхомъ. Саламатовъ могъ говорить такъ цѣлыхъ два часа сряду, и публика не запросилась бы домой, но онъ зналъ когда кончить. Послѣ оглушающаго хохота, онъ бухнулся въ кресло, и раздалось всеобщее хлопанье, несмолкавшее больше двухъ минутъ.

Пошли на голосованіе. Саламатовцы побѣдили.

Продолжая балагурить, пожималъ Саламатовъ руки поздравлявшимъ его пріятелямъ и простымъ хористамъ акціонерной трагедіи. За то Малявскій сидѣлъ, словно прибитый къ своему креслу въ жесткой позѣ, посматривая на всѣхъ съ совершенно неподходящей презрительной усмѣшкой. Въ томъ углу, гдѣ помѣщался Прядильниковъ, текли негодующія рѣчи, но на этотъ уголь никто уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Стали расходиться. Малявскому надо было непременно пройти мимо Прядильникова. Онъ взялъ подъ руку полковника и, громко разговаривая, подвигался медленно. Петръ Николаевичъ глядѣлъ на него пристально, и въ немъ опять пробудилось желаніе подстрѣлить этого пошляка и нахала. Точно догадываясь объ его

замислахъ, полковникъ отдѣлился отъ Малавскаго и подошелъ къ Прядильникову. Подавая ему руку, онъ вскричалъ:

— Хотѣли, батюшка, насъ утопить, да не разочли, что въ Саламатовѣ самъ духъ тьмы засѣдаетъ. Какъ ужъ онъ примется потѣшать компанію, такъ противъ него никакія силы небесныя не устоятъ.

— Совершенно справедливо, пробормоталъ Прядильниковъ, собирая свои бумаги въ портфель.

А Малавскій достигъ въ это время прихожей, гдѣ Гольденштернъ подпрыгивалъ около Саламатова. Борисъ Павловичъ былъ все еще въ юмористическомъ настроеніи. Никѣмъ неожиданный успѣхъ его заключительнаго снѣха особенно ободрилъ его. Онъ совсѣмъ было-упалъ духомъ въ послѣднія двѣ недѣли—а теперь его акціи поднялись опять выше пари. Теперь онъ опять могъ драть ни съ чѣмъ несообразные куши съ встрѣчнаго и поперечнаго и проигрывать ихъ съ такою же быстротою.

— И вы молодець, и вы молодець! закричалъ Гольденштернъ, подбѣгая къ Малавскому, который надѣвалъ пальто не глядя въ сторону Саламатова.

— На свой образецъ, отвѣтили съ кислой усмѣшкой Малавскій.

— Васъ мы на черный день припасаемъ, продолжалъ Гольденштернъ.

— Вы куда? крикнулъ Саламатовъ Малавскому, широко запахиваясь въ ильбовую шубу.

— Обѣдать, отвѣтилъ Малавскій.

— Да валимъ всѣ вмѣстѣ, вотъ и полковника захватимъ. Эй, полковникъ, съ нами! къ Огюсту спрыснуть ораторскіе успѣхи Иллариона Семенича.

— Будьте великодушны, Борисъ Павловичъ, прошипѣлъ Малавскій.

— Да я изъ глубины души выражаюсь. Ваша рѣчь была мастерски составлена и ведена, только вы больно все усердствуете. Съ російскимъ народцомъ такъ, другъ мой милый, нельзя.

— Въ оффенбаховскомъ надо вкусъ, хи, хи, хи, разразился Гольденштернъ.

— Именно въ оффенбаховскомъ, подхватилъ полковникъ. Молода—въ Саксоніи не была—а все оттого, что слишкомъ долго водился съ сочинительскимъ людомъ.

Малавскій готовъ былъ всѣхъ ихъ перервать на куски; но отъ обѣда онъ не отказался, надѣясь когда компанія подопьеть, наговорить каждому изъ нихъ надлежащихъ пріятностей.

Онъ молча пошелъ за всѣмъ обществомъ, передергивая пле-

чами подъ своимъ короткимъ пальтецомъ. Онъ не успѣлъ еще замѣнить его чѣмъ либо, болѣе капитальнымъ, и ни на чемъ другомъ не хотѣлъ помириться, какъ на соболяхъ.

Петръ Николаевичъ глядѣлъ въ слѣдъ уходящимъ саламатовцамъ. Онъ возвращался домой одинъ. Его сейчасъ же оставили. Онъ не столько негодовалъ на успѣхъ гаера Саламатова, сколько на смѣшную сторону своихъ честныхъ усилій.

„Ну, развѣ я не тотъ же Сизифъ, какимъ, бывало, обзывалъ меня Алеша?“ допрашивалъ онъ себя, и сознавался, что выходило по старому: безсовестные шуты торжествовали, а онъ проваливался со всею своею ученостью, желчью, цивическимъ одушевленіемъ и логикой. Тогда его донъ-вихотство все еще было понятнѣе. А теперь онъ самъ считается дѣльцомъ. Онъ долженъ, стало быть, имѣть въ виду одинъ собственный интересъ. Такое побіеніе только отнимаетъ у него кредитъ. Дѣло не въ его знаніяхъ, или діалектической ловкости, а въ результатѣ.

Надо было откинуть всякое порываніе и приобрѣтать полную осѣдлость.

Онъ даже повеселѣлъ и отправился туда, гдѣ его ждали съ порядочнымъ нетерпѣніемъ.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ Придильниковъ вошелъ, какъ активное лицо, въ дѣловую мѣръ, Авдотья Степановна слѣдила весьма зорко за всѣми его дѣйствіями. Она знала, что онъ долженъ былъ выводить на свѣжую воду саламатовцевъ, и ждала его послѣ за-сѣданія къ себѣ.

На лицѣ его, когда онъ вошелъ, она рѣшительно ничего не могла прочесть.

— Побѣда? спросила она.

— Только не моя, отвѣтилъ Придильниковъ.

— Неужели саламатовцы побѣдили?

— Послушали бы вы, какъ гоготала вся братія!

— Надъ кѣмъ же?

— Да надъ самими собой! Саламатовъ и меня размѣшилъ.

— Я вотъ этого и боялась.

Авдотья Степановна нахмурилась.

— Вамъ бы ужъ коли такъ, не слѣдъ и вмѣшиваться, сказала она нахмурившись.

— Моя рѣчь имѣла успѣхъ, коли хотите, больше я ничего и

не желалъ, но этотъ бандитъ и клоунъ поднялся еще разъ и доѣхалъ смѣхомъ...

— Ну да, ну да, повторила Авдотья Степановна...—Какая гадость, какая досада!..

— Не все ли равно? спросилъ Прядильниковъ, совершенно добродушнымъ тономъ.

— Вамъ развѣ все равно? (они все еще продолжали говорить другъ другу „вы“).

— Все еще я ужасно глупъ! вскричалъ также добродушно Прядильниковъ.

— Чѣмъ же это?

— А тѣмъ, что хлопочу о честности высокой и самъ остаюсь постоянно въ дуракахъ. Довольно будетъ и того, что я самъ не подвелъ никакое акціонерное стадо подъ мошенническую штуку.

— На силу-то за умъ взялись, проговорила Авдотья Степановна, взглянувъ искоса на Прядильникова.

Она начинала замѣчать, что подъ весело-добродушнымъ тономъ его крылось нѣчто новое, какое-то подготовленіе къ чему-то...

— А ѣсть вамъ хочется? вдругъ спросила она.

— Очень хочется: собственное краснорѣчіе ужасно дѣйствуетъ на аппетитъ.

За обѣдомъ оба много болтали, даже дурачились. Авдотья Степановна все подливала Прядильникову и пила за его будущіе ораторскіе успѣхи. Послѣ обѣда перешли въ кабинетъ. Авдотья Степановнѣ захотѣлось успокоить Прядильникова, который замѣтно начиналъ волноваться.

— Ну, поди сюда, вдругъ начала она на ты:—сядь сюда, отдохни, тебя такъ и подергиваетъ, бѣдняжечку... Что хитрить со мной? вижу, что не вкусно было спасовать передъ паясничествомъ Борьки Саламатова.

Какъ только Петръ Николаевичъ слышалъ неожиданное, но давно имъ страстно желанное „ты“, онъ совсѣмъ разомлѣлъ и прильнулъ головой къ груди Авдотьи Степановны.

— Клянусь тебѣ, страстно шепталъ онъ:—что я ни мало не огорченъ. Меня волнуетъ совсѣмъ другое.

— Что же? тихо выговорила она.

— Осчастливь меня, красавица моя, ангель мой, кончимъ эту жизнь. Она недостойна тебя. Ты высокая честность, ты благороднѣйшей души женщина. Я горжусь твоей любовью, но я хочу гордиться ею передъ цѣлымъ...

— Что это такое? вдругъ перебила его Авдотья Степановна, такимъ голосомъ, точно говорила съ Малиевскимъ.

Но она была глубоко тронута и почувствовала, как слезы начали подступать ей къ горлу.

— Нѣтъ! вскричалъ уже громче Придильниковъ:—ты не откажешь мнѣ въ этомъ. Что я теперь? Я мучусь, я мучусь за тебя. Зачѣмъ откладываетъ такое дѣло, которое...

Петръ Николаевичъ запутался.

— Скажите пожалуйста! дурачилась ласкающимъ тономъ Авдотья Степановна: — онъ меня хочетъ сдѣлать госпожей Придильниковой!

— Мое имя тебя...

— Тс!.. не извольте глупить и кипятиться... сидите смирно.

Онъ опустилъ голову и слушалъ.

— Голубчикъ мой! начала Авдотья Степановна: — ты меня совсѣмъ растрогалъ. Больше никто любимой женщинѣ не предлагаетъ, когда уважаетъ ее. Но неужели ты сдѣлаешь это изъ того только, чтобы честность свою доказать?

— Полно! вскричалъ Придильниковъ:—я не думаю кичиться моею честностью, я просто люблю тебя! Не мучь меня долгие! вскричалъ онъ.—Скажи мнѣ сейчасъ: согласна ли ты, или нѣтъ?

— Согласна! отвѣтила она совершенно твердо и спокойно.

— Согласна? повторилъ онъ какимъ-то захлебывающимся голосомъ.

— Какъ же мнѣ не согласиться, дурачокъ ты такой? Я ужъ старая баба, пожила, теперь надо грѣхи замаливать, а ты мнѣ законный бракъ предлагаешь.

— Ахъ, не говори, ради Бога, въ такомъ тонѣ.

— Серьезно хочешь? Изволь; благодарю тебя, мой другъ.

Она пожала его руку и поцѣловала его въ лобъ. Онъ находился въ крайнемъ недоумѣнн.

— Ты это такъ говоришь...

— Ну, ужъ ты придираешься. Все тебѣ мало: и въ веселомъ и въ серьезномъ тонѣ отвѣчаютъ человѣку. Что тебѣ еще надобно? Вѣдь не могу же я въ чувствительность удариться? Ты слышишь, что я не смѣюсь. Но ты будешь меня слушаться во всемъ, что я тебѣ скажу сейчасъ?

— Во всемъ! вскричалъ Придильниковъ.

— Ну, такъ вотъ видишь, дружокъ, надо намъ будетъ обождать.

— Обождать чего? востепенулся Придильниковъ.

— Обождать со свадьбой. Этого я желаю ужъ конечно не изъ каприза, не изъ-за того только, чтобы тебя помучить. Но посмотри ты хорошенько на самого себя. Вѣдь ты со мной не на необитаемый островъ удалиться, не въ темный лѣсъ?

— Зачѣмъ? чего и кого мнѣ бояться?

— Ну, да ты поспокойнѣ объясняйся. Ты хочешь оставаться здѣсь въ Петербургѣ и жить полюдски?

— Да.

— Стало быть, тебѣ необходимо стать твердой ногой, свой собственный гешефтъ какойнибудь завести, жалованье большое получать. Ты все еще мало получаешь.

— Зачѣмъ все это?

— Глупый! чтобы оградить себя отъ людскаго злословія. Будь ты другой человѣкъ, я бы ни слова не сказала; а вѣдь я тебя теперь знаю отлично. У тебя все щекотливые вопросы. Ты до чортиковъ можешь доходить изъ-за всякихъ тонкостей. Вотъ я тебѣ и совѣтую и прошу, не въ службу, а въ дружбу, сначала сдѣлайся совсѣмъ значительнымъ человѣкомъ, а тамъ и женись. Женишься ты на мнѣ сейчасъ — и пойдутъ подлые толки, что ты на мой счетъ поживился, что ты на мои деньги въ люди выходишь, и не знаю чего не приберутъ. Вѣрно я говорю, или нѣтъ?

— Къ чорту всѣ сплетни!

— Ты вотъ теперь такъ хорохоришься; а потомъ мнѣ же придется нанячиться, когда ты разхандришься. Полно, мелый, вникни поспокойнѣ въ то, о чемъ я прошу тебя. И вѣдь что же измѣнится, скажи на милость?

Прядильниковъ молчалъ и чуть замѣтно хмурился.

— Можетъ быть, оно и такъ, наконецъ вымолвилъ онъ: — я не знаю.

— Только нервничать желаешь, оттого и говоришь: не знаю. Чего тутъ не знать?

Авдотья Степановна больше не говорила о свадьбѣ. Прядильниковъ не смѣлъ поднимать еще разъ вопроса: зачѣмъ ждать? боясь рассердить ее. Но когда онъ отправился домой, то доводи Авдотья Степановна начали представляться ему довольно убѣдительными. Онъ долженъ былъ сознаться, оставшись одинъ на одинъ съ собою, что его щекотливость никогда не смолкаетъ. Отчего же и не оградить ее, какъ предлагаетъ Авдотья Степановна? Теперь онъ отложить попеченіе о всякомъ донъ-вхотствѣ и займется исключительно своими собственными дѣлами. „Гешефтъ“ онъ можетъ затѣять въ самомъ скоромъ времени. У него уже была идея, осуществить которую можно было, по его соображеніямъ, не нынче — завтра.

VIII.

Полный всякихъ подмывающихъ надеждъ, проснулся на дру-

гой день Прядильниковъ. Ему еще никогда такъ легко не дышалось. Онъ чувствовалъ себя распорядителемъ своихъ судебъ, смѣло смотрѣлъ будущему въ глаза и собирался жить долгій вѣкъ съ обожаемой женщиной. Размолвку съ Карповымъ онъ надѣялся скоро уладить... если не до свадьбы, то во всякомъ случаѣ послѣ нея. Ему казалось, что теперь онъ не будетъ больше волноваться. Всѣ его прежнія тревоги, щепетильности, нравственныя страданія казались ему ни больше, ни меньше, какъ простымъ нервничаньемъ.

Подойдя въ новомъ благообразномъ халатѣ къ зеркалу, онъ чуть-чуть не сдѣлалъ самъ себѣ гримасу. Онъ готовъ былъ даже сдѣлать по кабинету нѣсколько игривыхъ движеній; но лакей подалъ ему въ эту минуту карточку, на которой стояло: Иванъ Ивановичъ Ерофѣевъ.

— Желаетъ меня видѣть? спросилъ Прядильниковъ.

— Да-съ, вотъ карточку дали.

— Прси.

Прядильниковъ потеръ себѣ по лбу, припоминая: кто это такой господинъ Ерофѣевъ; но сразу никакъ не могъ вспомнить, хотя фамилія ему была знакома.

Только что онъ запахнулъ, какъ въ кабинетъ вошелъ уже знакомый намъ земець, котораго Борцовъ привозилъ когда-то къ Прядильникову. Петръ Николаевичъ сейчасъ же вспомнилъ его, и почему-то очень радостно улыбнулся.

— Небось запомитовали? спросилъ земець, подавая ему руку и ухмыляясь сквозь серьезное выраженіе глазъ.

— Помилуйте! развязно вскричалъ Прядильниковъ:—очень хорошо помню и чрезвычайно радъ видѣть васъ. Садитесь вотъ сюда, на диванъ, не уютно-ли чаю? Давно-ли въ Питерѣ?

Еще никогда онъ не былъ такъ любезенъ съ гостями и такъ не сыпалъ вопросами, какъ сегодня.

— Только-что ввалился, началъ земець, кладя свою шапку на диванъ и какъ-то, не то позѣвывая, не то потягиваясь:—и вотъ видите, первымъ дѣломъ къ вамъ; былъ на вашей старой квартирѣ, тамъ не могъ добиться толку, долженъ былъ двинуться въ адресный столъ...

Не дослушавъ гостя, Прядильниковъ крикнулъ лакею, чтобы онъ подалъ поскорѣе чаю, и сѣлъ противъ земца, протянуть къ нему обѣ руки.

— Курить желаете? спросилъ онъ утвердительно:—папиросу, или трубку?

— Я еще при трубкѣ у себя состою; но здѣсь не рѣшаюсь

никого беспокоить, пришлось бы ходить съ собственнымъ куревомъ. Сблаговолите сигарочку.

— По тому же дѣлу сюда? спросилъ Прядильниковъ, теперь уже вспомнившій подробности ходатайства, по которому гость его явился тогда въ Петербургъ.

— Какое, батюшка! То дѣло давно похоронено. Вѣдь вы знаете вашу здѣшнюю братію съ генераломъ Саламатовымъ во главѣ. Вы вѣдь съ нимъ теперь не находитесь въ сношеніяхъ?

— Разорвалъ! отрѣзалъ Прядильниковъ.

— Знаю, знаю, отъ добрыхъ людей слышанъ, что вы теперь особъ статья, достаточно этихъ лодырей раскусили!

— Такъ ваше дѣло улыбнулось?

— Мы тогда ужь больно глупы были, понадѣялись ни правоту свою и хапанцевъ, кому слѣдуетъ, не предоставили. Да и не припасено было денегъ. Ну, разумѣется, и остались на бобахъ. Была такая минута, когда можно было провести и наше дѣло, когда, знаете, еще носились съ земствомъ, какъ съ писаной торбой; мы ее пропустили, а теперь и думать нѣчего безъ огромныхъ хапанцевъ.

— Совершенно справедливо! подтвердилъ Прядильниковъ.

— Ужь если дорога наша когда-нибудь состоится, то это божьимъ произволеньемъ, или когда всѣ жидовскіе карманы будутъ до верховъ набиты карбованцами. А мы хотимъ сварганить другое, уже совсѣмъ наше дѣло, гдѣ у насъ конкурентовъ не будетъ.

— Не банкъ ли? спросилъ Прядильниковъ и весело встретился.

— Попали какъ разъ: именно банкъ, такой, гдѣ бы все земство отъ мужика до нашего брата было какъ слѣдуетъ завязано, и почтенное купечество мы къ себѣ привлекли. У нихъ кубышки, у насъ съ мужиками — земля.

— Прекрасно, прекрасно! поддакивалъ Прядильниковъ.

— Всѣ у насъ ревомъ ревутъ; подавай имъ банкъ, да и сами знаете, сторона у насъ въ промышленномъ и торговомъ дѣлѣ — бойкая. Капиталы такъ зря хоронятся; а у мелкаго люда въ деньгахъ нужда великая. И скоро все это мы мастерили, а даже, признаюсь, и не ожидалъ...

— Хорошая идея, оттого и скоро. Вы привезли уставъ?

— Какъ же, я пріѣхалъ сюда съ депутатомъ отъ купечества; если позволите, я вамъ его представлю. Съ виду — не пушій, а большого ума мужикъ, и на трехъ китахъ сидеть по части денежныхъ изворотовъ — кулакъ; но безъ этого нельзя, сами знаете, въ ихъ званіи; но человекъ честный!

— Совѣшь у васъ выработанъ уставъ? нетерпѣливо спросилъ Прядильниковъ...

— Да не знаю, какъ вы его одобрите, а мы совѣшь его сварганили. Ходы у насъ есть, задержки въ утверженіи не предвидится. Но вотъ чтò мы затѣяли. По нашимъ соображеніямъ, намъ выгодно имѣть здѣсь въ Питерѣ контору.

— Что-жь! штука не трудная!

— Съ тѣмъ, чтобы ею управляли члены-учредители; а въ онне члены вотъ мы и надумали покорнѣе просить васъ и Павла Михайловича Борщова, только боимся, что онъ теперь сильно занятъ. Не откажите въ нашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи!

— Помилуйте! сконфузился Прядильниковъ: — чтò же я такой за менторъ? Вы тамъ на мѣстѣ гораздо опытнѣе меня.

— Нѣтъ, ужъ мы знаемъ! По Петербургу вы, да вотъ Борщовъ, Павелъ Михайловичъ, только и слывете настоящими дѣловыми людьми!

— Полноте, ежился Прядильниковъ.

— Чтò-жь вы имѣете противъ этого предложенія? Риска тутъ нѣтъ; дѣло вамъ знакомое; положеніе независимое; олады у насъ будутъ не нищенскіе; да и пай мы, какъ водится, готовы вамъ предложить.

— Это зачѣмъ же-съ?

— Помилуйте, безъ этого нельзя же...

— Я противъ такого обычая. Если мои средства позволяютъ, я возьму извѣстное количество акцій...

— Нѣтъ ужъ, вы, пожалуйста, изъ-за такой бездѣлицы не безпокойтесь. Ужъ коли мы всѣ желаемъ приобрѣсти васъ въ свои члены-учредители, то, конечно, рады будемъ представить вамъ и солидное положеніе въ нашемъ дѣлѣ... Ну, да объ этомъ мы еще успѣемъ покаякать съ вами въ другой разъ; а теперь позволяте ужъ надѣяться на ваше душевное участіе.

— Не знаю, годенъ-ли я на такой важный постъ, заговорилъ Прядильниковъ: — по идеѣ, я чрезвычайно сочувствую и такъ польщенъ...

Онъ всталъ и взялъ руку земца. Во всемъ его существѣ было въ эту минуту какое-то праздничное настроеніе.

— Значить, мы по-рукамъ? спросилъ гость, вставая. Онъ подошелъ къ Прядильникову и протянулъ ему руку.

— Не скоренько-ли? отговаривался тотъ, съ довольной усмѣшкой.

— Да полноте, батюшка, канючить—нехорошо. Я вѣдь разумѣлъ васъ за простого человѣка.

Онъ ударилъ крѣпко по руцѣ Прядильникова. Тотъ отвѣчалъ тѣмъ же, и они поцѣловались.

— Ну, теперь, заговорилъ гость: — я смеаю, что вы не будете недовольны такимъ товарищемъ по дѣлу, какъ Борщовъ?

— Напротивъ, это самая удобная комбинація.

— И вы бы разутѣшили меня, батюшка, еслибъ пожаловали со мной къ нему, сдѣлать ему предложеніе уже сообща. Онъ меня хорошо знаетъ, да и самое дѣло за себя говоритъ, а все лучше, если вы явитесь участникомъ. Такъ ли я говорю?

— Поѣдемте! весело отвѣтилъ Прядильниковъ. — Я сейчасъ же переодѣнусь...

Прядильниковъ попросилъ позволенія удалиться — привести себя въ надлежащій видъ; но гость остановилъ его за бортъ халата и вполголоса спросилъ:

— Не стѣснятъ ли мы его, если такъ, не извѣстивъ, нагрянемъ прямо въ утренній часъ?

— Отчего? спросилъ удивленно Прядильниковъ.

— Онъ, кажется... живетъ съ одной тутъ барыней... знаете, въ гражданскомъ бракъ, какъ у васъ здѣсь въ Питерѣ говорятъ... Она мужняя жена, и мужа-то я немного знаю; человекъ у васъ не столицѣ извѣстный; Повалишинъ, чай, слышали?

— Слыхалъ.

— Ну, такъ самого этого Повалишина жена, и прекрасная собою, говорятъ, особа, взяла да и ушла отъ мужа, такъ, здорово живешь!

— Вы какъ же на это смотрите? спросилъ нѣскольکو какъ бы саркастически Прядильниковъ.

— Да какъ вамъ сказать... мы въ этикихъ порядкахъ не воспитывались. А у васъ здѣсь оно, какъ слышно, сплошь и рядомъ бываетъ; и не такія еще дѣла дѣлаются. Борщова же я винить не могу. Онъ во всѣхъ статьяхъ честный человекъ; а въ женскихъ дѣлахъ, извѣстно, кто себѣ врагъ?

И земецъ лукаво подмигнувъ, взглянувъ на Прядильникова. Тотъ въ другое бы время потутился, а тутъ молодцовато усмѣхнулся и побѣжалъ въ спальню переодѣваться.

„Вотъ оно что значитъ“, думалъ Петръ Николаевичъ, наскоро натагивая на себя жилетъ: „когда начнешь жить какъ слѣдуетъ: само дѣло лѣзетъ тебѣ въ руки. Какого же мнѣ еще лучше гешефта? Завѣдывать отдѣльной конторой все равно, что свою собственную имѣть. Сегодня отдѣлаюсь пораньше — и къ Авдотѣ Степановнѣ. Она, навѣрно, свое одобреніе положить“.

Черезъ минуту, онъ былъ уже совсѣмъ готовъ, и предсталъ

снова передъ гостемъ. Они отправились тотчасъ-же къ Борщову, и разговоръ обратился опять на гражданскій бракъ его.

— Да вы развѣ никогда не видали эту мадамъ Борщову-то? допрашивалъ земецъ Придильникова.

— Нѣтъ, я даже и не слышалъ хорошенько, отвѣтилъ тотъ.

Онъ кое-что слышалъ; но въ этихъ дѣлахъ оставался донельзя цѣломудренъ.

— А мнѣ еще у насъ тамъ, въ нашей палестинѣ, довелось услыхать по этой части. Я вамъ скажу, все до насъ точно по телеграфу доходить, и какими каналами-то — ты Господи вѣси!

— Сдѣсь сплетничество развито во всѣхъ сферахъ, откликнулся Придильниковъ.

— Да вы вотъ не знали же?

— Я этими вещами вообще интересуюсь очень мало.

Тутъ онъ только въ первый разъ потушился.

— И у насъ, продолжалъ словоохотливый земецъ: — тоже такія исторіи — не диво; только все шито — крыто. Такъ наши барыньки теперь всѣ закутились — просто злость разбираетъ... Прежняго губернскаго стекеннаго житья и въ поминѣ нѣтъ; а тоже, какъ и здѣсь, все по трактирамъ обѣды да ужины... маскарады тоже... Ну, и пошло это сожительство... А мужья-то, вахлаки, каждый день въ клубъ...

Борщовъ былъ дома. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ Придильникова и земца. Въ его кабинетѣ они больше никого не нашли. Иванъ Ивановичъ пустилъ таки любопытный взглядъ въ полуотворенную дверь, но тотчасъ же удержался. Онъ приступилъ къ предложенію, которое Борщовъ выслушалъ, ни однимъ словомъ не перебивая его.

— Весьма сочувствую вашему дѣлу, сказалъ онъ: — но мнѣ нельзя будетъ принять этой должности.

— Почему такъ? почти въ одинъ голосъ вскричали Придильниковъ и Ерофѣевъ.

— Я и безъ того занятъ. У меня на рукахъ цѣлое дѣло.

— Вы только имя ваше дайте намъ, началъ упрашивать земецъ: — позвольте поставить васъ въ число учредителей, а взваливать на ваши плечи управление конторой мы вовсе не желаемъ; вы только будете нашимъ представителемъ вмѣстѣ съ Петромъ Николаевичемъ, и больше ничего.

Борщовъ что-то соображалъ, и сталъ пощипывать бороду.

— Вы мнѣ предлагаете синекуру, сказалъ онъ.

— Что съ? спросилъ, не сразу понявъ земецъ.

— Какую-же синекуру! вмѣшался Придильниковъ: — вы ужъ очень щекотливо на это смотрите. Ваше содѣйствіе дорого учре-

дителямъ банка. Вы будете удѣлять самую малость вашего времени; но вы все-таки будете его удѣлять.

— Во всякомъ случаѣ, проговорилъ Борщовъ:—я не могу же согласиться на равное вознагражденіе моего труда съ трудомъ Петра Николаевича, на долю котораго выпадеть настоящая работа.

— Это какъ вамъ будетъ угодно, вскричалъ Ерофѣевъ.—Мы васъ не смѣемъ стѣснять.

Подъ конецъ Борщовъ, не давая окончательнаго слова, обѣщавшись заѣхать къ земцу и еще потолковать.

Земцу надо было сдѣлать еще нѣсколько концовъ и онъ взялся за шапку.

Поднялся за нимъ и Прядильниковъ, но Борщовъ удержалъ его, сказавши:

— Посидите, мы съ вами такъ давно не видались.

Это приглашеніе пришлось по сердцу Прядильникову. Онъ весело улыбнулся и присѣлъ опять.

Когда Борщовъ вернулся изъ передней, куда проводилъ гостя, Прядильниковъ взглянулъ на его спокойное и благодушное лицо и подумалъ:

„А что, если съ нимъ заговорить о его супружеской жизни?“

Но Петръ Николаевичъ тотчасъ же устыдился отъ такой нескромной мысли.

Борщовъ протянулъ ему еще разъ руку и спросилъ:

— Гдѣ вы пропадаете, Прядильниковъ? Я заѣзжалъ къ вамъ нѣсколько разъ, и все нѣтъ. Знаю, что вы теперь дѣлецъ на славу, но все-таки нельзя же такъ проваливаться.

По лицу Прядильникова проскользнула стыдливая усмѣшка, на которую Борщовъ не обратилъ вниманія.

— Да разныя дѣла, пробормоталъ онъ.

— Я вотъ съ вами о чемъ хотѣлъ потолковать, началъ нѣсколько потупляясь, Борщовъ.

„Навѣрно начнетъ о своемъ гражданскомъ бракѣ“, подумалъ Прядильниковъ.

— Вы, кажется, знаете ту женщину, которая являлась къ моей знакомой Загариной по поводу ея процесса?

Прядильникова вдругъ бросило въ краску. Онъ вспомнилъ сейчасъ же, что Авдотья Степановна посылала его къ Борщову поговорить о процессѣ этой самой Загариной; а онъ не поѣхалъ волнуемый разными, какъ онъ теперь называлъ, „глупыми щепетильностями“.

„Неужели, спросилъ онъ про себя, Борщовъ все уже знаетъ,

и написать какое-нибудь расписание. Нѣтъ, Борщевъ слишкомъ деликатенъ”.

— Какъ же, невозможно выговаривать онъ всадъ чуть замѣтной паузы.

— Она очень заинтересовала и меня, и жему мою своимъ честнымъ поступкомъ.

Прядильниковъ громко вдохнулъ и съ блистающими отъ удовольствія глазами быстро спросилъ:

— Супругу вашу?

— Да, отвѣтилъ совершенно спойно Борщевъ.

— Какимъ же поступкомъ?

— Она явилась къ Загариной сама по собственной инициативѣ и предложила ей свои услуги, раскрывши ей, какую махинацію задумали тутъ два пошляка изъ компаніи Саламатова, Малиевскій и Воротилицъ; вы ихъ вѣдь навѣрно знаете?

— Какъ же, бойко откликнулся Прядильниковъ:—я ихъ знаю, и то знаю, какъ она имъ потому у себя очную ставку устроила и доказала имъ, какіе они шуты горюховые.

— Будто бы? весело спросилъ Борщевъ.

— Увѣряю васъ!

— Да это безусловно! Характеръ этой особы положительного меня заинтересовываетъ. Мнѣ до ея прошедшаго дѣла нѣтъ.

— А вы знаете его?

— Рассказывали мнѣ что-то. Но лучше всего то, что она, сама явившись къ Загариной, прямо объявила, какую жизнь она вела прежде и какъ мало она считаетъ себя достойной являться безъ зову къ такой честной женщинѣ, какъ Загарина.

Шанс Прядильникова начали замѣтно блѣднѣть.

— Своимъ искреннимъ обращеніемъ, продолжалъ Борщевъ:—она глубоко тронула Загарину; но съ тѣхъ поръ она больше не показывалась, вѣроятно не считая себя достойною продолжать знакомство съ нею. Но эта-та строгость къ себѣ и показываетъ, что въ ней произошелъ нравственный кризисъ. Мнѣ и жемѣ эта личность чрезвычайно понравилась, и мы очень пожалѣли, что она такъ вдругъ исчезла и ступевалась. Мы принимаемъ большое участіе въ Загариной, и я готовъ взять на себя веденіе ея дѣла, но если вы знаете эту женщину, какъ бышь ее зовутъ?

— Благо, Авдотья Степановна, вымолвилъ Прядильниковъ.

— Да, Благо... Если вы ее знаете, передайте ей пожалуйста, что мы благодаримъ ее отъ души за ея прекрасный поступокъ. Она можетъ быть очень полезна Загариной, а я радъ былъ бы повидаться съ ней...

— И она, началъ, немногъ заикаясь, Прядильниковъ:—желала.

переговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ и просила меня къ вамъ зайти, да я былъ такъ заманенъ всякой работой... простите всеядушно моей медленности...

— Не продаю, не продаю! вскричалъ Борщовъ:—вы это такъ мамонъ предались, что забываете подобныя порученія. Нехорошо-съ.

И Борщовъ добродушно разсмѣялся.

— Меня особенно радуеть, заговорилъ дѣйствительно радостно Прядильниковъ:—что вы и супруга ваша поняли эту женщину. У ней высокая душа, и, право, ей нора бы перестать стыдиться своего прошедшаго.

— Это видно, что она его отвергла въ принципѣ. Я не знаю, какую жизнь она теперь ведетъ!

— О, самую скромную! воскликнула Прядильниковъ.

— Но тѣмъ она живетъ? трудомъ своимъ?

Прядильниковъ замѣтно покраснѣлъ.

— Она живетъ... тѣмъ, чѣмъ имѣеть.

— Ну, коли въ ней произошелъ настоящій кризисъ, она бросить это. Сразу это трудно; но она это сдѣлаетъ...

— Она можетъ видти замужъ, выговорилъ Прядильниковъ, какъ бы про себя, вслухъ.

— Зачѣмъ же такое формальное разрѣшеніе... замужество замужествомъ... Если она женщина молодая, умная, съ характеромъ—мы ей найдемъ дѣло.

Борщовъ всталъ и прибавилъ вполголоса:

— Вы позволите мнѣ сказать два слова женѣ. Она была бы весьма рада познакомиться съ вами и поговорить объ этой особѣ.

Онъ вышелъ поспѣшно изъ кабинета; а Прядильниковъ, оставшись одинъ, заходилъ около дивана. Онъ вдругъ очень взволновался. Все, что ему сказалъ сейчасъ Борщовъ, и утѣшило его, и одушевило, и смутило сознаниемъ, что на Авдотью Степановну смотреть, какъ на кающуюся грѣшницу, которой нужно пройтись еще дѣльмъ искусъ и проститься со всѣми своими благами.

Онъ нахмурился и схватился за кончикъ праваго уса.

„А вѣдь Борщовъ-то правъ на счетъ остатковъ саламатовскихъ даровъ“, подумалъ онъ вдругъ; но дальше не сталъ развивать этой темы.

Въ дверяхъ кабинета показалась Катерина Николаевна. На ней было суконное зеленоватое платье, отдѣланное чернымъ бархатомъ. Она значительно похудѣла. Ея губки не дышали ужъ такимъ здоровьемъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Взглядъ опредѣлился, сдѣлался тверже и пристальнѣе, на губахъ лежала нѣсколько двойственная улыбка.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали сегодня, заговорила Катерина Николаевна, протягивая руку Прядильникову: — я васъ давно знаю, по рассказамъ Поля. Что это какъ у васъ здѣсь холодно? Пойдемте лучше во мнѣ, у меня тамъ каминъ топится.

Прядильниковъ пожалъ нѣсколько церемонно руку Катерины Николаевны и улынулся. Онъ промолчалъ въ отвѣтъ на ея привѣтствіе.

— И въ самомъ дѣлѣ здѣсь что-то сыровато, отозвался Борщовъ, слегка пожимаясь: — пойдемте туда.

Перешли въ кабинетъ Катерины Николаевны, гдѣ дѣйствительно пылалъ каминъ.

— Я васъ буду просить, заговорила Катерина Николаевна, обращаясь къ Прядильникову: — познакомить насъ съ той женщиной, о которой вы сейчасъ бесѣдовали съ Полемъ. Такія женщины дѣлаются почти всегда самыми энергичными работницами. Право, у насъ такъ мало видится жизни, искренности, порыва среди добродѣтельныхъ женщинъ... просто иногда уныніе нападаетъ. Только тамъ и находишь отголосокъ, гдѣ есть нравственный кризисъ!

Всю эту тираду Катерина Николаевна выговорила спѣша и внутренно волнуясь. На лицѣ ея выражалось какое-то недомогательство. Прядильниковъ, подъ обаяніемъ ея звучнаго, слегка дрожащаго голоса, поднялъ на нее глаза и не отводилъ ихъ, пока она не остановилась.

— Вы пожалуйста, заговорилъ Борщовъ: — скажите вашей знакомой, чтобы она посѣтила Загарину... Я съ ней также по-видаюсь...

— Ты могъ бы захватить къ ней сегодня же, замѣтила Катерина Николаевна, обращаясь къ Борщову.

— Вы мнѣ позвольте ее предупредить, заторопился Прядильниковъ.

— Чѣмъ же она теперь занимается? спросила Катерина Николаевна.

— Да она на перепутьи, проговорилъ, немного замкаясь, Прядильниковъ, чувствующій, что ему становится очень неловко.

— Ну, разумѣется, но если она способна на такіе честные порывы, она будетъ способна и на трудъ. И я такъ была бы счастлива!..

Катерина Николаевна не договорила. Дверь изъ внутреннихъ комнатъ открылась и вошла или почти вбѣжала Лиза Загарина въ шляпкѣ и короткомъ драповомъ пальтецѣ.

Она прямо бросилась къ Катеринѣ Николаевнѣ и едва, едва сдерживая слезы, выговорила:

— Маша совсѣмъ умираетъ... умоляю васъ, поѣдьте къ намъ.. я не знаю... У ней было два обморока...

Дѣвочка не выдержала и зарыдала. Всѣ встали. Катерина Николаевна сильно покраснѣла, Борщовъ съ участіемъ взглянул на Лизу. Прядильниковъ поглядѣлъ на нее съ тревогой.

— Ёдьте, Лиза, я сейчасъ буду готова, откликнулась Катерина Николаевна, и обращаясь къ Прядильникову, прибавила:

— Скажите вашей знакомой, въ какомъ положеніи находится г-жа Загарина. У ней есть лишнее время, пусть она посѣтитъ больную.

Катерина Николаевна позвала съ собой Лизу въ спальню. Борщовъ, нахмуриваясь, сказалъ Прядильникову:

— Она врядъ-ли переживетъ эту весну. Надо поскорѣй взяться за ея дѣло, а то дѣвочка останется безъ куска хлѣба.

— А состояніе большое?

— Очень большое, если достанется.

— Такъ оно ее только испортитъ, сказалъ уже не безъ язвительности Прядильниковъ.

— Конечно, согласился Борщовъ, унылымъ тономъ:—а все-таки надо ей образованіе дать, а на это средства нужны; она дѣвочка очень бойкая, но родилась за границей, все ее перевозили изъ города въ городъ и она мало приучена къ правильнымъ занятіямъ.

Петръ Воборыкинъ.

ДѢТСТВО.

Мнѣ вспомнились дѣтства далекіе годы,
И тотъ городокъ, гдѣ я росъ.
Приходскаго храма урюжые своды,
Вокругъ него зеленъ берѣзъ.

Бывало, едва лишь вечерней прохладою
Повѣтъ съ сосѣднихъ полей,
У этихъ березъ, за церковной оградой,
Сойдется насъ много дѣтей.

И самъ я не знаю, за что облюбилъ
Ми это мѣстечко, но намъ
Такъ милы дорожки заглохшія были,
Сирень, окружавшая храмъ.

Тамъ долго веселый нашъ крикъ раздавался,
И не было играмъ конца;
Тамъ матери нѣжный упрекъ забывался,
И выговоръ строгій отца.

Мы птичекъ къ себѣ приручали проворныхъ,
И поняли скоро онѣ,
Что дѣтской рукой разсыплются зерна
Для нихъ, на церковномъ окнѣ.

Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ;
Куда вы дѣвались, друзья?
Иные далеко, а тѣ ужъ въ могилахъ..
Разсѣялась наша семья!

Одинъ мнѣ всѣхъ памятникъ; кротко свѣтились
Глаза его; былъ онъ не смѣлъ,
Когда мы, бывало, шумѣли, рѣзвились,
Онъ молча въ сторонѣ сидѣлъ.

И лишь улыбался, но добраго взора
Съ игравшей толпы не спускалъ.
Забитый, больной, — онъ дружилъ не скоро,
За то ужъ друзей не мѣнялъ.

Двухъ лѣтъ сиротой онъ остался; призрѣла
Чужая семья бѣдника.
Попреви, толчки онъ терпѣлъ то и дѣло,
Безъ слезъ не вдалъ онъ куска.

Плохой онъ работникъ былъ въ домѣ; но жадно
Читалъ все, и ночью и днемъ.
И что бы ни вычиталъ въ книжкахъ, такъ складно
Бывало, расскажетъ потомъ.

Расскажетъ, какія на свѣтѣ есть страны,
Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,
Какъ таятся въ знойной степи караваны,
Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.

Любили мы слушать его; и казался
Другимъ въ тѣ минуты онъ намъ:
Нежданно огнемъ его взоръ загорался,
И кровь прилиwała къ щекамъ.

Онъ — добрый голодному нищему брату
Отдать былъ послѣднее радъ.
И часто дивился: зачѣмъ тѣ богаты —
А эти безъ хлѣба сидятъ?

Что стало съ тобою? Света ли въ могилу
Бѣднягу болѣзнь и нужда?
Иль ихъ одолѣлъ ты, нашель въ себѣ силу
Для честной борьбы и труда?

Быть можетъ пустился ты въ дальнія страны,
Свободы и счастья искать;

И все ты увидѣлъ, что стало тамъ рано
Ребяческій умъ твой пѣнать.

Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ,
Всѣ, всѣ разбрелись вы, друзья...
Иные далеко, а тѣ ужъ въ могилахъ;
Разсѣялась наша семья!

А тамъ, за оградой, все также спрени
Цвѣтутъ, — и опять вечеркомъ
Малютки, на старой церковной ступени
Болтаютъ, усѣвшись рядкомъ.

Тамъ долго ихъ говоръ и смѣхъ раздаются,
И звонкіе ихъ голоса
Тогда лишь начнутъ затихать — какъ зажгутся
Въ домахъ городскихъ огоньки...

А. Плещеевъ.

РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ ПИТАНІЯ.

Для того, чтобы лучше понять, въ какомъ направленіи идетъ фізіологическое развитіе или измѣненіе человѣческой способности питанія, соотнositельно съ развитіемъ нервной системы, — мы должны напередъ прослѣдить его на низшихъ степеняхъ человѣческой культуры. Въ сферѣ функціи питанія, уже первобытнѣй, фетишпическій страхъ таинственныхъ силъ природы, въ связи съ измѣненіями фізико-географическихъ условій и мышечной дѣятельности первобытнаго человѣка въ добычѣ и потребленіи пищи, весьма многозначительно благопріятствовалъ прогрессивному измѣненію органовъ потребленія пищи и пищеварительной способности. Съ тѣхъ поръ, какъ страхъ хищныхъ и сильнѣйшихъ животныхъ побудилъ человѣка изобрѣсти орудія для ихъ преодоленія и добычи, а огнепоклоннический страхъ таинственной силы огня побудилъ его внимательно разузнать чудесную силу его, проявляющуюся въ вареніи или сушеніи плодовъ и другой пищи, — съ тѣхъ поръ желудокъ человѣка сталъ постепенно превращаться изъ фругиворнаго или приспособленнаго къ перевариванію только плодовъ въ omnivorный или всеядный. «Сначала человѣкъ — говоритъ Флурансъ, — подобно обезьянѣ, былъ фругиворнымъ, т.-е. питающимся плодами, и потому могъ обитать только въ теплыхъ странахъ, гдѣ круглый годъ рождались зрѣлые плоды. Со времени же изобрѣтенія огня и искусства варенія пищи, онъ впервые сдѣлался omnivorнымъ, всеяднымъ» (Flourens въ *Journal des savants* juin 1853). Затѣмъ, невольное опасеніе не разъ испытанныхъ поврежденій зубовъ и даже челюстей при грызеніи, раздробленіи и потребленіи грубой массивной и жесткой пищи невольно должно было побудить людей изобрѣсти особыя искусственныя орудія для удобнѣйшаго раздробленія и потребленія такой пищи. И это нововведеніе въ сферѣ питанія также должно было содѣйствовать къ усовершенствованію пищеупотребительныхъ органовъ. Такимъ образомъ, изобрѣтеніе первыхъ, грубыхъ за-

чатковъ искусства варенія пищи на огнѣ и употребленіе орудій для ѣды — все это вмѣстѣ оказало существенное вліяніе на прогрессивное измѣненіе пищеварительной способности, на уменьшеніе большихъ клыковъ и выпуклыхъ челюстей, такъ какъ теперь желудокъ легче могъ переваривать пищу вареную, жареную или размяченную и измельченную, и при употребленіи ей не нужно стало съ усиленнымъ напряженіемъ дѣйствовать челюстями и грызть клыками. Гербертъ Спенсеръ замѣчаетъ, что развитіе челюстей у дикарей находится въ прямой связи съ ихъ пищею: отъ разжевыванія грубыхъ, непереваренныхъ мясныхъ веществъ развиваются жевательные мускулы и тѣ кости, къ которымъ они прикрѣплены; и, наоборотъ, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ все болѣе и болѣе сталъ употреблять пищу мягкую, вареную или жареную, челюсти его все болѣе и болѣе уменьшались. «Единственною причиною уменьшенія челюстей и зубовъ—говоритъ Спенсеръ— слѣдуетъ признать уменьшеніе дѣятельности этихъ частей, сопровождавшее развитіе цивилизованныхъ привычекъ (употребленіе инструментовъ для ѣды и неупотребленіе грубой пищи). На пути цивилизациі, это ослабленіе отправления болѣе или менѣе коснулось всѣхъ личностей. Путемъ непосредственнаго уравновѣшенія, уменьшеніе внѣшнихъ давленій на эти части привело къ ослабленію внутреннихъ силъ, встрѣчающихъ это давленіе отвѣтнымъ дѣйствіемъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе это уменьшеніе частей, зависящее отъ ослабленія отправленій, наследовалось и т. д.» (Основ. біолог. 1, 342). Но какъ ни многозначителенъ былъ этотъ прогрессъ въ сферѣ пищеупотребительной организациі человѣческой природы,—все-таки, въ періодъ господства первобытнаго фетишическаго страха природы, она еще значительно сохраняла черты первобытнаго, чисто-зоологическаго отправления и строенія. Истинный самосохраненія, постоянно возбуждаемый страхомъ хищныхъ звѣрей и враговъ, еще часто побуждалъ людей, въ самозащитѣ отъ звѣрей и враговъ и при антропофагическомъ растерзываніи и пожираніи чужеземниковъ, невольно упражнять клыки и челюсти, какъ органы и самосохраненія и пищеупотребленія. Поэтому, довольно взглянуть на коллекціи череповъ хоть австралійцевъ или даже нашихъ туруханскихъ остатковъ, и сравнить ихъ съ черепами образованныхъ европейцевъ, чтобы съ разу увидѣть наглядно, какъ медленно измѣнялись у человѣка челюсти и ихъ придатки. «Простое обозрѣніе череповъ въ музеумѣ хирургической школы — говоритъ Спенсеръ—обнаруживаетъ довольно замѣтную разницу челюстей въ низшей и высшей расѣ. Нижнія челюсти австралійцевъ и не-

гровъ, если ихъ поставить рядомъ съ тѣми же челюстями англичанъ, замѣтно больше, не только относительно, но и абсолютно. Онѣ были *абсолютно* массивнѣе нашихъ, часто превосходя ихъ по всемъ измѣреніямъ; а *сравнительно* съ менѣе значительными скелетами южныхъ низшихъ расъ онѣ были гораздо болѣе массивны. И въ средѣ высшей расы, чѣмъ древнѣе черепа, тѣмъ челюсти ихъ массивнѣе. Одинъ старинный британскій черепъ коллекціи имѣетъ челюсть почти или столь же массивную, какъ челюсти австралійскихъ череповъ. И это находится въ полномъ согласіи съ предполагаемымъ нами отношеніемъ между большими размѣрами пищеупотребительныхъ органовъ и болѣе значительною дѣятельностью, требуемою образомъ питанія дикарей» (Основ. біолог. 1,341). Какъ жевательные органы, такъ и самая пищеварительная способность первобытныхъ людей весьма медленно совершенствовалась и долго сохраняла свойства чисто-животнаго отравленія. Фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы, — постоянно запугивая умъ первобытнаго человѣка, дѣлая его несмѣливымъ, боязливымъ въ изысканіи и испытаніи новыхъ, неизвѣстныхъ дотола средствъ прокормленія и, такимъ образомъ, ограничивая его изобрѣтательность и находчивость какъ въ способахъ наиболѣе изобильной и удачной добычи пищи, такъ и въ способахъ ея экономнаго употребленія и сбереженія, — неволью, вслѣдствіе всего этого, поддерживалъ въ человѣкѣ первобытную, чисто-животную наклонность къ жадности и неумѣренности въ пищѣ, къ обжорству и къ ненормальному развитію желудка. Это мы видимъ и у современныхъ дикарей. «Въ періоды голодовъ — говоритъ Дарвинъ — дикари вынуждены поглощать массы всякой непитательной дряни, и желудки ихъ не могутъ не страдать отъ этого. Мало-ли имъ встрѣчаемъ въ книгахъ описаній ихъ вынужденныхъ животновъ и тощихъ членовъ, изнуренныхъ продолжительнымъ голодомъ» (Дарв. О человѣкѣ. 1,190). Въ Индѣ, — говоритъ Кюкранъ въ своемъ путешествіи, — въ Индѣ грубые народы не знаютъ никакой умѣренности и правильности. Якутъ или тунгузъ съѣдаетъ за-разъ по 40 фунтовъ мяса; трое мужчинъ за одинъ разъ пожираютъ цѣлаго оленя. Одинъ дикарь, по словамъ Клемма, въ 24 часа съѣлъ всю внутренность большаго быка, или $\frac{1}{2}$ пуда жира, причѣмъ еще выпилъ столько же растопленнаго сала. Подобное обжорство, по словамъ Клемма, сплошь и рядомъ встрѣчается у многихъ дикихъ охотничьихъ племенъ, а по словамъ Гаукесворта, и у островитянъ южнаго океана (W. Roscher. 1,452). Такая же жадность и неумѣренность въ пищѣ неизбѣжно должна была обнаруживаться

и въ первобытныхъ людяхъ частію вслѣдствіе крайней несоразмѣрности траты мышечной силы въ добычѣ пищи и въ борьбѣ съ хищными животными и врагами съ прибылью или приходомъ питанія, частію вслѣдствіе спорадическаго или хроническаго голодованія и постоянного страха или опасенія голодной смерти, частію, вообще, вслѣдствіе неразвитости экономической сообразительности, расчетливости и находчивости. Первобытные люди, такъ же какъ и нынѣшніе дикари, неизбѣжно должны были терпѣть не только періодическія голодовки, но и постоянную, крайне-рѣзкую смѣну избытка и недостатка пищи, голода и пресыщенія. Извѣстно, напримѣръ, какъ сѣверно-сибирскій инородецъ, въ родѣ тунгуса или юкагира, одно время пресыщается оленьюю, какъ это бываетъ, напримѣръ, осенью, или во время извѣстной періодической переправы оленей черезъ рѣки въ лѣсныя полосы, когда тунгусъ, якутъ или юкагиръ въ полчаса закалываетъ болѣе 100 штукъ оленей, а въ другое время страшно голодаетъ, какъ напримѣръ, въ началѣ весны, или въ февралѣ мѣсяцѣ, который оттого и называется у туруханскихъ тунгусовъ и у алеутовъ «голоднымъ мѣсяцемъ», или, какъ банкинскіе остяги лѣтомъ обжираются рыбой, а весной голодаютъ, и голодаютъ иногда до того, что въ одинъ годъ, напримѣръ, на Тазу, вслѣдствіе голода, были даже случаи антропофагіи. Вотъ точно также и первобытные люди, постоянно испытывая періодическія голодовки и смѣну избытка и недостатка корма, не только не знали и не соблюдали никакой правильности въ употребленіи пищи, но и долго пробавлялись антропофагіей или людоедствомъ. Какъ нѣкоторые дикари, въ родѣ одного родоначальника дикаго племени на островѣ Фиджи, въ продолженіе своей жизни пожирала до 872 человекъ, или, какъ мексиканцы, ежегодно пожирала отъ 20 до 50,000 человѣческихъ тѣлъ,—такъ и первобытные люди еще съ большею жадностью пожирала сотни и тысячи человѣческихъ тѣлъ. Такая звѣрская неразумность питанія, очевидно, не могла не поддерживать въ человѣческой природѣ первобытныхъ, чисто-зоологическихъ свойствъ человѣческаго аппетита и пищеварительной способности. Наконецъ, первобытные люди крайне медленно отучались отъ употребленія пищи грубой, сырой, неудобоваримой, нечистой, гнилой и т. п. Ихтиофаги на берегахъ Нубіи, еще во времена Діодора Сицилійскаго и Страбона, ѣли рыбу сырую, или вмѣсто огня подсуживали ее на солнцѣ (Diodor. III, 15. Strabo XVI p. 773). Эскимосовъ также называли «рыбоѣдами — сыроядцами». Греки и римляне, по свидѣтельству Лукреція и Вергилія, пищею первыхъ людей счи-

тали *Quercus esculus* (Lucret. V, 1415. Virgil. Georg. 1,147). У сѣверно-австралійскихъ дикарей женщины и дѣти доселѣ ходятъ каждый день въ поле или лѣсъ вырывать острыми камнями корни, которыми они питаются болѣе и охотнѣе, чѣмъ мясомъ. У насъ въ Сибири, остяки енисейскіе и тазовскіе тоже доселѣ еще съ жадностью пожираютъ сырую рыбу и, въ случаѣ недостатка порсы, питаются дикими кореньями и луковицами сараны, выкапывая ихъ особыми каменными клинками первобытной, грубой отдѣлки. При такомъ долговременномъ сохраненіи первобытныхъ, грубыхъ привычекъ питанія, очевидно, человѣкъ долго еще не могъ дойти до развитія гастрономическаго вкуса, а тѣмъ болѣе до развитія способности рациональнаго и гигиеничнаго регулированія питанія. Неразвитость нервной системы, мозга была главной тому причиною.

Но вотъ, въ слѣдующій, болѣе высшій фазисъ развитія человѣческой природы, вслѣдствіе наибольшаго развитія нервной системы или мозга и ума людей, видимъ значительный переходъ отъ первобытнаго, чисто-зоологичнаго образа питанія людей къ образу питанія наиболѣе человѣчнаго, наиболѣе рациональнаго и гастрономичнаго. Въ сферѣ функціи питанія, политеистическій страхъ таинственныхъ силъ природы прежде всего, вмѣсто первобытнаго страха особыхъ фетишей или боговъ желудка и голода, впервые возбуждалъ удивленіе мудрому устройству пищеупотребительныхъ органовъ человѣческой природы, какъ особенному премудрому созданію и благому дару боговъ. Сократъ восторженно говорилъ въ бесѣдѣ съ Аристодемомъ о богахъ: «Не изумительно ли въ области питанія то, что, напримѣръ, передніе зубы животныхъ приспособлены къ разрѣзыванію, а боковые къ растиранію пищи, что ротъ, черезъ который проходятъ всѣ яства, какихъ только желаетъ животное или человѣкъ, расположенъ вблизи глазъ и носа; выдѣленія же, которыя противны чувствамъ, имѣютъ свои проходы, удаленные отъ нашихъ чувственныхъ органовъ? Можешь ли ты сомнѣваться, Аристодемъ, чему мы обязаны этимъ предусмотрительнымъ расположеніемъ, случаю или премудрости боговъ?» — «Да, я болѣе не сомнѣваюсь въ премудрости боговъ!» отвѣчалъ Аристодемъ (Льюиса, Ист. филос., 162). Вслѣдствіе такого восхищенія божественнымъ мудрымъ устроеніемъ органовъ употребленія пищи, политеистическій страхъ таинственныхъ силъ природы, впервые расширивъ сферу самоощущенія или самосознанія человѣческой природы, впервые побуждалъ людей, вмѣсто первобытнаго, простаго, чисто-звѣрскаго пожиранія пищи, придавать самому животному процессу человѣческаго питанія санк-

цію религиозно-обрядовую, теургическую. Онъ побуждалъ людей совершать питаніе не просто, безъ всякихъ правилъ и обрядовъ, подобно животному, а съ молитвами передъ богами, ѣсть и пить съ священными гимнами въ честь боговъ, съ гаданіями по внутренностямъ закладываемыхъ въ жертву животныхъ, и такимъ образомъ на первый разъ регулировать питаніе правилами и обрядами еще не рациональными и гигиеническими, а теургическими, богослужебными оргіями, или вакханаліями въ честь боговъ, дающихъ пищу и питье, въ честь Бахусовъ, Цереръ, Сатурновъ и т. д. Таковы, на примѣръ, были сатурналіи и вакханаліи: такъ-называемое Пенелопово мясослуженіе и кормленіе боговъ — *πενελόπος κρεοῦργία, πεινῶντας θεοῦς ἐστιάσαν, καστάλσιον* волшебное-чародѣйское питье—или *καστάλιας μαντικὸν πόμα*, оргіи и хоры пьянствующихъ — *χῶρος μεθύοντων* и т. п. Далѣе, политеистическій страхъ таинственныхъ силъ природы, порождая вѣру въ Бахусовъ, Сатурновъ и Цереръ, воодушевляя эти *χῶροι μεθύοντων* — хоры пьянствующихъ въ честь Бахуса, впервые возбуждалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувственно-сластолюбивое стремленіе къ гастрономической изысканности, роскоши или разнообразію въ пищѣ и питьѣ. Еще древнѣйшіе греки, даже на блестящихъ своихъ пиршествахъ, употребляли только одинъ, простѣйшій сортъ вина, *οἶνος*; между тѣмъ, во времена Демосфена, греки уже различали нѣсколько сортовъ вина, хотя, впрочемъ, тоже еще немного. А Плиній въ своей *Historia naturalis* знаетъ и различаетъ уже до 80 разныхъ винъ (W. Roscher I, 418). Между тѣмъ, какъ лакедемоняне употребляли еще пищу самую простую, даже грубую,—современники Атеневъ различали уже 72 рода суповъ. Вообще, въ позднѣйшія времена классической древности, Аѳины и Римъ были, какъ извѣстно, центромъ классической гастрономіи и баснословной лувуловской изысканности сластолюбія. Аристиппъ, основатель Киренской философской школы, признавая чувственное удовольствіе верховнымъ благомъ челоѣческой природы, конечно, также не былъ врагомъ гастрономическихъ наслажденій. Эпикуреизмъ, односторонне или слишкомъ матеріалистично понимаемый его послѣдователями, тоже побижалъ гастрономическому сластолюбію. Но въ то же время, соотносительно съ наибольшимъ развитіемъ мозга или способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, умственной и нравственной способности самообладанія,—въ антитезъ первобытному, чисто-животному обжорству челоѣка, а также и въ противоположность философскому ученію Аристиппа и Эпикура, возникли и первые зачатки регулярнаго, даже аскетическаго самовоздержанія въ пищѣ и

питья и первые зародыши аскетическаго ученія о воздержности и умѣренности въ пищу. Въ противоположность гастрономической роскоши знати аѳинской и въ антитезѣ философскимъ школамъ киренской и эпикурейской, — возникла циническая школа, и, послѣ первобытнаго, многотысячелѣтнаго господства необузданнаго, животнаго обжорства человѣка, — впервые стала съ энтузіастическою энергіею и даже съ аскетическимъ фанатизмомъ проповѣдывать умѣренность или самовоздержаніе въ пищу и питье, также какъ и во всѣхъ другихъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Антисеенъ и Зенонъ, не только ученіемъ, но и примѣромъ своимъ побуждали грековъ къ соблюденію умѣренности въ пищу. Самъ себѣ Антисеенъ отказывалъ во всякой пищѣ, кромѣ самой простой. Діогенъ также ѣлъ мало и притомъ одну только самую грубую пищу, пытался даже питаться только сырнмъ мясомъ и сырными овощами, но уже не могъ устоять въ этомъ первобытномъ, дикарскомъ способѣ питанія. По словамъ Платона, никто не могъ такъ терпѣливо выносить голодъ и едва-ли кто былъ такъ умѣренъ въ пищу, какъ Сократъ (Льюиса, Ист. филос. 178, 180, 130). Вообще, греки уже до такой степени цивилизовались въ регулированіи и умѣренности употребленія пищи, что съ гордостью сознавали это и всѣхъ варваровъ съ презрѣніемъ называли «*обжорами*» (Plato de Legib. I, p. 638). Такимъ образомъ, во времена господства таинственныхъ силъ природы, фізіологическая потребность и функція питанія человѣка уже почти совершенно утратили первобытныи, чисто-животныи характеръ и все болѣе и болѣе были рационализированы гастрономіею, но все-таки еще значительно, а въ массахъ даже еще почти вполнѣ сохраняли и нѣкоторые отгѣнки грубой первобытности, хоть въ видоизмѣненной формѣ, напримѣръ, въ господствѣ столь прославленной лукулловской неумѣренности, въ этихъ *креоргіяхъ* и хорахъ пьянствующихъ въ честь Бахуса и т. п. Вслѣдствіе этого, въ послѣдующія времена, христіанское, церковно-обрядовое установленіе постовъ и аскетическая дисциплина, въ антитезѣ этимъ языческимъ *креургіямъ* и *вакханаліямъ*, еще съ большею строгостью, чѣмъ стоическая школа, воспитывали въ людяхъ способность сдерживанія рефлексовъ желудка, привычку къ самовоздержанію и умѣренности въ пищу, чтобы окончательно искоренить первобытныи привычки обжорства. Но и посты и аскетизмъ никакъ не могли воспитать въ людяхъ рациональнаго и гигиеническаго самоконтролированія въ употребленіи пищи и питья, пока въ нервнои системѣ человѣка не развита была въ возможно-высшей степени нервно-мозговая способность удержи-

ванія рефлексовъ головного мозга, или способность умственнаго и нравственнаго самообладанія.

Наконецъ, въ высшей степени развитія нервной системы человѣка, съ высшимъ развитіемъ нервнo-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, видимъ новыя, наиболѣе прогрессивныя измѣненія и въ сферѣ человѣческаго питанія. Сначала, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы, возбудивши усиленное вліяніе мозга, идей на развитие новыхъ понятій и нововведеній въ сферѣ экономіи питанія, дало новый, живѣйшій импульсъ къ выработкѣ новыхъ, болѣе рациональныхъ, гастрономическихъ и гигиеническихъ началъ питанія. Впервыхъ, восторженное чувство удивленія чудесному строенію пищеварительной системы человѣческой природы, возбудило смѣлую естествоиспытательную мысль къ точному анатомо-физиологическому изслѣдованію и познанію законовъ пищеваренія. Въ книгахъ о чудесахъ природы, *miracula naturae* и, въ частности, въ такихъ сочиненіяхъ, какъ книга о чудесахъ человѣческаго тѣла—«*Les merveilles du corps humain*» Жофрѣ, восторженное чувство удивленія чудесамъ пищеварительной системы животныхъ и человѣка обыкновенно сопровождалось научными, физиологическими разсужденіями о строеніи и функціи пищеварительной организаціи, и такимъ образомъ, и въ публикѣ возбуждало интересъ къ познанію процессовъ и законовъ пищеваренія. Напримѣръ, авторъ книги «*Spectator divini potum miraculorum naturae in universo*», или «Зритель божественныхъ чудесъ природы во вселенной», говоря о пищевареніи, какъ «удивительнѣйшемъ мастерскомъ дѣлѣ», и подробно описывая анатомическое строеніе и физиологическую функцію пищеварительныхъ органовъ, въ то же время требуетъ, чтобы люди съ размышленіемъ познавали процессъ пищеваренія и имѣли разумно-сознательное понятіе о немъ. «Пищевареніе, говоритъ онъ,—есть удивительнѣйшее мастерское дѣло, которое въ насъ ежедневно совершается. Поэтому, не только пріятно, но и всѣмъ должно познавать по крайней мѣрѣ главнѣйшія дѣйствія природы при пищевареніи» (ч. III, 127 — 131). Точно такъ же, разнообразныя описанія «удивительныхъ желудковъ, удивительной жажды» и т. п., какія находятяся, напримѣръ, въ книгахъ «Чудеса природы», такъ же возбуждали живое любопытство къ познанію строенія и отправленія пищеварительной системы. И вотъ, вслѣдъ за такимъ восторженнымъ удивленіемъ чудесамъ пищеваренія, какъ въ наукѣ разрабатывалась анатомія и физиологія пищеварительной системы, такъ и въ образованнѣйшихъ обществахъ европейскихъ, мало по малу возбуждался живѣйшій

интересъ къ научному пониманію законовъ пищеваренія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, возбуждалась и потребность наиболѣе рациональнаго и гигиеничнаго питанія. Въ настоящее время, кто изъ сколько-нибудь образованныхъ людей не имѣетъ уже хоть такихъ элементарныхъ научныхъ понятій о пищевареніи и пищѣ, какія сообщаются, напримѣръ, въ «Физиологическихъ руководствахъ», въ «Ученіи о пищѣ и физиологін питательныхъ веществъ»—Молешотта, въ «Химіи кухни» Кленке, въ гигиеническихъ письмахъ о питаніи и пищѣ—Эстерлена и т. п.—Далѣе, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы, проявляющимся въ произведеніи средствъ питанія и въ обезпеченіи всѣхъ живыхъ существъ пищею, возбуждая мозгъ или умъ къ изслѣдованію и открытію въ экономіи природы новыхъ питательныхъ веществъ, съ новою возбуждательностью стимулировало человѣческіе умы къ улучшенію средствъ питанія, вызывало потребность въ научномъ, физико-химическомъ ученіи о пищѣ. Въ тѣхъ же книгахъ о чудесахъ природы, разнообразныя естественно-научныя разсужденія объ удивительномъ изобиліи и разнообразіи произведеній природы, возбуждая восторженное удивленіе чудесамъ «благихъ и мудрыхъ учрежденій природы къ питанію животныхъ и человѣка», въ то же время возбуждало жажду изслѣдованія, открытія и познанія этихъ сокровищъ естественной экономіи. Таковы, напримѣръ, въ книгѣ «Spectator miraculorum Naturae» всѣ эти исполненныя восторженнаго чувства удивленія, естественно-научныя описанія и разсужденія, подъ заглавіями: «о благихъ и мудрыхъ учрежденіяхъ природы къ питанію животныхъ», «о средствахъ природы, способствующихъ къ человѣческому благополучію, о неисчерпаемомъ богатствѣ природы», «о пользѣ рѣкъ, горъ и лѣсовъ», «о пользѣ растений и животныхъ, о неизмѣримомъ богатствѣ въ натурѣ» и т. п. (ч. II, стр. 6—8; ч. III, стр. 10—13; ч. I, 8—11; ч. II, стр. 72—73; ч. I, 125—127; ч. IV, стр. 14—17 и мн. др.). «Всѣ эти, говоритъ Spectator,—всѣ эти благія и мудрыя учрежденія природы, устроенныя для нашего сохраненія, тѣмъ болѣе достойны удивленія и разсматриванія, чѣмъ больше число людей, чѣмъ различнѣе ихъ нужды по состоянію, возрасту и роду жизни, и чѣмъ менѣе мы сами можемъ дать благонадежныхъ источниковъ обезпеченія нашего сохраненія» (ч. I, 8—11). И вотъ, такое-то восторженное чувство удивленія чудесамъ природы въ произведеніи пищи, послѣ вѣковаго страха, возбранявшаго рыться въ сокровищахъ физической экономіи, было первымъ возбуждательнымъ стимуломъ къ смѣлому изысканію во всѣхъ сферахъ экономіи природы и во всѣхъ частяхъ свѣта новыхъ, раз-

нообразнѣйшихъ питательныхъ произведеній природы и къ работѣ рациональнаго, физико-химическаго ученія о пищѣ и питьѣ. Со времени великихъ океаническихъ открытій XV и XVI вѣка, и особенно въ XVII и XVIII столѣтїяхъ, началось живѣйшее распространеніе колониальныхъ пищевыхъ произведеній. И всѣ эти новыя, дотождѣ невѣдомыя продукты природы на первыхъ порахъ возбуждали тоже опять всеобщее удивленіе, какъ новыя рѣдкости и чудеса природы. «Въ 1660 году,—говоритъ Сгау,—нѣкоторые купцы, возвращавшіеся изъ Леванта въ Марсель, привозили кофе, показывали его публикѣ, вмѣстѣ съ приборами для варки, и публика съ удивленіемъ смотрѣла на кофе, какъ на рѣдкость природы». Еще въ 1665 году Бартолинъ въ своемъ сочиненіи «De pharmacopoea dapica» писалъ: «кофе быстро вошелъ въ моду въ Европѣ, какъ новость: ему приписывали чудесную силу» (Сгау, «Земля, растенія и человѣкъ». Спб. 1859 г., стр. 285—286). Первоначальное распространеніе кофе въ Европѣ сильно волновало, ажитировало умы. Подобно манифесту о войнѣ, провозглашались торжественныя объявленія о публичныхъ пренїяхъ относительно происхожденія и влїянїя кофе (Сгау, 286). Наконецъ, къ исходу XVII вѣка, удивленіе окончательно замѣнилось познаніемъ прїятнаго вкуса, питательности и возбуждающаго дѣйствїя кофе, — и оный быстро вошелъ во всеобщее употребленіе въ Европѣ: повсюду заводились кофейные дома, которые посѣщались съ увлеченіемъ, и въ настоящее время въ Западной Европѣ потребление его простирается отъ 1 до 12 фунтовъ на человѣка (Сгау, 285). Чай, появившійся въ Европѣ не ранѣе XVII вѣка, началъ также удивлять европейцевъ, какъ чудесный или рѣдкій напитокъ. Еще въ 1664 году, остъ-индская компанія прислала 2 фунта чаю въ подарокъ англійскому королю, какъ рѣдкость. На фарфоровыхъ чайныхъ чашкахъ, предназначавшихся для императорскихъ подарковъ, великолѣпно изображались слова стихотворенія, въ которомъ воспѣвался чай, какъ чудесный напитокъ (Сгау, 332. 335). Въ то же время, европейцы съ удивленіемъ увидѣли въ новооткрытыхъ странахъ свѣта новыхъ и рѣдкихъ животныхъ, а также множество новыхъ и рѣдкихъ полезныхъ или съѣдобныхъ растеній. Возбужденные чувствомъ удивленія чудесамъ животнаго и растительнаго царства Америки, Азии и Африки,—европейскіе натуралисты и даже купцы стали съ страстнымъ увлеченіемъ составлять музеумы или коллекціи, какъ тогда выражались, «самыхъ рѣдкихъ и удивительнѣйшихъ звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ»; зоологи, скотоводы и другіе предприимчивыя люди страстно занялись акклиматизаціей, при-

зрученіємъ и одомашненіємъ новыхъ видовъ животныхъ, разведеніємъ новыхъ породъ, и восторженно удивлялись силѣ искусственнаго подбора, какъ чудесному магическому жезлу въ рукахъ опытнаго скотовода. Вслѣдствіе этого, въ XV—XVII вѣкахъ, приручени были, кромѣ азіатскихъ насѣкомыхъ — дельцевишнаго шелкопряда и шелкопряда ясеневаго, африканской канарейки и египетской пчелы, американскія четвероногія и птицы — лама альпака, индѣйская свинка, индѣйка, шипунъ, фазаны золотой, серебряный и съ ошейникомъ, канадскій гусь и др. (Изъ Жоффра. С.-Илера: О происхожд. домашн. животныхъ. Въ Извѣст. комит. акклиматиз. М. 1859 г. т. I, стр. 38—39). Вообще съ тѣхъ поръ, какъ восторженное чувство удивленія чудесамъ природы океаническихъ странъ возбудило въ передовой части человѣчества жажду изысканія, открытія и приобрѣтенія всѣхъ новыхъ благъ физической продукціи новооткрытыхъ странъ свѣта,—съ тѣхъ поръ экономія жизненныхъ средствъ цивилизованныхъ народовъ весьма значительно пополнилась произведеніями животнаго и растительнаго царства новооткрытыхъ странъ, и въ то же время возбуждилось энергическое стремленіе къ увеличенію прежней естественной продукціи пищевыхъ средствъ. «Замѣчательнъ тотъ фактъ,—говоритъ Георгъ Маршъ,— что торговля, по крайней мѣрѣ, морская, а также земледѣльческая и механическая промышленность, въ значительной степени обусловливаются въ настоящее время такою растительною и животною производительностью, которая была весьма мало извѣстна, или даже вовсе неизвѣстна древнимъ цивилизаціямъ, ни греческой, ни римской, ни іудейской. Многіе изъ продуктовъ этой производительности доставляются, главнымъ образомъ, изъ странъ, гдѣ они, по всей вѣроятности, туземны и гдѣ до сихъ поръ почти исключительно и произрастаютъ; но въ то же время, весьма многія животныя и растенія, отъ которыхъ получаютъ эти продукты, перенесены человѣкомъ въ новыя страны, отличающіяся въ настоящее время наибольшимъ процвѣтаніемъ, и это перенесеніе совершилось, сравнительно говоря, во времена недалекаго,—не далѣе, какъ въ теченіе двухъ или трехъ послѣднихъ столѣтій» (Маршъ, Человѣкъ и природа). Съ тѣхъ поръ, какъ агрономы и заводчики съ восторженнымъ чувствомъ удивленія познали чудеса искусственнаго подбора, «этого, по выраженію знаменитаго скотовода Юатта, магическаго жезла, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ вызвать къ жизни какую угодно форму и создавать образцы совершенства въ породахъ животныхъ»,—съ тѣхъ поръ мы обязаны улучшеніемъ рогатаго скота, овецъ и свиней

длинному ряду хорошо извѣстныхъ скотоводовъ: Бакуела, Коллинга, Эльмана, Бэтса, Лестера, Уэстерна и многихъ другихъ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Дарвинъ, было обращено вниманіе и на размноженіе породъ, назначаемыхъ для стола, на волокнистость мяса у скота и на равномерное проростаніе его жиромъ» (Дарвина, о домашн. животн., вып. VII, стр. 215). Со времени введенія плодоперемѣнной системы, скотъ, дающій намъ пищу, сталъ не только многочисленнѣе, но и лучше. Въ Англіи, напримѣръ, средній вѣсъ простого молодого быка, при Іаковѣ I, равнялся 600 фунтамъ, а съ 1795 года сталъ равняться уже 800 фунтамъ; вѣсъ барановъ въ то же время возвысился съ 44—46 на 80 и 85 фунтовъ. Мясо быка въ 1710 году вѣсило 370 фунтовъ, въ 1795 году на 25 процентовъ болѣе, чѣмъ въ 1732 году, а въ 1845 году оно вѣсило уже 800 фунтовъ. Вѣсъ мяса теленка въ 1710 году равнялся 50 фунтамъ, а въ 1845 году—140 фунтамъ; вѣсъ мяса овцы въ 1710 году равенъ былъ 28 фунтамъ, а въ 1845 году—уже 80 фунтамъ. Количество продукціи растительной пищи также быстро и непрерывно увеличивалось. Такъ, напримѣръ, еще въ XIII вѣкѣ, въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, знали и употребляли только 3 вида капусты, въ XVI вѣкѣ—уже 6 видовъ, въ половинѣ XVII вѣка—уже 12 видовъ, а въ XIX столѣтіи—уже больше 50; дынь въ XV вѣкѣ знали и употребляли только 3 вида, въ XVI столѣтіи уже 7 видовъ, а въ половинѣ XIX столѣтія уже болѣе 40 видовъ; грушъ въ концѣ XVI вѣка знали 62 сорта, а въ половинѣ XVII столѣтія уже около 400 сортовъ, и т. п. (W. Roscher, I, 418). Какъ вѣсъ мяса, такъ и вѣсъ плодовъ и вообще количество питательнаго вещества въ культурныхъ растеніяхъ прогрессивно увеличивались. Такъ, напримѣръ, плоды дикаго крыжовника вѣсятъ около 120 гранъ: въ 1786 году выставленъ былъ крыжовникъ, вѣсившій 240 гранъ, слѣдовательно, вдвое болѣе; въ 1817 году вѣсъ плодовъ крыжовника доведенъ былъ до 641 грана; въ 1830 году онъ вѣсилъ уже 781 гранъ; въ 1841 году равнялся 784 грана, въ 1844 году—852 грана, въ 1845 году—870 грана, а въ 1852 году плоды крыжовника доведены были до поразительнаго вѣса въ 895 гранъ. Крупнѣйшія изъ зеренъ пшеницы, найденныхъ въ озерныхъ постройкихъ Швейцаріи, имѣютъ только 6 миллиметровъ длины, рѣдко 7, а у новѣйшихъ породъ пшеницы зерна имѣютъ въ продольномъ сѣченіи уже отъ 7 до 8 миллиметровъ. По нѣкоторымъ опытамъ культуры, зерно пшеницы оказывается на 10 и даже на 40 процентовъ тяжелѣе, чѣмъ зерно пшеницы, про-

созданныя въ прежнія времена. Вообще, продукція питательныхъ произведеній въ такой степени увеличилась, что пища современнаго зажиточнаго человѣка несравненно изобильнѣе, лучше и разнообразнѣе, чѣмъ пища не только первобытныхъ людей, но и древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Тогда какъ въ первобытныя времена человѣкъ каждодневно питался только однимъ звѣринымъ мясомъ или дикими кореньями и корой древесной, а на болѣе высшей степени развитія человѣческой природы, напримѣръ, въ періодъ процвѣтанія греческой и римской культуры, столъ богатыхъ и образованныхъ людей разнообразился уже, по крайней мѣрѣ, 72 родами суповъ и 80 сортами винъ, — въ новѣйшее время, гость какого-нибудь парижскаго ресторатора перваго ранга, за умѣренную цѣну, можетъ выбрать разнообразнѣйшія кушанья изъ 227 и болѣе сортовъ, или вариаций кушаньевъ и изъ 50 родовъ десерта: въ частности, онъ можетъ выбирать любое кушанье изъ 12 potages, изъ 24 hors d'oeuvre, изъ 15—20 entrées de boeuf, изъ 20 entrées de mouton, изъ 30 entrées de volaille et gibier, изъ 15—20 entrées de veau, изъ 12 de pâtisserie, изъ 24 de poisson, изъ 15 de vôtés, изъ 50 entremets, изъ 50 десертовъ и т. д., и, сверхъ того, болѣе, чѣмъ изъ 60 однихъ французскихъ винъ. Чаю еще въ 1722 году, по словамъ Лоренца Ланге, въ русско-китайской торговлѣ былъ только 1 сортъ, въ 1750 году, по словамъ Миллера, уже 7 сортовъ, въ 1772 году, по словамъ Палласа, уже 10 сортовъ, а въ 1829 году, по словамъ Эрмана, уже до 70 сортовъ. Потребленіе разныхъ пищевыхъ продуктовъ въ новѣйшее время, въ общей сложности, все болѣе и болѣе увеличивается. Такъ, напримѣръ, потребленіе мяса въ послѣднія два столѣтія увеличилось въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы — въ Германіи, Франціи и Англіи съ 30—33 фунтовъ на человѣка до 153 фунтовъ на человѣка. По Кругу и Дитериху, въ Пруссіи среднимъ числомъ приходилось на человѣка: мяса въ 1806 году 33 фунта, въ 1831 году—34³/₄ фунта, въ 1842 году—35 фунтовъ, въ 1849 году уже 40 фунтовъ; сахару въ 1806 году приходилось на человѣка только 1¹/₂ фунта, въ 1831 году уже 4³/₈ фунта, въ 1842 году 5 фунтовъ, въ 1849 году уже 7 фунтовъ; кофе въ 1806 году приходилось на человѣка ²/₈ фунта, а въ 1849 году уже 4 фунта; вина въ 1806 году только ³/₄ кварта, а въ 1831 году 2¹/₂ кварта. (Roscher, I, 459). Наконецъ, самая интенсивность продукціи пищевыхъ произведеній все болѣе и болѣе возрастала. Тогда какъ въ древнѣйшія времена, на пространствѣ 10 квадр. миль какого-нибудь округа Татаріи, могло пропитываться только 400 или 500

пастуховъ, — нынѣ, на пространствахъ тѣхъ же 10 квадр. миль, пропитывается до 50,000 земледѣльцевъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи. Или, между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ древней Галліи на одной квадр. милѣ содержалось 140 жителей, въ римской имперіи, во времена Траяна — 400 жителей, — теперь въ образованной Европѣ на квадр. милѣ содержится отъ 3 до 5,000 жителей, а въ Англіи и Бельгіи даже болѣе 8,000, которые притомъ живутъ еще несравненно лучше прежнихъ 400 человекъ. Городъ въ 50,000 жителей потребляетъ теперь ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ штукъ разнаго рогатаго скота и до 300,000 четвериковъ хлѣба. Тогда какъ въ древнія времена, люди не знали никакихъ способовъ рациональнаго улучшенія и экономнаго концентрированія пищевыхъ веществъ, — съ XVIII столѣтія химія все болѣе и болѣе производитъ существенныя измѣненія и улучшенія въ экономіи человѣческаго питанія. Напримѣръ, при старинномъ, уже значительно улучшенномъ способѣ приготовленія хлѣба, получалось на 1 пудъ муки лишь 15 фунтовъ припека, — при нынѣшнемъ же химическомъ способѣ хлѣбопеченія, указанномъ, напримѣръ, Либихомъ, припека на 1 пудъ муки получается уже на 25 процентовъ больше противъ прежняго (Арх. Суд. Мед. 1870 г. Декабрь: О питаніи растит. пищею вообще и хлѣбомъ въ частности, статья д-ра Шмулевича). Сущестующія въ Англіи пекарни, съ искусственнымъ воздушнымъ давленіемъ на тѣсто, на столько устраняютъ всякую потерю въ тѣстѣ отъ броженія, что, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, этимъ путемъ Англіи можно было бы сберечь столько хлѣба, сколько теперь привозится туда изъ-за границы. Давно уже извѣстны и разные методы приготовленія пищевыхъ консервовъ, въ родѣ методовъ Апперта, Массона, Шоле и др.

Такое обильное приращеніе питательныхъ средствъ, въ свою очередь, оказало существенное вліяніе на развитіе пищеварительной или уподобительной способности человѣческой природы. Подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія новооткрытымъ чудесамъ физической экономіи, богатые и зажиточные классы европейскихъ обществъ сначала увлекались тщеславной модой поразительно-роскошныхъ и рѣдкостныхъ обѣдовъ. Вельможи и богачи, конкурируя другъ съ другомъ, старались удивлять гостей и публику самыми раритетными яствами и питьями. Довольно вспомнить, напримѣръ, какъ въ нашемъ отечествѣ, въ «вѣкъ чудесъ», вельможи тщеславно щеголяли и удивляли публику на своихъ роскошныхъ высокородственныхныхъ обѣдахъ «рѣдкими, диковинными винами, раритетными, диковинными

яствами, диковинными рыбами отѣнной величины» и т. п. Довольно прочитавъ державинское описаніе торжества, бывшаго, по случаю взятія города Измаила, въ домѣ князя Потемкина-Таврическаго, въ 1791 году 28-го апрѣля. «Тутъ,—говорить Державинъ,— все поражало, все удивляло взоръ, все изумляло умъ. Описать трудно, сколько тутъ было чрезъестественнаго... Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленый и желтый виноградъ, вѣясь по тычинкамъ огнистыми вѣтвями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилей и тюльпановъ, ананасы и другіе плоды пламенностью своею неизреченную чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? что видишь? не обманываешься ли? самъ себя не вѣришь... Но вотъ начался ужинъ. На самой высотѣ, гдѣ возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями, сіяли стеклянные разноцвѣтные сосуды, что представляло новое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы:

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясая челами, держали рѣдкихъ рыбъ, и проч.

(Сочин. Державина. Спб. 1831 г. ч. IV, стр. 25—26).

Наконецъ, мода удивлять рѣдкими яствами и питьями, возбужденная восторженнымъ чувствомъ удивленія новымъ разительнымъ или диковиннымъ пищевымъ произведеніемъ природы, мало по малу воспитала въ богатыхъ и зажиточныхъ людяхъ гастрономическій вкусъ. Гастрономія и поваренное искусство стали все болѣе и болѣе распространяться въ зажиточныхъ или богатыхъ классахъ цивилизованныхъ народовъ. И въ этомъ отношеніи современный цивилизованный чловѣкъ неизмѣримо возвысился надъ первобытнымъ дикаремъ. «Первые люди,—говоритъ Эстерленъ,— питались тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно питаются животныя, т.-е. сырыми плодами, корнями, корой, наконецъ—молокомъ и мясомъ животныхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ эти предметы имъ попадались, т.-е. прямо предоставлены природою. Подобную же пищу употребляютъ и теперь всѣ дикіе народы. Между тѣмъ, естественное побужденіе постепенно приводило чловѣка къ искусственному приготовленію своей пищи, а у цивилизованныхъ народовъ нынѣ существуетъ даже цѣлое духонное искусство... Какъ все хорошее на землѣ, и поваренное искусство медленно шло по пути совершенствованія.

Въ древности оно почти повсемѣстно еще не было развито и болѣе или менѣе въ пренебреженіи. Не только германскіе, но римскіе герои мало знали еще вареное или жареное мясо; только въ послѣдствіи, когда высшее образованіе грековъ проникло въ Римъ, могли здѣсь появиться Лукуллы и Атиціи, мѣсто которыхъ въ нашемъ современномъ обществѣ—особенно въ высшемъ—заступаютъ гастрономы. Ихъ-то покровительству поваренное искусство обязано тѣмъ, что оно дѣйствительно возвысилось до гастрономическихъ этюдовъ и тонкостей и даже до философскихъ *Almanachs de Gourmands*. Какаѣ бездна лежитъ на примѣръ, между первыми опытами повареннаго искусства и теперешнимъ его состояніемъ, на примѣръ между сушеніемъ мяса на солнцѣ и нашими рагу, паштетами и соусами. Даже бѣднѣе можетъ теперь пользоваться болѣе вкусными кушаньями и напитками, чѣмъ богатѣйшіе патриціи древнихъ Аевіи или Рима... Каждая пища должна доставлять намъ удовольствіе, потому что только та пища насъ хорошо питаетъ, которая намъ по вкусу. Этимъ удовольствіемъ мы обязаны поваренному искусству, благодаря которому наши кушанья получаютъ не только лучшій вкусъ, но дѣлаются питательнѣе и удобоваримѣе. Только благодаря поваренному искусству, мы избавляемся отъ вреда, который могъ бы произойти отъ нѣкоторыхъ отвратительныхъ, даже вредныхъ веществъ, входящихъ въ составъ нашей пищи, равно какъ и отъ чужеродныхъ животныхъ, или паразитовъ, глистовъ и ихъ яичекъ, которыя часто попадаютъ въ сырое мясо и во внутренности животныхъ. Если, наконецъ, примемъ во вниманіе, что благосостояніе цѣлаго народонаселенія, даже число людей, которыхъ страна можетъ прокармливать, зависитъ отъ повареннаго искусства почти настолько же, насколько и отъ земледѣлія, то намъ сдѣлается понятнѣе та высокая роль, которую оно играетъ не только у гастрономовъ, но и во всей нашей жизни... Естественныя науки и химія проникаютъ теперь не только въ земледѣліе, но и въ поваренное искусство» (Эстерлена, Челов. и сохран. здоровья, стр. 135—139).

Всѣ эти указанныя нами внѣшнія улучшенія и нововведенія въ сферѣ человѣческаго питанія, соотнositельно съ высшимъ развитіемъ нервной системы человѣка, породили и порождаютъ нѣкоторыя новыя прогрессивныя измѣненія въ сферѣ человѣческаго питанія и, соотнositельныя съ ними, патологически-реверсивныя явленія дегенераціи. Вопервыхъ, всѣ эти рациональныя, научно-гастрономическія и научно-гигіеническія улучшенія въ сферѣ питанія неизбѣжно должны были все болѣе и бо-

лѣе вліять на самую пищеварительную способность людей, давно замѣнившихъ прежнее грубое питаніе наиболее рациональнымъ и гигиеничнымъ гастрономическимъ питаніемъ. Съ высшимъ развитіемъ мозга и соотносительнымъ съ тѣмъ развитіемъ рациональности и гигиеничности питанія, — запросъ на грубую, трудноваримую пищу все болѣе и болѣе уменьшается, и такимъ образомъ желудокъ цивилизованныхъ, высоко-развитыхъ людей мало по малу уже совершенно утратилъ первобытную способность переваривать такую пищу. «Благодаря поваренному искусству, — говоритъ Эстерленъ, — желудки наши приучились переваривать только такую пищу, которая и вкусна, и питательна, и удобоварима. Дикіе индѣйцы и охотники первобытныхъ лѣсовъ и луговъ находятъ, можетъ быть, вкуснымъ сырое мясо, сырыя печенки и т. п., и считаютъ счастьемъ возможность питаться такою пищей. Мы же такъ мало приучены къ подобной пищѣ, что она для насъ уже противна и неудобоварима. Изъ животной пищи мы можемъ ѣсть сырыми только раки, устрицы, яйца и проч., — да и то съ прибавкою поваренной соли, лимоннаго соку, уксусу и т. п. Словомъ, мы должны уже или непременно варить нашу пищу, или же *страдать и даже умирать*» (Эстерлена, Челов. и сохран. его здоровья, стр. 137 — 138). До какой степени желудокъ современнаго высоко-цивилизованнаго человѣка уже все болѣе и болѣе утрачиваетъ первобытный запросъ и способность къ употребленію грубой, неудобоваримой пищи, — свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и слѣдующій частный фактъ. Въ древнія времена, люди особенно любили и въ большомъ количествѣ потребляли жирную свинину, которая, даже жареная и свѣже-соленая, съ трудомъ переваривается въ 4 часа 45 минутъ, тогда какъ простое жареное мясо переваривается въ 3 часа. У островитянъ южнаго океана, свинья, какъ животное, дающее самую жирную, обременительно-чувствуемую въ желудкѣ и, потому, для дикарей особенно пріятную пищу, была особенно любимымъ животнымъ. Въ классическомъ мірѣ, во времена Полибія, въ малокультуривированной верхней Италіи и, во времена Августа, въ Галліи, свиное мясо предпочиталось всякой другой животной пищѣ. Даже еще въ средніе вѣка свинина составляла любимѣйшую пищу. Архіепископъ города Кёльна ежегодно потреблялъ на своихъ обѣдахъ 24 большихъ и 8 среднихъ свиней, а въ большіе праздники вчетверо больше. Около 1345 года при дворѣ Дофина на 30 персонъ ежегодно отпускалось 30 соленыхъ и 52 свѣжихъ свиныхъ тушъ. Между тѣмъ въ новѣйшее время, когда химико-физиологическія изслѣдованія открыли трудно-

варимость свинины, и гастрономическія привычки отучили желудокъ развитыхъ людей отъ перевариванія трудной пищи, мы видимъ, въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ, весьма значительное ограниченіе потребленія свиного мяса. Въ Парижѣ, напримѣръ, при, 800,000 жителей, ежегодно потреблялось только 32,000 свиней (Roquefort, Hist. de la vie privée des Franc. I, p. 310). Лондонъ съѣдаетъ нынѣ ежегодно только до 160,000 свиней, тогда какъ быковъ до 500,000, овецъ отъ 2 до 3 милліоновъ. Даже, и у насъ въ Россіи уже со второй половины XVIII вѣка и особенно съ начала XIX столѣтія замѣтно стало, что желудки высшаго, наиболѣе образованнаго класса, особенно людей нормально воспитанныхъ, все болѣе и болѣе отказывались отъ до-петровской грубой и неудобоваримой пищи. Въ до-петровскія времена, пищеварительная способность русскихъ, не исключая и бояръ и богатыхъ людей, повидимому, наиболѣе приспособлена была къ употребленію пищи грубой, неудобоваримой и нечистой. «Русскіе, — писалъ Коллинсъ въ XVII вѣкѣ, — русскіе свинину ѣдятъ охотнѣе всякаго другаго мяса, вонючую рыбу предпочитаютъ свѣжей, рожь — пшеницѣ. Самъ царь ѣстъ хлѣбъ ржаной, потому что рожь, по мнѣнію русскихъ, питательнѣе пшеницы. Они не умѣютъ ѣсть ни гороху, ни вареной моркови, а ѣдятъ ихъ съ шелухою вмѣстѣ и сырыя» (Коллинса, 21, 17). По словамъ Олеарія и Мейерберга, русскіе еще въ XVII вѣкѣ не знали никакого повареннаго искусства (Olearius I, p. 228: ils ne connaissent point nos ragouts. Meyerberg. 1 с. p. 19: nulla artis coquinariæ, quæ hic exulat, scitamenta etc.), — и желудокъ ихъ способенъ былъ переваривать самую грубую, неудобоваримую пищу, въ родѣ какого-нибудь мѣсива ржаной муки съ водой, или, по словамъ одного иностранца, способенъ былъ заравъ потреблять по 8 и болѣе свѣжихъ огурцовъ, сверхъ луку, чесноку и т. п. Но вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ высшій классъ русскаго общества, со времени Петра Великаго, съ удивленіемъ позналъ диковинныя, раритетныя заморскія яства и питья и потомъ самъ сталъ удивлять русскую публику чудесами и рѣдкостями заграничной гастрономической кухни, — съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе часть этого высшаго общества съ сластолюбивымъ увлеченіемъ познала гастрономическій вкусъ, поваренное искусство, — и желудки наиболѣе правильно воспитывавшихся русскихъ людей стали все болѣе и болѣе отвыкать отъ прежней грубой, неудобоваримой пищи, все болѣе и болѣе приспособлялись къ пищѣ наиболѣе питательной, наиболѣе удобоваримой и рационально приготовленной. Почувствовалась потреб-

ность химическихъ опытовъ и изслѣдованій надъ различными родами пищи. И вотъ, въ 1792 году, аптекарь-химикъ, членъ вольнаго экономич. общества, Юг. Я. Биндгеймъ первый въ Россіи произвелъ химическіе анализы: надъ чернымъ, ситнымъ и французскимъ хлѣбомъ, надъ сѣрою, цвѣтною и красною капустою, надъ свеклою, морковью, солеными огурцами и проч. Подробно описывая свои химическія изслѣдованія пищи русскаго народа,—Биндгеймъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что тогда какъ въ образованномъ классѣ общества поваренное искусство значительно облегчаетъ дѣятельность пищеварительной способности,—въ простомъ народѣ желудокъ по прежнему подвергался дѣйствию грубой и часто даже вредной пищи. (Опыты надъ нѣкоторыми приготовлен. и сырыми прозябающими питательными средствами, Юг. Я. Биндгейма. Спб. 1792). До Петра Великаго, всѣ русскіе и самъ царь рожь считали питательнѣе пшеницы и предпочителнѣе потребляли, а въ первой четверти XIX столѣтія всѣ образованные русскіе люди уже убѣждены были, что пшеничный хлѣбъ и питательнѣе и удобоваримѣе ржанаго, и знали, почему. (Лѣтоп. открыт. и изобрѣт. Спб. 1829 г. ч. 1, стр. 8—9).

Далѣе, какъ рационально-гастрономическое и гигиеническое питаніе, соотносительно съ высшимъ развитіемъ нервной системы и интеллигенціи человѣка, ведетъ человѣческую природу къ физическому укрѣпленію и совершенствованію, такъ, съ другой стороны, неправильное и грубое питаніе низшихъ классовъ, соотносительно съ низшей степенью ихъ умственнаго развитія при нынѣшнемъ историко-традиціонномъ социальномъ экономическомъ строѣ,—неизбѣжно ослабляетъ бѣдные классы, такъ-сказать, атавистическимъ или реверсивнымъ упадкомъ и огрубнѣніемъ ихъ физической природы и даже физическимъ вырожденіемъ. Эту мысль прекрасно подтверждаетъ Эстерленъ. «Между тѣмъ какъ въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, — говоритъ онъ, — поваренное искусство, благодаря помощи естественныхъ наукъ и химіи, достигло высшей степени развитія, нежели когда-либо, — бѣдняки и поселяне еще и теперь повсемѣстно страдаютъ отъ низкой степени развитія у нихъ повареннаго искусства. Вообще бѣдные классы ни отъ чего такъ не страдаютъ, какъ отъ недостатка и худокачественности питанія. Ближайшими слѣдствіями этого у нихъ обыкновенно бываетъ слабость и малокровіе, послѣ чего обыкновенно наступаютъ разстройство пищеваренія, поносъ, золотуха, чахотка, скорбутъ, водянка, нервная горячка, кровавый поносъ и т. д. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ одно недостаточное и худое питаніе не можетъ служить единствен-

ною причиною всѣхъ этихъ болѣзней, но, безъ сомнѣнія, оно главнѣйшимъ образомъ обуславливаетъ ихъ появленіе. Это объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе недостатка и дурноты питанія является изнуреніе и слабость, благодаря которымъ человекъ дѣлается вдвое чувствительнѣе къ всевозможнымъ вреднымъ вліяніямъ, какъ наримѣръ, отступленіямъ отъ правилъ діететики, изнуренію отъ чрезмѣрной работы, горю и печали, холоду и жару, испареніямъ городовъ и жилищъ и т. п. Во всякомъ случаѣ эти болѣзни всегда и вездѣ чаще и опаснѣе у тѣхъ классовъ народа, которые съ дѣтства принуждены употреблять недостаточную и грубую пищу. И въ самомъ дѣлѣ, какую бы роль ни играли при этомъ погода, нездоровый образъ жизни, жилища и проч. на хорошо питающееся населеніе, эти дѣтели далеко не могли бы имѣть такого пагубнаго вліянія. Именно, слабые люди, употребляющіе худую пищу, вдвое чувствительнѣе ко всѣмъ вреднымъ вліяніямъ, какъ напримѣръ работники, принужденные иногда отправляться на работу на тощакъ, или съ кускомъ хлѣба и рюмкою воды,—на работу, отнимающую у нихъ цѣлые дни, но не дающую имъ средствъ достаточно пропитаться... Отъ недостаточнаго и худаго питанія зависить также то постепенное измельченіе и исчезаніе иныхъ расъ, уменьшеніе ихъ роста и силы, уменьшеніе числа рожденій и вмѣстѣ съ тѣмъ здороваго и сильнаго потомства, которое фактически доказано не только во Франціи, но и въ Германіи, и особенно въ ея юго-западной части. Это опять-таки замѣчается между бѣднѣйшими и рабочими классами, пища которыхъ наименѣе сообразна съ ихъ потребностями. Такъ медики уже давно замѣтили, что въ этихъ классахъ, составляющихъ большинство народонаселенія, постоянно увеличивается извѣстная слабость и недостатокъ крови. Отъ 50 до 80 процентовъ изъ числа дѣтей этого класса страдаютъ особеннымъ, имъ свойственнымъ худосочиємъ или изнуреніємъ, за которыми слѣдуютъ золотуха, чахотка, тупоуміе, также нервныя горячки, кровавыя поносы и душевныя болѣзни. Эти факты особенно рѣзко бросаются въ глаза при сравненіи низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ съ другими сословіями, пользующимися болѣе благоприятными условіями, въ особенности съ такъ-называемой родовой аристократіей—дворянствомъ. Почти повсемѣстно это сословіе отличается отъ прочихъ, болѣшимъ ростомъ, подобно тому, какъ британцы, янки, даже сѣверныя нѣмцы превосходятъ ростомъ французовъ, ирландцевъ и южныхъ нѣмцевъ. Можетъ быть, даже есть возможность доказать, что чѣмъ здоровѣе и выше ростомъ привилегированныя сословія, тѣмъ слабѣе и мельче

остальные жители. Кто знакомъ съ животнымъ царствомъ, тотъ можетъ найти въ немъ много аналогичныхъ этому явленій. Такимъ образомъ хищныя и плотоядныя животныя обыкновенно сильнѣе, чѣмъ вся служащая имъ пищей *miseria plebs*, какъ-то: травоядныя животныя и птицы куриной породы. Даже рыбы, и тѣ гибнуть въ нашихъ прудахъ отъ дурной воды и недостаточной пищи» (Эстерленъ, Челов. и сохр. здор. 131 — 132. 166).

Такъ нераціональное, анти-гигіеничное питаніе, какъ анахронизмъ въ фазисъ высшаго развитія нервной системы и интеллигенціи человѣка, какъ неизбѣжный результатъ умственной импотенціи и отсталости темныхъ массъ, какъ роковая казнь за нарушеніе психо-физическаго закона соотносительнаго развитія нервно-мозговой интеллигенціальной силы и рациональности питанія, повидимому, безпощадно ведетъ бѣдныя массы народа къ изнуренію, измелчанію и даже вырожденію, съ другой же стороны, рациональное и гигиеничное питаніе, согласующееся съ высшими требованіями разума, съ высшимъ фазисомъ развитія нервной системы человѣка, съ требованіями современнаго разума и съ началами естествознанія и химіи, — повидимому, все болѣе и болѣе стремится къ прогрессивному измѣненію самой пищеварительной способности человѣка, наиболѣе приспособляя ее къ дальнѣйшему направленію и совершенствованію человѣческой природы. Первобытная, чисто-животная склонность человѣка къ обжорству, какъ несообразная съ высшимъ развитіемъ нервно-мозговой способности сдерживанія рефлексовъ головного мозга, какъ противная человѣческой способности умственнаго и нравственнаго самоуправленія, повидимому стремится выродиться, исчезнуть. И поколѣнія обжоръ и лукулловъ, какъ атавистическія или реверсивныя, неразвивающія въ себѣ нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ жадности и ненасытмости, все болѣе и болѣе становятся анахронистичными, несовмѣстными съ фазисомъ высшаго развитія нервной системы человѣка, требующаго рационально-гигіеничнаго регулированія и развитія способности и потребностей питанія, — и потому, вотъ, опять самой природой доводятся до физическаго вырожденія. «Излишній питательный матеріалъ, — говоритъ Кленке, — при отсутствіи мускульной работы, отягощаетъ и уничтожаетъ организмъ, какъ и голодъ. Жизненные источники, въ которыхъ такъ сильно нуждаются бѣдныя труженики, непроявительно поглощаются лѣнивцами, живущими въ роскоши, и превращаются ими въ обременительный для нихъ *слои уля азота*. Такое состояніе въ мірѣ физическомъ, препятствуя правильному обмѣну веществъ, ведетъ къ преждевременной смер-

ти... За обѣдами обжоръ, которые совершаются главнымъ образомъ на счетъ массы и во вредъ желудку, цѣлнй строй разнообразныхъ блюдъ изъ твердыхъ и мягкихъ, жирныхъ и топкихъ, сладкихъ и соленыхъ, горячихъ и холодныхъ веществъ валяются въ одно время въ несчастный желудокъ, и желудокъ обременяется до высшей степени. Эти обжоры не заботятся вовсе о томъ, чтобы принимаемая ими пища соотвѣтствовала химии, то-есть, чтобы одно блюдо не уничтожало растворимости другаго, чтобы изъ этой всякой всячины не образовались въ желудкѣ такія соединенія, которыя положительно опасны для организма. Отъ того-то эти истребители различныхъ яствъ весьма рѣдко и достигаютъ глубокой старости, и если встрѣчаются между ними счастливыя исключенія, которыя обладали прежде громаднымъ запасомъ силъ, то они страдаютъ въ старости явными и скрытыми болѣзнями» (Кленке, Практ. примѣч. естеств. наукъ къ личном. существован., стр. 9 и 129). Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ первобытная, чисто-животная наклонность къ обжорству вырождается, по мѣрѣ того, въ силу высшаго развитія нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга или способности умственного и нравственного самообладанія, въ человѣческой природѣ все болѣе и болѣе развивается физиологическая способность къ умѣренности въ пищѣ и умственная способность къ рационально-гигиеническому регулированію желудочныхъ потребностей. Мы видѣли, какъ свойственна была неумѣренность въ пищѣ первобытнымъ людямъ, до какихъ размѣровъ доходило обжорство дикихъ народовъ и какъ, наконецъ, даже самыя цивилизованныя древнія націи, греки и римляне, санкционировали чувственные увлеченія сластолюбія въ разнообразныхъ религіозно-обрядовыхъ оргіяхъ и вакханаліяхъ въ честь бакусовъ, въ эти *χοροὶ μεθύοντων*, въ эти *κρησουργία*, сопровождавшихся откармливаніемъ боговъ посредствомъ личного служенія мамонѣ. Но вотъ, на высшей степени развитія нервной системы человѣка, его умственныхъ способностей и самообладанія, мы впервые видимъ, по крайней мѣрѣ, уже не аскетическія сисситія, или скиты, проповѣдывавшія умерщвление плоти лишеніемъ пищи, а зачатки рациональныхъ, естественно-научно-гигиеническихъ обществъ умѣренности въ пищѣ и питъѣ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на современные общества умѣренности и трезвости,—но и они представляютъ намъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, одинъ изъ первыхъ симптомовъ усиленія въ человѣческой природѣ нервно-мозговой силы самообладанія, самоконтролированія въ функціи питанія, одинъ изъ первыхъ симптомовъ высшаго развитія въ цивилизованныхъ людяхъ способ-

ности регулярности и умѣренности въ питаніи, чего требуетъ современная фізіологія и гігіена. Вслѣдствіе усиливающагося преобладанія въ человѣческой природѣ нервной системы,—и общества умѣренности или трезвости первоначально вызваны были особеннымъ нервнымъ возбужденіемъ, подѣ влияніемъ позднѣйшаго спиритуализма, и потому вначалѣ появлялись подѣ именемъ «Spirits», и съ 1832 года подѣ особымъ названіемъ Teatotallers или temperance-societés. Какого бы кто мнѣнія, говоримъ, ни былъ насчетъ этихъ обществъ, но они, все-таки, энергически выразили и фактически доказали свое благотворное влияніе на развитіе даже въ низшихъ классахъ народа трезвости, воздержанія отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Въ Англіи насчитывается по крайней мѣрѣ 50 процентовъ всѣхъ членовъ, вступившихъ въ ассоціаціи умѣренности, которые остались вѣрными своему обѣту, выдержали себя въ самоконтролированіи или самовоздержаніи отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Съ 1838 до 1842 года ассоціаціи умѣренности уменьшили употребленіе горячительныхъ напитковъ съ 12.296,000 галлоновъ на 5.290,000: акцизный сборъ съ виноторговцевъ убылъ на 750,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1834 году было больше 7,000 обществъ умѣренности съ 1½ милліономъ членовъ. Тамъ стремленія этихъ обществъ, по словамъ Вильгельма Рошера, руководились не одѣлыми религіозными дѣлами, но и основаніями научными, медицинскими, химическими и механическими (Roscher II, 471). Вообще, высшее развитіе нервной системы, повидимому, необходимо должно сопровождаться соотносительнымъ высшимъ развитіемъ раціональной умѣренности и регулярности въ питаніи. Замѣчено, что величайшіе мыслители отличались особенною умѣренностью въ пищѣ. Тогда какъ якутъ, тунгустъ или вообще дикарь, незнающій усиленнаго напряженія мозга, заразъ пожираетъ до 40 фунтовъ мяса или въ 24 часа съѣдаетъ ½ пуда жира и столько же еще выпиваетъ топленаго сала,—глубокомысленный философъ Спиноза одинъ день ѣлъ только soupe au lait и немножко масла, и выпивалъ кружку пива, другой день ограничивался одною кашцею съ изюмомъ и масломъ. «Хотя его часто приглашали на обѣды,—говорить пасторъ Колерусъ,—но онъ всегда предпочиталъ свою умѣренную пищу роскошнымъ обѣдамъ на чужой счетъ» (Льюиса, Ист. фил. 476). Ньютонъ, во время своихъ глубочайшихъ размышленій и математическихъ исчисленій, воздерживался отъ мяса, и вообще часто забывалъ объ обѣдѣ (Арх. суд. медиц. 1870 г., декабрь: въ статьѣ «О питаніи хлѣбомъ»). Знамени-

тый физикъ Румфордъ часто ограничивался однимъ пуддингомъ или рисомъ, и при этомъ до того погруженъ былъ въ свои размышленія и изысканія, что, довольно часто обжигался пуддингами и рисомъ, и этимъ побужденъ былъ къ своимъ въ высшей степени поучительнымъ опытамъ о столь различной способности разныхъ тѣлъ воспринимать и проводить теплоту. Вообще, такая психо-физическая способность, какъ способность къ умѣренности въ пищѣ, по словамъ Дарвина, возможна стала только на высшей степени развитія нервной системы человѣка. Наконецъ, въ связи съ этимъ, въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣчается и тотъ фактъ, что съ высшимъ развитіемъ нервно-мозговыхъ, умственныхъ потребностей, съ уменьшеніемъ траты мышечной силы въ трудѣ и съ возрастаніемъ потребностей интеллектуальныхъ и санитарно-гигиеническихъ,—запросъ на средства питанія, повидимому, уменьшается, вслѣдствіе уменьшенія траты мышечной энергіи и усиленія запросовъ умственного развитія. Чѣмъ болѣе люди расходуютъ средствъ на уменьшеніе траты своей мышечной силы и дѣятельности, на воспитаніе и образованіе, на обезпеченіе здоровья и безопасности,—тѣмъ менѣе они расходуютъ на пищу. Такъ, на примѣръ, по статистическимъ изслѣдованіямъ Discretiaux и Энгеля, въ Бельгійи и Саксоніи, на примѣръ, посредственная по состоянію рабочая семья, на уменьшеніе траты своей мышечной силы наймомъ прислуги расходующая только 1 процентъ своего дохода, на воспитаніе и образованіе только 2 процента, на сохраненіе здоровья и благополучія только 1 процентъ,—такая семья на питаніе расходуетъ отъ 61 до 62 процентовъ,—а семья благосостоятельная, расходующая на уменьшеніе траты своей мышечной силы посредствомъ наемнаго труда и прислуги отъ 2,5 процентовъ до 3,5 процентовъ, на воспитаніе и образованіе отъ 4 до 5,5 процентовъ, на обезпеченіе здоровья и безопасности отъ 2 до 3 процентовъ,—эта семья на пищу расходуетъ только отъ 55 до 60 процентовъ (W. Roscher I, 430).

Наконецъ, соотвѣтственно всѣмъ такимъ измѣненіямъ въ человѣческой функціи питанія, и соотнositельно съ высшимъ развитіемъ мозга, естественно ожидать и нѣкоторыхъ соотвѣтственныхъ измѣненій въ самомъ строеніи желудка или пищеварительной системы. Если со времени изобрѣтенія огня и первыхъ зачатковъ повареннаго искусства, желудокъ человѣка, по словамъ Флуранса, измѣнился изъ фругиворнаго въ omnivorный или изъ желудка, приспособленнаго къ перевариванію только плодовъ, въ желудокъ, приспособленный къ перевариванію всякой пищи—растительной и животной, если, далѣе, въ человѣческой при-

родѣ, въ силу высшаго развитія мозга, все болѣе и болѣе развиваются такія новыя качества питанія, какъ умѣренность, регулярность и гигиеническая рациональность въ выборѣ и употребленіи пищи, если, наконецъ, химія все болѣе и болѣе стремится измѣнить, улучшить и варьировать пищевыя средства въ ихъ составѣ, концентраціи, химическихъ соединеніяхъ и, вообще, въ количественномъ и качественномъ отношеніи,—то, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ прогрессивныя измѣненія въ чловчской пищѣ, въ процессѣ и функціи питанія, необходимо должны сопровождаться и соответственными измѣненіями въ самомъ строеніи пищеварительной системы чловка. Уже въ настоящее время, самая организація пищеварительной способности у людей высоко-цивилизированныхъ представляетъ высшій, усовершенствованный типъ. Тогда какъ первобытное обжорство большимъ количествомъ пищи растягивало желудокъ и увеличивало его объемъ, непропорціонально съ другими органами,—у современнаго нормально-развитаго цивилизованнаго чловка рационально-гигиеническая умѣренность и регулярность питанія обуславливаетъ развитіе или констатированіе нормальной сокращенности или нормальной увеличенности желудка и совершенной пропорціональности его съ другими органами. Современная сравнительная анатомія доказываетъ это фактически. И вообще, одинъ уже рационально-химическій выборъ пищи неизбежно ведетъ къ усовершенствованію пищеварительной системы, а съ нею вмѣстѣ и всей организаціи чловка. Кленке говоритъ: «Дознано, что съ увеличеніемъ культуры утончился и выборъ пищи, что по кровожадности, съ которой пожирается сырая пища, можно судить о степени цивилизаціи народа—последнее уже ввело въ употребленіе девизъ: «скажи мнѣ, что ты ѣшь, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ». Кто будетъ отрицать, что европеецъ, употребляющій исключительно облагороженныхъ животныхъ и растенія, не представляетъ собой во всей своей совокупности болѣе *тѣсную организацію*, нежели пожирающій всякую гадость перу-индіанецъ или бушменъ, сѣвдающій въ большомъ числѣ кузнечиковъ, и людоедъ-караибъ! *Болѣе тѣсная организація* старательно избѣгаетъ пополнять расходы организма сырымъ матеріаломъ. Въ чемъ же однако высказывается эта *облагороженность организаціи*? Химическія сочетанія и формы всегда остаются одинаковыми, всегда взаимодействующими другъ на друга, а таинственная сила, проявляющаяся при сочетаніяхъ, пропадаетъ вмѣстѣ съ ихъ разложеніемъ; слѣдовательно, нужно принять, что болѣе нѣжное строеніе желудка и, вообще, тѣла зависитъ вообще отъ особенностей химическихъ

сочетаній, отъ тонкихъ количественныхъ отношеній и разложенія элементарныхъ веществъ» (Кленке, Прилож. естествозн. къ личн. существов. человѣка, стр. 86). Судя по такимъ зачаткамъ высшаго, прогрессивнаго измѣненія въ пищеварительной способности и организаціи человѣка, мы не сомнѣваемся, что такой процессъ будетъ продолжаться и впредь, соотносительно съ высшимъ развитіемъ нервной системы человѣка. Какъ нѣкогда фругиворный желудокъ человѣка, постепенно приспособляясь къ пищѣ животной или смѣшанной, такимъ образомъ постепенно превратился въ omnivорный, всадный,—такъ и въ будущемъ пищеварительная способность человѣка, постепенно приспособляясь къ новымъ измѣненнымъ условіямъ питанія, къ новымъ, химическимъ качественнымъ и количественнымъ сочетаніямъ, концентрированіямъ и распредѣленіямъ пищевыхъ веществъ, какія вновь выработаютъ химія и гастрономія, все болѣе и болѣе подчиняясь нервно-мозговымъ требованіямъ умѣренности, правильности, рациональности и гигиеничности питанія, также должна подвергнуться нѣкоторымъ прогрессивнымъ измѣненіямъ, приспособительнымъ къ новымъ условіямъ соціально-экономическаго развитія человѣческой природы. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неестественнаго и невозможнаго. Послѣ того, какъ,—говоритъ докторъ Шмулевичъ,—ученіе Дарвина объ измѣнчивости функцій и строенія въ организмахъ все болѣе и болѣе подтверждается всѣми отраслями естественныхъ наукъ,—нераціонально и говорить о невозможности измѣненій функцій и строенія человѣческаго организма: всякое животное есть то, чѣмъ содѣлываютъ его окружающія условія, и, слѣдовательно, съ измѣненіемъ послѣднихъ можетъ измѣниться и форма отдѣльныхъ составныхъ частей животнаго. Укажемъ на одинъ замѣчательный опытъ, сдѣланный въ Голландіи Гольмгреномъ въ 1868 году. Основываясь на теоріи Дарвина, Гольмгрень вывелъ апіористическое заключеніе, что организація травояднаго животнаго, осужденнаго исключительно на животную пищу, непремѣнно должна измѣниться; главнымъ же образомъ и прежде всего должно измѣниться строеніе его кишечнаго канала. Для повѣрки этого заключенія, онъ сдѣлалъ опытъ надъ голубами. Исслѣдовавъ предварительно анатомическое строеніе и отправленіе голубей, онъ сталъ кормить ихъ мясомъ въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ. При вскрытіи оказались слѣдующія замѣчательныя измѣненія: желудокъ (отъ входа до выхода) былъ значительно длиннѣе нормальнаго, но въ горизонтальной плоскости, напротивъ, значительно уже; стѣнки, образуемыя боковыми мышцами, стали значительно тоньше; вся полость желуд-

ка стала значительно меньше; перешеекъ, отдѣляющій первый желудокъ отъ втораго, сталъ значительно шире; роговой слой въ мышечномъ желудкѣ сталъ тоньше и мягче; однимъ словомъ, желудокъ представлялъ переходное состояніе отъ желудка зернояднаго къ желудку плотояднаго животнаго. Самыя животныя стали гораздо болѣе дикими». Изъ этого примѣра ясно,—замѣчаетъ по поводу этого опыта докторъ Шмулевичъ,—что организація челоуѣка не можетъ служить ему препятствіемъ при выборѣ пищи, такъ-какъ его организмъ можетъ мало по малу приспособиться ко всякой пищѣ. Челоуѣку вовсе не предназначенъ разъ навсегда извѣстный родъ питанія: ему дано великое средство для эксплуатаціи окружающей природы—разумъ, помощію его онъ можетъ и долженъ себѣ создать или выработать условія, наиболѣе благопріятныя для него» (Архивъ суд. медиц. 1870 г., декабрь, отд. III, стр. 4—5).

Если же, такимъ образомъ, съ высшимъ развитіемъ нервной системы, съ расширеніемъ и осложненіемъ продукціи пищи, все болѣе и болѣе будутъ развиваться въ челоуѣческой нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга такія способности, какъ способность умственного и нравственного самоуправленія въ питаніи, и такія качества питанія, какъ научно-раціональная умѣренность, регулярность и гигиеничность въ употребленіи пищи, если, далѣе, химія, вмѣстѣ съ гастрономіей, будетъ все болѣе и болѣе стремиться производить прогрессивныя измѣненія въ качественныхъ и количественныхъ комбинаціяхъ, въ составѣ, эссенціи и концентраціи пищевыхъ элементовъ, въ доведеніи количества или уменьшенія массы пищи до возможнѣйшаго минимума и въ возвышеніи качества концентрированной пищи до возможнѣйшаго максимума, и, если, наконецъ, соотнositельно со всѣми этими измѣненіями, и самая пищеварительная способность или организація челоуѣческой природы, постоянно приспособляясь и къ новымъ условіямъ экономіи питанія, къ возможно-большому уменьшенію массы, количества пищи и возможно-большому концентрированію химическихъ пищевыхъ элементовъ, должна будетъ также все болѣе и болѣе измѣняться, — то вотъ, намъ кажется, новое основаніе, почему мы не должны смущаться зловѣщими опасеніями и предсказаніями Мальтуса и его послѣдователей,—насчетъ будущаго пропитанія челоуѣчества. Прежде, чѣмъ наступитъ предвозвѣщаемая Мальтусомъ роковая недостаточность пищи для челоуѣчества, должно полагать, что, соотнositельно съ тѣмъ, какъ будетъ измѣняться внѣшняя, физическая и химическая экономія челоуѣческаго питанія, будетъ постепенно измѣняться, согласно

съ высшимъ развитіемъ нервной системы, и самая пищеварительная способность человѣка, постепенно приспособляясь къ новымъ, мѣняющимся условіямъ и средствамъ питанія.

Такъ уже и самая пищеварительная способность человѣческой природы, соотнoсительно съ высшимъ видоизмѣненіемъ или развитіемъ нервной системы человѣка, можетъ видоизмѣниться или развиться, къ благу человѣчества, приспособительно къ тѣмъ новымъ способамъ и улучшеніямъ питанія, какіе выработаются въ будущемъ, и потому намъ нечего, и съ этой стороны, бояться угрозъ не только Мальтусава ученія, но даже и Дарвиновой теоріи борьбы за существованіе. А сверхъ того, у передоваго-человѣчества предвидится еще и другая, болѣе отрадная гарантія, въ той же самой соціально-экономической сферѣ продукціи средствъ питанія. На высшей степени развитія нервной системы-человѣка, развитіе высшихъ чувствъ, соціально-кооперативной взаимности и просвѣщенно-человѣчной симпатіи, соотнoсительное развитію высшихъ нервныхъ клѣтокъ большаго мозга,—стремится устранить и въ сферѣ питанія господство первобытныхъ, эгоистически-приобрѣтательныхъ чувствъ и наклонностей и господство первобытной, чисто-животной, эгоистически-приобрѣтательной борьбы за существованіе, недостойной человѣческой природы. Соціально-кооперативная ассоціація, долженствующая усиленно и человѣколюбиво выработать и раздѣлять и самые продукты физической экономіи питанія и химико-гастрономической лабораторіи,—эта соціально-кооперативная ассоціація, соотнoсительно съ высшимъ развитіемъ человѣческаго мозга и творчески-изобрѣтательныхъ силъ человѣческаго ума, рано или поздно откроетъ своими дружно-соединенными коллективными силами такую новую, богатую продукцію и экономію средствъ питанія, какая теперь, при господствѣ индивидуальнаго, эгоистически-приобрѣтательнаго напряженія мозга и труда, невозможна и почти немислима, или если и концентрируется иногда въ изобиліи, то только въ монополистическомъ обладаніи деспотическаго капитала. Соціально-кооперативная ассоціація стремится созвать на работу въ сферѣ экономіи природы и въ лабораторіяхъ химическихъ, физиологическихъ и т. д., созвать къ выработкѣ новыхъ, лучшихъ и разнообразнѣйшихъ средствъ питанія всѣ человѣческія силы, теперь праздно или тунеядно-коснѣющія и, какъ паразиты или чужедныя животныя, даромъ поглощающія пищу, выработываемую руками одного рабочаго народа. Она стремится созвать къ выработкѣ или продукціи нищ и женщину, и всѣхъ людей, теперь непроизводительно стягиваемыхъ, на примѣръ, въ войскахъ или арміяхъ, въ монасты-

ряжъ и т. п. Недаромъ, въ современный фазисъ развитія нервной системы человѣка, наиболѣе разумное стремленіе къ труду полезному, производящему пищу, стало пересиливать даже въ необразованныхъ людяхъ древнее, чисто-мускулярное стремленіе къ подвигамъ воинственнымъ. Маколей замѣчаетъ, что въ 1685 году, при еженедѣльномъ жалованьи солдату - пѣхотинцу 4 шиллинговъ 8 пенсовъ, никогда не было недостатка въ тысячахъ охотниковъ къ военной службѣ въ самой Англии, тогда какъ нынѣ, хотя плата солдату возвысилась до 7 шиллинговъ 7 пенсовъ, она служить уже недостаточной приманкой для англійскихъ юношей, предпочитающихъ мирный трудъ добыванія пищи войнѣ, порождающей голодъ,—и приходится вербовать рекрутовъ между бѣднѣйшимъ населеніемъ Мюнстера и Коннота. И натуралистъ, или изслѣдователь социальной гигиены въ настоящее время начинаетъ сознавать всю невыгодность и гибельность для бѣдныхъ рабочихъ классовъ первобытнаго господства стараго, историко-традиціоннаго наслѣдства — празднаго или непроеводительнаго тунеядства. «Положеніе нашего общества—говоритъ Эстерленъ — теперь таково, что каждый членъ его долженъ работать, производить средства жизни; въ противномъ случаѣ, онъ живетъ насчетъ другихъ членовъ общества, у которыхъ, такъ или иначе, отнимаетъ плоды ихъ труда; между тѣмъ, напримѣръ, въ итальянскихъ городахъ духовенство, монахи и монахини и т. п. составляютъ часто четвертую часть населенія; въ Бельгіи, которая составляетъ очень маленькое государство, существуетъ слишкомъ 900 монастырей. Политическая экономія неоспоримо доказала, что наши постоянныя войска имѣютъ такое же вліяніе, только оно проявляется въ гораздо большихъ размѣрахъ. Отъ 10 до 20 процентовъ людей самаго лучшаго возраста отвлекаются отъ производства, чтобы въ разныхъ казармахъ и крѣпостяхъ жить насчетъ другихъ, терпя при этомъ всевозможныя лишенія» (Эстерленъ, «Человѣкъ и сохраненіе здоровья», 171). И такъ, когда всѣ праздныя, недѣятельныя теперь и непроеводительныя силы человѣческаго ума и труда соберутся въ социально-кооперативную ассоціацію, и впереди ихъ, рано утромъ, выйдетъ и женщина, и поведетъ ихъ на работу въ разнообразнѣйшія области экономіи природы, въ коопераціи агрикультурныя, гортикультурныя или садоводческія, зоолого-продуктивныя или скотоводческія, акклиматизаціонныя и т. д.,—тогда и сумма продукціи питательныхъ веществъ должна прибывать, увеличиваться, вмѣстѣ съ приращеніемъ и дружнымъ сочетаніемъ умственныхъ и мускульныхъ, изобрѣтательныхъ и творческихъ силъ. Тогда не должно быть, равнымъ

образомъ, и этой злосчастной дегенераціи, изнуренія, измельчанія и вырожденія бѣдныхъ низшихъ классовъ, темныхъ и страдающихъ массъ рабочаго народа. Такія высшія человѣческія чувства, соотносительныя высшимъ нервнымъ клеткамъ высокаго развитаго мозга, какъ чувства гуманности, справедливости и социальна-кооперативной взаимности, не могутъ допустить тогда, въ социальна-кооперативной ассоціаціи, ни умственнаго вырожденія личностей до идиотизма, ни недостатка или неравенства средствъ питанія ни для какой человѣческой личности. Наконецъ, только при социальна-кооперативномъ добываніи и производствѣ средствъ питанія въ сферѣ экономіи природы, мускульный и умственный трудъ человѣка соединится въ одно органически-цѣлое, чего непременно требуетъ современная фізіологія и гигиена человѣческой природы. Но объ этомъ предметѣ мы находимъ болѣе удобнымъ сказать подробнѣе въ особой статьѣ.

А. Шаповъ.

ШЕЛЛИ.

I.

Въ произведеніяхъ каждаго писателя отражается не только его мысль, но и вся жизнь его. Мысль вырабатывается не одной отвлеченной работой ума. Разнообразныя впечатлѣнія жизни, привязанности, вражды, отношенія семейныя и общественныя— все оставляетъ свой слѣдъ въ сознаніи, все даетъ матеріалъ для развитія мысли. Кромѣ этого и природа писателя владеть свой отпечатокъ на это развитіе. Богатая и сильная натура переступить смѣло за тѣ грани, передъ которыми остановится бѣдная и слабая. Нужно знать все это для того, чтобы вполне понять писателя, и всегда біографія служить ключомъ къ такому полному пониманію. Ни на одномъ писателѣ, быть можетъ, справедливость этихъ словъ не оправдалась такъ всецѣло, какъ на Шелли. Онъ высказался весь въ своихъ произведеніяхъ. Въ немъ не было того разлада между словомъ и дѣломъ, отъ котораго нравственно гибли цѣлыя поколѣнія, и которымъ грѣшны многіе изъ знаменитыхъ современныхъ поэтовъ, поставившихъ, какъ и онъ, девизомъ своей поэзіи свободу и человѣчность. Шелли былъ вполне цѣльнымъ человѣкомъ. Пѣвецъ скорбей человѣчества — скорбѣлъ о нихъ не въ однихъ звучныхъ стихахъ. Онъ жилъ и его скорбной жизнью, вотъ отчего онъ никогда не переходитъ въ декламацію, которая, несмотря на все мастерство ея у Гюго, дѣйствуетъ на читателя такимъ охлаждающимъ образомъ, обличая усилія поэта раздуть до громаднхъ размѣровъ ослабѣвающее впечатлѣніе: во всемъ, что Шелли писалъ, звучитъ неподдѣльная искренность, неотразимо, обаятельно дѣйствующая на читателя. Шелли скрѣпилъ свою жизнью слова, которыя онъ говорилъ человѣчеству; и если были случаи, когда онъ въ частной жизни дѣлалъ нѣкоторыя уступки противъ своего

ученія, то оттого что при общественныхъ условіяхъ, подъ которыми онъ жилъ, не сдѣлать ихъ было бы безчеловѣчно.

Шелли родился въ 1792 году. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое родилось на рубежѣ двухъ столѣтій при сотрясеніяхъ разрушавшагося стараго міра и было окрещено „могучимъ духомъ противорѣчія“. Участъ крестниковъ этого духа всегда и вездѣ трагична. Они чуждые пришельцы въ разрушающійся міръ, они люди другаго зарождающагося міра, къ которому ведетъ ихъ духъ противорѣчія. Они приняли горькое наслѣдство ненависти и вмѣстѣ съ нимъ отрадное—любви. Они знали что ненавидѣть, противъ чего бороться, на что обрушать громи своихъ проклятій, они знали что и любить. Но любовь эта не могла смягчить горечи ненависти. То, что они ненавидѣли, стояло передъ ними еще въ полной осязаемости жизни; оно все еще терзало ихъ, давая челоуѣчество; хотя дни его и были сосчитаны; то, что они любили было такъ далеко, и свозъ скрывавшій его туманъ дали могло быть видно только имъ однимъ; другіе звали призракомъ, созданнымъ ихъ безумнымъ воображеніемъ, то, что жило уже въ выводахъ науки, въ указаніяхъ разума, что жило въ непоколебимой вѣрѣ этихъ людей въ достоинство и силы челоуѣка. Удѣломъ такихъ людей въ Европѣ было изгнаніе, тюрьма, но за то тамъ ихъ окружалъ ореолъ мученичества: передъ этими ореоломъ умоляли ненависть и клевета, онъ заставлялъ даже враговъ этихъ людей съ почтеніемъ склоняться передъ нимъ.

Въ самихъ карахъ, которыя въ Европѣ ждали людей мысли, людей свободы, были своего рода мрачныя чары для натуръ, созданныхъ къ борьбѣ,—для такихъ натуръ отраденъ жребій Прометея. Не такая участь ждала этихъ людей въ Англии. Тамъ Прометеевъ перестали приковывать къ скаламъ, но за то тамъ тупоумная фанатичная толпа, для которой они хотѣли украсть Зевесовъ огонь, осыпала ихъ ругательствами и плевала имъ въ лицо. Тамъ народъ самъ присвоилъ себѣ право укладывать жизнь каждаго челоуѣка на Прокрустово ложе. И горе тѣмъ людямъ, которые не улягутся на этомъ тѣскомъ ложѣ, сколоченномъ предрасудками и фанатизмомъ невѣжественной, пошлѣющей толпы, которой лучшей изъ ея мыслителей пророчилъ участь китайцевъ. Они считаются чудовищами, отступниками среди этой толпы; вмѣсто ореола мученика, она радилась ихъ въ неструю шапку дурака, или въ болыничный колакъ сумасшедшаго; она съ мелочной злобой старой сплетницы-ханжи слѣдила ихъ каждой шагъ, срывала покровъ съ ихъ частной жизни, предавая поруганію ихъ привязанности, чувства, семейныя отношенія, обдавала все потоками вонючей

грязи. Людей мысли, пѣвцовъ свободы ждали не мрачныя чары борьбы съ всевластнымъ Зевесомъ, но тошнота и отвращеніе борьбы съ мириадами пигмеевъ. Они не вынесли этой грязи и уходили въ чужую землю спасать и свое достоинство человѣка, и миръ душевный, необходимый для работы на этихъ же пигмеевъ. Шелли, какъ и Байронъ, могъ жить только вдали отъ Англіи; и въ наше время Льюисъ долженъ былъ тоже сдѣлаться на время изгнанникомъ за то, что не уложилъ жизнь свою на Прокрустово ложе морали пигмеевъ.

Первыя впечатлѣнія дѣтства Шелли сложились на то, чтобы приготовить изъ него „врага общественнаго порядка“, какъ звалъ злобствующій органъ пигмейской критики *Quarterly Review* пѣвца свободы. Отецъ поэта, сэръ Томасъ Шелли, былъ человѣкъ ничтожный, мелочной, заставлявшій дрожать всю семью дикими порывами бѣшенства, когда кто либо осмѣливался не подчиняться его волѣ. Мать поэта была холодная, расчетливая, корыстолюбивая женщина, вполне подъ пару своему супругу, единственной страстью котораго была жадность къ деньгамъ. Нечего говорить о томъ, какъ неспособна была такая чета развить гениальнаго ребенка, который неисповѣдимыми путями природы родился отъ нея. Жизнь, которую она вела, была, казалось, нарочно рассчитана на то, чтобы задавить все то, что было человѣчнаго въ дѣтяхъ. „Она ѣла, пила, производила на свѣтъ дѣтей, воспитывать которыхъ старалась самымъ дешевымъ способомъ, копошилась въ суетѣ суетъ однообразной жизни деревенской англійской джентри,—говоритъ Миддлтонъ, другъ и біографъ Шелли,—однообразіе, которое было впоследствии нарушено гоненіями гениальнаго сына“. Дѣдъ поэта былъ живъ и отецъ его долженъ былъ довольствоваться ограниченнымъ содержаніемъ въ ожиданіи наслѣдства имѣнія и мѣста въ парламентѣ, которое ждалъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ. Поэту рано пришлось увидѣть все растлѣвающее вліяніе англійскихъ законовъ о наслѣдствѣ и аристократическаго права первородства, все что есть возмутительнаго въ семьѣ, устроенной ими, и отъ сдѣлался ихъ врагомъ. Его цовель духъ противорѣчія. Но этотъ духъ былъ бы слишкомъ суровымъ путеводителемъ для нѣжнаго, впечатлительнаго ребенка, еслибы рядомъ съ нимъ не было для него утѣшенія въ нѣжной привязанности старшихъ сестеръ, замѣнившихъ ему любовь матери. Эта привязанность не мѣшала ему расти одинокимъ: сестры, добрыя, простыя дѣвушки, не могли понять, какія мысли бродили въ головѣ заброшеннаго ребенка, который собственнымъ опытомъ учился понимать страданія людскія.

Шелли постоянно чувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ даже среди сестеръ.

Школа усилила это чувство одиночества. Отецъ его держался правила давать дѣтямъ воспитаніе цѣною подешевле и отдалъ его въ школу сосѣднаго мѣстечка. Школьный учитель былъ грубый, необразованный шотландецъ, школьники—сыновья деревенскихъ сквайровъ и мелкихъ торговцевъ—съ обычной грубостью и жестокостію школьниковъ соединяли и грубость, отличающую оба эти класса въ Англіи. Эти грубость и жестокость вдвойнѣ тяжело ложились на нѣжнаго, впечатлительнаго ребенка, выросшаго подъ женскимъ вліяніемъ. Школьная жизнь заставила Шелли заранѣе испытать гоненія, которыми свѣтъ мститъ генію за его превосходство. Шелли сторонился отъ грубыхъ продѣлокъ, надувательствъ, мелкихъ враждъ школьниковъ, съ отвращеніемъ слушалъ сальныя и циническія шутки учителей, которые съ подобострастнымъ хихиканьемъ выслушивали его товарищи: и учителя, и товарищи не могли простить ему этого. Противъ него составили цѣлую систему преслѣдованій, доходившую до безчеловѣчной жестокости, до какой могутъ доходить школьники. Шелли терпѣлъ сколько могъ, и когда чаша переполнялась, мстилъ корнями бѣшенства, которые смѣшили школьниковъ и за которые, равно какъ и за его привычку задумываться и говорить съ самимъ собой, они прозвали его сумаспедшимъ Шелли. Эти порывы въ любящемъ ребенкѣ смѣнялись ужасомъ и раскаяніемъ. Онъ убѣждался, что окружающая его жизнь не та жизнь, которая нужна ему. Школьное, бессмысленное долбленіе не могло дать пищи его уму. Одинокій, замученный ребенокъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у окна, слѣдя за облаками, мечтавъ о томъ, какъ они пронесутся надъ другими людьми, живущими другой жизнью, пока насмѣшки товарищей или оплеуха учителя напоминали ему безобразную дѣйствительность; онъ бѣжалъ въ поле снова мечтать о жизни мира и любви, о томъ, какъ водворить ихъ между людьми. Онъ вспоминаетъ объ этихъ школьныхъ мечтахъ въ посвященіи женѣ своей, Мери Вульстон-графтъ, поэмы „Возмущеніе Ислама“: „Мечты о великихъ подвигахъ стали моими, дорогой другъ, съ той поры, какъ разорвалось облако, скрывающее этотъ міръ отъ глазъ юноши. Я помню хорошо этотъ часъ, пробудившій сонъ моего духа. То было на разсвѣтѣ свѣжаго майскаго дня и я ходилъ по блестящей росой травѣ и плакалъ не зная о чемъ, пока не раздались изъ ближней школьной комнаты голоса, которые, увы! были эхомъ цѣлаго міра страданій, грубой и раздражающей борьбы тирановъ и враговъ. Тогда я сжалъ руки и оглядѣлся кругомъ, но не было

никого, кто бы сталъ издѣваться надъ моими слезами, которыя падали теплыми каплями на освѣщенную солнцемъ землю. И я, не стыдась ихъ, сказала: „Я буду мудрымъ и справедливымъ, свободнымъ и кроткимъ, если это въ моей власти; потому что я измучился, вида какъ себялюбивые и сильные тираны слѣбыхъ безъ стыда, жалости и безъ отпора. И тогда я совладалъ съ своими слезами, волненіе сердца моего утихло и я сталъ снова кротокъ и смѣлъ. Съ этого часа я началъ съ упорной мыслью собирать знаніе изъ запретныхъ рудъ науки, и пренебрегъ учиться тому, что знали и чему учили меня тираны, но изъ запретнаго знанія я выковалъ оружіе для моего духа, чтобы онъ могъ выступить на борьбу среди человѣчества. Сила и надежда все и болѣе и болѣе крѣпли во мнѣ...“. Переведенный въ Итонъ, поэтъ не забылъ юношескую клятву. Въ Итонѣ повторилась жизнь Сіонской школы. Шелли отказался подчиниться вѣковому обычаю англійскихъ школъ, извѣстному подъ именемъ fagging system. Въ силу этого обычая младшіе воспитанники должны служить старшимъ и носить названіе fag; этимологія этого слова неизвѣстна: нѣкоторые остряки полагаютъ, что оно происходитъ отъ латинскаго глагола fatigo, то-есть уставать, и что fag означаетъ устающій. Дѣйствительно, несчастные fag и были обречены служить безъ устали рабами старшихъ учениковъ, которые платили имъ за службу помощью для приготовленія уроковъ, щедро приправленной пингами, щелчками, и подзатыльниками. Тихій, нѣжный юноша, возбуждавшій общія насмѣшки и даже упреки въ трусости своимъ отвращеніемъ къ родному англійскому боксу, вынесъ мужественно поднятое на него гоненіе за нарушеніе вѣковаго обычая. Мелкій деспотизмъ учителей поддерживалъ преслѣдованія товарищей. Къ счастью, одинъ изъ наставниковъ Итона, докторъ Линдъ былъ прекрасный педагогъ, умѣвшій оцѣнить замѣчательныя способности юноши. Участіе его дало Шелли силы вынести эту раннюю борьбу съ несправедливостью и предразсудками школы и выйти изъ нея побѣдителемъ.

Въ школѣ сухое, рутинное преподаваніе школьныхъ педантовъ оттолкнуло юношу, — но не отъ науки, — отъ ихъ уроковъ. Шелли считался лѣнтяемъ, несмотря на его любовь къ наукѣ. Онъ перевелъ половину естественной исторіи Плинія, который внушилъ ему любовь къ естественнымъ наукамъ, и занялся усердно физикой и химіей. Но его поэтическая натура не могла удовлетвориться одними сухими фактами: онъ искалъ въ наукѣ отвѣта на вопросы о тайнахъ жизни, писалъ подъ чужимъ именемъ нѣкоторымъ изъ натуръ-философовъ того времени; отвѣты ихъ не удовлетво-

рили его; онъ видѣлъ въ нихъ или робость дойти до страшныхъ выводовъ, жалкія попытки отвести себѣ глаза, или, что еще хуже, нафренную ложь и въ своихъ нисѣмахъ доказывать это мужамъ науки. Одинъ изъ нихъ до того озлился замѣчаниями Шелли на его теорію о жизненной силѣ и объ эфирѣ, что вмѣсто отвѣта грозилъ пожаловаться учителямъ и требовать, чтобы дерзкій мальчишка, смѣющій разсуждать о такихъ вещахъ, былъ больно высѣченъ для примѣра. Шелли былъ въ восторгѣ отъ этого отвѣта, доказавшаго ему, какъ живо онъ задѣлъ ученаго мужа. Угроза публичныхъ розогъ не смутила его: въ его тщедушномъ тѣлѣ жила душа борца.

Занятія естественными науками въ классическомъ Итонѣ навлекли новыя гоненія на Шелли; училищное начальство отсылало назадъ книги о химіи и физикѣ, которыя ему прислалъ отецъ его пріятеля, на томъ основаніи, что эти книги запрещены въ Итонѣ. Шелли преслѣдовали за занятія науками, требовали усердной долбни классиковъ. Но Шелли и въ классической шелухѣ, которою набивали головы учениковъ, умѣлъ находить здоровыя зерна. Чтеніе Платона произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ такъ вспоминаетъ объ этомъ впечатлѣніи въ посланіи къ другу: „Для тебя именно слова Платона были лучомъ луны, который освѣтилъ темный востокъ. Мы тогда читали—память вѣрна мнѣ—о дѣяніяхъ прошлаго“. Платонъ развилъ неясное стремленіе къ свободѣ, къ иному, лучшему строю общества, заброшенное въ душѣ юноши гнетомъ жизни, и вмѣстѣ съ ними—его скептицизмъ. Еслибъ правовѣрные протестанты и школьные педанты могли подозрѣвать, какія мысли навѣвало въ голову юноши чтеніе Платона, они навѣрно поспѣшили бы дать ему въ руки запрещенные учебники химіи и физики. Борьба съ училищнымъ начальствомъ, вражда товарищей, ослабившихъ его и адѣсь сумасшедшимъ, мучительныя думы о жизни потрясли здоровье Шелли. Послѣ диваго припадка бѣшенства, въ которомъ онъ проткнулъ перочиннымъ ножикомъ руку товарищу, ему пришлось покинуть Итонъ. Жестокость родителей при встрѣчѣ докончила то, что начала школа, и у Шелли сдѣлалось разстройство мозга. Нѣжные родители хотѣли отправить его въ сумасшедшій домъ, что окончательно погубило бы его; добрый другъ его, докторъ Линдъ и въ этомъ случаѣ спасъ юношу.

Около этого времени былъ изданъ первый литературный опытъ Шелли, романъ Застроцци. Шелли еще мальчикомъ началъ писать романы; то былъ дикій, фантастическій бредъ, выразившій весь хаосъ мыслей оскорбленнаго, задавленнаго ребенка, который одинъ безъ руководителей боролся и съ несправедливостью об-

щества, и искалъ истины среди лжи, суевѣрія и предрасудковъ его. Вслѣдъ за Застроцци былъ напечатанъ другой, „Сентъ-Ирвинъ или рыцарь розоваго креста“. Оба романа полны нелѣпостей, которыя могутъ заставить хохотать празднаго читателя, но въ нихъ мыслитель увидитъ скорбный путь, которымъ шло развитіе гениальнаго юноши.

Осенью въ 1810 г. онъ поступилъ въ университетъ. Наивный юноша, жаждавшій знанія, съ благоговѣйнымъ трепетомъ вступалъ въ святилище науки. Онъ надѣялся, что въ стѣнахъ алма шатеръ онъ найдетъ отвѣтъ на всѣ томившіе его вопросы, встрѣтитъ тамъ мужей науки, которые полны чистой любовью къ истинѣ; найдетъ тамъ ту свободу, которая необходима для изслѣдованія, честныхъ вождей, которые протянутъ ему руку и укажутъ путь. „Онъ ожидалъ—писать его биографъ— и имѣлъ полное право ожидать, что тѣ, на комъ лежитъ священный долгъ руководить шагами юноши въ храмъ знанія, сбросили съ себя, какъ нечистую одежду, недостойную ихъ званія, всѣ мелочи обыденной жизни, которыя калечатъ умъ людей и темнымъ облакомъ закрываютъ ликъ истины“. Молодой идеалистъ жестоко разочаровался. Онъ встрѣтилъ тотъ же педантизмъ, то же лицемеріе, то же своекорыстіе и тотъ же англійскій сапъ, который такъ беспощадно клеймилъ Байронъ въ „Донъ-Жуанъ“ и которые вмѣстѣ съ другими причинами въ Итонѣ чуть не довели его до помѣшательства. Въ своихъ запискахъ онъ такъ описываетъ свою первую попытку найти себѣ вождя въ храмѣ знанія въ оксфордскихъ профессорахъ:

„Что за тупые люди здѣсь. Маленькій человѣчекъ послалъ за мной сегодня утромъ, и говорилъ мнѣ едва слышнымъ шопотомъ, что я долженъ читать.

— Вы должны читать, читать, повторилъ онъ множество разъ тихимъ голосомъ. Я отвѣчалъ, что я готовъ читать; онъ опять повторилъ то же самое, и я, чтобы удовлетворить его—такъ-какъ онъ, казалось, не хотѣлъ вѣрить мнѣ—сказалъ, что у меня и теперь нѣсколько книгъ въ карманѣ и началъ перечислять ихъ заглавія.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ, что онъ вовсе не то хотѣлъ сказать.

— Вы должны читать Prometheus Ructus и Demosthenes de Corona и Евклида.

— Неужели я долженъ читать Евклида? спросилъ я печально.

— Да, безъ сомнѣнія. И когда вы прочтете греческія творенія, которыя я называлъ вамъ, вы должны начать этику Аристотеля; послѣ того вы можете перейти къ другимъ трактатамъ

его же. Для васъ важнѣе всего познакомиться съ Аристотелемъ. Онъ повторялъ это несчетное число разъ, такъ что мнѣ наслу- чило слушать, и я наконецъ сказалъ:

— Такъ я долженъ изучать Аристотеля. А что же, если я нимаю не интересуюсь изучать Аристотеля. Я оставилъ его, потому что эти слова поставили его въ ужасное затрудненіе“.

Вскорѣ Шелли пришлось убѣдиться, что руководители юно- шества не только тупые педанты, но мелочные продажные често- любцы — вмѣсто тѣхъ гражданъ, которыхъ онъ мечталъ встрѣ- тить. Лордъ Гренвилъ получилъ званіе канцлера университета — синекура, которой добивались многіе профессора университета. Все начальство университета накинuloсь на лорда Гренвила съ мелкой, отвратительной злобой. Пасквили, клеветы, карикатуры посыпались на него въ стѣнахъ университета. Лордъ Гренвилъ не былъ гениальнымъ государственнымъ человѣкомъ, но онъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей партіи виговъ и въ свое время провелъ нѣкоторыя полезныя мѣры. Эта грязная вражда возмутила Шелли; онъ смѣло во всякомъ случаѣ высказы- вавалъ свое мнѣніе о Гренвилѣ и съ первыхъ шаговъ своихъ въ университетѣ сталъ во враждебныя отношенія къ началь- ству. Вражда его къ общественному строю росла. Семнадцати- лѣтній юноша съ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ продажная оли- гархія для удержанія своихъ синекуръ поддерживала въ Евро- пѣ реакцію, и давала пролиться потокамъ крови; какъ она да- вила Ирландію, чтобы сохранить свои парки и громадныя паст- бища, и противилась ввозу иностраннаго хлѣба, чтобы, моря голо- домъ народъ, поддерживая высокія цѣны на хлѣбъ, — и мечталъ о средствахъ помочь народу. Онъ писалъ Лей-Гѣнту, молодому поэту школы Байрона, тогда только еще выступавшему съ первымъ сборникомъ стихотвореній, которыя были краснорѣчивымъ воз- званіемъ къ свободѣ, подавая ему мысль устроить общество „просвѣщенныхъ людей безъ предразсудковъ, съ независимыми убѣжденіями, которые подверглись гоненію общества“. Мыслью этого общества должна быть поддержка членовъ своихъ въ борь- бѣ противъ враговъ свободы, доставляя имъ средства для рас- пространенія ихъ принциповъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для отвраще- нія тѣхъ опасностей, которыя они навлекутъ на себя свобод- нымъ заявленіемъ этихъ принциповъ. Вслѣдствіе неизмѣнна по- добныхъ обществъ, писалъ Шелли, продажность и общественная порча достигли той высоты, на которой мы видимъ ихъ; только такія общества могутъ упрочить разумную свободу на твердыхъ основаніяхъ. Въ заключеніе письма онъ просилъ Лей-Гѣнта отвѣ- чать ему на вымышленное имя, потому что „дисциплина, кото-

рую налагаетъ на меня пребываніе въ университетѣ, заставляетъ меня быть осторожнымъ; и я не могу гласно исповѣдывать свои мнѣнія; но время придетъ, когда всѣ мои усилія, какъ бы они ни оказались недостаточными, будутъ устремлены на служеніе свободѣ“.

Шелли готовился къ этому служенію одинъ, безъ руководителя, слѣдуя лишь инстинктамъ своей причудливой природы. Обманувшись въ своей надеждѣ найти въ университетской наукѣ тотъ свѣтъ, который долженъ былъ вывести его на путь истины, семнадцатилѣтній юноша продолжалъ идти одинъ безъ руководителя, кидался то въ естественныя науки, то въ мистическія бредни натуръ-философовъ, ища въ нихъ отвѣта на томившій его вопросъ: какъ устроить счастье человѣчества. Онъ допрашивался отвѣта у ученыхъ, писателей, поэтовъ. Чуть выступалъ въ наукѣ или литературѣ новый дѣятель, онъ писалъ ему подлѣ чужимъ именемъ. Такимъ образомъ онъ былъ въ перепискѣ съ большею частью замѣчательныхъ людей своего времени; иногда эта поэтическая переписка оканчивалась самымъ прозаическимъ образомъ. Такъ онъ написалъ молодой дѣвушкѣ Фелиціи Браунъ, поэзія которой сдѣлала большое впечатлѣніе на общество, выражая благодарность за удовольствіе, которое доставили ему стихотворенія; она отвѣчала ему; завязавшаяся переписка приняла политическій и философскій характеръ, и тогда мать молодой дѣвушки, испугавшись зловредныхъ идей Шелли, послала отцу его жалобу на сына вмѣстѣ съ просьбой запретить ему переписку.

Въ университетѣ Шелли бросилъ романы для поэзіи, и первые опыты его были очень неудачны. Онъ написалъ нѣсколько поэмы и мелкихъ пьесъ; то была восторженная и напыщенная декламация общихъ мѣстъ о свободѣ и правахъ и благѣ человѣчества, доходящая порой до наглости и карикатуры. Другъ его Хоггъ, которому онъ читалъ этотъ юношескій бредъ, совѣтовалъ ему обратить поэмы въ пародіи и издать ихъ подлѣ комическимъ заглавіемъ: „Посмертныя стихотворенія Маргариты Никольсонъ“. Эта Маргарита Никольсонъ была сумасшедшая прачка, которая покушалась на жизнь Георга III, и которая не умерла, но содержалась въ домѣ умалишенныхъ. Всего забавнѣе, что книга имѣла нѣкоторый успѣхъ не какъ пародія, а какъ серьезное произведеніе, даже между университетскими профессорами и многіе изъ нихъ совершенно искренно восхищались нѣкоторыми мѣстами. Шелли только посмѣивался надъ мужами науки.

Такія отношенія не могли кончиться хорошо, и вскорѣ alma mater съ скандаломъ изгнала изъ своихъ стѣнъ дерзкаго юношу,

возмущавшаго ея въковое коснѣніе, издѣвавшася надъ ея наукой, искаженной ради выгодъ или потворства предрасудкамъ общества. Скентицизмъ, сѣмя котораго было заброшено въ Шелли семей и школой, созрѣлъ вполне въ стѣнахъ alma mater. Шелли написалъ маленькую брошюру подъ заглавіемъ „Необходимость атеизма“, и напечаталъ ее. Брошюра попала въ руки начальства университета. Пошли розыски о ея авторѣ; заподозрили Шелли, котораго еще въ Итонѣ товарищи прозвали атеистомъ за его вражду къ лицемѣрному піетизму. Одинъ изъ тьюторовъ университета донесъ на Шелли, рассчитывая этимъ доносомъ высказать свое рвеніе къ охраненію нравственности и порядка и за то получить скорѣе мѣсто пастора, котораго давно добивался. Добродѣтель была немедленно вознаграждена выгоднымъ приходомъ, порокъ наказанъ изгнаніемъ. Университетскій товарищъ и лучший другъ Шелли, Хоггъ, такъ описываетъ это изгнаніе въ своей біографіи Шелли:

„Было прекрасное утро въ день Богородицы въ 1811 году, когда я зашелъ въ комнату Шелли; я не засталъ его; но прежде нежели я успѣлъ собрать наши книги, Шелли ворвался въ комнату. Онъ былъ страшно взволнованъ. Я съ безпокойствомъ спросилъ его: чтó случилось. „Я выгнанъ изъ университета, отвѣчалъ онъ,—когда нѣсколько успокоился:—я выгнанъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ за мною прислали, требуя чтобы я немедленно явился въ комнату совѣта, гдѣ я нашелъ учителей и двухъ или трехъ товарищей. Учитель досталъ экземпляръ брошюры и спросилъ меня: не я ли авторъ ея. Онъ говорилъ отрывистомъ, грубымъ и наглымъ тономъ. Я просилъ его объяснить мнѣ: для какой дѣли онъ задаетъ мнѣ этотъ вопросъ. Отвѣта не было; онъ только снова повторилъ вопросъ еще болѣе громкимъ и раздраженнымъ голосомъ: „Вы ли авторъ этой книги?“. „Сколько я могу судить по вашей манерѣ допрашивать меня, я вижу, что вы рѣшились наказать меня, если я признаю, что эта книга мой трудъ. Если вы можете доказать это, представьте ваши доказательства. Допрашивать меня въ такомъ случаѣ и для такой дѣли—несправедливо и противозаконно: такой образъ дѣйствія приличнѣе для суда инквизиторовъ, а не свободныхъ гражданъ свободной страны...“ — „Такъ вы упорствуете въ заперательствѣ, что эта книга ваше сочиненіе?“—въ третій разъ повторилъ учитель тѣмъ же грубымъ и злымъ тономъ. Шелли замѣтилъ ему грубость и неприличность его обращенія, сказавъ: „Мнѣ приходилось и прежде выносить тираннію и несправедливость, и я хорошо знаю, каково бываетъ грубое насиліе, но до этой минуты я еще не встрѣчалъ подобнаго недостойнаго обращенія“. Затѣмъ я

ему сказалъ спокойно, но твердо, что я рѣшился не отвѣчать ему на вопросъ объ авторствѣ книги. Онъ немедля повторилъ его, я упорствовалъ въ своемъ отказѣ. Тогда онъ въ бѣшенствѣ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ вы исключаетесь изъ университета, и я требую, чтобы вы оставили его завтра же рано утромъ“. Въ заключеніе одинъ изъ товарищей взялъ со стола двѣ бумаги и подалъ мнѣ одну изъ нихъ. Шелли подалъ мнѣ приговоръ объ исключеніи его, написанный въ должной формѣ за печатью комисіи“.

Шелли былъ полонъ энергіи и мужества, прямъ и безстрашенъ, но въ то же время онъ былъ робокъ, недовѣрчивъ къ себѣ и въ высшей степени впечатлительнъ. Я былъ при немъ не разъ въ многихъ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни, но никогда не видалъ я его такъ глубоко потрясеннымъ, такъ страшно взволнованнымъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, повторяя съ судорожной силой слова: „исключенъ, исключенъ“; рука его тряслась и самъ онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Другъ его не медля написалъ короткую записку университетскому начальству, протестуя противъ незаконности исключенія и заявляя, что въ такомъ случаѣ ни одинъ студентъ не можетъ быть увѣренъ въ безпрепятственномъ окончаніи курса; записка была получена еще неразошедшимся совѣтомъ, Хоггъ потребованъ къ нему, подвергнутъ тому же допросу и за тѣ же отвѣты исключенъ безъ дальнѣйшаго суда.

Вслѣдъ за изгнаніемъ изъ университета послѣдовало и изгнаніе Шелли изъ родительскаго дома. Серъ Тимоти не могъ простить сыну патно, которое онъ наложилъ на имя Шелли, хотя самъ не сдѣлалъ ровно ничего, чтобы прославить это имя. Мать его не походила на мать Гёте, которая смягчала для сына жестокость отцовской власти, прикрывая его юношескія проказы. Однѣ сестры помогали своими туалетными деньгами бѣдному юношѣ, брошенному въ омутъ свѣта. Шелли былъ отвергнутъ не одной семьей, но и любимой дѣвушкой послѣ своего исключенія изъ университета. Несмотря на свою молодость, онъ былъ года два помолвленъ съ своей кузиной Гарриетъ Гровъ, дочерью пастора. Это чувство было не мимолетнымъ юношескимъ увлеченіемъ: молодыхъ людей связывало сходство вкусовъ, любовь къ литературѣ. Гарриетъ были тоже сродны стремленія къ свободѣ, къ благу человѣчества, которыя бродили въ Шелли. О глубинѣ чувства Шелли свидѣтельствуетъ посвященіе его знаменитой поэмы „Королева Мэбъ“, которое ошибочно озаглавлено въ послѣднемъ изданіи его стихотвореній „Гарриетъ Шеллей“, именемъ его первой жены, но по отзывамъ его біографа Миддълтона было

написано для Гарриэтъ Гровъ. „Чья любовь, освѣтивъ для меня мѣръ, отвратила отравленныя стрѣлы его презрѣнія? Чья жаркая и любящая похвала для меня самая сладостная награда? Подъ чьими взглядами моя воскресавшая душа созрѣвала для правды, для борьбы во имя добра? Въ чьи глаза смотрѣлся я съ любовью и еще болѣе любилъ человѣчество? Гарриэтъ — въ твои!“

Еще до исключенія Шелли изъ университета шептицизмъ его писемъ испугалъ предрасудки родителей Гарриэтъ Гровъ и ее самое. Она не была способна вслѣдъ за Шелли порвать съ преданіями. Она колебалась. Брошюра объ атеизмѣ нанесла послѣдній ударъ ея привязанности. Родители ея поспѣшили отказать сыну, отвергнутому семьей. Вскорѣ она вышла замужъ за другаго. Юноша, на котораго обрушилось разомъ столько ударовъ, былъ близокъ къ гибели. Онъ замышлялъ уже самоубійство. Его спасла любовь къ человѣчеству. Онъ остался жить, чтобы работать для его освобожденія и бороться съ темными силами, которыя губили его; въ личныхъ страданіяхъ, въ вынесенныхъ преслѣдованіяхъ онъ почерпнулъ силу для борьбы.

Къ несчастію, девятнадцатилѣтній юноша не могъ удовлетвориться этой работой. „Его поэтическая натура жадно просила счастья, любви; ему были отвратительны тѣ грязные суррогаты ея, которые губятъ силы и достоинство“, говоритъ его біографъ. Навѣщая младшихъ сестеръ въ пансіонѣ, онъ познакомился съ хорошенькой шестнадцатилѣтней блондинкой Гарриэтъ Вестбрукъ, дочерью ветеринара и трактирщика. Онъ послалъ ей стихотвореніе. Пансіонерка была рада обожателю. Это была пустынька, вѣтреная дѣвушка, которая увлеклась идеями Шелли, какъ увлеклась бы какими бы то ни было идеями, еслибы ихъ проповѣдывалъ интересный молодой человѣкъ. Одинъ изъ біографовъ Шелли говоритъ, что даже съ ея стороны не было никакого увлеченія, а одинъ расчетъ. Шелли, хотъ и отвергнутый семьей, какъ сынъ наслѣдника перства, былъ блестящей партіей для дочери трактирщика, которой вдобавокъ не сладко жилось дома, подъ властью кулака отца и старшей сестры, практической миссъ, заправлявшей домою. Практическая миссъ научила Гарриэтъ, какъ словить Шелли. Когда онъ гостилъ у родныхъ въ Уэльсѣ, Гарриэтъ написала ему объ ужасахъ мелочныхъ преслѣдованій, которыя она выносила, и прибавила, что отдается подъ его покровительство. Рыцарскій Шелли поспѣшилъ въ Лондонъ, увезъ Гарриэтъ въ Эдинбургъ и оттуда въ Гретна-Гринъ, гдѣ онъ обвѣнчался съ нею. Этотъ юношескій шагъ дѣлаетъ болѣе чести сердцу поэта, нежели его головѣ; онъ былъ впоследствии для него источникомъ глубочайшихъ огорченій и сверхъ того былъ со-

вершено противенъ его убъжденіямъ. Но Шелли понималъ, что пока общество держится противныхъ убъженій, безчеловѣчно бросать ему на жертву слабое и беззащитное существо.

Девятнадцатилѣтній юноша безъ гроша въ карманѣ сдѣлался мужемъ и вскорѣ отцомъ. Онъ повелъ скитальческую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ гдѣ бы дешевле жить. Отецъ жены прислалъ молодымъ двѣсти фунтовъ въ годъ; Шелли зарабатывалъ немного перомъ и получалъ пособіе отъ друзей и родственниковъ, но этого было далеко недостаточно, потому что онъ не могъ видѣть нуждающагося, не подѣлившись съ нимъ послѣдними крохами. Бывали дни, что онъ питался булкой, купленной гдѣ нибудь по дорогѣ и съѣдаемой на ходу; но и тутъ онъ часто отдавалъ ее, когда въ мрачныхъ кварталахъ нищеты, гдѣ онъ бродилъ, чтобы жѣрнить всю глубину бѣдствій челоуѣчества, ему попадался блѣдный, какъ мертвецъ бѣднякъ съ ввалившимися щеками и острымъ взглядомъ голода.

Обстоятельства поэта были такъ плохи, что онъ даже мечталъ взять въ аренду ферму и заняться земледѣліемъ, и несмотря на крайность, онъ отказался отъ наслѣдства имѣнія въ 2,000 фут. ст., потому что условіемъ было закрѣпить имѣніе на имя старшаго сына, а въ случаѣ смерти его—на слѣдующаго. Около этого времени мать захотѣла примириться съ нимъ, пригласила его пріѣхать во время отсутствія отца, встрѣтила его съ выраженіями живѣйшей и „показной“—какъ говорилъ Шелли—нѣжности, и затѣмъ просила его подписать какую-то бумагу; оказалось, что этой бумагой предусмотрительная женщина, на случай смерти мужа, хотѣла обезпечить себѣ отъ сына болѣе выгодное вдовье содержаніе, въ ущербъ дѣтямъ. Шелли съ глубокимъ отвращеніемъ разстался съ матерью и никогда болѣе не встрѣчался съ нею съ той поры. Несчастія обрушивались одно за другимъ на поэта. Послѣ его агитаціи въ Ирландіи, о которой будетъ сказано далѣе, ему пришлось бѣжать на островъ Менъ. Жизнь его въ эту эпоху была постоянной нравственной пыткой. Продажность и испорченность тѣхъ, кто держалъ въ рукахъ судьбу народа, бѣдствія, которыя онъ видѣлъ, сознаніе собственнаго безсилія помочь злу терзало впечатлительную душу поэта. Онъ былъ снова близокъ къ помѣшательству,—опасность, которую онъ усиливалъ привычкою принимать опіумъ, чтобы найти хоть мгновенное облегченіе отъ терзавшихъ его мыслей.

Къ несчастію, онъ не находилъ облегченія тамъ, гдѣ долженъ бы былъ найти его. Домашняя жизнь поэта была далеко неотраднa. Практическая барышня, старшая сестра его жены, подѣ

*

предлогахъ учить хозяйству неопытную молодую женщину, пріѣхала заправлять всѣмъ домою; это была особа въ высшей степени антипатичная для Шелли; но это было бы сносно, еслибы онъ въ самой женѣ нашелъ ту любовь и пониманіе, которыя были такъ нужны ему. Къ несчастью, жена его была, правда, добрая, но пустая и безпечная дѣвочка, неспособная понять мужа, „кусочекъ одушевленной раскрашенной глины, какъ говоритъ біографъ Шелли, красивое тѣло безъ души, сердце безъ глубины и страсти, натура, неспособная подняться до поэта, умъ, задавленный отвратительной системой воспитанія“. Поэту нужна была энергическая, самоотверженная подруга, сочувственная его стремленіямъ, готовая нести съ нимъ и изгнаніе, и нищету. Ему попалась барышня, которая вышла замужъ для того, чтобы разыгрывать роль молодой хозяйки, жить въ свое удовольствіе, свершая всю чинную обрядность жизни англійской джентри средней руки. Поэтъ увидѣлъ свою ошибку; онъ выносилъ, сколько могъ, всю тяжесть жизни съ женщиной, съ которой у него ничего не было общаго, и въ своей поэмѣ *Alustor*, которую написалъ около этого времени, выразилъ тоску юноши, который напрасно ищетъ сочувственнаго существа. Несогласія росли съ бѣдностью. Пришлось разстаться. Шелли, беременная вторымъ ребенкомъ, возвратилась къ отцу. Шелли, задумавъ разойтись, обвинчался съ ней вторично, потому что бракосочетаніе въ Гретна-Гринѣ, хотя вполнѣ признанное закономъ, не было признано англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Шелли сдѣлалъ вторично и для нелюбимой женщины уступку своимъ убѣжденіямъ: онъ считалъ безнравственнымъ бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ узаконенъ обществомъ, „учредившимъ его, какъ онъ говорилъ, какъ средство упрочивать удобное положеніе въ свѣтѣ или охранять народную нравственность“. Но онъ зналъ, какая жизнь ждала бы оставленную молодую женщину, на которой лежало пятно брака въ Гретна-Гринѣ. Онъ отдалъ женѣ всѣ деньги, которыя у него были, и остался голодать въ Лондонѣ. Въ его поэмѣ „Возмущеніе Ислама“ есть строки, которыя намекаютъ на его несчастный бракъ: „увы, зачѣмъ любовь бываетъ такъ часто обманомъ и позоромъ для того, кто ищетъ себѣ отвѣтной любви въ одномъ существѣ... Иди въ твое печальное и одинокое жилище, лей горькія слезы надъ опустѣлымъ очагомъ, слѣди за неясными тѣнями, какъ онѣ появляются и исчезаютъ какъ привидѣнія и сплетаются въ причудливыя сѣти призраковъ, вызывающихъ печальный смѣхъ; листья обнаженныхъ осенью лѣсовъ будутъ кружиться надъ твоей головой, росистые цвѣты весны будутъ сверкать подъ твоими ногами, а душа твоя будетъ томиться холодомъ смерти“.

Участь молодой женщины окончилась печально. Вернувшись выносить деспотизмъ отца, отъ котораго хотѣла спастись, она, проживъ подъ его властью два съ половиной года, встрѣтилась съ другимъ „покровителемъ, и отъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ утопилась въ прудѣ“, говоритъ биографъ Шелли. Общественное мнѣніе приписало эту смерть Шелли. Клеветы, пасквили посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ чудовищемъ разврата, который измѣной своей довелъ несчастную женщину до такого страшнаго шага. Покойная мистриссъ Шелли была представлена образцомъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, несчастной жертвой человѣка, непризнававшего ничего святаго. Критика вмѣсто разбора сочиненій Шелли читала ему мораль, бросая грязью не только въ него, но и въ его подругу, Мери Вульстонкрафтъ, съ которой онъ сошелся вскорѣ послѣ разрыва съ женой, еще задолго до ея самоубійства. Смерть ея глубоко потрясла Шелли, такъ что опасались за его разсудокъ.

Но когда прошло первое потрясеніе, онъ успокоился, тѣмъ болѣе что онъ не могъ себя упрекнуть ни въ чемъ. Гарриэтъ Уэстбрукъ Шелли имѣла еще съ дѣтства наклонность къ самоубійству, развитую гнетомъ, подъ которымъ она росла.

По смерти жены, Шелли, бывшій въ то время въ Италіи, писалъ къ Уэстбруку, своему тестю, требуя дѣтей. Уэстбрукъ отказался отдать ихъ, и подалъ прошеніе въ судъ о томъ, чтобы дѣти остались подъ его надзоромъ, такъ-какъ отецъ ихъ, Шелли, бросилъ ихъ мать, былъ извѣстный атеистъ и безнравственный человѣкъ и хотѣлъ воспитывать дѣтей въ своихъ нечестивыхъ идеяхъ какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ. Онъ къ прошенію приложилъ экземпляръ знаменитой поэмы Шелли „Королева Мэбъ“, какъ доказательство. Лордъ-канцлеръ Эльдонъ въ 1817 году объявилъ слѣдующее рѣшеніе: дѣти должны оставаться на попеченіи дѣда ихъ, мистера Уэстбрука, и быть отданы на воспитаніе священника англиканской церкви; отецъ присужденъ былъ вносить ежегодно опредѣленную сумму на ихъ воспитаніе. Въ свободной Англій у отца отнимали дѣтей, впрочемъ лордъ-канцлеръ ни словомъ не упомянулъ о томъ, что разрушительныя идеи Шелли лишаютъ его правъ отца, а основалъ свой приговоръ на фактическихъ данныхъ—его отношеніяхъ къ Гарриэтъ и къ Мери. Отецъ Шелли и вся семья его были на сторонѣ его судей.

Но теперь поэтъ могъ легче сносить гоненіе общества; у него былъ ангель-хранитель, который не покидалъ его всю жизнь—вторая жена его Мери Вульстонкрафтъ Годвинъ. Шелли познакъ омился съ ней вскорѣ послѣ своего разрыва съ Гарриэтъ. Мери

была дочерью знаменитой Мери Вудстонкрафтъ, автора книги о правахъ женщины, и Годвина, англійскаго писателя, извѣстнаго своими, какъ называло ихъ англійское общество, „утопическими“ идеями. Годвинъ написалъ книгу „О справедливости въ государствѣ“; въ ней онъ выступалъ проповѣдникомъ „интеллектуальной республики“, которая управлялась бы исключительно учеными и литераторами; сверхъ того онъ написалъ нѣсколько забытыхъ теперь романовъ во вкусъ того времени, въ которыхъ, что уже было вовсе не во вкусъ англичанъ того времени, выставлялъ добродѣтели народа и пороки высшихъ классовъ общества. Книга его „О справедливости въ государствѣ“ произвела сильное впечатлѣніе на Шелли, тогда еще студента въ Оксфордѣ: онъ писалъ Годвину со всѣмъ энтузіазмомъ и юности и своей пылкой натурой. Переписка продолжалась, пока наконецъ Шелли, авторъ Королевы Мэбъ, познакомился съ Годвиномъ и увидѣлъ Мери. Ей было не болѣе шестнадцати лѣтъ. Прелестная молодая дѣвушка наследовала умъ и таланты родителей. Она выросла въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя Шелли выработалъ себѣ развѣдающими думами, чуть не доведшими его до сумасшествія. Шелли нашелъ въ ней ту подругу, которая была такъ нужна ему. Мери была не кускомъ раскрашенной глины; она была, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, подругой, способной раздѣлять вполне не только всѣ стремленія поэта, но и идти съ нимъ на жизнь гоненія, нищеты и изгнанія. Несмотря на то, что она не могла быть женой Шелли передъ закономъ, она подала ему руку, готовая вынести ради него поруганіе общества, которое она оскорбляла. Впрочемъ, эта жертва не была тяжела для молодой дѣвушки: отецъ научилъ ее цѣнить судъ общества, пробѣденнаго насквозь сап'омъ, на сколько онъ стоилъ; тяжелой борьбы съ семьей ей не приходилось вынести; отецъ ея раздѣлялъ взгляды Шелли и высоко цѣнилъ поэта; онъ самъ передалъ ему дочь. Шелли не разставался съ Мери до самой смерти. Ея любовь сохранила человечеству его поэта.

Шелли отдаетъ своей Мери справедливость въ своемъ посвященіи поэмы „Возмущеніе Ислама“: „Мрачное отчаяніе, какъ черный покровъ безлунной ночи, былъ брошенъ на весь міръ, гдѣ я блуждалъ одинъ. Я не встрѣчалъ человѣка, который бы не обмануль меня. Черствыя и холодныя сердца, какъ глыбы ледянаго жамня, давили и леденили мое сердце, которое было безжизненной глыбой, пока ты не оживила его. Ты другъ, чье появленіе согрѣло какъ согрѣваетъ весна бесплодную пустыню. Какъ прекрасна, спокойна и свободна ты была въ твоей юной мудрости, когда ты порвала мертвящія цѣпи старыхъ обычаевъ и пошла

своимъ путемъ, свободная какъ лучъ свѣта между облаками, которыми тщетно завистливые рабы изъ своихъ мрачныхъ темницъ хотѣли затемнить твой свѣтъ. И мой духъ устремился въ тебѣ на встрѣчу, освобожденный отъ печалей, которыя такъ долго гнали его. Я не былъ болѣе одинъ въ пустынѣ свѣта, и хотя я шелъ путями къ высокимъ цѣлямъ, я не шелъ одинъ въ отчаяніи одиночества. Есть мудрость въ суровомъ довольствѣ долей, когда нищета губитъ справедливыхъ и добрыхъ, когда позоръ пятнаетъ невинныхъ и любимые друзья вмѣстѣ съ толпой готовы ихъ растоптать; этотъ удѣлъ былъ нашимъ, и мы стояли непоколебимо. Теперь намъ посланы болѣе свѣтлыя часы и съ непоколебимымъ счастьемъ возвращаются друзья; страданія оставили намъ знаніе и силу сказать: „не будемъ платить презрѣніемъ за презрѣніе“. И отъ тебя родились двое малютокъ наполнить нашу долю улыбками, и мы снова счастливы подъ сіяющимъ утромъ жизни. Эти радости и ты, которая дала ихъ мнѣ, были пестунами пѣсни, которую я посвящаю тебѣ“. Далѣе, онъ такъ описываетъ Мери: „Сказать, кто ты? Я знаю, но не съумѣю выразить; время выскажетъ это теченіемъ своихъ безмолвныхъ годовъ. Я вижу въ блѣдности твоихъ задумчивыхъ чертъ, и въ свѣтѣ, появящемся на твоемъ широкомъ челѣ, и въ твоей ясной улыбкѣ, въ твоихъ слезахъ и въ твоей тихой рѣчи пророчество, которое разсѣетъ мои тревоги; въ твоихъ глазахъ и въ твоей душѣ я вижу свѣтъ чистаго огня, который въ тебѣ горитъ. Говорятъ, что ты была прелестна со дня рожденія, ты, многообѣщающее дитя славныхъ родителей. Я не удивляюсь тому. Одинъ изъ нихъ покинулъ землю, и жизнь его, какъ закатъ яснаго свѣтила, одѣла тебя чистымъ отблескомъ своей славы; эта слава проводила тебя черезъ мрачныя и дикія бури, которыя потрясли нашу жизнь въ послѣдніе годы; отъ нихъ тебѣ прибѣжищемъ было знаменитое имя твоего отца“.

Этотъ смѣлый шагъ поэта возстановилъ противъ него общественное мнѣніе, и онъ покинулъ Англію столько же для Мери, сколько и для своего здоровья, требовавшего климата юга. Молодая чета, вмѣстѣ съ одной родственницей, переѣхала Ламаншъ, и потомъ, купивъ осла и навьючивъ его своимъ нероскошнымъ имуществомъ, пѣшкомъ прошла Францію въ Швейцарію. Вернувшись съ Мери въ Англію, поэтъ снова жилъ въ крайности, пока смерть дѣда не измѣнила его обстоятельства. Отецъ его сдѣлался перомъ, и Шелли, какъ наслѣдникъ будущаго перства, получилъ 1,000 ф. ежегоднаго дохода. Несмотря на умѣренные привычки Шелли, этого было далеко недостаточно для него. Кошелькъ поэта былъ, какъ и его сердце, постоянно открытымъ для

страдающаго челоѣчества; онъ отказывалъ себѣ во всѣхъ прихотяхъ, чтобы отдавать все, что могъ, на то, что онъ называлъ „purposes of justice“, т.-е. дѣли справедливости, возбуждая этими словами безконечное зубоскальство мѣщанства. Этой раздачей денегъ онъ хотѣлъ передъ своей совѣстью искупить несправедливыя привилегіи своего положенія, которыя были куплены униженіемъ и нищетою народа.

Въ 1816 году онъ, по смерти Гарриэтъ Уэстбрукъ, обвинчался съ Мери, чтобы оградить ее отъ оскорбленій общества. Около этого времени онъ серьезно занемогъ опасной глазной болѣзнью, которую схватилъ въ нищенскихъ кварталахъ Лондона. Еще въ 1815 году онъ занемогъ другой болѣзнью вслѣдствіе посѣщенія госпиталей, гдѣ онъ учился ходить за больными. Спазмы въ груди, которыми онъ страдалъ съ дѣтства, грозили перейти въ чахотку, болѣзнь глазъ грозила лишить его зрѣнія. Мери увезла больного поэта на югъ.

Они поселились въ Миланѣ. Неизвѣстно, хотѣлъ ли поэтъ навсегда покинуть родину, которая избивала своихъ пророковъ, но съ тѣхъ поръ онъ не возвращался болѣе туда, и въ 1822 году, послѣ бурной жизни, нашелъ смерть въ бурѣ на морѣ 16-го августа. Тѣло его было отыскано черезъ двѣ недѣли, и такъ-какъ строгіе карантинные законы воспрещали перевезти его на протестантское кладбище, то оно было сожжено въ присутствіи Байрона и немногихъ друзей и почитателей поэта. Сердце, по странной случайности, не сгорѣло и выстѣ съ остатками собрано въ урну, привезено женѣ и впоследствии похоронено на протестантскомъ кладбищѣ.

Жена его едва не сошла съ ума отъ страшнаго удара. Она пережила поэта многими годами и до самой смерти сохранила релігиозный культъ его памяти. Она издала его сочиненія съ примѣчаніями и записками, которыя послужили матеріаломъ для многочисленныхъ біографій поэта, появившихся много лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда пробуждающееся общество начало цѣнить того, кого при жизни забросало камнями. Шелли погибъ едва тридцати лѣтъ въ то время, когда его причудливый гений началъ созрѣвать и общалъ челоѣчеству новыя великія пѣсни освобожденія.

II.

Прежде, нежели приступимъ къ оцѣнкѣ Шелли какъ поэта, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о его политической или, вѣр-

нѣе сказать, агитаторской дѣятельности; въ ней можно найти ключъ къ многимъ его политическимъ памфлетамъ и сатирамъ. Шелли, какъ наследника перства, при его рѣдкихъ способностяхъ, ждала блестящая политическая карьера. Въ Оксфордѣ, несмотря на вражду педантовъ, студенты-товарищи пророчили ее ему, говоря, что Шелли будетъ славой Оксфорда; а несмотря на презрѣніе, съ какимъ относится къ сужденіямъ молодежи зрѣлый практическій возрастъ, рѣдко кто можетъ дать такую вѣрную оцѣнку способностей и нравственнаго достоинства юноши, какъ его товарищи. Шелли, уважая преданія, подчиняясь общественному мнѣнію, могъ бы дойти до степеней извѣстныхъ, занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди людей, предписывающихъ въ Англіи законы народу. Онъ выбралъ себѣ другой путь, тернистый путь, и твердо шелъ по немъ до послѣдней минуты, не смущаясь ни посмѣяніемъ тупоумной толпы, вынося бодро нищету и лишенія. „Обычныя побужденія, управляющія людьми, расчетъ на настоящія или будущія выгоды, на высокое положеніе въ свѣтѣ или богатство, упреки, глумленія и похвалы окружающихъ его людей, которые были его друзьями или врагами, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на его поступки, не имѣли повидимому ни малѣйшаго и на его мысли“, говоритъ о немъ Мери Вульстонкрафтъ. Поэтъ шелъ своимъ путемъ, проповѣдуя братство и свободу. Правда человѣчества стояла для него выше узкаго патриотизма. Ради нея онъ не побоялся раздражить народныя предрасудки. Онъ громко говорилъ, что угнетеніе Ирландіи—вѣчное пятно на чести Англіи. Онъ не остановился на словахъ, и въ волненіяхъ, охватившихъ Ирландію въ началѣ текущаго столѣтія, сталъ на сторону ирландцевъ. Шелли принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи о'Коннелла и въ обществѣ ирландцевъ, имѣвшемъ цѣлю отмѣну акта соединенія Ирландіи съ Великобританіей (Repeal of the union act). Его агитаторская дѣятельность имѣла большое вліяніе не вслѣдствіе политическихъ способностей, но вслѣдствіе его положенія. Шелли не имѣлъ ораторскихъ способностей; голосъ его въ минуты волненія принималъ рѣзкія, кричащія ноты и ему необходимо было останавливаться часто, чтобы перевести духъ, такъ что рѣчь его состояла изъ отрывистыхъ, короткихъ фразъ. Онъ не умѣлъ управлять владѣвшимъ имъ чувствомъ. Это не мѣшало ирландцамъ перевозносить его какъ оратора, и въ дублинской газетѣ „Evening Post“, 29-го февраля 1812 г. можно прочесть слѣдующій отчетъ о рѣчи Шелли: „Мистеръ Шелли просилъ голоса: онъ сказалъ, что онъ англичанинъ, но что при мысли о преступленіяхъ, совершенныхъ его націей надъ ирландцами, онъ не могъ не кра-

снѣтъ за своихъ согражданъ; онъ зналъ, какъ произволъ развращалъ сердца людей (Громкія рукоплесканія въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ). Онъ пріѣхалъ въ Ирландію съ исключительной цѣлью принять участіе въ бѣдствіяхъ ея, онъ былъ глубоко потрясенъ страданіями, которыя выносила Ирландія, и по зрѣломъ размышленіи полагалъ, что ихъ слѣдуетъ приписать гибельнымъ послѣдствіямъ единства законодательства съ Великобританіей. Онъ ходилъ по улицамъ города и видѣлъ храмъ свободы, превращенный въ храмъ маммона (громкія рукоплесканія). Онъ видѣлъ нищенство и голодъ въ этой странѣ, какихъ онъ не видалъ никогда въ другой, и говорилъ, что причиной этого зла—соединеніе съ Великобританіей (Слушайте, слушайте!). Онъ рѣшился дѣлать все, что могъ, для отмѣны этого соединенія. Эманципація католиковъ должна во многомъ способствовать улучшенію положенія народа, но онъ былъ убѣжденъ, что отмѣна соединенія несравненно прамѣе поведетъ къ цѣли. Онъ доказывалъ, что жертвы, чьи тѣла еще вачались на висѣлицахъ, были доведены этимъ соединеніемъ до преступленій, которыя они искупили своею жизнью“.

Шелли написалъ воззваніе къ ирландскому народу, и пустилъ его по низкой цѣнѣ 5 пенсовъ, для того, чтобы оно быстрѣе расходилось въ народѣ. Онъ указывалъ, какъ и въ своей рѣчи, на эманципацію католиковъ и отдѣленіе отъ Англіи, какъ на единственное средство устранить всѣ бѣдствія. Брошюра быстро расходилась. Она начиналась воззваніемъ къ братству народовъ, любимой идеей Шелли. „Братъя — писалъ Шелли—я не ирландецъ, но я могу сочувствовать вамъ; я надѣюсь, что между вами не найдется ни одного человѣка, который прочелъ бы съ предубѣжденіемъ или насмѣшкой это воззваніе, потому что оно написано англичаниномъ. Всѣ несчастные мнѣ сограждане и братья. Я бы желалъ знать, что есть такое особенное въ англичанинѣ, испанцѣ, французѣ, что можетъ сдѣлать его лучшимъ или худшимъ человѣкомъ, нежели какимъ онъ есть на дѣлѣ. Онъ родился въ одномъ городѣ, вы въ другомъ, но это не можетъ быть причиной, чтобы онъ не могъ вамъ, или вы ему желать добра, дать охотно полезный совѣтъ, который бы сдѣлалъ васъ болѣе способными понимать ваши собственныя выгоды, и указалъ вамъ: какъ поступать, чтобы обезпечить ихъ себѣ. Есть англичане, которые осуждаютъ все ирландское и думаютъ, что достигнуть своей цѣли униженіемъ Ирландіи; но они держатся этихъ мнѣній и поступаютъ такъ не потому, что они англичане, но потому, что хотятъ добиться денегъ, титуловъ и власти. Они поступали бы такимъ образомъ, къ какой бы стра-

нѣ они ни принадлежали, пока человѣчество не измѣнится къ лучшему. Надѣюсь, что настанетъ день, когда это превращеніе наконецъ совершится. Я обращаюсь къ вамъ какъ къ братьямъ, такимъ же людямъ, какъ я. Я бы хотѣлъ видѣть ирландца, который, еслибы Англія была такъ же угнетена, какъ Ирландія, еслибы онъ шайкой людей, угнетающихъ общество, вмѣсто того, чтобы служить ему, былъ лишенъ права пользоваться всѣми благами общественной жизни, какъ лишены этого права ирландцы, — я бы хотѣлъ видѣть этого человѣка, который остался бы равнодушнымъ при видѣ этихъ бѣдствій, и имѣя силы и средства не поспѣшилъ бы на помощь имъ, то я сказалъ бы ему, что онъ не ирландецъ, не человѣкъ, а какой нибудь позорный выкидышъ, воспитанный при дворѣ, или трусливый дуракъ, который умѣетъ быть демократомъ въ отношеніи тѣхъ, кто выше его, и аристократомъ въ отношеніи тѣхъ, кто ниже⁶. Затѣмъ Шелли сорѣвывалъ ирландскому народу добиваться своей цѣли мирными агитаціями, устройствомъ ассоціацій, и съ жаромъ убѣждалъ его въ необходимости сдерживать себя и не губить напрасныхъ жертвъ въ кровавыхъ вспышкахъ, которыя разжигали демагоги и которыя, при неравенствѣ силъ, привели бы къ одной гибели. Въ заключеніе онъ даетъ совѣтъ народу учить дѣтей и образовывать изъ нихъ гражданъ, идеалъ которыхъ онъ даетъ яснымъ и простымъ языкомъ, и устроить общество, члены котораго были бы соединены крѣпкой связью правилъ, рассчитанныхъ для достиженія великой цѣли: добродѣтели, счастья, свободы и знанія, которое оказывало бы умственное и нравственное сопротивление злоупотребленіямъ⁶.

Брошюра эта возбудила хохотъ въ партіи тори, тѣмъ болѣе, что девятнадцатилѣтній политикъ въ предисловіи сказалъ, что пробывъ двѣ недѣли въ Ирландіи, онъ хорошо изучилъ расположеніе умовъ народа, который единодушно желаетъ отдѣленія отъ Англіи. Но если это отдѣленіе не осуществилось, за то осуществилось хотя отчасти то, о необходимости чего проповѣдывалъ девятнадцатилѣтній политикъ. Англія признала, что единство законовъ невозможно для Ирландіи, и приняла въ послѣдніе годы мѣры, которыхъ требовало положеніе Ирландіи. Дальновидные политики того времени не были способны отличить изъ-за идеальныхъ мечтаній о будущемъ то, что было приложимаго для настоящаго въ пропагандѣ поэта.

Шелли пришлось вскорѣ убѣдиться, что и въ свободной странѣ нельзя безнаказанно возставать противъ силы. Несмотря на то, что агитаторская дѣятельность его не выходила за границы свободнаго выраженія мнѣній, этого неотъемлемаго права каж-

даго рожденнаго свободнымъ британца, и была враждебна тѣмъ, которые съ почвы обсуждения вопроса и пропаганды хотѣли перейти на почву революціи,—ему пришлось оставить Ирландію политическимъ бѣглецомъ. Продажная аристократія, управлявшая Англійей, приостановила habeas corpus act и полиція явилась къ Шелли предложить ему на выборъ тюремное заключеніе или немедленный выѣздъ изъ Ирландіи. Онъ пріютился на островѣ Мэнъ—этомъ убѣжищѣ политическихъ преступниковъ и неоплатныхъ должниковъ.

Кромѣ воззванія къ ирландскому народу была и другая причина, заставившая Шелли бѣжать на островъ Мэнъ. То была его знаменитая декларация правъ человѣка—плодъ думъ девятнадцатилѣтняго юноши о судьбахъ человѣчества. Шелли напечаталъ и поручилъ преданному слугѣ своему Даніэлю Гиллю раздавать ихъ прохожимъ по улицѣ. На декларациі не было выставлено названіе типографіи, какъ того требовалъ законъ. Даніэль былъ арестованъ въ Барнстэплѣ, маленькомъ городкѣ, и присужденъ къ 200 ф. пени, за распространеніе возмутительныхъ сочиненій. Онъ показалъ при допросѣ, что листки были даны ему незнакомымъ джентльменомъ, одѣтымъ въ черное, который тутъ же далъ ему 5 ш. за раздачу и обѣщалъ еще болѣе. Впоследствии оказалось, что Даніэль былъ слуга Шелли, и авторъ декларациі правъ, былъ отысканъ.

Декларация правъ, написанная Шелли, была интересна только какъ характеристика его личности. Сама въ себѣ же не заключала ничего особеннаго, будучи сколкомъ съ двухъ подобныхъ документовъ изъ исторіи великой французской революціи: первого—принятаго учредительнымъ собраніемъ въ августѣ 1789 года, и второго—предложеннаго въ апрѣлѣ 1793 года Робеспьеромъ. Кромѣ того, разосланная полуграмотнымъ фермеромъ и батракомъ, декларация правъ не могла быть особенно странна англійскому правительству. Несмотря на это, она вмѣстѣ съ балладой: „Прогулка дьявола“ навлекли на Шелли гоненіе. Одинъ городской писецъ въ Борнстэплѣ, небольшомъ городкѣ, переслалъ оба произведенія лорду Сидмуту, министру внутреннихъ дѣлъ, и тѣмъ въ глазахъ согражданъ и лордовъ приобрѣлъ права на благодарность отечества. Слугу Шелли, Даніэля Гилля арестовали. Лордъ Сидмутъ написалъ полицейскимъ властямъ городка:

„Лордъ Сидмутъ съ благодарностью увѣдомляетъ о полученіи письма. Совѣтуетъ слѣдить за мистеромъ Шелли, если онъ еще въ Лондонѣ. Желательно было бы получить изъ почтамта адреса всѣхъ корреспондентовъ, которымъ онъ пишетъ. Лордъ Сид-

муть будетъ благодаренъ за дальнѣйшія свѣдѣнія о мистерѣ Шелли. Въ то же время и здѣсь будутъ наведены справки о немъ. Лордъ Сидмутъ вполне одобряетъ всѣ мѣры, принятыя въ отношеніи Даніэля Гилля. Августа 22-го, 1812^а.

Не одно министерство внутреннѣхъ дѣлъ переполошилось отъ обоихъ произведеній Шелли: почтмейстеръ въ Борнстэплѣ послалъ въ тотъ же самый день своему начальнику-мистеру, впоследствии сэру, Фрэнсису Фрилингу, секретарю управленія почтами, экземпляръ прокламаціи и поэмы при письмѣ, съ увѣдомленіемъ объ арестѣ Даніэля Гилля. Секретарь сдѣлалъ отмѣтку на письмѣ и переслалъ его лорду Чичестеру, главному управляющему почтами, который прибавилъ слѣдующую замѣтку къ запискѣ мистера Фрилинга: „Я считаю необходимымъ сообщить эти обстоятельства государственному секретарю. Безполезно говорить объ этомъ семейству Шелли, оно уже довольно пострадало отъ его поведенія“.

Между тѣмъ, причина всей этой тревоги, увидѣвъ, что невозможно распространять свои прокламаціи по землѣ, придумалъ распространять ихъ по свѣту моремъ. Онъ заготовилъ значительное количество бутылокъ и деревянныхъ игрушечныхъ лодочекъ съ крошечными флагами, и хорошо просмоливъ ихъ, пускалъ въ море. Писецъ Борнстэпла овладѣлъ одной прокламаціей, потому что теченіе прибило бутылку къ берегу. Можно улынуться этому ребяческому способу преобразовать міръ; но это ребячество въ Шелли было ребячествомъ гениальной природы. Ни борнстэпльскіе альдермены, ни писцы, ни управляющіе почтами и министры внутреннѣхъ дѣлъ не предвидѣли, что черезъ два поколѣнія юноша, надъ словучими прокламаціями котораго они смѣялись, будетъ признанъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ своего времени и страны. Флотилія корабликовъ и бутылокъ имѣла еще одинъ результатъ: Шелли начали подозрѣвать въ помѣшательствѣ. Одинъ мистеръ Личфильдъ, вѣроятно, изъ членовъ королевской скамьи, то-есть суда, писалъ, что онъ говорилъ съ мистеромъ Бекстомъ, и они оба нашли, что „невозможно принять какія-нибудь мѣры касательно мистера Шелли, вслѣдствіе его въ высшей степени необыкновеннаго и необъяснимаго поведенія, и что слѣдовало дать порученіе какому-нибудь лицу слѣдить за его послѣдующимъ поведеніемъ и передавать свѣдѣнія о томъ, что оно замѣтитъ. На этой запискѣ стояла помѣтка: „увѣдомьте немедленно мера Борнстэпла“, и вслѣдъ за тѣмъ, къ Шелли, заботами попечительнаго правительства, былъ приставленъ шпіонъ. Но когда шпіонъ явился отправлять свое шпіонство, Шелли былъ далеко за предѣлами Борнстэпла.

Шелли еще разъ выступилъ въ роли политическаго агитатора, когда въ Англіи былъ поднятъ вопросъ о парламентской реформѣ. Продажность, подкупы при выборахъ, и такъ-называемыя гнилыя мѣстечки (rotten boroughs), которыя раздавали министры своимъ клиентамъ, чтобы усилить свою партію, давно возбуждали негодованіе націи. Шелли хотѣлъ, чтобы реформа была радикальная и была произведена не партіей, которая искажила бы ее ради своихъ своекорыстныхъ цѣлей, но общей волей народа, т.-е. той частью его, которая была способна понимать значеніе реформы. Онъ написалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Предложеніе, чтобы пустить реформу на голосованіе въ странѣ“. Въ этой брошюрѣ онъ говорилъ: „Великая реформа волнуетъ въ настоящее время народъ, и ни одинъ человѣкъ, или ни одна партія не можетъ быть компетентнымъ судьей, чтобы рѣшить ее; и дѣйствительно, нѣтъ никакихъ матеріальныхъ доказательствъ, которыя ручались бы за вѣрное предвидѣніе исхода вопроса и результатовъ принятой реформы. Но отъ этого исхода зависить, будемъ ли мы рабами или свободными людьми. Всѣ согласны въ томъ, что палата общинъ не представительница народа. Единственный теоретическій вопросъ, который намъ остается разрѣшить, тотъ — долженъ ли народъ самъ издавать для себя законы или быть управляемымъ законами и раззоряемымъ налогами, налагаемыми собраніемъ, которое представляетъ даже нѣсколько меньшую нежели тысячную долю всей націи“. Чтобы рѣшить вопросъ, Шелли предлагалъ созвать митингъ, на немъ должны были присутствовать всѣ, чьи выгоды требовали парламентской реформы. „Пусть тѣ, писалъ онъ, которые думаютъ, что народъ имѣетъ право требовать реформы въ томъ смыслѣ, чтобы палата была дѣйствительной представительницей народной воли, собираютъ голоса, чтобы узнать, насколько дѣйствительна воля большинства народа исполнять обязанности избирателей и требовать ихъ правъ. Населеніе Великобританіи и Ирландіи должно быть раздѣлено на 300 округовъ, каждый съ равнымъ числомъ душъ; изъ числа членовъ митинга 300 человѣкъ должны быть выбраны посѣщать каждаго изъ жителей округа, чтобы узнать, желаетъ ли онъ или нѣтъ подписаться подъ деклараціей. Декларация была составлена Шелли въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Палата общинъ не представляетъ воли британской націи, и потому мы, нижеподписавшіеся, объявляемъ всенародно, что наши подписи должны служить доказательствомъ нашего твердаго и торжественнаго убѣжденія, что свободѣ, счастью и величію націи, къ которой мы гордимся принадлежать, грозитъ опасность паденія отъ общественной испорченности и той продажности, ко-

торую добываются мѣста въ парламентѣ перами и членами палаты общинъ. Мы здѣсь заявляемъ передъ лицомъ Бога и нашего отечества наше обдуманное и неизмѣнное убѣжденіе. Это наше долъ, если мы составляемъ меньшинство по такому важному вопросу, какъ право представительства націи. Если наша сторона большинство, мы должны требовать этого права и заставить парламентъ принять мѣры для реформы, которыя бы сдѣлали членовъ его дѣйствительными представителями націи“. Въ слѣдующихъ параграфахъ деклараціи говорилось, что слѣдуетъ приступать къ агитаціи не ранѣе того времени, когда воля націи будетъ выяснена собраніемъ голосовъ, и излагались подробности плана; пятый параграфъ призывалъ націю къ устройству фондовъ для проведенія реформы и заявлялъ, что общество друзей реформы чуждо всякихъ революціонныхъ замысловъ и не выйдетъ изъ границъ мирной агитаціи. Этотъ параграфъ замѣчательнъ примѣчаніемъ, въ которомъ обрисовывалась возвышенная и наивная натура поэта: онъ предлагалъ всѣмъ друзьямъ реформы вносить десять процентовъ въ кассу общества, прибавляя: „У меня тысяча фунтовъ дохода, я долженъ содержать жену и дѣтей и удѣлять часть на долги справедливости, и я обязуюсь вносить ежегодно 100 ф. Я не имѣю права быть такого высокаго мнѣнія о своей особѣ, чтобы считать себя исключеніемъ, и увѣренъ, что каждый удѣлитъ охотно для этой цѣли десятую часть своего дохода..“

Наивный поэтъ судилъ о людяхъ по себѣ, и ошибся. Люди всего ту же развязываютъ свои кошельки. Агитація его въ пользу реформы кончилась ничѣмъ. Язва продажности и равнодушія къ общественному благу слишкомъ глубоко вѣлася въ нравы Англіи, и ее не исцѣлить было пламенными воззваніями, какъ бы искренни они ни были. За агитаціей Шелли осталась одна заслуга: она готовила умы. Реформа, о которой онъ мечталъ, чтобы каждый гражданинъ Англіи имѣлъ право черезъ представителей на участіе въ управленіи, еще и теперь зовется съ Англіи утопіей большинствомъ; но уже образовалось сильное меньшинство, которое и въ прессѣ, и въ научныхъ статьяхъ и на митингахъ народа заявляетъ, что рано-ли поздно-ли эта утопія должна осуществиться. Англія, понижая цензъ, роковымъ образомъ идетъ къ этой утопіи. И если ближайшими послѣдствіями агитаціи Шелли было расширеніе правъ лавочниковъ и фабрикантовъ, а народъ, блага котораго поэтъ имѣлъ въ виду, не получилъ отъ нея никакихъ выгодъ, то не поэтъ виноватъ въ томъ.

Шелли былъ республиканецъ; онъ говорилъ, что республи-

ка — система общественного порядка, которая всего болѣе способствуетъ благосостоянію народа, развиваетъ геній человѣка и поднимаетъ его на нравственную высоту. Но онъ проповѣдывалъ ее только въ своихъ поэмахъ; въ своей короткой дѣятельности политическаго агитатора онъ ни словомъ не обмолвился о республикѣ, самое имя которой было ненавистно націи; онъ говорилъ, что англичанъ надо постепенно приготовить къ понятію о чистой республикѣ. Несмотря на то, его ненавидѣли не только какъ республиканца, но какъ социалиста и коммуниста. Многія мѣста его поэмъ, гдѣ онъ говоритъ о бѣдствіяхъ народа, давали поводъ къ этому обвиненію, хотя эти мѣста не заключаютъ въ себѣ никакой опредѣленной социалистической доктрины о пересозданіи общества, а только выраженіе живаго чувства любви къ народу и сочувствія его страданіямъ и смутныхъ надеждъ ни иной, лучшей порядоку.

Многіе случаи изъ частной жизни Шелли давали пищу этимъ обвиненіямъ: его госпитальная практика для того чтобы выучиться лечить бѣдняковъ, разорявшія его безпрестанныя пожертвованія на общественныя и частныя нужды, что онъ звалъ уплатой долга справедливости. Такъ онъ, когда жилъ на берегу моря послѣ изгнанія своего изъ Ирландіи, устроилъ подписку на постройку плотины, когда сильный приливъ грозилъ смыть деревню и поля; онъ вошелъ въ долги, чтобы покрыть расходы на эту постройку, которая спасла отъ гибели и раззоренія цѣлое селеніе. Эти жертвы колоди глаза богачамъ, тѣмъ болѣе, что Шелли громко кричалъ, что на нихъ преимущественно должна лежать уплата "долга справедливости". Богачи охотно выступаютъ въ роли благодѣтелей: на брошенную горсть золота пріятно купить благодарность и похвалы, услаждающія тщеславіе; понятно, что они ненавидѣли человѣка, который лишалъ ихъ этого услажденія, тѣмъ болѣе, что передъ нравственнымъ смысломъ его жертвъ, бросаемыя ими горсти золота оказывались такъ ничтожными. Шелли обвиняли въ томъ, что онъ самъ съ наслажденіемъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ разжечь ихъ ненависть къ себѣ; обвиненіе это несправедливо тѣмъ, что слово "пользованіе" предполагаетъ рассчитанный образъ дѣйствій, тогда какъ расчетъ какого бы то ни было рода былъ несроденъ натурѣ поэта: онъ былъ весь порывъ, и когда черствость или низость общества возмущала его, онъ ни на минуту не задумывался высказать свое негодованіе. Каждый разъ, видя какъ рабочіе длинной вереницей шли съ фабрики въ свои темныя лачуги, онъ говорилъ: „Посмотрите на эти измороженные, несчастныя лица, и скажите, что мы должны думать о томъ обществѣ, гдѣ они живутъ“, и говорилъ это при людяхъ,

заправлявшихъ порядками общества. Неудивительно, что у него было много враговъ.

Такъ въ Марлоу, мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ около 1816 ^{г.}, про него пронесся слухъ, что онъ съ низкими идетъ грабить и рѣзать всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей, и вотъ по какому поводу. Возвращаясь домой, онъ увидѣлъ на снѣжной дорогѣ женщину въ обморокѣ; сынъ ея, молодой человекъ, напрасно бѣгалъ въ сосѣднее мѣстечко просить, чтобы кто-нибудь принялъ его мать въ домъ. Женщинѣ угрожала опасность заморознуть. Шелли предложилъ свою помощь; но до его дома было далеко, а женщинѣ нужна была немедленная помощь. Шелли побѣжалъ въ сосѣднее мѣстечко, рассчитывая на то, что его знали, но успѣлъ не болѣе молодаго человека. Онъ хотѣлъ возвратиться къ женщинѣ, когда къ подъѣзду одного изъ лучшихъ домовъ мѣстечка подъѣхала карета и изъ нея вышелъ пожилой джентльменъ; Шелли, принявъ самый изысканно вѣжливый тонъ, просилъ его принять женщину въ домъ; джентльменъ отказалъ, говоря, что женщина обманщица и поведеніе Шелли необыкновенно. Шелли настаивалъ, и джентльменъ пришелъ въ ярость. Тогда и Шелли вышелъ изъ себя. „Сэръ—вскричалъ онъ, и выраженіе его лица и фигуры измѣнилось такъ, что заставило стараго джентльмена отступить на шагъ, — я, къ сожалѣнію, скажу вамъ, что ваше поведеніе вовсе не необыкновенно, и если мое поведеніе изумляетъ васъ, то то, что я скажу вамъ, изумитъ васъ еще болѣе и, я надѣюсь, испугаетъ васъ. Такіе люди какъ вы, доведутъ до бѣшенства самый терпѣливый народъ, и если вашей странѣ будетъ революція, (что очень вѣроятно) помните, что я вамъ скажу, вашъ домъ, въ который вы отказываетесь принять несчастную женщину, будетъ сожженъ надъ ея головой.“ Испуганный джентльменъ поспѣшилъ вбѣжать въ свой домъ и долго боялся поджога. Шелли побѣжалъ въ дальнее мѣстечко, гдѣ жилъ поэтъ и другъ его Лей-Гѣнтъ, и съ помощью его перенесъ бѣдную женщину, которая въ теплѣ скоро оправилась. Оказалось, что она шла пѣшкомъ въ городъ, чтобы дать въ судѣ показаніе въ пользу сына, котораго несправедливо обвиняли въ какомъ-то преступленіи. Отъ волненія, усталости и холода съ ней сдѣлался обморокъ, который окончился ея смертью, еслибы поэтъ не спасъ ее и за это спасеніе заслужилъ репутацію поджигателя.

Трудно найти человека, который бы такъ полно жилъ общественной жизнью, какъ Шелли. Каждое общественное бѣдствіе такъ, какъ болѣзненно отзывалось на немъ, какъ и утрата лучшихъ друзей или любимаго сына, говорятъ его біографъ. Лей-Гѣнтъ рассказываетъ

сываетъ про него слѣдующій анекдотъ, который даетъ полную характеристику поэта—какъ человѣка. Громадный государственнй долгъ Англіи, слѣванный для поддержанія войны съ Наполеономъ, которая дала возможность аристократіи удержать свои мѣста и сивекуры, принесшій неисчислимыя бѣдствія народу, стоилъ Шелли многихъ бессонныхъ ночей. Онъ составилъ проектъ покрыть его общей подпиской, но этотъ проектъ такъ и остался проектомъ. Разъ Шелли зашелъ къ Лей-Гѣнту. Разстроенный видъ Шелли поразилъ его друга, но тотъ удержался отъ разспросовъ, чтобы еще болѣе не разстроить его. Шелли, молча, не здороваясь, взялъ стулъ, сѣлъ противъ Лей-Гѣнта, взялъ его за обѣ руки, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія спросилъ тономъ, которымъ обыкновенно сообщаютъ о какомъ нибудь страшномъ, неожиданно постигшемъ семейномъ несчастіи, или просятъ совѣта: „Скажите, Лей, что вы думаете о нашемъ національномъ долгѣ?“

Только немногіе друзья умѣли оцѣнить Шелли. Извѣрившійся въ человечество Байронъ говорилъ, что Шелли лучшій образецъ человѣка, какой можно встрѣтить въ жизни. Чернь порядочнаго общества ненавидѣла Шелли и изъ фанатизма, за то что онъ оскорблялъ предрасудки ея, и едва ли не еще болѣе за его нравственное превосходство, которое выставяло ея собственную прикиженность. Шелли, бичевавшій и стихомъ и словомъ ея черствость; продажность, своекорысте и униженіе, въ дѣлѣ личной обиды держался принципа любви и всепрощенія, который чернь не умѣла оцѣнить и приписывала это трусости и недостатку собственнаго достоинства. Какъ въ Итонѣ онъ подвергался насмѣшкамъ товарищей за то, что не возставалъ, противъ варварскаго обычая кулачныхъ боевъ, такъ и вступивъ въ свѣтъ онъ рисковалъ подвергнуться многимъ неприяностямъ отказываясь отъ дуэлей. Докторъ Байрона Полидоръ порядочный врачъ и плохой стихокропатель, воображалъ себя повтомъ и другомъ Байрона и считалъ Шелли своимъ соперникомъ по дружбѣ и по поэзії. Онъ оскорбилъ Шелли, и на его простое и братское замѣчаніе отвѣчалъ вызовомъ, который Шелли не принялъ. Отказъ этотъ вызвалъ новыя дерзкія оскорбленія со стороны Полидора, которымъ Байронъ положилъ конецъ, сказавъ: „Помните, Полидоръ, что если убѣжденія Шелли не допускаютъ его выйти на дуэль, то у меня нѣтъ такихъ убѣжденій“. Это отвращеніе къ дуэли приписывали трусости; толпѣ понятно только физическое мужество; Шелли обладалъ въ высшей степени и этимъ мужествомъ. Когда вскорѣ послѣ первой женитьбы онъ ѣхалъ по морю въ Англію въ Ирландію на небольшомъ суднѣ, поднялась страшная

буря, которая грозила неминуемой гибелью. Не только пассажиры, но и бывалые матросы растерялись. Шелли ободрить всѣхъ, началъ распоряжаться и шкиперъ благодаря его совѣтамъ и присутствію духа привелъ судно благополучно въ гавань. Въ благодарностъ онъ отказался взять съ Шелли плату за проѣздъ, говоря что онъ одинъ спасъ судно.

Разъ въ жизни поэтъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и самъ искалъ дуэли, но его вызвало на то законное чувство самосохраненія. Въ Пизѣ онъ пошелъ на почту справиться нѣтъ ли писемъ на его имя. У прилавка почтовой конторы стоялъ рослый мужчина въ шляпѣ и плащѣ, скрывавшихъ большую часть его лица. Услыхавъ имя Шелли, онъ вскричалъ: „Такъ это вы проклятый атеистъ Шелли!“ и ударилъ его кудакомъ по темени такъ сильно, что Шелли упалъ безъ чувства. Когда его, послѣ продолжительнаго обморока, привели въ чувство, оскорбителя давно простыли и слѣды. Узнали, что съ первымъ дилижансомъ уѣхалъ какой-то рослый мужчина англичанинъ. Шелли бросился по его слѣдамъ съ тѣмъ, чтобы вызвать его на дуэль, выслѣдилъ наконецъ въ маленькомъ городѣ Шелли, но когда пріѣхалъ въ гостиницѣ, гдѣ тотъ жилъ, не нашелъ его, и съ тѣхъ поръ не слышалъ ничего о немъ.

Всѣ эти оскорбленія и клеветы жестоко терзали впечатлительное сердце Шелли. Онъ не былъ способенъ закалить его презрѣніемъ, какъ Байронъ; наконецъ его строгая и чистая натура не могла искать забвенія въ томъ мутномъ источникѣ, въ которомъ искалъ его Байронъ. Не разъ въ жизни онъ бывалъ близокъ къ помѣшательству, и каждая новая клевета заставляла друзей опасаться за него. „На меня смотреть всѣ или знаютъ меня, или слышать обо мнѣ—писалъ онъ другу—какъ на исключеніе, какъ на рѣдкое чудовище разврата и преступленій, одинъ видъ котораго грязнитъ и развращаетъ“. Но въ этомъ слабомъ тѣлѣ жила сильная душа. Какъ ни страшно потрясали это тѣло огорченія отъ клеветъ; сознание ожесточенной вражды, которою отвѣтили ему люди за его горячую любовь, ничто не заставляло его отступить. Шелли исходилъ кровью, но шелъ впередъ. Не для него былъ сказанъ робкій совѣтъ:

Lift not the pointed veil, which those who live call life.

Онъ твердой рукой срывалъ пестро раскрашенное покрывало жизни.

Съ приближеніемъ зрѣлаго возраста (Шелли погибъ 31 года) эта болѣзненная впечатлительностъ стала проходить; Шелли сталъ спокойнѣе относиться къ клеветамъ современниковъ и на-

ходить утѣшеніе въ твердой вѣрѣ, что придетъ минута, когда его оцѣнятъ. Это болѣе спокойное состояніе духа отразилось на его талантѣ: онъ возмужалъ; въ немъ слышались, заглушаемые прежде болѣзненною нѣжностью, сильныя звуки; но въ то время когда немногіе, умѣвшіе цѣнить его, ожидали отъ него произведеній, въ которыхъ бы сказался его талантъ во всей полнотѣ развитія, судьба положила конецъ карьерѣ поэта.

Невозможно не остановиться долго съ глубокимъ, отраднымъ чувствомъ на такихъ личностяхъ, какъ Шелли: среди общества пигмеевъ, зарывшихся въ свои мелкіе интересы, забывшихъ высшія цѣли жизни; среди чудовищнаго равнодушія, продажности и общественнаго разложенія, они стоятъ одиноковолосами нравственнаго міра. Наше время, къ несчастію, слишкомъ склонно пренебрегать нравственными силами, оно заботится объ одномъ умѣ; но умъ откроетъ пути жизни, а дастъ ли онъ силы идти по нимъ? онъ уважаетъ „все недостойное, дикое, злое, но дастъ ли онъ силы на благое“? Эти вопросы дастъ чувство, воспитанное примѣрами такихъ людей.

М. Цебрикова.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ ¹.

II.

Илигиня М. Н. Вол—ская.

(Бабушкины записки).

ГЛАВА I.

Провазники внуки! Сегодня они
Съ прогулки опять воротились:
„Намъ, бабушка, скучно! Въ ненастные дни,
Когда мы въ портретной садились
И ты начинала рассказывать, намъ,
Такъ весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..“ По угламъ
Усѣлись. Но ихъ прогнала я:
„Успѣете слушать; рассказовъ монкъ
Достанеть на цѣлые томы,
Но вы еще глупы: узнаете ихъ,
Какъ будете съ жизнью знакомы!
Я все рассказала доступно вамъ
По вашимъ ребяческимъ лѣтамъ:
Идите гулять по полямъ, по лугамъ!
Идите же... пользуйтесь лѣтомъ!“

И вотъ, не желая остаться въ долгу
У внуковъ, пишу я записки;
Для нихъ я портреты людей берегу,
Которые были мнѣ близки,

¹ См. «Отечественныя Записки» 1873 года, № 4-й.

Я имъ завѣщаю альбомъ — и цвѣты
 Съ могилы сестры-Муравьевой,
 Коллекцію бабочекъ, флору Читы
 И виды страны той суровой;
 Я имъ завѣщаю желѣзный браслетъ...
 Пускай берегутъ его свято:
 Въ подарокъ женѣ, его выковалъ дѣдъ
 Изъ собственной дѣли когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
 Подъ Киевомъ, въ тихой деревнѣ;
 Любимая дочь я была у семьи.
 Нашъ родъ былъ богатый и древній,
 Но пуще отецъ мой возвысилъ его:
 Заманчивѣй славы героя,
 Дороже отчины — не зналъ ничего
 Боецъ, не любившій покоя.
 Творя чудеса, девятнадцать лѣтъ
 Онъ былъ полковымъ командиромъ,
 Онъ мужествомъ добылъ и лавры побѣдъ
 И почести, чтимыя миромъ.
 Военская слава его началась
 Персидскимъ и шведскимъ походомъ,
 Но память о немъ нераздѣльно слилась
 Съ великимъ 12-мъ годомъ:
 Тутъ жизнь его долгимъ сраженьемъ была.
 Походы мы съ нимъ раздѣляли,
 И въ мѣсяцъ иной не zapomнимъ числа,
 Когда бъ за него не дрожали,
 „Защитникъ Смоленска“ всегда впереди
 Опаснаго дѣла являлся...
 Подъ Лейпцигомъ раненый, съ пульей въ груди,
 Онъ вновь черезъ сутки сражался,
 Такъ лѣтопись жизни его говоритъ: ¹
 Въ ряду полководцевъ Россіи,
 Покуда отечество наше стоитъ,
 Онъ памятенъ будетъ! Вити
 Отца моего осыпали хвалою,
 Безсмертнымъ его называя;
 Жуковский почтилъ его громкой строфой,
 Россійскихъ вождей прославляя:
 Подъ Дашковой личнаго мужества жаръ

И жертву отца-патріота
 Поэтъ воспѣваетъ. 2) Воинственный даръ
 Являя въ побѣдахъ безъ счета,
 Не силой одною враговъ побѣждалъ
 Вашъ прадедъ въ борьбѣ исполинской:
 О немъ говорили, что онъ сочеталъ
 Съ отвагою геній воинской.

Войной озабоченъ, въ семействѣ своемъ
 Отецъ ни во что не мѣшался,
 Но крутъ былъ порою; почти божествомъ
 Онъ матери нашей казался,
 И самъ онъ глубоко привязанъ былъ къ ней.
 Отца мы любили—въ героѣ.
 Окончивъ походы, въ усадьбѣ своей
 Онъ медленно гасъ на покоѣ.
 Мы жили въ большомъ, подгородномъ дому.
 Дѣтей поручивъ англичанкѣ,
 Старикъ отдыхалъ 3. Я училась всему,
 Что нужно богатой дворянкѣ.
 А послѣ уроковъ бѣжала я въ садъ
 И глѣла весь день беззаботно,
 Мой голосъ былъ очень хорошъ, говорятъ,
 Отецъ его слушалъ охотно;
 Записки свои приводилъ онъ къ концу,
 Читалъ онъ газеты, журналы,
 Пирры задавалъ; наѣзжали къ отцу
 Сѣдые, какъ онъ, генералы,
 И шли безконечные споры тогда,
 Межъ тѣмъ молодѣжь танцовала.
 Сказать ли вамъ правду? была я всегда
 Въ то время царицею бала:
 Очей моихъ томныхъ огонь голубой
 И черная съ синимъ отливомъ
 Большая коса, и румянецъ густой
 На личикѣ смугломъ, красивомъ,
 И ростъ мой высокій, и гибкій мой станъ,
 И гордая поступь — плѣняли
 Тогдашнихъ красавцевъ: гусаровъ, уланъ,
 Что близко съ полками стояли.
 Но слушала я неохотно ихъ лесть...
 Отецъ за меня постарался:
 „Не время ли замужъ? Женихъ уже есть!

Онъ славно подь Лейпцигомъ дрался,
Его полюбилъ Государь, нашъ отецъ,
И далъ ему чинъ генерала:
Постарше тебя... а собой молодецъ,
Вол—скій! Его ты видала
На царскомъ смотру... и у насъ онъ бывалъ,
По парку съ тобой все шатался!“
— Да, помню! Высокій такой генераль...
„Онъ самый!“ Старикъ засмѣялся...
— Отецъ! онъ такъ мало со мной говорилъ!
Замѣтила я, покраснѣла...
„Ты будешь съ нимъ счастлива!“ круто рѣшилъ
Старикъ, — возражать я не смѣла...

Прошло двѣ недѣли, — и я подь вѣнцомъ
Съ Сергѣемъ Вол—скимъ стояла,
Немного я знала его женихомъ,
Немного и мужемъ узнала, —
Такъ мало мы жили подь кровлей одной,
Такъ рѣдко другъ друга видали!
По дальнимъ селеньямъ, на зимній постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объѣзжалъ безпрестанно Сергѣй,
А я, между тѣмъ, разхворалась;
Въ Одессѣ потомъ, по совѣту врачей,
Я цѣлое лѣто купалась;
Зимой онъ пріѣхалъ за мною туда,
Съ недѣлю я съ нимъ отдохнула
При главной квартирѣ... я снова бѣда!
Однажды я крѣпко уснула,
Вдругъ слышу я голосъ Сергѣя (въ ночи,
Почти на разсвѣтъ то было):
„Вставай! Поскорѣ найди мнѣ ключи!
Каминъ затопи!“ Я вскочила...
Взглянула: встревоженъ и блѣденъ онъ былъ.
Каминъ затопила я живо.
Изъ ящиковъ мужъ мой бумаги сносилъ
Къ камину — и жегъ торопливо.
Иныя прочитывалъ бѣгло, спѣша,
Иныя бросалъ, не читая.
И я помогала Сергѣю, дрожа
И глубже въ огонь ихъ толкая...
Потомъ онъ сказалъ: „Мы поѣдемъ сейчасъ“.

Волось мнѣ нѣжно касаясь.
 Все скоро уложено было у насъ,
 И утромъ, ни съ кѣмъ не прощаясь,
 Мы тронулись въ путь. Мы скакали три дня;
 Сергѣй былъ угрюмъ, торопился,
 Довезъ до отцовской усадьбы меня
 И тотчасъ со мною простился.

Глава II.

„Уѣхалъ!... Что значила бѣдность его
 И все, что въ ту ночь совершилось?
 Зачѣмъ не сказалъ онъ женѣ ничего?
 Недоброе что-то случилось!“
 Я долго не знала покоя и сна,
 Сомнѣнія душу терзали,
 „Уѣхалъ, уѣхалъ! опять я одна!..“
 Родные меня утѣшали,
 Отецъ торопливость его объяснялъ
 Какимъ-нибудь дѣломъ случайнымъ:
 „Куда-нибудь самъ императоръ послалъ
 Его съ порученіемъ тайнымъ,
 Не плачь! Ты походы дѣлила со мной,
 Превратности жизни военной
 Ты знаешь; онъ скоро вернется домой!
 Подъ сердцемъ залогъ драгоценной
 Ты носишь: теперь ты беречься должна!
 Все кончится ладно, родная:
 Жена муженька проводила одна,
 А встрѣтить, ребенка качая!..“

Увы! предсказанье его не сбылось!
 Увидѣться съ бѣдной женою
 И съ первенцомъ сыномъ отцу довелось
 Не здѣсь — не подъ кровлей родною!

Какъ дорого стоилъ мнѣ первенецъ мой!
 Два мѣсяца я прохворала.
 Изнучена тѣломъ, убита душой,
 Я первую няню узнала.

Спросила о мужѣ. — Еще не бывалъ!
 „Писалъ ли?“ — И писемъ нѣтъ даже.
 „А гдѣ мой отецъ?“ — Въ Петербургъ ускакалъ.
 „А братъ мой?“ — Уѣхалъ туда же.

„Мой мужъ не пріѣхалъ, нѣтъ даже письма,
 И братъ и отецъ ускакали“
 Сказала я матушкѣ: „Ѣду сама!
 Довольно, довольно мы ждали!“
 И какъ ни старалась упрашивать дочь
 Старушка, я твердо рѣшилась;
 Припомнила я ту послѣднюю ночь
 И все, что тогда совершилось,
 И ясно сознала, что съ мужемъ моимъ
 Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливамъ рѣчнымъ
 Пришлось черепахой тащиться.

Доѣхала я чуть живая опять.
 „Гдѣ мужъ мой?“ отца я спросила:
 — Въ Молдавію мужъ твой ушелъ воевать.
 „Не пишетъ онъ?..“ Глянулъ уныло
 И вышелъ отецъ... Недоволенъ былъ братъ,
 Прислуга молчала, вздыхая.
 Замѣтила я, что со мною хитрять,
 Заботливо что-то скрывая;
 Ссылаясь на то, что мнѣ нуженъ покой,
 Ко мнѣ никого не пускали,
 Меня окружили какой-то стѣной,
 Мнѣ даже газетъ не давали!
 Я вспомнила: много у мужа родныхъ,
 Пишу—отвѣчать умоляю.
 Проходятъ недѣли,—ни слова отъ нихъ!
 Я плачу, я силы теряю...

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
 Я клятвой отца увѣряла,
 Что я не пролью ни единой слезы,—
 И онъ и кругомъ все молчало!
 Любя, меня мучилъ мой бѣдный отецъ;
 Жалѣя, удваивалъ горе...

Узнала, узнала я все наконецъ!..
 Прочла я въ самомъ приговорѣ,
 Что былъ заговорщикомъ бѣднѣй Сергѣй:
 Стояли они на сторожѣ,
 Готовы несчастье отчизнѣ своей.
 Въ вину ему ставилось то же—
 Что онъ... Закружилась моя голова...
 Я вѣрить глазамъ не хотѣла...
 „Ужели?“... въ умѣ не вязались слова:
 Сергѣй—и безчестное дѣло!

Я помню, сто разъ я прочла приговоръ,
 Вникая въ слова роковыя;
 Къ отцу побѣжала,—съ отцомъ разговоръ
 Меня успокоилъ, родные!
 Какъ нѣжно онъ бѣдную дочь утѣшалъ!
 Я горько Сергѣя винила:
 Зачѣмъ онъ женѣ ничего не сказалъ? —
 Подумавъ, и то я простила:
 „Какъ могъ онъ болтать? Я была молода,
 Когда-жъ онъ со мной разставался,
 Я сына подъ сердцемъ носила тогда:
 За мать и дитя онъ боялся!“
 Такъ думала я.— „Пусть бѣда велика,
 Не все потеряла я въ мирѣ.
 Сибирь такъ ужасна, Сибирь далека,
 Но люди живутъ и въ Сибири!..“

Всю ночь я горѣла, мечтая о томъ,
 Какъ буду лелѣять Сергѣя.
 Подъ утро глубокимъ, вѣрительнымъ сномъ
 Уснула,—и встала бодрѣе.
 Поправилось скоро здоровье мое,
 Пріятельницъ я повидала,
 Нашла я сестру,—разспросила ее
 И горькаго много узнала!
 Несчастные люди!.. „Все время Сергѣя“
 (Сказала сестра) „содержался
 Въ тюрьмѣ; не видалъ ни родныхъ. ни друзей...
 Вчера только съ нимъ повидался
 Отецъ. Повидаться съ нимъ можешь и ты:
 Когда приговоръ прочитали,

Одѣли ихъ въ рубище, сняли кресты,
Но право свиданья имъ дали..“

.....

Я въ крѣпость поѣхала къ мужу съ сестрой.
Пришли мы сперва къ „генералу“,
Потомъ насъ привелъ генераль пожилой
Въ обширную, мрачную залу.
„Дождитесь, княгиня! мы будемъ сейчасъ!“
Раскланявшись вѣжливо съ нами,
Онъ вышелъ. Съ дверей не спускала я глазъ,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдаль,
За ними я мыслью летѣла.
Мнѣ чудилось: связку ключей принесли
И ржавая дверь заскрипѣла,
Въ угрюмой каморкѣ съ желѣзнымъ окномъ
Измученный узникъ томился.
„Жена къ вамъ пріѣхала!..“ Блѣдный лицомъ
Онъ весь задрожалъ, оживился:
— Жена!... Корридоромъ онъ быстро бѣжалъ,
Довѣряться слуху не смѣя...

— Вотъ онъ! громогласно сказалъ генералъ,
И я увидала Сергѣя...

Недаромъ надъ нимъ пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно блѣдно, глаза
Не такъ уже ярко свѣтились,
Но больше въ нихъ было, чѣмъ въ прежніе дни
Той тихой, знакомой печали;
Съ минуту пытливо смотрѣли они,
И радостью вдругъ заблестали,
Казалось, онъ въ душу мою заглянулъ...
Я горько, прижавъ къ его груди,
Рыдала... Онъ обнялъ меня и шепнулъ:
„Здѣсь есть посторонніе люди“.
Потомъ онъ сказалъ, что полезно ему
Узнать добродѣтель смиренья,
Что впрочемъ легко переносить тюрьму
И нѣсколько словъ ободренья
Прибавилъ... По комнатѣ важно шагаль

Свидѣтель: намъ было неловко...
 Сергѣй на одежду свою показалъ:
 „Поздравь меня, Маша, съ обновкой“
 И тихо прибавилъ: „пойми и прости“ —
 Глаза засверкали слезою,
 Но тутъ соглядатай успѣлъ подойти,
 Онъ низко понизъ головою.
 Я громко сказала: „Да, я не ждала
 Найти тебя въ этой одеждѣ“,
 И тихо шепнула: *я все поняла,
 Люблю тебя больше, чѣмъ прежде...*
 „Что дѣлать? И въ каторгѣ буду я жить“
 (Покуда мнѣ жить не наскучитъ).
 — Ты живь, ты здоровь, такъ о чемъ же тужить?
 (Видь каторга насъ не размучитъ)?

„Такъ вотъ ты какая!“ Сергѣй говорилъ,
 Лицо его весело было...
 Онъ вынулъ платокъ, на окно положилъ
 И рядомъ я свой положила,
 Потомъ, разставаясь, Сергѣевъ платокъ
 Взяла я—мой мужу остался...
 Намъ послѣ годичной разлуки часокъ
 Свиданья коротокъ казался,
 Но чтѣ-жъ было дѣлать! Нашъ срокъ миновалъ —
 Пришлось бы другимъ дожидаться...
 Въ карету меня посадили генералъ,
 Счастливо желалъ оставаться...

Великую радость нашла я въ платкѣ:
 Цалуя его, увидала
 Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ;
 Вотъ чтѣ я дрожа прочтала:
 „Мой другъ, ты свободна... Пойми—не пеняй!
 „Душевно я бодръ—и желаю
 Жене мою видѣть такой же. Прощай!
 Мамоткѣ поклонъ посылаю...“

Была въ Петербургѣ большая родня
 У мужа; все знать—да какая!
 Я ѣздилъ къ нимъ, волновалась три дня,
 Сергѣя спасти умоляя.
 Но сдѣлать они ничего не могли...

Я съ мужемъ еще повидалась
И время приспѣло: его увезли..
Какъ только одна я осталась,
Я тотчасъ послышала въ сердцѣ моемъ,
Что надо и мнѣ торопиться,
Мнѣ душень вазался родительскій домъ,
И стала я къ мужу проситься.

Теперь опишу вамъ подробно, друзья,
Мою роковую побѣду,
Вся дружно и грозно возстала семья
Когда я сказала: „я ѣду!“
Не знаю, какъ мнѣ удалось устоять,
Чего натерпѣлась я... Боже!...
Была изъ-подъ Кіева вызвана мать,
И братья пріѣхали тоже:
Отець „образумить“ меня приказалъ.
Они убѣждали, просили,
Но волю мою самъ Господь подерѣплялъ,
Ихъ рѣчи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы къ обѣду,
Отець мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ:
„На что ты рѣшилась?“—Я ѣду!
Отець промолчалъ... промолчала семья...
Я вечеромъ горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдругъ входитъ отецъ,—я вздрогнула...
Ждала я грозы, но печаленъ и тихъ
Сказалъ онъ сердечно и кротко:
„За что обижаешь ты кровныхъ родныхъ?
Что будетъ съ несчастнымъ сироткой?
Что будетъ съ тобою, голубка моя?
Тамъ нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты тамъ только могилу!“
И ждалъ онъ отвѣта, и взглядъ мой ловилъ,
Лаская меня и цалюа...
„Я самъ виновать! Я тебя погубилъ!“
Воскликнулъ онъ вдругъ негодуя:
„Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ были глаза!
Ужъ знала вся армія наша...“
И рвалъ онъ сѣдые свои волосы:

„Прости! не вазни меня, Маша!
Останься!..“ И снова молиль горячо...
Богъ знаетъ, какъ я устояла!
Припавъ головою къ нему на плечо
— „Поѣду!“ я тихо сказала...

„Посмотримъ!“... И вдругъ распрямился старикъ,
Глаза его гнѣвомъ сверкали:
„Одно повторяетъ твой глупый языкъ:
Поѣду! Сказать не пора ли
Куда и зачѣмъ? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умѣеть-ли думать твоя голова?
Врагами ты, что-ли, считаешь
И мать и отца? Или глупы они...
Что спорить ты съ ними, какъ съ ровней?
Поглубже ты въ сердце свое загляни,
Впередъ посмотри хладнокровнѣй,
Подумай!.. Я завтра увижусь съ тобой...“

Ушелъ онъ грозящій и гнѣвный,
А я, чуть жива, предъ иконой святой
Упала—въ истомѣ душевной...

ГЛАВА III.

„Подумай!..“ Я цѣлую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я Божію Матерь на помощь звала,
Совѣта просила у Бога,
Я думать училась: отецъ приказалъ
Подумать... нелегкое дѣло!
Давно-ли онъ думалъ за насъ—и рѣшалъ,
И жизнь наша мирно летѣла?

Училась я много; на трехъ языкахъ
Читала. Замѣтна была я
Въ парадныхъ гостинныхъ, на свѣтскихъ балахъ,
Искусно танцуя, игралъ;
Могла говорить я почти обо всемъ,
Я музыку знала, я пѣла,

Я даже отлично скакала верхомъ,
Но думать совсѣмъ не умѣла.

Я только въ послѣдній, двадцатый мой годъ
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да въ дѣтствѣ, бывало, сердечко вздрогнетъ,
Какъ грянетъ нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отецъ
Со мной не говаривалъ строго;
Осмынадцати лѣтъ я пошла подъ вѣнецъ
И тоже не думала много...

Въ послѣднее время моя голова
Работала сильно, пылала.
Меня неизвѣстность томила сперва,
Когда же бѣду я узнала,
Безсмѣнно стоялъ предо мною Сергѣй,
Тюрьмою измученный, блѣдный,
И много невѣдомыхъ прежде страстей
Посвялъ въ душѣ моей бѣдной.

Я все испытала, а больше всего
Жестокое чувство безсилья.
Я небо и сильныхъ людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнѣвъ мою душу больную палилъ,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было силъ,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непремѣнно я думать должна —
Отцу моему такъ угодно.
Пусть воля моя неизмѣнно одна,
Пусть всякая дума безплодна,
Я честно исполнить отцовскій привязъ
Рѣшилась, мой дорогіе.

Старикъ говорилъ: „Ты подумай о насъ,
Мы люди тебѣ не чужіе:
И мать, и отца, и дѣтя, наконецъ, —
Ты всѣхъ безразсудно бросаешь,
За что же?“ — Я долгъ исполняю, отецъ!
— „За что ты себя обрекаешь

На муку?" — Не буду я мучиться тамъ!
 Здѣсь ждетъ меня страшная мука.
 Да, если останусь, послушная вамъ,
 Меня истерзаетъ разлука.
 Не зная покоя ни ночью, ни днемъ,
 Рыдая надъ бѣднымъ сироткой,
 Все буду я думать о мужѣ моемъ
 Да слышать упрекъ его кроткой.
 Куда ни пойду я,—на лицахъ людей
 Я свой приговоръ прочитаю:
 Въ ихъ шопотѣ—повѣсть измѣны моей,
 Въ улыбкахъ ужоръ угадаю:
 Что мѣсто мое не на пышномъ балу,
 А въ дальней пустынѣ угрюмой,
 Гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ углу
 Терзается лютою думой
 Одинъ... безъ опоры... Скорѣе къ нему!
 Тамъ только вздохну я свободно.
 Дѣлила съ нимъ радость, дѣлить и тюрьму
 Должна я... Такъ небу угодно!..

Простите, родные! Мнѣ сердце давно
 Мое подсказало рѣшенье.
 И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!
 А въ васъ говорить—сожалѣнье.
 Да, ежели выборъ рѣшить я должна
 Межъ мужемъ и сыномъ—не болѣ,
 Иду я туда, гдѣ я больше нужна,
 Иду я къ тому, кто въ неволѣ!
 Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,
 Онъ скоро меня позабудетъ.
 Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,
 Сестра ему матерью будетъ.
 Онъ такъ еще малъ! А когда подростетъ
 И страшную тайну узнаетъ,
 Я вѣрю: онъ матери чувство пойметъ
 И въ сердцѣ ее оправдаетъ!

Но если останусь я съ нимъ... и потомъ
 Онъ тайну узнаетъ и спроситъ:
 „Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ отцомъ?..
 И слово укора мнѣ бросать?
 Т. ССVI. — Отд. I.

О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,
 Чѣмъ мужа лишитъ утѣшенья
 И въ будущемъ сына презрѣнье навлечь...
 Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..

А можетъ случиться — подумать боюсь! —
 Я перваго мужа забуду,
 Условіямъ новой семьи подчинюсь
 И сыну не матерью буду,
 А мачихой лютой?.. Горю со стыда...
 Прости меня, бѣдный изгнанникъ!
 Тебя позабыть! Никогда! никогда!
 Ты сердца единый избранникъ...

Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ онъ мнѣ!
 Его ты не знаешь! Сначала,
 Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ конѣ,
 Его предъ полкомъ я видала;
 О подвигахъ жизни его боевой
 Разказы товарищей боя
 Я слушала жадно — и всею душой
 Я въ немъ полюбила героя...

Позднѣе, я въ немъ полюбила отца
 Малютки, рожденного мною.
 Разлука тянулась межъ тѣмъ безъ конца.
 Онъ твердо стоялъ подъ грозю...
 Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь —
 Судьба свою волю творила! —
 Последнюю, лучшую сердца любовь
 Въ тюрьмѣ я ему подарила!

.....

Отецъ мой! должна я увидѣть его...
 Умру я, тоскуя по мужѣ...
 Ты долгу служи, не щадишь ничего,
 И насъ научилъ ты тому же...
 Герой, выводившій своихъ сыновей
 Туда, гдѣ смертельныя сраженья, —
 Не вѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей
 Ты самъ не одобрилъ рѣшенье?"

Вотъ что я продумала въ долгую ночь,
 И такъ я съ отцомъ говорила...
 Онъ тихо сказалъ: „Сумасшедшая дочь!“
 И вышелъ; молчали уныло
 И братья, и мать... Я ушла наконецъ...
 Тяжелые дни потянулись:
 Какъ туча ходилъ недовольный отецъ,
 Другіе домашніе дулись.
 Никто не хотѣлъ ни совѣтомъ помочь,
 Ни дѣломъ; но я не дремала,
 Опять провела я бессонную ночь,
 Письмо къ Государю писала
 (Въ то время молва начала разглашать,
 Что будто вернуть Трубецкую
 Съ дороги велѣлъ государь. Испытать
 Боялась я участь такую,
 Но слухъ былъ невѣренъ). Письмо отвезла
 Сестра моя К... О...
 Самъ царь отвѣчалъ мнѣ... Спасибо, нашла
 Въ отвѣтъ я доброе слово!
 Онъ полонъ былъ теплымъ участиемъ ко мнѣ,
 Къ судьбѣ моей горькой! Сначала
 Сказалъ Государь о суровой странѣ,
 Куда я поѣхать желала,
 Какъ грубы тамъ люди, какъ жизнь тяжела,
 Какъ возрастъ мой хрупокъ и нѣженъ;
 Потомъ намекнулъ (я не вдругъ поняла)
 На то, что возвратъ безнадеженъ;
 А дальше—извоилъ хвалою почтить
 Рѣшимость мою, сожалѣя,
 Что долгу покорный, не могъ пощадить
 Преступнаго мужа... Не смѣя
 Противиться чувствамъ высокимъ тайнымъ,
 Давалъ онъ свое позволеніе;
 Но лучше желалъ бы, чтобъ съ сыномъ моимъ
 Осталась я дома...

Волненіе

Меня охватило. „Я ѣду!“ Давно
 Такъ радостно сердце не билось...
 „Я ѣду! Я ѣду! Теперь рѣшено!“
 Я плавала, жарко молилась...

Въ три дня я въ далекой мой путь собралась,
 Все цѣнное я заложила,
 Надежною шубой, бѣльемъ запаслась,
 Простую кибитку купила.
 Родные смотрѣли на сборы мои,
 Загадочно какъ-то вздыхая;
 Отъѣзду не вѣрили никто изъ семьи...
 Последнюю ночь провела я
 Съ ребенкомъ. Нагнувшись надъ сыномъ моимъ,
 Улыбку малютки родного
 Запомнить старалась; играла я съ нимъ
 Печатью письма рокового.
 Играла и думала: „бѣдный мой сынъ!
 Не знаешь ты, чѣмъ ты играешь!
 Здѣсь участь твоя: ты проснешься одинъ,
 Несчастный! Ты мать потеряешь!“
 И въ горѣ упавъ на ручонки его
 Лицомъ, я шептала, рыдая:
 „Прости, что тебя, для отца твоего,
 Мой бѣдный, покинуть должна я...“

А онъ улыбался; не думалъ онъ спать,
 Любуясь красивымъ пакетомъ;
 Большая и красная эта печать
 Его забавляла...

Съ разсвѣтомъ
 Спокойно и крѣпко заснуло дитя,
 И щечки его заалѣли.
 Съ любимаго личика глазъ не сводя,
 Молясь у его колыбели,
 Я встрѣтила утро...

Я вмигъ собралась.

Сестру заклинала я снова
 Быть матерью сыну... Сестра повѣялась...

Кибитка была ужь готова.

Сурово молчали родные мои,
 Прощаніе было нѣмое.
 Я думала: „я умерла для семьи,
 Все милое, все дорогое
 Теряю... нѣтъ счета печальныхъ потерь!...“
 Мать какъ-то спокойно сидѣла,

Казалось, не вѣра еще и теперь,
 Чтобъ дочка уѣхать посмѣла,
 И каждый съ вопросомъ смотрѣлъ на отца,
 Сидѣлъ онъ поодаль понуро,
 Не молвилъ словечка, не поднялъ лица, —
 Оно было блѣдно и хмуро.
 Послѣднія вещи въ вибитку снесли,
 Я плакала, бодрость теряя,
 Минуты мучительно медленно шли...
 Сестру наконецъ обняла я
 И мать обняла. „Ну, Господь васъ храни!“
 Сказала я, братьевъ цалуя,
 Отцу подражая, молчали они...
 Старикъ поднялся, негодуя,
 По сжатымъ губамъ, по морщинамъ чела
 Ходили зловѣщія тѣни...
 Я молча ему образокъ подала
 И стала предъ нимъ на колѣни:
 „Я ѣду! хоть слово, хоть слово, отецъ!
 Прости свою дочь, ради Бога!...“
 Старикъ на меня поглядѣлъ наконецъ
 Задумчиво, пристально, строго
 И руки съ угрозой поднявъ надо мной
 Чуть слышно сказалъ (я дрожала):
 „Смотри! черезъ годъ возвращайся домой,
 Не то — проклянута!...“

Я упала...

Глава IV.

„Довольно, довольно объятій и слезъ!“
 Я сѣла — и тройка помчалась...
 „Прощайте родные!“ Въ декабрскій морозъ
 Я съ домою отцовскимъ разсталась,
 И мчалась безъ отдыха слишкомъ три дня,
 Меня быстрота увлекала,
 Она была лучшимъ врачомъ для меня...
 Я скоро въ Москву прискакала,
 Къ сестрѣ Зинаидѣ... *Мила и умна

Была молодая книгиня,
 Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!
 Искусство ей было святѣня.
 Она намъ оставила книгу новеллъ ⁵,
 Исполненныхъ граціи нѣжной,
 Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
 Влюбленный въ нее безнадежно;
 Въ Италиі годъ Зинаида жила
 И къ намъ — по сказанью поэта —
 „Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла“ ⁶.
 Царица московскаго свѣта,
 Она не чуждалась артистовъ, — житье
 Имъ было у Зины въ гостиной;
 Они уважали, любили ее
 И Сѣверной звали Коринной...

Поплакали мы. По душѣ ей была
 Рѣшимость моя роковая:
 „Крѣпись, моя бѣдная! будь весела!
 Ты мрачная стала такая,
 Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
 Какъ мы распростимся съ тобою?
 А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
 А вечеромъ пиръ я устрою.
 Небойся! все будетъ во вкусъ твоємъ,
 Друзья у меня не повѣсы,
 Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
 Съиграемъ любимыя пѣсны...“

И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я
 Въ Москвѣ уже многіе знали.
 Въ то время несчастные наши мужья
 Вниманье Москвы занимали:
 Едва огласилось рѣшенье суда,
 Всѣмъ было неловко и жутко,
 Въ салонахъ Москвы повторялась тогда
 Одна Ростовчинская шутка:
 „Въ Европѣ — сапожникъ, чтобъ бариномъ стать
 Бунтуеть, — понятное дѣло!
 У насъ революцію сдѣлала знать:
 Въ сапожники что-ль захотѣла?...“

И сдѣлалась я „героинею дня“.

Нетолько артисты, поэты —
 Вся двинулась знатная наша родня;
 Парадные, пугомъ кареты
 Гремѣли; напудривъ свои парики,
 Потемкину ровня по лѣтамъ
 Явились бывше тузы-старики,
 Съ отъѣнно-учтивымъ привѣтомъ;
 Старушки статсъ-дамы благо двора
 Въ объятія меня заключали:
 „Какое геройство!... Какая пора!...“
 И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
 Что въ ней мимоѣздомъ гостило
 Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
 Артистовъ тутъ множество было,
 Пѣвцовъ итальянцевъ тутъ слышала я,
 Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья
 Тутъ были, печалью убиты.
 Тутъ были родные ушедшихъ туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимыхъ тогда,
 Со мной дружелюбно простилась:
 Тутъ были О — — жій, В — — кій; былъ
 Поэтъ вдохновенный и милый,
 Поклонникъ кузины, что рано почилъ
 Безвременно взятый могилой.

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
 Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
 Въ Юрзуфѣ ⁷ онъ жилъ у отца моего.
 Въ ту пору проказъ и кокетства
 Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
 Бросали другъ въ друга цвѣтами.
 Все наше семейство поѣхало въ Крымъ
 И Пушкинъ отправился съ нами,
 Мы ѣхали весело. Вотъ наконецъ
 И горы, и Черное море!
 Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
 Гуляли мы тутъ на просторѣ.

Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.

Гибка, высока не по лѣтамъ,
 Покинувъ семью, я стрѣлю впередъ
 Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
 Безъ шляпки, съ распущенной, длинной косой,
 Полуденнымъ солнцемъ палима,
 Я къ морю лѣтѣла, — и былъ предо мной
 Видъ южнаго берега Крыма!
 Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
 Я прыгала, съ моремъ играла;
 Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
 До самой воды добѣгала,
 Когда же приливъ возвращался опять
 И волны грядой подступали,
 Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
 А волны меня настигали!...

И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
 Ботинки мои промочила:
 „Молчите! идетъ гувернантка моя!“
 Сказала я строго... (Я скрыла
 Что ноги промокли)... Потому я прочла
 Въ „Онѣгинѣ“ чудныя строки...⁸
 Я вспыхнула вся — я довольна была...
 Теперь я стара, такъ далѣки
 Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
 Что Пушкинъ въ то время казался
 Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
 Въ кого онъ тогда не влюблялся!
 Но, думаю, онъ не любилъ никого
 Тогда, кромѣ Музы: едва-ли
 Не больше любви занимали его
 Волненья ея и печали...

Юрзуфъ живописень: въ роскошныхъ садахъ
 Долины его потонули,
 У ногъ его море, вдали Аюдагъ...
 Татарскія хижины лънули
 Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
 На кручу лозой отягченной,
 И тополь мѣстами недвижно стоялъ
 Зеленой и стройной колонной.

Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,

Поэтъ на верху пріютился,
 Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
 Что въ море и горы влюбился.
 Прогулки его продолжались по днямъ
 И были всегда одиноки,
 Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ.
 Поанглійски бралъ онъ уроки
 У Лены, сестры моей: Байронъ тогда
 Его занималъ чрезвычайно.
 Случалось сестрѣ перевести иногда
 Изъ Байрона что-нибудь—тайно;
 Она мнѣ читала попытки свои,
 А послѣ рвала и бросала,
 Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
 Что Лена стихи сочиняла:
 Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
 И вывелъ все дѣло на сцену.
 Хвала переводы, онъ долго потомъ
 Конфузилъ несчастную Лену...

Окончивъ занятя, спускался онъ внизъ
 И съ нами дѣлился досугомъ;
 У самой террасы стоялъ кипарисъ,
 Поэтъ называлъ его другомъ,
 Подъ нимъ заставлялъ его часто разсвѣтъ,
 Онъ съ нимъ уѣзжая прощался...
 И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
 Въ туземной легендѣ остался:
 „Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
 Какъ въ небо луна выплывала,
 И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ — и пѣвцамъ
 Внимая, природа смолкала!
 Потомъ соловей—повѣствуетъ народъ —
 Леталъ сюда каждое лѣто:
 И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
 Къ забытому другу поэта!
 Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
 Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
 Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
 Внимая лишь ропоту моря...“
 Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
 Туристы его навѣщаютъ,

Садятся подъ нимъ, и на память съ него
 Душистыя вѣтки срываютъ...

Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
 Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
 Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
 Въ далекомъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
 Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
 Съ любовью, съ тоской безконечной
 Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
 Подругу той жизни безпечной!
 Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
 Судьбой озабоченъ моею,
 Я помню, родные, чтò онъ говорилъ,
 Да такъ передать не сумѣю:

„Идите, идите! Вы сильны душой,
 Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты,
 Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
 Пусть васъ не смущаютъ утраты!
 Повѣрьте, душевной такой чистоты
 Не стоитъ сей свѣтъ ненавистной!
 Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
 На подвигъ любви безкорыстной!
 „Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
 Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
 Въ немъ царствуетъ вѣчный, рассчитанный хладъ
 И пылею правду объемлетъ...

„Вражда умирится вліаньемъ годовъ,
 Предъ временемъ рухнетъ преграда,
 И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
 И сѣни домашняго сада!
 Цѣлбно вольется въ усталую грудь
 Долины наслѣдственной сладость,
 Вы гордо оглянете пройденный путь
 И снова узнаете радость.

„Да, вѣрю! недолго вамъ горе терпѣть,
 Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...

Но если придется въ степи умереть,
 Помянуть васъ словомъ сердечнымъ:
 Пльнителевъ образъ отважной жены,
 Явившей душевную силу,
 И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
 Сокрывшейся рано въ могилу!

„Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
 Поймется живыми сердцами,
 И за полночь правнуки ваши о васъ
 Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
 „Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души
 Черты незабвенныя ваши,
 И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
 Осушатся полныя чаши.“

.....

„Но что я?.. Дай Богъ вамъ здоровья и силъ!
 А тамъ и увидѣться можно:
 Мнѣ Царь „Пугачева“ писать поручилъ,
 Пугачъ меня мучить безбожно,
 Расправиться съ нимъ я на славу хочу,
 Мнѣ быть на Уралѣ придется.
 Поѣду весной, поскорѣй захвачу
 Что путнаго тамъ соберется,
 Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ!..“

Позтъ написалъ „Пугачева“,
 Но въ дальніе наши снѣга не попалъ.
 Какъ могъ онъ сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
 Я пѣнію жадно внимала;
 Сама я не пѣла,—была я больна,
 Я только другихъ умоляла:
 „Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...
 О, пойте же, пойте! играйте!..
 Ни музыки я не услышу такой
 Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..“

И чудные звуки лились безъ конца!

Торжественной пѣсней прощальной
 Окончился вечеръ,—не помню лица
 Безъ грусти, безъ думы печальной!
 Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
 Утратили холодъ надменной,
 И взоръ, что казалось на вѣки потухъ
 Свѣтился слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я пѣсни прелестнѣй
 Той пѣсни-молитвы о добромъ пути,
 Той благословляющей пѣсни...
 О, какъ вдохновенно играли они!
 Какъ пѣли!.. и плакали сами...
 И каждый сказалъ мнѣ: „Господь васъ храни!“
 Прощаясь со мной со слезами...

Г л а в а V.

Морозно. Дорога бѣла и гладка,
 Ни тучи на всемъ небосклонѣ...
 Обмерзли усы, борода ямщика,
 Дрожить онъ въ своемъ балахонѣ.
 Спина его, плечи и шапка въ снѣгу,
 Хрипѣть онъ, коней понукая,
 И кашляютъ кони его на бѣгу,
 Глубоко и трудно вдыхая...

Обычные виды: былая краса
 Пустынного русскаго края,
 Угромо шумѣть строевые лѣса,
 Гигантскія тѣни бросая;
 Равнины покрыты алмазнымъ ковромъ,
 Деревни въ снѣгу потонули,
 Мелькнулъ на пригоркѣ помѣщичій домъ,
 Церковныя главы блеснули...

Обычныя встрѣчи: обозъ безъ конца,
 Толпа богомоловъ старушекъ,
 Гремящая почта, фигура купца
 На грудѣ перинъ и подушекъ;
 Казенная фура! съ десятокъ подводъ:

Навалены ружья и ранцы.
 Солдатики! Жидкой, безусый народъ,
 Должно быть, еще новобранцы;
 Сынковъ провожаютъ отцы-мужики,
 Да матери, сестры и жены:
 „Уводять, уводять сердечныхъ въ полки!“
 Доносятся горькіе стоны...

Поднявъ кулаки надъ спиной ямщика,
 Неистово мчится фельдъегерь.
 На самой дорогѣ догнавъ русака,
 Усатый помѣщичій егеръ
 Махнулъ черезъ ровъ на проворномъ конѣ,
 Добычу у псовъ отбиваетъ.
 Со всей своей свитой стоитъ въ сторонѣ
 Помѣщикъ — борзыхъ подзываетъ...

Обычныя сцены: на станціяхъ адъ —
 Ругаются, спорять, толкуются.
 „Ну, трогай!“ изъ оконъ ребята глядятъ,
 Продрогшія куры дерутся;
 У кузницы бьется лошадеа въ станкѣ,
 Выходитъ весь сажей покрытый
 Кузнецъ съ раскаленной подковой въ ружѣ:
 „Эй, парень, держи ей копыты!“

Въ Казани я сдѣлала первый привалъ,
 На жесткомъ диванѣ уснула;
 Изъ оконъ гостиницы видѣла балъ
 И, каюсь, глубоко вздохнула!
 Я вспомнила: часъ или два съ небольшимъ
 Осталось до новаго года.
 „Счастливые люди! какъ весело имъ!
 У нихъ и покой, и свобода,
 Танцуютъ, смѣются!.. а мнѣ не знавать
 Веселья... я ѣду на муки!..“
 Не надо бы мыслей такихъ допускать,
 Да молодость, молодость, внуки!

Здѣсь снова пугали меня Трубецкой,
 Что будто ее воротили:
 „Но я не боюсь — позволенье со мной!“
 Часы уже десять пробили,

Пора! я одѣлась.—Готовъ ли ямщикъ?
 „Княгиня, вамъ лучше дождаться
 Разсвѣта“—замѣтилъ смотритель старикъ,
 „Мятель начала подыматься!“
 — Ахъ! то-ли придется еще испытать!
 Поѣду. Скорѣй ради Бога!..

Звенить колокольчикъ, ни зги не видать,
 Что дальше, то хуже дорога,
 Поталкивать начало сильно въ бока,
 Какими-то ѣдемъ грядями.
 Не вижу я даже спины ямщика:
 Бугоръ намело между нами.
 Чуть-чуть не упала кибитка моя,
 Шарахнулась тройка и стала.
 Ямщикъ мой захохалъ: „Докладывалъ я:
 Пождать бы! дорога пропала!..“

Послала дорогу искать ямщика,
 Кибитку рогожей закрыла,
 Подумала: вѣрно ужъ полночь близка,
 Пружинку часовъ подавила:
 Двѣнадцать ударило! Кончился годъ,
 И новыи успѣлъ народиться!
 Откинувъ цыновку, гляжу я впередъ—
 Попрежнему вьюга крутится.
 Какое ей дѣло до нашихъ скорбей,
 До нашего новаго года?
 И я равнодушна къ тревогѣ твоей
 И къ стонамъ твоимъ, непогода!
 Своя у меня роковая тоска
 И съ ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
 „Зимовка тутъ есть недалеко“,
 Сказалъ онъ: „разсвѣта дождемся мы въ ней!“
 Подѣхали мы, разбудили
 Какихъ-то убогихъ лѣсныхъ сторожей,
 Ихъ дымную печь затопили.
 Рассказывалъ ужасы житель лѣсной,
 Да я его сказки забыла....
 Согрѣлись мы чаемъ. Пора на покой!
 Мятель все ужаснѣе выла.

Лѣсникъ покрестился, ночникъ погасилъ
И съ помощью пасынка Феда
Огромныхъ два камня къ дверямъ привалилъ.
— Зачѣмъ? „Одолѣли медвѣди!“

Потомъ онъ улегся на голомъ полу,
Все скоро уснуло въ сторожкѣ,
Я думала, думала... лежа въ углу
На мерзлой и жесткой рогожкѣ....
Сначала веселыя были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цвѣты,
Подарки, задравныя чаши,
И шумныя рѣчи, и ласки.. кругомъ
Все милое, все дорогое—
Но гдѣ же Сергѣй?.. И подумавъ о немъ,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, какъ только ямщикъ
Продрогшій въ окно постучался.
Чуть свѣтъ на дорогу насъ вывелъ лѣсникъ,
Но деньги принять отказался.
„Не надо, родная! Богъ васъ защити,
Дороги-то дальше опасны!“
Брѣвчали морозы, по мѣрѣ пути,
И сдѣлались скоро ужасны.
Совсѣмъ я закрыла кибитку мою
И темно, и страшная скука,
Что дѣлать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдаетъ, пусть вѣтеръ реветъ
И путь мой заносить метели,
А все-таки я подвигаюсь впередъ!
Такъ ѣхала я три недѣли...

Однажды, слышавъ какой-то содомъ,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула: мы ѣдемъ обширнымъ селомъ,
Мнѣ сразу глаза ослѣпнло:
Пылали костры по дорогѣ моей...
Тутъ были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и цѣлый табунъ лошадей....

„Здѣсь станція: ждуть серебрянки“¹,
Сказалъ мой ямщикъ: „мы увидимъ ее,
Она, чай, идетъ недалече“....

Сибирь выслала богатство свое,
Я рада была этой встрѣчѣ:
„Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О мужѣ, о нашихъ узнаю,
При ней офицеръ, изъ Нерчинска ихъ путь“...
Въ харчевнѣ сижу, поджидаю...
Вошелъ молодой офицеръ; онъ курить,
Онъ мнѣ не кивнулъ головою,
Онъ какъ-то надменно глядѣлъ и ходилъ,
И вотъ я сказала съ тоскою:
„Вы видѣли вѣрно... извѣстны ли вамъ
Тѣ... жертвы декабрьскаго дѣла....
Здоровы они? Каково-то имъ тамъ?
О мужѣ я знать бы хотѣла“....
Нахально ко мнѣ повернулъ онъ лицо,—
Черты были злы и суровы,—
И выпустивъ изо-рту дыму кольцо
Сказалъ: „несомнѣнно здоровы,
Но я ихъ не знаю—и знать не хочу,
Я мало ли каторжныхъ видѣлъ“!..
Какъ больно мнѣ было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидѣлъ!..
Я бросила только презрительный взглядъ,
Съ достоинствомъ юноша вышелъ....
У печки тутъ грѣлся какой-то солдатъ,
Проклятье мое онъ услышалъ,
И доброе слово—не варварскій смѣхъ—
Нашелъ въ своемъ сердцѣ солдатскомъ:
„Здоровы!“ сказалъ онъ: „я видѣлъ ихъ всѣхъ!
Живутъ въ рудникѣ Благодатскомъ!..“
Но тутъ возвратился надменный герой,
Поспѣшно ушла я въ кибитку.
Спасибо, солдатики! спасибо, родной!
Не даромъ я вынесла пытку!

Поутру на бѣлыя стени гляжу,
Послышался звонъ колокольной,

¹ Обозъ съ серебромъ.

Тихонько въ убогую церковь вхожу,
 Смѣшалась съ толпой богомольной.
 Отслушавъ обѣдню, къ попу подошла,
 Молебень служить попросила...
 Все было спокойно,—толпа не ушла...
 Совсѣмъ меня горе сломило!
 За что мы обижены столько, Христось?
 За что поруганьемъ покрыты?
 И рѣки давно накопившихся слезъ
 Упали на жесткія плиты!
 Казалось, народъ мою грусть раздѣлялъ,
 Молясь молчаливо и строго,
 И голосъ священника скорбью звучалъ,
 Прося объ изгнанникахъ Бога....
 Убогой, въ пустынѣ затерянный храмъ!
 Въ немъ плавать мнѣ было не стыдно,
 Участье страдальцевъ, молящихся тамъ
 Убитой душѣ необходимо...

(Отецъ Іоаннъ, что молебень служилъ
 И такъ непритворно молился,
 Потомъ въ казематѣ священникомъ былъ
 И съ нами душой породнился).

А ночью ямщикъ не сдержалъ лошадей,
 Гора была страшно крутая,
 И я полетѣла съ кибиткой моей
 Съ высокой вершины Алтая!

Въ Иркутскѣ продѣлали то же со мной,
 Чѣмъ тамъ Трубецкую терзали....
 Байкаль. Переправа—и холодъ такой,
 Что слезы въ глазахъ замерзали.
 Потомъ я рассталась съ кибиткой моей:
 (Пропала санная дорога).
 Мнѣ жаль ее было: я плакала въ ней
 И думала, думала много!

Дорога безъ снѣгу—въ телегѣ! Сперва
 Телега меня занимала,
 Но вскорѣ потомъ, ни жива, ни мертва,
 Я прелесть телеги узнала.
 Узнала и голодъ на этомъ пути,
 Т. ССѢІ. — Отд. І.

Къ несчастію мнѣ не сказали,
 Что тутъ ничего невозможно найти,
 Тутъ почту бурята держали.
 Говядину вялятъ на солнцѣ они,
 Да грѣются чаемъ кирпичнымъ
 И тотъ еще съ саломъ! Господь сохрани
 Попробовать вамъ, непривычнымъ!
 За то подѣ Нерчинскомъ мнѣ задали балъ:
 Какой-то купецъ тароватый
 Въ Иркутскѣ замѣтилъ меня, обогналъ
 И въ честь мою праздникъ богатый
 Устроилъ..... Спасибо! я рада была
 И вкуснымъ пельменямъ, и банѣ....
 А праздникъ, какъ мертвая, весь проспала
 Въ гостиной его на диванѣ....

Не знаю я, что впереди меня ждетъ!..
 Я утромъ въ Нерчинскѣ присказала,
 Не вѣрю глазамъ,—Трубецкая идетъ!
 „Догнала тебя, я догнала!“
 — *Они въ Благодатскѣ!* — Я бросилась къ ней
 Счастливыя слезы роняя....

Въ двѣнадцати только верстахъ мой Сергѣй
 И Катя со мной Трубецкая!...

Г л а в а VI.

Кто зналъ одиночество въ дальнемъ пути,
 Чьи спутники — горе да вьюга,
 Кому провидѣньемъ дано обрести
 Въ пустынѣ нежданно друга,
 Тотъ нашу взаимную радость пойметъ...
 — Устала, устала я, Маша!
 „Не плачь, моя бѣдная Катя! Спасетъ
 Насъ дружба и молодость наша!
 Насъ жребій одинъ неразрывно связалъ,
 Судьба насъ равно обманула,
 И тотъ же потокъ твое счастье умчалъ,
 Въ которомъ мое потонуло.
 Пойдемъ же мы объ-руку труднымъ путемъ,

Какъ шли зеленѣющимъ лугомъ,
 И обѣ достойно свой крестъ понесемъ
 И будемъ мы сильны другъ другомъ.
 Что мы потеряли? подумай, сестра!
 Игрушки тщеславья... Немного!
 Теперь передъ нами дорога добра,
 Дорога избранныхъ Бога!
 Найдёмъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
 Но будемъ мы имъ утѣшенемъ,

.....
 Странанье осилимъ терпѣнемъ;
 Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ .
 Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
 И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
 Обѣта любви безкорыстной!..
 Чиста наша жертва, — мы все отдаемъ
 Избранникамъ нашимъ и Богу,
 И вѣрю я: мы невредимо пройдемъ
 Всю трудную нашу дорогу...“

Природа устала съ собой воевать —
 День ясной, морозной и тихой...
 Снѣга подъ Нерчинскомъ звились опять,
 Въ саняхъ покатали мы лихо...
 О ссыльныхъ рассказывалъ русскій ямщикъ
 (Онъ зналъ ихъ фамиліи даже):
 „На этихъ коняхъ я возилъ ихъ въ рудникъ,
 Да только въ другомъ экипажѣ.
 Должно быть, дорога легка имъ была:
 Шутили, смѣшили другъ дружку;
 На завтракъ ватрушку мнѣ мать испекла,
 Такъ я подарилъ имъ ватрушку,
 Двугривенный дали — я брать не хотѣлъ:
 — Возьми, паренекъ, пригодится...“

Болтая, онъ живо въ село прилетѣлъ,
 „Ну, барыни! гдѣ становиться?
 — Вези насъ къ начальнику прямо въ острогъ.
 „Эй, други, не дайте въ обиду!“

Начальникъ былъ тучень и вѣжесся строгъ,
 Спросилъ: — по какому мы виду?

„Въ Иркутскѣ читали инструкцію намъ
И выслать въ Нерчинскъ обѣщали...“
— Застряла, застряла голубушка тамъ!
„Вотъ копія, намъ ее дали...“
— Что копія? съ ней попадешься въ просакъ!
„Вотъ царское вамъ позволенье!“
Не зналъ пофранцузски упрямый чудакъ,
Не вѣрилъ намъ, — смѣхъ и мученье!
— Вы видите подпись царя: Николай? —
До подписи нѣтъ ему дѣла,
Ему изъ Нерчинска бумагу подай!
Поѣхать за ней я хотѣла,
Но онъ объявилъ, что отправится самъ
И къ утру бумагу добудеть.
— Да точно ли?... „Честное слово! А вамъ
Плезнѣ выспаться будетъ!..“

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнемъ утрѣ мечтаю;
Съ оконцемъ изъ слюды, низка, безъ трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стѣны,
А въ дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти намъ были смѣшны,
Не то ужъ случалось съ нами.
Мы вмѣстѣ! теперь бы легко я снесла
И самыя трудныя муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревнѣ отъ скуки:
Избушки такія-жъ какъ наша, числомъ
До сотни, въ оврагѣ торчали,
А вотъ и кирпичный съ рѣшетками домъ!
При немъ часовые стояли.
— Не здѣсь ли преступники? „Здѣсь, да ушли“.
— Куда? — „На работу вѣстимо“!
Какія-то дѣти меня повели...
Вѣжали мы всѣ — нестерпимо
Хотѣлось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
Онъ близко! Онъ шель тутъ недавно!
— Вы видите ихъ? я спросила дѣтей,
„Да, видимъ! — Поютъ они славно!“

Вотъ дверца... гляди же! Пойдемъ мы теперь,
Прощай!" Убѣжали ребята...

И словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я — и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой, — на голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть можете, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время
Народъ! я бодрѣ съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили...
„Вась въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!“
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья,
Умѣли посвоему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моею
Довольной улыбкой встрѣчали:
„Вы — ангелы наши!“ За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ помы
Картофель колодникъ клейменный.
„Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!“
Хорошъ былъ картофель печонный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю...
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо!... Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,

Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто — изъ народа, родные!..

Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
Какъ Бога его я просила! —
Свѣтильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ,
Въ какой-то подвалъ я вступила,
И долго спускалась все ниже; потомъ
Пошла я глухимъ коридоромъ,
Уступами шель онъ; темно было въ немъ
И душно; гдѣ плесень узоромъ
Лежала; гдѣ тихо струилась вода
И лужами къ низу стекала.
Я слышала шорохъ: земля иногда
Комками со стѣнъ упала;
Я видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ;
Базалось, такія-жъ дороги
Отъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
Проворно несли меня ноги!

И вдругъ я услышала крики: „Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамамъ туда:
Вернитесь скорѣй! Погодите!“
Бѣда моя! видно дежурный пришелъ
(Его часовой такъ боялся),
Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ золь,
Шумъ скорыхъ шаговъ приближался...
Что дѣлать? Я факель задула. Впередъ
Въ потьмахъ наугадъ побѣжала...
Господь коли хочетъ, вездѣ проведетъ!
Не знаю, какъ я не упала,
Какъ голову я не оставила тамъ!
Судьба берегла меня! Мимо
Ужасныхъ разсѣлинъ, проваловъ и ямъ
Богъ вывелъ меня невредимо:
Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
Тамъ звѣздочка словно свѣтилась...
И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
„Огонь!“ Я крестомъ осѣнилась....
Я сбросила шубу... Бѣгу на огонь,
Какъ Богъ уберегъ во мнѣ душу!

Попавшій въ трясины испуганный конь
Такъ рвется, завидѣвши сушу...

И стало, родные, свѣтлѣй, и свѣтлѣй!
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь... и тѣни на ней...
Чу, молоть! работа... движенье...
Тамъ люди! Увидать ли только они?
Фигуры отчетливѣй стали...
Вотъ ближе, сильнѣй замелькали огни. —
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявшій на самомъ краю
Воскликнулъ: „Не ангелъ ли Божій?
Смотрите, смотрите!“ — Вѣдь мы не въ раю:
Проклятая шахта похожѣй
На адъ!—говорили другіе смѣясь
И быстро на край выбѣгали,
И я приближалась поспѣшно. Двясъ,
Недвижно они ожидали.

— Вол — — кая! вдругъ закричалъ Т — — кой
(Узнала я голосъ). Спустили
Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
Все люди, знакомые были:

.....
.....

Потокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
Похвалъ моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья...
Но гдѣ же Сергѣй мой? „За нимъ ужъ пошли,
Не умеръ бы только отъ счастья!
Кончается урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россіи,
Какъ видите, насъ не убили труды!“
Веселые были такіе,
Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала;

.....
.....

Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ
Утѣшила я Т — — ого;

Всѣ письма по счастью были при мнѣ,
 Съ привѣтомъ изъ края родного
 Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ
 Внизу офицеръ горячился:
 „Кто лѣстницу принялъ? Куда и зачѣмъ
 Смотритель работъ отлучился?
 Сударыня! Вспомните слово мое
 Убьетесь!... Эй, лѣстницу, черти!
 Живѣй!“ ... (Но никто не подставилъ ее)...
 „Убьетесь, убьетесь до смерти!
 Извольте спуститься! да что-жь вы?... Но мы
 Все въ глубь уходили... Отвсюду
 Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
 Дивясь небывалому чуду.
 Они пролагали мнѣ путь впереди,
 Носилки свои предлагали...

Орудья подземныхъ работъ на пути,
 Провалы, бугры мы встрѣчали.
 Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
 Подъ пѣсни — работа надъ бездною!
 Стучались въ упругую грудь рудниковъ
 И заступъ и молотъ желѣзный.
 Тамъ съ ношею узникъ шагаль по бревну,
 Невольно кричала я „тише!“
 Тамъ новую мину вели въ глубину,
 Тамъ люди карабкались выше
 По шаткимъ подпоркамъ... Какіе труды!
 Какая отвага!.. Сверкали
 Мѣстами добытыя глыбы руды
 И щедрую дань обѣщали...

Вдругъ кто-то воскликнулъ: идетъ онъ! идетъ!
 Окинувъ пространство глазами,
 Я чуть не упала, рванувшись впередъ —
 Канавъ была передъ нами.
 — Потише, потише! Ужели затѣмъ
 Вы тысячи верстъ пролетѣли,
 Сказаль Т — — вой, чтобъ на горе намъ всѣмъ
 Въ канавѣ погибнуть — у цѣли?
 И за руку крѣпко меня онъ держаль:
 „Чтобъ было, когда-бъ вы упали?“

Сергѣй торопился, но тихо шагаль.
 Оковы уныло звучали.
 Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
 Рабочіе люди и стража...
 И вотъ онъ увидѣль, увидѣль меня!
 И руки простеръ ко мнѣ: „Мама!“
 И сталь, обезсиленный словно, вдали...
 Два ссыльныхъ его поддержали.
 По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
 Простертыя руки дрожали...

Душѣ моей милого голоса звукъ
 Мгновенно послалъ обновленье,
 Отраду, надежду, забвеніе мукъ,
 Отцовской угрозы забвенье!
 И съ крикомъ: „иду!“ я бѣжала бѣгомъ,
 Рванувъ неожиданно руку,
 По узкой доскѣ надъ зияющимъ рвомъ
 На встрѣчу призывному звуку...
 „Иду!...“ Посылало мнѣ ласку свою
 Улыбкой лицо испитое...
 И я подбѣжала... И душу мою
 Наполнило чувство святое.
 Я только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
 Услышавъ ужасные звуки,
 Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
 Вполнѣ поняла его муки,
 И силу его... и готовность страдать!..
 Невольно предъ нимъ я склонила
 Болѣни, — и прежде чѣмъ мужа обнять,
 Оковы къ губамъ приложила!..

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
 Въ подземныя копи, — въ мгновенье
 И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ
 И замерло словно движенье,
 Чужіе, свои — со слезами въ глазахъ
 Взволнованы, блѣдны, суровы
 Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
 Не издали звука оковы,
 И въ воздухъ поднятый молотъ застылъ...
 Все тихо — ни пѣсни, ни рѣчи...
 Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлиль

И горечь и счастье встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна. —

„Да гдѣ же вы всё запропали?
Вдругъ съ низу донесся неистовый крикъ.
Смотритель работъ появился.
„Уйдите!“ сказалъ со слезами старикъ:
„Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранять!
Начальники люди крутые...“
И словно изъ рая спустилась я въ адъ...
И только... и только, родные!
Порусски меня офицеръ обругалъ
Внизу, ожидавшій въ тревогѣ,
А сверху мнѣ мужъ пофранцузски сказалъ:
„Увидимся, Маша — въ острогѣ!..“

Н. Некрасовъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ: «Н. М. Н. В—АЯ».

1) См. «Дѣнія російскихъ полководцевъ и генераловъ, ознаменовавшихъ себя въ достопамятную войну съ Франціею, въ 1812—15 годахъ». С.-Петербургъ. 1822 года. Часть 3, стр. 80—64: Біографія генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевского.

2) См. соч. Жуковского изд. 1849 года, томъ 1, «Швецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» стр. 280.

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ радами
Онъ первый — грудь противъ мечей
Съ отважными сынами...

Фактъ, о которомъ здѣсь упоминается, въ «Дѣніяхъ» рассказанъ слѣдующимъ образомъ, часть 3, стр. 52.

«Въ сраженіи при Дашковѣ, когда храбрые Россіяне отъ чрезвычайнаго превосходства въ силахъ и ужаснаго дѣйствія артиллеріи непріятеля, нѣсколько поколебались, генералъ Раевскій, зная сколько личный примѣръ начальника одушевляетъ подчиненныхъ ему воиновъ, *взявъ за руки двухъ своихъ сыновей, не достигшихъ еще двадцатилѣтняго возраста, бросился съ ними впередъ на одну непріятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героевъ, вскричалъ: «Впередъ, ребята, за царя и отечество! я и дѣти мои, коихъ приношу въ жертву, открою вамъ путь!» и что могло послѣ сего противостоять усиліямъ и рвенію предводимыхъ такимъ начальникомъ войскъ. Батарея была тотчасъ взята».*

Этотъ фактъ рассказанъ и у Михайловскаго-Данилевскаго (т. 1, стр. 829, изд. 1939 года) съ тою разницею, что по разсказу Данилевскаго, дѣло происходило не подъ Дашковой, а при *Салтановкѣ*, и при этомъ случаѣ упомянуть подвигъ шестнадцатилѣтняго юнкера, ровестника съ Раевскими, несшаго впередъ полка знамя, при переходѣ черезъ греблю, подъ убійственнымъ огнемъ; и когда младшій изъ Раевскихъ (Николай Николаевичъ) просилъ у него знамя, подъ предлогомъ, что тотъ усталъ: «Дайте мнѣ нести знамя», юнкеръ не отдавая онаго, отвѣчалъ: «Я самъ умѣю умерять!» Подлинность всего этого подтверждаетъ и генералъ Липранди, замѣтка котораго гласитъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди, помѣщенъ въ «Архивѣ» Вартенева (1866 года, стр. 1,214).

3) Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генералъ Раевскій и по возвращеніи изъ похода, окончившагося взятіемъ Парижа, продолжалъ служить. Мы не сочли пужнымъ измѣнить нашего текста, такъ-какъ это обстоятельство чисто внѣшнее; притомъ, Раевскій, командовавшій корпусомъ, расположеннымъ близъ Кіева, подъ старость, дѣйствительно, часто жила въ деревнѣ, гдѣ, по свидѣтельству Пушкина, который хорошо зналъ Н. Н. Раевского и былъ другомъ съ его сыновьями, занимался между про-

чимъ, домашней медициной и садоводствомъ. Приводимъ кстати свидѣтельство Пушкина о Раевскомъ, въ одномъ изъ писемъ къ брату:

«Мой другъ, счастливейшіе минуты въ жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я въ немъ любилъ человека съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душой, снисходительнаго, почительнаго друга, всегда милаго ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человекъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества.»

4) Зинаида Волконская, урожденная кн. Бѣлосельская, была родственницей нашей героинѣ по мужу.

5) *Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zéneïde Wolkonsky; née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen 1819.*

6) См. стихотворенія Д. В. Веневитинова, изд. А. Патковскаго Сиб. 1862. (Эгерія, стр. 96).

«На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась

И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.»

Пушкинъ также посвятилъ З. В.—кой стихотвореніе (1827 года), начинающееся стихомъ:

«Царица музъ и красоты» и пр.

7) Юрзуфъ, очаровательный уголокъ южнаго берега Крыма — лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Замѣтимъ здѣсь, что во всемъ нашемъ разсказѣ о пребываніи Пушкина у Раевскихъ въ Юрзуфѣ, не вымышлено нами ни одного слова. Анекдотъ о шалости Пушкина по поводу переводовъ Елены Николаевны Раевской, разсказанъ въ статьѣ г. Бартечева «Пушкинъ въ Южной Россіи» («Русскій Архивъ», 1866 года, ст. 1, 118). О другѣ своемъ кнпарисѣ упоминаетъ самъ Пушкинъ въ известномъ письмѣ къ Дельвигу: «Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кнпарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и привязался къ нему чувствомъ похожимъ на дружество». Легенда, связанная въ послѣдствіи съ этимъ другомъ Пушкина разсказана въ «Крымскихъ письмахъ» Евгенія Туръ (С.-Петербургскія Вѣдомости) 1854 года, письмо 5-е) и повторена въ упомянутой выше статьѣ г. Бартечева.

8) Я помню море предъ грозю,

Какъ я завидовалъ волнамъ,

Летѣвшимъ дружной чередою

Съ любовью нать къ ея ногамъ, и пр.

(Откликъ, Пушкина).

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО.

Въ послѣднее время, наша и иностранная печать неоднократно обращалась къ обсужденію положенія Россіи въ Средней Азій, въ особенности къ тѣмъ непріязненнымъ отношеніямъ, какія выказываетъ къ ней владѣтель Хивинскаго ханства.

По этой причинѣ, небезполезно, кажется, будетъ привести нѣкоторыя данныя о топографіи Хивинскаго ханства и характерѣ его жителей, а также припомнить сношенія наши въ послѣднее столѣтіе съ владѣтелями этой, еще весьма мало извѣстной у насъ страны.

Ханство Хива есть самое малое изъ трехъ владѣній, такъ-называемаго, Независимаго Туркестана, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое хищное. Хивинскій оазъ лежитъ по обѣимъ сторонамъ устій рѣки Аму-Дарьи; площадь его, разумѣя только обработанную полосу, около 500 кв. миль и граничитъ: съ сѣвера Аральскимъ моремъ, съ запада—безплодною, каменистою возвышенностью Усть-Урта и крайне безводными степями, прилегающими къ старому руслу Аму-Дарьи въ Каспійское море, съ юга—продолженіемъ тѣхъ же степей и, наконецъ, съ востока—сыпучими песками Кизыль-Кумъ, распространяющимися вверхъ по Аму-Дарьѣ далеко за караулку Кукертли, составляющую пограничный постъ между Хивою и Бухарою.

На такомъ оазѣ засѣло 300-тысячное населеніе, состоящее изъ узбековъ, сартовъ, каракалпаковъ и небольшихъ туркменскихъ и киргизскихъ племенъ. Господствующее племя составляютъ узбеки; небольшая же торговля вся сосредоточена въ рукахъ сартовъ. Независимо отъ постоянныхъ жителей, въ ханство стекается всякій сбродъ людей изъ нашей орды, неимѣющихъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскою властью, но даже въ средѣ своего кочеваго общества, такъ что и простой разбойникъ, и почетный султанъ, мечтающій о вѣкомъ-то возроденіи киргизскаго народа, все это бѣжитъ въ Хи-

ву, находить тамъ пріютъ, и если не матеріальную, то всегда нравственную поддержку.

Отсюда понятно, почему жители ханства, при врожденной склонности узбековъ къ разбою и при наплывѣ извнѣ такихъ отвергнутыхъ закономъ и обществомъ личностей, несмотря на осѣдность, до сихъ поръ преимущественно занимаются грабежомъ, которому весьма способствуетъ, впрочемъ, и окружающая Хиву мѣстность. Не будь благодатной Аму-Дарьи, немислимо бы было въ Хивинскомъ ханствѣ и поселеніе; только съ помощію проведенныхъ изъ этой рѣки каналовъ и безчисленныхъ канавъ, хивинцы имѣютъ возможность разводить сады, хлопчатники и добывать настолько хлѣба, что часть его продаютъ кочующимъ племенамъ. Изъ главныхъ каналовъ по величинѣ и промышленному значенію заслуживаютъ особаго вниманія: *Полванг-Ата*, при которомъ расположенъ городъ Хива, и *Лауданъ*, проходящій поперегъ сѣверной части ханства, къ Айбугирскому заливу. Оба канала судоходны, разумѣется, только для хивинскихъ лодокъ, и служатъ главными резервуарами для орошенія внутренней части ханства. До канала Лаудана Аму-Дарья течетъ однимъ русломъ, далѣе же пачинаетъ развѣтвляться и, по мѣрѣ приближенія къ Аралу, дѣлится на нѣсколько рукавовъ, захватывая своею дельтою все пространство отъ мыса Урги до озера Дау-Кара. Трудно встрѣтить болѣе прихотливья устья, какъ у этой рѣки: не только глубина, но и самое направленіе ихъ постоянно измѣняется, и въ одинъ годъ воды Аму-Дарьи несутся болѣе къ западу, прорывая новые истоки, въ другой же — направляются къ востоку.

Такъ, по изслѣдованіямъ извѣстнаго нашего морского офицера, капитана Бутакова, проведеннаго на устьяхъ рѣки Сыра почти всю жизнь, въ концѣ сороковыхъ годовъ, самымъ лучшимъ устьемъ для судоходства считался рукавъ Аму-Талдыкъ, ведущій къ Кунграду; въ 1858 году, напротивъ, Талдыкъ обмелѣлъ, и образовался къ востоку отъ него другой, болѣе глубокой рукавъ Улькунъ-Дарья, которымъ Бутаковъ и вошелъ въ рѣку. Въ 1859 году и Улькунъ-Дарья стала мелѣть и затѣмъ въ послѣдующіе годы масса воды направлялась все болѣе и болѣе къ востоку, именно черезъ озеро Дау-Кара и изъ него протокомъ Джидейли въ Аральское море. Хотя по описаніямъ, протокъ Джидейли, вслѣдствіе узкаго и каменистаго ложа, найденъ неудобнымъ даже для прохода баржазовъ, а озеро Дау-Кара въ сѣверной части крайне мелководнымъ, тѣмъ не менѣе, судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ, воды Аму-Дарья и донныя главную свою массу изливаютъ въ море, къ востоку отъ Кунграда, такъ

что довольно глубокой когда-то Айбугирский залив теперь совершенно обмелел и зарос камышами. По всей вероятности, на изменение глубины устьев и их направления, кроме других причин, имѣютъ влияние и проводимые мѣстными жителями въ низовьяхъ рѣки каналы, съ главною цѣлю, какъ это было и въ 1858 году, развѣтвить и обмѣлить устья Аму-Дарьи настолько, чтобы суда наши не могли входить въ рѣку.

Значеніе Аму-Дарьи для хивинцевъ только и ограничивается орошеніемъ; другой же пользы изъ нея они не извлекаютъ; а между тѣмъ для народа, хоть нѣсколько цивилизованнаго, какія огромныя выгоды должна бы представлять такая значительная рѣка, перерѣзывающая пустыни Турана отъ Арала до подножій Гиндукуша. Не говоря о водяномъ сообщеніи между хивинскими городами, какимъ богатымъ передаточнымъ путемъ могла бы служить Аму для обмѣна европейскихъ товаровъ на азіатскіе, особенно когда могучій паръ замѣнилъ бы здѣсь допотопное движеніе на верблюдахъ или утля хивинскія судены-лодки, едва двигающіяся по рѣкѣ съ помощію бичевника.

При страшной боязни, даже отвращеніи къ водѣ хивинцевъ, судоходствомъ занимается у нихъ только самый бѣднѣйшій классъ народа; правильно устроеннаго бичевника нигдѣ нѣтъ; люди тянутъ лодки сквозь кусты, по разливамъ, и, на ночлегахъ, дѣлаются добычей страшныхъ москитовъ, которыми такъ изобилуетъ долина Аму, и жала которыхъ не выдерживаетъ даже грубая кожа хивинскаго лодочника.

Лодки въ Хивѣ строятся изъ ветловаго дерева, преимущественно растущаго въ окрестностяхъ городовъ Гурлена и Хазарь-Аспа; стоимость ихъ, смотря по величинѣ, простирается отъ 45 до 105 рублей. Всѣхъ лодокъ, на пространствѣ отъ устьевъ рѣки до Чарджуя, въ 1858 году, насчитывалось около 200, изъ коихъ самыя большія подымали до 400 пудовъ.

Чтобы судить о размѣрахъ торговаго движенія по Аму-Дарьѣ, довольно сказать, что, въ продолженіе 18-дневнаго плаванія по рѣкѣ, на протяженіи 600 верствъ, мы встрѣтили только 5 туземныхъ лодокъ, и то съ пассажирами, плившими куда-то на базаръ. Умѣнье управлять судномъ, какъ сказано выше, ограничивается у хивинцевъ однимъ бичевникомъ, ибо едва мы поднимали какой-либо наскоро сшитый парусъ и лодка начинала двигаться сама, какъ на лодочниковъ находила страшная паника, они бросались на землю и кричали: «шайтанъ, шайтанъ» (чортъ), и не прежде принимались за дѣло, какъ по уборкѣ паруса; при переѣздахъ же съ одного берега на другой, лодочники предавались совершенно на волю Аллаха и съ фатальными

лицами ждали равнодушно—опрокинуть ихъ лодку или прибить къ другому берегу, версты на 2—3 ниже того мѣста, гдѣ слѣдовало пристать.

Вотъ какимъ образомъ хивинцы эксплуатируютъ Аму-Дарью, по количеству водъ немногимъ уступающую Волгѣ, а по богатству рыбы, которую ловятъ только бѣдные люди, превосходящую самия рыболовныя наши рѣки.

Въ 1858 году мы плыли по устьямъ, какъ разъ во время лѣтнаго разлива, когда Аму-Дарья, выйдя изъ береговъ, затопила прибрежныя жилища хивинцевъ и являлась, такъ-сказать, во всей своей красѣ; размѣры ея были грандіозны; но намъ привелось прослѣдить еще разъ эту рѣку, почти до Чарджуя, и, несмотря на минованіе разлива и на сильную убыль воды отъ страшныхъ испареній, ширина ея на среднемъ теченіи все-таки держалась отъ 400—600 сажень, при постоянной глубинѣ, необходимой для разныхъ пароходовъ.

Поверхность Хивинскаго ханства представляетъ равнину, постепенно понижающуюся къ сѣверо-западу. Предѣлы осѣдлаго пространства съ точностію опредѣлить трудно, такъ какъ окраины его заняты каракалпаками и турменами, районы кочевовъ которыхъ крайне непостоянны. Безспорно одно, что почти вся масса осѣдлаго населенія находится на лѣвомъ берегу Аму, на правой же сторонѣ, слѣдуя съ юга, то-есть отъ границы бухарскихъ владѣній—караула Кукертли и до высоты Хазаръ-Аспа, вовсе нѣтъ населенія, ни кочевого, ни осѣдлаго; далѣе начинаютъ попадаться, въ разныхъ разстояніяхъ отъ рѣки, отдѣльные домины узбековъ и кочевки каракалпаковъ, и такой характеръ населенности сохраняется до сѣверныхъ разливовъ рѣки и южной стороны озера Дау-Кара, такъ что на правомъ берегу нетолько нѣтъ ни одного города, но даже мѣстечекъ считается всего 3. Въ сущности, густота населенія въ странѣ сообразуется съ распредѣленіемъ и направленіемъ водъ Аму-Дарьи, проведенныхъ во внутрь края, и тамъ, гдѣ мѣстныя средства позволяли устроить каналы чаще, тамъ и самое населеніе засѣло гуще и наоборотъ; количество же воды во всѣхъ каналахъ, естественно, зависитъ отъ большаго или меньшаго избытка ея въ главномъ бассейнѣ, и въ тѣ года, какъ, напри- мѣръ, въ 1858, когда разливъ Аму выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ, всѣ каналы безъ исключенія сохраняли воду впродолженіе цѣлаго лѣта; напротивъ, въ года малой прибыли водъ главныхъ, масса ихъ въ странѣ получается тоже въ меньшемъ количествѣ, и тогда содержится вода круглый годъ только въ

главныхъ каналахъ, въ прочіе же она пропускается лишь по временамъ, въ минуты крайней нужды.

Необходимость постоянной очистки канавъ служитъ причиною, что берега ихъ возвышаются въ родѣ насыпей, превосходящихъ иногда ростъ человѣка; во избѣжаніе осыпки и для предохраненія воды отъ испаренія, канавы обсаживаются снизу, у самой воды, а иногда и по вершинѣ насыпи, кустами вяза, топольника и тутовника, которые достигаютъ часто до весьма значительныхъ размѣровъ.

Около канавы хивинцы располагаютъ все свое хозяйство: домъ, садъ и поле, безъ всякой связи съ сосѣдомъ. Устройство жилищъ и садовъ у всѣхъ поселянъ почти одинаково.

Домъ представляетъ четырехугольную постройку изъ глиняной стѣны, высотой отъ 2 до 3 сажень и толщиной отъ 1 до 3¹/₂ аршинъ. По протяженію каждой изъ стѣнъ, если онѣ длинны и, во всякомъ случаѣ, по угламъ располагаются полукруглые выступы въ видѣ башенъ, верхнее основаніе которыхъ уже нижего. Башни имѣютъ входъ со двора, если дѣлаются пустыми, чаще же представляютъ сплошную массу глины. Входъ въ такое жилье устроивается въ одной изъ стѣнъ и состоитъ изъ широкихъ, крытыхъ воротъ, съ деревянными затворами. Внутри двора къ стѣнамъ примыкаютъ навѣсы, съ глиняными перегородками въ видѣ стоекъ, между которыми помѣщаются жилища хивинцевъ; а въ нѣкоторыхъ, обыкновенно къ задней стѣнѣ, скотъ. — Навѣсъ, онъ же и потолокъ, дѣлается плоскій, и состоитъ изъ балокъ отъ 3—5 вершковъ въ діаметрѣ, положенныхъ на поперечныя стѣнки; балки устилаются въ плотную жердями въ два пальца толщины, а поверхъ жердей—слоемъ глины въ четверть или въ 1¹/₂ толщиною.

Сады располагаются по направленію канавъ около жилищъ, или, у кочевниковъ, подъ Кунградомъ, помѣщаются и отдѣльно отъ дома, но тогда они обносятся глиняной стѣною.

Вслѣдствіе скученности населенія около канавъ приходится ѣхать въ ханствѣ или по совершенной пустынѣ, или по заселенному сплошь пространству, встрѣчая послѣдовательно домъ, садъ и поле одного хозяина, потомъ домъ, садъ и поле другаго и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ, подъ дорогу собственно отводится лишь самая необходимая полоса земли, такъ что даже торговые и большіе пути, на примѣръ, изъ Хивы въ Ургенчъ, Ханки и проч., имѣютъ ширины не больше 3 сажень и представляютъ постоянное дефиле; всѣ же вообще дороги рыхлы, пыльны и послѣ дождей страшно грязны; нерѣдко, въ южной части ханства, они тянутся между канавъ, и до такой степ.

пени стѣснены насыпями послѣднихъ, что едва доступны для проѣзда трехъ человекъ рядомъ. Сообщенія черезъ канавы производятся или по узенькимъ дырвымъ мостикамъ на сваяхъ, едва выдерживающихъ простую нашу телегу, или въ бродъ; чрезъ каналы же—по узкимъ каменнымъ мостамъ, которые перилъ не имѣютъ, а середина арки приподнята отъ воды на 1½ или 2 сажени.

Изъ представленнаго очерка видно, до какой степени переѣчена мѣстность населенной части ханства и какія затрудненія представляетъ она для колеснаго движенія. Непроходимость страны доходить до того, особенно при большихъ разливахъ Аму, что даже верховые люди не рѣшаются проѣзжать по нѣкоторымъ дорогамъ. Такъ, сухопутное сообщеніе Кунграда съ Хивію въ разливъ, производится только по правому берегу рѣки, и то по затопляемой дорогѣ, на которой дважды приходится переѣзжать Аму: въ Кунградѣ и Ургенчѣ, и сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣхать по берегу вплавь.

Въ Хивинскомъ ханствѣ, кромѣ деревень, насчитывается около 20 городовъ, которые по своей ничтожности вовсе не заслуживаютъ этого названія, за исключеніемъ стараго Ургенча, гдѣ живетъ много торговцевъ, а также Кунграда и Хивы.

Кунградъ. Главный городъ области того же названія, населенъ по преимуществу бѣжавшими изъ нашихъ степей киргизами и каракалпаками. По положенію своему вблизи устій Амударьи и караванной дороги, ведущей изъ Хивы черезъ Усть-Урть въ Оренбургъ, Кунградъ представляетъ весьма важный пунктъ, какъ въ военномъ, такъ и торговомъ отношеніяхъ, конечно не въ рукахъ хивинцевъ. Было время, когда Кунградъ составлялъ совершенно отдѣльное владѣніе отъ Хивы и только съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія присоединенъ къ ней ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ. Ханъ содержитъ здѣсь своего губернатора, но власть его ничтожна, и не далѣе какъ въ 1859 году кунградцы перерѣзали хивинскихъ начальниковъ и призвали къ себѣ въ правители туркменскаго хана Атамурата, который въ свою очередь ходатайствовалъ о принятіи кунградской области въ подданство Россіи.

Хива. Столица ханства, расположена на обширной песчаной равнинѣ, изрѣзанной канавами, проведенными изъ двухъ главныхъ каналовъ: Полванъ-Ата, огибающаго городъ съ сѣверной стороны, и Ингрива—съ юго-восточной; собственно же городу даетъ воду третій каналъ: Чарджейли, идущій между двумя вышепомянутыми. Хива окружена глиняною стѣною въ 3½ сажени высоты, построенною въ 1842 году ханомъ Алла-Куломъ.

Протяженіе этой ограды, захватывающей весьма много пустыхъ мѣстъ—6 верстѣ; кромѣ сего, внутри города имѣется небольшая цитадель, въ которой помѣщаются: ханскій дворець, казна и арсеналь; изъ города въ цитадель ведутъ трое воротъ. Конечно, ни рва, ни эспланады около городской стѣны нѣтъ, и во многихъ мѣстахъ загородные дома и сады богатыхъ хивинцевъ почти вплотъ примыкають къ оградѣ.

Улицы Хивы узки, кривы и страшно пыльны. Всѣ зданія глиняныя, малы и грязны. Число лавочекъ въ городѣ насчитываютъ до 200, а число жителей вмѣстѣ съ рабами-персіянами до 10 тысячъ ¹.

При страсти узбековъ къ разбоямъ и лѣности, рабы персіяне играютъ огромную роль въ жизни ханства, и не будь ихъ, бѣдному узбеку, по всей вѣроятности, привелось бы постоянно голодать. Плѣнные персіяне доставляются сюда турменами, и хотя въ послѣднее время торговля невольниками очень сократилась, тѣмъ не менѣе число рабовъ въ ханствѣ до сихъ поръ весьма значительно, такъ-какъ хивинцы всѣми мѣрами поощряють турменъ и киргизъ къ этого рода промыслу. Нѣтъ сомнѣнія, еслибы рабы могли рассчитывать на какую либо поддержку извнѣ, они не затруднились бы возстать противу своихъ господъ, что, при нѣкоторой даже удачѣ возстанія, имѣло бы гибельныя послѣдствія для экономическаго быта ханства.

Нечего и говорить, что правленіе въ ханствѣ деспотическое, и что игра въ жизнь и смерть подданныхъ составляетъ для хановъ обыкновенное занятіе, или, лучше сказать, забаву.

Здѣсь существуетъ даже какая-то изстари установившаяся классификація смерти; такъ узбеки отправляются въ рай Магомета, по большей части, посредствомъ пегли, турменамъ распарываютъ животь, а плѣнныхъ персіянъ, впрочемъ, только за второй или третій побѣги,—сажаютъ на колъ.

Хивинцы исповѣдуютъ магометанскую вѣру, сунитскаго толка; духовное ихъ образованіе весьма незначительно и ограничивается соблюденіемъ обрядовъ, предписанныхъ кораномъ.

Климатъ ханства долженъ быть отнесенъ къ числу нездоровыхъ: короткая, но довольно суровая зима; удушливая пыль при страшныхъ лѣтнихъ жарахъ; множество канавъ, сильныя испаренія, а отсюда рѣзкіе переходы отъ жара къ сырости—все это крайне неблагоприятно вліяетъ на здоровье европейскаго чело-

¹ Извѣстный Вамбера насчитываетъ въ Хивѣ до 4 т. домовъ; но слѣдуетъ сказать, что всѣ цифры этого путешественника относительно Хивинскаго ханства крайне преувеличены.

вѣка; туземцы же хотя страдаютъ отъ сказанныхъ причинъ мѣнѣе, но за то у нихъ есть свои бичи—отвратительная нечистоплотность и необузданныя страсти, что кромѣ другихъ недуговъ, ведетъ къ сильному развитію въ странѣ сифилиса. Последняя болѣзнь, при отсутствіи медицинской помощи, не только сильно распространена между взрослыми, но весьма часто встрѣчается въ наслѣдственномъ видѣ и у малютокъ. Сифилисомъ страдаютъ и многіе сановники хана; несмотря на это, нѣтъ ни одного пожилаго министра въ Хивѣ, который не промѣнялъ бы всѣ даваемые ему подарки на небольшую долю конфеттатива; безъ зазрѣнія совѣсти они выманиваютъ у всякаго заѣзжаго европейца, особенно медика, хоть ничтожную долю драгоценнаго средства и, получивъ его, считаютъ себя блаженнѣйшими людьми въ мірѣ. Несомнѣнно, что эти счастливыя дѣлаются своимъ приобрѣтеніемъ съ повелителемъ Хивы и, что всего отвратительнѣе, полученное возбуждающее средство служить имъ вовсе не для естественнаго удовлетворенія страсти, а напротивъ, страдательными лицами въ подобныхъ случаяхъ всегда являются «угланы»—мальчики, составляющіе особаго рода гаремы у всѣхъ зажиточныхъ людей въ Хивѣ.

При ограниченныхъ потребностяхъ жизни и скудныхъ произведеніяхъ почвы естественно и торговля хивинцевъ не можетъ быть значительна, находясь при томъ въ зависимости отъ спокойствія кочующихъ на Усть-Уртѣ киргизъ и расположенія соседнихъ туркменъ. Тихо на Усть Уртѣ, не шалятъ туркмены—небольшіе хивинскіе караваны тянутся къ Оренбургу, Мерву и Каспійскому морю, — и наоборотъ. Производительность страны не особенно богата: изъ хлѣбныхъ и другихъ полезныхъ растеній въ Хивѣ разводятся: пшеница, сарачинское пшено, ячмень, просо, джугара, хлопчатникъ, конопля, кунжутъ, табакъ и ленъ. Огородныхъ растеній почти нѣтъ, но за то фруктовъ очень много, а именно: яблоки, персики, абрикосы, сливы, груши, виноградъ, айва, гранаты, фиги и шелковица.

Предметами отпуска изъ Хивы въ Россію служатъ: мѣстные хлопчатобумажныя произведенія, грубые ковры и шелковыя матеріи, хлопокъ, марена и сушеные фрукты; обратно же мы посылаемъ: ситцы, бархатъ, сукно, парчу, сахаръ, разные москательные товары и, главнымъ образомъ, желѣзныя и мѣдныя подѣлки.

Считая за 10 лѣтъ, съ 1850 г. по 1860 г., изъ Россіи въ Хиву вывезено товаровъ на сумму около 260 т. р. с.; а изъ Хивы въ Россію за то же время на 1.760,000, при чемъ излишекъ отпуска мы, конечно, доплатили звонкою монетою. Но и

при такомъ ничтожномъ вывозѣ нашихъ товаровъ спросъ на нихъ въ Хивѣ такъ ограниченъ, что излишекъ привезеннаго, хивинцы постоянно перепродаютъ сосѣднимъ кочующимъ племенамъ, а иногда и Бухарѣ; впрочемъ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ отпускъ товаровъ изъ Россіи началъ было значительно преобладать надъ привозомъ, но такое явленіе слѣдуетъ объяснить тогдашнимъ разрывомъ нашимъ съ Бухарою, когда черезъ Хиву шли товары, назначаемые для бухарцевъ.

Главные караванные пути, по которымъ движется торговля хивинцевъ и вообще производится сообщеніе ихъ съ сосѣдами, слѣдующіе:

Отъ Хивы:

- 1) Черезъ Куна-Ургенчъ по Усть-Урту на Эмбу въ Оренбургъ; около 1,300 верстъ, или 40 дней караваннаго хода.
- 2) Черезъ Кипчакъ, Дау-Кара, Джаманъ Чеганакъ, къ устьямъ Сыра; около 800 верстъ, или 25 дней караваннаго хода.
- 3) На Мервь, около 500 верстъ, или 12 дней караваннаго хода.
- 4) Къ Красноводску, черезъ Гезли-Ата; около 730 верстъ, или отъ 35—40 дней караваннаго хода.
- 5) Въ Бухару, черезъ Ханьи, Куертли-Каракуль, 500 верстъ, или 22 дня караваннаго хода.
- 6) Отъ Куна-Ургенча по старому руслу Аму до восточнаго конца Балханскаго Залива; около 580 верстъ, или 28 дней караваннаго хода.

Начало сношеній Хивы съ Россією восходитъ едва-ли не до XIV столѣтія; по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ у насъ появляются хивинскіе посланцы. Болѣе частыя сношенія начинаются со времени Петра I, обращавшаго, какъ извѣстно, вниманіе на открытіе торговыхъ путей въ Индію, особенно когда (въ 1700 г.) самъ хивинскій владѣлецъ Шаніякъ просилъ о принатіи его въ подданство Россіи. Несмотря, однако, на заискиванія Хивы, сношенія съ этимъ владѣнцемъ, какъ во времена Петра, такъ и въ послѣдующіе годы, не только не приносили намъ выгодъ, но весьма часто сопровождались явными оскорбленіями русской власти и русскаго народа.

Въ 1717 году хивинцы измѣннически перерѣзали нашъ отрядъ, сопровождавшій гвардіи капитана князя Бековича-Черкаскаго, а съ самого Бековича содрали кожу, набили сѣномъ и послали ее въ подарокъ бухарскому эмиру; въ 1731 году нашего посла, артиллеріи полковника Герберга, они не допустили до Хивы и ограбили. Въ 1739 году, по просьбѣ хана Меньшой Орды

Абуль-Хагера, для постройки ему близъ устій рѣки Сыра города, были посланы поручикъ Гладышевъ и геодезистъ Муравинъ; избранный въ это время на хивинскій престолъ, Абуль-Хагеръ взялъ съ собою нашихъ офицеровъ, но хивинцы рѣшились арестовать своего хана, и только благодаря бѣгству, Абуль-Хагеръ и сопровождавшіе его русскіе, успѣли спастись отъ неминуемаго плѣна и смерти. Въ 1752 году переводчику нашему, посланному съ вараваномъ, хивинскій ханъ Каипъ-Султанъ, не только задержаніе, но и «озлобленіе» учинилъ, за что, по разсужденію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, *отъ презрѣнія* оставленъ. Въ 1793, посланный императрицею Екатериною II, по просьбѣ самихъ хивинцевъ, врачъ Бланкеннагель, содержался въ Хивѣ все время подъ арестомъ, и едва, при помощи туркменъ, успѣлъ кое какъ уйти отсюда. Въ 1802 году, хивинцы не пропустили черезъ Сыръ слѣдовавшаго въ Бухару поручика Гавердовскаго; въ 1819 году едва не утервили ѣздившаго въ Хиву съ Кавказа капитана Муравьева, а въ 1839 году не допустили въ Бухару горнаго капитана Ковалевскаго и заставили его бѣгствомъ спастись въ Чушкавульское уврѣпленіе. Въ 1841 году хивинцы, хотя и допустили нашего посла, генеральнаго штаба капитана Никифорова, но подъ разными предлогами не согласились на предъявленныя имъ весьма скромныя условія; въ 1842 году приняли нашего посла, подполковника Данилевскаго, даже заключили съ нимъ трактатъ, но годъ спустя, нарушили всѣ условія мирнаго договора и самый документъ уничтожили. Въ 1858 году приняли послѣдняго нашего посла генеральнаго штаба полковника Игнатьева, но на каждомъ шагѣ старались запугать его насильственной смертію, отказались отъ трактата Данилевскаго, и, наконецъ, отпустили Игнатьева ни съ чѣмъ, то-есть не подписали никакихъ условій.

Не говоря о поборгахъ съ кунцовъ и разграбленныхъ караванахъ, вотъ итогъ нашихъ неудачныхъ сношеній съ Хивою, хотя въ посланники назначались весьма искусные дипломаты, какъ Данилевскій и Игнатьевъ, а также люди вполнѣ изучившіе хивинцевъ и съ замѣчательною силою характера, какъ, напримѣръ, Никифоровъ. Послѣдняя личность заслуживаетъ, чтобы сказать о ней нѣсколько подробнѣе.

Поѣздка Никифорова состоялась скорѣе послѣ неудавшагося похода Перовскаго, когда хивинцы болѣе, чѣмъ когда-нибудь были увѣрены въ недоступности своего ханства; несмотря на это и ничтожный конвой, всего изъ 12 казаковъ, русскій офицеръ держалъ себя въ Хивѣ съ такимъ достоинствомъ, примѣровъ которому не встрѣчаемъ ни въ одной изъ многочислен-

ныхъ миссій нашихъ въ Среднюю Азію. При этомъ, какъ нарочно, ему привелось вести переговоры съ ханомъ Алла-Куломъ, который даже въ варварскомъ Туранѣ слылъ за самаго деспотическаго владѣтеля и въ то же время пользовался почетомъ, какъ покоритель мелкихъ туркестанскихъ племенъ, кочевавшихъ къ юго-западу отъ Хивы. Для доказательства того, какъ дѣйствовала Никифоровъ, достаточно привести слѣдующіе примѣры: истощивъ всѣ убѣжденія къ подписанію договора, онъ не побоялся, въ торжественной аудіенціи, прочесть вслухъ и вручить хану такого рода декларацію:

«1) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей между киргизамн, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

«2) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ киргизовъ, кочующихъ въ пескахъ Барсукахъ, на рѣкѣ Эмбѣ, на берегахъ моря, въ урочище Кай-Кунакты и по берегамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ Чинка (Усть-Урта), будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

«3) Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы киргизовъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи, съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, будетъ схваченъ и преданъ смерти».

Хивинскіе министры, въ лживости которыхъ Никифоровъ имѣлъ возможность убѣдиться при первыхъ же переговорахъ, впоследствии пріѣзжали къ нему съ особымъ страхомъ и при всякомъ новомъ обманѣ публично выталикивались въ шею изъ квартиры посла. Такой характеръ нашего агента снискалъ ему огромную популярность въ ханствѣ; его не только не осмѣливались оскорбить, но имя его послужило даже угрозою для будущихъ поколѣній, такъ что въ бытность нашу въ Хивѣ въ 1858 году, то есть спустя 17 лѣтъ, сами хивинцы рассказывали, что именемъ Никифорова они пугаютъ дѣтей и тѣ перестаютъ плакать.

За всѣмъ тѣмъ, какъ видно, никакая манера обращенія нашихъ пословъ не повліяла на хивинцевъ, такъ что они не отказались и не отказываются до сихъ поръ поддерживать броженіе въ Киргизской степи оренбургскаго вѣдомства, вызванное тамъ введеніемъ новаго положенія, и донинѣ охотно принимаютъ къ себѣ всѣхъ возмутителей спокойствія киргизскаго народа. Къ этому присоединяются два другіихъ вопіющихъ дѣйствія хивинцевъ: это поборы съ нашихъ купцовъ, и въ особенности, покунку отъ киргизъ и туркменъ и содержаніе въ неволѣ нашихъ плѣнныхъ; ко всѣмъ справедливымъ требованіямъ нашимъ по этому предмету хивинское правительство остается глухо и отвѣчаетъ на нихъ полнымъ пренебреженіемъ.

Въ заключеніе о неудовлетворительности всѣхъ переговоровъ съ Хивію нелишнимъ будетъ привести мнѣнія по этому предмету трехъ послѣднихъ нашихъ пословъ въ ханствѣ: Никифорова, Данилевскаго и Игнатьева, извлеченныя изъ частной переписки этихъ лицъ.

Въ письмахъ Никифорова изъ Хивы находимъ: «Хивинцы сопротивляться не умѣютъ: у нихъ есть только духъ грабежа, но нѣтъ духа воинственности .. Ханъ и его сановники чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова «уполномоченный». Вполнѣ сознавая свое безсиліе, они не въ состояніи оцѣнить вроткихъ мѣръ сношенія, но трепещутъ силы, которая одна можетъ ихъ вразумить».

Данилевскій пишетъ: «Вы не повѣрите, съ какимъ отвращеніемъ я вамъ сообщаю всѣ подробности (переговоровъ) послѣ того, что былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ смѣшное и глупое невѣжество самое полное, а дичность самая, низкая и самая грубая безчеловѣчность соединяются вмѣстѣ».

«Мои переговоры съ ханомъ меня морально разстроили. Я страдаю сплиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова: изнурительнымъ и неисклѣпимымъ».

«Въ классѣ цивилизованномъ сохранилась, по крайней мѣрѣ, благопристойность, есть наружный лоскъ, подъ которымъ скрывается все безобразіе внутреннихъ слоевъ, есть, такъ-сказать, газъ, который скрываетъ отъ васъ эгоизмъ и развратъ. Здѣсь все выставляется наружу въ самомъ возмутительномъ цинизмѣ и въ самыхъ грубыхъ формахъ».

Наконецъ, Игнатьевъ въ 1858 году сообщаетъ изъ Хивы: «Никто изъ хивинцевъ, даже самыя ближайшіе родственники къ хану, не смѣютъ говорить что-либо въ нашу пользу, боясь поплатиться жизнью по подозрѣнію въ измѣнѣ».

«Положеніе наше въ Хивѣ, въ первое время нашего пребыванія, было весьма тягостное. Недовѣріе къ намъ, и дурное расположеніе хана простиралось до того, что подъ смертною казнію запрещено было жителямъ приходиться къ намъ, останавливаться на улицахъ и говорить съ русскими; требовали даже, чтобы я запретилъ чинамъ миссіи и конвою отлучаться изъ дома и сада, нами занимаемыхъ, безъ особаго ханскаго разрѣшенія... Несмотря на всю слабость ханства, въ особенности соразмѣрно съ могуществомъ Россіи, хивинцы ослѣплены до того, что вѣрятъ въ недосыгаемость свою, и не видятъ необходимости въ уступкахъ... Посольства изъ средне-азиатскихъ владѣній, принимаемыя нами, не имѣютъ никакихъ выгодныхъ для насъ

последствій, а стоять намъ очень дорого. Весьма мало пользы могутъ также принести и наши миссіи, посылаемыя временно въ ханства. Это напрасная трата денегъ, которыя могутъ быть употреблены для достиженія той же цѣли въ этой же части Азіи, но инымъ образомъ, съ несравненно бѣльшимъ вѣроятіемъ успѣшнаго результата.

Для знакомства же съ положеніемъ нашихъ несчастныхъ плѣнныхъ въ Хивѣ, позволимъ привести слѣдующій рассказъ захваченнаго на Каспійскомъ морѣ туркменами крестьянина Московской губерніи Якова Зиновьева.

«Насъ было въ *Иванды*—такъ называетъ Зиновьевъ загородный домъ, въ которомъ онъ жилъ — русскихъ и персіянъ невольниковъ человѣкъ съ сорокъ; каждому отпускалось въ мѣсяцъ по пуду пшепцы пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ мели, да фунтовъ пять отдавай за помоль, самъ и пеки лепешки, а не дають ни щепки дровъ, ни досугу; дрова воруетъ у сосѣдей, да и печешь лепешки по ночамъ. Ину пору, послѣ тяжелой работы, ночью и ѣсть хочется и спать-то хочется, не знаешь, бывало, за что приняться. Нашими же краденными дровами и самому хану, когда пріѣзжаетъ, бывало, на дачу, пловъ варять, а какъ пристанешь къ машруку (смотритель плѣнныхъ): дай, дровъ, такъ онъ тебѣ на это: а нешто ты безъ рукъ? вонъ твои дрова не видишь — да и уважаетъ на сосѣдній заборъ. Коли хозяева придуть жаловаться къ хану, что невольники его воруютъ дрова, ломають заборы, такъ онъ и отвѣчаетъ: поймай, такъ я его на ту же плаху и посажу; а поколѣ не поймалъ, не смѣй и говорить. Машрукъ же насъ училъ, бывало и скотину воровать. Въ одну зиму мы коровъ съ 30 перерѣзали. Хозяинъ придетъ просить, машрукъ и мигнетъ намъ: приберите-де. Мы мясо приберемъ, а тамъ собаки знай потрохи по полю таскають: это ничего, и нужды нѣтъ. Машрукъ и возьметъ въ руки топоръ, либо заступъ, самъ станетъ въ воротахъ, да и говоритъ просителю: ну, ступай, обыщи, коли найдешь—будемъ отвѣчать; а коли не найдешь, такъ я тебя тутъ буду вараулить. Тотъ постоитъ, постоитъ, да и отойдетъ. А машрукъ полою утирается, да пальцы облизываетъ,— и самъ еще не успѣлъ послѣдняго куска коровы этой проглотить. Такъ жилъ я два года; одежды нѣтъ, ѣсть нечего, коли не украдешь. Вышла какъ-то старая ханша въ садъ, я и говорю ей: вамъ-де, сударыня, важись, на насъ бы глядѣть стыдно, ходимъ мы почитай нагишомъ; что ханъ не одѣнетъ насъ? а она мнѣ на это: чего стыдно? что на тебя глядѣть, что на

собаку, все одно; и та не одѣвшись ходить. Дѣлать нечего, подумалъ я, надо уйти»...

И ушелъ Яковъ Зиновьевъ, переплылъ Аму-Дарью, да, на бѣду, попался туркменамъ, которые доставили его назадъ, въ Хиву. Здѣсь ханъ въ первомъ гнѣвѣ приказалъ-было обрѣзать Зиновьеву носъ и уши, но потомъ смиловался, и помѣстилъ опять на ту же дачу Иванны. Прошелъ годъ, и Зиновьевъ рѣшился вновь бѣжать по направленію въ Бухарѣ, и на этотъ разъ счастливо...

Н.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ.

Статья первая.

«Старинный театр въ Европѣ». Историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1870 г.

«Предшественники Шекспира». Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елизаветы. Сочиненіе Николая Стороженко. Спб., 1872.

I.

Представьте себѣ, что ботаника, вмѣсто изученія растений по ихъ существеннымъ признакамъ, свойствамъ и различнымъ условіямъ ихъ жизни, занималась бы тѣмъ, что сравнивала ихъ по степени роста и ранжировала ихъ, какъ солдатъ въ строю, при чемъ все содержаніе ея заключалось бы въ томъ, что, относясь съ презрѣніемъ и полнымъ невниманіемъ къ мелкимъ растеніямъ, мхамъ, лишаямъ и кустарникамъ, она только и дѣлала бы что восторгалась величіемъ и красотой великановъ растительнаго царства, при чемъ цѣлые томы посвящались бы тщательному анализу каждаго изгиба сучка, не опускалось бы изъ виду ни одно пятнышко на корѣ, ни одна дырочка, проѣденная на листочкѣ червякомъ. Такая курьезная наука могла бы имѣть всѣ атрибуты учености: цѣлая библіотека глубокомысленныхъ изслѣдованій, на сколько сажень должно вырасти дерево, для того, чтобы оно казалось величественнымъ и привлекало вниманіе ученаго міра; на какомъ разстояніи отъ земли должно начинаться развѣтвленіе, чтобы дерево вполне выражало собою соответствующій идеалъ; какія деревья могутъ произрастать всего выше и гдѣ та граница роста, переростая которую дерево перестаетъ привлекать наши взоры и дѣлается безобразнымъ; что красивѣе, дубъ или береза, и что было бы, еслибы на дубѣ росла, вмѣсто листьевъ, хвоя, а на соснѣ—листья, и пр., и пр. Какъ ни курьезна была бы подобная наука, она могла бы съ полнымъ апломбомъ защищать свой *raison d'être* и, мало того, могла бы доказывать вамъ самымъ, повидимому, неопровержимыми

доводами, на основаніи данныхъ человѣческой и внѣчеловѣческой природы, что только она и есть истинная наука, что только она можетъ довести человѣчество до изученія существенныхъ законовъ растительнаго царства. «Вами прославляемые ботаники—возразилъ бы вамъ строгій адептъ этой науки—которые занимаются изученіемъ родовъ и видовъ растений, и различныхъ условій ихъ существованія, въ родѣ питанія или размноженія, — ботаники, которые, безъ различія, удостоиваютъ своимъ вниманіемъ какую-нибудь мерзкую плесень и по цѣлымъ днямъ разсматриваютъ подъ микроскопомъ клѣточки ея, — такіе господа вовсе не настоящіе адепты нашей науки, они не что иное, какъ низшіе ея служители, заготовляющіе матеріаль для высшихъ; если же они думаютъ, что вся ботаника исчерпывается ихъ мелочными изслѣдованіями, то они весьма ошибаются, опуская существенную цѣль науки. Существенная же цѣль ботаники весьма ясно опредѣляется, какъ, съ одной стороны, тою ролью, какую играютъ растенія въ природѣ, такъ и тѣми основными побужденіями нашего духа, какія мы ощущаемъ, когда созерцаемъ растенія. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, для чего существуютъ растенія; очевидно, не для того только, чтобы имѣть клѣточки, питаться и размножаться: они имѣютъ клѣточки, питаются, размножаются, чтобы украшать земной шаръ и усладить наши взоры. Что мы чувствуемъ при созерцаніи растеній? Чувствуемъ вождедѣніе при видѣ величія природы. Очевидно поэтому, что основные законы существованія растеній, опредѣляемые ихъ ролью на землѣ, суть законы ихъ величія; а изъ того чувства, какое мы испытываемъ при созерцаніи растеній, прямо истекаетъ побужденіе къ изслѣдованію причинъ и свойствъ этого величія, что и составляетъ истинную, существенную и высшую цѣль ботаники. Неужели все это не убѣдительно?».

Читатель смѣется при одномъ предположеніи о возможности существованія подобной науки... Но погоди смѣяться, скептической читатель; вѣдь ты обязанъ своему смѣху только тому, что ботаника никогда, даже въ своемъ младенчествѣ, не задавалась такими эфемерными цѣлями и никогда не раздѣлялась на двѣ ботаники: на одну, дѣлающую дѣло, и на другую—хлопающую при этомъ въ ладоши. Но еслибы ботаника существовала въ такомъ раздвоенномъ видѣ, то весьма вѣроятно, что ты и не думалъ бы смѣяться, а принималъ фактъ, какъ онъ есть, за то, чѣмъ ему и слѣдуетъ быть; ты до такой степени привыкъ бы къ существованію ботаники, изслѣдующей вопросы о величіи растеній, что раздѣлялъ бы всѣ мнѣнія адептовъ этой науки относительно ея важности. Это обидное предположеніе относительно тебя, читатель, я тѣмъ болѣе имѣю право высказывать, что не такъ еще давно, не далѣе, какъ въ вѣкъ Вѣлинскаго, одна изъ наукъ существовала именно въ такомъ видѣ, въ такомъ предположили мы ботанику, и ты, читатель, не только не смѣялся, но и не замѣчалъ всѣхъ курьезовъ, какіе

эта наука ежедневно выдѣлывала. Наука эта называлась эстетикою. Основныя умозаключенія, на которыхъ она строилась, буквально были тѣ же самыя, какія мы привели для нашей воображаемой высшей ботаники. Изящныя произведенія, говорила эстетика, существуютъ для того, чтобы украшать нашу жизнь и услаждать наше сердце созерцаніемъ прекраснаго. Изъ этого положенія эстетика прямо выводила свое содержаніе и цѣль: простое, наивное созерцаніе прекраснаго толпы должно было возвыситься эстетикою до изученія законовъ прекраснаго. А изученія этихъ законовъ эстетика думала достигнуть путемъ тщательныхъ изслѣдованій всевозможныхъ великановъ эстетическаго царства, для того, чтобы опредѣлить, какія качества должно имѣть изящное произведеніе, чтобы наиболѣе удовлетворять чувству изящнаго.

Да, читатель, и до сихъ поръ еще, хоть изрѣдка, да встрѣчаются наивные адепты старинной эстетики, воображающіе, что стоить имъ только сравнить Шекспира съ м-мъ Дезульеръ и найти, что Шекспиръ великъ и чтеніе его производитъ сильное впечатлѣніе, а м-мъ Дезульеръ ничтожна и никакого впечатлѣнія не производитъ—и ключъ къ изслѣдованію законовъ изящнаго найденъ. Затѣмъ остается отбросить м-мъ Дезульеръ въ сторону и заняться Шекспиромъ, потому что стоить ли заниматься всякою мелочью и дрянью и посвящать длинныя трактаты разнымъ мелкимъ букашкамъ. Объемъ критическаго изслѣдованія долженъ соответствовать вполне величію писателя, какъ совершенно справедливо замѣтилъ недавно г. Буренинъ въ «С.-Петербур. Вѣдомостяхъ». Чѣмъ писатель меньше, тѣмъ меньше вниманія должна обращать на него критика, такъ что для какихъ-нибудь Авергіева, Лейкина много чести и тогда, если газетный рецензентъ, въ родѣ того же г. Буренина, слегка посмѣется надъ ними; этого для нихъ больше, чѣмъ достаточно, подобно тому, какъ совершенно достаточно для плесени на стѣнѣ, чтобы кухарка пришла и вытерла ее тряпкой: неужели же о плесени писать цѣлыя ученые трактаты и воображать, что, изслѣдуя ее, возможно открыть какіе-либо законы растительнаго царства, какъ будто дѣло идетъ о дубахъ, букахъ и пальмахъ. Отбросивши такимъ образомъ Авергіева, Лейкина, м-мъ Дезульеръ и пр. и оставивъ однихъ великановъ эстетическаго царства, критика на просторѣ и на досугѣ можетъ свободно предаться созерцанію величія первостепенныхъ поэтическихъ произведеній, плакать отъ умиленія, хлопать въ ладоши и воображать при этомъ, что она дѣлаетъ великое дѣло—открываетъ законы изящнаго!

Но какіе же законы изящнаго открыла до сихъ поръ эстетика изъ своего созерцанія великихъ произведеній искусства? Мы не говоримъ здѣсь о пользѣ чтенія этихъ произведеній для самой практики творчества, о томъ непосредственномъ, неотразимомъ и благотворномъ вліяніи, какое производятъ великія

произведенія предшественниковъ на ихъ талантливыхъ потомковъ. Для успѣховъ искусства, созерцаніе великихъ памятниковъ искусства неоспоримо. Но что для науки сдѣлало оно? Какіе такіе особенные законы изящнаго открыты до сихъ поръ тѣмъ путемъ, какимъ воображала постигнуть ихъ эстетика? Ужъ не законы-ли о трехъ единствахъ и прочіе статуты ложноклассической школы, выведенные именно изъ созерцанія великихъ произведеній искусства? Или, можетъ быть, тѣ положенія, какими такъ недавно еще гордилась нѣмецкая эстетика въ родѣ того, что истинно изящное произведеніе должно быть произведено естественно, произвольно, должно заключать въ себѣ тождество идеи и формы, воспроизводить правду жизни, и пр. Но всѣ эти положенія были выведены не столько изъ наблюдений надъ изящными произведеніями, сколько априорично изъ различныхъ философскихъ системъ, а потомъ уже они прилагались къ изящнымъ произведеніямъ и часто съ большими натяжками: брали, напримѣръ, эстетика произведеніе великаго писателя и старались во что бы ни стало найти въ немъ произвольность, тождество, вѣрность дѣйствительности, желая этими вещами объяснить впечатлѣніе, производимое на насъ твореніями поэта.

Даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ подобныя положенія прилагались къ изящнымъ произведеніямъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ, остроуміемъ и глубокомысліемъ, и тамъ они не шли далѣе одного простаго указанія на факты, ничего въ сущности не объясняющаго и отстоящаго отъ истиннаго изслѣдованія законовъ творчества, какъ небо отъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, я съ вами вполне соглашусь, если вы скажете мнѣ такую несомнѣнную истину, что произведенія Шекспира приводятъ насъ въ восторгъ, потому что они глубоко и вѣрно воспроизводятъ жизнь человѣческую, а произведенія М. Дезульеръ, напротивъ того, отталкиваютъ насъ отъ себя, потому что искажаютъ дѣйствительность; образы одного прекрасны, потому что истинны; образы другой безобразны, потому что ложны. Совершенно все это справедливо; но неужели вы думаете, что вашимъ указаніемъ на различіе Шекспира отъ М. Дезульеръ вы открыли какой либо законъ творчества? Повѣрьте, что ровно никакого. Не говорю уже о томъ, что при всей неоспоримости вашей мысли въ приложеніи къ обоимъ писателямъ, взятымъ въ общемъ значеніи ихъ дѣятельности, нѣкоторыя частности ихъ творчества рѣшительно не подойдутъ къ вашему объясненію и я останусь въ недоумѣніи, почему же Шекспиръ возбуждаетъ въ васъ эстетическое наслажденіе даже и тогда, когда переноситъ васъ въ міръ вѣдьмъ, эльфовъ, канибаловъ, не представляющихъ и тѣни пресловутой правды жизни, а М-ше Дезульеръ противна даже и тогда, когда она воспроизводитъ самую несомнѣнную дѣйствительность—ручейки, горы, пасущихся барашковъ или томленіе рузлуки съ милымъ пастушкомъ? Не говоря уже обо

всемъ этомъ, изъ всѣхъ вашихъ объясненій я не узнаю двухъ вещей, а онѣ и должны составлять сущность эстетики: 1) что побуждаетъ равно какъ Шекспира, такъ и М. Дезульеръ браться за перо и производить съ одной стороны Отелло, Гамлета, Лира, съ другой—ручейки, горы и лобзающихся пастушковъ, и 2) вслѣдствіе какихъ причинъ одно и то же побужденіе въ одномъ случаѣ производитъ Шекспира, въ другомъ — М. Дезульеръ. Есть ученые, интересующіеся и этими вопросами; одни изъ нихъ пытаются изслѣдовать, изъ какихъ элементарныхъ свойствъ человѣческой природы возникаетъ и развивается чувство изящнаго и изъ какихъ причинъ является потребность творить. Другіе ученые изслѣдуютъ проявленіе и развитіе творчества въ исторіи, изучаютъ смѣны различныхъ школъ искусства, ихъ отношеніе къ жизни народовъ и поэтовъ, условія ихъ возникновенія и исчезновенія. Казалось бы, что эти двѣ отрасли эстетики и составляютъ все содержаніе этой науки, при чемъ одна отрасль коренится въ психологіи, другая въ исторіи; казалось бы, что законы творчества не могутъ быть и постигнуты иначе, какъ только путемъ съ одной стороны различныхъ физиолого-психологическихъ наблюденій и опытовъ, съ другой—путемъ исторической критики. Но не такъ смотрѣла на это метафизическая эстетика: всѣ подобныя ученые были въ глазахъ ея не что иное, какъ низшіе служители науки; всѣ они, по ея мнѣнію, заготовливали только матеріалъ для истинныхъ адептовъ науки: цѣль же послѣднихъ заключалась въ сортировкѣ изящныхъ произведеній по степени эстетическаго достоинства и въ стремленіи уяснить путемъ тщательныхъ и кропотливыхъ разсматриваній и вдумываній въ каждую строчку великихъ писателей—что такое въ нихъ особенное, такъ-называемое изящное, что намъ такъ нравится въ нихъ—нельзя-ли это изящное, схвативши за хвостъ, вытащить оттуда и показать всему міру!..

Въ сущности, если хотите, ничего нѣтъ преступнаго въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній по степени ихъ изящества и талантливости, подобно тому, какъ нѣтъ ничего преступнаго въ томъ, что вы любуетесь дубомъ и находите его величественнѣе прочихъ деревьевъ нашей сѣверной флоры. Смѣшно только воображать, что эта оцѣнка и составляетъ высшую цѣль критики, эстетики, и что путемъ ея можно открыть какіе-нибудь законы творчества. Смѣшно это потому, что въ дѣйствительности дѣло представляется совершенно наоборотъ: вышеупомянутая оцѣнка изящныхъ произведеній должна составлять не высшую, а низшую степень науки; это только ея азбука. Указавши на то, что одно произведеніе выше, другое ниже—вы, собственно говоря, стоите еще выѣ даже критики, хотя такую оцѣнку и принято у насъ называть этимъ именемъ. Вы стоите, говорю я, выѣ критики, потому, что сущность критики составляетъ анализъ, изысканіе, а вы вашею эстетиче-

свою оцѣнку больше ничего, какъ только высказываете ваши впечатлѣнія. Вы только указываете, что вотъ этотъ предметъ окрашенъ въ бѣлую краску, тотъ въ синюю, одинъ прямъ, другой кривъ. Понятно, что за этимъ элементарнымъ указаніемъ на факты только и начинается истинная критика, заключающаяся въ изслѣдованіи, какъ возникъ данный предметъ, на который вы указываете, какую онъ роль играетъ въ исторіи, въ жизни, почему онъ бѣлый, а не сѣрый, и бѣлый ли онъ, или это только такъ кажется... Однимъ словомъ, едва только вы вступите въ область истинной критики, такая критика не можетъ быть никакою иною, какъ социальнo-историческою. И очень понятно, почему: разбирая произведенія искусства, вы имѣете дѣло съ весьма сложными продуктами исторической жизни въ-ровъ въ соединеніи съ психической жизнью отдѣльнаго лица. Критически изслѣдовать какое либо произведеніе—это значитъ изслѣдовать историческій фактъ, а развѣ возможно изслѣдовать историческій фактъ внѣ исторіи, т.-е. изъяснивъ его изъ всѣхъ историческихъ условий и поставивши его гдѣ-то въ облака. Вы бы, конечно, посмѣялись надъ историкомъ, который сказалъ бы вамъ, что въ наукѣ его, кромѣ исторической критики, существуетъ еще другая—моральная, на основаніи высшихъ нравственныхъ идеаловъ; вы бы сказали такому историку, чтобы онъ предоставилъ послѣднюю моралистамъ и не вмѣшивалъ ее въ исторію, такъ-какъ дѣло исторіи заключается не въ судѣ надъ историческими личностями, а въ объясненіи ихъ поступковъ. Какъ же вы для дѣлага ряда историческихъ фактовъ—произведеній искусства, можете допустить иную критику кромѣ исторической?

Раздѣленіе критики на эстетическую и историческую и ложный предразсудокъ, будто послѣдняя играетъ низшую роль по отношенію къ первой, и будто первая, т.-е. эстетическая есть высшая критика, изслѣдующая законы изящнаго—укоренился въ умахъ нашихъ мыслителей со времени Бѣлинскаго, который именно и утвердилъ подобное раздѣленіе и подчиненіе.

Впрочемъ, утвердилъ онъ это дѣленіе еще въ московскій періодъ своей дѣятельности, въ періодъ наибольшаго увлеченія своего гегелевскою метафизикою, когда онъ писалъ «Менцеля» и «Бородинскую годовщину», находилъ, что «Нереида» Пушкина выше «Идеаловъ» Шиллера и «Ревизоръ» выше «Горя отъ ума». Впослѣдствіи онъ все болѣе и болѣе отклонялся отъ своего первоначальнаго идеала критики и склонялся къ критикѣ тенденціозной, полное развитіе которой представляетъ, какъ извѣстно, дѣятельность Добролюбова и Писарева. Но такъ укоренился у насъ этотъ предразсудокъ, что и до сихъ поръ гвоздемъ сидитъ онъ у весьма многихъ нашихъ доморожденныхъ мыслителей, которые и до сегодня думаютъ, что высшая критика, изслѣдующая законы изящнаго—есть критика эстетическая, хо-

тя послѣ господства эстетической критики наша русская критика успѣла уже пережить цѣлый періодъ тенденціозной критики.

Что касается тенденціозной критики, то она составляетъ переходъ отъ эстетической къ исторической. Она выше эстетической въ томъ отношеніи, что разностороннѣе, такъ-какъ она не ограничивается однимъ опредѣленіемъ эстетическаго достоинства произведенія, а идетъ далѣе, указываетъ на общественное значеніе произведенія для своего времени; но въ то же время она ниже исторической критики, если ограничиваясь этими указаніями, она не входитъ въ объясненіе разбираемаго произведенія, какъ продукта исторической жизни народа. Ограничиваясь одними полемическими цѣлями, тенденціозная критика является не столько наукою, изслѣдующею историческія явленія, сколько сама по себѣ историческимъ явленіемъ. Подобно эстетической, она не есть, собственно говоря, критика въ истинномъ значеніи этого слова, такъ-какъ нельзя не назвать этимъ словомъ одни постановленія фактовъ, въ видѣ указаній на то, что такое-то произведеніе преисполнено полезнаго, а такое вреднаго направленія, какъ бы эти указанія ни были написаны краснорѣчиво, убѣдительно, талантливо. Если во всѣхъ отрасляхъ знанія принято считать установленіе фактовъ, описаніе ихъ и сортировку по различнымъ признакамъ за приготовленіе матеріаловъ, изъ которыхъ строится зданіе науки, то эстетическая и тенденціозная критика суть именно не что иное, какъ заготовка матеріала для исторической критики; послѣдняя же именно и есть истинная высшая критика, стремящаяся постигнуть законы развитія творчества, начиная съ перваго зарожденія его въ жизни дикаря и кончая произведеніями Шекспира и Гёте.

Да не подумаетъ читатель, чтобы ставя историческую критику выше эстетической и тенденціозной, я открываю Америку; я не выдумываю здѣсь ничего новаго, а только указываю на фактъ, который давно уже имѣетъ мѣсто въ Европѣ. Тамъ существовала и чисто-эстетическая критика, и чисто-тенденціозная, но историческая критика въ настоящее время подчиняетъ себѣ всѣ другія и господствуетъ почти всецѣло въ европейскихъ литературахъ. Стоитъ припомнить имена лучшихъ представителей критики за послѣдніе 30 лѣтъ, Маколея, Гервинуса, Шера, Гетнера, Тэна,—чтобы увидать, какъ широко развилась въ Европѣ историческая критика и что она успѣла сдѣлать въ короткое время. Судя по тѣмъ успѣхамъ, какихъ историческая критика достигла въ Европѣ, и по тому господству, какое она все болѣе и болѣе приобретаетъ въ литературѣ, можно предсказать съ большою достовѣрностью, что если явится въ нашей литературѣ новый Бѣлинскій или Добролюбовъ, то онъ вступитъ на почву не эстетической или тенденціозной, а конечно исторической критики. Но отсутствіе новаго Бѣлинскаго и Добролюбова въ современной нашей литературѣ, я полагаю, ни-

сколько не обязывает насъ рабски держаться прежнихъ авторитетовъ и не смѣть ни на шагъ отступить отъ тропинокъ, проторенныхъ ими. Какъ бы ни были слабы наши силы, но это не мѣшаетъ намъ дѣлать попытки идти по новому пути, тѣмъ болѣе, что этотъ путь достаточно уже расчищенъ западно-европейскими авторитетами, изъ которыхъ найдется не мало, не уступающихъ по талантности нашимъ, но которые въ то же время всѣ подрядъ далеко превосходятъ нашихъ по обширности знаний.

Всѣ эти мысли невольно пришли мнѣ въ голову, когда я читалъ тѣ двѣ книги, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ моей статьи. Книги эти имѣютъ много общаго между собою по содержанию. Разница между ними только та, что г. Стороженко занимается исторіею исключительно англійскаго театра, начиная съ среднихъ вѣковъ и до Шекспира, а г. Веселовскій излагаетъ исторію средневѣковаго театра, вообще во всей Европѣ, и даже въ концѣ книжки у него вы найдете особенный отдѣлъ, посвященный исторіи зачатковъ русскаго народнаго театра до Петра I. Какъ та, такъ и другая книга въ сущности не представляютъ въ себѣ ничего особенно новаго и оригинальнаго для своей науки, но для русской публики онѣ весьма поучительны, потому что до сихъ поръ у насъ не было еще издано на русскомъ языкѣ такого полнаго и систематическаго обзора развитія драматическаго искусства въ Европѣ. Къ тому же обѣ книги написаны популярнымъ языкомъ и читаются съ большимъ интересомъ.

Всѣ вышеприведенныя мысли, еще разъ повторяю, были внушены мнѣ чтеніемъ этихъ двухъ книжекъ, и очень повятно какимъ образомъ: ни о чемъ, какъ извѣстно, у насъ не было такъ много писано, какъ о русскомъ театрѣ, начиная съ Н. Полеваго, Бѣлинскаго и Добролюбова, и кончая гг. Раппопортомъ, Суворинимъ и Буренинимъ; каждая вновь появлявшаяся пьеса—начиная съ произведеній Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго, и кончая Дьяченко, Лейкинымъ, Аверкиевымъ и Александровымъ—подвергалась обстоятельнымъ разборамъ, рецензіямъ, газетнымъ замѣткамъ всякаго рода. Но всѣ обозрѣватели, всѣ критики, углубляясь въ разборъ эстетическихъ красотъ или гражданскихъ доблестей одного автора, одной пьесы, до сихъ поръ не замѣтили и не поставили на видъ одной весьма характеристической черты нашего театра: именно той, что впродолженіе 100-лѣтняго существованія нашей сцены, она, если представляетъ собою какое либо развитіе, то развитіе одной только отрасли драматическаго искусства: именно комедіи нравовъ. Собственно говоря, развитіе и этой отрасли драматическаго искусства подвержено нѣкоторому сомнѣнію; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что до Островскаго комедія нравовъ представляла собою только весьма рѣдкіе проблески: изъ массы всякаго хлама, который давался ежедневно впродолженіе 75 слишкомъ лѣтъ, едва-ли вы

насчитаете до 20 оригинальныхъ пьесъ, маломальски возвышающихся надъ посредственностью, истинно же художественныхъ комедій не насчитаете и до 10 (3 комедіи фонъ-Визина, 1—Грибоѣдова и 5—Гоголя). Только благодаря талантливости и плодовитости г. Островскаго, комедія нравовъ утвердилась на нашей сценѣ въ послѣдніе 25 лѣтъ, да и то какъ она утвердилась! Можемъ ли мы поручиться за будущее нашей комедіи, имѣя въ виду, что съ начала дѣятельности г. Островскаго впродолженіе 25 лѣтъ не появилось ни одного таланта, могущаго хоть сколько нибудь соперничать съ этимъ единственнымъ представителемъ нашей сцены? Комедіи Островскаго, подобно комедіямъ фонъ-Визина и «Горе отъ ума» Грибоѣдова — остаются одинокими на сценѣ, не утверждая за собою прочной школы.

Но какъ ни жалко состояніе комедіи нравовъ на нашей сценѣ, все-таки она представляетъ хоть блѣдную тѣнь развитія. Что же касается драмы, то ей рѣшительно не везетъ на нашей сценѣ и всякій безъ спору согласится со мною, если я скажу, что драмы въ русской литературѣ буквально не существуетъ. Вся исторія нашей драмы заключается въ постоянныхъ потугахъ произвести на свѣтъ нѣчто великое, шекспировское, но, въ сожалѣнію, не выходящее ничего, хотя бы и малаго. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ паденія напыщенной, надутой ложноклассической трагедіи и слезливой мѣщанской драмы Коцебу, мы познакомились при помощи Н. Ал. Полеваго и Мачалова съ Шекспиромъ, съ тѣхъ поръ мы не перестаемъ мечтать о российскомъ Шекспирѣ. Чего только мы ни дѣлаемъ съ этою цѣлю: тщетно терзаемъ мы историческія тѣни Іоанна, Бориса Годунова, самозванцевъ, Петра I, заставляемъ ихъ ваяться всенародно въ своихъ преступленіяхъ и умирать на сценѣ, тщетно прибѣгаемъ къ народной мифологіи и выводимъ на сцену кудесниковъ и чародѣевъ, предсказывающихъ нашимъ Макбетамъ ихъ грядущее величіе; тщетно, наконецъ, мы предоставляемъ шутамъ и юродивымъ кривляться на сценѣ и удивлять публику смѣшными рѣчами, какія они дерзаютъ говорить своимъ грознымъ владыкамъ; тщетно и тщетно: изъ этого не только не выходитъ ничего шекспировскаго, но въ букввальномъ смыслѣ ничего не выходитъ. И еще, если бы всѣмъ этимъ занимались писатели посредственные, бездарные, а то нѣтъ: изъ первостепенныхъ нашихъ писателей рѣдко кто не заплатилъ долга драмѣ, начиная съ Пушкина, подарившаго русской сценѣ Бориса Годунова. Даже Гоголь, художникъ съ преобладающимъ комическимъ элементомъ въ своемъ талантѣ, и тотъ сдѣлалъ попытку написать трагедію изъ вторженія нормановъ въ Англію. Въ послѣдніе же десять лѣтъ у насъ рѣшительно утвердилась въ литературѣ особенная школа драматическихъ хроникъ въ подражаніе шекспировскимъ, школа, во главѣ которой стоятъ г. Островскій и гр. Толстой. Всѣ хроники, изданныя въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, отличаются почтенною

вѣрностью исторіи, отличающею, что авторы ихъ созданію каждой хроникѣ предпосылали внимательное изученіе историческихъ фактовъ, выставляемыхъ на сцену; въ то же время, нѣкоторыя изъ нихъ не лишены и художественности, чѣмъ особенно отличаются хроникѣ г. Островскаго. Но замѣчательная особенность всѣхъ ихъ, включая сюда и знаменитую драму Пушкина, заключается въ томъ, что онѣ хороши только въ чтеніи. На сценѣ же художественныя достоинства ихъ совершенно какъ-то скрадываются, и вы чувствуете невыразимую скуку, смотря ту самую пьесу, которая васъ такъ восхищала въ чтеніи. Понятно послѣ этого, что ни одна изъ нашихъ хроникъ, не исключая и самыхъ лучшихъ, не можетъ удержаться долго на сценѣ; всѣ онѣ только мельнуть и скроются. Такимъ образомъ, обогащая нашу литературу, даже лучшія изъ хроникъ ничего въ сущности не приносятъ театру, и сцена остается безъ драмы. Какъ объясните вы такую несостоятельность нашей драматической поэзіи, если ограничиваясь критикою эстетическою или тенденціозною, не прибѣгнете къ критикѣ исторической? Какой ключъ дать вамъ эстетику къ пониманію этой странной аномаліи? Вы можете посредствомъ эстетическихъ разборовъ доказать, что ни одна изъ русскихъ драмъ не въ состояніи не только соперничать, но хоть сколько-нибудь приблизиться къ высотѣ шекспировскихъ драмъ; можете весьма убѣдительно объяснить мнѣ, почему наши драмы производятъ такую поразительную скуку, что лучшую изъ нихъ съ трудомъ можно дослушать до конца; вы докажете мнѣ, на примѣръ, съ большою основательностью, что наши драмы страдаютъ полнымъ отсутствіемъ драматическихъ коллизій, сосредоточія интереса на развитіи какого-либо характера, быстроты дѣйствія, занимательности интриги — однимъ словомъ, всего того, чѣмъ такъ богаты трагедіи Шекспира. Но далѣе затѣмъ долженъ слѣдовать естественный вопросъ: почему же все это такъ? Что за фатализмъ тяготѣетъ надъ русскою драматургіею, что она вся подрядъ носитъ одинъ и тотъ же характеръ сухости, вялости и не сценичности? Съ эстетической точки зрѣнія, фактъ этотъ имѣетъ характеръ совершенной случайности, подобно тому, какъ и появленіе Шекспира на англійской сценѣ XVII вѣка было, конечно, дѣломъ чистаго случая: появился въ Англии ни съ того ни съ сего Шекспиръ, ну, что-жь, счастлива Англія, вивать ей! а у насъ не можетъ составиться и посредственной драмы, что же дѣлать намъ горемычнымъ: такъ ужъ намъ на роду написано. Далѣе этого, эстетики со всѣми своими претензіями къ открытію законовъ изящнаго не скажутъ ни слова. Далѣе имъ остается только плакать и вопить о скудости руссіейскихъ талантовъ, что они и производятъ ежедневно: вопли объ оскуденіи руссіейскаго Парнаса нынѣ вообще въ модѣ, такъ что рѣдная рецензія не начинается съ нихъ или не кончается ими.

Но какъ же это такъ однако: легко объяснять случайностью эстетическія достоинства или недостатки одного какого-нибудь таланта. Я готовъ, пожалуй, даже согласиться, что появленіе въ Англіи такого таланта, какъ Шекспиръ было дѣломъ случая, что рожденіе Шекспира, было своего рода рожденіемъ монстра, конечно въ обратномъ, хорошемъ смыслѣ этого слова, и что Англія могла и не быть осчастливлена этимъ рожденіемъ. Но мы видимъ, что въ продолженіе 50 лѣтъ, нѣсколько лучшихъ талантовъ работали надъ произведеніемъ драмы, и всѣ усилія ихъ оказались одинаково тщетными: мало этого, мы видимъ, что всѣ историческія драмы, написанныя со временъ «Бориса Годунова» Пушкина, имѣютъ одни и тѣ же роковые недостатки: холодность, сухость, отсутствіе всякаго драматизма, видимую принаровленность писателей болѣе къ читающей публикѣ, чѣмъ къ слушающей (всѣ эти недостатки мы подробно разберемъ во второй статьѣ, сдѣлавши эстетическій разборъ выводомъ изъ историческихъ данныхъ). Такая хроническая, наследственная, такъ сказать, болѣзнь нашей драмы, не можетъ быть объяснена случайнымъ свойствомъ того или другаго таланта. Это общее явленіе имѣетъ, конечно, свою общую причину и раскрытіе ея, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе для уясненія законовъ творчества вообще, и въ частности для опредѣленія характера и судьбы русской драмы, чѣмъ сотня эстетическихъ разборовъ перваго сорта.

Вышеупомянутыя двѣ книги могутъ оказать намъ въ этомъ отношеніи большую помощь, такъ-какъ онѣ показываютъ весьма обстоятельно, какъ естественно и органически развился въ Европѣ театръ, какой долгой и упорной работѣ цѣлыхъ вѣковъ обязанъ онъ былъ тому высокому положенію, до какаго онъ дошелъ въ XVII вѣкѣ, какія условія въ различные вѣка, въ тѣхъ или другихъ странахъ способствовали или препятствовали его развитію, но что главнѣе всего, изъ книги г. Веселовскаго мы можемъ видѣть, какъ различны были условія развитія драмы въ Европѣ и у насъ, и что было результатомъ этого различія.

II.

У насъ принято сравнивать Россію съ Западомъ исключительно почти по степени развитія, причемъ, конечно, предполагается, что Россія сравнительно съ Европою—страна во многихъ отношеніяхъ отсталая, и наиболѣе мрачные пессимисты утверждаютъ даже, что мы не вполне вышли еще изъ среднихъ вѣковъ и что Россія переживаетъ въ настоящее время много что XV или XVI вѣкъ Европы. Не будемъ входить въ разбирательство, въ какой степени правы или неправы мрачные пессимисты; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пришлось бы, можетъ

быть, съ ними согласиться, въ другихъ нѣтъ. Вообще же мнѣ кажется, сравненіе Россіи съ Западомъ по различію тѣхъ или другихъ элементовъ въ складѣ жизни обѣихъ половинъ Европы гораздо плодотворнѣе, чѣмъ сравненіе по степени развитія, и можетъ привести къ болѣе важнымъ результатамъ для объясненія различныхъ явленій на Западѣ и у насъ.

Такъ мы видимъ, что на Западѣ, не только въ настоящее время, но и въ самой отдаленной глубинѣ среднихъ вѣковъ былъ чрезвычайно развитъ одинъ элементъ, котораго въ нашей жизни постоянно не доставало, не достаетъ и до настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что западный человѣкъ постоянно, даже въ какомъ-нибудь XII и XIII вѣкахъ, жилъ двойною жизнью: семейною и общественною. Это раздѣленіе мы принимаемъ не въ томъ нравственномъ, идеальномъ смыслѣ, въ какомъ это принимается, обыкновенно, у насъ, то-есть не въ смыслѣ такъ называемаго блага родины, которое средневѣковой человѣкъ ставилъ бы на первый планъ, для котораго бы жилъ и которому бы жертвовалъ узкими семейными интересами, подобно современному, цивилизованному европейцу, хотя и въ средніе вѣка бывали нерѣдкіе примѣры подобнаго самоотверженія. Нѣтъ, мы беремъ вышеупомянутое раздѣленіе въ чистокультурномъ смыслѣ: дѣло въ томъ, что у средневѣковаго человѣка было постоянно двѣ семьи, одинаково для него дорогія и близкія: одна семья въ тѣсномъ значеніи этого слова, кровная семья, другая — въ видѣ сельской общины, города, цеха, ордена монашескаго или рыцарскаго. И у насъ каждый человѣкъ занимается то или другое общественное положеніе, находится въ обществѣ дворянскомъ, мѣщанскомъ, сельскомъ, принадлежитъ къ цеху и пр. Но у насъ средоточіе жизни большинства людей представляется все-таки въ кровной семьѣ; внѣ ея для насъ все чужое; всякій общественный интересъ, даже такой, въ которомъ мы имѣемъ право и обязанность принимать непосредственное, активное участіе, постоянно принимаетъ въ глазахъ нашихъ казенный характеръ какой-то посторонней тяги, наложеннаго урока, отбывши который, мы съ радостью возвращаемся подъ семейный кровъ, чтобы замкнуться въ немъ отъ всѣхъ и вся.

Совершенно не такъ слагалась жизнь западнаго человѣка въ средніе вѣка. Корпорация, къ которой онъ принадлежалъ, была въ глазахъ его та же семья; сотоварищи и сочлены имѣли значеніе родныхъ; интересы корпорации не отдѣлялись отъ семейныхъ, личныхъ, и средневѣковой человѣкъ постоянно жилъ общественною жизнью. Монастырь, замокъ, какой-нибудь старыи дубъ, вокругъ котораго сходился по праздникамъ сельскій людъ, городская ратуша или площадь — все это имѣло въ средніе вѣка значеніе древняго форума. До какой степени былъ развитъ духъ общественности въ средніе вѣка, это мы видимъ изъ того, что не ограничиваясь однѣми сословными корпорациями, люди по-

стоянно сходились во всевозможныя ассоціаціи; каждая новая идея, новая отрасль труда или забавы—зарождали новыя общества, братства и корпораціи. Всѣмъ этимъ обуславливалось постоянное существованіе въ средневѣковой жизни тѣсно сплоченной, организованной, дружной толпы, которая ко всякому воспринимаемому впечатлѣнію относилась активно, во все стремилась вложить свой духъ, все подчинить своей волѣ, все приурочить къ своимъ интересамъ. Мы увидимъ ниже, какое вліяніе на развитіе драмы имѣло подобное развитіе общественности въ средніе вѣка.

Дѣло въ томъ, что не для однихъ серьёзныхъ общественныхъ дѣлъ и интересовъ собирались средневѣковые люди на свои форумы. Они любили и молиться, и веселиться сообща. Каждая корпорація имѣла свой уставъ, свои обряды, своего чтимаго святого. Шумныя празднества, на которыя собирались несмѣтныя толпы народа, торжественныя процессіи, роскошныя иллюминаціи, рядомъ съ рыцарскими турнирами и придворными забавами—наполняли собою жизнь среднихъ вѣковъ. И неизмѣнными спутниками каждаго торжества—духовнаго или свѣтскаго, придворнаго или народнаго, городского или сельскаго—были драматическія представленія.

Европейская сцена имѣетъ два совершенно различныя источника своего происхожденія, изъ которыхъ одинъ произвелъ трагедію, а другой послужилъ къ развитію комедіи. Первымъ источникомъ драмы послужили драматическіе религіозные обряды католической церкви. Возникновеніе этихъ обрядовъ весьма многіе ученые приписываютъ тому обстоятельству, что будто католическое духовенство, вслѣдствіе непониманія народомъ священнаго писанія на латинскомъ языкѣ, нарочно ввело драматическія представленія важнѣйшихъ событій изъ жизни Иисуса Христа, чтобы наглядно познакомить народъ съ догматами церкви. Но мнѣ кажется, что подобное объясненіе слишкомъ искусственно и натянуто. Стремленіе представить въ живой дѣйствительности чествуемое событіе такъ присуще навѣрно вѣрующему человѣку, такъ согласно съ тѣмъ религіознымъ экстазомъ, съ какимъ сопровождается торжество, такъ, наконецъ, обще всѣмъ народамъ древнимъ и новымъ въ соотвѣтствующей періодъ ихъ развитія,—что приписывать драматическіе обряды среднихъ вѣковъ какому-либо предвзятмъ дѣланію духовенства—верхъ нелѣпости. Когда въ рождество посреди церкви ставилась модель яслей, окруженныхъ первоначально маріонетками, а потомъ и живыми людьми, изображавшими Богородицу, Иосифа, пастуховъ, волхвовъ, когда въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе извлекался изъ гробницы, устроенной подъ алтаремъ, крестъ, положенный туда въ великій пятокъ, и священникъ, костюмированный ангеломъ, въ бѣломъ хитонѣ, съ золотымъ сіяніемъ надъ головой, возвѣщалъ о Воскресеніи Христа двумъ молодымъ священникамъ, закутаннымъ въ свои пла-

ми ad similitudinem mulierum, изображавшимъ Богородицу и Марію Іаковлеву, -- можно поручиться, что всё эти обряды исполнялись безъ всякихъ поучительныхъ цѣлей, съ тѣмъ же непосредственнымъ, живымъ религіознымъ энтузіазмомъ, съ какимъ древніе жрецы изображали подвиги своего Діонисія.

Мы не будемъ входить въ подробное описаніе всѣхъ этихъ обрядовъ; желающіе познакомиться съ ними, могутъ обратиться къ книжкамъ гг. Веселовскаго и Стороженко. Мы только замѣтимъ вообще, что существованіе подобныхъ обрядовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ представляло собою только зародыши драмы, но само по себѣ отнюдь еще не обуславливало ея развитія. Обряды эти могли окаменѣть въ томъ видѣ, въ какомъ представлялись въ V, VI, VII вѣкахъ — и дойти до нашего времени въ самомъ чистомъ, неизмѣненномъ видѣ. Но какъ мы выше сказали, толпа, присутствовавшая при совершеніи этихъ обрядовъ, была не безмолвнымъ, пассивнымъ и разрозненнымъ стадомъ, а тѣсно сплоченнымъ, активнымъ обществомъ, и она не замедлила внести въ драматическіе обряды свое участіе, наполнить ихъ своимъ живымъ, богатымъ духомъ, и въ концѣ-концовъ, совершенно завладѣла ими. Первоначально литургическая драма исполнялась исключительно священниками; въ послѣдствіи ее начали исполнять лица изъ народа; латинскій языкъ замѣнился народнымъ, народъ началъ вставлять въ обряды свои собственные аксесуары, плоды своего народного творчества, такъ, напримѣръ, пастухи передъ тѣмъ, какъ увидѣть на небѣ звѣзду, разыгрывали цѣлые комическіе фарсы; не ограничиваясь однѣми рождественскими и пасхальными драмами, начали представлять житія святыхъ, различные эпизоды ветхаго и новаго заветъа, мѣстныя легенды и апокрифическія сказанія. Мало этого: въ религіозные обряды народъ внесъ свое двоевѣріе и до такой степени переплелъ христіанскія вѣрованія съ языческими, пѣвнѣ религіозныхъ гимновъ съ пляскою и площадными шутками гистріоновъ, что присутствіе такихъ представлений въ стѣнахъ церкви сдѣлалось немислимымъ въ глазахъ латинскаго духовенства.

Рядомъ со сценою, вышедшею изъ вѣдръ католическихъ храмовъ, развивался въ Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ другой театръ, коренившійся въ остаткахъ языческихъ празднествъ, сохранившихся въ народѣ отъ первобытной народной религіи. Такими празднествами были, напримѣръ, масляница, проводы зимы, святки и пр. Такъ-какъ христіанская религія, заслонивши собою языческую, низвела и прежнихъ боговъ въ понятіи народа въ ряды бѣсовщины, то понятно, что сохранившіяся языческія празднества не могли возбуждать того характера возвышеннаго религіознаго энтузіазма, какой внушали христіанскія торжества, изъ нихъ поэтому не могло и развиться трагедіи, за то изъ нихъ широкою струею развился комическій элементъ. Всѣ эти празднества сопровождались переряживаніями-

ми и шуточными процессіями. Незмѣнными спутниками ихъ были гистріоны, игравшіе на западѣ роль нашихъ скомороховъ; это были бродячія толпы музыкантовъ, которые подъ аккомпаниментъ арфы или ротты распѣвали веселыя пѣсни и представляли дѣлне комическіе фарсы иногда посредствомъ маріонетокъ, иногда же и въ живыхъ лицахъ. И здѣсь духъ общественности оказалъ свое вліяніе. Языческія празднества не ограничивались на Западѣ замкнутыми въ семейныхъ кружкахъ потѣхами: они то принимали характеръ многолюдныхъ процессій, напоминающихъ собою ваханаліи древнихъ, то слагались въ ассоціаціи. Вотъ чтò говорить, напримѣръ, г. Веселовскій о праздникѣ дураковъ, въ которомъ, несмотря на языческое происхождение его, принимало горячее участіе само духовенство: «Многія разновременныя свидѣтельства указываютъ на существованіе веселыхъ ассоціацій по городамъ и селамъ Франціи, цѣлю которыхъ было прославленіе людской глупости въ разнообразныхъ костюмированныхъ процессіяхъ, рѣчахъ и обрадахъ; таковы существовавшія въ теченіе многихъ вѣковъ въ Эвре, Турѣ, Дижонѣ и другихъ городахъ Конфреpii des Shaffords, Cornards au Chansonniers, Gaillardons etc.; *черная процессія* (procession noire) въ Эвре. Празднества ихъ приурочивались къ масланицѣ, къ порѣ сбора винограда; одѣтые въ причудливые костюмы (въ Дижонѣ даже въ трехдѣтныя), они избирали изъ своей среды такъ называемую *Mère sottе*, въ иныхъ мѣстностяхъ и аббата или епископа дураковъ, точно также какъ это дѣлалось въ церковной сферѣ. Въ Франконіи и въ особености въ Нюрнбергѣ въ день св. Урбана, покровителя вина, учреждалась процессія по городу, при чемъ избирался молодой человекъ, изображавшій Урбана, который ѣхалъ на своей лошади, покачиваясь, будто вкусивъ черезъ мѣру любимаго напитка; вся его костюмированная свита соотвѣтствовала своими дѣйствіями настроенію вождя. Во многихъ мѣстностяхъ Франціи и французскихъ кантонахъ Швейцаріи до нашего времени братства, чествующія особыми празднествами сборъ винограда, называются аббатствами (abbaye). Происхождение этихъ народныхъ обрядовъ несомнѣнно восходитъ къ ранней порѣ народной жизни и тѣсно связано съ началомъ скоморошества».

Рядомъ съ этимъ мы можемъ сопоставить слѣдующее описаніе англійскихъ святокъ въ внигѣ г. Стороженко:

«Въ англійскомъ Christmas нѣтъ южной поэзіи и граціи, этого дождя цвѣтовъ и конфетъ, этой заразительной, опьяняющей суматохи италіанскаго карнавала; за то въ немъ, быть можетъ, больше внутренней, задушевной веселости. Кто не видалъ въ эти дни англичанъ, тотъ не знаетъ, сколько юмора, остроумныхъ затѣй и невстоимаго смѣха таится на днѣ ихъ народнаго характера. Но теперешній Christmas показался бы чѣмъ-то крайне монотоннымъ и сквернымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ старину. Тогда—это былъ пиръ на

весь міръ, въ буквальному значеніи этого слова. Двери каждаго дома были растворены настежь; въ нихъ съ утра до поздней ночи могли входить гости (а гостемъ былъ всякій), въ сопровожденіи арфистовъ, менестрелей, фокусниковъ, и распорядиться какъ у себя дома. Обыкновенно все то, что наготовлялось въ теченіе цѣлаго года, было истребляемо въ нѣсколько дней. Разгоряченное элемъ воображеніе изобрѣтало самыя причудливыя затѣи, переворачивало верхъ дномъ всѣ общественныя отношенія; власть лордъ-мера не признавалась больше въ городѣ; вмѣсто него самовластно царилъ — олицетвореніе святочнаго разгула — царь безпорядковъ (Lord of Misrule), который распорядился всѣми праздничными потѣхами и увеселеніями. Подъ его руководствомъ и при его непосредственномъ участіи устраивались шуточные маскарадныя процессіи; комическія пантомимы, разыгрывались фарсы и т. п. Драматическій элементъ съ давнихъ поръ игралъ видную роль въ святочныхъ увеселеніяхъ Англіи. Полидоръ Варгилій, ученый итальянецъ, жившій при дворѣ Генриха VIII и написавшій на латинскомъ языкѣ исторію Англіи, — увѣряетъ, что уже въ концѣ XII вѣка было въ обычаѣ давать на святкахъ представленія (ludos) съ самой роскошной обстановкой. Въ 1348 г. при дворѣ Эдуарда III на рождественскихъ святкахъ были устроены какія-то представленія, по всей вѣроятности маски и пантомимы, для которыхъ потребовалось нѣсколько десятковъ масокъ и восемьдесятъ разноцвѣтныхъ костюмовъ. Съ теченіемъ времени въ этихъ представленіяхъ драматическій элементъ беретъ верхъ надъ мимическимъ, и на святкахъ 1489 г., современникъ вмѣсто обычныхъ маскарадныхъ процессій (disguisings) видѣлъ нѣсколько правильныхъ пьесъ. Сколько можно судить по его краткому описанію, пьесы эти были свѣтскаго характера, нѣчто въ родѣ импровизированныхъ фарсовъ, въ которыхъ Abbat of Misrule могъ вполне развернуть свой комическій талантъ.

Изъ этой выдержки мы видимъ, какъ самобытно развивались драматическія формы на Западѣ, разрастаясь, какъ деревья въ дѣвственномъ лѣсу, безъ всякихъ постороннихъ заботъ и поощреній и этимъ естественнымъ спокмъ ростомъ западная комедія была обязана ничему иному, какъ только ничѣмъ не стѣсняемому развитію духа общественности. Не будь этого духа, конечно, не было бы шумныхъ празднествъ и процессій, на почвѣ которыхъ могла бы развиваться комедія; если бы даже и существовали празднества, но были бы подчинены строгой регламентаціи администраціи, было бы, на примѣръ, опредѣлено, какъ кому себя вести, что дѣлать и чего не дѣлать, — естественно, что съ одной стороны формы празднества сейчасъ же бы остановились въ своемъ развитіи, остались въ неизмѣнномъ видѣ и начали бы гложуть, теряя свое обаяніе, съ другой же стороны ливущій народъ, тѣснымъ со всѣхъ сторонъ въ проявленіяхъ своей веселости, изъ творца комичес-

скихъ фарсовъ обратился бы въ безмолвно и безсвязно движущееся стадо такъ-называемой публики.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и на Западѣ театръ въ своемъ развитіи не испытывалъ ровно никакихъ стѣсненій и не переживалъ своихъ роковыхъ и тяжелыхъ кризисовъ. Вавхическія празднества не могли не претерпѣвать постоянного недоброжелательства со стороны духовенства, какъ по языческому своему происхожденію, такъ и по противорѣчію своему съ аскетическими идеалами церкви. Самая церковная драма подверглась гоненіямъ, какъ только ею овладѣлъ народъ и вмѣшалъ въ нее свои народныя, языческіе элементы. «Уже въ началѣ XIII вѣка—говоритъ г. Веселовскій—папа Иннокентій III въ 1210 году возставалъ въ своихъ посланіяхъ къ епископамъ противъ представленій, дающихся въ церквахъ; соборы въ Зальцбургѣ, Трирѣ, Коньякѣ и Буржѣ (во второй половинѣ XIII столѣтія) положительно запрещаютъ празднества, пляски и драматическіе обряды въ церквахъ; возрастающее участіе въ нихъ жонглеровъ и постепенное преобладаніе народной стихіи, очевидно бросаютъ въ мотивированіи этихъ запрещеній всего болѣе тѣни на представленія мистеріальнаго характера. Заурядъ съ шутовскими празднествами и разными видоизмѣненіями праздника дураковъ, подвергались преслѣдованію и мистеріи».

Такимъ образомъ обоимъ видамъ возникшей драмы грозилъ преждевременный конецъ при самомъ началѣ ихъ разцвѣта. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ элементомъ западно-европейской жизни, тѣсно соприкасающимся съ элементомъ обществённости. Дѣло въ томъ, что на Западѣ всѣ формы народной жизни отличаются крайнею упругостью и несгнетаемостью: разъ что вошло въ народъ, укоренилось въ немъ, что ему понравилось, съ чѣмъ онъ сроднился, то весьма туго поддается преслѣдованіямъ; въ крайнихъ случаяхъ, гонимая форма жизни измѣняетъ только свой внѣшній видъ, цвѣтъ и, неузнаваемая, продолжаетъ свое существованіе, по большей же части въ оппозицію запрещеніямъ она еще болѣе укореняется въ народѣ, и народъ какъ будто дразнить ея своихъ гонителей. При отсутствіи подобнаго элемента, драма весьма легко могла поддаться преслѣдованіямъ: стоило запретить папскою буллою драматическія представленія въ церквахъ—и они прекратились бы сразу; стоило бы, при первой вавхической процессіи, посадить Lord of Misrule, со всею его свитою, въ часть—и на слѣдующія святія на улицахъ городовъ не появилось бы ни одной маски. Но не такъ легко было уничтожить на Западѣ то, съ чѣмъ народъ сжился, въ чемъ привыкъ проявлять свой духъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что изгнанная изъ церквей драма не только не исчезла, но, напротивъ того, начала развиваться еще быстрѣе и шире. Духовенство могло прекратить въ ней свое участіе, но драматическія представленія могли обходиться и безъ него, такъ-какъ

они находились уже въ рукахъ народа, и онъ, не теряя къ нимъ вкуса, перенесъ ихъ изъ церковныхъ стѣнъ на церковныя паперти и кладбища. Тѣснямая и оттуда, драма выходитъ наконецъ и за церковную ограду, «сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клерикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни; перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, хоры, паперть и разнообразныя аксесуары кладбища. Драма дошла до своего освобожденія» (см. «Ст. театр въ Евр.», стр. 38).

Перенесенная въ нѣдра народной жизни, духовная драма окончательно теряетъ свой обрядный характеръ и мало по малу развивается въ громадные мистеріи, исполняемыя иногда по нѣсколькимъ дней. Кто судить о средневѣковыхъ мистеріяхъ по жалкимъ образцамъ нашихъ доморожденныхъ школьныхъ духовныхъ драмъ Дмитрія Ростовскаго и Семіона Полоцкаго и по маріонетнымъ представленіямъ кіевскихъ бурсаковъ, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о характерѣ и значеніи средневѣковыхъ мистерій. Сравнить ихъ можно только развѣ съ древне-греческими играми въ родѣ олимпійскихъ, на которыхъ, какъ извѣстно, народъ, сходящійся со всѣхъ сторонъ въ несмѣтныхъ толпищахъ, рядомъ съ слушаніемъ рапсодій божественной Илиады, зрѣлищемъ метаніа дисковъ и танцевъ, воодушевлялся высокимъ религіознымъ энтузіазмомъ при видѣ драматическихъ представленій, выражающихъ въ подвигахъ боговъ и героевъ высшія таинственныя судьбы. Средневѣковыя мистеріи имѣли совершенно такой же характеръ древне-греческихъ игръ. Рядомъ съ пѣснями трубадуровъ, съ плясками, веселыми шутками и фарсами гистріоновъ, народъ, исполненный религіознаго экстаза, созерцалъ высшія божественныя судьбы въ драматическихъ представленіяхъ различныхъ эпизодовъ изъ ветхаго и новаго завѣта.

«Въ исполненіи мистеріи—говорить г. Веселовскій—принимали участіе лица всѣхъ сословіи безъ различія званія; цѣль, казавшаяся угодною Богу, привлекала къ себѣ всѣхъ, внося жизнь и одушевленіе въ народный бытъ. Еще теперь въ ультра-католическихъ мѣстностяхъ Австріи и Баваріи, гдѣ духовно-народная драма, переживя вѣка, уцѣлѣла почти въ первобытной формѣ, можно составить себѣ понятіе о всеобщемъ энтузіазмѣ, нѣкогда возбуждавшемся мистеріями, по тому лихорадочному рвенію, съ которымъ старъ и младъ конкурируетъ въ исполненіи важнѣйшихъ ролей пьесы, и часто восьмидесятилѣтній старецъ усердно молить распорядителей дать ему еще разъ сыграть Варраву».

Какое высокое, религіозное значеніе имѣли въ глазахъ народа мистеріи, это мы можемъ судить по слѣдующему факту:

Въ Баваріи, въ мѣстечкѣ Оберъ-Аммергау, близъ Старнбергскаго озера, и до сихъ поръ еще сохранилось представленіе

поселянами мистерій, повторяемое правильно черезъ каждые десять лѣтъ. Преданіе гласитъ, что представленіе набожной пьесы укоренилось въ этой мѣстности вслѣдствіе обѣта, даннаго еще въ 1633 году жителями, въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ жестокой чумы, занесенной въ Баварію шведскими войсками. «Уже то обстоятельство, замѣчаетъ при этомъ г. Веселовскій, что въ критическую минуту народъ считаетъ высоко-спасительнымъ дать обѣщаніе соединиться дружными силами для исполненія мистерій страстей, показываетъ, какъ высоко было уваженіе къ духовному театру, даже въ періодъ его упадка».

Корпоративный элементъ въ средневѣковой жизни не мало способствовалъ развитію мистерій. Относительно этого вліянія корпорацій мы находимъ слѣдующіе, любопытные факты въ книгѣ г. Веселовскаго: начало средневѣковой ассоціаціи, цехи, артели, братства, естественно, способствовали усиленію средствъ постановки мистерій и давали стройный видъ исполненію. Коллективныя мистеріи Англіи многимъ обязаны участію въ представленіи ихъ различныхъ корпорацій,—черта, въ особенности характеризующая міръ стараго духовнаго театра въ Англіи. Исслѣдованіе о Ковентрійскихъ мистеріяхъ, изданное въ первой четверти настоящаго столѣтія Шарпомъ, обнаружило всю мѣру непосредственнаго вліянія цеховъ на мистеріи; ихъ архивы полны указаній на матеріальную поддержку, оказанную ими постановкѣ, на живое движеніе, возбуждавшееся въ нихъ распределеніемъ ролей, устройствомъ сцены и развитіемъ дѣйствія. Сообразно малѣйшимъ упоминаніямъ объ участіи различныхъ ремеселъ въ событіяхъ, пересказанныхъ въ мистеріи, исполненіе ея поручалось тому или другому цеху. Ковчегъ Ноя былъ сочтенъ произведеніемъ плотничьяго искусства, и поэтому, пьеса, или актъ ея, въ которомъ говорилось о ковчегѣ, исполнялся плотниками; пришествіе трехъ царей разыгрывалось золотыхъ дѣлъ мастерами (отъ золотыхъ коронъ на царяхъ и отъ драгоценныхъ подарковъ Спасителю); омовеніе ногъ—водовозами; свадьба въ Канѣ Галилейской—винодѣлами. Иногда цехи эти соединялись при исполненіи одной и той же пьесы, иногда уступали принадлежащее имъ по праву участіе въ ней другимъ корпораціямъ. Кромѣ того, въ различныхъ городахъ приложеніе упомянутыхъ указаній къ степени участія цеховъ измѣнялось, и рыбаки замѣняли плотниковъ при представленіи потопа, потому что ковчегъ носился *по водѣ*. Съ перенесеніемъ мистеріи изъ одного города въ другой, нерѣдко мѣнялись и извѣстные отгѣнки ея характера, давая просторъ мелкимъ антипатіямъ и кознямъ. Такъ, наиримѣръ, въ одной нѣмецкой драмѣ, написанной, повидимому, въ Любекѣ, дьяволъ уноситъ съ собою въ адъ цѣлый десятокъ различныхъ ремесленниковъ. Когда же пьеса эта была перенесена въ Висмаръ, одинъ изъ вендскихъ городовъ Ганзы, траги-комическое вверженіе въ адъ

любекскихъ портныхъ, хлѣбниковъ и башмачниковъ подало поводъ къ осмѣянію нѣмцевъ. Дьяволы понимаютъ другъ друга только понѣмцаги, и адская добыча рекрутируется лишь между жителями ультра-нѣмцагаго Любека».

Въ числѣ корпоративныхъ обществъ, оказавшихъ свое содѣйствіе къ развитію театра, особенно отличается во Франціи знаменитое Базошское королевство и имперія Галилейская (*Empire de Galilée*) (см. «Ст. театръ»; стр. 81). Базошскимъ королевствомъ называлась корпорація клерковъ парламента, основанная одновременно съ окончательнымъ утвержденіемъ послѣдняго при Филиппѣ Красивомъ (1305 г.). Во главѣ этой корпораціи юристовъ стоялъ избранный обществомъ король или канцлеръ; при немъ находились многочисленный персоналъ должностныхъ лицъ, нѣсколько прокуроровъ, нотариусовъ и секретарей, референтовъ, приставовъ, церемоніймейстеровъ и т. д. Базошское королевство имѣло свою собственную юрисдикцію, независимую администрацію и право бить монету. Каждый годъ глава общества дѣлалъ смотръ всѣмъ его членамъ, который сопровождался торжествами, пышными процессіями и кавалькадами въ костюмахъ, исполненіемъ различныхъ пьесъ современнаго репертуара, сначала духовныхъ, потомъ свѣтскихъ. На этихъ смотрахъ, по свидѣтельству современниковъ, собралось нерѣдко отъ шести до восьми тысячъ народу. Кромѣ того, въ извѣстные праздничные дни Базошъ имѣла свои частныя собранія, парады и представленія; какъ бы въ память древняго народнаго обычая привѣтствовать пришествіе весны, все братство сходилось на принадлежащее ему поле, прозванное вслѣдствіе того *Ptè aux clercs*, или на дворъ парламента въ послѣднюю субботу мая мѣсяца, и водружало тамъ убранный и разукрашенный майское дерево, срубать которое клерки могли безвозмездно въ королевскихъ лѣсахъ на основаніи особой привилегіи. Майскій праздникъ длился нерѣдко цѣлую недѣлю; послѣ процессій, смотровъ и банкетовъ, занимавшихъ первые дни, остальное время посвящалось исполненію мистерій и моралей, нашедшихъ великое сочувствіе и поддержку въ многочисленномъ, богатомъ и славномъ братствѣ. Не менѣ содѣйствовали развитію въ братствѣ пристрастія къ драматическому началу публичныя судебныя пренія въ его средѣ, пренія, относившіяся не только къ дѣламъ, дѣйствительно докладывавшимся верховному Базошскому трибуналу, который имѣлъ право суда надъ своими подчиненными, но и къ дѣламъ воображаемымъ, нарочно придуманнымъ и выполненнымъ въ мельчайшихъ аксессуарахъ, допросъ свидѣтелей, защитительныхъ и обвинительныхъ рѣчей, въ видахъ пріученія Базошской молодежи къ ожидавшей ее судебной практикѣ. Это укорененіе драматической формы въ дѣловой сферѣ юриспруденціи не мало способствовало впоследствии къ образованію юридической сатиры, фарсовъ и *sotties* изъ судебного міра. Но оно же давало первоначальному театру

Базоша, предпочтительно духовному (первые слѣды котораго становятся замѣтны съ половины XV столѣтія), готовыхъ и надежно приученныхъ къ дѣлу актеровъ. Базошское общество въ Парижѣ было не единственнымъ въ этомъ родѣ учрежденіемъ въ средневѣковой Франціи; подобныя же ассоціаціи образовались и въ большихъ провинціальныхъ центрахъ, какъ, напри- мѣръ, въ Марселѣ, въ Турѣ, въ Руанѣ. Клерги парижскихъ нотариусовъ образовали такъ-называемую *Basoche du Chatelet*, клерки счетной палаты составили Галилейскую имперію, съ избраннымъ изъ среды ихъ императоромъ во главѣ».

Но представленіе мистерій не ограничивалось одними сословными и ремесленными ассоціаціями, для которыхъ оно служило только развлеченіемъ отъ занятій. Мало по малу драматическое искусство начало выдѣляться, какъ особенная отрасль труда. Такъ первоначально труверы въ связи съ жонглерами и менестрелями присвоили себѣ драматическія представленія какъ особенную специальность.

Въ XIII вѣкѣ начали устроиваться повсюду ассоціаціи съ спеціальною цѣлію драматическихъ представленій. Такъ въ Римѣ съ 1264 г. существовала *Compagnia del'Confalone*, исполнявшая въ Колизеѣ мистеріи страстей Господнихъ. Почти одновременно учреждено было въ Тревизо общество Вичующихся (*del' Battuti*), избравшее себѣ спеціальною исполненіе мистерій Благовѣщенія. Подобное общество существовало съ 1252 года и въ Падуѣ. Но безмѣрно болѣе всѣхъ этихъ обществъ имѣло вліяніе на развитіе драматическаго искусства знаменитое парижское братство Страстей Господнихъ (*Confrerie de la passion*). Начало этого общества относится къ 4 декабря 1402 г., дню, въ который было подписано королевское дозволеніе относительно существованія его. Получивъ дозволеніе, братство немедленно приступило къ открытію своей дѣятельности въ приобрѣтенномъ имъ помѣщеніи, гдѣ въ каждый праздничный день, при великомъ стеченіи народа исполнялись мистеріи. Такимъ образомъ было положено основаніе первому постоянному театру въ Европѣ. Плодомъ дѣятельности этого общества была громадная мистерія Страстей (*Mystère de la Passion*), раздѣляющаяся на четыре дня и безсчетное множество актовъ и явленій; она какъ-бы распадается въ то же время на нѣсколько отдѣльных мистерій, заявляющихъ право на отдѣльное существованіе, и представляющихъ полную картину земной жизни Спасителя и событій, непосредственно предшествовавшихъ его пришествію (см. «Ст. т. въ Ев.», стр. 85, 86, 87).

Всѣ эти факты показываютъ наглядно, что такое былъ театръ въ средневѣковой Европѣ. Когда говорить, что европейская сцена имѣла такое-же развитіе, какъ и древняя, то это надо понимать не въ томъ узкомъ смыслѣ, что въ Европѣ, подобно какъ и въ Греціи, драма развилась изъ религиозныхъ обрядовъ; этого мало: въ Европѣ, подобно тому, какъ и въ Греціи, театръ

быть постоянно въ рукахъ народа, высшимъ и полнымъ выраженіемъ его духа, міросозерцанія, настроенія — въ наиболѣе торжественныя минуты его жизни. Въ драматическихъ представленіяхъ передъ несмѣтной праздничною, воодушевленной толпою развертывались высшія божественныя судьбы, и рядомъ тутъ-же раздавался разгульный смѣхъ скомороховъ, которые въ угоду этого царя—толпы опошлявали, осмѣивали все то, что было ненавистно народу. Не говоря уже о комическихъ фарсахъ, даже въ мистеріяхъ, главная дѣль которыхъ религіозное созерцаніе, мы нерѣдко встрѣчаемъ рѣзкое выраженіе политическихъ страстей. Такъ въ мистеріи Страстей можно уловить проявленіе оппозиціи Іоанна Бургундскаго регенту, герцогу Орлеанскому. Подъ видомъ іудейскаго народа, сѣгующаго и подъ часъ открыто негодующаго на притѣсненія и безправія Ирода, изображенъ французскій народъ. Иродъ живетъ съ женою своего брата,—новый намекъ; Іоаннъ Креститель (Іоаннъ Бургундскій) смѣло укоряетъ въ томъ Ирода въ присутствіи всѣхъ его приближенныхъ и высказываетъ притомъ всѣ обвиненія, возводимыя на герцога Орлеанскаго. Далѣе скептики въ синадріонѣ отрицаютъ пришествіе Мессіи, указывая на рядъ беззаконій и несправедливостей, совершаемыхъ повсюду, дурное правленіе, ропотъ народа. По ихъ мнѣнію, Мессія принесетъ съ собою славу и благоденствіе всему своему дому, миръ и справедливость всей семьѣ людей; не будетъ тогда богатый притѣснять или доводить до нищеты бѣдняка, тиранъ не будетъ смѣть изгнать своего свободолюбиваго вассала (подробность, очевидно вызванная какимъ-либо современнымъ событіемъ); талантъ Вергилія и прорицательная способность Сивилы станутъ ничтожны передъ мудростью Мессіи. Въ сужденіяхъ другихъ членовъ совѣта старѣйшинъ слышатся сѣтованія на прекращеніе законнаго царствующаго дома и захватъ власти чужеземцами.

Дальнѣйшее развитіе драмы въ Европѣ вполне обуславливается подобнымъ отношеніемъ ея къ жизни народа. Находясь въ рукахъ народа, выражая его духъ, драма и въ развитіи своемъ обуславливается не столько какими-либо искусственными усиліями отдѣльных личностей, сколько развитіемъ народнаго духа. По мѣрѣ того, какъ жизнь западно-европейскихъ народовъ начинается все болѣе и болѣе осложняться, кругъ міровоззрѣнія расширяется, по мѣрѣ того расширяется и кругъ драматическихъ представленій. Съ ослабленіемъ теологическаго міросозерцанія въ народѣ и драма начинаетъ принимать все болѣе и болѣе свѣтскій характеръ. Не ограничиваясь одними представленіями важнѣйшихъ эпизодовъ ветхаго и новаго завѣтовъ, мистерія включаютъ въ рядъ своихъ сюжетовъ важнѣйшіе моменты исторіи, останавливаясь первоначально на тѣхъ, которые ознаменованы были въ глазахъ народа проявленіемъ божественной силы. Въ этихъ историческихъ мистеріяхъ видѣнъ уже за-

родышъ позднѣйшихъ историческихъ хроникъ. Наиболѣ богата историческими пьесами этого рода средневѣковая литература Франціи; Крещеніе Хлодвига, жизнь Людовика Святаго и короля Тіэрри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, взятіе Кале, заключеніе Оттона, короля Испаніи, наконецъ историко-аллегорическое изображеніе судьбъ Франціи (въ мистеріи *La France*), составляютъ ихъ содержаніе. Рядомъ съ историческими начали возникать мистеріи изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, ходячихъ новеллъ и рыцарскихъ романовъ. Таковы были исторія Гривельды, принятая Боккаччо въ составъ Декамерона и драматизированная во Франціи въ видѣ «*Estoire de Greseldis, la marquise de Saluces et de sa merveilleuse constance*» (напечатана въ 1548 г.), легенда о Робертѣ Діаволѣ, нѣмецкая легенда о папѣ Юттѣ (Іоаннѣ, папѣ женщинѣ), исторія о Варлаамѣ Іосафатѣ, о Соломонѣ, о царѣ Авенирѣ и пр. «Подобныя произведенія, справедливо замѣчаетъ г. Веселовскій, время отъ времени появляющіяся въ различныхъ литературахъ Запада, образуютъ собою звено, соединяющее старыи духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ; лишь при существованіи этого предшествовавшаго періода мистерій съ легендарнымъ содержаніемъ, разрабатывающихъ любимыя народныя темы, стало возможно въ послѣдствіи постепенное образованіе новой европейской и преимущественно англійской драмы Форда, Грина, Марло и наконецъ Шекспира».

Рядомъ съ мистеріями начинаютъ все болѣе и болѣе преобладать пьесы аллегорическія—нравственнаго характера, называемыя моралиями. Въ пьесахъ этихъ мы видимъ шагъ впередъ во внутреннемъ содержаніи драмы въ томъ отношеніи, что въ нихъ на первомъ планѣ является не исключительное уже созерцаніе божественныхъ судьбъ, но судьбъ человѣческихъ.

Въ нихъ представляется постоянно человѣкъ, обуреваемый страстями и похотями, и блуждающій между небомъ и адомъ. Всѣ эти страсти и похоти, съ другой стороны добродѣтели—олицетворяются въ мораляхъ и ведутъ на сценѣ борьбу, стараясь овладѣть человѣкомъ. Подобныя олицетворенія, пога морали находились въ рукахъ народа, не могли долго сохранить отвлеченный, безличный характеръ. «Дѣйствительно, говоритъ г. Стороженко: не прошло и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ моралите стали входить въ моду, какъ мы уже замѣчаемъ въ нихъ желаніе воспользоваться своимъ положеніемъ, видимъ рѣшительную наклонность къ реальному, проявляющуюся въ намекахъ на современныя событія, въ нападкахъ на существующіе обычаи, моды, пороки и т. п. Жизнь входить въ нихъ всѣми порами и вмѣстѣ съ нею вторгаются живые носители современности, любимыя народныя типы шута, плута-трактирщика и пр.». Такимъ образомъ, пороки олицетворяются уже въ живыя современныя личности и морали переходятъ въ комедіи. Но не въ одни комедіи перешли морали и не

для одной народной сатиры они были канвою: еще большее влияние имѣють они на развитіе психической драмы. Представляя постоянно передъ зрителями борьбу добраго и злаго началъ въ человѣкѣ, миръ страстей и пороковъ, они, какъ справедливо замѣчаетъ Гервинусъ (Шекспиръ, пер. К. Тимофеева, Спб. 1862 г., стр. 93), приучили какъ поэтовъ, такъ и публику къ сознанию необходимости въ драмѣ высшей мысли, нравственнаго направленія. «Въ этомъ первоначальномъ направленіи англійской драмы, говоритъ Гервинусъ, — Шекспиръ могъ впоследствии почерпнуть тотъ строго-нравственный взглядъ, съ которымъ онъ обдуманно слѣдилъ за глубочайшими проявленіями человѣческой природы и жизни. Отсюда могъ онъ почерпнуть и положить въ основу своей драматической дѣятельности то великое убѣжденіе, что первая и конечная цѣль этого рода поэзіи—служить зеркаломъ, въ которомъ современный человѣкъ видѣлъ свою природу и бытъ, добродѣтель—свои черты, порокъ—свое изображеніе. Отсюда могъ онъ вознестись на ту художественную высоту, гдѣ каждое изъ его произведеній является до такой степени проникнутымъ одною общею руководящею нравственною идеею, что внѣшняя оболочка дѣйствія оживлена невидимомъ, но всюду просвѣчивающею душою». Но мало того, что морали повліяли на отвлеченный характеръ англійской драмы: мы видимъ, что даже внѣшняя сторона многихъ изъ трагедій Шекспира, складъ сюжетовъ напоминаетъ собою морали, которыя служатъ этимъ сюжетамъ какъ бы прототипами: въ самомъ дѣлѣ, во многихъ драмахъ Шекспира, подобно какъ и въ мораляхъ, мы видимъ въ центрѣ пьесы лицо совершенно пассивное, и возлѣ него является главнымъ рычагомъ драмы нравственное чудовище въ родѣ Яго, леди Макбетъ, Эдмунда, которое, подобно сатанѣ, искушаетъ апатичнаго человѣка, разжигаетъ въ немъ злыя страсти и влечетъ его къ преступленіямъ и гибели; подобные злодѣи шекспировскихъ драмъ тѣмъ болѣе напоминаютъ собою характеръ позднѣйшихъ моралей, что являясь реальными типами, тѣмъ не менѣе они представляютъ въ то же время въ себѣ полное идеальное воплощеніе лжи, коварства, ненависти, злобы и прочихъ пороковъ, гнѣздящихся въ сердцѣ человѣческомъ.

Что касается комедіи, то находясь на народной почвѣ, вполне свободная отъ всякихъ теологическихъ путей, она представляетъ и быстрѣйшее развитіе, чѣмъ драма. Сначала, пока она находилась въ рукахъ однихъ гистрионовъ, она ограничивалась импровизаціями въ кругѣ установившихся народныхъ типовъ, въ родѣ итальянскихъ Арлекина, Панталона, Тарталья, Ковіелло, Джанзургулоо, Пиеронто, вѣмецкаго Гансвурста и пр. Но позже, въ XV и XVI вѣкѣ народные фарсы начинаютъ уже литературно обрабатываться; такими первыми писателями комедій являются Гансъ-Саксъ въ Германіи (1495—1576), Гейвудъ въ Англіи при Генрихѣ VIII, Лепе-де-Рuede въ Испаніи,

Аррасскій труверъ Adam-de-Hole во Франціи и проч. Въ XV вѣкѣ комедія окончательно сформировывается, какъ особый родъ поэзіи, и является такою же политической силою въ рукахъ народа, какою она была только въ Греціи въ вѣкѣ Аристофана. Въ этомъ вѣкѣ все болѣе и болѣе развивающійся оппозиціи противъ господства папы сатирическое жало ко мѣди у всѣхъ европейскихъ народовъ главнымъ образомъ является направленнымъ противъ разврата духовенства, продавцовъ мощей и индульгенцій и пр. И такова была сила общественнаго духа въ Европѣ, такова была привычка въ свободному выраженію мнѣній, въ этомъ самомъ XV вѣкѣ, съ которымъ иногда сравниваютъ современное состояніе развитія нашего общества, что во всѣхъ подобныхъ насмѣшкахъ надъ господствующимъ въ то время классомъ, никому и въ голову не приходило видѣть какое либо стремленіе ослабить религіозное чувство въ народѣ или поколебать какія либо основы... Комедія развилась безпрепятственно и свободно, открыто выражая то, что болѣло на сердцѣ у народа.

Эпоха возрожденія и реформаціи не могли пройти безслѣдно для развитія драматическаго искусства въ Европѣ. Такъ мы видимъ, что первымъ дѣломъ этой эпохи было отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ духовнаго и освобожденіе умственной жизни, міра наукъ и искусствъ изъ-подъ ига теологической схоластики. На сценѣ этотъ переворотъ отразился въ видѣ паденія духовной драмы и развитія свѣтской. Въ самомъ разгарѣ реформаціоннаго движенія духовная драма продолжаетъ еще интересовать народъ, такъ-какъ она принимаетъ полемическій характеръ, соотвѣтствующій духу времени: какъ протестантская, такъ и католическая партія, обѣ ставятъ на сцену пьесы съ цѣлью пропаганды своихъ принциповъ и нападокъ на противниковъ. Въ эпоху же католической реакціи духовная драма окончательно сходитъ съ народной сцены. «Наивная вѣра утрачивалась и въ рядахъ оставшихся вѣрными католицизму сторонниковъ его,—говоритъ г. Веселовскій,—постепенное перерожденіе всего строя жизни, обширное развитіе народнаго комическаго театра, торжество сатиры надъ догматическою пропагандой въ драматической сферѣ, наконецъ отрицательный элементъ, внесенный въ духовный театр реформатскими пьесами,—всѣ эти разнообразныя причины вели старую мистерію къ неминуемому паденію. Кое-гдѣ, усвоенная сельскимъ людомъ; жившимся съ нею въ теченіе вѣковъ, она пріютилась въ разныхъ ультра-католическихъ захолустьяхъ Европы, войдя въ кругъ ежегоднаго обихода народныхъ обрядовъ; гильдіи и цехи Англіи изрѣдка продолжали представленія своихъ громаднхъ коллективныхъ мистерій. Но все это были лишь слабыя отзвуки былой славы, общественное значеніе мистерій было утрачено. Въ этомъ положеніи ей открытъ былъ пріютъ, на долгое время сохранившій ея существованіе, хотя при ненормальныхъ усло-

віяхъ, исключавшихъ всякое развитие, и въ средѣ, которая безстрастностью и холоднымъ равнодушіемъ къ драмѣ собственно лишь замедлила, отсрочила ея окончательную гибель. Этой средой послужили многочисленныя католическія и протестантскія академіи, семинаріи, духовныя училища, принявшія мистерію въ кругъ педагогическихъ пособій на томъ основаніи, что она укрѣпляла въ ученикахъ коренныя догматы вѣры, поддерживала въ нихъ главнѣйшія свѣдѣнія изъ церковной исторіи и мартирологии и, наконецъ, невольно приучая исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображенія, находчивости, развивала въ молодыхъ людяхъ всѣ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды, или даже простаго служителя алтаря. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи, послѣдній видъ ея, гдѣ она получаетъ названіе школьной или учебной драмы (Shuldrama). вмѣсто пестрой народной толпы, вносящей свои страсти и симпатіи въ складъ духовной драмы, поддерживающей ее своимъ сочувствіемъ, является неопытная толпа школьниковъ, разыгрывающихъ подъ указкой учителя пьесу, написанную по всѣмъ правиламъ латинскаго синтаксиса и шітики. Латинскій языкъ является преобладающимъ въ подобныхъ пьесахъ, давая возможность присоединить къ упражненію способностей учениковъ и затверживанію фактовъ священной исторіи полезное филологическое упражненіе. Въ такомъ-то школьно-схоластическомъ, омертвѣломъ видѣ перешла, какъ мы увидимъ ниже, западная мистерія и къ намъ черезъ Польшу и кіевскую академію.

Что касается свѣтской драмы, то развитіе ея представляетъ не одну и ту же картину въ различныхъ странахъ Европы. Съ XV вѣка, съ эпохи паденія средневѣкового быта, европейскіе народы крайне обособляются въ своихъ историческихъ обстоятельствахъ, ходъ развитія одного народа дѣлается все болѣе и болѣе непохожимъ на ходъ развитія другого; сообразно этому и дальнѣйшее развитіе сцены представляется различнымъ въ тѣхъ или другихъ странахъ Европы. Такъ, мы видимъ, что въ Испаніи, въ которую реформація почти совсѣмъ не проникла и въ которой католичество развилось до крайняго религіознаго фанатизма, драма хотя и подверглась классическому вліянію, но это вліяніе было чисто-внѣшнее, техническое; въ сущности же драма Испаніи осталась чисто духовною, ультра-католическою. Лучшіе драматурги Испаніи Лопе-де-Вега и Кальдеронъ были монахами. Рядомъ съ свѣтскими драмами, они писали духовныя мистеріи и морали. Но и свѣтскія драмы ихъ носятъ характеръ узко-католическій, чуждый малѣйшаго вѣянія духа свободы и гуманности. Отъ драмъ Кальдерона такъ и вѣетъ мрачнымъ, аскетическимъ духомъ презрѣнія ко всему земному, отриванія жизни; быть человѣкомъ, по его мнѣнію, значитъ умереть, потому что жизнь есть тяжелый сонъ, а существованіе—болѣзнь. Религіозная нетерпимость доходитъ у испанскихъ

драматурговъ до такой степени, что Кальдеронъ, въ своей драмѣ *El santo rey Don Fernando*, выставляетъ въ поэтическомъ пафосѣ, какъ высшій героическій подвигъ—сожженіе альбигойцевъ, при чемъ самъ *santo rey* прикладываетъ свою руку къ этому священному и славному дѣлу. Параллельно съ этимъ Лове-де-Беге, въ пьесѣ *El niño inocente de la Guardia*, проповѣдуетъ истребленіе евреевъ.

Въ Италіи, въ свою очередь, реформація не приввела особеннаго сильнаго вліянія на народъ. Все умственное движеніе этого бурнаго вѣка сосредоточилось въ однихъ высшихъ классахъ общества, крайне низвѣжнихъ и развратныхъ, и выразилось въ видѣ легковѣснаго и поверхностнаго сентицизма, развившагося въ слѣдствіе изученія классиковъ, которые были въ такой модѣ въ эпоху возрожденія при всѣхъ итальянскихъ дворахъ, начиная съ Ватикана. Слѣдствіемъ этого было печальное раздвоеніе въ итальянской жизни. Между тѣмъ, какъ либеральные кардиналы ставили сочиненія Платона выше библіи и какіе-нибудь флорентійскіе денди зачитывались Виргиліемъ и Гораціемъ, народъ вѣсилъ въ невѣжествѣ, погруженный въ массу средневѣковыхъ суевѣрій. Это раздвоеніе не замедлило отразиться и на развитіи театра. Между тѣмъ, какъ народъ оставался съ своими католическими процессіями, мистеріями и импровизированными фарсами своей *commedia-dell'arte*, рядомъ съ этимъ развилась въ образованныхъ слояхъ общества особенная сцена, которая, не имѣя никакихъ живыхъ и непосредственныхъ сношеній съ народнымъ духомъ, впала въ рабскую подражательность древнимъ образцамъ. Мало по малу на этой фешенебельной сценѣ вошли въ моду раздирательныя трагедіи въ духѣ Сенеки, съ кровосмѣшеніями, отравленіями и грудями трушовой на сценѣ. Въмѣсто *comedia dell'arte* явилась, такъ-называемая, ученая комедія (*comedia erudita*), подчинившаяся, подобно трагедіи, правиламъ Аристотеля и строго придерживавшаяся, какъ образцовъ, Теренція и Плавта.

Эта искусственная сцена, не имѣвшая никакихъ корней въ народной почвѣ, не могла имѣть никакого развитія, совершенно подобно тому, какъ не можетъ развиваться восковое дерево, какъ бы ни было оно роскошно и похоже на настоящее. Сцена эта имѣла единственное предназначеніе—быть утѣхою роскоши и праздности, подобно тѣмъ восковымъ цвѣтамъ, съ которыми мы ее сравниваемъ, и участь ея была во всемъ сходна съ участью послѣднихъ: такъ же точно ее мѣлѣли и холили, пока она не потеряла своего вида, а потомъ и бросили, когда она пожелтѣла и истрепалась.

Такимъ образомъ, Италія уже въ XVI вѣкѣ положила начало той поддѣльной сценѣ, которая въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, смѣнила настоящую во всѣхъ странахъ Европы. Примѣръ Италіи былъ тѣмъ заразительнѣе, что въ ея образованныхъ кружкахъ было сосредоточіе умствен-

наго движенія эпохи возрожденія. Итальянская литература въ XV и XVI вѣкахъ играла такую же первенствующую роль въ Европѣ, каковую впоследствии играла французская. Наибольше всего итальянская ложно-классическая сцена поддѣйствовала на развитіе французской сцены. И это очень естественно: съ одной стороны, во Франціи реформаціонное движеніе хотя и было не въ примѣръ сильнѣе, чѣмъ въ Италиі и Испаніи, но кончилось католическою реакціею; съ другой стороны, политическая жизнь Франціи начиная съ XVI и до конца XVIII вѣка представляетъ все болѣе и болѣе усиливавшуюся централизацию, дошедшую до того, что вся жизнь станулась въ Парижѣ вокругъ версальскаго двора. Между тѣмъ, какъ всѣ умственные интересы сосредоточились вокругъ этого центра, народъ былъ оттѣсненъ отъ всякаго умственнаго движенія, подавленъ, доведенъ до крайней нищеты, тупой неподвижности, полного одичанія. Это раздвоеніе не замедлило такъ же точно отразиться на французской сценѣ, какъ оно отразилось на итальянской. Та волна народной жизни, которая постоянно носила на себѣ сцену въ средніе вѣка, отклонила отъ нея и оставила ее на мели, на версальскомъ Арабатѣ. Изъ представительницы народныхъ интересовъ сцена обратилась въ эхо придворныхъ интригъ, выразительницу надутаго высокомерія, ходульных добродѣтелей, подслащенной чувствительности, приторной лести; религиозно-вакхическое народное торжество выродилось въ мишурную потѣху праздної знати. Весьма естественно, что такая сцена, не получая питательныхъ соковъ изъ свободнаго развитія народа, должна была окаменѣть въ неподвижности, захирѣть, и понятно, для нея какъ нельзя болѣе была подѣйствительна итальянская ложно-классическая школа. А народъ... бѣдный народъ остался съ одними марионетками. Но здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ упругостію народнаго духа, которую ознаменовывается исторія всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Такъ мы видимъ, что сдавленный со всѣхъ сторонъ духъ французскаго народа сумѣлъ найти исходъ выраженію своихъ симпатій и антипатій даже въ тѣхъ жалкихъ марионеткахъ, которыя были ему предоставлены; и въ этихъ кукольныхъ комедіяхъ было осмѣяно все, что только ненавистно было народу въ XVII вѣкѣ, не исключая даже того мишурнаго версальскаго театра, который смѣнилъ народную сцену. Вотъ что говоритъ г. Веселовскій по поводу этихъ французскихъ марионетокъ:

«Старый народный фарсъ, тѣснимый со сцены формирующеюся и вырабатывающею себѣ стиль и направленіе новою комедіею, постепенно ступшевался; эдикты парламента, деспотическія мѣры властей не позволяли болѣе въ столицахъ веселости и насмѣшекъ нараспашку, и фарсъ удалился со сцены и пріютился у неизмѣнныхъ любимцевъ народа—марионетокъ. Нѣкогда бродячіе гистріоны средневѣковой Франціи, съ теченіемъ времени, осѣли, группировавъсь вокругъ главнѣйшихъ, періодически

повторяющихся большихъ ярмарокъ, на которыя сходились и съѣзжались массы провинціального народа; на ярмаркахъ St.-Germain, St.-Laurent, St.-Ovide протекла главнѣйшимъ образомъ вся жизнь народныхъ французскихъ маріонетокъ. Съ 1648 года дана была правительствомъ привиллегія устроителямъ маріонетныхъ представлений на ярмаркахъ, дозволявшая имъ безпрепятственно заниматься своею профессією. Они усвоили себѣ коренные типы старыхъ фарсовъ, ввели снова комическія личности Готье-Гаргиля, Тюрмошена и др., присоединивъ къ нимъ позаимствованнаго у итальянцевъ Полишинеля, который сталъ героемъ миниатюрныхъ театровъ-палатокъ. Приключенія Полишинеля, то влюбленнаго и страдающаго отъ любви, то волюнтерствующаго съ ловкостью и умомъ Донъ-Жуана, то справляющаго пышную свадьбу, то магика и чародѣя, то храбраго воина, и т. д. до безконечности, давали возможность, переходя изъ одной сферы въ другую, подмѣчать и осмѣивать многія разнообразныя стороны жизни; это было въ дѣйствительности цѣлью и стремленіемъ французскихъ маріонетокъ. Судя по небольшому, къ сожалѣнію, числу сохранившихся маріонетныхъ нсесъ и по многочисленнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, убогій вукольный театръ отличался великой смѣлостью своихъ нападокъ и универсальностью своей сатиры; политическія неудачи Франціи, грязныя интриги двора, уродливыя явленія общественной жизни, раздѣльность кастъ, на которыя распадалось общество, нравы знати, торгашества, солдатеки, — все одинаково осмѣивали бойкія маріонетки; а поэме, когда ихъ шессы, привлекая къ себѣ сочувствіе образованнаго класса, начинали получать литературную обработку подъ перомъ Дессажа, Пирона, Фавара, сатира начинаетъ касаться ложныхъ явленій и въ литературной сферѣ, пародировать напыщенныя трагедіи ложноклассической эпохи, издѣваться надъ различными Дидонами, Персеями и прочей нариковщиной того времени.

Послѣ всего этого весьма понятно, почему французская сцена развилась одною только стороною своею — именно комедією. Эта сторона не переставала имѣть сношенія съ живымъ народнымъ духомъ и постоянно коренилась на народной почвѣ. Даже въ эпоху самого крайняго посподства ложнаго классицизма, Мольеръ этотъ выходецъ изъ бродячихъ провинціальныхъ труппъ, знакомый поэтому съ народной комической сценою, сумѣлъ сдѣлать комедію народною, даже при соблюденіи всѣхъ правилъ аристократической шпигии и среди приторной дести и напыщенной лжи версальской сцены, его комедіи одни отражали горькую правду дѣйствительности, были исполнены независимаго демократическаго духа и смѣло осмѣивали всѣ пороки парижской знати. — Мы видимъ, что драма во Франціи и до нашего времени не можетъ встать на народную почву, съ которой она разъ сошла; между тѣмъ, французская комическая сцена и до сегодня народна: соединившись съ музыкой,

она создала, съ одной стороны, водевиль, съ другой—тѣ знаменитыя оперетты, которыя, при своемъ мѣтвомъ и зломъ осмѣиваніи всѣхъ оплошавшихся, обветшалыхъ, отжившихъ кумировъ, недаромъ имѣютъ такой громадный успѣхъ на всѣхъ европейскихкихъ сценахъ и составляютъ, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательное явленіе нашего времени.

Что касается Германіи, то представлялась сосредоточіемъ реформаціоннаго движенія, ареною, на которой разыгрались всѣ реформаціонныя войны, она до такой степени была поглощена всѣми этими бурями, что ей было, конечно, не до театра. Послѣ тридцатилѣтней войны, вся страна была до такой степени истощена, обезлюжена, народъ дошелъ до такого крайняго одиночія, что всякая умственная жизнь на долгое время заглохла въ немъ. Заглохла и народная драма, выродившись въ сухія, школьныя полемическія пьесы, съ цѣлью духовной пропаганды. Между тѣмъ, при дворахъ различныхъ королевствъ, герцогствъ и княжествъ, развивалась; подражательность версальскимъ правамъ—явилась и подражательная ложно-классическая сцена, надолго утвердившая свое господство въ нѣмецкомъ театрѣ.

Въ одной только Англіи народный театръ продолжалъ развиваться свободно и безпрепятственно. Чуждая централизаціи въ политическомъ отношеніи, Англія не знала и умственной централизаціи. Нестыслимый никакимъ административнымъ гнетомъ духъ живой, народной общественности, продолжалъ заявлять себя ежедневно, вмѣшиваясь во всѣ вопросы жизни, религіозныя и политическія, экономическія и литературныя. Свободному проявленію общественнаго духа еще болѣе способствовало то политическое могущество, котораго достигла Англія въ это время, и которое было слѣдствіемъ не какихъ-либо завоеваній или хитростей дипломатовъ, а чисто дѣломъ народныхъ рукъ. Къ царствованію Елизаветы относится ослабленіе могущества Испаніи и начало первенства Англіи на моряхъ, учрежденіе остъ-индской компаніи, введеніе цѣлаго ряда торговыхъ договоровъ съ различными державами и пр. Богатства потекли въ Англію со всѣхъ концовъ міра, и примымъ слѣдствіемъ этого было всеобщее улучшеніе матеріальныхъ условій жизни и домашняго комфорта. Преміе угрюмыя замки замѣняются роскошными дворцами въ стилѣ возрожденія, разбогатѣвшее купечество застраиваетъ города великолѣпными зданіями; фермеры не довольствуются уже иррежными избушками безъ печей: они строятъ себѣ солидныя кирпичныя дома, снабженныя всѣмъ необходимымъ для спокойной, комфортабельной жизни. Современники говорятъ, что провинціальныя гостиницы не только не уступаютъ столичнымъ въ чистотѣ и удобствахъ, но нерѣдко превосходятъ ихъ въ этомъ состояніи. Всеобщее увеличеніе удобствъ и довольствъ жизни, соединившись съ гордымъ сознаніемъ народнаго могущества, исполнили общественный духъ того праздничнаго ликованія, которое такъ ярко освѣщаетъ со-

бою царствованіе Елизаветы. «Ничто — говоритъ г. Стороженко — не характеризуетъ собою такъ полно оригинальную культуру того вѣка, какъ тѣ безчисленные празднества, процессіи, аллегорическія представленія и т. п. торжества, въ которыхъ старое и новое, аллегорія и дѣйствительность, античныя воспоминанія и поэтическія преданія среднихъ вѣковъ, рыцарскіе турниры и итальянскія маски, причудливымъ образомъ смѣшиваются между собою, превращая обыденную жизнь въ какую-то фантастическую сказку...». «Драматическій элементъ, — читаемъ мы ниже, — съ давнихъ поръ игралъ важную роль въ этихъ увеселеніяхъ, но въ XVI вѣкѣ онъ получилъ рѣшительное преобладаніе». «Сценическія представленія — говоритъ новѣйшій историкъ царствованія Елизаветы — были любимымъ удовольствіемъ англійскаго народа отъ дворцовъ до хижинъ». Лѣтописцы сообщаютъ намъ много свѣдѣній о маскахъ и различнаго рода пьесахъ, игранныхъ въ это время при дворѣ и въ замкахъ знатныхъ вельможъ. Эти представленія были блестятельнымъ выраженіемъ господствовавшаго вкуса къ сценическому, который въ Англіи былъ вполне національнымъ и всеобщимъ явленіемъ. Во второй половинѣ XVI вѣка число странствующихъ актеровъ увеличилось до такой степени, что правительство начало принимать мѣры къ ихъ ограниченію; впрочемъ, рядомъ съ этимъ оно поощряло постоянныхъ актеровъ, обыкновенно приписанныхъ ко двору какого-нибудь вельможи и странствовавшихъ подъ охраною его герба. Въ концѣ XVI вѣка, несмотря на оппозицію пуританъ, все болѣе и болѣе усиливавшихся въ парламентѣ и городскомъ совѣтѣ, въ Лондонѣ было уже болѣе 10 постоянныхъ театровъ, учрежденныхъ подобными труппами. «Учрежденіе постоянныхъ театровъ — говоритъ г. Стороженко — составляетъ эпоху въ исторіи англійскаго сценическаго искусства. Прежде, когда театральныя представленія давались въ залахъ таверней, школъ или въ домахъ знатныхъ лицъ, качество ихъ исполненія зависѣло отъ множества случайныхъ причинъ, сильно тормозившихъ развитіе сценическаго искусства. Теперь же, когда театръ сталъ въ непосредственныя отношенія къ публикѣ, когда число театровъ постоянно возрастало, конкуренція вступила въ свои права и актеры различныхъ труппъ изо всѣхъ силъ старались превзойти другъ друга и усовершенствовать свое искусство, ставшее для нихъ съ этихъ поръ весьма прибыльнымъ ремесломъ... Мы впади бы, говоритъ далѣе г. Стороженко, въ грубую ошибку, еслибы по той скромной роли, которую играетъ театръ въ лондонской жизни нашего времени, стали бы заключать объ его тогдашнемъ общественномъ значеніи. Въ то время не было ни газетъ, ни журналовъ, ни дешевыхъ публичныхъ чтеній, и театръ былъ единственной школой умственнаго и эстетическаго развитія народа, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ чары искусства, отрывая мысль народа отъ отупляющихъ мелочныхъ заботъ и

обыденной жизни, доставляли ему умственную пищу и высокое эстетическое наслаждение. Въ историческихъ пьесахъ онъ знакомился съ важнѣйшими личностями своей исторіи, которыя, страхнувъ съ себя могильный сонъ, являлись передъ нимъ въ обаяніи вѣчной юности и силы и какъ бы приглашали его быть участникомъ ихъ радостей и страданій, пораженій и побѣдъ; фантастическія пьесы переносили его въ міръ чудныхъ сказочныхъ грезъ, созданныхъ народной фантазіей, гдѣ такъ привольно витать германскому духу; въ комедіяхъ онъ видѣлъ смѣшную сторону порока и всѣ язвы современной дѣйствительности; наконецъ въ трагедіяхъ передъ нимъ раскрывалась героическая сторона человѣческой природы и онъ приучался безбоязненно читать въ «пламенныхъ страницахъ великой книги человѣческаго сердца» (выраженіе Т. Гейвуда). За исключеніемъ драмы, вся утонченная и блестящая литература времени Елизаветы съ ея классическою ученостью, итальянскими новеллами и англійскимъ эвфузмомъ, была книга за семью печатями для народа, и потому лишь только отерлся этотъ свѣжій и неистощимый источникъ умственныхъ наслажденій, какъ народъ повалилъ къ нему толпами. Можетъ быть, послѣ перевода Библии на англійскій языкъ ничто въ такой степени не содѣйствовало сближенію различныхъ классовъ общества, какъ учрежденіе постоянныхъ театровъ. Конечно, если англійскую драму и можно назвать народной, то не въ томъ смыслѣ, что и образованные и необразованные могли цѣнить ее за одни и тѣ же качества. Каждый искалъ въ ней того, что ему было нужно. Народъ особенно любилъ въ ней энергію выводимыхъ характеровъ, потрясающія сцены и комическіе эпизоды; образованные люди наслаждались поэзіею ея языка, глубиной психологическаго анализа и т. п., но при всемъ томъ разнообразная публика, посѣщавшая лондонскіе театры, связывалась въ одно цѣлое общимъ художественнымъ интересомъ, общей жадной сильныхъ и страстныхъ ощущеній. Только благодаря этой привязанности всѣхъ классовъ общества къ театру, правительство могло отстоять его отъ нападеній пуританъ, пріобрѣтавшихъ все больше и больше значенія въ парламентѣ и городскомъ управленіи. Театры устояли, потому что большинство лондонскаго населенія было заинтересовано въ ихъ существованіи, а передъ этимъ большинствомъ невольно должна была склониться горсть фанатиковъ...

«Но охраняя англійскую драму отъ нападеній пуританъ и лондонскаго городского совѣта—говорить далѣе г. Стороженко,—правительство бдительно слѣдило за ея направленіемъ. Липо, которому поручено было королевой наблюденіе за театральными представленіями (Master of the Revels), была снабжена на этотъ счетъ почти безграничными правами. Всякая пьеса, имѣющая быть представленною публично, подвергалась ея предварительному разсмотрѣнію. Особенно строго цензуровались пьесы, предназначавшіяся для придворныхъ спектаклей. Случаи пред-

ставленія въ театрахъ неразрѣшеннымъ цензурою пьесъ были рѣдки и преслѣдовались съ неуклонной строгостью. Въ этихъ случаяхъ Master of the Revels обыкновенно закрывалъ театръ, уничтожалъ пьесу, и автора безъ всякаго суда отправлялъ въ тюрьму... Казалось-бы, что при такой безконтрольной власти, предоставленной Master of the Revels, драматическое искусство должно было быть сильно стѣснено въ своемъ развитіи и даже осуждено на самую постыдную благонамѣренность, но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Дѣло въ томъ, что отдаленная юридически въ рабство Master of the Revels, англійская драма фактически была свободна, потому что общественное мнѣніе поддерживало смѣлыхъ авторовъ и антрепренеровъ, да и само правительство не особенно поощряло усердіе театральной цензуры; по крайней мѣрѣ мы знаемъ не мало случаевъ, когда строгія мѣры, предпринятныя Master of the Revels противъ того или другаго театра за нарушеніе цензурныхъ правилъ, были отменены тайнымъ совѣтомъ, въ которомъ засѣдали исконные покровители театровъ, Лейстеръ и Борней. Опираясь на сочувствіе большинства лондонскаго населенія и могущественной аристократіи, англійская драма XVI вѣка смѣло касалась такихъ предметовъ, передъ которыми современные континентальные драматурги могли ощущать только «и уваженіе и робость». Меткій огонь ея сатиры поражалъ церковь, пуританъ, правительственные органы, не останавливаясь даже передъ священной особой королевы. Въ одной импровизированной пьесѣ, игранный въ присутствіи Елизаветы и всего двора, знаменитый комикъ Тарльтонъ, указывая на сэра Вальтера Ралея, сказалъ: «смотрите, вѣдь, малый-то не дуракъ,—онъ командуетъ королевой» (see the Knave commands the Queen). При этихъ словахъ королева нахмурила брови, но Тарльтонъ, нисколько не смутившись, продолжалъ: «да, власть его дѣйствительно чрезвычайна и невыносима». Мы приведемъ примѣръ еще болѣе знаменательный. Задумавъ свергнуть Елизавету съ престола, Эссексъ и его сообщники, чтобъ предуготовить умы народа въ предстоящему перевороту, наняли труппу актеровъ и велѣли имъ играть на всѣхъ перекресткахъ пьесу Ричардъ II, пропитанную самыми крайними революціонными тенденціями. Намеки этой пьесы, которую, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ Ричардомъ II Шекспира, были такъ прозрачны, что зрители непременно должны были узнать королеву въ образѣ низложеннаго монарха. «Развѣ вы не знаете, что Ричардъ II—это я», говорила годъ спустя Елизавета знаменитому юристу Ломбарду, поднесшему ей свой переводъ Нандектовъ: «и представьте себѣ, продолжала она, эта трагедія была играна по крайней мѣрѣ 40 разъ на улицахъ и въ домахъ». Въ августѣ 1600 г. совершилось въ Эдинбургѣ трагическое происшествіе. Графъ Гоури и его братъ Александръ были умерщвлены въ своемъ собственномъ домѣ по при-

казанію короля. Ихъ обвиняли въ составленіи заговора на жизнь короля, но народная молва приписывала это убійство мести Іакова, узнавшаго о связи своей жены съ братомъ графа Гоури.—И что-же? Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ потрясающая трагедія дѣйствительной жизни была перенесена на сцену блакфрайрсага театра со всѣми своими кровавыми подробностями, и была играна не разъ передъ многочисленной публикой, прежде чѣмъ Master of the Revels догадался запретить ее. Видно, никакія репрессивныя мѣры не могли отучить англійскую драму отъ ея смѣлыхъ выходовъ, находившихъ свое оправданіе въ самомъ строѣ жизни, въ привычѣ гласнаго обсуждения общественныхъ дѣлъ и въ порывистомъ духѣ эпохи. При Елизаветѣ и Іаковѣ нерѣдко слышались жалобы на раслуцненность и дерзость англійской сцены, позволявшей себѣ касаться такихъ вопросовъ и авторитетовъ, которые въ глазахъ многихъ стояли выше сатиры и осмѣянія. «Наши актеры—пшеть одинъ современникъ—готовы перенести на свои подмостки всю настоящую жизнь, не щадя ни короля, ни государства, ни религіи, и дѣлають это съ такой свободой и безстыдствомъ, что даже становится страшно слушать ихъ».

При такомъ положеніи театра въ Англіи естественно, что онъ не могъ долго устоять на ложно-классической почвѣ. Пьесы Лилли, написанныя въ итальянскомъ вкусѣ, могли нравиться только при дворѣ, между тѣмъ лондонская театральная публика состояла не изъ однихъ придворныхъ кружковъ, а изъ людей всѣхъ сословій: въ театрѣ можно было встрѣтить и адмирала, и матроса, и студента, и торговца изъ Сити. Всѣ эти люди шли въ театръ, чтобы вынести изъ зрѣлища рядъ сильныхъ ощущеній, а удовлетворить этому могла только народная драма, близкая ихъ сердцу, къ которой они привыкли, которая восхищала уже ихъ отцовъ и дѣдовъ. Они привыкли видѣть на сценѣ своихъ земляковъ, обливаться слезами при видѣ жертвъ, безвинно пострадавшихъ отъ жестокости и коварства прежнихъ властителей, и рядомъ съ этимъ померать со смѣху при видѣ кривляній отечественныхъ клоуновъ, иногда вторгавшихся неожиданно на сцену среди сценъ, исполненныхъ потрясающаго трагизма. Естественно, что пьесы, переносившія зрителей за чѣмъ-то въ чуждый имъ древній міръ и въ которыхъ не было ни сильнаго развитія страстей, ни кривлянья шутовъ, ни намековъ на современность, а была только одна вычурная игра словъ, такія пьесы не могли имѣть никакого успѣха и авторы должны были по необходимости обратиться снова къ народной драмѣ, еслибы даже и не желали. Но они сами воспитывались на преданіяхъ отечественной сцены; полурелигіозный, полусказочный міръ народной драмы манилъ ихъ несравненно болѣе къ себѣ, чѣмъ выложенная, выполированная и поставленная въ узкія рамки трехъ единствъ ложно-классическая драма;—этотъ фантастическій, волшебный міръ су-

лилъ имъ свободный и безграничный полетъ фантази, и естественно, что въ эту сторону обратилось все творчество лучшихъ поэтовъ того времени, Марло, Томаса Кида, Томаса Лоджа, Джорджа Пила и наконецъ Шекспира.

Люди, которые полагаютъ, что гений непремѣнно изобрѣтаетъ что-либо новое и небывалое и вслѣдствіе этого въ каждомъ гениальномъ поэтѣ непремѣнно ищутъ новатора, — жестоко ошибаются примѣняя такой взглядъ къ Шекспиру. Въ дѣйствительности, какъ въ мірѣ искусствъ, такъ и въ различныхъ другихъ элементахъ жизни, бываетъ весьма часто совершенно наоборотъ. Новое направление прокладывается не гениями, а условіями жизни и времени и первыми новаторами являются часто люди вовсе не блестящіе особенно сильными талантами; — они дѣлаютъ первые попытки идти по новому пути иногда совершенно бессознательно, неосмысленно, словно движимые какимъ-то муравьинымъ инстинктомъ, а за ними идутъ люди все болѣе и болѣе сильные, и наконецъ новое направление созрѣваетъ въ видѣ какого нибудь могучаго гения.

Такъ было и съ англійскою драмою. Шекспиръ не изобрѣлъ въ сущности ничего въ ней новаго: онъ только воспользовался тѣмъ, что въ ней было, и возвелъ все это въ перлъ созданія. Отвлеченныя морали онъ обратилъ въ трагедіи реальныхъ характеровъ, движимыхъ живыми страстями; сухія историческія хроникѣ онъ преобразилъ въ яркія картины трагическихъ эпизодовъ исторіи, сказочныя легенды приняли подъ его перомъ живой современной интересъ; въ самыхъ классическихъ трагедіяхъ, которыми онъ заплатилъ дань модѣ своего вѣка, онъ сумѣлъ нарисовать характеры и нравы англичанъ его времени; вычурныя эвфуизмы, которыми были наполнены многія пьесы его времени въ подражательность итальянской литературѣ, онъ обратилъ въ веселую игру словъ англійскаго народнаго юмора; онъ не забылъ и клоуновъ, но только вмѣсто прежняго нежданнаго-невиданнаго появленія ихъ на сцену, предписалъ, когда и какъ выходить имъ для произведенія наибольшаго драматическаго эффекта. Мало всего этого: онъ воспользовался многими характерами, которые и до него уже были на сценѣ въ трагедіяхъ его предшественниковъ; и этого мало: нѣкоторыя драмы онъ бралъ готовыя изъ стараго репертуара, и только передѣлывалъ ихъ. До какой степени Шекспиръ стоялъ на готовой уже почвѣ, это мы видимъ изъ того, что обо многихъ трагедіяхъ еще и теперь ведется споръ, принадлежать ли онѣ Шекспиру или нѣтъ.

Впрочемъ, у Шекспира было и свое новое, хотя и это новое онъ раздѣляетъ со всѣми своими предшественниками, начиная съ Марло. Это новое заключалось въ томъ духѣ вѣка, выраженіе котораго и составляетъ главную сущность всѣхъ его трагедій. Для того, чтобы вполне понять этотъ духъ, необходимо отрѣшиться отъ всѣхъ субъективныхъ взглядовъ, которые наи-

болѣе всего во всѣ времена мѣшали истинной оцѣнкѣ Шекспира. Субъективными взглядами я называю стремленіе въ любимомъ поэтѣ отыскивать непремѣнно любимыя намъ идеи. Такъ гегелянцы отыскивали въ трагедіяхъ Шекспира дѣянія теорій въ духѣ гегелевской философіи; монархисты представляли Шекспира приверженцемъ монархическихъ идей, республиканцы—республиканскихъ и пр., такъ что Шекспиръ въ одно и то же время оказывается идеалистомъ и реалистомъ, монархистомъ и республиканцемъ, деистомъ и атеистомъ, и даже социалистомъ. Въ сущности же Шекспиръ былъ только выразителемъ основныхъ идей своего вѣка. Идеи этого вѣка не касались исключительно политическихъ, экономическихъ или философскихъ вопросовъ, поэтому напрасно вы будете искать въ трагедіяхъ Шекспира постановки этихъ вопросовъ или отвѣтовъ на нихъ. Если у Шекспира вы и встрѣтите массу политическихъ намековъ на тѣ или другія событія своего времени, то намеки эти составляютъ однѣ частности въ пьесахъ и не ради нихъ очевидно писались послѣднія. Но за то въ каждой трагедіи, исторической хроникѣ, комедіи Шекспира вы найдете одно, выразительницею чего служила вся англійская драма того времени: именно тѣхъ новыхъ взглядовъ на человѣка, на міръ его страстей и пороковъ, и на существенныя судьбы его существованія, взглядовъ, навѣянныхъ эпохою возрожденія въ связи съ реформаціею. Средневѣковой католицизмъ предполагалъ, что каждый шагъ человѣка обуславливается внушеніями различныхъ сверхъестественныхъ силъ; о человѣкѣ постоянно спорили гдѣ-то вверху два воинства, при чемъ каждое старалось овладѣть имъ и направить его въ свою сторону — къ раю или аду. Такимъ образомъ, человѣкъ являлся не хозяиномъ своихъ дѣйствій, а жалкою игрушкою въ рукахъ добрыхъ и злыхъ духовъ: это было нѣчто въ родѣ древней судьбы, только развившейся на почвѣ католическихъ вѣрованій. Въ то же время подраемъ и адомъ разумѣлось нѣчто матеріальное—дѣйствительно состоящее съ одной стороны изъ деревьевъ съ рѣдкими плодами, съ другой стороны изъ дыму и пламени. Сообразно этому и средневѣковая сцена устроивалась съ тремя отдѣленіями: раемъ вверху, адомъ внизу и землею въ серединѣ. Протестантизмъ первымъ дѣломъ разрушилъ католическое предопредѣленіе: человѣкъ, имѣющій право обсуждать св. Писаніе по своему разумію, естественно, въ глазахъ протестантовъ, является хозяиномъ и своихъ дѣйствій. Выбирая свободно между добромъ и зломъ, онъ самъ дѣлается отвѣтчикомъ за свои дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ протестантизмъ одухотворяетъ и понятія о раѣ и адѣ, сначала является довольно грубое понятіе, что за каждымъ зломъ непремѣнно слѣдуетъ возмездіе уже здѣсь въ земной жизни; впоследствии это понятіе утончилось въ томъ видѣ, что раѣ и адѣ находятъ въ сердцѣ человѣка и состоятъ въ томъ

блаженствѣ или въ тѣхъ угрызенияхъ, которыя человекѣкъ испытываетъ, смотря по тому, какой онѣ сдѣлалъ выборъ.

Произведенія Шекспира именно и служатъ выраженіемъ этихъ протестантскихъ идей свободы совѣсти, и душевныхъ рай и ада. Выходить-ли на сцену король или простолюдинъ, герой или шутъ, всё они являются людьми, имѣющими своеобразный психическій міръ, изъ котораго выводятся всё ихъ поступки, и къ которому заключеніе всё они сводятся. Въ силу этого преобладанія индивидуализма Шекспиръ именно и не могъ сдѣлаться политическимъ писателемъ: политическая трагедія ставить въ главѣ драматической коллизіи новую судьбу, въ видѣ общественныхъ обстоятельствъ, тяготящую извнѣ надъ внутреннимъ міромъ человекѣка. Трагедія Шекспира занимаетъ середину между средневѣковою драмою, въ которой человекѣкъ является игрой тѣхъ таинственныхъ силъ, и новою — эпохи Шиллера, въ которой таинственные силы смѣняются политическими обстоятельствами. Но было бы въ то же время совершенно ложно отвергать всякое общественное значеніе Шекспира потому только, что въ его трагедіяхъ вы не встрѣтите политическихъ тенденцій въ современномъ намъ смыслѣ этого слова. У него ихъ не было, потому что не было ихъ и въ духѣ того вѣка; а то, что было, то онѣ выразилъ, и въ этомъ выраженіи одного изъ великихъ моментовъ въ развитіи человечества и заключается все его величіе.

Если мы теперь возьмемъ два случая въ исторіи наибольшаго развитія трагедій (а ихъ во всей европейской исторіи является всего три), вѣкъ Софокла и Шекспира, то насъ съ перваго же взгляда поразитъ аналогія условій въ обоихъ случаяхъ. Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Англіи драма развилась равно органически, естественно, изъ свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго духа общности; въ обѣихъ странахъ вѣкъ наибольшаго развитія трагедіи былъ вѣкомъ наибольшаго напряженія умственнаго движенія въ массахъ народа,—движенія, въ обоихъ случаяхъ представляющаго собою переходъ отъ теологическаго міросозерцанія къ свѣтскому.

Если мы возьмемъ третій періодъ процвѣтанія драмы въ Европѣ—эпоху Шиллера, въ который драма вступила въ новый фазисъ своего развитія, соціальной трагедіи, то и здѣсь мы найдемъ нѣкоторыя условія, аналогичныя съ первыми двумя. Правда, въ вѣкъ Шиллера духъ общности въ Германіи не былъ развитъ до такой всеобщности, какъ въ Англіи въ эпоху Елизаветы или въ Аѳинахъ въ вѣкъ Перикла; потому драмы Шиллера и не были народны въ томъ смыслѣ, какъ драмы Софокла или Шекспира. Шиллеръ жаловался даже, что публика не поняла его Фіэско, «потому что въ этой странѣ (Пфальцѣ) республиканская свобода—звукъ безъ значенія, пустое названіе». Но въ то время, какъ нѣмецкій народъ воснѣлъ въ тинѣ пошлости и апатіи въ политическомъ отношеніи, утверд-

ситетскіе города и дворы, увлекшіеся идеями французскихъ энциклопедистовъ, составляли что-то въ родѣ федераціи умственныхъ республикъ, въ которыхъ короли, герцоги, профессора, поэты — всѣ казались равны передъ міромъ новыхъ просвѣтительныхъ идей, вторгавшихся въ жизнь. Въ этихъ центрахъ умственное движеніе дошло въ бурный вѣкъ Шиллера до крайняго, лихорадочнаго напряженія, такъ метко названнаго эпохою Sturm und Drang. Подобное движеніе вызвало широкое развитіе общественности, выразившейся въ массѣ всевозможныхъ кружковъ и обществъ, явныхъ и тайныхъ, мистическихъ, политическихъ, философскихъ и литературныхъ. На почвѣ этого движенія и явилась драма Шиллера, послужившая выраженіемъ бурнаго духа своего вѣка. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ то же необходимое условіе для развитія драмы: ничѣмъ нестѣсняемый, свободный порывъ духа общественности.

Такое условіе прямо выходитъ изъ сущности трагедіи сообразно ея происхожденію. Чтѣ такое трагедія въ первомъ періодѣ своего развитія?—Торжественный обрядъ передъ восторженною толпою, религіозная вакханалія. Такою-же является она и во всѣхъ послѣдующихъ періодахъ своего развитія. Какъ только въ массахъ является сильное умственное движеніе, соединенное съ свободнымъ развитіемъ духа общественности—въ такіе моменты развивается трагедія, какъ наиболѣе подходящій способъ выраженія передъ восторженною толпою тѣхъ идей, которыя ее волнуютъ.

Едва только падаетъ умственное напряженіе въ массахъ, падаетъ и трагедія, обращаясь въ жалкую посредственность, ничтожество. Случается весьма часто, что и при сильномъ умственномъ напряженіи въ массахъ, трагедія встрѣчаетъ препятствіе въ своемъ развитіи въ различныхъ административныхъ мѣрахъ, стѣсняющихъ свободное проявленіе духа общественности, поэтому мы и впади-бы въ ошибку, еслибы поставили одно условіе для развитія трагедіи: умственное движеніе въ массахъ, опустивши другое, не менѣе важное: свободу проявленія этого движенія.

Вслѣдствіе необходимости вышеупомянутыхъ двухъ условій жизни для развитія трагедіи, этотъ родъ поэзіи и является такимъ рѣдкимъ гостемъ въ исторіи всѣхъ народовъ. Въ иныхъ странахъ, при всей свободѣ общественности, массы являются въ продолженіе долгихъ періодовъ невдохновенными никакими новыми идеями, жизнь таяется обыденною колеею и поэты, не вдохновляемые роковыми вопросами жизни, не развиваютъ ихъ въ потрясающихъ трагедіяхъ; въ такіе періоды сцена довольствуется старыми трагедіями, оживляющими массу воспоминаніемъ иныхъ, лучшихъ моментовъ ея существованія, или-же начинаетъ господствовать на сценѣ пошлая мелодрама. А что такое мелодрама? По формѣ это та же трагедія, то же представленіе различныхъ бѣдствій человѣческихъ; пустота-же ея зависитъ

прямо отъ того, что всѣ эти представленія бѣдствій не оживляются никакою животрепещущею идеею, въ которой всегда и заключается главная сущность истинной трагедіи, все ея обязательное дѣйствіе на насъ.

Что касается комедіи, то она гораздо живучѣе и менѣе чувствительна къ состоянію развитія духа общественности и напряженія умственного движенія въ массахъ, чѣмъ трагедія. Это происходитъ оттого, что существенный элементъ ея, смѣхъ, обнимаетъ гораздо болѣе обширные предѣлы жизни, чѣмъ слезы.—Раздумье о причинахъ бѣдствій на землѣ посѣщаетъ насъ въ рѣдкія, наиболѣе торжественныя минуты нашей жизни, а смѣемся мы ежедневно и надъ собою, и надъ другими.—Раздумье о бѣдствіяхъ касается всегда такихъ существенныхъ вопросовъ жизни, выставленіе которыхъ можетъ состояться только при полной свободѣ слова, между тѣмъ въ комедіи не опредѣляется предметовъ, подлежащихъ ея осмѣянію.

При наибольшемъ развитіи свободы слова—комедія превращается въ политическую сатиру; при наименьшемъ она принимаетъ скромный видъ комедіи обыденныхъ нравовъ, и все-таки она является тою-же комедію, если достигаетъ своей цѣли: заставляя зрителей смѣяться надъ различными смѣшными сторонами и пошлостями жизни. Вотъ почему, между тѣмъ какъ трагедія представляетъ такое неустойчивое положеніе на сценѣ, комедія, напротивъ того, никогда не сходитъ съ нея, и это единственный родъ сцены, могущій имѣть хоть какое-нибудь развитіе при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ развитія театра. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, въ слѣдующей статьѣ мы представимъ обзоръ развитія и современнаго состоянія нашего театра.

А. Скабичевскій.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

КСІ.

Назначеніе комисіи тридцати и министерская перетасовка.

Рѣшеніе 29-го ноября, разъ уже отвергнутое въ засѣданіи 30-го, потеряло окончательно всякое значеніе 5-го декабря, послѣ назначенія комисіи изъ тридцати членовъ, на которую, согласно предложенію Дюфора, было возложено представленіе проекта закона объ отношеніяхъ государственныхъ властей и условіяхъ министерской отвѣтственности. Незначительное большинство, которое съ величайшимъ трудомъ удалось составить Тьеру въ публичномъ засѣданіи, — въ бюро превратилось почти въ такое же меньшинство.

Пятнадцать бюро національнаго собранія составляются ежемесячно по жребію. Ноябрьскому составу ихъ пришлось избрать и комисію Кердреля, убійную докладомъ Батби, и комисію Дюфора. И та и другая были организованы совершенно одинаковымъ образомъ. Въ комисіи пятнадцати двѣ трети членовъ принадлежали къ коалиціи легитимистовъ, орлеанистовъ и имперіалистовъ; точно также и въ комисіи тридцати, двадцать членовъ принадлежать къ этой коалиціи. Оказывается, что побѣжденные 29-го ноября сами должны привести въ исполненіе рѣшеніе, постановленное противъ нихъ!

Длинные рренія, предшествовавшія въ каждомъ бюро избранію членовъ въ комисію, дали только блестящія доказательства того, очень естественнаго факта, что приверженцы «правительства борьбы» возвращаются въ новую комисію съ твердымъ намѣреніемъ провести и осуществить принципы своихъ предшественниковъ, то-есть: безусловное подчиненіе исполнительной власти волѣ монархическаго большинства посредствомъ установленія самой строгоя министерской отвѣтственности, продолженіе полномочія собранія, и замедленіе признанія республики «законнымъ правительствомъ» страны.

Тѣмъ не менѣе, при избраніи президента, вице-президента и секретарей комисіи, монархическое большинство, являясь

безопаснымъ по отношенію къ республиканцамъ, сдѣлало видѣ, что не хочетъ избирать непримиримыхъ противниковъ Тьера. Правда, что вице-президентство было предоставлено бывшему президенту комисіи Кердреля, герцогу д'Одиффре-Паке, но президентомъ былъ избранъ де-Ларси, бывший министръ общественныхъ работъ, подавшій въ отставку вслѣдствіе выхода 20-го іюня, отправнаго пункта нынѣшняго кризиса, и несмотря на то, оставшійся однимъ изъ самыхъ интимныхъ друзей президента республики.

Впрочемъ, президентъ комисіи тридцати не согласился отправиться къ Тьеру съ официальнымъ предложеніемъ примиренія на условіяхъ окончательнаго разрыва съ радикалами и составленія исключительно монархическаго министерства. Д'Одиффре-Паке взялся за это, въ качествѣ частнаго лица.

Тьеръ, говорящій всегда только то, что считаетъ нужнымъ сказать, показывая въ то же время видѣ, что высказываетъ все, что есть на душѣ, воскликнулъ:

— Никто такъ не огорченъ недоразумѣніемъ, существующимъ между мною и правою стороною, какъ я самъ... Я знаю, что на правой сторонѣ есть люди отличные, достойные полнѣйшаго уваженія, но неопытные, которые часто считаютъ важными вещи, на самомъ дѣлѣ совершенно неважны... Я знаю, у каждаго свои недостатки; у меня также... Я горячъ, очень горячъ; друзья мои часто меня упрекали въ этомъ... Иногда я принимаю перерывы за выраженіе мнѣній цѣлой партіи, и тогда моя вспыльчивость еще болѣе усложняетъ недоразумѣніе.

Затѣмъ президентъ коснулся вопроса о новомъ кабинетѣ, составъ котораго долженъ былъ быть обнародованъ въ «Journal officiel» на другой день. Д'Одиффре-Паке замѣтилъ ему, что въ назначеніи новыхъ министровъ нельзя видѣть измѣненія всей прежней политики, такъ-какъ будетъ только одно или два новыхъ имени въ кабинетѣ, и такъ-какъ эти имена взяты при этомъ именно изъ числа тѣхъ, которые 29-го ноября отдѣлились отъ правой стороны. Послѣдняя была бы болѣе довольна, еслибы кто нибудь изъ ея членовъ, напримѣръ Вите, вошелъ въ министерство.

— Ага! съ живостью прервалъ его Тьеръ:—вы хотѣли бы, чтобы я взялъ его за то, что онъ отдѣлился отъ меня!

— Но развѣ вы не берете Фурту исключительно за то, что онъ отдѣлился отъ насъ?

Д'Одиффре-Паке попробовалъ коснуться очень щекотливаго вопроса объ обязательствѣ, заключенномъ съ лѣвою стороною, относительно сохраненія республики, на что, повидимому, Тьеръ сдѣлалъ намекъ съ трибуны.

— Повторяю, съ живостью воскликнулъ президентъ:—что во всемъ этомъ есть только то, что я сказалъ,—обѣщаніе не дѣлать посягательства на нынѣ существующій режимъ... Только вслѣдствіе крайне непріязненнаго настроенія партій могли воз-

нигнуть какия-то нелѣпныя подозрѣнія... Видѣли-ли вы когда нибудь, герцога, какъ спускается съ дерева попугай?

— Нѣтъ.

— Я долго изучалъ попугаевъ, герцога.—Когда они хотятъ сойти съ одной вѣтви на другую, они цѣпляются клювомъ за одну вѣтку, и ищутъ лапами другой. Ну! я попугай: клювомъ я держусь за лѣвую сторону, а лапы мои ищутъ консервативную вѣтку... Какъ же вы хотите, чтобы правительство поступало иначе, когда оно находится между нѣсколькими партіями, на которыя оно должно по очереди опираться?

— Ваше сравненіе очень хорошо, сказалъ, удаляясь, вице-президентъ комисіи:—но кажется, не совсѣмъ точно. Не лапы ищутъ вѣтви, а скорѣе вѣтка ищетъ лапъ, и не находитъ ихъ, такъ-какъ онѣ слишкомъ часто ускользаютъ отъ нея.

Дѣйствительно, лапы попугая ускользнули еще разъ, и министерская перетасовка 7-го декабря была не болѣе, какъ новымъ фокусомъ ловкаго эвилибриста, балансирующаго между двумя противорѣчивыми большинствами 29-го ноября и 5-го декабря. Въ сущности, республиканецъ Викторъ Лефранъ былъ принесенъ въ жертву большинству шести или семи голосовъ, высказавшемуся 30-го ноября противъ республиканскихъ адресовъ муниципальных и генеральныхъ совѣтниковъ. Принятіе отставки министра, призваннаго виновнымъ въ томъ, что не остановилъ мнимаго беззаконія, тѣмъ болѣе замѣчательно, что всѣ эти будто бы противозаконныя адреса были въ пользу главы государства и втайнѣ поощрялись его генеральнымъ секретаремъ Бартеlemi-Сентъ-Илеромъ и неотвѣтственнымъ вице-министромъ внутреннихъ дѣлъ Кальмономъ. Но преемникъ Лефрану не былъ взятъ изъ числа тѣхъ, которые низвергли послѣдняго. Гуларъ только перемѣнилъ портфель, уступивъ министерство финансовъ Леону Сэ, который, въ свою очередь, передалъ Сенскую префектуру Кальмону. На самомъ дѣлѣ, только одна новая личность была введена въ кабинетъ,—Фурту, назначенный министромъ публичныхъ работъ, должность котораго, со времени отставки де-Ларси, занималъ Тессейранъ-де-Боръ.

Кризисъ продолжался почти цѣлый мѣсяцъ. Онъ былъ такъ силенъ, что два или три раза думали, что взлетитъ на воздухъ вся государственная машина. И весь этотъ шумъ, всѣ эти волненія, долгое время парализировавшія самые существенныя интересы, привели только къ простой перестановкѣ двухъ или трехъ второстепенныхъ личностей и сохраненію разноцвѣтнаго министерства, неизмѣющаго ни характера, ни собственной воли, и исполняющаго всѣ желанія Тьера, все болѣе и болѣе основывающагося же ролью единоличнаго правителя.

Это тотчасъ же было замѣчено монархическо-имперіалистскою коалиціею. Католическая «Univers» прямо воскликнула:

— Это насмѣшка надъ нами!

Легитимистская «Union» называла вновь сфабрикованный кабинет «министерствомъ безсилія и интриги».

«Gazette de France» прибавляла:

— Никакой серьёзной перемѣны; Тьеръ продолжаетъ отказываться дать консерваторамъ какія бы то ни было гарантіи.

— Это министерство насмѣшки! кричали бонапартисты, которые сочли нужнымъ отъ имени шестнадцати членовъ своей партіи, заседающихъ въ палатѣ, напечатать въ трехъ своихъ газетахъ «Ordre», «Paix» и «Gaulois» родъ анонимнаго манифеста, въ которомъ возвѣщали, что они отказываются на время отъ «интересовъ своей партіи» и, «одушевленные общемою мыслью сопротивленія радикализму, присоединяются къ своимъ «естественнымъ союзникамъ» — монархистамъ разныхъ цвѣтовъ, — «увѣренные, что во всё продолженіе борьбы и опасности, не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было различіи въ кокардахъ и знаменахъ».

Орлеанисты, пожалованные въ званіе «естественныхъ союзниковъ бонапартистовъ», выказывали полное отчаяніе; но такъ какъ принцы-депутаты, герцоги Омальскій и Жуанвильскій воздержались отъ участія въ голосованіяхъ, въ которыхъ были лично затронуты Тьеръ, то публицисты ихъ также остерегались замѣшивать имя президента республики въ свою полемику по поводу министерской отвѣтственности и парламентскаго самодержавія.

Лѣвый центръ, который, съ тѣхъ поръ, какъ его конституціонные проекты, обсужденные во время парламентскихъ ваканцій, были такъ хорошо приняты президентомъ, считалъ себя главною движущею силою въ стратегическихъ операціяхъ Тьерра, — приходя къ совершенному отчаянію. Не получивъ ни одного мѣстечка въ кабинетѣ во то время, какъ онъ рассчитывалъ получить ихъ всѣ, онъ нападалъ на «невозможное министерство».

Наканувъ того дня, какъ «Journal officiel» печаталъ имена новыхъ министровъ, графъ де-Кератри прислалъ просьбу объ отставкѣ отъ редакторства газеты «Soir» вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ давалъ Тьеру совѣтъ «скорѣе удалиться во всемъ блескѣ своей силы, чѣмъ впутаться въ бесплодную, безисходную борьбу» съ собраніемъ, неспособнымъ какимъ бы то ни было образомъ образовать правительственное большинство.

Этотъ прекрасный совѣтъ, само собою разумѣется, остался безъ всякихъ послѣдствій, но черезъ два дня графъ де-Кератри былъ награжденъ за него званіемъ командора ордена почетнаго легіона, пожалованнымъ ему за «особня заслуги», оказанныя въ должности марсельскаго префекта.

Та же газета «Soir» напечатала одну за другою двѣ статьи фантазера Эмиля де-Жирардена, въ которыхъ, съ одной стороны, отъ меньшинства 29-го ноября требовалось объясненія; по-

чему Тьеръ «освободитель» уже не пользуется болѣе его довѣрiемъ, а съ другой предсказывалось:

— Если Тьеръ покинеть лѣвую сторону, которая защищала его, и возвратится къ правой, которая все время боролась съ нимъ, никому уже нельзя будетъ положиться на него; вскорѣ онъ будетъ повинуть всѣмъ и очутится одинъ между отвернувшейся отъ него лѣвою стороною и неумолимою правою.

ХСII.

Движенiе въ пользу распущенiя собранiя.

Республиканская лѣвая сторона сначала видѣла въ перемѣнахъ, сдѣланныхъ въ министерствѣ, черную неблагодарность по отношенiю къ ней и недостойное заигриванiе съ личными врагами президента. Она считала, что Тьеръ, одержавшiй при ея помощи побѣду 29-го ноября, не долженъ былъ 30-го, при обсужденiи вопроса объ анти-монархическихъ адресахъ, приносить своего министра внутреннихъ дѣлъ въ жертву своимъ противникамъ. Отставку Виктора Лефрана она объясняла, впрочемъ, излишнею деликатностью президента, надѣясь, что, по крайней мѣрѣ, его замѣнитъ личность изъ той же политической партii и даже, быть можетъ, болѣе опредѣленнаго оттѣнка. Назначенiе министромъ финансовъ Леона Сэ не успокоило ее на счетъ врученiя портфелей внутреннихъ дѣлъ и публичныхъ работъ двумъ бывшимъ членамъ праваго центра.

Впрочемъ, для измѣненiя настроенiя лѣвой стороны достаточно было того, чтобы реакцiя начала жаловаться на то, что побѣда ея оказалась неполною, и чтобы новый префектъ Сены, Кальмонъ, объявилъ въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ, что онъ явился «помогать главѣ государства въ предпринятомъ имъ патриотическомъ дѣлѣ всеобщаго примиренiя и учрежденiя республики на основахъ порядка».

И вотъ надежда вновь расцвѣтаетъ на всѣхъ скамьяхъ лѣвой стороны, не выключая и радикальной. Республиканцы мало по малу утверждаютъ въ убѣжденiи, что хитрый «необходимый» старикъ, принявшiй въ свой кабинетъ только членовъ большинства 29-го ноября, является умѣреннымъ по отношенiю къ своимъ противникамъ только для того, чтобы потомъ вѣрнѣе уничтожить ихъ предъ лицомъ Францiи и всего свѣта; онъ хочетъ, говорили себѣ республиканцы, чтобы необузданное честолюбiе монархическихъ заговорщиковъ рѣзко обрисовалось, выяснило всѣ недостатки правой стороны и доставило его патриотической честности давно ожидаемый случай сдѣлать торжественное воззванiе къ истинному большинству Францiи.

Ужь не одни радикалы, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, стали доказывать, что собранiе 8-го февраля 1871 года было

избрано только для заключенія мира; оппозиція противъ частичнаго возобновленія состава палаты, выказавшаяся во время преній по поводу избранія членовъ комисіи тридцати, сдѣлала приверженцами распушенія даже нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ членовъ лѣваго центра.

«Siècle», газета республиканская, но обыкновенно неспособная ни на какой смѣлый шагъ, вдругъ громко объявляетъ, что такъ-какъ противорѣчивыя голосованія 29-го, 30-го ноября и 5-го декабря показываютъ невозможность образованія въ версальской палатѣ прочнаго правительственнаго большинства, — то только распушеніе этого невозможнаго собранія можетъ избавить страну отъ постоянныхъ кризисовъ, которые останавливаютъ правильное теченіе дѣлъ и компрометируютъ самое существованіе націи. И не дожидаясь выраженія одобренія своихъ друзей лѣвой стороны, «Siècle» начинаетъ наполнять свои столбцы листками для подписи, съ слѣдующими словами:

— Нижеподписавшіеся просятъ національное собраніе *соблаговолить* вотировать свое распушеніе.

Парламентская группа, называемая «республиканскою униєю», уже болѣе года представившая въ бюро палаты требованіе о распушеніи, не могла оставить починъ и направленіе подобнаго движенія исключительно въ рукахъ прессы. 10-го декабря она издала къ избирателямъ манифестъ, подписанный 92 депутатами, въ которомъ говорилось:

— Вотъ ужъ три недѣли, какъ Франція въ волненіи: работы останавливаются, дѣла въ застоѣ, безпокойство овладѣваетъ всѣми умами, самое существованіе націи какъ бы приостановлено. Это ненормальное положеніе дѣлъ происходитъ отъ раздѣленія собранія на партіи, которое дѣлаетъ безсильнымъ правительство республики и убиваетъ въ самомъ зародышѣ всякую надежду на его устойчивость... Голосованія послѣднаго времени показываютъ, что въ этомъ собраніи не можетъ нетолько упрочиться, но и составиться какое бы то ни было большинство. Добиться распушенія законными средствами — такова наша дѣль, такова истинная воля націи. Мы громко отвергаемъ всякое насильственное давленіе; мы отвращаемся отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни явилось; мы враги всякаго безпорядка; но мы требуемъ, чтобы страна, посредствомъ новыхъ выборовъ, создала могущественное большинство, способное оказать правительству республики дѣйствительное содѣйствіе, обезпечить мирное торжество національной воли и прочность республиканскихъ учрежденій.

Вскорѣ и лѣвая умѣренная сторона, убѣдившись, что въ кружкахъ, близкихъ къ президенту республики, вовсе недовольны агитаціею, дѣлаетъ постановленіе, которымъ, «присоединяясь къ манифестаціямъ общественнаго мнѣнія въ пользу будущихъ выборовъ, она одобряетъ подачу петицій и объявляетъ, что, не отказываясь совершенно отъ мысли о частичномъ возобно-

вленіи состава палаты, она будетъ вотировать и за проектъ интегральнаго возобновленія національнаго собранія».

Такимъ образомъ, болѣе ста депутатовъ высказались за это постановленіе.

Подобное движеніе было бы гораздо дѣйствительнѣе прошлымъ лѣтомъ, когда, какъ, вѣроятно, читатель помнитъ, значительная группа парижскихъ радикаловъ, признавая дѣло мира законченнымъ заключеніемъ версальской конвенціи и дальнѣйшее исполненіе мирныхъ условій вполне обезпеченнымъ колоссальнымъ успѣхомъ трехмиллиарднаго займа, подала петицію о распущеніи собранія. Пропагандируемое въ теченіе парламентскихъ вакацій, встрѣчая самую энергическую поддержку со стороны восьмидесяти генеральныхъ и тридцати-шести тысячъ муниципальных совѣтовъ, движеніе въ пользу распущенія собранія, при содѣйствіи двухъ парламентскихъ фракцій, ставшихъ нынѣ приверженцами распущенія, имѣло бы уже за себя миллионы неоспоримыхъ подписей, которыя могли бы быть представлены палатѣ какъ разъ въ то время, когда президентское посланіе подняло оппозицію коализированной правой стороны. Но въ то время республиканскіе депутаты и журналисты были предупреждены Бартеlemi-Сентъ-Илеромъ, что Тьеръ обязался передъ палатой не допускать никакого посягательства на ея самодержавныя права, и этого было достаточно для того, чтобы движеніе въ пользу распущенія собранія остановилось въ самомъ началѣ.

Слишкомъ наивная покорность республиканской партіи даетъ основаніе предполагать, что и въ послѣднее время она поступила не противъ воли антимонархическаго, неофициальнаго правительства Тьера.

Alter ego президента, Бартеlemi-Сентъ-Илеръ, такъ горячо поощрявшій подачу адресовъ, съ выраженіемъ сочувствія посланію 13-го ноября, по всѣмъ вѣроятіямъ, поощрялъ также и тѣхъ, которые приходили посовѣтываться съ нимъ, прежде чѣмъ принять на себя, въ газетѣ «Siècle», а затѣмъ и въ самомъ парламентѣ, инициативу происходящей нынѣ подачи петицій.

Тѣмъ не менѣе, новое министерство, не отрицая права петицій, нашло, что во времена всѣхъ режимовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ съ 1789 года, было запрещено подписываніе петицій въ публичныхъ мѣстахъ. Такъ какъ Викторъ Лефранъ вышелъ изъ министерства вслѣдствіе постановленія, признающаго незаконнымъ подачу адресовъ муниципальными совѣтами, преемникъ его непременно долженъ былъ посвятить первый свой циркуляръ префектамъ вопросу о предупрежденіи всѣхъ крайностей, къ которымъ могла бы привести агитація въ пользу распущенія собранія. Уже де-Ремюза, временно исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ, предписалъ, въ силу императорскаго закона 5-го мая 1855 года, закрывать всѣ муниципальные совѣты, позволяющіе себѣ издавать политическія

прокламаціи и подавать политическіе адреса. Самые ревностные реакціонеры изъ префектовъ тотчасъ же открыли кампанію, а нѣкоторые прокуроры республики, какъ наиримѣрь въ Марсели и Гаврѣ, даже подняли процессы противъ газетъ, виновныхъ въ томъ, что открыли свои столбцы беззаконіямъ, совершеннымъ членами муниципальных совѣтовъ, позволившими выразить Тьеру благодарность за его посланіе. Де-Гуляръ, чтобы помѣшать осуществленію права подписыванія петицій въ кафе и кабакахъ, предписываетъ строгое исполненіе декрета 29-го декабря 1851 года, который отдаетъ содержателей питейныхъ заведеній на полный произволъ административной власти.

Въ Парижѣ, префектъ полиціи предписалъ полицейскимъ комиссарамъ имѣть строгій надзоръ надъ питейными заведеніями и немедленно закрывать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ, послѣ перваго официального предостереженія, все-таки будутъ подписываться петиціи. И дѣйствительно, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, всѣ питейныя заведенія буквально осаждены полицейскими агентами; петиціонные листки схватываются, содержатели, а часто и посѣтители арестовываются...

Такимъ образомъ, правительство ясно высказываетъ, что оно не поддерживаетъ движенія въ пользу распущенія палаты. Тѣмъ не менѣе, газеты монархической коалиціи все продолжаютъ кричать противъ того, что правительство признаетъ еще право подписывать петицію вездѣ, кромѣ публичныхъ мѣстъ, что республиканцы безнаказанно собираютъ подписи въ частныхъ жилищахъ, и что повсюду находятся граждане и даже должностныя лица, отрывающія частныя помѣщенія для раздачи неподписанныхъ петицій и собиранія подписанныхъ.

Разъ, но только одинъ разъ, въ головѣ роялистовъ явилась было черезчуръ англійская, американская мысль противопоставить петиціи въ пользу продолженія полномочій собранія петиціямъ въ пользу его распущенія. «Gazette de France» и другія легитимистскія газеты напечатали, въ видѣ образца, два адреса благонамѣренныхъ избирателей Нима къ роялистамъ депутатамъ Гарскаго департамента, въ первомъ ряду которыхъ красуется имя президента комисіи тридцати, де-Ларси. Но эти два адреса такъ и остались изолированными, и подача петицій въ пользу сохраненія полномочій собранія на этомъ и окончилась.

— Дѣло не въ томъ, кричать наперерывъ роялистскіе и имперіалистскіе органы: — чтобы воспрепятствовать подписыванію радикальныхъ петицій въ томъ или другомъ мѣстѣ. Нужно безусловно запретить подачу петицій, которыя, возставая противъ единственной нынѣ существующей верховной власти, представляютъ настоящее нравственное возмущеніе, служащее предлогомъ къ возмущенію матеріальному.

Изъ разговоровъ Тьера съ разными частными и официальными лицами можно заключить, что самъ президентъ не одобряетъ

агитации въ пользу распушения палаты, что онъ находитъ ее несвоевременною, по что въ сущности онъ не недоволенъ тѣмъ, что она пугаетъ нѣкоторыхъ членовъ большинства и заставляетъ ихъ возвращаться подъ его крылышко. Монархическая коалиція такъ же боится этой двойной игры президента, какъ и популярности самого движения, и хочетъ покончить и съ тѣмъ, и съ другимъ какъ можно скорѣе.

Одинъ изъ членовъ праваго центра де-Гаслондъ, въ засѣданіи 11-го декабря, сдѣлалъ предложеніе, по которому «національное собраніе объявляетъ, что оно не разоидется ранѣе полной уплаты военной контрибуціи и совершеннаго очищенія территоріи».

— Ну, нѣтъ! мы не такъ глупы! сказали другъ другу члены правой стороны.—Если мы вотируемъ подобное постановленіе, Тьеръ скоро окончитъ уплату!

И предложеніе Гаслонда презрительно передается въ комисію парламентской инициативы.

Но въ то же самое засѣданіе, членъ праваго центра Ламберъ де-Сентъ-Круа, посовѣтовавшись съ герцогомъ д'Одиффре-Пагье, появляется на трибунѣ, требуя назначенія на субботу, 14-го декабря, преній о прошлогоднихъ петиціяхъ въ пользу распушения палаты.

— Пора! восклицаетъ онъ: — чтобы нападенія, которымъ подвергается собраніе вѣкъ стѣнъ его, высказались съ трибуны!

— Хорошо! горячо возражаетъ на это Гамбетта.—Такъ какъ, преклоняясь передъ силою общественнаго мнѣнія, передъ неподдѣльнымъ выраженіемъ чувствъ Франціи, хотятъ обсудить этотъ вопросъ, прежде чѣмъ вся страна единогласно выскажетъ свое рѣшеніе... Мы также хотимъ немедленныхъ и окончательныхъ преній... На субботу!

— Да, на субботу! кричитъ громовымъ голосомъ тотъ изъ ораторовъ правой стороны, Бараньонъ, который наиболѣе отличается звучностью своихъ голосовыхъ органовъ.

ХСІІІ.

Парламентское собраніе 14-го декабря. Гамбетта и д'Одиффре-Пагье.

Для того, чтобы хорошо понять сущность кризиса, возникшаго вслѣдствіе заявленій посланія 13-го ноября, нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, чего хочетъ монархическая половина палаты и чего она не хочетъ. Она не хочетъ того, чтобы республика, существующая фактически, была признана законнымъ правительствомъ страны. Она хочетъ, чтобы Тьеръ сдѣлался орудіемъ католическо-роялистской реакціи и разорвалъ всякія связи съ радикализмомъ, включая въ это понятіе все, что, не

мнѣнію консерваторовъ, хотя сколько-нибудь приближается къ республикѣ.

Для того, чтобы освободить Тьера отъ его обязательствъ по отношенію къ радикаламъ, вопросъ о петиціяхъ былъ выбранъ очень искусно. Въ теченіе трехъ дней полемика имперіалистскихъ газетъ имѣла главнымъ цѣлью вызвать самого Тьера къ личному вмѣшательству въ пренія.

«Union» даже сказала: «если онъ не будетъ говорить, то значить онъ виноватъ». На что офиціозныя газеты очень резко отвѣтили:

— Вы сами жаловались на то, что президентъ слишкомъ часто появляется на трибунѣ; онъ лично не замѣшанъ въ дѣло распушенія собранія; онъ не могъ бы говорить, не компрометируя себя; онъ не будетъ себя компрометировать.

Тѣмъ не менѣе, одушевленіе защитниковъ нинѣшней палаты было такъ сильно, что всѣ были убѣждены, что, если даже Тьеръ самъ воздержится отъ участія въ преніяхъ, министерство его будетъ вынуждено высказаться такъ или иначе.

Главнымъ образомъ, безпокоились двѣ парламентскія группы: лѣвый центръ и лѣвая радикальная сторона. Наканунѣ борьбы и та и другая партіи сдѣлали послѣднее усиліе подѣйствовать на общественное мнѣніе.

«Soir», опасаясь крушенія всѣхъ конституціонныхъ плановъ лѣваго центра, напечатала анонимное письмо изъ Бельфора, въ которомъ доказывалось, что въ случаѣ побѣды правой стороны, нѣмцы откажутся принять финансовыя гарантіи вмѣсто территоріальныхъ, и не очистятъ восточныхъ департаментовъ ранѣе уплаты послѣдней очереди послѣднаго милліарда; что если Тьеръ, пребываніе котораго во главѣ власти разсматривается нѣмцами, какъ гарантія правильной уплаты контрибуціи, будетъ низвергнутъ, и отъ того произойдетъ какой бы то ни было беспорядокъ, то пруссаки удвоятъ численность оккупационной арміи, захватятъ въ свои руки администрацію занятыхъ ими департаментовъ, и въ концѣ-концовъ никогда не возвратятъ Бельфора.

Депутатъ Париза, Эдгаръ Кине, напротивъ того, старался доказать всю несообразность мнѣнія, что въ случаѣ какого бы то ни было волненія, завоеватель воспользуется этимъ, чтобы снова возвратиться въ очищенные департаменты и вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла.

— Ничто такъ не противорѣчитъ истинѣ, говоритъ онъ. — Въ военномъ отношеніи мы погибли изъ-за того, что были введены въ заблужденіе относительно силы Пруссіи. Не станемъ же погибать въ политическомъ отношеніи изъ-за совершенно ложныхъ мнѣній о духѣ, намѣреніяхъ и политическихъ планахъ Пруссіи и Германіи... До тѣхъ поръ, пока мы остаемся должниками Германіи и акуратно уплачиваемъ долгъ, она предоставляетъ насъ совершенно самимъ себѣ, она

не станетъ вмѣшиваться въ наши пренія, и въ особенности не станетъ ничего дѣлать для того, чтобы помѣшать развитію нашей общественной жизни, которая одна только можетъ доставить громадныя суммы, выплачиваемыя въ настоящее время Франціею... Нашъ долгъ въ настоящее время составляетъ нашу гарантію и залогъ мира. Тогда, и только тогда, когда весь этотъ долгъ будетъ нами выплаченъ, перестанутъ нѣмцы бояться вмѣшиваться въ наши дѣла...

Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что намъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе воспользоваться такою свободою дѣйствій, какая, быть можетъ, впоследствии и не представится, для того, чтобы создать наши внутреннія учрежденія.

Какъ бы то ни было, но маневръ газеты «Soir» и разсужденія Эдгара Кине имѣли результатомъ то, что сдѣлали невозможнымъ утвержденіе предложенія Гаслонда.

Послѣ прочтенія нѣсколькихъ докладовъ о поступившихъ въ разное время петиціяхъ о распущеніи, изъ которыхъ послѣдній, прочитанный Раулемъ Дювалемъ, былъ составленъ въ очень ироническомъ, очень желчномъ тонѣ, Гамбетта взомель на трибуну, на которой онъ оставался полтара часа, сначала заставляя выслушивать себя съ необыкновенною умѣренностью, а затѣмъ, вызывая непрестанные перерывы, которые не позволили ему развить съ должною полнотою обвинительный актъ противъ средневѣковыхъ привидѣній, возстающихъ на современную цивилизацію.

Начало своей рѣчи Гамбетта посвящаетъ доказательству того, что нынѣшнее движеніе въ пользу распущенія собранія есть «истинное, глубокое, непобѣдимое выраженіе всеобщаго голосованія». Для того, чтобы доказать легальность этого движенія, онъ спрашиваетъ, какія полномочія получило собраніе при своемъ созваніи, и опредѣляетъ ихъ, согласно второй статьѣ договора о перемиріи: «оно должно высказаться на счетъ того, должна ли продолжаться война, и, если нѣтъ, то на какихъ условіяхъ долженъ быть заключенъ миръ». Тяжелыя обстоятельства того времени — напоминаютъ онъ — заставили депутатовъ провѣрить свои полномочія, такъ сказать, гуртомъ, и достаточно обратить вниманіе на избирательные листы, для того, чтобы констатировать тотъ фактъ, что въ избраніи депутатовъ 8-го февраля 1871 года участвовало только 5.500,000 избирателей, между тѣмъ какъ всѣхъ избирателей считается почти вдвое больше. Онъ прибавляетъ, что изъ 134 депутатовъ, избранныхъ на частныхъ выборахъ, бывшихъ послѣ 8-го февраля, выбрано 115 лицъ съ убѣжденіями совершенно противоположными политическимъ убѣжденіямъ прежняго бордосскаго и версальскаго большинства. Съ большимъ трудомъ — такъ-какъ президентъ собранія не допускалъ преній по вопросу, уже положительно разрѣшенному закономъ, — удастся оратору высказать, что палата признала за собою учредительныя права вопреки первоначаль-

вымъ намѣреніямъ своихъ избирателей и противно мнѣніямъ вотировавшихъ при послѣдующихъ частныхъ выборахъ. Вотъ откуда, продолжаетъ онъ, тотъ враждебный характеръ, который приняли послѣдніе выборы не только въ національное собраніе, но и въ члены генеральныхъ и муниципальных совѣтовъ, въ которыхъ сто-двадцать замѣчательнѣйшихъ представителей монархической партіи, даже въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ они пользовались наибольшимъ вниманіемъ и уваженіемъ, были замѣнены представителями республиканской демократіи. Въ основаніи всего этого лежитъ исключительно вопросъ объ учрежденіи республики, и вотъ почему голосованіе 28-го ноября получило такое громадное значеніе; оно разрѣшало этотъ вопросъ въ самомъ національномъ собраніи.

— Нѣтъ! нѣтъ! прерываетъ правая сторона.

— Вы говорите, восклицаетъ ораторъ:—что вопросъ не разрѣшенъ, но вотъ главный мой аргументъ для доказательства необходимости распушенія... Национальное собраніе раздѣлилось на двѣ, почти равныя партіи... Мнѣ кажется, что съ такими большинствами, какія образуются теперь у насъ въ бюро, нельзя ни основать правительства, ни даже жить... Нѣтъ, вамъ не удастся создать прочное, устойчивое большинство; вы не обезпечиваете правительство относительно его завтрашняго дня, вы только продолжаете, доводите до пароксизма кризисъ, который теперь переживаетъ страна и который называется неизвѣстностью завтрашняго дня... Страна поняла, что для того, чтобы разъ навсегда разрѣшить этотъ вопросъ, есть только одно средство: образовать другое собраніе, — и вскорѣ республиканскіе депутаты будутъ въ состояніи представить петиціи съ милліономъ подписей, требующія распушенія.

Справа слышатся нѣсколько ироническимъ восклицаній.

Гамбетта напоминаетъ, что въ 1848 году понадобилось гораздо менѣе подписей, именно всего 170,000 для того, чтобы учредительное собраніе вотировало свое распушеніе. Правда, тогда распушенія требовали монархисты, а нынѣ его требуютъ демократы. Но нынѣшнее движеніе имѣетъ еще совсѣмъ особое, могущественное значеніе... Кто организовалъ его и кто сдѣлалъ его непобѣдимымъ?

— Послѣ заявленій посланія, которое заставило забиться сердце націи... вы рѣшились высказать порицаніе изъясненіямъ національной признательности; и тогда, въ виду вашего правительства борьбы, повсюду само собою организовалось петиціонное движеніе. Въ немъ слышится голосъ страны, и голосъ этотъ, замѣтите, не умолкаетъ предъ вашими переходами къ очереднымъ дѣламъ.... Принужденная выбирать между политикою посланія и вашею политикою, страна, непонимающая всѣхъ парламентскихъ тонностей, поняла, что ваше правительство борьбы будетъ борьбою противъ республики, т.-е. противъ са-

мой страны, и возстали во имя своихъ самыхъ законныхъ и самыхъ, могущественныхъ интересовъ.

Воспользовавшись перерывомъ, вызваннымъ этими послѣдними словами, Гамбетта начинаетъ настаивать на присвоеніи республиканцамъ привилегіи называться консерваторами. Онъ опредѣляетъ радикаловъ, «какъ простыхъ республиканцевъ, которые единственною возможною, законною и нормальною формою правленія считаютъ республику и всеобщее голосованіе, которые провозглашаютъ это, которые готовы преклониться, пока страна не будетъ на ихъ сторонѣ, но которые думаютъ, что, если спросятъ мнѣніе этой страны, то результатомъ этого будетъ успѣхъ республики».

Объяснивъ это, онъ старается доказать, что не исключительно радикалы руководать петиціоннымъ движеніемъ, а сама нація, которая, одобрявъ политику посланія и вида, что настроеніе существующей палаты не гармонируетъ съ этою политикою, требуетъ распущенія палаты и будетъ продолжать требовать его, покуда не достигнетъ своей цѣли.

Среди страшнаго ропота, Гамбетта, какъ и Тьеръ, объявляетъ монархистовъ безсильными создать монархію, и бросаетъ слѣдующія слова орлеанистамъ и легитимистамъ:

— Въ своемъ безсиліи, вы истоощаете ваши послѣднія силы на то, чтобы хоть на время задержать страну и обезсилить ее ожиданіемъ... затѣмъ, чтобы она, уставши бороться, бросилась въ объятія какого-нибудь спасителя.... Но знайте, не въ вашихъ королевскихъ фамиліяхъ будетъ она искать его!

Послѣ бури, вызванной этими словами, ораторъ старается доказать, что достаточно быть патриотомъ для того, чтобы желать установленія окончательно режима. Намекнувъ на недавнюю статью «Times», которая, повидимому, побуждала Тьера къ совершенію *coup d'état*, намекнувъ на странныя поступки генерала Дюкро въ его главной квартирѣ въ Буржѣ, гдѣ войска стоятъ совершенно готовыми двинуться во внутреннюю экспедицію, а жандармерія получаетъ предписанія составлять списки лицъ, подозрѣваемыхъ въ республиканизмѣ, Гамбетта произноситъ довольно туманную фразу о военныхъ *pronunciamento*.

Напрасно поспѣшилъ онъ тотчасъ-же взять ее назадъ, воскликнувъ:

— Я не вѣрю этому!

Военный министръ Сэссе, самъ сильно подозрѣваемый въ бонапартистскихъ симпатіяхъ, поднялся, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда не существовало подобныхъ замысловъ; еслибы они были, будьте увѣрены, что я счумѣлъ-бы подавить ихъ.

— Это оскорбленіе арміи! кричитъ адмиралъ Сэссе.

Вида невозможность дальнѣйшаго развитія своей рѣчи, въ виду крайне враждебнаго настроенія правой стороны, и чувствуя, что сила его голоса начинаетъ ослабѣвать, Гамбетта прочитываетъ

то, что въ январѣ 1849 года говорилъ Монталамберъ, чтобы заставить разойтись тогдашнее учредительное собраніе. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы заключить свою рѣчь блестящею параллелью между правомъ съ одной стороны и нелѣпостями средневѣковыхъ депутатовъ, онъ останавливается на слѣдующей банальной угрозѣ:

— Нынѣшнее ваше рѣшеніе будетъ служить основаніемъ для будущихъ выборовъ... Народъ съумѣетъ въ этотъ день узнать своихъ, и сдѣлать выборъ между тѣми, которые старались замедлить, и тѣми, которые ускорили окончательное торжество республики.

Гамбеттъ отвѣчалъ ярый доктринеръ, сухой и холодный герцогъ д'Одиффре-Паке. Своимъ подчасъ завлекающимъ голосомъ эта очень хитрая и желчная личность въ самомъ-же началѣ попробовала булавочнымъ уколомъ уничтожить все впечатлѣніе предыдущей рѣчи. Онъ вынимаетъ изъ портфеля циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ бордосской делегаціи, запрещающій петиціи въ пользу скорѣйшаго созванія національнаго собранія. Выхода отсюда, онъ начинаетъ отрицать добросовѣстность петиціоннаго движенія, которое, по мнѣнію его друзей, есть не болѣе, какъ самая опасная, самая революціонная попытка возмутить народъ противъ его законныхъ представителей. Онъ отрицаетъ то, чтобы нынѣшнее собраніе было назначено исключительно по милости Пруссіи и только для заключенія мира.

— Страна была утомлена войною, но она также была утомлена и вашею неспособною, безумною диктатурою. Она хотѣла покончить и съ тою, и съ другою.

Опредѣленію радикаловъ, сдѣланному Гамбеттою, д'Одиффре-Паке противопологаетъ слѣдующее:

— Радикалы,—говоритъ онъ:—тѣ, ученіе которыхъ подрываетъ существенныя условія всякаго общества.

Затѣмъ, не дѣлая никакого различія между дѣйствіями и теоріями, между сумасшедшими и умными, между республиканцами и анархистами, и наконецъ между партизанами соціального обновленія посредствомъ свободы и мира и пропагандистами мести бѣднаго противъ богатаго, — д'Одиффре-Паке, тѣмъ-же тономъ, что и Батби, объявляетъ, что пора покончить съ школою всеобщаго разрушенія.

— Если вы такъ торопитесь распустить насъ, восклицаетъ онъ: — то именно потому, что вы чувствуете, что въ собраніи скоро образуется большинство противъ васъ. Иноземецъ еще не оставилъ отечественной территоріи, а потому я говорю: горе тому, кто будетъ разъединять національныя силы въ виду чужеземца и консервативныя силы въ виду социализма.... Не станемъ выходить изъ нынѣшней формы, изъ республики, въ великомъ и истинномъ значеніи этого слова, изъ *общественнаго дѣла*, управляемаго въ интересахъ всѣхъ, при перемиріи

всѣхъ партій!... Насъ каждый день обвиняютъ въ монархи чскихъ заговорахъ... Мы честно говоримъ вамъ. Нѣтъ, мы не дѣлаемъ заговоровъ! Не требуйте отъ насъ отреченія отъ нашего прошлаго, ни того, чтобы мы сами связали свое будущее, но мы честно будемъ поддерживать нынѣшнее положеніе дѣлъ... Для того, чтобы уничтожить разьединеніе, въ которомъ вы насъ обвиняли, мы отсрочили осуществленіе нашихъ надеждъ, мы искренно предложили правительству наши силы и наше содѣйствіе, принимая нынѣшнюю форму правленія открыто, безъ всякой задней мысли. Но мы только двухъ вещей не можемъ принести въ жертву: парламентской свободы и консервативныхъ интересовъ.

Этой программѣ союза орлеанистовъ, легитимистовъ и импералистовъ, *отсрочившихъ осуществленіе своихъ надеждъ*, нужно было бы тотчасъ-же противопоставить программу республики истиннаго порядка; къ несчастью, ораторъ, записавшійся послѣ герцога д'Одиффре-Паке, несмотря на свою способность составить такую программу, не подготовилъ ея, а импровизировать ее не былъ въ состояніи. Луи-Бланъ не имѣетъ *электрическихъ* мыслей и словъ. Мирабо, Дантоновъ, Ледрю-Ролленовъ, способныхъ принять неожиданное участіе въ преніяхъ и управлять ими, нѣтъ теперь во французскомъ парламентѣ. Гамбетта—импровизаторъ только на половину; Луи Бланъ совершенно не импровизаторъ. Членамъ правой стороны, хорошо это знающимъ, стоило только съ методическою жесткостью прерывать его для того, чтобы окончателно оборвать нить его рѣчи и сдѣлать его совершенно неспособнымъ произвестъ какое бы то ни было впечатлѣніе. Во время засѣданія ничего не было слышно, и только стенографамъ едва-едва удалось записать для «*Journal officiel*» что-то въ родѣ двойнаго вызова, обращеннаго къ правой сторонѣ—создать монархію простымъ постановленіемъ; къ Тьеру,—соединиться съ правою стороною для поддержанія и упроченія республики.

Одушевленіе противъ оратора было такъ сильно, что восклицанія правой стороны цѣлыя десять минутъ не давали ему высказать нѣсколько аргументовъ въ доказательство того, что Пруссія не будетъ вмѣшиваться въ наши дѣла въ случаѣ общихъ выборовъ. Напрасно умѣренность этого радикала, этого социалиста доходила до того, что онъ называлъ «попечительнымъ и республиканскимъ» правительство Тьера, слушать его не хотѣли.

Чтоже касается до президента лѣваго центра,—Нюрскаго адвоката, постоянного кандидата въ министры, уже два года считающагося однимъ изъ величайшихъ ораторовъ, хотя онъ еще и ни разу не появлялся на трибунѣ,—что касается до Ринара, говорю я, то всѣ были, какъ нельзя болѣе готовы выслушать его, когда онъ потребовалъ слова. Но вмѣсто того, чтобы выразить убѣжденія, которыя впрочемъ опредѣлить довольно трудно, этой нерѣшительной партіи, онъ ограничился тѣмъ, что пред-

ложилъ перенести на другой день капиталныя пренія, которыя, продолжаясь уже болѣе четырехъ часовъ, могли потребовать еще столько же времени. Но правительство присоединилось къ правой сторонѣ, потребовавъ, чтобы поставленный вопросъ былъ рѣшенъ въ этотъ же день, почему и было назначено ночное засѣданіе.

Когда депутаты, наскоро пообѣдавши, возвратились въ девять часовъ вечера въ залу засѣданія, трибуна была занята Раулемъ Дювалемъ, сыномъ бонапартиста, готовымъ, съ своей стороны, быть чѣмъ угодно и въ особенности заклятымъ врагомъ республиканцевъ вообще и Гамбетты въ особенности.

Говоря необыкновенно веледѣйчиво, возбуждая энтузіазмъ всей правой стороны, онъ безпрестанно смѣшиваетъ 4-е сентября съ 18-го марта, гамбеттовскую диктатуру съ коммуною; онъ истощаетъ всѣ свои силы для того, чтобы доказать, что теорія, на которой основывается нынѣшнее движеніе въ пользу распущенія собранія, тѣ же, что вызвали парижское возмущеніе, и что, въ концѣ концовъ, тѣ же коммунисты изъ мести стараются организовать петиціонное движеніе противъ національнаго собранія.

Эта инсинуація вызываетъ со стороны одного республиканца, неимѣющаго даже ничего общаго съ социалистами, депутата Шаранты, г. Местро, слѣдующій рѣзкій перерывъ:

— Вы солгали! вы клеветникъ!

Пренія угрожали перейти въ побоище, когда раздался серьезный голосъ г. Лероие, объяснявшаго настроеніе лѣвой умѣренной стороны.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь засѣдаемъ, сказалъ онъ:— мы имѣли двѣ цѣли: поддерживать г. Тьера, который, по указанію страны, былъ поставленъ во главѣ власти, и уважать постановленія собранія, какъ бы они ни были подчасъ несогласны съ нашими убѣжденіями. До открытія этой сессіи страна была спокойна, теперь же повсюду волненіе. А отчего? Оттого, что часть этого собранія встрѣтила съ явнымъ недовѣріемъ президентское посланіе. Волненіе продолжается потому, что и въ комисіи тридцати такъ же, какъ и въ комисіи пятнадцати, продолжается оппозиція посланію, вполне соответствующему желаніямъ націи. При своемъ разьединеніи собраніе совершенно безсильно, и тѣ, которые называютъ себя большинствомъ, составляютъ большинство только противъ республики, а разъ отвергнувъ ее, ни въ чемъ иномъ согласиться не могутъ. Вотъ почему лѣвая сторона рѣшилась присоединиться къ движенію въ пользу распущенія собранія. Она восемь мѣсяцевъ противостояла требованіямъ страны; но она не можетъ сдѣлать этого теперь, когда петиціи подаются даже торговлею и промышленностью.

Лероие заканчиваетъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы ничего не было рѣшено по вопросу о петиціяхъ прежде чѣмъ комми-

сія тридцати не представитъ доклада. Онъ прибавляетъ слѣдующія слова, замѣчательныя тѣмъ, что они объясняютъ прошлую податливость умѣренныхъ республиканцевъ и роль, которую, быть можетъ, они будутъ играть въ близкомъ будущемъ.

— Не желая увеличивать разъединенія собранія, чтобы довести до конца наше патриотическое самоотверженіе, мы присоединились къ проекту, формулированному лѣвымъ центромъ; мы соглашались, несмотря на всю нашу антипатію къ нему, на частичное возобновленіе состава собранія; мы соглашались на продолженіе полномочій Тьера; мы даже, можетъ быть, согласились бы на созданіе второй палаты. И что же вы сдѣлали? Вы отвергли все это. Вы отвергаете это и теперь...

— Почему вы это знаете? прерываютъ его справа.

— И вы говорите о министерской отвѣтственности, которая для васъ является только средствомъ захватить власть.

Своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ брикливою рѣчью Дювала, рѣчь Лероюе, казалось, произвела отличное впечатлѣніе на центры. Правая сторона высылаетъ на трибуну одного изъ своихъ мудрецовъ, президента коммисіи тридцати, экс-министра де-Ларси. Но въ это время уже всталъ Дюфоръ.

— Хранитель печати проситъ слова отъ имени правительства! возвѣщаетъ президентъ.

Своимъ желчнымъ голосомъ, съ торжественностью, сквозящею которую проглядываетъ иронія, Дюфоръ начинаетъ свою рѣчь, каждое слово которой ловится повсюду съ жадностью.

Со втораго же слова, на лѣвой сторонѣ замѣчается упадокъ духа, правая же приходитъ положительно въ восторгъ.

— Наконецъ-то! кричитъ большинство коализированныхъ монархистовъ.

Дѣйствительно, министръ юстиціи объявляетъ, что никто изъ избирателей, составившихъ минѣшнее собраніе, не думалъ ограничивать продолжительности его полномочій. Онъ указываетъ на ошибку, которую сдѣлалъ Гамбетта, приведя вторую статью конвенціи о перемиріи, и объявляетъ, что считаетъ своего почтеннаго товарища «слишкомъ хорошимъ юрисконсультomъ» для того, чтобы не почувствовать всей несостоятельности выставленнаго имъ тезиса.

— Нѣтъ, говорить онъ:—нашъ побѣдитель не простеръ своей жестокости до того, чтобы самодержавно разрѣшить вопросъ о правахъ и обязанностяхъ французскаго національнаго собранія.

Тѣмъ не менѣе собраніе не можетъ присвоить себѣ своихъ полномочій на неопредѣленное время. Но какъ опредѣлить тотъ моментъ, когда политическій смыслъ посовѣтуетъ ему, заставить его сложить свои полномочія? спрашиваетъ Дюфоръ. «По устарѣвшимъ теоріямъ» Луи Влана, самому народу принадлежитъ право указать своимъ представителямъ срокъ окончанія ихъ полномочій; de facto также, какъ и de jure, самодержавіе народа

продолжается только одинъ день, день, въ который избираются депутаты.

— Въ этотъ день, говорить ораторъ:— народъ передаетъ свою власть... Съ этого времени власть эта принадлежитъ уже депутатамъ... И если неограниченныя полномочія, врученныя имъ, должны когда-нибудь окончиться, то срокъ этого окончанія можетъ опредѣлить только одна власть въ цѣломъ свѣтѣ: само національное собраніе.

Этому категорическому утвержденію парламентскаго самодержавія роялисты аплодируютъ съ тѣмъ бѣльшимъ жаромъ, что оно доводится до формальнаго отрицанія «ученій, которыя уже восемьдесятъ лѣтъ приносятъ вредъ гораздо большій, чѣмъ можно было бы предположить, и о которомъ такъ много свидѣтельствуеетъ исторія».

Нѣкоторые члены лѣвой стороны, хорошо знающіе идеи 1789 года, протестуютъ. Для успокоенія ихъ достаточно того, чтобы министръ юстиціи заявилъ, что самыя эти пренія санкціонируютъ право петицій во всей его неприкосновенности. Но право петицій имѣетъ важное значеніе только какъ индивидуальное право, касающееся только отдѣльныхъ мѣстныхъ интересовъ. Что же касается до коллективныхъ петицій, касающихся великаго общаго вопроса, то онѣ, кажется, не могутъ имѣть особеннаго значенія.

— Пусть петиціонеры позволяютъ мнѣ сказать имъ, говорить насмѣшливо Дюфоръ:— что собраніе безконечно болѣе ихъ компетентно относительно того, чтѣ ему слѣдуетъ постановлять.

Послѣ этого слѣдуетъ отрицаніе популярности нынѣшняго движенія въ пользу распущенія собранія и тѣхъ волненій, которыя будто бы испытываетъ страна вслѣдствіе безпрестанныхъ парламентскихъ кризисовъ.

— Неправда, что промышленность находится въ застоѣ; неправда, что магазины запираются и торговля падаетъ... Все преувеличено въ интересахъ очень дурнаго дѣла.

Затѣмъ, хранитель печати дѣлаетъ прозрачно-осторожный намекъ на то, что Гамбетта добивается новыхъ выборовъ только для того, чтобы достигнуть власти. Насмѣшливымъ тономъ Бюргравовъ Викторъ Гюго, который прерываетъ своего, уже посѣдѣвшаго, сына словами: «молодой человѣкъ, молчите!» онъ произноситъ слѣдующія слова, обращаясь къ «красному дофину».

— Никто болѣе меня не отдастъ должной справедливости талантамъ Гамбетты, но ему нужно пожить еще нѣсколько времени. Тьеръ, если не ошибаюсь, прослужилъ своей странѣ гораздо больше лѣтъ, прежде чѣмъ достигъ высокаго поста, на который призвало его ваше довѣріе.

На всѣхъ скамьяхъ правой стороны и праваго центра раздается взрывъ хохота. Гамбетта вытягиваетъ шею и своимъ единственнымъ глазомъ выражаетъ оратору свою признательность. Рѣшившись привести въ восторгъ большинство, которое

уже цѣлый мѣсяць борется съ Тьеромъ, поддерживаемымъ радикалами, хранитель печати вновь принимаетъ серьезный, торжественный тонъ и объявляетъ слѣдующія двѣ очень важныя вещи:

— Правительство не хочетъ распушенія, которое бы только взволновало страну; правительство, носящее названіе французской республики, есть только *правительство временное*.

Въ заключеніе онъ напоминаетъ, что имя «республика» являлось въ нашей исторіи всегда въ сопровожденіи волненій, честолюбивыхъ стремленій и заговоровъ, заставляющихъ предполагать, что всякая республика у насъ «стремится перейти отъ прекрасныхъ и великихъ учрежденій 1789 года къ учрежденіямъ 1792, а отъ 1792 года къ 1793, чтобы затѣмъ окончательно потонуть въ потокахъ крови». Онъ прибавляетъ, что почтенные работники и поселане, подъ часъ одушевляющіеся «мужественнымъ горячимъ краснорѣчіемъ» проѣзжаго трибуна, на другой день возвращаются къ своей мастерской и своему плугу, не желая ничего, кромѣ спокойствія, (обезпеченія труда, мирной семейной жизни, и передачи своимъ дѣтямъ плоды своихъ трудовъ.

Послѣдними его словами было: «страна нуждается въ спокойствіи, а распушеніе — синонимъ волненія, и потому правительство подаетъ голосъ за простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ».

Различныя парламентскія группы провели ночь и утро этого дня въ составленіи мотивированныхъ переходовъ къ очереднымъ дѣламъ. Казимиръ Перье такъ и не ложился, прохаживая цѣлую ночь съ правой стороны на лѣвую, отыскивая депутатовъ, которые изъявили бы согласіе на одно изъ его «*convidéants*», которое должно было осуществить его мечту,—равно какъ и мечту Тьера,—слияніе центровъ, которые составили бы большинство, одинаково изолированное и отъ легитимистской правой стороны, и отъ радикальной республиканской униі. Но рукопожатіе, предложенное герцогомъ д'Одифре-Пакье и принятое министромъ Дюфоромъ, и горькая иронія, съ которою было говорено о Гамбеттѣ и петиціонерахъ, доставили официальному оратору громадный успѣхъ, который обезпечиваетъ простому переходу къ очереднымъ дѣламъ значительное большинство.

Самые ревностные члены правой стороны и праваго центра довольствуются тѣмъ, что требуютъ, чтобы анти-радикальная рѣчь министра юстиціи была бы выставлена во всѣхъ общинахъ Франціи вмѣстѣ съ результатомъ засѣданія.

Кромѣ незначительной группы искреннихъ, хотя и чрезвычайно умѣренныхъ, республиканцевъ, послѣдовавшихъ за адмираломъ Жоресомъ, лѣвный центръ вотировалъ вмѣстѣ съ правительствомъ. Изъ 679 депутатовъ, принимавшихъ участіе въ публичномъ голосованіи, 483 высказались такъ же, какъ и Дю-

форъ, и только 196 противъ простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ. Нѣкоторые изъ подписавшихъ постановленіе лѣвой стороны въ пользу распущенія собранія, воздержались отъ подачи голоса, не желая ни въ какомъ случаѣ стать во враждебное положеніе къ Тьеру.

На другой день послѣ этого важнаго голосованія, радость и энтузіазмъ легитимистовъ, орлеанистовъ и импералистовъ не знали предѣловъ.

— Насъ пятьсотъ консерваторовъ! кричали они: — радикалы побиты!

На что красные, розовые и голубые республиканцы отвѣчали:

— Случайное большинство, сфабрикованное Дюфоромъ безъ Тьера! Президентъ, воздержавшійся отъ присутствованія при этихъ преніяхъ, попрежнему не выходитъ изъ своего посланія! Гамбетта правду сказалъ: *Rira bien celui qui rira le dernier!*

XCIV.

ТЬЕРЬ И КОММИСИЯ ТРИДЦАТИ.

Первое свиданіе Тьера съ комиссіею тридцати было назначено на пятницу 13-го декабря. Но Тьеръ извинился подъ предлогомъ, что онъ уже созвалъ на этотъ день высшій военный совѣтъ. Такимъ образомъ свиданіе, которому приписывалось такое громадное значеніе, состоялось только послѣ преній по вопросу о распущеніи, въ понедѣльникъ 16-го декабря.

Нѣкоторые черезчуръ легковѣрные республиканцы были убѣждены, что президентъ республики позволить своему хранителю печати компрометировать себя только затѣмъ, чтобы самому лучше компрометировать своихъ враговъ правой стороны, принудивъ ихъ оправдаться передъ петиціоннымъ движеніемъ утвержденіемъ консервативной республики, требуемымъ посланіемъ.

Этой гипотезѣ нѣкоторое вѣроятіе придавало то, что первая пренія въ комисіи тридцати отличались упорною враждебностью между большинствомъ ея и меньшинствомъ. Занимаясь только вопросомъ о порядкѣ обсужденія конституціонныхъ вопросовъ, двадцать членовъ правой стороны и праваго центра настаивали, какъ и комиссія Кердреля, на томъ, чтобы изолировать вопросъ о министерской отвѣтственности отъ вопроса объ атрибутахъ исполнительной власти, и разрѣшить первый вопросъ раньше прочихъ. Когда имъ предложили ничего не постановлять даже касательно порядка обсужденія, не поспѣвавшій предварительно съ главою государства, они съ большимъ трудомъ постановили, что «комиссія, объявляя, что она готова выслушать правительство, какъ только оно изъяснитъ желаніе сдѣлать какое нибудь сообщеніе, желаетъ узнать,

не намѣрено - ли оно само формулировать проектъ конституціонныхъ законовъ». На что Тьеръ отвѣчалъ очень сдержаннымъ письмомъ, что хранитель печати и онъ самъ «будутъ всегда готовы, по первому, даже неожиданному, приглашенію, явиться въ комиссію всякій разъ, какъ это будетъ необходимо для лучшаго разрѣшенія разсматриваемыхъ законовъ»; но что правительство не можетъ еще представить проекта конституціонныхъ законовъ, не отказываясь впрочемъ формулировать его, «если не удастся придти къ соглашенію съ комиссіею».

Лѣвый центръ, въ видѣ оппозиціи обоимъ манифестамъ лѣвой стороны въ пользу распущенія, представилъ уже въ комиссію тридцати, подписанное 107 депутатами, резюме конституціоннаго плана Пикара-Перье-Лабулэ, обсуждавшагося въ теченіе предшествовавшаго мѣсяца даже въ совѣтѣ министровъ и лежащаго теперь для *исправленія* въ канцеляріи президента.

Въ немъ объяснялось, что «такъ-какъ Франція нуждается въ правильномъ правительствѣ, которое обезпечивало бы ея будущность, необходимо дать республикѣ, законному правительству страны, учрежденія, которыми во всѣхъ свободныхъ странахъ режюмируется переходъ, компетенція и атрибуты государственныхъ властей». На этомъ основаніи парламентскую комиссію просятъ заняться разсмотрѣніемъ слѣдующихъ положеній:

Вопервыхъ, продолженія полномочій президента республики на четыре года;

Вовторыхъ, назначенія вице-президента, имѣющаго заступить мѣсто президента въ случаѣ вакансіи исполнительной власти;

Втретьихъ, возобновленія состава палаты по частямъ;

Вчетвертыхъ, созданія второй палаты; и

Впятыхъ, отвѣтственности министровъ и регулярованія отношеній между исполнительной властью и палатою.

Этотъ планъ, несмотря на многочисленность утверждающихъ его подписей и на сочувствіе, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ въ высшихъ сферахъ, не произвелъ однако на большинство комиссіи тридцати ожидаемаго впечатлѣнія. Даже меньшинство ея незамедлило внести въ него нѣсколько поправокъ.

Марсель Бартъ представилъ проектъ, также мотивированный «необходимостью упредить республику, которая составляетъ теперь законное правительство страны», и сущность котораго приблизительно заключается въ слѣдующемъ:

продолженіе на три года полномочій Тьера;

назначеніе Греви, президента національнаго собранія, вице-президентомъ республики;

возобновленіе состава національнаго собранія по третямъ, начиная съ 15-го февраля 1873 года;

учрежденіе ревизіонной комиссіи, называемой *контрольнымъ отдѣленіемъ*, составленной изъ двухсотъ членовъ собранія, въ которой будутъ принимать участіе, по жребію, всѣ депутаты, и которая будетъ рѣшать, должны ли постановленія собранія

немедленно принимать силу закона, или же подлежать вторичному обсужденію;

регулированіе участія президента республики въ преніяхъ палаты или контрольнаго отдѣленія такимъ образомъ, чтобы Тьеръ могъ говорить каждый разъ, какъ только предупредить объ этомъ президента собранія или отдѣленія, но съ тѣмъ, чтобы пренія были прерваны въ его присутствіи и могли продолжаться только черезъ двадцать-четыре часа послѣ его отъѣзда, исключая случая, когда безотлагательность преній будетъ объявлена заранѣе.

Для разсмотрѣнія этого новаго и чрезвычайно сложнаго проекта большинство комиссіи тридцати удостоило назначить особую под-комиссію изъ семи членовъ.

Еще ранѣе этого, по требованію герцога Деказа, была назначена первая под-комиссія изъ семи членовъ, — шесть монархистовъ и одинъ республиканецъ, — на которую возложено «представить прежде всего на разсмотрѣніе комиссіи обзоръ устройства *нынѣ существующихъ* общественныхъ властей и условій министерской отвѣтственности». Два подчеркнутыя эти слова показываютъ, что для большинства комиссіи тридцати важно помѣшать прежде всего призванію республики формою правленія окончательною и законною.

Послѣ неудачъ 19-го января, 20-го іюня, 18-го и 29-го ноября, никто уже не думаетъ о низверженіи Тьера; напротивъ того, его полномочія готовы продолжить на сколько угодно времени, даже пожизненно, если онъ этого непременно желаетъ, и учредить вторую палату, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ болѣе дѣйствительную министерскую отвѣтственность, позволилъ ограничить свое вышательство въ парламентскія пренія, возвратился въ объятія консерваторовъ, разорвавъ всякія сношенія съ радикалами.

Эта послѣдняя капитальная статья секретнаго договора была сакціонирована 14-го декабря заявленіями министра юстиціи.

16-го декабря, когда Тьеръ вмѣстѣ съ Дюфоромъ явились въ комиссію тридцати, нечего было и опасаться столкновенія, на которое рассчитывали наивные члены лѣвой стороны.

Эти послѣдніе, а за ними даже и демократическая радикальная пресса, не зная всего происшедшаго за кулисами, вообразили себѣ, что президентская рѣчь противорѣчила министерскимъ заявленіямъ, снова вычеркивала прилагательное *временная*, присоединенное къ слову «республика» хранителемъ печати, подтверждала выводы посланія 13-го ноября въ самомъ оптимистскомъ смыслѣ, а слѣдовательно снова оставляла правую сторону въ дуракахъ.

Если только возможно, послѣ внимательнаго чтенія и сравненія различныхъ напечатанныхъ отрывковъ этой рѣчи, понять истинный смыслъ чудесной болтовни, которая въ теченіе болѣе двухъ часовъ осмѣивала комиссію тридцати, постараемся вы-

яснить со всѣмъ безпристрастіемъ то, что сказалъ Тьеръ и то, что онъ хотѣлъ сказать; потому что съ этою измѣнчивою личностью всегда нужно помнить, что слово дано человѣку для того, чтобы маскировать свои мысли.

Тьеръ начинаетъ съ того, что онъ въ самомъ началѣ сессіи призналъ нужнымъ высказать желаніе, чтобы собраніе издало нѣсколько органическихъ законовъ. Послѣдніе частные выборы внушили нѣкоторое безпокойство консерваторамъ; въ отвѣтъ на эти безпокойства, сдѣлавшіяся всеобщими, и было указано въ концѣ посланія, «что нужно что-нибудь дѣлать». Хотѣлъ-ли онъ разрѣшить вопросъ о монархіи или республикѣ? «Нѣтъ; нынѣшнее поколѣніе было бы черезчуръ самонадѣянно и, скажу даже, дерзко, еслибы оно имѣло претензію на вѣчныя времена регулировать будущее... Никогда ничего подобнаго не приходило намъ въ голову. Мы просто обратили вниманіе собранія на то, что можетъ быть сдѣлано въ настоящее время».

Послѣ этого, Тьеръ указываетъ на опасность, которую представляетъ единая палата въ виду того, что какъ собраніе, такъ и исполнительная власть должны прекратиться одновременно и сверхъ того, всякое недоразумѣніе между ними можетъ поставить весь правительственный механизмъ въ ненормальное положеніе. Достаточно-ли одной министерской отвѣтственности, о которой говорятъ, между прочимъ такъ, какъ будто ея вовсе не существуетъ? Но никто ничего противъ нея не имѣетъ: президентъ всегда готовъ явиться на трибуну дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, оправдывать ихъ, и даже удалиться, если ему будетъ выражено неудовольствіе; всѣ министры готовы сложить свои портфели при малѣйшемъ знагѣ собранія. Поэтому, нельзя серьезно искать средства все спасти и все излечить лишь новымъ регулированіемъ министерской отвѣтственности.

— Позвольте мнѣ сказать, восклицаетъ глава государства:— что я увидѣлъ въ этомъ маневрѣ, направленный лично противъ меня... Имѣли любезность сказать мнѣ, что неудобно, чтобы президентъ республики подвергался подчасъ выслушиванію крайне неприятныхъ ему вещей. Я уже сорокъ лѣтъ какъ привыкъ къ нимъ... Думали, что удаливъ меня изъ собранія, сдѣлаютъ самые кризисы менѣе значительными... Напротивъ того, они только усилятся.

Онъ объявляетъ, что, еслибы въ вопросахъ объ организаціи арміи, о налогѣ на сирье, о подоходномъ налогѣ, палата рѣшила противно его убѣжденіямъ, онъ, несмотря на то, принималъ-ли бы участіе въ преніяхъ или не принималъ, подалъ-бы въ отставку, не будучи въ состояніи отказаться отъ принциповъ всей своей жизни. Такимъ образомъ, онъ и слышать ничего не хочетъ о министерской отвѣтственности, освобождающей отъ отвѣтственности его самого. Добываясь примиренія, онъ принялъ бы просто *modus vivendi*, еслибы только можно было его отыскать. Но только онъ не вѣрить въ *veto*,

предложенное нѣкоторыми; приостановленіе исполненія закона на тридцать дней или на три мѣсяца, не можетъ въ его глазахъ дурной законъ сдѣлать хорошимъ.

Коснувшись совокупности вопросовъ, заключенныхъ въ поправкѣ Дюфора, онъ не колеблется заявить, что дѣло идетъ не только о *существующемъ общественномъ управленіи*, но и о томъ общественномъ управленіи, *которое можно предвидѣть*, однимъ словомъ, что дѣло идетъ объ *организации правительства консервативной республики*.

Рискнувъ сказать это для умиротворенія республиканцевъ, онъ прибавляетъ слѣдующее для монархистовъ:

Д'Одифре-Пакье сказалъ мнѣ, что вы готовы поддерживать французскую республику съ условіемъ, чтобы отъ васъ не требовали *отреченія ни отъ вашего прошлаго, ни отъ вашихъ надеждъ на будущее*. Въ такомъ случаѣ, мы съ вами согласны.

Затѣмъ очень многословно, но не входя ни въ какія подробности организаціи, онъ доказываетъ абсолютную необходимость учрежденія второй *консервативной палаты*, существованіе которой не было бы смертью нынѣшней палаты, но могло бы доставить ей въ свое время средство нормальнаго распушенія. Онъ рекомендуетъ предложеніе Марселя Барта, которое, съ нѣкоторыми измѣненіями, могло бы быть принято, такъ-какъ оно вполне соответствуетъ одному изъ его главныхъ предположеній, — *организации въ самой нынѣшней палатѣ консервативнаго элемента*. Онъ указываетъ, что нужно бы, чтобы этотъ элементъ, вышедшій изъ этого собранія, пережилъ его, и доставилъ бы такимъ образомъ возможность распустить и будущее собраніе, еслибы, въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, страна назначила *нехорошую палату*.

Этотъ аргументъ вполне предъстѣилъ большинство тридцати. Тьеръ, среди своихъ крайне общихъ объясненій, по крайней мѣрѣ очень опредѣленно указалъ на то, что если онъ и старается придать власти громадныя преимущества и силу, то только потому, что они дѣйствительно необходимы на случай борьбы съ вредными ученіями, социализмомъ, на примѣръ, который онъ сравниваетъ съ холерою. Напрасно говорятъ, что онъ требуетъ этой силы и этихъ преимуществъ для себя, онъ дорожитъ властью только потому, что нѣтъ короля, возможнаго въ настоящее время и что нигдѣ нельзя найти диктатора, «такъ-какъ Франція не имѣетъ даже той возможности, которую имѣла римская республика, сыскавъ великаго полководца, возвратившагося къ своему плугу».

Поняли-ли, наконецъ, возстававшіе противъ заключеній посланія 13-го ноября, что «республика Тьера» можетъ быть, болѣе или менѣе медленнымъ подготовленіемъ къ невозможной въ настоящее время монархіи?)

Напрасно утверждали республиканцы, видящіе въ президентскихъ заявленіяхъ только то, что имъ нравится, что Тьеръ, за-

ставить самих роялистовъ учредить республику. Напрасно империалисты и чистые легитимисты послѣ рѣчи 16-го декабря продолжали упорствовать въ своей враждѣ къ президенту, не переставая возбуждать коализованную правую сторону къ непреклонности, — большинство комисіи тридцати было убѣждено президентомъ. Въ комисіи болѣе не обсуждалось абсолютно изолированіе вопроса о министерской отвѣтственности, а допущено распространіе преній на всю совокупность конституціонныхъ вопросовъ, съ учрежденіемъ второй палаты во главѣ. Комисіа поручила своимъ обѣимъ под-комисіямъ войти въ соглашеніе съ правительствомъ для изготовленія сообща конституціоннаго проекта.

Одинъ изъ самыхъ непреклонныхъ представителей іезуитской правой стороны, адвокатъ Эрнулъ, не поколебался уже признать, что комисіа получила полномочіе и обязанность, вопервыхъ, регулировать отношенія между нынѣшнимъ собраніемъ и президентомъ республики; вовторыхъ, разсматривать конституціонные вопросы «въ виду болѣе отдаленнаго будущаго, когда собранія уже не будетъ»; что дѣло идетъ не о томъ, чтобы «сдѣлать изъ вопроса о министерской отвѣтственности острое оружіе противъ правительства», но въ томъ, чтобы посредствомъ взаимныхъ уступокъ «добиться мира, а не продолженія, всегда вредныхъ, врывисовъ и столкновеній».

Наименѣе важная изъ под-комисій, вторая, имѣла 27-го числа въ Версали засѣданіе, въ которомъ она долго обсуждала планъ Марселя Барта. Она получила также новый проектъ депутата департамента Пюи-де-Дома, Таллона, который удерживаетъ конституцію Риве, передаетъ президенту республики пріостановительное *veto*, причемъ всякое постановленіе собранія послѣ вторичнаго обсужденія становится закономъ; уполномочиваетъ Тьера принимать участіе въ законодательныхъ преніяхъ, но притомъ такъ, что палата не будетъ имѣть права вотировать въ его присутствіи; и наконецъ, — въ этомъ-то и заключается вся соль, — откладываетъ сужденіе объ учрежденіи второй палаты, вопросъ о которой долженъ быть окончательно рѣшенъ настоящимъ собраніемъ, при окончаніи полномочій послѣдняго.

Переходя отъ запутанностей Барта къ утонченностямъ Таллона, вторая под-комисіа находится въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи и ожидаетъ, что будетъ дѣлать первая под-комисіа.

Первая под-комисіа съ герцогомъ Девазомъ въ сердцѣ, герцогомъ де-Броули въ хвостѣ и де-Ларси во главѣ, явилась до такой степени уступчивою по отношенію къ Тьеру, что, вмѣсто того, чтобы требовать его пріѣзда въ Версаль, согласилась засѣдать у него, въ разжалованной столицѣ, въ Елисейскомъ дворцѣ. Это событіе совершилось 28-го декабря между десятью часами утра и половиною перваго. Члены комисіи поклялись держать свои совѣщанія втайнѣ, но всѣмъ извѣстно, что пре-

зидентъ говорилъ такъ ловко, что семь мудрецовъ комисіи тридцати, вполне считая себя согласными съ нимъ, въ тотъ же день сочли нужнымъ имѣть въ половинѣ пятаго другое засѣданіе у герцога де-Броули для того, чтобы придти къ соглашенію между собою.

Такъ-какъ въ теченіе первой недѣли новаго года, у президента будетъ очень много другихъ занятій, и свиданій его съ комисіей не произойдетъ, то «эти господа», т.-е. члены под-комисіи, а затѣмъ и самой комисіи принуждены будутъ сами родить что-нибудь къ слѣдующей недѣлѣ. Еслибы это имъ не удалось, безсиліе національнаго собранія высказалось бы какъ нельзя лучше, и необходимость распущенія предстала бы сама собою.

XCV.

Рождественскія вакаціи. Католическая риація.

Еслибы примиреніе не казалось вполне подготовленнымъ къ выгодѣ коализированныхъ монархистовъ, навѣрно-бы членъ правой стороны, — баронъ Шоранъ, — не добился назначенія парламентскихъ вакацій съ 23-го декабря по 6-е января. Еслибы большинство 5-го декабря не считало «необходимаго чело-вѣка» вновь завоеваннымъ своими старыми друзьями, оно бы не вотировало съ такою быстротою и сговорчивостью, какую можно было встрѣтить, да и то съ трудомъ, только въ импера-торскихъ законодательныхъ собраніяхъ, бюджетовъ доходовъ и расходовъ въ два съ половиною миллиарда на 1872 годъ. Тѣмъ обстоятельствомъ, что налогъ на сырѣе не только не далъ 93 милліоновъ, обѣщанныхъ президентомъ, но и не даетъ тѣхъ пяти или шести милліоновъ, о которыхъ говорила бюджетная комиссія 1872 года, оно воспользовалось бы, чтобы нанести чувствительный ударъ Тьеру лично. Оно не пропустило бы расходовъ, потребованныхъ на министерство народнаго просвѣщенія и исповѣданій, не сдѣлавъ нѣсколькихъ нападеній, и даже, быть можетъ, не свергнувъ Жюля Симона, послѣдняго изъ людей 4-го сентября, оставшагося въ кабинетѣ. Оно напало бы на Ремюза, при обсужденіи бюджета министерства иностран-ныхъ дѣлъ, потребовавъ возстановленія свѣтской власти папы, или выразивъ неудовольствіе по поводу нѣсколькихъ атеистскихъ мыслей, будто-бы высказанныхъ нашими посланникомъ при итальянскомъ дворѣ, Фурнье. Оно поставило-бы въ затрудни-тельное положеніе Гуляра, Дюфора и самого Тьера, сдѣлавъ запросъ по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ Нантѣ при возвращеніи лурдскихъ богомольцевъ.

Но теперь монархическое католическое большинство удовле-творилось тѣмъ, что Жюль Симонъ смѣстилъ одного изъ своихъ

друзей деюста, который, бывши профессоромъ философіи въ Швейцаріи, написалъ статью противъ преподаванія священной исторіи въ первоначальныхъ школахъ, и что Гуляръ смѣстилъ президентскимъ декретомъ Нантскаго мера, безпристрастное поведеніе котораго защищалъ самъ Тьеръ въ постоянной коммисіи.

Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ отъ него требовали. Онъ явился совершеннымъ агентомъ «правительства борьбы», возвѣщеннаго въ докладѣ Батби.

— Нельзя—восклиналъ де-Гуляръ съ трибуны—допускать, чтобы меры нашихъ городовъ и селъ забывали свои обязанности и высокую задачу, возложенную на нихъ. Нужно, чтобы они знали, что *высшая администрація постоянно наблюдаетъ за ними*, и что она рѣшилась требовать отъ мѣстныхъ властей строгой отъѣтственности за ихъ непроницательность или бездѣйствіе.

Послѣ этихъ угрожающихъ словъ, нантская администрація отлично поняла свои обязанности. Пять помощниковъ мера сочли своимъ долгомъ также подать въ отставку, но выйдя изъ меріи, не покинули муниципальнаго совѣта. Одинъ только меръ долженъ былъ явиться предъ избирателями, сложивъ съ себя даже званіе члена муниципальнаго совѣта. Но самый совѣтъ остается въ полномъ составѣ, заставляя, согласно закону, правительство избирать администраторовъ этого значительнаго бретонскаго города изъ своей среды.

Клерикалы надѣялись, что всѣ муниципальные совѣтники изъ негодованія сложатъ съ себя свои полномочія, и что коммисія, назначенная министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ самыхъ ревностныхъ консерваторовъ и реставраторовъ, сумѣетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ разрушить все дѣло муниципалитета въ особенности въ томъ, что касается свѣтскихъ школъ.

Эти свѣтскія школы, получающія отъ общины помѣщеніе и субсидіи, уже восемнадцать мѣсяцевъ навлекаютъ гнѣвъ версальской реакціи на ліонскій муниципалитетъ. Только вслѣдствіе всемогущества префекта, опирающагося на осадное положеніе и армію генерала Бурбаки, была возвращена половина ліонскихъ школъ конгрегационистамъ.

Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить центральную мерію Ліона, который будетъ раздѣленъ на округа, по образцу нарижскихъ, причемъ всѣ должностныя лица этихъ округовъ будутъ назначаться центральной властью. Этотъ проектъ, составленный уже очень давно, снова пересматривается по настоянію монархической партіи національнаго собранія. Ліонскій муниципальный совѣтъ хотѣлъ-было во всемъ своемъ составѣ подать въ отставку, чтобы прибѣгнуть къ суду всеобщаго голосованія въ виду правительственнаго произвола; но примѣръ

нантскаго муниципалитета заставилъ отказаться отъ этой мысли.

Мэръ незначительнаго городка въ департаментѣ Котъ д'Оръ, Понталье сюръ Сонъ, Борнье позволилъ себѣ въ письмѣ, преданномъ гласности газетами, протестовать и вызвать протесты другихъ муниципалитетовъ противъ враждебнаго и презрительнаго выраженія министра внутреннихъ дѣлъ:

— *Постоянно наблюдаютъ* за людьми подозрительными, за людьми, осужденными правосудіемъ, за прикащиками, подозреваемыми въ плутняхъ... Я считаю, что министръ республики долженъ бы былъ болѣе приличнымъ образомъ отзываться о скромныхъ выборныхъ, посвящающихъ безъ всякаго вознагражденія свое время и свои труды дѣламъ общины...

Итакъ нужно ожидать, что повсюду, куда только направится министерскій глазъ, муниципалитеты приготовятся къ бою. Тьеръ, которому, во время парижской коммуны, удалось остановить движеніе провинціальныхъ общинъ только тѣмъ, что онъ покаялся муниципальнымъ делегаціямъ охранять республику, знаетъ, что если борьба, начатая де-Гуляромъ, будетъ продолжаться, то правительство подвергнется самымъ смѣшнымъ пораженіямъ.

Когда осенью 1872 года постоянная парламентская комиссія требовала отъ него отставки меровъ, компрометировавшихъ себя на банкетахъ Гамбетты въ Савойѣ и Дофинѣ, онъ отвѣтилъ:

— Это было бы опасно; нужно будетъ избирать ихъ преемниковъ изъ числа муниципальных совѣтниковъ; а такъ какъ мы уже избрали самыхъ умѣренныхъ, то вторичный нашъ выборъ можетъ пасть только на самыя экзальтированныя личности.

Однимъ изъ скандаловъ минувшаго декабря было примѣненіе новаго закона о присяжныхъ, вотированнаго въ началѣ нынѣшней сессіи. Въ различныхъ департаментахъ, напримѣръ, въ Варскомъ, члены генеральнаго совѣта отказались засѣдать въ національныхъ комиссіяхъ, составляющихъ списки присяжныхъ на 1873 годъ, потому что, бывши жертвами государственнаго переворота 1851 года, они нравственно были поставлены въ невозможность засѣдать подъ предсѣдательствомъ чиновника гражданскаго суда, принимавшаго участіе въ тѣхъ отвратительныхъ смѣшанныхъ комиссіяхъ, по милости которыхъ они сами или ихъ отцы подверглись тюремному заключенію, изгнанію и ссылкѣ безъ суда.

Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Буржѣ, даже нѣкоторые члены лѣвой умѣренной стороны отказывались засѣдать вмѣстѣ съ судьями, публично высказавшими самыя анти-республиканскія убѣжденія.

Въ самомъ Парижѣ, въ кварталѣ студентовъ и ученыхъ, въ шестомъ округѣ, комиссія, составленная изъ четырехъ муниципальных и генеральныхъ совѣтниковъ, мера, члена гражданскаго суда и его помощника, мирового судьи и его помощника,

большинствомъ голосовъ устранила Карла Робена, члена института и профессора медицинскаго факультета. Само версальское собраніе не рѣшилось, согласно предложенію Жана Брюне, постановить, чтобы атеисты, наравнѣ съ мошенниками, не могли быть присяжными, простая парижская коммисія позволила себѣ сдѣлать постановленіе, что позитивистъ недостойнъ быть присяжнымъ.

Противъ этого поступка энергически протестовала вся демократическая и либеральная пресса, а студенты на слѣдующей же лекціи Карла Робена сдѣлали большую демонстрацію при крикахъ: «дойой обскурантизмъ! да здравствуетъ наука!»

Гордые своимъ невѣроятнымъ успѣхомъ въ городѣ, въ которомъ родился Вольтеръ и считавшемся такъ долго столицей свободы мысли и цивилизаціи, вожаки клерикальной партіи задумали продолжить на «священной горѣ», на которой возвышается Пантеонъ, возвращенный католическому исповѣданію, непрерывающуюся серію политико-религіозныхъ пилигримствъ Саллетской горы, Лурда и проч.

Рѣшатся ли на парижскихъ улицахъ, передъ школою правовѣдѣнія носить анти-философскія эмблемы, рискуя такимъ образомъ вызвать студентскія демонстраціи?

Католическая пресса напечатала свое воззваніе къ вѣрнымъ столицы и Франціи, приглашая ихъ на богомолье въ праздникъ святой Женевьевы, приходящійся на 3-е января:

— Послѣ великолѣпныхъ демонстрацій, происшедшихъ недавно въ Ла-Салеттѣ, въ Лурдѣ и Орѣ,—писалъ 24-го декабря «Univers», — слѣдовало, чтобъ и Парижъ не остался позади... Монсиньоръ-архіепископъ намѣренъ самъ открыть и закрыть девятидневное празднество... Народъ будетъ вмѣстѣ съ нимъ у этого святилища, въ которомъ находятся мощи той, которая въ варварскія времена спасла Парижъ. Увы! мы все еще въ опасности подвергнуться нашествію еще болѣе опасному, чѣмъ нашествіе гунновъ. Варвары у нашихъ дверей и въ нашихъ стѣнахъ; на семьъ протяженіи Франціи бушуютъ революціонныя волны... Такъ-какъ небо уже два года, съ тѣхъ поръ какъ Пій IX въ плѣну, кажется глухимъ ко всѣмъ нашимъ мольбамъ, то нужно кричать еще громче, чтобы взять какъ бы приступомъ освобожденіе церкви и ея старшей дочери.

Освобожденіе церкви — значитъ завоеваніе Рима, война съ Италіей, Испаніей и Германіей; освобожденіе Франціи, на языкѣ нашихъ чистыхъ, чуть ли не послѣднихъ въ Европѣ, католиковъ, значитъ уничтоженіе всѣхъ свободныхъ мыслителей и науки.

Аллокуція святого отца папы Пія IX, обращенная къ кардиналамъ святой римской церкви, дала 23-го декабря окончательное освященіе всѣмъ прояскамъ католической партіи во Франціи, равно какъ и во всей Европѣ. Протестуя противъ закона о римскихъ конгрегаціяхъ, представляемаго итальянскимъ пра-

вительствомъ въ видѣ поправки къ общему закону, повторяя всѣ свои прежніе протесты противъ закона о гарантіяхъ его духовной независимости и противъ всего, что произошло въ ущербъ его свѣтской власти, противъ всѣхъ ограниченій мнимыхъ правъ церкви въ Германіи, Швейцаріи и Турціи, «непогрѣшимый» предписываетъ всѣмъ епископамъ «собраться съ силами для того, чтобы единодушнымъ усиленіемъ подготовиться къ трудной борьбѣ, которую предстоитъ выдержать церкви противъ нечестія».

Три дня послѣ этого, какъ будто бы онъ тоже былъ членомъ *чернаго интернаціоналя*, посланникъ французской республики при папскомъ дворѣ подалъ въ отставку, не терпя, чтобы его товарищъ Фурнье, полномочный министръ при королѣ итальянскомъ, компрометировалъ французскій католицизмъ почестями, оказываемыми Виктору-Эммануилу и его правительству, и признаніемъ итальянскаго объединенія.

Патріотизму Тьера до сихъ поръ удавалось воспрепятствовать безумцамъ нынѣшняго версальскаго собранія вызвать разрывъ съ Италіею, который, какъ бы онъ ни былъ платониченъ, въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся до полнаго очищенія нешей территоріи, тѣмъ не менѣе осуществилъ бы завѣтную мечту Бисмарка: сдѣлалъ бы невозможнымъ въ будущемъ латинскій союзъ, который одинъ только, вмѣстѣ съ Россіею и славянскимъ союзомъ, былъ бы въ состояніи избавить Европу отъ пангерманскаго владычества. Благодаря независимой политикѣ министра иностранныхъ дѣлъ де-Ремюза и его посланника Фурнье, начиналось уже счастливое сближеніе между римскимъ и версальскимъ кабинетами. Но теперь вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отставкѣ Бургоэна наши благочестивыя газеты повѣстили о назначеніи ему въ преемники де-Корселля, дипломата, принимавшаго самое печальное участіе въ роковой римской экспедиціи 1849 года.

Такимъ образомъ, воспользовавшись поворотомъ имперіи и національными несчастіями католическая партія злоупотребляетъ теперь нѣсколькими недѣлями реакціи, чтобы еще разъ выставить во всей ихъ непривлекательной наготѣ всѣ свои замыслы, столь же опасные для французской національности, сколько и противные общему прогрессу человѣческаго разума.

ХСVI.

Куда идетъ народъ?

Опасеніе, чтобы, въ ожиданіи монархіи, не установилась *католическая республика*, не мало способствовало продолженію движенія въ пользу распущенія собранія, которое, безъ этого,

было бы почти остановлено заявлениями Дюфора и соответствующей деятельностью низших агентов власти.

Замѣчательно, что послѣ адресовъ президенту, подписываются петиціи о распущеніи собранія въ деревняхъ, въ которыхъ нѣкогда вотировали только *да* на плебисцитахъ, и въ которыхъ ни одинъ крестьянинъ прежде не рѣшился бы подписаться подъ чѣмъ бы то ни было политическимъ.

Въ письмѣ, напечатанномъ почти во всѣхъ нашихъ газетахъ, дворянинъ, новообращенный демократъ, графъ де-Токвилль съ искреннимъ удивленіемъ констатируетъ, какъ «истинную революцію», тотъ фактъ, что жители маленькаго городка въ его кантонѣ письменно засвидѣтельствовали, что ихъ интересуютъ общественныя дѣла.

Еще раньше, я указывалъ вамъ на скрытое, подземное образование *сельской демократіи*, проявленіе которой будетъ мирно или ужасно, смотря по тому, произойдетъ-ли оно, благодаря нормальному развитію республиканскихъ учреждений, или-же въ виду клерикальныхъ дворянскихъ реставрацій посредствомъ новыхъ мажорій.

Тѣмъ не менѣе петиціонныя листки, запрещенныя и конфискуемыя во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, не наполняются съ тою быстротою, на которую сначала надѣялись республиканскіе депутаты. Но петиціонное движеніе все-таки не останавливается и грозить продолжаться еще долгое время; мѣстная инициатива заботится о томъ, чтобы сдѣлать это движеніе болѣе методичнымъ и дѣйствительнымъ. По крайней мѣрѣ, въ пятнадцати департаментахъ, по примѣру, данному департаментами Соммы, Вогезовъ, Низшей Шаранты и проч., избиратели обращаются къ своимъ монархическимъ депутатамъ съ письмами, въ которыхъ, объявляя имъ, что они представляютъ мѣстныя, совершенно противоположныя республиканскимъ убѣжденіямъ своихъ избирателей, приглашаютъ ихъ удалиться. Депутаты, подписавшіе манифесты лѣвой стороны, воспользовались короткими рождественскими вакаціями для того, чтобы побѣхать въ департаменты поддерживать и пропагандировать петиціонное движеніе. Республиканская унія и лѣвая умѣренная сторона учредили въ Парижѣ комисію, которой поручено концентрировать петиціи и послѣдовательно представлять ихъ въ бюро палаты по возобновленіи ея засѣданій.

Вторая изъ парижскихъ газетъ, пропагандировавшая послѣ «*Siècle*» распущеніе собранія, «*Corsaire*», *запрещена*, т.-е. приостановлена на неопредѣленное время постановленіемъ отъ 21-го декабря парижскаго губернатора Ладмиро. Постановленіе это было мотивировано тѣмъ, что газета «*Corsaire*» возбуждала ненависть и презрѣніе однихъ гражданъ противъ другихъ и нападала на право и авторитетъ національнаго собранія. Здѣсь собственно имѣлись въ виду двѣ статьи: одна, очень короткая Пьера Дени, указывавшая на то, что открытіе или закрытіе

версальскаго театра возвращаетъ странѣ спокойствіе или отнимаетъ его у ней; другая, очень длинная, романиста Эмиля Золя, описывающаго жалкое состояніе рабочихъ, проистекающее отъ застоя въ промышленности, вызываемаго безпрестанными парламентскими кризисами—и приводящаго въ параллель состоянію рабочихъ ожирѣніе, благосостояніе и сладкій сонъ монархическихъ заговорщиковъ, въ родѣ д'Одиффре-Паке, Брольи, Батби и проч.

Эти господа увидѣли себя въ опасности и послали Праксъ-Пари къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы послѣдній побудилъ шпагу генерала Ладмиро убить газету «Corsaire».

Праксъ-Пари, явившійся въ этомъ случаѣ, какъ и 30-го ноября противъ министра Виктора Лефрана, исполнителемъ высшихъ соображеній монархической коалиціи,—одинъ изъ шестнадцати бонапартистовъ версальской палаты. Пресса этой незначительной партіи сдѣлала доносъ на статью Золя тотчасъ же послѣ ея появленія, и привѣтствовала запрещеніе «Corsaire» выраженіемъ самаго безобразнаго восторга:

— Мы счастливы! восклицаетъ «Pays»: — тѣмъ, что наше вмѣшательство, быть можетъ, было причиною кары, постигшей эту грязную газету.

Имперіализмъ, съ тѣхъ поръ какъ его приняли въ монархическую парламентскую коалицію, сдѣлался, несмотря на свою численную слабость, довольно важною спицею въ колесницѣ. Объявивъ съ комическою торжественностью передъ вотированіемъ 29-го ноября, что онъ откладываетъ осуществленіе своихъ надеждъ ради единства консервативной партіи и спасенія общественнаго порядка, а передъ засѣданіемъ 14-го декабря, что онъ подаетъ голосъ противъ распушенія, хотя можетъ только выиграть отъ обращенія къ народу, за которое онъ постоянно до сихъ поръ боролся, — онъ не упускаетъ ни одного удобнаго и неудобнаго случая поддерживать въ большинствѣ комисіи тридцати недоувѣріе къ президенту республики и возбуждать министерство противъ радикаловъ и радикализма. Онъ хочетъ, чтобы кризисы слѣдовали за кризисами, безпрестанно повторяя въ своихъ газетахъ, почему-то щадимыхъ и ассизными судами и осаднымъ положеніемъ, что одна имперія способна наслѣдовать безсилію однихъ и насиліямъ другихъ.

Бонапартистская клика хорошо помнитъ, какимъ образомъ была сыграна въ 1851 году игра монархической реакціи въ пользу будущаго Наполеона III. Правда, для того, чтобы реставрировать челоуѣка 2-го декабря и Седана, въ ея распоряженіи нѣтъ ни арміи, ни власти; есть только кой-какія старья связи. Но надежды ея поддерживаются тѣмъ, что самъ Тьеръ не отступаетъ передъ примѣненіемъ наполеоновскихъ репрессивныхъ законовъ и что общественные и частные нравы, во времена третьей республики тѣ же, что и во времена второй имперіи.

Общественное вниманіе, по крайней-мѣрѣ въ Парижѣ, было на время отвлечено отъ версальскаго кризиса скандаломъ трехъ самоубійствъ, изъ которыхъ удалось только одно, первое, вызванное сильнымъ проигрышемъ. Два другія имѣли своею причиною любовь, а одно изъ нихъ, Дювала — безумную страсть къ старой куртизанкѣ. Самоубійство сына знаменитаго мясника, изобрѣтателя дювалевскихъ бульоновъ, возстало даже полицію противъ лоретки, которую, какъ иностранку, выслали изъ Франціи. Любопытно было послушать монархическихъ моралистовъ, предающихся ораторству насчетъ «республики пороковъ».

Но ихъ враспорѣчіе не могло устоять противъ нечаяннаго открытія, что почтенная Кора Пирль была фавориткою принца Наполеона, и что она обязана ему своимъ отелемъ на Елисейскихъ поляхъ и своею виллою Лафитъ.

Точно также, если стануть говорить противъ нашей литературы съ ея «Femmes de feu», противъ нашего театра съ его *Heloïse et Abeilard* и его «*Timbale d'argent*», голосъ истины тотчасъ же отвѣтитъ:

— Но это книги и пьесы имперіи, написанныя авторами имперіи, оплаченныя публикою имперіи!

Цензура подрѣзываетъ крылья всему, что старается возродить вкусъ и чувство нашего общества; осадное положеніе и невѣстность относительно завтрашняго дня убиваютъ всякое вдохновеніе въ его зародышѣ.

Доказательствомъ того, что въ истинной республикѣ, дающей полный просторъ талантамъ, серьезныя и нравственныя произведенія явились бы сами собой и имѣли бы громадный успѣхъ, служить оказавшееся у насъ стремленіе къ высокимъ поэтическимъ этюдамъ надъ человѣческими страстями, которымъ объясняются громадныя сборы, доставляемые «*Quo Blas*» въ Одеонѣ, «*Андромахю*», «*Сидомъ*» и «*Британикомъ*» въ французскомъ театрѣ.

Конечно, виновата не республика, — такъ-какъ у насъ существуетъ только пародія ея, — въ томъ, что политика интригъ, осуществляющаяся въ Версали, поддерживаетъ императорское разложеніе и мѣшаетъ пробужденію героическихъ чувствъ.

Буржуазная испорченность царствованія Людовика-Филиппа, подготовившая всеобщее униженіе передъ наполеоновскимъ цезаризмомъ, продолжаетъ теперь, вслѣдствіе возвращенія къ дѣламъ стариковъ тридцатыхъ годовъ, дѣло разложенія «управляющихъ классовъ». Но она распространяется на управляемые классы гораздо меньше, чѣмъ до 1870 года.

Вслѣдствіе преслѣдованій, продолжающихся и до сихъ поръ, — 1872-й годъ кончается, а военные суды еще не окончили дѣло подавленія коммуны 1871 года! Между тѣмъ, наши рабочіе скорѣе окрѣпли, чѣмъ пали духомъ: они потеряли множество иллюзій, и отказались отъ множества несбыточныхъ мечтаній...

Наши крестьяне уже не боятся слова «республика» и повсюду,

гдѣ только было нашествіе, не могутъ равнодушно слышать о плебисцитѣ; не довѣряя болѣе ни попамъ, ни буржуа, они начинаютъ понимать, что общественныя дѣла легко могутъ быть и ихъ собственными дѣлами.

Настроеніе рабочаго народа никогда не было у насъ такъ хорошо, и врядъ ли можетъ быть лучше гдѣ бы то ни было.

Иностранецъ, небывавшій во Франціи уже четыре года, слѣдующимъ образомъ передавалъ мнѣ изумленіе, въ которое онъ былъ приведенъ видомъ нашихъ селъ и городовъ:

— Какой однако это славный народъ! Ни нашествіе врага, ни междоусобная война не могли привести его въ уныніе. Поторопитесь расчитаться съ Германіею, избавьтесь отъ своихъ готическихъ представителей и устраивайте, какъ можно меньше, правительства!... Никто такъ не достоинъ быть свободнымъ, какъ вы. Вы, конечно, не сдѣлаетесь вновь великою военною націею, какою вы имѣли глупость быть; но вы надолго останетесь самыми неутомимыми земледѣльцами и самыми искусными работниками въ Европѣ!

Я принимаю, какъ лучшія пожеланія на новый годъ, прекрасныя слова моего американскаго друга, и самъ отъ души желаю моей дорогой Франціи на наступающій 1873 годъ полного освобожденія національной территоріи, окончательнаго пораженія интригановъ, возвращенія народу всей его независимости и прочнаго установленія республиканскихъ учреждений.

Клодъ Франкъ.

Парижъ 31-го декабря 1872 г.

МОСКОВСКІЕ ГОРОДСКІЕ ВЫБОРЫ.

(Письмо изъ Москвы).

По выборамъ на общественныя должности или въ общественное представительство можно судить о политическихъ способностяхъ и зрѣлости общества. Какъ бы тѣсны ни были размѣры самоуправленія, однако, если необходимое участіе въ общественныхъ дѣлахъ cadaго члена общества слагается въ руки избираемаго представителя, если въ распоряженіе этого представителя отводится порядочный уголокъ cadaго частнаго кармана, неизбѣжно обреченнаго на удовлетвореніе такъ-называемыхъ общественныхъ нуждъ; если у насъ въ общественномъ хозяйствѣ твердо соблюдается поговорка «съ міру по ниткѣ — голому понитокъ», вслѣдствіе чего поборы возвышаются до крайне-дозволеннаго процента, а гдѣ и гораздо больше, — то можно бы было ожидать, что общество наше съ должнымъ прили-

чемъ отнесется къ своему выборному праву, или, по крайней мѣрѣ, не обратитъ въ шутку и въ смѣшки серьезнаго политическаго долга — выбрать вмѣсто себя второго я, который, въ силу своихъ полномочій, можетъ вмѣсто насущныхъ потребностей усладить васъ неощущаемымъ удовольствіемъ заводить на вашъ счетъ то или другое, отчего вамъ ни теплѣе, ни холоднѣе, кормить на ваши деньги цѣлую толпу служащихъ, численность которой и соразмѣрная полезность не вами опредѣляются, и вдобавокъ, не обязанъ отдавать вамъ отчетъ въ своей дѣятельности, ни даже сообразоваться съ вашими мыслями и желаніями, а брать отъ васъ инструкцію даже положительно не можетъ по закону. Вѣдь это стоитъ любой довѣренности на завѣдываніе вашимъ собственнымъ имѣніемъ съ правомъ получения доходовъ: разница только въ томъ, что тутъ значитса половина васъ самихъ, какъ частнаго человѣка, а тамъ — половина васъ же самихъ, какъ лица политическаго. Иностранцы давно сознали силу политическихъ правъ, и у нихъ общественные выборы совершаются съ горячимъ участіемъ; недостатки выборныхъ правилъ, гдѣ они есть, ослабляются у нихъ единодушіемъ и настойчивостію выборщиковъ; а у насъ въ первопрестольной столицѣ эти недостатки еще болѣе усиливаются взаимною отчужденностію и общественнымъ легкомысліемъ, доходящимъ до непростительнаго ребячества.

Недавно, въ Москвѣ происходили первые выборы въ городскую думу по новому «городовому положенію». На основаніи этого положенія, всѣ городскіе обыватели, имѣющіе право голоса, раздѣлены на три разряда по количеству платимыхъ ими податей. Къ первому разряду причислены самыя крупныя плательщики, которые въ сложности вносятъ треть всѣхъ городскихъ сборовъ; ко второму разряду — слѣдующіе за ними по количеству платимыхъ податей, составляющихъ вторую треть общей суммы городскихъ сборовъ, и, наконецъ, къ третьему — всѣ прочіе обыватели, вносящіе въ совокупности остальную треть податей. Первый разрядъ оканчивается податью въ 378 руб., второй — въ 84 руб., а третій — въ 72 копейки. Наибольшій въ пользу города сборъ оказывается за московскимъ купеческимъ обществомъ, которое платитъ 10,819 руб. 71 к.; за нимъ непосредственно слѣдуетъ частное лицо, вносящее въ городскіе сборы 4,153 р. 5 к.; наименьшій же вносъ останавливается на 72 копейкахъ. Каждый разрядъ долженъ, по новому положенію, выбрать 60 гласныхъ, а всѣ три разряда 180 гласныхъ.

23-го ноября происходили выборы по первому разряду. Предложено было въ кандидаты 310 лицъ, а избирателей явилось всего только 77 съ 80 голосами. Всѣхъ же избирателей по этому разряду числится въ спискѣ до 400 человѣкъ. Куда же дѣвались всѣ эти остальные избиратели? Неужели всѣ они были на это время изъ города. Не можетъ быть. Теперь не

нижегородская ярмарка. Куда теперь ѣхать нашимъ капиталистамъ и тузамъ, которые сидятъ по своимъ банкамъ, конторамъ, разнымъ правленіямъ и лавкамъ и аккуратно посѣщаютъ биржу и трактиры? Просто-напросто, большинство ихъ осталось равнодушно къ выборамъ. Представители московскихъ капиталовъ оказались чужды политической жизни. Безъ сомнѣнія, всѣ они наслаждаются въ избыткѣ благами сего міра; всѣ неудобства обывденной жизни, внѣ ихъ совершающейся, не касаются ихъ брэннаго тѣла и не возмущаютъ спокойствія ихъ духа: все это легко устраняется туго набитымъ кошелькомъ. Все, что есть лучшаго какъ въ предложеніи личныхъ услугъ, такъ и въ предметахъ потребленія—все въ ихъ рукахъ; а платежъ податей на одинъ или два процента выше или ниже въ городскую думу для нихъ, разумѣется, ничего не значить. До другихъ имъ дѣла нѣтъ. «Пусть тамъ себѣ выбираютъ какъ знаютъ, а мы знаемъ только самихъ себя да свои дѣла»: такъ, конечно, рассуждало большинство избирателей-капиталистовъ, когда оставалось безучастнымъ и непричастнымъ къ выборамъ. Изъ этого вышло то, что меньшинство, въ четыре раза меньшее, выбирало большинство вчетверо бѣльшее, или, другими словами, избиратели избирали самихъ себя. За то, если въ этомъ случаѣ оказалось такъ мало политическаго и общественнаго чутья, да и вообще мало здраваго смысла, то самые выборы показали, что въ личныхъ расчетахъ мы, какъ говорится, собаку съѣли. Проходить избиратель вдоль по необозримому ряду ящичковъ, на которыхъ вывѣшены имена кандидатовъ; его ведетъ другой—такой же, какъ онъ избиратель, и съ тарелочки подаетъ при каждомъ ящикѣ по одному шарикъ; и думаетъ про себя избиратель, ловко опуская шарикъ налѣво, чтобы не замѣтилъ его жокажъ: «Мое имя вывѣшено тутъ же рядомъ съ прочими, себѣ я положу направо, а другимъ, конечно, надо положить налѣво, чтобы не осилили меня своими бѣлками»... Кончилась баллотировка — и вправду расчесть удался: изъ 310 предложенныхъ кандидатовъ много-ли, какъ вы думаете, получило болѣе половины избирательныхъ голосовъ?—всего только 48. Неужели и шестидесяти лицъ не нашлось стоящихъ быть гласными хотя ради одного лишняго бѣлаго шара? Хорошо же аттестовалъ самого себя первый разрядъ избирателей! Понятно, что тутъ дѣйствовали какія-нибудь постороннія причины, а отнюдь не чувство безпристрастія въ оцѣнѣ личныхъ достоинствъ кандидата. Произведена была вторая баллотировка недостающихъ 12 гласныхъ, но и тутъ только два лица получили слабое большинство, а остальные такъ и поступили въ гласные съ недостающимъ до половины числомъ избирательныхъ голосовъ—въ силу весьма предусмотрительной статьи «городоваго положенія», которая гласитъ, что если надлежащее число гласныхъ не будетъ избрано абсолютнымъ большинствомъ, то недостающее

число ихъ, послѣ второй баллотировки, пополняется по старшинству полученныхъ голосовъ.

Просматривая списокъ этихъ гласныхъ, мы замѣчаемъ, что чуть не всѣ они состоятъ участниками въ разныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя ставятъ себѣ въ особенную заслугу дешевое снабженіе деньгами всѣхъ, кто съ вѣрнымъ ручательствомъ обращается къ нимъ. Будеть-ли это обстоятельство имѣть какое вліяніе на дѣйствія новой думы, этого естественнаго и законнаго печальника о неимущей городской братіи, поважутъ послѣдствія. Не даромъ, однако, объ одномъ московскомъ кредитномъ обществѣ ходили толки, что оно свои капиталы, скопляющіеся изъ мелкихъ частныхъ сбереженій и представляющіе такимъ образомъ плодъ труда небогатыхъ людей, отдавало въ пользованіе однимъ лишь богачамъ, которые и наживались на чужія деньги. Что дума, какъ истинный хозяинъ города, можетъ и должна способствовать удешевленію общественнаго кредита въ пользу городскихъ обывателей—это едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Но вотъ вопросъ: какъ наши новые гласные перваго разряда, эти столпы капитальнаго міра, согласать интересы своихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій съ возможностью такого общественнаго кредитнаго учрежденія, которое непременно должно понизить всѣ преміи и барыши свои не дѣлить по рукамъ учредителей, а обращать на тѣ же пользы и нужды города, и преимущественно бѣднѣйшаго населенія? Намъ кажется, что отвѣтить на это не трудно: будетъ то, что и было, то-есть—ничего. Припомнимъ исторію съ думскими капиталами, на которые такъ зарилось московское купеческое общество взаимнаго кредита. Развѣ не можетъ и впредь приключиться подобная исторія, которая въ переводѣ на болѣе понятный языкъ будетъ означать, что общественная польза, по понятіямъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, должна быть подчинена пользѣ частной, или, что то же, общественный карманъ дозвоительно пересыпать въ частные карманы подъ благовиднымъ предлогомъ заботы о пользахъ и нуждахъ города.

Въ числѣ попавшихъ въ гласные по первому разряду видимъ нѣсколько лицъ, не принадлежащихъ къ избирателямъ перваго разряда. Законъ не воспрещаетъ этого. Да и почему же не пробраться туда, гдѣ есть «свои» прежніе? Баллотировка въ другихъ разрядахъ могла и неудаться по разнохарактерности избирателей; а тутъ, встаети, прошли и другіе «свои», успѣвшіе приспособить для себя исходъ баллотировки по милости кое-какихъ связей, завязанныхъ еще въ прежней думѣ: подборъ «своихъ» нигдѣ не безполезенъ. Во всякомъ случаѣ, хорошо бы было, еслибъ новая дума не видѣла у себя, подобно старой, партію гласныхъ и стадо безгласныхъ. Передовому разряду болѣе, чѣмъ другимъ подобаеъ гражданская доблесть. Мы это говоримъ и желаемъ потому, что во второмъ разрядѣ гласныхъ не видимъ достаточной силы для уравновѣшенія элементовъ

перваго разряда. И второй разрядъ гласныхъ, какъ и первый, должно признать по преимуществу купеческимъ; а въ Москвѣ еще ведется, что меньшіе капиталы, стоя въ зависимости отъ большихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ въ нравственную зависимость, въ какое-то подчиненіе и владѣльцевъ своихъ. Старинная упраздненная купеческая дума доказывала нагляднымъ образомъ, а продолжающая и понинѣ свое бытіе купеческая управа доказываетъ и теперь, что повадка эта еще не перестала существовать, да едва-ли когда и перестанетъ.

27-го ноября баллотированъ второй разрядъ избирателей. Здѣсь опять случилось то же, что и въ первомъ. Избирателей было вдвое меньше, чѣмъ избираемыхъ: 183 голоса баллотировали 328 лицъ и выбаллотировали только 14; остальные не получили абсолютнаго большинства. Опять пришла на спасеніе та же статья «городоваго положенія». Открылась вторая баллотировка, и изъ 92 лицъ первыя 46, по старшинству голосовъ, были внесены въ дополнительный выборный списокъ. Неужели, спрашиваемъ опять, изъ 328 заслужили одобренія только 14? Замѣчательно еще и то, что тогда какъ въ первомъ разрядѣ участвовало преимущественно крупное купечество, во второмъ разрядѣ выбирало преимущественно потомственное и личное дворянство. Интеллигентный классъ избирателей, какъ привыкли его называть, держался той же системы забравованія, какая обнаружилась въ первомъ разрядѣ, и не счумѣлъ провести въ гласные своего большинства. Безъ сомнѣнія, второй разрядъ, платящій подати въ среднемъ размѣрѣ, есть самый разнообразный: въ немъ насчитывается до 1,700 избирателей, а между тѣмъ, изъ этого числа явилось на выборы не болѣе одной десятой! Еслибы стали искать силу интеллигенціи въ третьемъ разрядѣ, то тамъ она была бы задавлена массою 14 тысячъ избирателей, между которыми преобладаютъ элементы вовсе чуждые ей: понятно, что во второмъ разрядѣ должны бы были сосредоточиться усилія средняго класса городского населенія, еслибы только онъ понималъ свои общественные интересы; здѣсь нужно было установить противовѣсъ крупному капиталу; отсюда должно бы было исходить предпочтительно все свѣтлое, живое, существенно-разумное и полезное для города, если только не забывать, что большинство городского населенія состоитъ изъ людей незажиточныхъ, лично трудящихся, для которыхъ насущный хлѣбъ нужнѣе щегольства и первыя потребности жизни важнѣе роскоши. Грустно становится за нашу общественную жизнь. Если избиратели второго разряда и не слѣдовали при баллотированіи ловкимъ пріемамъ себялюбія или самохраненія, чего, впрочемъ, не беремса отрицать, то все-таки наша общественная дѣятельность, нашъ образъ мыслей, наши воззрѣнія и убѣжденія такъ блѣдны, замкнуты, непроглядны, что избиратель, ходя между длинными рядами чернооубгихъ ящичковъ, воображаетъ себя въ темномъ гѣсу. Развѣ услужливый жокажъ,

при какомъ-нибудь ящикѣ, подскажетъ: «хорошій человекъ», или при другомъ махнетъ рукою, что значитъ «негоденъ» — разумѣтся, на личный взглядъ самаго подсказчика. Было ли это такъ на самомъ дѣлѣ — хорошо не знаемъ; но если и было, то нѣтъ ничего страннаго: въ темномъ лѣсу проводникъ никогда не лишній.

Но выборы въ третьемъ разрядѣ, 2-го декабря, были еще курьёзнѣе. Баллотировалось 445 лицъ, а избирателей изъ 14 тысячъ явилось всего только 271 съ 320 голосами. Скажемъ мимоходомъ, что между кандидатами были такіе охотники баллотироваться, что имена ихъ виднѣлись надъ избирательными ящиками во всѣхъ трехъ разрядахъ: вѣроятно, они дѣлали опыты своей популярности, но, какъ кажется, имъ везло больше въ высшихъ разрядахъ; по крайней мѣрѣ, избранные въ первомъ и второмъ разрядахъ, они были забаллотированы въ третьемъ. Изъ 445 кандидатовъ первая баллотировка дала вмѣсто требуемыхъ 60 только 2 гласныхъ, получившихъ не много болѣе половины избирательныхъ голосовъ. И послѣ вторичной баллотировки, предусмотрительный законъ поправилъ дѣло: старшіе по голосамъ изъ забаллотированныхъ провозглашены были гласными. Можно бы сказать, что выборы были очень строги, еслибы они не были такъ смѣшны. Въ третьемъ разрядѣ избирателей преобладало мѣщанское сословіе. Незнакомство другъ съ другомъ было полнѣйшее; ввали шары кому куда вздумалось — зря, наобумъ; даже словоохотливые проводники, полезные для подбора гласныхъ въ другомъ разрядѣ, ничего здѣсь поддѣлать не смогли. Кто-то весьма вѣрно замѣтилъ, что вмѣсто того, чтобы терять цѣлый день на утомительное путешествіе между рядами незнакомыхъ именъ, припиленныхъ къ ящикамъ, на высчитываніе голосовъ, потомъ на вторичное баллотированіе и опять на высчитываніе голосовъ, лучше бы было всыпать жребьи въ шапку, встряхнуть ее хорошенько, и пусть вынимаются первыя 60 именъ: вотъ и гласные! Разницы между тѣмъ и другимъ способомъ выборовъ не было бы никакихъ. Мы подслышали слѣдующій разговоръ двухъ мѣщанъ: «Куда валить?» — «Вали налѣво!» — «А ты?» — «И я стану валить налѣво».

Не на веселыя мысли наводятъ насъ московскіе городскіе выборы. Мы убѣждаемся, что общество наше еще не дозрѣло до политическаго смысла, что оно живетъ еще особенно, половинчатою жизнью, и, слѣдовательно, неспособно ни оцѣнить важности общественнаго долга, ни излить изъ среды своей надлежащаго количества силъ, чтобы повести общее дѣло впередъ. Выборы эти, по выраженію одной московской газеты, являются курьёзомъ, переворачивающимъ тѣ понятія о выборности, которыя составляются по здравому смыслу и по существу дѣла. Чему приписать чрезмѣрное количество выставленныхъ кандидатовъ? — желанію-ли серьезно заняться выборами? Нѣтъ,

потому что, еслибы было такое похвальное рвеніе, то избирателей явилось бы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько больше, чѣмъ избираемыхъ; желанію-ли изъ большаго выбрать лучшее малое?— опять нѣтъ, потому что такъ не забавлялись бы баллотировкою и изъ 310 не выбрали бы только 48, изъ 328—14, а изъ 445—2. При добросовѣстности выбора непременно отыскали бы изъ нѣсколькихъ сотенъ кандидатовъ по 60 достойныхъ гласныхъ. Обстоятельство это объясняется проще. Есть поговорка: «куда кривая не вывезетъ!» Ну, и стали пріятели чертить имена того, другого, третьяго: это была забава, шутка... Сидятъ друзья въ трактирѣ за чайкомъ, ведутъ между собою толковую рѣчь о своихъ дѣлахъ или о чемъ-нибудь другомъ, но только не о предстоящихъ задачахъ новой думы; вдругъ кому-то изъ нихъ попадаетъ на глаза объявленіе о городскихъ выборахъ. Ударявъ по плечу товарища чаепитія: «Постой! дружнице», восклицаетъ онъ съ громкимъ смѣхомъ: — я удружу тебѣ, запишу тебя въ кандидаты!» и бѣжитъ въ думу и записываетъ своего товарища чаепитія, а встать, тутъ же, ради потѣхи, приписываетъ еще нѣсколько именъ, случайно дорогою пришедшихъ ему на память. Дѣло сдѣлано, и дума съ ея задачами снова забыта. Во всѣхъ разрядахъ мотивъ одинъ и тотъ же: частныя отношенія, знакомство личное, дружелюбіе, расчетъ на взаимную поддержку, или просто одно глумленіе и т. п., но только отнюдь не побужденіе сознанаго общественнаго долга, отнюдь не внутренней голось политической совѣсти. По этому поводу намъ приходится въ голову сравненіе: помните-ли, когда впервые учреждена была городская почта, сколько летало писемъ ненужныхъ, какія выходы ребяческія творились подъ патигопеечною маркою! Общество забавлялось городскою почтою какъ дитя новою игрушкою. Такъ и теперь общество отнеслось подѣтски ко вновь введеннымъ прямымъ городскимъ выборамъ: оно бросилось записывать сотнями кандидатовъ и сотнями же браковать ихъ. Это своего рода игра въ шарики. Согласитесь, что во всемъ этомъ слишкомъ мало политическаго такта, а трезвости, общественной мысли — еще меньше.

Другой вопросъ: почему такъ мало избирателей явилось на выборы? Изъ перваго разряда явилось только около одной шестой, изъ втораго—одна десятая, а изъ третьяго—меньше одной сороковой. Отвѣтъ простъ: наше общество равнодушно къ общественнымъ дѣламъ; свои частныя дѣла для него важнѣе, и нетолько свои дѣла, но и свое бездѣлье. Оно не получило политическаго воспитанія; въ немъ не развиты еще политическій смыслъ. Даже тѣ, кто до сихъ поръ стояли впереди другихъ въ думѣ, не позаботились зависящими отъ нихъ средствами сколько-нибудь пробудить въ обществѣ участіе къ дѣламъ думскимъ. Нельзя винить одно общество въ отсутствіи политическаго порыва; виноваты и тѣ, въ чьи руки оно складывало свои полномочія. Нужна была гласность, и гласность печатная.

Впредь общество должно знать, что дѣлають его избранные представители въ засѣданіяхъ общей думы: сидятъ ли только и молчатъ и молча подписываютъ протоколы, или разсуждаютъ, говорятъ, и если говорятъ, то что именно. Для этого общество не должно жалѣть денегъ: печатный органъ думы необходимъ. Въ немъ должны помѣщаться стенографическіе отчеты о каждомъ засѣданіи съ полнымъ текстомъ докладовъ комиссій и со всѣми рѣчами, которыя произносятъ гласные, а также съ отгѣлками, кто изъ гласныхъ явился въ засѣданіе: тогда только общество будетъ въ состояніи слѣдить за своими представителями, оцѣнить дѣятельность и способности каждаго гласнаго, и понемногу войдетъ въ интересъ своего же собственнаго дѣла. Печатный органъ думы — вотъ дѣйствительное средство общественнаго контроля, которое приохотитъ общество къ политической жизни и воспитаетъ въ немъ здравый политическій смыслъ.

Другой недостатокъ въ нашемъ обществѣ тотъ, что, баллотировавъ то или другое лицо, никто изъ избирателей (кромя принадлежащихъ къ известной партіи) не руководится прямою и положительною увѣренностію, что изъ двухъ лицъ въ данномъ случаѣ одно поступитъ такъ, а другое — эдакъ, и не руководится по той простой причинѣ, что у насъ вступающіе на общественное поприще не объявляютъ впередъ своей программы, а напротивъ, тутъ-то и царитъ какая-то таинственность, которую, обыкновенно, стараются прояснить личными измышлениями, догадками и чаяніями самихъ избирателей. Мелочность и скрытность нашей общественной жизни и тяготѣющія надъ нею другія силы и вліянія оставляютъ въ полусумрагѣ общественнаго дѣятеля; зато легко и отгѣчать на вопросъ: почему этому положено больше направо, а тому больше налево? — да такъ, неизвѣстно почему. Если же возможенъ другой отгѣтъ, то ужъ, конечно, въ отгѣтѣ этомъ, сказанномъ не иначе, какъ на ушко, послышатся частныя, личныя соображенія и расположенія, неимѣющія ничего общаго съ требованіями общественнаго долга. Оттого, еслибы случилось, — а это, говорить, дѣйствительно, случилось, — что одному черные шары сочтены были за бѣлые, а бѣлые за черные, то общество и не примѣтило бы такой шероховатости и не подивилось бы, что такой-то гласный попалъ въ выборномъ спискѣ не на свое мѣсто. Понятно, что наша общественная среда даетъ мало элементовъ для политическаго воспитанія; отсюда и такое равнодушіе къ общественному дѣлу и избранію его служителей. На выборахъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, мы видѣли одного господина, который баллотировалъ съ запискою въ рукѣ; въ этой запискѣ онъ намѣтилъ себѣ впередъ, чтобы не спутаться во множествѣ именъ, кому положить направо и кому налево; но этотъ господинъ былъ — не русскій. Иностранецъ отнесся серьезнѣе, добросовѣстнѣе къ будущему составу московской думы, чѣмъ истые москвичи.

Третій вопросъ, который мы задаемъ себѣ: почему московская

интеллигенція не успѣла упрочить за собою на выборахъ и въ составѣ думы по крайней мѣрѣ равенство голосовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ оставляемъ пока открытымъ. И вправду ужъ есть-ли интеллигенція въ Москвѣ? Гдѣ ея силы? Гдѣ ея союзы? Она, безъ сомнѣнія, есть; но лучшая ея часть разбросана безъ права выборнаго голоса; а другая часть, и, можетъ быть, избирательная, еще по сю пору съ самоуслажденіемъ почіеетъ на развалинахъ скоропостижныхъ московскихъ газетъ и журналовъ, величавшихъ себя блюстителями народнаго духа и павшихъ между прочимъ оттого, что даже не умѣли усвоить себѣ и тѣхъ способовъ, которыми привыкъ выражаться русскій народъ въ своей долготерпѣливой жизни. Умный и сметливый русскій мужичекъ знаетъ, съ кѣмъ какъ говорить; суровый опытъ жизни научилъ его различнымъ приемамъ и способамъ высказываться, иногда только намеками и обиняками. Въ затихшій нѣсколькихъ уголковъ Москвы прозабываютъ московскіе мыслители, собираясь на домашнія бесѣды, внимая съ умиленіемъ и подобострастіемъ діалектическимъ упражненіямъ своихъ апостоловъ, или пересыпая изъ пустого въ порожнее мыслями своихъ приснопамятныхъ учителей, отошедшихъ въ вѣчность; но нравственный міръ ихъ такъ же пустыненъ, какъ и самое мѣсто ихъ обители. Шумъ, движеніе, неумолимый говоръ, трудъ, капиталъ и жизнь хлынули туда, гдѣ раздаются непрерывные свистки паровиковъ, или гдѣ скопляются громады выработанныхъ товаровъ, гдѣ идетъ безпрестанная мѣна дѣловой мысли и трудового рубля: тамъ нѣтъ московскихъ мыслителей. Для баричей, проживающихъ свои ренты и выкупныя свидѣтельства или въ долгъ прихваченныя чужія деньги, тѣ врая слышкомъ шумны и даже неприличны; ихъ думы витаютъ въ спокойно-отвлеченномъ мірѣ мнимаго народолюбія, и не живые стимулы дѣйствительной жизни, а развѣ болтовня рьяныхъ барынь-прозелитокъ бесплодно возмущаетъ ихъ нервы. Идите въ сонный, полный гнили и застоя уголокъ Москвы (а такіе углы еще есть въ Москвѣ и называются иногда «дворянской стороною»), и вы непременно наткнетесь на жилище московскаго мыслителя.

Незадолго передъ тѣмъ московская интеллигенція занимала видное мѣсто въ думѣ; но что же особеннаго видѣлъ и получилъ отъ нея городъ? Она даже не въ силахъ была сгладить сословное наслоеніе, которому въ общей думѣ рѣшительно не слѣдъ бы было оставаться, несмотря на прежніе выборы по сословіямъ. Сословность, разумѣется, не могла имѣть ничего общаго съ бессословными, сплошными городскими интересами; оттого для насущныхъ потребностей городскаго населенія, для непосредственнаго отправленія обыденнаго городскаго хозяйства, для облегченія бѣднѣйшаго населенія въ обязательныхъ условіяхъ городскаго общежитія, для удовлетворенія разнообразнымъ нуждамъ мѣстностей, для захолустьевъ городскихъ, гдѣ иногда люди поочередно прикрываютъ рубищемъ свою наготу

и спать на грязномъ полу подъ цыновками, — словомъ, для почвы города ничего сдѣлано не было: аристократничали, потому что «сытый голоднаго не понимаетъ», забавлялись по-большей части золочениемъ верхушекъ, щегольствомъ, или весьма милыми пробами административно-бюрократическаго свойства, или же, что еще проще и пріятнѣе, упражнялись игрою «въ товарищи». Назвать такое товарищество партією было-бъ слишкомъ много для него. Въ представительныхъ учрежденіяхъ и при самоуправленіи партія дѣйствуетъ открыто въ виду своей оппозиціи; гдѣ партія, тамъ и противники ей; споръ и борьба вѣдуться за честныя убѣжденія громко, гласно, и результаты бываютъ благотворны по пословицѣ *du choc des opinions jaillit la vérité*. Нѣтъ, это было просто товарищество, члены котораго говорились поддерживать и проводить друга и обрабатывать что кому хотѣлось: товарищество это получило даже и особое названіе отъ какого-то церковнаго прихода, въ которомъ жилъ одинъ изъ его коноводовъ. Ходили слухи, что передъ выборами оно условливалось кого выбрать и кого не выбирать, и что будто-бъ такъ и сбывалось. Конечно, мы этого навѣрное не знаемъ, да и какъ знать, когда безстрастіе, безмолвіе другихъ, отсутствіе печатнаго органа и всего вызывающаго наружу давали выгодную возможность оставаться въ тиши и въ тѣни.

Такимъ образомъ новая городская дума Москвы получаетъ, по составу своихъ гласныхъ, характеръ купеческій. Это отчасти и справедливо, потому что Москва по преимуществу городъ торгово-фабричный. Но дѣло въ томъ, сдумѣетъ ли новая дума удовлетворить всѣмъ настоятельнымъ нуждамъ города, облегчить подати населенія и понять, что на каждомъ шагу, каждую минуту встрѣчаются мелкія потребности, которая тѣмъ больше дають себя чувствовать, чѣмъ бѣднѣе обыватель, и изъ которыхъ слагается та великая нужда всего города — нужда, которой нѣтъ особаго имени, нужда общая, многообразная, многосторонняя, которая прежде всего заставляетъ вопіять: «нѣтъ въ городѣ хозяина! Нуженъ городу хозяинъ!» Отъ гласныхъ низшихъ разрядовъ мы болѣе всего ждемъ заявленій о настоятельныхъ потребностяхъ города, но съ другой стороны намъ по опыту приходитъ на мысль: что, если и въ новой думѣ проявится законъ видоваго подбора, по которому сильнѣйшая порода беретъ верхъ надъ слабѣйшею? Что если гласные изъ купечества и мѣщанства, гдѣ сила опредѣляется величиною денежнаго капитала и количествомъ векселей, распредѣлятся только на этомъ основаніи на сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ и послѣдніе будутъ безмолвствовать передъ первыми, поддержанными еще нѣсколькими титулованными гласными?..

Наконецъ выскажемъ еще одно соображеніе. Составъ гласныхъ новой думы, на основаніи результатовъ баллотировки, никакъ не можетъ быть сочтенъ за свободно выраженное пред-

ставительство городского населенія, потому что, какъ мы видѣли, большинство гласныхъ было забаллотировано. Законъ восполнилъ этотъ недочетъ гласныхъ; но все же основныя понятія о выборномъ началѣ и о представительствѣ, по нашему мнѣнію, никакимъ образомъ не вяжутся съ тѣмъ страннымъ явленіемъ, которое представили собою описываемые нами московскіе городскіе выборы. Не думайте, чтобы мы стали выводить отсюда какое-нибудь зловѣщее заключеніе. Мы хорошо знаемъ Москву. Она вѣдь шутила, валя въ кандидаты сотни ненужныхъ именъ; она вѣдь забавлялась, валя грудями черныи; она вѣдь глумилась и надъ самымъ правомъ выборовъ, высылая на выборы шестую, десятую, сороковую часть избирателей. Если же это не шутка, не забава, не глумленіе, то по меньшей мѣрѣ полное равнодушіе; а при равнодушіи «кто ни попъ, тотъ батка»: всякій сойдетъ у Москвы за гласнаго, лишь бы только ходилъ въ думу, да своею особою занималъ мѣсто, чтобы засѣданія думы могли считаться состоявшимися.

И такъ первый опытъ примѣненія къ Москвѣ новаго городского положенія вышелъ неудачнымъ. Изъ тысячи предложенныхъ кандидатовъ не было выбаллотировано абсолютнымъ большинствомъ и 180; изъ 15 тысячъ избирателей на выборы не прибыло и 600. Для прежнихъ думскихъ выборовъ по сословіямъ центрами сближенія и знакомства служили сословныя выборы, клубы и разныя сословныя учрежденія. По выборамъ по сословіямъ оказались неудачными для успѣховъ городского хозяйства. Это вѣрно. Введены выборы по разрядамъ, по цензу. Оттуда именно заимствовано это основаніе для дѣленія — мы не доискиваемся; но если оно оказалось удобопримѣнимымъ за границу, то у насъ, какъ кажется, оно не будетъ имѣть такихъ же удобствъ примѣненія. При системѣ прогрессивныхъ налоговъ, оно, пожалуй, и имѣло бы въ свою пользу, то разумное теоретическое основаніе, что тяжесть платимыхъ податей представляется соотвѣтственнымъ количествомъ голосовъ; а безъ этого на дѣлѣ выходитъ, что богатый обыватель, для котораго платежъ городскихъ податей почти нечувствителенъ, имѣетъ за себя въ думѣ цѣлую треть голосовъ, между тѣмъ и несравненно большее количество бѣднѣйшихъ обывателей, изъ которыхъ каждый, пропорціонально своему имуществу, платитъ столько же, сколько и богачь-капиталистъ, но только этотъ платежъ для него весьма ощутителенъ, имѣетъ за себя тоже не болѣе трети голосовъ. Въ сущности, равенства не можетъ быть тамъ, гдѣ, при одинаковомъ податномъ процентѣ, одинаково взимаемомъ съ cadaго обывателя, съ одной стороны, легкость платежа и малочисленность плательщиковъ, а съ другой обременительность платежа и многочисленность плательщиковъ представляются равнымъ числомъ голосовъ. Въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ всѣ другъ другу болѣе или менѣе извѣстны, выборы могли бы быть удачны, то-есть въ гласныя избраны бы были лица дѣйствительно

*

стояща, но за то тамъ, наоборотъ, можетъ произойти дѣленіе на кружки, во вредъ общему дѣлу. Въ Москвѣ, при замѣнотости и разрозненности быта, оказывается другое неудобство: другъ друга не знаютъ и выбираютъ зря, наугадъ, или и того хуже: выбираютъ такъ, чтобы не выбрать, и предоставляютъ самому закону восполнить недостающій составъ гласныхъ. При новомъ выборномъ порядкѣ, только одинъ высшій разрядъ можетъ имѣть свой центръ, именно частныя кредитныя учрежденія: оттого выборы въ этомъ разрядѣ могутъ быть если и не совсѣмъ удачны, то по крайней мѣрѣ сознательны; а это обстоятельство, вмѣстѣ съ третью голосовъ въ думѣ, и дастъ окончательный перевѣсъ высшему разряду надъ прочими. Не знаемъ, много ли чрезъ это выиграетъ городъ, если этому противопоставимъ прямую задачу всякаго управленія и всякаго общественнаго хозяйства, а слѣдовательно, и московской думѣ — доставить наибольшее благополучіе низшимъ классамъ, ввести довольство тамъ, гдѣ его нѣтъ, возвратить городскому населенію, въ образѣ предметовъ благосостоянія, такую же равномерную цѣнность, какую оно само вноситъ въ общественную кассу въ образѣ податей.

Какъ же пособить горю? Намъ кажется, нужно достигнуть того, чтобы каждый гласный былъ избранъ сознательно, по его способностямъ и образу мыслей, чтобы въ гласные поступали одни достойнѣйшіе, чтобы гласные хорошо были знакомы со всѣми мѣстностями столь обширнаго и разнокачественнаго города, какова Москва, чтобы каждый гласный близко принималъ къ сердцу интересы своихъ избирателей, чтобы заботы, попеченія и помыслы гласныхъ равно обнимали всю массу населенія, чтобы никто изъ гласныхъ не былъ ни подъ какимъ давленіемъ, но всѣ гласные были, такъ сказать, нравственно равносильны между собою, чтобы голосъ ихъ былъ голосомъ всѣхъ концовъ и мѣстностей города, всѣхъ слоевъ населенія, чтобы каждый гласный зналъ, отъ кого и для чего идетъ онъ въ думу... Какъ же этого достигнуть? Отвѣчаемъ: надобно, чтобы весь городъ былъ раздѣленъ на избирательныя округа, ну, хоть по церковнымъ приходамъ, и выборы производить бы по этимъ округамъ, безъ всякаго различія сословій и ценза. Тогда изъ cadaго округа явятся въ думу люди наилучшіе, потому что округъ призналъ ихъ таковыми по выбору, съ полнымъ сознаниемъ правильности оцѣнки; и только такимъ путемъ, думаемъ, можно достигнуть наилучшаго состава гласныхъ, а затѣмъ и наилучшаго городского хозяйства. Если эту систему выборовъ (топографическую) можно согласить съ требованіями новаго городского положенія, то тѣмъ лучше. Двойная система выборовъ не есть вещь невозможная. Близкій намекъ на нее можно найти въ нашихъ земскихъ выборахъ, гдѣ, рядомъ съ гласными отъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, являются гласные отъ крестьянскихъ избирательныхъ округовъ.

Z.

ПО ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВОЛОСТНЫХ СУДОВЪ.

Коммисія высочайше учрежденная о волостныхъ судахъ составила, какъ извѣстно, вопросы, подлежащіе ея разрѣшенію, и печатные ихъ экземпляры раздала на мѣстахъ лицамъ, компетентнымъ въ дѣлѣ крестьянскаго управленія съ просьбою дать по нимъ отвѣты.

Однимъ изъ весьма важныхъ вопросовъ представляется: «удовлетворяетъ ли волостной судъ своему назначенію?» На этотъ вопросъ можно отвѣтить весьма условно, какъ условно можно отвѣтить объ удовлетворительности мирового или окружнаго суда. Не обобщая этого вопроса, можно дать такой отвѣтъ: есть мировые судьи дѣльные, есть самодуры, есть и круглые дураки; есть и окружные суды, гдѣ можно въ мутной водѣ рыбу ловить, есть и такіе, которыхъ рѣшенія постоянно отмѣняются высшею инстанціею... Что же отвѣтить послѣ этого о волостныхъ судахъ? Приблизительно вѣрный отвѣтъ будетъ такой же, какой данъ о мировыхъ судахъ.

Что волостной судъ не можетъ назваться вполне удовлетворительнымъ, это фактъ, и что неудовлетворительность эта, главнымъ образомъ, зависитъ отъ экономическаго состоянія крестьянъ это также не подлежитъ сомнѣнію. Изъ многихъ наблюденій дознано, что въ одномъ и томъ же уѣздѣ въ волостяхъ сравнительно богатыхъ волостной судъ лучше, а въ волостяхъ бѣдныхъ—хуже. Это мнѣніе, по всей вѣроятности, вынесла и коммисія при обзорѣ порученныхъ ей 18 губерній.—Кому случилось бывать на волостныхъ сходкахъ при выборѣ старшинъ и волостныхъ судей, тотъ также не можетъ не согласиться съ вышесказаннымъ, ибо какъ много охотниковъ попасть въ волостные старшины, такъ мало—въ судьи. Судьи въ волости суть лица подчиненныя, жалованья имъ не даютъ, и вдобавокъ еще весьма часто они должны рѣшать дѣла такъ, какъ желаютъ старшина или писарь, въ случаяхъ, разумѣется, болѣе или менѣе *интересныхъ*. Не послушаться—нельзя: старшина замучаетъ за недоимки, со свѣту сживетъ. Поэтому судейство въ волостяхъ обратилось въ такую повинность, которую всякій старается съ себя валить. Выбираютъ кого попало, кто изгородь не городитъ, подводъ не правитъ и т. п. Какъ многіе отказываются у насъ идти въ присяжные засѣдатели, стараются избавиться отъ

этой повинности, жалѣя времени и даже тяготятся нравственно быть участниками въ приговорахъ, такъ же неохотно идти въ судьи и крестьянинъ. Каково мужику иногда за 20 версть идти въ волостное правленіе и творить судъ надъ вышеупомянутымъ вліяніемъ, да послѣ тяжелой недѣльной работы, когда отдохнуть хочется, не говоря уже о непріятной обязанности обвинить одну изъ сторонъ, и тѣмъ нажать себѣ непріятеля. Есть, правда, и охотники въ судьи, но не дай Богъ у такихъ судиться бѣдному человѣку. Въ волостяхъ богатыхъ лучше: тамъ и жалованье судьи получаютъ, и сами состоятельны, да и старшина на богатыхъ крестьянъ не можетъ имѣть большаго вліянія.

Крестьяне обыкновенно не прямо обращаются въ судъ: они прежде идутъ къ своему сельскому старостѣ. Староста при помощи «сторонъ» или однолично весьма часто рѣшаетъ дѣло или склоняетъ къ примиренію, и только въ случаѣ неудачи отправляетъ тяжущихся къ волостному старшинѣ для передачи дѣла въ волостной судъ. Вотъ причина, почему дѣлъ въ волостномъ судѣ вообще мало. Крестьяне не охотно идутъ въ волостное правленіе; они охотнѣе судятъ дома, у себя на міру.

Приѣхавъ въ одно волостное правленіе мировой посредникъ. Крестьянинъ обращается къ нему съ жалобой на сосѣда и рассказываетъ со всѣми подробностями дѣло. Выслушавъ жалобу, мировой посредникъ приказываетъ писарю занести ее въ книгу волостнаго суда. Писарь отвѣчаетъ, что жалоба эта уже разобрана судомъ. Мужикъ подтверждаетъ, что дѣйствительно разобрана, «да, что, по закону рѣшили». — Какъ по закону? «Да такъ по закону, совсѣмъ не по нашему». Оказывается, что судъ дѣйствительно примѣнилъ въ своемъ рѣшеніи законъ, разумѣется по инициативѣ писаря. Что-же тутъ прикажете дѣлать? не отмѣнить же рѣшеніе на томъ основаніи, что къ дѣлу примѣненъ законъ, да и нельзя отмѣнить, хотя бы и законъ не тотъ былъ примѣненъ, какой слѣдуетъ. Это не составляетъ повода къ кассациі рѣшенія.

Многіе мотивируютъ необходимость оставленія волостныхъ судовъ «обычнымъ правомъ». Право это, хотя и примѣняется волостнымъ судомъ, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и почти исключительно въ спорахъ о наследствѣ. Но и въ этомъ единственномъ случаѣ обычное право мало-по-малу теряетъ свое значеніе, потому что на него сильно вліяютъ рѣшенія мировыхъ и общихъ судебныхъ учреждений. Вслѣдствіе чего волостные судьи при помощи писаря весьма часто обращаются къ I части X Т. зак. гражд., къ мѣстному положенію 19 февраля 1861 г. и къ другимъ уставамъ, если они есть подъ рукою. Наконецъ и сами крестьяне въ мѣстностяхъ промышленныхъ, при усложняющихся годъ отъ году взаимныхъ отношеніяхъ, не довольствуются обычнымъ правомъ, немогущимъ уже разрѣшить ихъ новыхъ отношеній. Вообще обычай такъ шатокъ и неуловимъ, что трудно заранѣе опредѣлить, чего въ данномъ случаѣ при-

держится судъ: обычая ли, или внушенія свыше, или совѣта старшины или писаря. Словомъ, совершенный просторъ въ рѣшеніяхъ не гарантируетъ ни обычнаго, ни какаго другаго права. Напримѣръ: одинъ крестьянинъ ищетъ съ другаго 6 рублей долгу, не представивъ въ доказательство иска ни росписки, ни свидѣтелей. Отвѣтчикъ иска хотя не призналъ, но судъ, послѣ долгихъ разговоровъ тяжущихся «разломилъ грѣхъ пополамъ», присудилъ взыскать съ отвѣтчика половину иска.—Что это? обычай или другое какое право? Бываетъ и такъ, что при бездоказательныхъ искахъ и жалобахъ судъ обвиняетъ одну сторону на томъ только основаніи, что другая извѣстна судьямъ за человѣка *хорошаго*. Въ большинствѣ случаевъ судьи смотрятъ на лицо, а не на дѣло: порочному человѣку почти никогда дѣла не выиграть, и наоборотъ человѣку именитому на слово вѣрять. Взятоѣ они не берутъ, или берутъ рѣдко. Для этого есть писарь и старшина, которымъ принесутъ полштофъ водки со связкою баранковъ, а иногда бываетъ денежное приношеніе—рубли два-три, не болѣе. Вотъ гдѣ судьи постоянные, несмѣняемые, тамъ и они берутъ, хотя такіе судьи и жалованье получаютъ. Въ тяжбахъ мужа съ женою, предпочтеніе всегда отдается мужу и вообще непрекрасный полъ пользуется преимуществомъ передъ прекраснымъ. Впрочемъ, супруговъ большей частью разбираетъ сельскій староста, онъ же и миритъ ихъ. Но если ссоры ихъ повторяются очень часто, надоѣдать ему, то онъ «приставляетъ» ихъ на волостной судъ.—Одна пара молодыхъ супруговъ постоянно ссорилась, такъ что надоѣла и сельскому, и судьямъ. Въ одинъ изъ судныхъ дней, послѣ долгихъ увѣщаній и угрозъ, одному изъ судей пришла счастливая мысль посадить этихъ супруговъ въ «темную». Остальные судьи согласились на эту мѣру. И что-же? Когда черезъ два часа ихъ выпустили изъ «темной», то они съ улыбкою объявили о заключенномъ мирѣ и обѣщали впредь не судиться. Фактъ знаменательный, доказывающій знаніе судьями человѣческаго сердца, хотя правомъ своимъ они воспользовались черезчуръ широко¹. Еще шире понимаютъ судьи свое право въ дѣлахъ, подсудныхъ мировому или окружному суду. Сплошь да рядомъ волостной судъ или сельскій староста миритъ дѣла о кражахъ, грабежахъ, тяжкихъ побояхъ и т. п. преступленіяхъ, неподлежащихъ, по общему закону, примиренію. Все это и сходить съ рукъ, особенно, если не донесетъ куда слѣдуетъ писарь или не усмотритъ мировой посредникъ.

Волостной писарь въ судѣ играетъ или, вѣрнѣе, могъ бы играть весьма важную роль, роль прокурорскаго надзора. Къ нему обращаются за совѣтомъ по вопросамъ о подсудности и по вопросамъ чисто-спеціальнымъ, касающимся, напримѣръ, положенія 19 февраля и проч. Къ несчастію, писарей хорошихъ мало, а

¹ Это было въ Старорусскомъ уѣздѣ.

мало потому, что хорошаго жалованья не изъ чего дать крестьянамъ; здѣсь опять-таки виновато плохое экономическое состояніе крестьянъ. Правда, что виновато также и неразвитіе, да безграмотность крестьянъ: они не всегда понимаютъ разницу между способнымъ и неспособнымъ писаремъ, часто предлагаютъ нанять за дешевую цѣну только что выучившагося писать въ деревенской школѣ мальчика, но... съ этимъ ничего не подѣлаешь.—Отъ писарей плутовъ, какихъ по Россіи большинство, волостной судъ много страдаетъ, особенно тамъ, гдѣ судьи неграмотные. Онъ и просителей обереть, и судей и старшину запугаетъ, и рѣшеніе напишетъ сподручное и печати къ рѣшенію самъ приложить. Вѣдь печати почти всегда хранятся у него въ столѣ, особенно гдѣ судьи непостоянныя, а очередныя, т.-е. еженедѣльно мѣняющіяся.

Многіе обвиняютъ мировыхъ посредниковъ въ бездѣятельности въ отношеніи волостныхъ судовъ. Но такое обвиненіе едва-ли выдержать строгую критику. Его роль по закону состоитъ въ наблюденіи, чтобы волостной судъ не превысилъ своей власти, а далѣе, въ существо рѣшенія онъ не въ правѣ входить. Учить, что ли, судей? Но волостной судъ не ограниченъ никакимъ закономъ; чему же его учить? Мировой посредникъ, въ случаѣ принесенной ему жалобы или при личномъ усмотрѣніи, можетъ сдѣлать одно: если не соблюдена форма при рѣшеніи, представить мировому съѣзду для отмѣны такое рѣшеніе, если, напримѣръ, вмѣсто трехъ, дѣло рѣшено однимъ или двумя судьями, если старшина присутствовалъ при рѣшеніи, если свидѣтели не вызваны, не вызваны тяжущіяся, разрѣшенъ искъ на сумму болѣе 100 руб., или разрѣшено дѣло, подсудное мировому или окружному суду или сельскому сходу и т. п. Да и странно бы было кассировать рѣшеніе на основаніи, напримѣръ, того, что дѣло рѣшено вопреки извѣстному обычаю или порядку, принятому въ отдѣльной деревнѣ, или если вмѣсто обычая судъ примѣнилъ дѣйствующій законъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что крестьяне не понимаютъ кассациі рѣшеній и жалуются по существу дѣла.

При существованіи этого сословнаго суда, болѣе всего бросается въ глаза неравноправность крестьянъ по дѣламъ уголовнымъ. По закону дѣла о разныхъ мелкихъ проступкахъ, о личныхъ обидахъ между частными лицами, и о проступкахъ противъ чужой собственности цѣнностей до 30 руб. безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ и въ предѣлахъ волости вѣдаются волостнымъ судомъ, который вправѣ присудить виновнаго къ аресту до 7 дней, къ штрафу до 5 рублей и къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Если же на ту же сумму врага произведена въ городѣ или виновный не принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то судить мировой судья, который вправѣ приговорить его къ тюремному заключенію срокомъ до одного года. Такимъ образомъ жившему въ одной деревнѣ мѣщанину-

хлѣбпашцу вздумалось вмѣстѣ съ сосѣдомъ крестьяниномъ отправиться на кражу хлѣба съ гумна, гдѣ онъ лежалъ въ ворохѣ непровѣянный. Уговоръ однако не состоялся, и они отравились на кражу порознь. Мѣщанинъ, взявъ съ собою два мѣшка, забрался въ гумно, гдѣ съ поличнымъ и былъ пойманъ, а крестьянинъ наканунѣ былъ пойманъ въ кражѣ мѣшковъ, которыми онъ думалъ запастись для кражи хлѣба. Какъ уговора и сообщества между ними не было, то мѣщанинъ судился у мирового судьи и былъ приговоренъ въ тюрьму на 4 мѣсяца, а крестьянинъ, по рѣшенію волостнаго суда, былъ приговоренъ къ 3 рублевому штрафу и 3-хъ дневному аресту. Такимъ образомъ за одинъ и тотъ же проступокъ виновные понесли совершенно разныя наказанія. По дѣламъ гражданскимъ есть также своего рода неудобства: крестьяне кромѣ надѣла часть сообща владѣютъ землею въ нѣсколько десятковъ десятинъ, участниковъ въ которомъ бываетъ ихъ нѣсколько, такъ что на каждаго приходится десятины 2—4 и менѣе, цѣнностію въ 10—20 рублей и менѣе. Если о такой полоскѣ, къ несчастію, возникаетъ тяжба, то тяжба неподсудна ни волостному, ни мировому суду, а придется обратиться съ нею въ окружной судъ, отстоящій отъ мѣста жительства на 200—300 и болѣе верстъ. Кромѣ издержекъ на проѣздъ нужно расходовать деньги на написаніе прошенія, гербовую бумагу, разныя пошлины—и выходить, что овчинка не стоитъ выдѣлки, искъ дешевле расходовъ на него. То же бываетъ и при раздѣлѣ наслѣдства цѣнностію болѣе 100 руб., если въ числѣ имущества окажется избушка, стоимостію не дороже 15 рублей.

Изъ всего вышеназложеннаго о волостныхъ судахъ вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) волостной судъ не имѣетъ никакой самостоятельности, такъ-какъ онъ подверженъ всякаго рода вліяніямъ. 2) Волостной судъ не народный судъ, ибо онъ ни по формѣ, ни по внутреннимъ своимъ качествамъ не соотвѣтствуетъ своему первообразу, суду мірскому, не представляетъ собою гарантіи суда общественнаго, и не отвѣчаетъ всѣмъ нуждамъ народа. 3) Составъ суда слагается не изъ лицъ, дѣйствительно заслуживающихъ уваженія, ибо служба эта есть такая же повинность, какъ отправленіе подводъ, починка изгородь, дорогъ и т. п., для которой нужны не здоровая голова, а способныя къ отправленію этой повинности ноги и руки. 4) Волостной судъ, при существованіи суда мирового и окружнаго, производитъ неравноправность передъ судомъ лицъ, стоящихъ въ общественной жизни въ одинаковыхъ условіяхъ.

При всѣхъ исчисленныхъ неудобствахъ люди, близко стоящіе къ крестьянамъ, все-таки убѣждены, что безъ крестьянскаго сословнаго суда не обойтись. Всякому извѣстно, что сдѣлки между крестьянами и всякаго рода между ними обязательства совершаются большею частію на словахъ, при свидѣтеляхъ. Этотъ порядокъ преимущественно развитъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

населеніе неграмотное. Поэтому и волостной судъ при бездокументныхъ тяжбахъ принимаетъ въ доказательство долга свидѣтельскія показанія, что въ мировыхъ и общихъ судахъ, за силою 409 ст. уст. гражд. суд., не допускается. Правда, что больше 10—15 рублей никто на слово не повѣритъ или беретъ закладъ, но въдѣ отъ 10—15 руб. часто зависить все состояніе крестьянина, и не обращать на это вниманія нельзя. Нельзя также ставить аргументомъ и того обстоятельства, что и во всякомъ сословіи сплошь да рядомъ даются деньги и заключаются сдѣлки на словахъ; мало-ли дается задатковъ и дѣлается уплатъ за работу, за издѣлія и за товаръ безъ росписокъ; но тутъ не всегда руководить необходимость, которая играетъ главную роль въ неграмотномъ крестьянствѣ.

Коммисія о волостныхъ судахъ, какъ слышно, пришла въ принципѣ къ тому убѣжденію, что крестьянскій сословный судъ необходимъ, что его слѣдуетъ оставить, но изъять изъ его вѣдомства дѣла о преступленіяхъ противъ чужой собственности, т.-е. кражу, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества. Въ какой степени коммисія полагаетъ сдѣлать волостной судъ компетентнымъ въ гражданскихъ дѣлахъ, объ этомъ ничего не слышно, и думаетъ-ли она оставить волостной судъ въ той же формѣ и при тѣхъ же условіяхъ, объ этомъ также ничего не слышно. Въ проектахъ у нея недостатка нѣтъ: каждый мировой посредникъ, почти каждый предсѣдатель управы и предводитель дворянства сказали свое слово по этому предмету, и большинство стремится, какъ слышно, къ уничтоженію волостныхъ судовъ, ибо странно хвалить мужицкій судъ, когда такъ много порицаній слышно даже на мировой дворянскій судъ. Съ другой стороны много есть сторонниковъ и волостнаго суда, такъ-какъ уничтожь его совсѣмъ, придется поплатиться своимъ карманомъ, увеличить число мировыхъ судей въ уѣздѣ.

Крестьяне, какъ выше замѣчено, при возникновеніи между ними тяжбы, прежде всего идутъ съ жалобою къ своему сельскому, и тотъ, при помощи «сторонъ» или однолично, разбираетъ дѣло. Такимъ порядкомъ оканчивается множество дѣлъ, это фактъ безспорный; иначе чѣмъ же объяснить, что волостной судъ при тысячномъ населеніи рѣшаетъ 40—50 дѣлъ въ году. Этотъ судъ въ народѣ называется *«третнимъ»*, и онъ, при существованіи волостнаго суда и деревенской сходки, не считается окончательнымъ: никто недовольному не помѣшаетъ идти въ волость, хотя часто и осуждаютъ его за это.

Примѣняясь къ этому обычаю, слѣдовало бы для мелкихъ дѣлъ оставить этотъ судъ и облечь его нѣкоторою юрисдикцію; предоставить тяжущимся избирать одного или нѣсколько судей для третейскаго разбора, примѣнивъ сюда 2, 3, 4 и 5 пункты прилож. къ 55 ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд., т.-е. свободный выборъ судей изъ разныхъ сословій въ нечетномъ числѣ. Суду этому предоставить право рѣшать

дѣла не окончательны и письменное производство не дѣлать обязательнымъ. Апелляціонною судебною инстанціею долженъ быть сельскій сходъ, которому и приносить жалобу сторона, недовольная рѣшеніемъ первой инстанціи. Такія дѣла на сходѣ должны рѣшаться, на основаніи 55 ст. общ. полож., простымъ большинствомъ голосовъ, съ примѣненіемъ правилъ, означенныхъ въ 48, 49, 52, 53, 56 и 57 ст. общ. полож., т. е. условія, при которыхъ сходъ и приговоръ считаются законными. Но въ этомъ случаѣ письменное производство становится необходимымъ; тутъ слѣдуетъ составленіе мірскаго приговора, въ которомъ бы значилась сущность рѣшенія третейскаго суда, и рѣшенія сельскаго схода, а самый приговоръ долженъ быть внесенъ въ книгу и засвидѣтельствованъ старшиною.

Нужна-ли при такомъ судѣ кассационная инстанція? Нужна потому, что судъ этотъ можетъ рѣшить дѣло совсѣмъ ему неподсудное, можетъ быть и приговоръ составленъ незаконно и т. п. А для этого слѣдовало бы кассационною инстанціею сдѣлать сѣздъ мировыхъ судей, для котораго, при кассациіи рѣшенія, руководствомъ должно служить, какъ положеніе 19-го февраля 1861 г., такъ и судебные уставы 1864 года.

Теперь о подсудности. По дѣламъ гражданскимъ вѣдомству сельскихъ судовъ должны бы подлежать гражданскіе искъ цѣнностью въ 10—15 рублей не болѣе, о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла. Такая норма подсудности основана на томъ, что бездокументныхъ исковъ на большую сумму почти не встрѣчается. Сельскимъ же судамъ слѣдовало бы предоставить всѣ споры о наследствѣ, но также въ средѣ крестьянскаго надѣла, не ограничивая ихъ ни суммою, ни свойствомъ имущества. Это обстоятельство вытекаетъ какъ изъ обычнаго права въ порядкѣ наследованія, такъ и изъ 38 ст. общ. о крест. полож. 19-го февраля 1861 г., подтверждающей это право. Кромѣ того, личные семейные раздѣлы по закону подлежатъ также рѣшеніямъ сельскаго схода.— По дѣламъ уголовнымъ, сельскимъ судамъ слѣдовало бы предоставить только тѣ дѣла, которыя по закону (18, 19 и 20 ст. уст. о нак., вал. мир. суд.) могутъ быть оканчиваемы миромъ. Сюда, согласно 18 ст., относятся 20, 84, 103, 130—143 и 145—153 ст. уст. о нак., вал. мир. суд., а именно: кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества между супругами, родителями и дѣтьми (ст. 20). Притѣсеніе судовщиковъ: при снятіи груза съ судна, подвергшагося крушенію, при съемкѣ судна, занесеннаго на берегъ, при добываніи судна изъ неудобнаго мѣста, при ставкѣ зимовокъ для караула, а равно вырваніе столбовъ, поставленныхъ для чалки судовъ (ст. 84). Сообщеніе другимъ, происходящей отъ неопределенности заразной болѣзни (103 ст.). Оскорбленіе чести обидою на словахъ, на письмѣ, обидою дѣйствіемъ и клеветою (130—138). Угрозы разнаго рода, самоуправство и насиліе (139—142). Отказъ въ

доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій (143 ст.). Самовольное на чужихъ земляхъ, но не въ видѣ кражи, срываніе плодовъ или овощей, собираніе ягодъ или грибовъ, поврежденіе деревьевъ въ садахъ или срываніе садовыхъ цвѣтовъ, вырѣзываніе дерна, добываніе песку, глины и т. п. (145 ст.). Самовольная охота, рыбная или иная ловля на чужихъ земляхъ или въ чужихъ лѣсахъ и водахъ (146 ст.). Проходъ или проѣздъ черезъ чужіе луга или поля до уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ (147 ст.). Прогонъ скота черезъ чужіе луга или поля, пастбища скота на чужихъ земляхъ или въ лѣсу (148 ст.). Проѣздъ или прогонъ скота черезъ сады или огороды, а равно черезъ луга, поля, рощи и пастбища, обнесенные оградами или канавками, или же когда о запрещеніи проѣзда черезъ нихъ поставлены предостерегательные знаки (149 ст.). Свозъ на чужія земли камней, мусору, палыхъ животныхъ и другихъ нечистотъ (150 ст.). Сопротивленіе при задержаніи животныхъ въ случаѣ травмы, а равно самовольный уводъ задержанныхъ животныхъ (151 ст.). Поврежденіе чужихъ канавъ, изгородей или чужаго движимаго имущества (152 ст.) и, наконецъ, убой или изувѣченіе чужихъ животныхъ. При опредѣленіи наказаній, сельскіе суды должны руководствоваться 1, 2 и 3 пунктами 1 ст. уст. о нак., т.-е. за подлежащія имъ вѣдомству проступки назначать: выговоры, замѣчанія и внушенія; денежныя взыскапія не свыше трехсотъ рублей и арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Всѣ же прочія дѣла, въ предѣлахъ подсудности, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, должны подлежать вѣдомству мировыхъ судей.

Очевидно, что съ изытіемъ изъ подсудности сельскихъ судовъ проступковъ противъ чужой собственности и введеніемъ въ руководство (относительно правила подсудности и высшаго предѣла власти) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, достигается равноправность передъ судомъ, какъ по сословіямъ, такъ и по мѣсту совершенія проступковъ.

Еще нѣсколько словъ о подсудности. Всѣ безъ исключенія дѣла о правѣ собственности на недвижимыя имущества, равно и о правѣ пользованія ими (аренда) исключены изъ вѣдомства мировыхъ судей и подсудны окружнымъ судамъ. Слѣдовало бы, для облегченія мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ, мелкія изъ этихъ дѣлъ передать вѣдомству мировыхъ судей, ибо часто расходы на веденіе такого дѣла, какъ упомянуто выше, превышаютъ стоимость самаго предмета иска и притомъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ для веденія дѣла необходимо имѣть больше знаній, чѣмъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Г. Ф.

29-го ноября 1872 года.

ВТОРАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Январь, 1878).

Если обозрѣватель современной литературы обрѣченъ на постоянное уныніе, оттого что она не особенно проворно двигается, то докладчику о состояніи художествъ остается только переполняться радостью при видѣ вѣдочію совершающагося въ нихъ движенія — даже передвиженія. Дѣло доходитъ до того, что они уже переступаютъ предѣлы своего отечества—Васильевскаго острова, направляютъ стопы въ губерніи, децентрализуютъ эстетическія наслажденія и насаждаютъ по городамъ и въсямъ семяна цѣнителей и, что того лучше, покупателей художественныхъ плодовъ, не всегда находящихъ спросъ въ столицѣ. Все это показала и доказала *первая* передвижная выставка, объѣхавшая, образовавшая вкусъ и облегчившая карманы значительной полосы Россіи — выставка, вознаградившая хорошимъ дивидендомъ мысль, трудъ и затраты на развозку художественныхъ сокровищъ по желѣзнымъ дорогамъ—выставка, наконецъ, передъ святынею которой остановились въ благоговѣнномъ воздержаніи сами желѣзныя дороги и не исцалчили ни одного изъ страждущихъ созданий искусства; болѣе безсмертныхъ, чѣмъ тѣ обыкновенные смертные, которыхъ онѣ довольно обыкновенно колечать. Такимъ образомъ, эстетика и ариеметика подвели итоги въ пользу побѣдоносной выставки, и вотъ уже *вторая* совсѣмъ готова мобилизовать свѣжія художественныя силы. Послѣ параднаго смотра въ академіи, назначено выступленіе въ походъ. Смотри начинается. Неудодно-ли, господа?

Предводительствуетъ вторымъ походомъ г. Крамской (первымъ предводительствовалъ, какъ извѣстно, г. Ге, имѣя во главѣ своего Петра съ сыномъ). Нынѣшній главнокомандующій ведетъ впереди всѣхъ, какъ орудіе большого калибра, своего «Христа въ пустынѣ»; за нимъ слѣдуетъ пѣхота портретовъ и этюдовъ. Далѣе тянутся эшелонами корпуса гг. Боголюбова, Гуна, Ге, Перова и другихъ... Войска отличаются не многочисленностью, но здоровымъ и бодрымъ видомъ; духъ командъ

наилучшій... Посмотрите, хоть бы на М. П. Погодина: какъ побѣдоносно глядитъ онъ въ даль вѣковъ, вводимый туда вмѣстѣ съ халатомъ и тростью, смѣлою — на этотъ разъ почти дерзкою, кистью г. Перова. Это-ли еще не М. П. tout craché, какъ выражаются французы! И его-то, прежде дали вѣковъ, увидитъ даль нашихъ губерній—счастливая!

Впрочемъ, не только знаменитого историка и оратора между жаркимъ и пврожнымъ увидитъ она, но и много другихъ, извѣстныхъ лицъ, которыя, благодаря счастливой мысли нашихъ художниковъ, передвинутся по лицу Россіи. Портреты любимыхъ отечественныхъ писателей, сдѣланные лучшими художниками—чему подалъ примѣръ, если не ошибаюсь, г. Ге—это весьма желанная иллюстрація къ ихъ произведеніямъ, особенно когда эти портреты такъ осмыслены и схожи съ подлинниками, какъ портреты Некрасова и Солтыкова, работы г. Ге, и портретъ Достоевскаго, кисти г. Перова. Послѣдній—вмѣстѣ и картина. Такой свѣжей, мягкой и тонкой живописи, при поразительномъ сходствѣ и глубокой вѣрности въ передачу характера, не только личнаго, но и литературнаго, мы не встрѣчали до сихъ поръ у г. Перова, да и вообще находимъ рѣдко у нашихъ портретистовъ. Авторъ «Записокъ изъ мертваго дома» сидитъ, сомнѣнувъ руки на колѣнѣхъ, погруженный въ безвыходно-скорбную думу... Намъ извѣстна еще только работа г. Ге, къ сожалѣнію, не появлявшаяся на выставкахъ—такая же, если не болѣе могучая и выразительная, горячая, бьющая жизнью и вдохновеніемъ. Это также портретъ, но портретъ, стоющій цѣлой картины! Да, портретной живописи, когда за нее берутся истинные таланты, удается иногда расторгать свои тѣсныя границы. Вѣдь и въ литературѣ живыя и мѣткія характеристики отдѣльных личностей составляютъ предметъ произведеній изящной словесности. Только сухіе, вялые и вѣшніе снимки, копіи, какъ тамъ, такъ и здѣсь, остаются копіями—сподвижниками фотографій и послужныхъ списковъ. Еслибы г. Перовъ написалъ одинъ такой портретъ, какъ Достоевскаго, то его слѣдовало бы уже признать настоящимъ художникомъ; но онъ, написавъ не менѣе мастерски, и совершенно въ другомъ родѣ, съ иными совсѣмъ пріемами, еще другой превосходный портретъ,—тучнаго старика-купца, съ медалью на шеѣ,—какъ-бы состязался кистью съ перомъ Островскаго, и, надо отдать справедливость кисти: Китъ Китычъ воспрянулъ отъ ея прикосновенія во всемъ величіи своего типа! Эта реальная, жирная, широкая (мазками) живопись, мечущаяся въ глаза колоритомъ и мясомъ—поразительная противоположность тому нѣжному тушѣ и блеклости колорита, которыми такъ хорошъ по-своему портретъ Достоевскаго.

Собраніе знаменитостей дополняется на выставкѣ портретами Тургенева, Майкова и Даля; но г. Перовъ ими если и дополняется, то развѣ съ оборотной стороны медали: такихъ плоскихъ, безжизненныхъ, сухихъ — просто совсѣмъ плохихъ пор-

третовъ, даже и выставлять бы не слѣдовало, а, тѣмъ менѣе, командировать во внутреннія губерніи!

Тургеневъ даже чертами лица не вышелъ, а ужъ написанъ — точно вылить изъ чугуна! Майковъ какой-то асфальтовый, а Даль — восковой! Разнообразіе, какъ видите, соблюдено, но остальные условія всё нарушены. Мнѣ даже совѣстно выводить на свѣжую воду, что все это надѣлалъ никто иной, какъ тотъ же г. Перовъ! Я даже готовъ бы этому не повѣрить, да онъ самъ себя на свѣжую воду вывелъ, подмахнувши вездѣ полное свое имя, точно дѣло сдѣлалъ, и горя ему мало!

Портретный отрядъ выставки, самый многочисленный, замыкается работами г. Крамсаго — гр. Бобринскій и этюдъ невзрачнаго, удивительно типичнаго, съ волосами какъ солома, «желтоглазого» мужичонка, — замѣчательной правды и простоты выполнения. Послѣ своихъ извѣстныхъ портретовъ чернымъ карандашомъ, художникъ впервые проявилъ здѣсь большое чувство колорита.

Мундиры, халаты, куртки, сермяги, лица изжелта-сѣроватыя и лица багровыя, измятыя, и тощія, или пухлыя, словно простеганныя, фигуры, какъ «вытрясенный кисетъ» и фигуры, какъ кисетъ набитый очень туго — все это промаршировало, уступая мѣсто аллеямъ, устьямъ рѣкъ, вечерамъ, полуднямъ, пашнямъ, лѣсной глуши, веснѣ, лѣсу и другимъ портретамъ природы, на которые наши пейзажисты, надо имъ отдать справедливость, большіе мастера. Портреты людей и портреты природы, конечно, не высшая сфера искусства: безъ фантазіи и творчества въ ней можно достигать хорошихъ результатовъ, — было бы только врожденно чувство правды и яснаго пониманія того, какой матеріалъ даетъ искусство, чтобы дать пахнуть живой природѣ съ холста, чтобы глянулъ человѣкъ изъ своего мундира или сермяги. Покуда размѣры развитія искусства въ странѣ довольно скромны, какъ и общій уровень ея развитія, добросовѣстное воспроизведеніе дѣйствительности, въ ея реальномъ видѣ, лучше всего умѣряетъ и направляетъ поступательное движеніе искусства. Неумѣренное творчество, при слишкомъ умѣренномъ развитіи, заноситъ туда, куда оно занесло недавно г. Антокольскаго — ваятеля несомнѣнно даровитаго, начавшаго именно портретами, евреевъ по-преимуществу, продолжавшаго достаточно смѣло, какъ разъ въ мѣру, очень экспрессивнымъ Иваномъ Грознымъ и доскакавшагося, наконецъ, до Петра, — такого Петра, у котораго дубинка, того и гляди, сейчасъ пойдетъ въ ходъ; ноздри вздутыя, щоки и нижняя челюсть плотно-звѣрски выставились впередъ; правая рука съ палкою вывернута до вывиха, какъ бы только вѣрнѣе размахнуться и треснуть... Чертопановъ, травящій зайца, не могъ быть переданъ удачнѣе... А между тѣмъ, я убѣжденъ, что художникъ и въ помышленіи не имѣлъ выльзнуть обличительную статую на своего героя, — что это простое недоразумѣніе: пред-

полагалась сила, а вышелъ силачь, затѣвлась фигура величественная, а вышла ходульная; имѣлась въ виду реальность, а получилась шаржа! Нѣтъ, на пегасѣ тоже надо ѣздить умѣючи, иначе заберешься въ такіа дебри, что бѣда! Можетъ быть, г. Антокольскій полагаетъ напротивъ, что фантазія-то тутъ и всего меньше, что это-то и есть самый настоящій, самый реальный Петръ? Вѣдь онъ бывалъ такимъ? Конечно, бывалъ. И если задача состояла въ изнанкѣ великаго человѣка, то она достигнута. Я боюсь, какъ бы на конкурсѣ памятникъ Пушкину, мы не увидѣли нашего поэта съ колодой картъ въ рукахъ. Вѣдь ему случалось-таки играть въ карты! Нѣтъ, не реализмъ, а только недостатокъ чувства мѣры и эстетическаго чутья способны раздуть энергическую и смѣлую личность въ обезумѣвшую забубенность сорвиголовы и драчуна! Ложная мысль, будто люди необыкновенные и палку-то держатъ необыкновенно, и глаза пучать не по-людски! Иностранцы такъ точно понимаютъ нашихъ историческихъ героевъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ французамъ на парижской сценѣ актеръ показывалъ нашего Петра. Царь, что шагъ ступить, то полъ трасется!

Сидеть на кресла — кресла трещать,
Ляжетъ на води — безднм кипятъ,
Града коснется — градъ упадетъ;
Вашни за облакъ рукою бросаетъ...

Гр. А. Толстой описываетъ, какимъ образомъ веймарскій нѣмецъ, играя его Грознаго, катался и прыгалъ по сценѣ въпрямъ... Петербургскому г. Леонидову тоже случается иногда вѣть шагаломъ. Но развѣ это довазываетъ, что вѣть шагаломъ похвально? Или одобряемый театральнымъ райкомъ г. Леонидовъ возбудилъ соревнованіе въ одобренномъ газетнымъ райкомъ г. Антокольскомъ? До чего доводятъ преувеличенія и раекъ, можно съ горестью видѣть даже на такихъ дарованіяхъ какъ у Айвазовскаго. Только строгое отношеніе къ искусству и хорошая школа создаютъ художника: на лицо г. Боголюбовъ, который до сихъ поръ идетъ впередъ, потому что онъ до сихъ поръ учится и учится у природы, этого перваго изъ учителей, заимствуется у нея правдою и свѣжестью мотивовъ, совершенствуется въ ея школѣ, послѣ усидчиваго совершенствованія въ школѣ дюссельдорфскихъ и французскихъ мастеровъ, отъ которыхъ перенялъ, вмѣстѣ съ техникою, тотъ безцѣнный даръ мѣры, вкуса и гармоніи, который устраняетъ навсегда каррикатурно-размашистое и ухорское обращеніе съ искусствомъ, который не поколеблеть толки крикливаго безвкусія и смѣшнаго задора! Я не могу представить себѣ такого благодушнаго человѣка, который пришолъ бы въ трепеть, когда добрый г. Леонидовъ завоюетъ на сценѣ. Или я долженъ допустить, что забавное способно производить совершенно превратное дѣйствіе. Неужто-же приходится предположить что-нибудь

такое въ кругу художниковъ? Неужто оттого, что кто-то рявнулъ, будто гг. Боголюбовъ, Гунъ и др. ничего не стоятъ передъ гг. Корзухинымъ, Пряничниковымъ и не знаю еще кѣмъ, ибо сіи послѣдніе пишутъ «по-русски» (кистью, замѣтьте, пишутъ по-русски—то-то находка!), а первые по-европейски,—неужто кому-нибудь придетъ благая мысль бросить учиться писать и послѣдовать по стопамъ господъ Пряничникова и Корзухина? Это невѣроятно! Что-либо изъ двухъ: или г. Леонидовъ смѣшонъ, или онъ страшенъ? Если страшенъ, то я прихожу въ уныніе—за тѣхъ, кому онъ можетъ не казаться смѣшнымъ.

Настоящая выставка не вполне выясняетъ вопросъ. Если г. Пряничниковъ и обнаружилъ постоянство характера, продолжая писать чисто «по-русски» егерей и цоповъ съ понадыми на тележкахъ, поручая имъ развозить по Россіи нѣкоторое доказательство обуревающего его трепета; если г. Пелевинъ, посулившій вначалѣ крошечными своими сценками изъ внутренней жизни избъ, кухонь и птичьихъ дворовъ, много вкуса и пріятности письма, даже нѣкоторой мелкой наблюдательности,—выросъ въ большаго, но сильно напоминающаго извѣстную Федору, «удильщика», на которомъ только и осталось отъ прежняго г. Пелевина, что дырявая шубка, написанная недурно; если, наконецъ, г. Перовъ, съ его талантомъ, не найдетъ ничего лучше, какъ плѣниться «выгрузкою извести на Днѣпрѣ» и поспѣшилъ закрѣпить это обстоятельство эскизомъ,—совершенно въ добавокъ не понятнымъ безъ надписи, ибо известъ это или снѣгъ напудрили бабъ,—корабляющихся вгору съ мѣшками на спинахъ,—неизвѣстно,—эскизомъ, написаннымъ совершенно «по-русски», за которымъ надо надѣяться, не послѣдуетъ по крайней-мѣрѣ, картины,—если все это отзывается еще самую малость подобіемъ трепета,—то остальные работы свидѣтельствуютъ о положительной неустрашимости художниковъ. Нѣкоторые даже развиваются и совершенствуются необыкновенно быстро, покидая ограниченный взглядъ на специализированье себя одною только отраслью живописи. Такъ г. Маковский (В. Е.), много общающій бытовой живописецъ, является отличнымъ пейзажистомъ и живописцемъ животныхъ! Его «стадо» коровъ на холмѣ, надъ прудомъ, въ сочной свѣжей травѣ, и сочинено и написано съ такимъ вкусомъ, знаніемъ и чувствомъ природы, что хоть-бы любому, искусившемуся въ этомъ дѣлѣ пейзажисту, такъ вѣру! за-то выставленные сцены «точильщикъ» и «нищія», на этотъ разъ ничего не общають. Г. Брюлловъ, авторъ «Жатвы», передалъ не безъ поэтическаго отбѣнка очень будничныи мотивъ: «прошлое лѣто». Молодая женщина, въ траурѣ, идетъ задумчиво по аллеѣ въ скамьѣ, испещренной пятнами солнечнаго свѣта и древесныхъ тѣней... Эта пустая скамья говоритъ ей такъ много! тѣни эти жужжали не одну ее прошлое лѣто.... Добросовѣстный и дѣльный г. Шишкинъ, кромѣ превосходнаго рисунка перомъ, «рѣчка»,—

въ чемъ онъ не имѣеть у насъ соперника,—выставилъ два большихъ пейзажа: 1) березовую рощу весною—свѣжую и правдивую передачу сѣверной растительности, деревьевъ, травы, цвѣтовъ... и 2) лѣсную глушь—почти этюдъ, не смотря на значительные его размѣры. Это одинъ изъ тѣхъ удачныхъ портретовъ хвойнаго лѣса, какіе умѣеть такъ хорошо дѣлать г. Шишкинъ. Трудноба съ пнями и корнями, заплесневѣлыми, обросшими подушками зеленыхъ мховъ, съ нагроможденнымъ валежникомъ, стоячею водою и теменью частыхъ, прямыхъ какъ частоколъ смолистыхъ стволовъ—таковъ мотивъ этюда. Все это передано очень сильно и реально, какъ обыкновенно передаютъ только знатоки своего дѣла. Словомъ въ общемъ я вижу больше движенія, толковаго и утѣшительнаго, болѣе неустрашимости, чѣмъ трепета.

Но уже кто совсѣмъ безтрепетенъ, такъ это гг. Боголюбовъ съ Гуномъ! Представьте себѣ, какую-бы незначительную вещь они ни написали, это навѣрно мастерское произведеніе! какъ-бы вы ихъ работы ни рассматривали—онѣ во всякомъ случаѣ работы художниковъ европейскихъ! И куда-бы они ни поѣхали, непременно навезутъ этюдовъ съ природы! и что бы ни говорили про ихъ «нерусскія» картины, а если они возьмутся ужъ за русскія, то болѣе русскими ихъ никто не напишетъ! Г. Боголюбовъ лѣтомъ былъ за границею—и вотъ плодомъ его поѣздки является «сѣвность», симпатическій отрывокъ симпатической природы окрестностей Зальцбурга, съ сочною, залитою солнцемъ долиною во время покоса, и снѣзаватою горою вдали, перепоясанною облакомъ, какъ шарфомъ... Осенью художнику случилось побывать на невскомъ лиманѣ, и что-же онъ привозитъ оттуда? Обмелѣвшее, увыло-плоское «устье Невы», съ желтыми отмелями, блѣднымъ сѣвернымъ горизонтомъ, Петербургомъ, окаймившимъ его сухо и безпланно, со свозностью тихой, тоже блѣдной и мертво-холодной воды... Если это еще не наша финская лагуна, не сѣверная красавица, то я отказываюсь указать на другаго художника, способнаго передать характеръ петербургской низменности съ правдою еще болѣе неумолимою и въ тоже время, безъ малѣйшаго преувеличенія! Отомъ, какъ эта картина писана и говорить нечего: тутъ сейчасъ видно, что художникъ сѣлъ за нее совсѣмъ готовый, во всеоружіи техники, и написалъ ее сразу, не ища и не добываясь,—оттого она такъ и свозитъ вся этою прозрачною водою и этимъ влажнымъ воздухомъ осени.... Подъ картиною законченная надпись «продана». Академія, конечно, поспѣшила исполнить такимъ образомъ свое собраніе? Нѣтъ г. Третьяковъ, московскій кунецъ, поспѣшилъ пополнить свое! Далѣе вы увидите *всему*: аллею, ручей и лугъ, отъ которыхъ дѣйствительно вѣетъ весною! Что за гармонія и вѣрность тоновъ! важная кисть! И какое разнообразіе въ одномъ и томъ же художникѣ! А этотъ рвуночъ сепіей, гдѣ шальное море навидало,

нагромождено, какъ горы, бѣлыя, высокія валы и идетъ приступомъ на берегъ! Сколько силы, удали и въ тоже время искусства, не допускающаго фантазію даже здѣсь перейти должныя предѣлы. Наконецъ г. Боголюбовъ выставилъ эскизъ большой фрески, написанной имъ на стѣнѣ нашей парижской церкви: «хождение по водамъ». Соплатить съ сюжетомъ, въ которомъ картина обязана войти образомъ, трудно; однако опытный мастеръ и изъ него вышелъ побѣдителемъ. Взволнованное море, барка съ надутымъ парусомъ, несущая испуганныхъ апостоловъ и голова Христа въ дискѣ заходящаго солнца, которымъ художникъ очень ловко воспользовался для замѣны ореола,—таковъ эскизъ г. Боголюбова. Изъ него между прочимъ видно, до какой степени нашему пейзажисту далися фигуры, довершивъ въ немъ всесторонняго художника.

Ближе другихъ стоитъ къ г. Боголюбову своимъ отношеніемъ въ искусству г. Гунъ (авторъ извѣстныхъ эпизодовъ изъ Варооломеевской ночи). Онъ тоже долгое время совершенствовался въ Парижѣ и вообще за границую; онъ тоже не ограничилъ своего развитія одною отраслью художествъ: онъ и портреты пишетъ, и картины, и мелкія сцены, и пейзажи—все съ одинаковою оконченностью и мастерствомъ техники. Водворившись съ нѣкоторыхъ поръ въ Петербургѣ, онъ, однако, какъ бы осматривается, устривается на новомъ мѣстѣ и не предпринимаетъ ничего большаго. Всѣ выставленные имъ въ послѣднее время работы скорѣе этюды, мелочи; но все же въ нихъ столько всегда наложено художественнаго добра, что онѣ способны продержатъ передъ собою дольше многого множества большихъ картинъ. Посадилъ, на примѣръ, г. Гунъ за убогимъ голымъ столомъ, передъ тарелкою варенаго картофеля, краюхою чернаго хлѣба и кружкой воды, сѣдого старика, съ пушистою широкою бородою и высокимъ нагимъ черепомъ, склоненнымъ на жилистыя костлявыя руки... Больше ничего. Не важная, кажется, затѣя? Но, когда вы всмотритесь въ этотъ склоненный черепъ, въ эти пальцы коршуна, во всѣ очертанія этой развалины чего-то могучаго, непреклоннаго, — то вамъ представится невольно цѣлая драма: это непременно обѣднѣвшій потомокъ прогорѣвшаго рыцаря, мѣтавшаго когда-то золото и ужасъ на окрестность, грозы бѣдняковъ такихъ, какъ теперь этотъ, обреченный поддерживать картофелемъ свое никому не нужное, да никому и не страшное существованіе.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Ваха наливался,
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударился...

А ужъ что это за картофель, съ треснувшею въ кипяткѣ кожей! что за хлѣбъ искрошенный, когда его ломалъ старикъ, тарелка, кувшинъ — прелесть! Такъ писать эти вещи у насъ умѣетъ одинъ г. Гунъ. А посмотрите, что онъ умѣетъ дѣ-

дать изъ ~~картинъ~~ картинками акварели! Онъ въ состоянiи нарисовать видъ какой-нибудь «русской слободы» съ такою силой, что висаящая рядомъ, написанная очень сильно, прехорошенькая сцена на дачѣ, масляными красками, барона М. П. Клодта, не убиваетъ ее. Словомъ, г. Гунъ тоже овладѣлъ всѣми техническими средствами полнаго художника. Пренія же его картины, носившія такой драматическій характеръ, даютъ право рассчитывать, что богатые средства г. Гуна будутъ приложены къ сочиненію чего нибудь гораздо серьезнѣе его теперешнихъ работъ¹.

Я полагаю, гг. хозяева настоящаго художественнаго пира не обидятся, если я пропущу нѣкоторыя изъ блюдъ, которыя подгорѣли или не дошли, какъ добрыя намѣренія, недостаточно согрѣтыя достиженіемъ... Вотъ, напримѣръ, чего, кажется, лучше намѣренія г. Мясоедова—передать далеко не комическое, а совсѣмъ иного свойства, положеніе членовъ земской управы—самыхъ-то и есть земскихъ, этихъ сермяжныхъ мужичковъ, оторванныхъ отъ семьи и плуга, для того, чтобы выслушивать цѣлые часы, какъ «господа» промежъ себя разговариваютъ, а потомъ, покуда господскій аппетитъ, всегда возбуждаемый общественными интересами, удовлетворяется въ комнатахъ семгою и растагаями, съ хересами и настойками, разставленными на окошкѣ—въ это самое время горемычно утолять свой голодъ лукомъ да сухимъ хлѣбомъ съ солью, на голой землѣ у подъезда... Да, это мотивъ такой, что надъ нимъ и позадуматься и поработать стѣбитъ! и не завязни г. Перовъ въ извести, онъ сумѣлъ бы изъ того же матеріала, изъ тѣхъ же тиневъ, которые высмотрѣны и очень старательно, г. Мясоедовымъ, а не сочинены на-обумъ, получить далеко не одно намѣреніе! Но г. Мясоедовъ пришелъ къ своей картинѣ не готовый: идеалистъ по призванію и по манерѣ, онъ не совладалъ съ будничной покорностью простой, не протестующей и не казистой драмы въ ея реально-грубой оболочкѣ. Его танеть къ драмамъ трескучимъ, къ бѣдствіямъ, вопиющимъ къ небу о мщеніи, съ пушечной пальбой, мертвыми тѣлами, пожаромъ, разрушеніемъ хижины и великолѣпнымъ спектаклемъ. На лицо его «Сцена въ осажденномъ городѣ». А жаль! тѣ сѣрвельіе мужички куда громче влекутъ въ свою сторону, безъ грома и треска и безъ всякаго спектакля!

И такъ, позвольте отказать отъ подгорѣваго или непоспѣлаго, отъ благонамѣреннаго, но не достигнутаго, и приняться за капитальное блюдо пира—произведеніе, гдѣ намѣреніе вылилось въ одну нераздѣльную форму съ исполненіемъ.

Я говорю о большой картинѣ г. Крамскаго «Христосъ въ пустынѣ» — явленіи столько же замѣтномъ, сколько и неожиданномъ.

¹ Позже явилась на выставкѣ тоже замѣчательная по силѣ колорита акварель барона М. П. Клодта — «стрѣлецъ», въ очень эффектной обстановкѣ русской старины, переданной мастерски.

данномъ, ибо портреты чернымъ карандашемъ, правда, превосходные, и портреты масляными красками, отнюдь не могутъ считаться введеніемъ въ такую историческую картину, съ какою художникъ входитъ прямо въ первые ряды лучшихъ именъ нашей живописи.

Только г. Ге когда-то поразилъ такъ же неожиданно своимъ Іудю (тайная вечера), да рано унесенный чахоткою г. Флавицій, послѣ какихъ-то мучениковъ, завѣщалъ княжну Тараканову.

Однако, восхищаясь прежде Іудю, а теперь Христомъ, многіе ли добромъ поняли тотъ первоначальный источникъ, изъ котораго они вытекли? Вспомнилъ-ли кто о возвеличенномъ нѣкогда выше мѣры, какъ это у насъ бываетъ, и скоро сведенномъ гораздо ниже, чѣмъ слѣдовало, «Явленіи Христа» покойнаго Иванова? Я не удивляюсь даже, если иные придуть въ изумленіе отъ моего сближенія! Мы нарождаемъ авторитеты и изводимъ ихъ скорѣе, чѣмъ компаніи желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ ихъ первоначальные капиталы! Довольно выскочить первому молодцу и крикнуть позичѣе, что Ивановъ выѣденнаго яйца не стоитъ, а вотъ артель художниковъ такъ та начинается школу русской живописи — и мы бѣжимъ прочь отъ картины, на которую положена цѣлая жизнь мысли, труда, изученія и обработки (можетъ быть, доведенной даже далѣе, чѣмъ слѣдовало, но и тѣмъ самымъ уже назидательной), ссылаемъ эту картину въ Москву и дѣтски радуемся дѣтскому лепету начинающихъ художниковъ, иногда и дароватыхъ, но которымъ надо дѣлать пока одно: учиться, и учиться у того же образца, разжалованнаго дѣтскою критикою въ прохвосты!

К счастью, не такъ относятся къ нему дарованія зрѣлыя. Едва ли гг. Ге и Крамской сочтутъ обиднымъ сознаться, что они черпали у источника ивановской школы. Да, потому что, если кто изъ нашихъ старыхъ художниковъ оставилъ что-то похожее на нее, такъ, кромѣ Федотова, именно Ивановъ. Онъ личнымъ примѣромъ и трудомъ завѣщалъ тотъ путь, которымъ достигается серьезное выполнение серьезныхъ задачъ. Онъ сдѣлалъ невозможнымъ поверхностное отношеніе къ сюжету. Онъ заставилъ спускаться гораздо глубже въ смыслъ тѣхъ избитыхъ и гѣмъ только не трактованныхъ эпизодовъ изъ жизни Христа, которые, вслѣдъ за нимъ, трактуются такъ глубоко, осмысленно и здраво гг. Ге и Крамскимъ. Особенно—*зриво*: въ этомъ главная заслуга Иванова и его сподвижниковъ. Малѣйшее уклоненіе въ сторону завело-было одного изъ нихъ въ опасный міръ художественнаго мистицизма, и благо ему, что онъ умѣлъ въ время воспрануть изъ болезненнаго его нрава въ произведеніи здоровомъ, свѣтломъ и жизненно-реальномъ, которое и украсило собою первую передвижную выставку... Можетъ быть, ошибки и заблужденія этого таланта послужили въ пользу выступающаго другого, который является во всей трезвости и про-

стотѣ отношенія къ предмету, на столько скользкому, что каждый невѣрный шагъ велъ къ неизбѣжному паденію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ задаться изобразить тотъ рѣшающій все великое поприще Христа моментъ явленія на проповѣдь, съ чего началъ Ивановъ—моментъ, еще предшествующій явленію, но уже пробившій въ душѣ? Какъ передать, безъ уступокъ правдѣ, во вредъ изяществу и наперекоръ сложившимся идеальнымъ представленіямъ, это изнуренное лишеніями, сожженное полуденнымъ солнцемъ и вѣтромъ пустыни, изрытое точущею думою идеальное лицо? Какимъ образомъ, не разгоня больше мѣры фонтъ, дать почувствовать пустыню? Идея пустоты выражается не иначе, какъ большимъ, незанятымъ пустымъ пространствомъ. Значить, надо взять огромный холстъ и въ немъ поставить маленькую фигуру, какъ точку. Или около нея не окажется пустыни! Однако же художникъ очень счастливо и умно вышелъ изъ затрудненія. Холстъ вовсе не великъ — онъ такъ соразмѣренъ, что фигура, единственная на всемъ холстѣ, не кажется точкою, а вовсе не большая пустота фона кругомъ положительно представляется пустынею. Впечатлѣніе, такимъ образомъ, самое первое, высшее, достигнуто. Передъ вами пустыня каменная, безводная, бесплодная. Сѣрыя груды камней большихъ и малыхъ рассыпаются, раздвигаются, теряясь дальше и дальше на такомъ же сѣромъ кругозорѣ безъ конца... Южную непроглядную ночь готово смѣнить загорающееся розовое утро... Оно едва только тронуло малиновыми лучами курчавую линію облаковъ на краю еще темнаго небосклона; выше онъ начинается уже бѣлѣть весь отъ приближающагося, пока невидимаго солнца... Бѣлесоватый отблескъ разсвѣта посеребрилъ камни, и чуть-чуть тронулъ сбоку лицо, склоненное подъ тяжестью непосильной многонощной думы Христа. Изъязвленные босыя ноги свѣтятся также, какъ и камни ихъ окровавившія, разсвѣтомъ... Утренняя заря занимается позади этой неподвижной фигуры, которая не замѣчаетъ, что вечеръ, ее озарившій, давно погасъ и за темною ночью идетъ утро... Глаза, какъ будто вперенные въ землю, земли не видать—они ничего не видятъ, они смотрятъ все въ тѣ же думы — неисчерпаемыя, бездонныя! Фигура эта здѣсь, она сидитъ на грудѣ камней, на разсвѣтѣ дня; но она отсутствуетъ, и для нея нѣтъ ни разсвѣта, ни камней—одно у нея: развязка, выводъ той задачи, которую она пришла развязать и вывести здѣсь—среди этихъ нѣмыхъ камней, незнавшая много дней иныхъ спутниковъ, вромѣ смѣнявшихся столько разъ серебряныхъ разсвѣтовъ и золотыхъ вечеровъ...

Всмотритесь сперва въ положеніе (позу) фигуры. Руками, сложенными ладонями, съ переплетенными и сжатыми пальцами, отшельникъ оперся на колѣни. Голова склонилась въ задумчивости книзу; губы запеклись отъ жажды... Воспаленные безсонницей глаза, полны рѣшимости и сознанія, что рѣшимость эта не шутка. Процессъ внутренней, долгой борьбы оконченъ—

готовый дѣятель сейчасъ встанетъ, можетъ быть, рѣзкаго луча солнца въ глаза будетъ для этого довольно,—и пойдетъ, явится міру. Все то, что ждетъ его, онъ переживалъ заранѣе, всмотрѣлся въ будущую арену, какъ непрічастный зритель, изъ своей пустыни...

Таково сочиненіе картины г. Крамскаго. Исполненіе не отстаетъ отъ него ни на шагъ. Сразу, можетъ быть, покажется, но только сразу, на минуту, будто наружность такого обаятельнаго лица, какъ Христось, который увлекалъ и очаровывалъ однимъ своимъ появленіемъ сердца, которому женщины считали за счастье утереть ноги волосами—не довольно идеальна, будто ей не достааетъ именно этой красоты обаянія. Но, повторяю, это кажется только сразу. Минута внимательнаго разсмотрѣнія и самая простая сообразительность тотчасъ убѣждаютъ, что лицо, спаленное солнцемъ, измученное тяжелыми днями и недѣлями, проведенными почти безъ пищи и сна, не можетъ обладать вполне обычною красотою, какаѣ бы она ни была! А эта сосредоточенная дума и полумракъ-полусвѣтъ утренней зари,—развѣ онѣ много способствуютъ выгодному освѣщенію наружности? Но печать высокаго ума и великой воли лежитъ вся на этомъ изнуренномъ лицѣ. Черты тонкія и изящныя, избраннаго еврейскаго типа, сила рѣшимости выражается не только въ экспрессіи глазъ и мускуловъ лба, но (да не покажется это страннымъ!) въ рукахъ, худыхъ, нервныхъ, необыкновенно экспрессивныхъ, съ пальцами сжатыми, какъ бы скованными желѣзною волей... Голова и руки такъ дополняются взаимно, что одну нельзя себѣ представить безъ другихъ. И вотъ, между прочимъ, доказательство той цѣльности концепціи, которая вложена художникомъ въ его произведеніе. Говорятъ, онъ работалъ надъ нимъ три года — и этому можно повѣрить: такіа глубокія вещи не создаются разомъ...

У картины, однако, приходится слышать сѣтованія, будто она трактована уже черезъ-чуръ реально. Трактовать предметы художественно можно только или просто реально, или не реально, т.-е. сопрягаясь съ жизнью и дѣйствительностью, или вовсе отрѣшаясь отъ нея—создавая призраки, фантазіи; все же «черезъ-чуръ» и «недовольно» реальное, не можетъ считаться художественнымъ, а потому о немъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если я вижу у г. Крамскаго живой обликъ, фигуру, нарисованную и написанную вѣрно натурѣ, то-есть такую, какими бываютъ люди въ дѣйствительности, съ плотью и кровью, а не призракъ или куклу; если пейзажъ есть передача каменистой, бесплодной пустынной мѣстности, какія встрѣчаются въ природѣ, разсвѣтъ и заря всмотрѣны и нанесены на холстъ, такъ-сказать, совсѣмъ горячіе, на лету, а не составлены изъ вымышленнаго сочетанія красокъ, то я говорю, что картина реальна, и слѣдовательно художественна... и что черезъ-чуръ

близоруки или недовольно дальновидны тѣ, которые этого не видятъ.

И подъ этою капитальною картиною — тоже утѣшительное слово «продана». Конечно, академіи или эрмитажу?—Конечно, тому же г. Третьякову!

И такъ, вотъ судьба трехъ лучшихъ русскихъ картинъ послѣдняго десятилѣтія: злополучная княжна Тараканова, поглощенная при жизни мутною водою Невы, по смерти поглощена глушею провинціи, и неизвѣстно даже у кого она? Произведеніе Крамскаго дѣлается собственностью частной московской галлерей, и только г-ну Ге посчастливилось увидѣть своего Іуду въ академическомъ собраніи русскихъ образцовъ.

Здѣсь у мѣста упомянуть, что г. Третьяковъ, давно и обязательно избавляющій наши казенныя галлерей отъ приобрѣтенія лучшихъ работъ русскихъ художниковъ, готовитъ драгоценное собраніе произведеній отечественнаго искусства, переноситъ незамѣтно центръ тяжести изъ ихъ потомственныхъ владѣній, академіи и эрмитажа, въ свое благоприобрѣтенное. Собранію г. Третьякова, при такихъ условіяхъ, конечно, удастся далеко оставить позади извѣстное праничниковское, для котораго еще существовала, теперь не существующая болѣе, конкуренція эрмитажа и академіи. Первый наполняется «хаосомъ» г. Айвазовскаго и погружается въ «нотопь», а вторая—въ безмятежный сонъ. *Buona notte, mia cara!*

Н. Б.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Существуетъ поговорка: «умнымъ никто не родится». Каждому извѣстно, что иногда родятся такіе дураки, которые до старости никакъ не могутъ сдѣлаться умными; но такъ-какъ это уже исключеніе изъ общаго правила, то на каждаго новорожденнаго позволительно надѣяться, что онъ рано-поздно сдѣлается умнымъ.

Если мы какъ ое-нибудь новое учрежденіе въ государствѣ сравнимъ съ новорожденнымъ ребенкомъ, и примѣнимъ къ нему поговорку, то мы принуждены будемъ увеличить сроки для своихъ надеждъ и упованій по крайней мѣрѣ въдесятеро, потому что въ ребенкѣ уже на четвертомъ или пятомъ году можно замѣтить неизлечимаго идиота, а учрежденіе можетъ просуществовать тридцать, сорокъ лѣтъ, и все-таки казаться небезнадежнымъ.

Въ послѣднее время, почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ (даже и въ нашей Финляндіи) заведены парламенты,

или, по нашему, «говорильни» съ выборными представителями отъ всѣхъ сословій. Цѣль этихъ учрежденій—вездѣ одинакова. и по вышнему виду они очень похожи другъ на друга; но если мы поведемъ это сравненіе дальше вышшняго вида, то увидимъ, что сходство это дальше вышности и не заходить. И Венгрія, и прусскія, и итальянскія провинціи выбираютъ и посылаютъ своихъ депутатовъ въ палаты такъ же точно, какъ и графства Англіи, но обстановка самихъ выборовъ и положеніе избранныхъ въ палатахъ во всѣхъ этихъ конституціонныхъ государствахъ очень мало имѣютъ сходства—не больше того, какое имѣетъ взрослый, вполне сложившійся человѣкъ съ неразумнымъ ребенкомъ. Не такъ-то давно въ газетахъ писали, что въ мѣстечкѣ Могачѣ, въ Венгріи, приготовительное собраніе къ выборамъ окончилось настоящимъ генеральнымъ сраженіемъ, въ которомъ были и убитые и раненые: двое убитыхъ и тридцать раненыхъ. Иногда мирныя эти собранія съ убитыми и ранеными имѣютъ комическую развязку: въ Богларѣ, напримѣръ, 8-го іюня, завязалась—было тоже драка, но она неожиданно остановлена десяткомъ пляшущихъ медвѣдей, ревъ и танцы которыхъ до такой степени обратили на себя вниманіе враждующихъ сторонъ, что онѣ забыли наконецъ и о выборахъ. На прусскихъ и итальянскихъ приготовительныхъ собраніяхъ дракъ, говорятъ, не бываетъ, но за то прусскіе депутаты, сидя въ палатѣ, чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ и не на своемъ мѣстѣ, а итальянцы и вовсе не ѣздятъ на засѣданія, какъ наши почтенные гг. гласные на земскія собранія, которыя у насъ замѣняютъ граничныя говорильни.

Послѣдняя *sessia* нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній почти повсемѣстно отличалась отсутствіемъ «приличнаго числа» гг. гласныхъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ количество съѣхавшихся гласныхъ было до такой степени неприлично по своей умѣренности, что и самыя собранія не могли состояться въ назначенные сроки. Пришлось денька на два, на три отложить, въ ожиданіи: не подѣдетъ ли еще кто, хоть изъ городскихъ, или подгородныхъ гг. помѣщиковъ. Не безынтересно занести въ хронику слѣдующіе факты:

Въ Московской губерніи всѣхъ губернскихъ гласныхъ числится 93—явилось же изъ нихъ 33, т.-е. чуть-чуть побольше трети. На петербургское губернское собраніе, вмѣсто 62-хъ, явилось 28. На новгородское изъ 55-ти—22, да и то, вѣроятно, потому что на собраніи предстояло разрѣшить очень интересное дѣло о баронѣ Косинскомъ, которое сначала вызвало одобреніе управъ, а потомъ ее же и разрушило. Харьковское губернское собраніе, на которое должно бы было съѣхаться къ 1-му декабря 95 гласныхъ,—*вовсе «не состоялось, за неприбытіемъ законченнаго числа гласныхъ»*, т.-е. трети. Въ мѣстной газетѣ не сказано, сколько именно гласныхъ явилось въ залу въ день несостоявшагося открытія, но можно догадываться, что

очень-очень немного. Въ Полтавской губерніи числится ровно *сто* губернскихъ гласныхъ, но 2-го октября собраніе тоже «не состоялось за неприбытіемъ узаконенныхъ тридцати-трехъ съ *третью*». Къ 3-му числу кое-какъ добыли 35 гласныхъ: выбрали двохъ новыхъ — гг. Кабава и Ярмилку, но все-таки и въ этотъ день до конца своихъ занятій довести не смогли: «засѣданіе, за *выбытіемъ изъ зала нѣкоторыхъ гласныхъ*, объявлено было председателемъ закрытымъ» (Журналы полтавск. земск. собр. 1872 г.). Только къ самому концу *сессіи* понаѣхало чело-вѣкъ сорокъ гласныхъ, и все дѣло они успѣли покончить *съ со-семь дней*, вмѣсто двадцати, назначенныхъ *крайнимъ* срокомъ, дольше котораго, безъ разрѣшенія министра, заходить не дозволено. Не служить ли это послѣднее обстоятельство къ чести гг. собравшихся полтавскихъ гласныхъ? При крайне-ограниченномъ количествѣ съѣхавшихся, они успѣли создать въ какіе-нибудь семь, восемь дней все, можно сказать, изъ ничего, тогда какъ другіе, заручившись особымъ разрѣшеніемъ, сидятъ въ полномъ составѣ дней по двадцати-пяти, и все-таки не достигаютъ ни до чего. Нѣсколько ниже читатель, впрочемъ, увидитъ, *чего* именно достигли гг. полтавскіе гласные въ недѣльную свою сессію. Въ Симбирскѣ, изъ 63-хъ явилось на собраніе 21, т. е. въ обрѣвъ «узаконенное число». То же самое отсутствіе «приличнаго числа» гласныхъ повторилось и въ другіхъ губерніяхъ, а, быть можетъ, даже и во всѣхъ безъ исключенія, но, къ сожалѣнію, мы не изъ всѣхъ губерній имѣемъ точныя и подробныя свѣдѣнія¹. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ газетъ, что екатеринославское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 7-го минувшаго ноября, обсуждая вопросъ о томъ, что многіе губернскіе гласные, *считая избраніе свое почетнымъ, а не обязанностию, позволяютъ себѣ никогда не являться въ губернское собраніе*, постановило: такъ-какъ отсутствіе въ собраніи губернскихъ гласныхъ, избранныхъ на трехлѣтіе, замедляетъ ходъ дѣлъ и извращаетъ разрѣшеніе ихъ, то желательно было бы, чтобъ гг. гласные, неимѣющіе возможности присутствовать въ собраніяхъ, извѣщали объ этомъ своевременно уѣздную управу и отказывались бы отъ своего званія, для назначенія на ихъ мѣста кандидатовъ.

Изъ этого постановленія мы ясно видимъ, что равнодушіе гг. губернскихъ гласныхъ къ земскому дѣлу совершенно одинаково

¹ Въ послѣднихъ газетахъ напечатано, что 18-го декабря, г. начальника Харьковской губерніи, по словамъ мѣстной газеты, закрылъ очередное губернское земское собраніе, за недостаткомъ законнаго числа гласныхъ, по случаю *выѣзда нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ города*.

Читатель видитъ, что самыя опасныя дни для нашихъ собраній—первыя и послѣднія: въ первыя не всѣ съѣзжаются, а въ послѣднія—разъѣзжаются съ тоски, слѣдовательно всѣ, болѣе важныя проекты, всего удобнѣе докладывать на пятый или на шестой день по открытіи, когда всѣ желавшіе пріѣхать гг. помѣщики уже съѣхались и съ тоски еще не успѣли разлѣзаться.

выразилось, какъ на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ, такъ и на крайнемъ югѣ и западѣ. Причина этого равнодушія, какъ видно, вездѣ одна и та же: гг. губернскіе гласные считаютъ избраніе свое *почетомъ*, а не *обязанностью*, а между тѣмъ, «*почетъ*» въ томъ именно и заключается, чтобы вѣчно сидѣть сложа руки и шапки ни передъ кѣмъ не ломать. Къ прежнимъ почетнымъ должностямъ и званіямъ (напримѣръ, почетные почитатели, смотрители, почетные граждане и т. п.) судебныя уставы прибавили еще новыхъ: почетныхъ мировыхъ судей, которые понимаютъ свои обязанности къ обществу все-таки по старому, потому что новое вино, налитое въ старыя бурдюки, неизбѣжно и очень быстро приобретаетъ запахъ стараго бурдюка. Каждому болѣе или менѣе извѣстно, какъ поняли наши почетныя мировыя судьи свои новыя обязанности. Должность почетнаго мирового судьи, несмотря на кратковременное ея существованіе, такъ уже ясно вездѣ опредѣлилась, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Тамбовской губерніи, крестьяне называютъ такихъ судей не *почетными*, а по своему, — *потѣшными судьями*, точно такъ же, какъ въ былыя времена передѣляли они изъ уполномоченнаго — *маломочнаго*, изъ мирового посредника — *посредственника*, изъ дворянскаго предводителя — *дворянскаго производителя* и т. п. При выборахъ въ участковыя мировыя судьи все-таки иной разъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, избиратели слегка разсуждаютъ и обдумываютъ, кого бы избрать: не сумасшедшій-ли, не пьяница-ли, не погался-ли разъ или два въ чемъ нибудь неблаговидномъ; при выборахъ же въ почетныя — всѣ сомнѣнія откладываются въ сторону. «Вали, ребята, направо!» — говорятъ крестьяне-избиратели своимъ сотоварищамъ: вѣдь онъ въ потѣшныя!» Такой оригинальный взглядъ отъ избирателей перешелъ и къ избираемымъ. Читатели сами уже знаютъ изъ безчисленнаго множества корреспонденцій, а быть можетъ, успѣли убѣдиться уже практически, какъ трудно разсчитывать у насъ на почетныхъ судей, которые и сами, кажется, считаютъ себя потѣшными. Очень нерѣдко мировой съѣздъ не можетъ состояться по недостатку въ членахъ; *потѣшный* легко бы могъ выручить всѣхъ изъ бѣды, но его не могутъ отыскать по всему уѣзду, а если и отыщутъ, то не пойдеть: я, говорятъ, *почетный* — не обязанъ! Изъ земскихъ гласныхъ только лишь тѣ считаютъ себя не потѣшными, которые выбираютъ въ члены управы, слѣдовательно, получаютъ жалованье, а всѣ остальные считаютъ себя ничѣмъ не обязанными ни передъ кѣмъ. Иной живетъ въ томъ же городѣ, гдѣ, черезъ улицу, малочисленные представители губернскаго земства, собравшись въ обширной, пустой залѣ, въ родѣ залы потерянныхъ шаговъ, не знаютъ, какъ имъ быть по случаю неприбытія «узаконеннаго числа гласныхъ», а «потѣшный» рыскаетъ-себѣ съ визитами по городу. Это невѣроятно, но вѣрно: въ доказательство ссылаюсь на неопровергнутыя корреспонден-

ціи изъ разныхъ городовъ и на постановленія губернскихъ собраний, которыя публично, официальнымъ путемъ заявляютъ, что *«многіе гласные позволяютъ себѣ никогда не являться въ губернское собраніе»*. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», справедливо негодуя на гласныхъ, пренебрегающихъ своимъ дѣломъ, замѣчаетъ между прочимъ: «если, говоритъ онъ, уѣздные гласные, живущіе въ своихъ имѣніяхъ, могли быть затруднены своевременнымъ прибытіемъ, вслѣдствіе плохого состоянія грунтовыхъ путей сообщенія въ настоящее, особенно дурное по погодѣ, время, то это соображеніе никакъ не можетъ быть приложимо къ гласнымъ отъ города Москвы, которые во всякую погоду и по всякой мостовой могли бы, еслибъ пожелали, безъ особенныхъ неудобствъ добраться до Охотнаго Рѣда. А между тѣмъ, изъ 21-ю явились въ собраніе всего лишь четыре чело-вѣка».

Съ большою вѣроятностію можно предположить, что большая часть изъ семнадцати потѣшныхъ московскихъ гласныхъ поутру добралась и до Охотнаго Рѣда, гдѣ продаются съѣстные припасы, а вечеромъ слушала Патти тугъ же, рядомъ съ Охотнымъ, но въ залу дворянскаго собранія все-таки не заглянула, потому что тамъ скучно, да притомъ и наказанія никакого не предвидится, если не пріѣдешь. Совсѣмъ другое дѣло, напри-мѣръ, гимназисты: если гимназистъ поутру прогуляетъ уроки, а вечеромъ осмѣлится появиться въ театрѣ, то ему за это достанется, а гласному что? Кію его смѣетъ тронуть? Подумывали-было прежде штрафы брать съ неявившихся, а прилежныхъ записывать на похвальные доски, которыя можно бы выставить прямо на Охотномъ, у подъѣзда, но эти предположенія, почему-то, нигдѣ не состоялись, да цного патью, или какими нибудь тремя рублями и не прошибешь: иной самъ заѣдетъ, отдастъ, да сейчасъ же и домой! Такое же точно равнодушіе, или даже пренебреженіе къ общественному дѣлу выказали съ своей стороны на московскихъ городскихъ выборахъ и московскіе мѣщане, которымъ, впрочемъ, это простительнѣе, чѣмъ гг. дворянамъ. Изъ числа почти 11 тысячъ московскихъ мѣщанъ и пеховыхъ, приглашенныхъ участвовать въ выборахъ, на лицо явилось ихъ всего 300 чело-вѣкъ, а выбрали изъ нихъ только 13. «Впрочемъ, дѣло еще новое; «авось» попривыкнемъ къ нему; «авось» тѣмъ временемъ и пойдетъ оно у насъ на ладъ: «лиха бѣда начать»,—прибавляетъ отъ себя корреспондентъ. Дѣйствительно, по отношенію къ мѣщанству, занятому мелочной торговлей на «Охотномъ» и «Обжорномъ», можно еще кое-какъ примѣнить это словечко «авось»; но вотъ къ просвѣщенному дворянству оно какъ-то вовсе не въ лицу: люди ничѣмъ почти не занятые, да и дѣло-то уже далеко не новое!

Примѣру матушки Москвы послѣдовали и другіе города, на-примѣръ, Симбирскъ, изъ котораго корреспондентъ «Камско-Волжской газеты» сообщаетъ слѣдующія новости: «съ 1-го де-

кабра начались у насъ застѣданія земскаго собранія, но открытіе его состоялось не безъ труда, потому что—много званнхъ, да мало избранныхъ, т.-е. не полѣнвившихся прѣбывать. Одни не прѣехали за дальностью разстоянія, другіе, — хотя и въ Симбирскѣ, но понимаютъ, вѣроятно, свое званіе губернскихъ гласныхъ такъ, что оно, дѣлая имъ честь, не налагаетъ на нихъ никакихъ обязанностей. Пусть тамъ соберутся 21 человекъ и прохаживаются по огромной залѣ въ томительномъ ожиданіи недостающаго одного, — *этотъ одинъ преспокойно сидитъ въ своемъ кабинетѣ*, и что ему за дѣло, что ему за надобность до тѣхъ общественныхъ польвъ и нуждъ, представителемъ которыхъ онъ избранъ по довѣрію, котораго самъ же, можетъ быть, заслуживалъ? Довѣріе ему оказано, но у него могутъ быть съ собраніемъ какіе нибудь личные счеты за невѣборъ его, положимъ, хоть въ число членовъ управы, и онъ машетъ рукой на общественное дѣло, предоставляя ему идти впередъ или назадъ, или совсѣмъ остановиться на нѣкоторое время. Другой изъ представителей, до собранія, все время проводитъ въ Симбирскѣ, но какъ разъ наканунѣ открытія его вдругъ почувствуетъ надобность повидаться съ своими избирателями въ уѣздѣ, а, можетъ быть, и съ своими питейными заведеніями, находящимися тамъ же, въ самомъ же собраніи избиратели его остаются безъ представительства, и все это считается дѣломъ неважнымъ до такой степени, что объ отсутствіи, о причинахъ этого отсутствія не считается даже нужнымъ почтить собраніе увѣдомленіемъ. Третій въ то время, какъ въ залѣ собранія предсѣдатель и другіе наличные члены волнуются, видя, что ихъ недостаетъ для законнаго состава собранія, шлетъ гонцовъ во всѣ концы города, благодушнѣйшимъ образомъ занимается дома своимъ туалетомъ или дѣлаетъ визиты знакомымъ. Такъ и продолжалось наше губернское собраніе въ первые четыре дня, каждый день ввса на волоскѣ и открывался часами двумя позже противъ назначеннаго срока, по употребленіи всѣхъ средствъ къ тому, чтобы залучить кого-либо изъ равнодушныхъ, хотя бы только для счета.

Гдѣ же причины такого убійственнаго равнодушія, даже презрѣнія къ общественному, земскому дѣлу, которое касается самыхъ близкихъ интересовъ каждаго, потому что блесть по карману? Въ земскихъ сборахъ участвуютъ всѣ сословія, всѣ жалуются на обременительность этихъ сборовъ отъ неравновѣрнаго ихъ распредѣленія, которое вполне зависитъ отъ земскихъ собраній, составленныхъ, какъ бы слѣдовало ожидать, изъ представителей отъ всѣхъ обложенныхъ сборами и налогами; какія же причины побуждаютъ этихъ господъ сидѣть дома или разъѣзжать, какъ будто отъ скуки и бездѣлья, съ визитами въ то самое время, когда въ залѣ собранія идетъ рѣчь объ обложеніи ихъ имуществомъ новыми налогами и о правильномъ употребленіи этихъ, съ нихъ же взятыхъ, денегъ?

Чтобы сколько нибудь удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратиться къ дѣятельности земскихъ собраний, узнать, изъ кого они состоятъ, въ какую сторону тянуть. Тогда только будетъ понятно, рискуютъ ли чѣмъ-нибудь или же ничѣмъ не рискуютъ тѣ изъ гласныхъ, которые предпочитаютъ развѣзжать съ визитами въ то время, когда ихъ товарищи занимаются преніями въ залѣ потеранныхъ шаговъ.

Почти на всѣхъ земскихъ собраніяхъ конца минувшаго года главнѣйшимъ предметомъ преній былъ вопросъ о народномъ образованіи, который изъ спорнаго и теоретическаго успѣлъ уже превратиться въ ясно-опредѣлившійся, чисто-практическій. Не далѣе, какъ пять лѣтъ назадъ, даже самое слово «народный» было еще словомъ очень неопредѣленнымъ, возбуждавшимъ каждый разъ въ собраніяхъ споры и раздоры, въ которыхъ гг. члены рѣзко дѣлились на двѣ враждебныя партіи: красныхъ, или отъявленныхъ радикаловъ, и бѣлыхъ, то-есть консерваторовъ. Одни слово «народный» понимали такъ же, какъ, напримеръ, понимается слово «солдатскій», то-есть принимали въ расчетъ одну только «чернь непросвѣщенную», благородными людьми «презираемую», и требовали для нея первоначальныхъ школъ съ дьячками-учителями; другіе, имѣя такое же понятіе о народности, требовали ремесленныхъ школъ, въ которыхъ бы читать и писать вовсе не обучали, но зато приучали бы къ разнымъ мастерствамъ, дабы, впоследствии, проживающіе въ деревняхъ помѣщики имѣли бы всегда подъ рукою нужныхъ имъ портныхъ, слесарей и сапожниковъ. Третьи слово «народный» поняли въ болѣе обширномъ смыслѣ—и эта партія въ послѣднее время одержала полную побѣду надъ всѣми другими, потому что узкое пониманіе этого слова оказалось очень невыгоднымъ для многихъ изъ «подраздѣленій» земства. «Неужели подъ словомъ «народъ» слѣдуетъ разумѣть исключительно ту часть земской семьи, которая ходитъ босикомъ, носитъ сѣрныя свиты, смуглевыя шапки, не постигаетъ пользы грамотности, а тѣмъ болѣе (высшаго) образованія, и относится совершенно равнодушно, по невѣдѣнію своему, къ тому, что клонится къ общей пользѣ. Неужели же земство преступаетъ свои обязанности, заботясь не объ одномъ обученіи складамъ и псалтырю?»

Такия глубокія истины высказалъ недавно одинъ изъ вліятельныхъ (въ своемъ родномъ краѣ) земскихъ дѣятелей, предсѣдатель полтавской губернской управы (см. объ этомъ въ «С.-Пет. Вѣд.»),—и слова этого дѣятеля не остались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Полтавское земство хотѣло-было сначала устроить школу для приготовленія сельскихъ учителей и ассигновало на это даже сумму тысячъ въ тридцать, но потомъ одумалось и открыло на эту сумму въ городѣ Лубнахъ классическую гимназію съ двумя древними языками,—вѣроятно, тоже народную, понимая это слово черезчуръ ужъ широко. Елисаветградское земство (Херсонской губ.), еще раньше полтавскаго, открыло

себя въ городѣ училище «по программѣ и особой инструкціи реальныхъ гимназій 1864 года», и жертвуетъ на эту *народную* школу по 25 тысячъ земскихъ денегъ въ годъ. Въ Пензѣ, еще въ 1870 году, губернское земство устроило женскую гимназію, съ ассигновкою на нее по земской смѣтѣ 4,500 рублей въ годъ. Симбирское губернское земство возбудило вопросъ объ учрежденіи въ своемъ городѣ, на земскія деньги, военной гимназіи для приходящихъ и предложило министерству отъ себя готовое зданіе и ежегодную субсидію отъ 10 до 15 тысячъ рублей въ годъ («С.-Петербург. Вѣдом.»). Примѣру губернскихъ городовъ послѣдовали и уѣзды: небольшой городокъ Сумы (Харьковской губ.) сдѣлалъ для *народнаго* образованія затрату, относительно очень большую, на содержаніе прогимназіи 13,960 руб., на устройство зданія для прогимназіи 11,660 руб. 70 коп. и въ пособіе *народнымъ сельскимъ училищамъ* 1,100 руб. («Русск. Вѣд.»).

Здѣсь, въ Сумахъ, какъ видите, не забыть и тотъ «народъ», который «ходитъ босикомъ, носить сѣрны свиты и пр.». Изъ собранныхъ со всѣхъ сословій (преимущественно съ крестьянъ) денегъ добрые сумцы удѣлили тысячу рублей въ пользу бѣгавшихъ босикомъ, а остальные 25 тысячъ употребили на образованіе дѣтей тѣхъ подраздѣленій земцевъ, которые ходятъ въ сапогахъ и ботинкахъ. При такомъ равномерномъ дѣлежѣ, можно предполагать, что одно изъ подраздѣленій земства долго еще проходить босикомъ, а, быть можетъ, даже и «безъ смущенныхъ шапокъ!» Корочанское уѣздное собраніе (Курской губ.) нѣсколько благосклоннѣе отнеслось къ босоному подраздѣленію земства: оно ассигновало на *народное* образованіе, какъ сообщаютъ «Курскія Губ. Вѣд.», на содержаніе корочанской мужской прогимназіи 11,225 руб., женской прогимназіи 650 руб., на *вспомоществованіе обществамъ въ содержаніи сельскихъ приходскихъ училищъ* 2,650 руб. и на содержаніе въ прогимназіи пяти стипендіатовъ земства 350 руб.

Впрочемъ, этой крупной двухтысячной суммой увлекаться особенно не слѣдуетъ. *Вспомоществованіе* выдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда сельскія общества своими пожертвованіями докажутъ свое сочувствіе къ образованію; а такъ-какъ сельскія общества очень рѣдко выказываютъ сочувствіе къ своимъ никуда негоднымъ школамъ, то ассигнованныя суммы, по обыкновенію, записываются «въ остатки» и послѣ употребляются на классическія же или реальныя прогимназіи. Елизаветградское уѣздное собраніе въ этомъ отношеніи поступило еще рискованнѣе, чѣмъ корочанское, но все-таки особеннаго риска и здѣсь не предвидится: оно ассигновало на расходы въ 1873 году, *собственно по народному образованію*, 14,000 р. и опредѣлило приглашать сельскія общества заявлять о желаніи ихъ открывать у себя школы и давать въ теченіе пяти лѣтъ помѣщеніе для школы и учителя, отопленіе и освѣщеніе на нее, а также такую сумму, чтобы при разверсткѣ приходилось на душу не менѣе 15 коп.

Только при соблюденіи этихъ условій, земство будетъ выдавать школъ отъ 300 до 400 руб. Кромѣ того, школа будетъ открываться только тогда, когда число учащихся въ ней будетъ не менѣе 50.

Можно почти навѣрняка сказать, что у Елизаветградскаго земства, непоскупившагося на реальное училище, вся сумма, ассигнованная имъ «собственно на народное образованіе», сохранится въ остаткѣ. Настоящее положеніе сельскихъ школъ всѣмъ уже очень хорошо извѣстно. Руководствуясь опубликованными свѣдѣніями, напомнимъ читателю, что, напримѣръ, въ богатой Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ, сельскому учителю даютъ въ годъ жалованья 25 рублей, осуждая несчастныхъ жить въ полуразрушенныхъ, заброшенныхъ амбарушкахъ и кабакахъ. Казанскій корреспондентъ газеты «Голось» передаетъ, что въ Чебоксарскомъ уѣздѣ этой губерніи учитель тюремнскаго училища обитаетъ въ старомъ откупномъ кабакѣ съ повисшимъ потолкомъ и вдавшимися стѣнами, стоящемъ на краю села, въ верстѣ отъ почтоваго тракта. «Возможно ли — замѣчаетъ корреспондентъ — думать о распространеніи народнаго образованія, если, на ходатайства объ открытіи школъ, земства будутъ увлоняться отъ ихъ удовлетворенія подобно семеновскому земству, которое, на просьбу объ открытіи школы въ одномъ изъ мѣстныхъ селъ (Филинѣ), отвѣчало, что въ открытіи въ немъ училища оно не имѣетъ надобности, потому что въ этомъ селѣ много раскольниковъ. Послѣ этого, конечно, нѣтъ ничего изумительнаго въ томъ, что въ земскихъ школахъ учительствуютъ нерѣдко люди, не только лишеные всякой научной подготовки, но и даже по своей нравственности не имѣющіе права на роль наставниковъ; такъ, напримѣръ, въ одной изъ школъ (польковской) Чебоксарскаго уѣзда уже второй учитель попадаетъ подъ судъ за врану».

Если и въ Елизаветградскомъ уѣздѣ сельскія училища находятся въ нелучшемъ положеніи (а въ этомъ трудно сомнѣваться), то понятно, что особеннаго сочувствія къ нимъ со стороны врестьянъ ожидать невозможно. Ждите, когда-то еще въ такомъ разрушенномъ кабакѣ наберется *не менѣе* пятидесяти учениковъ (а если 49?), да на поддержаніе упраздненнаго кабака сельское общество обяжется платить пять лѣтъ по 15 коп. сер. съ души, а между тѣмъ, только «при соблюденіи этихъ условій», земство будетъ помогать деньгами! Къ приведеннымъ уже фактамъ я считаю нелишнимъ прибавить еще два, три, чтобы никто не могъ меня упрекнуть въ пристрастномъ отношеніи къ нашимъ земскимъ учрежденіямъ, въ будущность которыхъ я вѣрую, быть можетъ, больше, чѣмъ бы слѣдовало.

Мологское уѣздное (Ярославской губ.) собраніе, въ засѣданіи 15-го минувшаго сентября, постановило ходатайствовать объ открытіи въ городѣ Мологѣ реальной прогимназіи, причеиъ въ

ходатайствѣ объяснить, что на этотъ предметъ дано будетъ земствомъ матеріальное пособие («Русск. Вѣд.»).

Ефремовское земство (Тульской губ.), какъ сообщаютъ «Виржевыя Вѣдом.», назначило на 1873 годъ на народное образование 4,100 руб., а именно: на сельскія школы 3,600 руб. и на женское училище въ городѣ 500 руб., да, вромѣ того, ассигновано на мужскую прогимназію, если разрѣшать открыть ее, 3,000 руб. Объ открытіи прогимназіи земство положило вновь ходатайствовать предъ правительствомъ.

Но щедрые земскіе дѣятели не ограничиваются только одной затратой денегъ на устройство среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ благородныя дѣти «могли бы приготовляться въ практической дѣятельности» (см. постановленіе Елизаветградскаго собранія). То же щедрое собраніе постановило еще выдать заимообразно (вѣроятно, изъ продовольственнаго капитала или изъ остатковъ отъ суммы, ассигнованной «собственно на народное образование?»), на очень выгодныхъ условіяхъ, въ пособие содержательницѣ частной женской гимназіи, г-жѣ Хрещевой; 5,000 руб. сер. «Трудно рѣшить, чѣмъ вызвано это полюбіе, если принять во вниманіе то, что число ученицъ заведенія г-жи Хрещевой достигаетъ до 100 дѣвицъ и что оно доставляетъ своей содержательницѣ до 12,000 руб. сер. годового дохода. Если въ данномъ случаѣ играла роль протекція, то явленіе это становится тѣмъ прискорбнѣе...», прибавляетъ отъ себя мѣстный корреспондентъ («Голось»). Но, какъ бы тамъ ни было грустно намъ съ корреспондентомъ, а земскіе дѣятели все себѣ работаютъ, да работаютъ, задавшись вѣрной въ основаніи мыслью, что подъ словомъ «народъ» не слѣдуетъ разумѣть только «босую часть земской семьи»¹. Ошибка земснаго оратора, высказавшаго эту истину, заключалась только въ томъ, что онъ и самъ, отвергая одну крайность, впадаетъ въ другую, противоположную: онъ (а вмѣстѣ съ нимъ и большая часть собраній) подъ названіемъ «народа»

¹ Я трактую здѣсь только лишь о затратахъ земскихъ денегъ на гимназіи да прогимназіи, а сколько еще было другихъ затратъ, совсѣмъ ужъ непродизводительныхъ, въ родѣ проигрыша въ карты! Симбирское земство платило какому-то своимъ *ходатаямъ*, посланнымъ въ Петербургъ для хлопотъ о полученіи концессіи на сызранскую желѣзную дорогу, по 500 руб. въ мѣсяцъ — и все это дѣло лопнуло, такъ что земство только охнуло, да глаубоко вздохнуло! «Съ этимъ вздохомъ», — передаетъ «Камско-вожская Газ.», — симбирское земство (по большей части босые мужички) вынуло изъ своего кармана 1,750 рублей, въ прибавку къ 30-ти тысячамъ, израсходованнымъ прежде на изысканія и затраченными безвозвратно, и затѣмъ, ему остается запереть изысканія со всѣми кривыми и углами въ ларецъ, гдѣ и похоронить надолго свои иллюзіи». Казанское земство тоже платило своимъ желѣзно-дорожнымъ *ходатаямъ* по полтысячѣ въ мѣсяцъ. Деньги у ходатаевъ вышли всѣ на утощеніе нужныхъ людей, а дороги все нѣтъ, да нѣтъ! Впрочемъ, всѣхъ подобныхъ земскихъ затратъ теперь и не припомнишь, а ихъ было не мало!

подразумѣваетъ исключительно однихъ дворянскихъ и купеческихъ дѣтей, обутыхъ въ сапоги и даже лаковья ботинки! Которая же изъ двухъ крайностей безвреднѣе?

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что земствомъ нѣкоторыхъ губерній и «собственно для народа» кое-что сдѣлано, хотя это кое-что обошлось «босому человѣку въ смушковой шапкѣ» очень недешево. Уже на вторыхъ земскихъ собраніяхъ во многихъ губерніяхъ поднять былъ вопросъ о необходимости особенныхъ учительскихъ семинарій для подготовки сельскихъ учителей. Почти всѣ сошлись на этой мысли, хотя въ первое время, по непривычкѣ, многие смѣшивали учительскія семинаріи съ обыкновенными духовными. Такъ, на тверскомъ уѣздномъ собраніи, предсѣдатель «не нашель съ своей стороны нужнымъ открывать учительскую семинарію, такъ-какъ въ г. Твери и безъ того можно найти достаточно людей, получившихъ образованіе, которые всегда и весьма охотно примуть на себя обязанность сельскихъ учителей, при чемъ онъ указалъ на мнѣ, ежегодно кончающихся курсъ въ тверской духовной семинаріи, тогда какъ открытіе учительской школы вовлечетъ тверское земство въ значительные расходы, которые съ большею пользою могутъ быть употреблены на другіе предметы. Съ мнѣніемъ предсѣдателя согласились почти всѣ гласные. Не согласился только одинъ — А. Н. Толстой, но его возраженіе было высказано въ такой нерѣшительной и условной формѣ, что для учительской семинаріи отъ такой слабой поддержки пользы никакой не было. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія предсѣдателя въ томъ отношеніи, будто школа не нужна въ Твери; напротивъ, онъ «находитъ, что учительская школа, способствующая къ развитію народа, весьма полезна и, что на подобное, въ высшей степени полезное, учрежденіе не слѣдуетъ жалать денегъ, но, имѣя въ виду, что въ г. Твери сравнительно съ другими городами достаточно учебныхъ заведеній, то онъ полагаетъ болѣе полезнымъ и справедливымъ предоставить право открытія учительской школы одному изъ другихъ уѣздовъ Тверской губерніи. Само собою разумѣется, что, послѣ этого но, собраніе единогласно постановило отказаться отъ открытія учительской школы въ г. Твери («Правит. Вѣстникъ»).

Другимъ губернскимъ городамъ посчастливилось больше, чѣмъ Твери. Въ Новгородѣ, въ Петербургѣ, Москвѣ и многихъ другихъ городахъ открыты семинаріи. Появились щедрые жертвователи на американскій манеръ. Въ Тамбовѣ появилась такая роскошная учительская школа, какой бы, собственно, и не требовалось для народныхъ учителей, квартирующихъ въ иныхъ мѣстностяхъ въ упраздненныхъ откупныхъ кабакахъ: съ мраморными колоннами, паркетными полами, съ роскошной мебелью. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Выхалъ путникъ въ метелицу по бездорожкѣ, мечталъ, какъ о чемъ-то несбыточномъ, о теплой, курной избѣ, — и вдругъ попалъ во дворецъ

съ зеркальными стеклами, съ рафаэлевскими мадоннами въ золотыхъ рамахъ. Съ непривычки, пожалуй, даже и неловко сдѣлалось бы и путникъ вздохнулъ бы о теплой курной избѣ. Вообще 1870 и 1871 года отличились пожертвованіями частными лицами на народное образованіе. Въ одномъ 1871 году, по словамъ «Журн. Мин. Нар. Прос.», пожертвовано частными лицами 432,522 руб.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ взгляда на значеніе слова «народный», въ земствѣ видимо начала остывать и вспыхнувшая было въ немъ страсть къ учительскимъ семинаріямъ. Полтавское земство, горячо принявшееся за семинарію, вразъ, почему-то, передумало, и на собраніи на учительскую школу деньги устроило въ городѣ Лубнахъ классическую гимназію съ двумя древними языками, что далеко не одно и то же! На послѣднемъ собраніи, полтавское губернское земство опять-таки одумалось, сознало, что оно поступило черезчуръ уже круто. Нарочно по этому поводу назначенная коммисія окончательно убѣдилась наконецъ, что земству необходимо открыть заведеніе для сельскихъ учителей, что «безъ этой мѣры, всѣ затраты, производимыя земствомъ на образованіе сельскаго населенія, остаются малопроизводительными, если не совершенно непродуцительными» (См. Журн. Полтавск. з. с. 1872 г.).

Конечно, покаянiе въ старыхъ грѣхахъ не поздно никогда. У насъ даже принято каяться и исповѣдываться именно за часъ или часа за два до смерти, но, тѣмъ не менѣе, эта полтавская «покаянная коммисія» очутилась въ положеніи нѣсколько неловкомъ, если не совѣмъ безвыходномъ. Крупная сумма денегъ, собранная на семинарію, уже истрачена на классическую гимназію, а между тѣмъ, безъ семинаріи, «всѣ затраты земства останутся — выражаясь нѣжнымъ слогомъ кающейся коммисіи — малопроизводительными, если не совершенно непродуцительными». Оставалось придумать какую-нибудь среднюю мѣру, которая бы сдѣлала затраты земства «собственно на народное образованіе», по крайней мѣрѣ, «малопроизводительными» — и коммисія придумала такую мѣру. По мнѣнію коммисіи, *всею было бы дешевле при настоящихъ условіяхъ* устроить при лубенской классической гимназіи педагогическіе курсы для сельскихъ учителей, но оказалось, однако же, что мѣра эта имѣла бы одно только удобство — дешевизну, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она никуда не годилась. (Ужь если объ одной дешевизнѣ думать, то не удобнѣе ли всего — ничего не устраивать?) Слушаніе педагогическихъ курсовъ при гимназіи требовало кое-чего побольше одной грамотности, а между тѣмъ, другихъ не нашлось бы: въ этомъ и неудобство. Придумали учредить при лубенской гимназіи (непремѣнно при ней — понятно почему) 3-хъ классную открытую учительскую школу, «съ программой по возможности близкой къ той, которая опредѣлена для учительскихъ семинарій». Для устройства

этой сбоку-припеки къ лубенской гимназiи, предполагена единовременно сумма въ 5 тысячъ, да еще «на содержанiе школы и образцоваго училища при оной 12 т. рублей». Школу эту предполагается вполнѣ подчинить директору классической лубенской гимназiи. Далѣе, для сохраненiя денегъ, разъ уже затраченныхъ, коммисiя предложила «обязать земскихъ стипендіатовъ четырехлѣтней службой въ должности сельскаго учителя Полтавской губерніи, а за каждый недослуженный годъ *обязать* (сбѣжавшаго учителя) возратить 150 руб.

По проекту въ школъ, кромѣ обычныхъ предметовъ, какъ-то: закона божiя, объясненiя богослуженiя, ариметики и т. п. должны еще преподаваться какія-то «главныя свѣдѣнiя о явленiяхъ природы, *краткое извлеченiе изъ естественныхъ наукъ*» и еще кое-что, болѣе уже опредѣленное. По § 17-му проекта, «надзоръ за всѣми учениками школы *отъ оной*, возлагается на двухъ изъ надзирателей гимназiи по назначенiю совѣта». Учительскiя должности предоставляются окончившимъ курсъ съ жалованьемъ не менѣе 200 рублей, но «лица не пожелавшія отслужить четырехлѣтній срокъ, или отставленныя училищнымъ совѣтомъ *по неблагонадежности*, обязаны возратить по 150 р. за каждый недослуженный годъ.

Проектъ этотъ былъ встрѣченъ сильными возраженiями. Одни указывали, что школа эта, насильственно привязанная къ гимназiи, какъ сбоку-припека—выйдетъ ни то ни се, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, а одинъ изъ гласныхъ прямо заявилъ, что учителя изъ школы обойдутся очень ужъ дорого, въ особенности послѣ всѣхъ напрасныхъ затратъ, сдѣланныхъ земствомъ. Замѣчанiе это многимъ напомнило извѣстную экономiю продувшагося въ карты человека, который вчера въ часъ спустилъ тысячу рублей, а сегодня жалѣетъ уже полтинника на обѣдъ и пробавляется селедкой и солеными огурцами. Замѣчено было кое-что и противъ предположенiя о возвращенiи денегъ со стипендіатовъ земства, но это замѣчанiе опровергнуто сильнымъ возраженiемъ гласнаго Волкова, который объявилъ, что «исключивъ это правило, земство рискуетъ очень многимъ: ученикъ, дошедшій до третьяго класса, чтобы не отслуживать земству, *умышленно останется на второй годъ* и будетъ исключенъ изъ заведенiя, не вознаградивъ ничѣмъ земство за затраты».

Конечно, экономiя въ пользу земства—вещь похвальная, не худо бы постоянно о ней помнить; но намъ кажется, представители земскихъ интересовъ слишкомъ ужъ увлеклись экономiей и забыли о практичности или непрактичности своихъ предположенiй. Спрашивается, съ кого же стануть взыскивать по 150 рублей за годъ, если бѣднаго крестьянскаго мальчика исключать изъ третьяго класса, хотя бы за то, что онъ «умышленно остался на второй годъ»? Привелось бы описывать имущество у ничѣмъ неповинныхъ родителей ученика; но согласится ли

на такую дикую мѣру правительство, и много ли найдется желающихъ поступить въ такое ужасное мѣсто? Не легко тоже будетъ взыскать, напримѣръ, 300 или 450 рублей даже и съ учителя, получающаго жалованья всего по 200 рублей и убѣжавшаго куда-нибудь на сторону! Такая подымется уголовщина, что земской управѣ и собранію не хватитъ времени своими дѣлами заниматься!

Проектъ комисіи одобренъ большинствомъ голосовъ, но существованіе самой школы еще очень сомнительно—на сыпучемъ пескѣ написано! Когда одобрили уже проектъ, то нѣкоторымъ гласнымъ пришло въ голову: а что, если предположенный уставъ школы вполнѣ не будетъ утвержденъ министерствомъ, «въ виду, напримѣръ, несовмѣщенія обязанности директора и нѣкоторыхъ преподавателей гимназіи съ обязанностями по школѣ?» Долго судили и рядили объ этомъ загадочномъ предметѣ, и наконецъ, порѣшили: въ случаѣ неутвержденія совмѣщенія должностей, *школу не открывать*. Даже самая гимназія въ Лубнахъ, открытія которой такъ страстно желали гг. гласные, какъ кажется, начинаетъ уже имъ надоѣдать, что доказывается слѣдующей выпиской изъ журналовъ собранія:

«Вопросъ о томъ, не признаеть ли собраніе полезнымъ *ходатайствовать у правительства о принятіи лубенской гимназіи на государственныи счетъ?*—собраніе оставило открытымъ до будущаго года».

Затѣмъ же было и возбуждать подобный вопросъ? Что гимназія полезна всему земству, а не одному какому-нибудь сословию—это ясно видно изъ благодарственной рѣчи, произнесенной на собраніи однимъ изъ гласныхъ (г. Николаенко), сыну котораго собраніе назначило стипендію въ 150 рублей¹.

— «Только что предоставленная моему сыну стипендія — съ чувствомъ произнесъ членъ управы Николаенко,—возбудила во мнѣ глубокую благодарность, которую я не могу иначе выразить, какъ моимъ задушевнымъ спасибо. Затѣмъ не утерплю, чтобы не заявить, что лица, обрисовавшія въ одной газетѣ дѣйствія полтавскаго губернскаго земскаго собранія VII созыва по вопросу народнаго образованія, зашли въ рамку несправедливости, въ чемъ изобличаются, какъ тѣмъ, что съ открытіемъ гимназіи данъ въ нее доступъ не однимъ дѣтямъ изъ высшаго сословія, такъ и тѣмъ, что въ Лубнахъ гимназія переполнена учениками не изъ однихъ дворянскихъ дѣтей, а и другихъ, и, какъ представитель сельскаго сословія, заявляю, что рѣшая вопросъ объ открытіи гимназіи на земскій счетъ, собраніе не имѣло односторонности, а считало, что учебное заведеніе это

¹ Вообще, экономное полтавское земство не особенно скужится на пособія. Въ декабрѣ роздано ихъ болѣе тысячи рублей, въ томъ числѣ дочери казачаго-то чертежника, семействамъ умершихъ писарей управы и т. п.

будетъ полезно для всѣхъ сословій, составляющихъ земскій элементъ».

По этой рѣчи можно подуматъ, что въ дубенскую классическую гимназію поступаютъ даже крестьянскія дѣти; но кому же, однако, вѣрить: господину ли Николаенко, или комисіи, которая, не стѣсняясь, заявила, что безъ учительской семинаріи всѣ затраты земства на образованіе народа останутся непроизводительными? Поневоѣ мы должны вѣрить больше многочисленной комисіи, чѣмъ почтенному, видимо растроганному чувствомъ благодарности, члену управы, хотя бы и представителю сельскаго сословія.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, но каждому понятно, что полтавской учительской семинаріи не повезло: блинъ вышелъ комомъ.

Въ послѣднее время что-то не слышно объ открытіи новыхъ земскихъ семинарій, но за то тамъ, гдѣ онѣ уже существуютъ, изъ-за нихъ на земскихъ собраніяхъ разыгрались бурныя сцены, которыя окончились не вездѣ благополучно для председателей и членовъ земскихъ управъ. Въ Курскѣ еще въ прошедшемъ году собраніе выработало проектъ семинаріи, но управа въ теченіе года не позаботилась даже узнать, что дѣлается съ этимъ проектомъ: утвержденъ ли онъ, или отвергнутъ. Собравшіеся гласные, лишенные всякой возможности толковать о народномъ образованіи опять до слѣдующей сессіи, разсердились, и одинъ изъ нихъ произнесъ: «Доколѣ же будетъ она, эта губернская управа, истощать долготерпѣніе наше?» Разыгралась обыкновенная въ этихъ случаяхъ сценка. Предсѣдатель управы всталъ и объявилъ, что теперь онъ уже окончательно не хочетъ служить. Общая суматоха. Гласный, произнесшій классическую фразу о долготерпѣніи, послужившую поводомъ предсѣдателю управы къ заявленію о нежеланіи служить, началъ-было говорить собранію какую-то рѣчь, но на него посыпались крики: «довольно! молчать!» Онъ тоже кричитъ: «никто не можетъ запрещать мнѣ говорить!» А ему опять: «молчать! молчать!»... Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и начали расходиться. (См. корреспондентъ въ «Голосѣ»).

Дѣло, впрочемъ, на этотъ разъ обошлось благополучно. Предсѣдатель одумался и согласился остаться, а гласные ночью не развѣхались по своимъ деревнямъ.

Не такъ благополучно окончилась земская буря на новгородскомъ собраніи изъ-за барона Косинскаго. Объ этой извѣстной исторіи напечатано уже нѣсколько корреспонденцій въ газетахъ; но такъ-какъ мнѣ случилось быть ея очевидцемъ, то считаю нелишнимъ добавить корреспонденціи нѣкоторыми подробностями, которыхъ въ нихъ нѣтъ.

Новгородское земство, въ лицѣ его представителей, съ перваго года его дѣятельности, считалось по всей Россіи образцовымъ, такъ что съ него брали примѣръ другія собранія, от-

крившіяся позже. Новгородское земство раньше другихъ позаботилось о народномъ образованіи, не вдаваясь въ смѣшныя крайности въ пониманіи слова *народный*. Оно первое открыло учительскую семинарію, ухитрившись добыть на нее деньги изъ такого источника, о которомъ никому и въ голову не приходило. Новгородское земство приняло въ свое распоряженіе почтовые дороги губерніи и изъ экономіи съ почтовыхъ лошадей и станцій устроило у себя учительскую школу, которая теперь красуется на берегу Волкова, рядомъ съ домомъ умалишенныхъ. Вообще, объ образцовомъ новгородскомъ земствѣ такъ много натолковали, что при открывшейся желѣзной дорогѣ и при распространявшихся слухахъ объ интересномъ дѣлѣ барона Косинскаго, грѣхъ было туда не съѣздить. Образцовый домъ помѣщика, образцовую церковь и образцовую больницу съ примѣрной школой я уже видѣлъ на московской выставкѣ. Теперь выдался благоприятный случай полюбоваться на образцовое земское собраніе—такихъ я еще не видалъ.

Сторонней публики, или, какъ сторожъ дворянскаго собранія ее называлъ—«зрителей» набралось 8-го декабря въ залѣ засѣданія какъ сельдей въ боченкѣ, чему, впрочемъ, много способствовала очень неудобная установка мебели въ небольшой комнатѣ. Узкіе, длинные столы—въ родѣ обѣденныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ—представляли собою большой четырехугольникъ съ замкнутой, никѣмъ незанятой площадкой внутри, такъ что для публики были предоставлены лишь узкіе, тѣсные промежутки между задками стульевъ гг. гласныхъ и стѣнами комнаты. О сидѣньяхъ и рѣчи ужъ не было, потому что для сотни слушателей прислали всего штукъ пятнадцать стульевъ да три дивана. Невольно припоминалась громадная, совершенно пустая зала петербургскаго собранія, которая свободно, со всѣми удобствами, могла бы вмѣстить до тысячи слушателей.

Для завѣжаго человѣка, незнакомаго съ личнымъ составомъ собранія, дѣло барона Косинскаго было настоящей находкой: въ какойнибудь часъ времени враждебныя партіи здѣсь обозначились такъ же рѣзко, какъ во французскомъ національномъ собраніи въ памятный французамъ день отказа Тьера отъ президентства. Обозначились немедленно и крайніе лѣвые и крайніе правые; не мало обозначалось и крайне-умѣренныхъ, но только негнѣвно, которой стороны, потому что новгородскіе умѣренные все время упорно молчали и изрѣдка лишь пожимали плечами и слегка улыбались, выслушивая съ одинаковымъ равнодушіемъ рѣчи ораторовъ какъ правой, такъ и лѣвой стороны. Незамѣтно только было такъ-называемаго «центра», но это, вѣроятно, отъ неловкаго расположенія столовъ.

Подробно излагать здѣсь дѣла о баронѣ Косинскомъ я, разумѣется, не стану, потому что объ немъ ужъ слишкомъ много писано (одинъ изъ гласныхъ замѣтилъ даже на собраніи, что дѣло это получило, будто-бы, *всесвѣтную* извѣстность).

Приведу только подробности, которыхъ до сей поры не было въ корреспонденціяхъ.

Послѣ рѣчей князя Васильчикова, предсѣдателя управы и проч. когда уже въ залѣ начинало темнѣть, пренія приняли чрезвычайно раздражительный характеръ. Часто слышались замѣчанія вполголоса: «какъ это остро!» «Очень удачно!» и т. п. Предсѣдатель нѣсколько разъ брался за звонокъ, чтобы приступить къ голосованію, но вдругъ кто нибудь опять начиналъ: «что бы освѣтить со всѣхъ сторонъ...» Въ это самое время вошелъ сторожъ зажигать свѣчи и, освѣщенный свѣчами вопросъ опять затягивался. Нѣкоторые изъ членовъ крайней лѣвой, высказавши все, что было нужно, вышли куда-то изъ залы и на раздавшійся внезапно звонокъ прибѣжали впопыхахъ. Считали только тѣхъ, кто всталъ, а сколько сидѣло въ ту минуту—едва ли это было кому извѣстно.

Для характеристики нашихъ земскихъ учреждений особенно было замѣчательно засѣданіе 9-го декабря, открывшееся заявленіемъ предсѣдателя объ отъѣздѣ князя Васильчикова, къ которому послали телеграмму. Только что успѣли покончить съ телеграммой, какъ вдругъ поднялся съ мѣста одинъ изъ членовъ (князь Шаховской), тоже предсѣдатель какой-то комисіи, и заявилъ, что онъ отказывается отъ дѣла по комисіи, потому что видитъ недовѣріе со стороны гг. гласныхъ къ назначеннымъ ими же комисіямъ. Вслѣдъ за нимъ всталъ другой еще гласный и проговорилъ: «и я, господа, тоже отказываюсь!» такъ что всѣ земскія комисіи разрушались сами собою, да и воямъ выбрать едва ли была какаа-нибудь возможность при господствующемъ въ собраніи настроеніи. Всѣ затрудненія уладилъ гласный, князь Суворовъ, который своей очень короткой, но чрезвычайно энергически-произнесенной рѣчью заставилъ отказавшихся одуматься и взять свои заявленія обратно.

Дѣло объ изгнаніи предсѣдателемъ управы барона Косинскаго на первый взглядъ легко можетъ показаться чрезвычайно простымъ и удобопонятнымъ, но оно очень усложняется и запутывается, если мы припомнимъ тѣ послѣдствія, которыя имѣ вызваны. По уставу земской учительской семинаріи, г. Фирсовъ имѣлъ право уволить барона. Онъ воспользовался своимъ правомъ—уволилъ, не дождавшись собранія; слѣдовательно, о чемъ же было и разсуждать? Именно съ этой формальной точки зрѣнія взглянуло на совершившійся фактъ и большинство собранія. Оно одобрило дѣйствія управы. На собраніи высказывалось даже, въ видѣ упрека г. Фирсову, зачѣмъ онъ такъ долго *терпѣлъ* «безпокойнаго» барона. Нѣкоторые гласные «удивлялись неистощимому терпѣнію управы въ отношеніи къ барону и объяснили *воскуриваніе ему вилами обихновенной любезностью, которою въ особенности такъ отличается мягкій и деликатный характеръ г. Фирсова*». Но послѣ всѣхъ этихъ одобреній, удивленій и объясненій, въ собраніи происходитъ нѣчто не со-

всѣмъ обыкновенное: три предсѣдателя земскихъ комиссій вразъ, какъ будто заранѣе сговорившись, отказываются отъ «оказаннаго имъ довѣрія». Одинъ въ ту же ночь уѣзжаетъ изъ Новгорода, отказавшись и отъ званія гласнаго, а двое нехотя остаются, благодаря рѣчи, которую произнесъ князь Суворовъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, творятся вещи еще менѣе съ чѣмъ-нибудь сообразныя. Одобренный большинствомъ предсѣдатель управы и одинъ изъ ея членовъ отказываются отъ занимаемыхъ ими должностей и на ихъ мѣста выбираютъ главныхъ представителей крайней лѣвой стороны, которые прежде оставались въ меньшинствѣ! Невольно приходитъ въ голову мысль: не было ли еще какой-нибудь причины быстрого изгнанія барона, кромѣ тѣхъ, какъ видно, неудовлетворительныхъ, которыя г. Фирсовъ изложилъ предъ собраніемъ? Подумайте, зачѣмъ, на примѣръ, въ рѣчь одного изъ самыхъ энергическихъ защитниковъ дѣйствій управы попала такая фраза: «Есть ли управа представительница только нашихъ интересовъ, или также нашего достоинства? Конечно, послѣднее. Какъ же намъ, спрашивается, не одобрить дѣйствій управы, *такъ мужественно насъ защищавшей во время газетной полемики? Она все взяла на свои плечи, твердо выдержавъ протестъ и оберегая наше достоинство*».

Г. Фирсовъ представляется здѣсь какимъ-то героемъ, мужественнымъ и сильнымъ, оберегающимъ достоинство всего новгородскаго земства. Но, если протестъ былъ неоснователенъ, то какимъ же манеромъ могло пострадать достоинство земства, а если основателенъ, то стѣило-ли благодарить мужественнаго предсѣдателя управы за такую медвѣжью услугу?

Какъ вы тамъ хотите, а во всемъ этомъ чувствуется одно изъ двухъ: или какой-нибудь секретъ, о которомъ всѣ знали, но молчали, или же крайняя непослѣдовательность новгородскаго губернскаго земства, представители котораго говорятъ одно, а дѣлаютъ совсѣмъ другое!

Для большей ясности и сжатости, попытаемся представить читателю дѣло объ изгнаніи барона Косинскаго въ формѣ судебныхъ преній, къ которымъ публика наша больше привыкла, чѣмъ къ разбросаннымъ, не всегда связнымъ, земскимъ дебатамъ. Роль прокурора будетъ играть комиссія съ княземъ Васильчиковымъ во главѣ, а на скамью подсудимыхъ посадимъ управу, разумѣется безъ жандармовъ.

Предсѣдатель. Вы, подсудимый, обвиняетесь въ томъ, что безъ особенно-уважительныхъ причинъ, не дождавшись земскаго собранія, собственной властью удалили начальника школы, о которомъ прежде сами постоянно относились съ самой лучшей стороны, которому не разъ воскуривали даже свѣчѣамъ. Далѣе, вы обвиняетесь еще въ обнародованіи частной переписки съ цѣлью повредить противникамъ. Признаете-ли вы себя виновнымъ?

Подсудимый. Нѣтъ, не признаю. Письма, хотя и частныя, я потому обнародовалъ, что они имѣли почти официальный характеръ, а удалилъ собственной властью барона потому, что, по моему крайнему убѣжденію, баронъ съ школой справиться не могъ, а съ педагогическими курсами могъ. Въ началѣ, когда въ школѣ было всего 20 учениковъ, Косинскаго хватало на это дѣло, но, по мѣрѣ увеличенія числа воспитанниковъ, раздражительность его стала расти не по днямъ по часамъ, и онъ видимо *томился* своими обязанностями: словомъ, его не хватало на такое большое дѣло. Главное, что мнѣ не нравилось въ изгнанномъ мною, — это его несносное стремленіе къ самостоятельности въ школѣ, тогда какъ деньги на школу даемъ мы, а онъ не больше, какъ человѣкъ наемный. Въмѣсто строгихъ экзаменовъ, къ которымъ мы съ дѣтства привыкли въ корпусахъ и другихъ, по казенному устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, баронъ ввелъ какія-то шуточные репетиціи, нисколько не страшныя воспитанникамъ. На экзаменахъ, онъ, конечно, не могъ препятствовать задавать вопросы ученикамъ архіерею, губернатору, предсѣдателю и членамъ управы; но за то остальнымъ, кому могъ, г. Косинскій старался не дозволить этого.

Съ членами совѣта баронъ обращался до такой степени груто и безцеремонно, что разъ позволилъ даже остановить члена управы, Сиренко, словами: «въ силу предоставленнаго мнѣ уставомъ права предсѣдательства въ совѣтѣ, прошу васъ прекратить разборъ познаній Фаддѣева». Учителей школы, которыхъ баронъ считалъ негодными, онъ часто замѣнялъ новыми, въ чемъ, впрочемъ, «мы ему постоянно сами помогали». Вообще, мы постоянно довѣряли и помогали барону, произносили ему восторженныя рѣчи, въ которыхъ напоминали ему и «о двухъ его воспаленияхъ въ легкихъ, полученныхъ отъ чрезмѣрнаго усердія къ службѣ, и о трудахъ, перенесенныхъ имъ въ три года службы и даже о добродѣтельной его жизни», но когда, по поводу выпускныхъ экзаменовъ усмотрѣли систематическое, съ его стороны, противодѣйствіе всѣмъ законнымъ требованіямъ управы, когда убѣдились въ его непремѣнномъ желаніи устранить всякое ея вліяніе на школу, когда передъ нами раскрылась его неумѣлость выбрать и оцѣнивать людей, его безтактное обращеніе съ наставниками, а главное — его скрытность въ этомъ отношеніи предъ управой, мы не измѣнили своихъ внѣшнихъ отношеній къ г. Косинскому, но утратили значительную долю довѣрія къ нему, а потомъ, разумѣется, и удалили». Я кончилъ.

Прокуроръ. Я не стану затруднять гг. судей разсужденіями о неблаговидности опубликованія частныхъ писемъ, но обращаю ихъ вниманіе только на главное. Предъ нами лежитъ отчетъ объ экзаменахъ въ школѣ, подписанный всей управой, гдѣ успѣхи учениковъ засвидѣтельствованы *вполнѣ удовлетворительной аттестациею*. Въ этомъ же отчетѣ, въ длинной

графъ о благонадежности, противъ всѣхъ 11-ти вынужденныхъ учениковъ написано *«отмѣнно благонадежны»*; значить, они обладаютъ всѣми тѣми гражданскими добродѣтелями, которыя такъ цѣнны въ сельскомъ учителѣ.

Управа постоянно отзывалась о баронѣ самымъ выгоднымъ для него образомъ, по выраженію гласнаго Неплюева, *даже воскуривала ему свѣчки*; ревизія школы помощникомъ попечителя дала также хорошій отзывъ, — словомъ, прослѣдивъ исторію школы со дня ея рожденія до 10-го мая, мы все видимъ только одно хорошее и нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ того, *когда собственно обнаружилось вредное направленіе*. Это-то обстоятельство, м. г. и приводитъ меня въ смущеніе, которое еще болѣе усиливается тѣмъ, что человѣку, потерявшему въ глазахъ управы всякое довѣріе и оказавшемуся столь вреднымъ для земства, управа тѣмъ не менѣе поручаетъ вести педагогическіе курсы въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ губерніи, какъ Череповецъ, гдѣ контроль съ ея стороны немислимъ.

Кромѣ всего этого, гг. судьи и присяжные, я присоединю еще нѣкоторые факты, добытые на предварительномъ слѣдствіи. Изъ заявленія уволеннаго барона видно, что онъ, вмѣстѣ съ должностію начальника школы, принялъ на себя званіе завѣдующаго колмовскими богоугодными заведеніями, былъ, такъ сказать, *земскимъ окомъ* въ этихъ заведеніяхъ. Съ перемѣною личнаго состава управы, *земское око* начало замѣчать въ хозяйственномъ управленіи этими заведеніями нѣкоторую перемѣну — вовсе не къ лучшему. Баронъ приводитъ два факта: 1) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе невнимательной стирки бѣлья (вопреки моимъ указаніямъ), переболѣло чesоткою болѣе 40 учениковъ; 2) ежедневно, кромѣ воскресеній и вторниковъ (дней, когда пріѣзжали двое изъ членовъ управы), большинство учениковъ, покушавшихся на ужинъ, лежали ничкомъ на постеляхъ, жалуясь на желудокъ.

Конечно, по точному смыслу земскаго положенія, желудокъ учениковъ былъ въ вѣдомствѣ управы, а не начальника-педагога, но, какъ *земское око*, баронъ вмѣшался и въ желудочныя дѣла, сложилъ съ себя званіе завѣдующаго, добился устройства для школы отдѣльной кухни — и, если я не ошибаюсь, то, кажется, именно съ этой поры начался тотъ странный переломъ во мнѣніи управы, о которомъ говорилось выше. Въ заключеніе, приведу еще очень тоже любопытное заявленіе оскорбленнаго барона: «на прошлогоднемъ земскомъ собраніи, несмотря на заявленіе нѣкоторыхъ членовъ ревизіонной комисіи о томъ, что по ревизіи оказались самовольно заимствованными на время г. председателемъ (я имѣю право написать это, такъ-какъ обстоятельство это подвергалось гласному обсужденію собранія) суммы, назначенныя губернскимъ земствомъ на устройство сыроварни въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и на содѣйствіе школамъ въ Череповскомъ; собраніе, послѣ преній, въ которыхъ

выразилось все желаніе губернскихъ гласныхъ *поощрить добрую славу новгородскаго земства*, постановило: оставить заявленіе не только безъ разслѣдованія, но даже и безъ послѣдствій, и то же лицо было избрано предсѣдателемъ и на слѣдующее трехлѣтіе, причемъ г. Поповъ (избранный теперь, въ сессію 1872 года) отказался отъ баллотировки» (См. «С.-Петербург. Вѣд.»). Объясненіе бар. Косинскаго).

На основаніи всѣхъ изложенныхъ фактовъ, я, съ своей стороны, настаиваю на обвиненіи подсудимаго, гг. судьи и присяжные!

Вердиктъ присяжныхъ извѣстенъ: «нѣтъ, невиновенъ», но рѣшеніе суда вышло какое-то странное: принять просьбу объ отставкѣ предсѣдателя и члена управы, пригласить въ нее на эти упраздненныя должности самыхъ горячихъ защитниковъ уволеннаго барона, мнѣнія которыхъ присяжными не были приняты въ уваженіе¹.

Въ такомъ непривлекательномъ видѣ представляется дѣло объ увольненіи барона Косинскаго, если судить по отчетамъ, журналамъ собранія и частнымъ корреспонденціямъ; но, если мы вдумаемся во всѣ подробности этого страннаго дѣла, то впечатлѣнія получатся въ значительно ослабленной формѣ. По мнѣнію одного изъ самыхъ сильныхъ членовъ оппозиціи (г. Попова, избраннаго въ предсѣдателя управы вмѣсто г. Фирсова), «вся бѣда заключалась въ чрезмѣрномъ подчиненіи школы управѣ, поставившей себя въ положеніе начальства». По мнѣнію противной стороны, наоборотъ, вся бѣда заключалась въ томъ, что баронъ Косинскій знать не хотѣлъ управы и сносился прямо съ окружнымъ начальствомъ учебнаго вѣдомства, стараясь «поставить школу внѣ всякой фактической зависимости отъ земства, подчинивъ ее фиктивному надзору министерства народнаго просвѣщенія. Тутъ управа, по словамъ доклада, пришла къ окончательному заключенію, что далѣе управлять школой баронъ Косинскій не можетъ»....

Какъ видите, и то и другое—крайности, одинаково невозможительны. Управа, разумѣется, въ педагогическую часть если и могла вмѣшиваться, то съ большою осторожностью, потому что всякое дѣло мастера боится, но съ другой стороны, нельзя же было уполномоченнымъ отъ земства совсѣмъ ужъ выпустить изъ вида заведеніе, основанное на его собственныя деньги. Конечно, и у министерства просвѣщенія и у земства по учебной части—общая цѣль одна и та же; но въ частностяхъ есть и разница: эта разница очень ясно обозначилась на послѣднемъ московскомъ земскомъ собраніи изъ-за трехъ лучшихъ учениковъ земской учительской семинаріи, которыхъ, будто-бы, начальство

¹ При изложеніи этого дѣла мною отъ себя ни слова не прибавлено. Ву-квально все взято изъ газетныхъ отчетовъ и писемъ, напечатанныхъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», Голосѣ, и т. н.

казенной учительской семинаріи вздумало переманить къ себѣ. У министерства, которое получаетъ содержаніе отъ земства-же, средствъ несравненно больше, чѣмъ у земскихъ учреждений; слѣдовательно очень обидно, если изъ небогатыхъ земскихъ школъ станутъ переманивать лучшихъ учениковъ и давать имъ совсѣмъ иное назначеніе—посылать въ качествѣ учителей въ отдаленные города, а не въ свои родныя деревни. Понятно, что земство, аккуратно выплачивая опредѣленную, не малую сумму денегъ изъ своихъ скудныхъ средствъ на содержаніе *своей* школы, не могло смотрѣть хладнокровно, какъ одинъ изъ директоровъ ея-же собственной школы явно хлопочетъ объ освобожденіи этой школы изъ всякой фактической зависимости отъ земства. Если одна сторона поступила безтактно, то слѣдуетъ ожидать такой-же безтактности и съ другой. Если началось личное раздраженіе между людьми власть имѣющими, если начались между ними эти проклятыя, канцелярскія *пререканія*, въ литературной формѣ, на пронумерованныхъ бланкахъ,—тогда ужь добра не жди! Кто послабѣе, того и сметутъ, какъ соринку. Бѣда заключалась не въ излишнихъ претензіяхъ и громадномъ самолюбіи той и другой стороны, но просто въ крайней неопредѣленности отношеній между управою и перешедшими въ ея вѣдомство заведеніями покойнаго приказа общественнаго призрѣнія и др. вѣдомствъ. Подобныя столкновенія начались не въ Новгородѣ и кончатся не въ Новгородѣ; они бывали и прежде въ разныхъ городахъ, но только такой *всеобщей* огласки не получали. Еще въ 1866 году, казанская губернская управа такимъ-же точно манеромъ уволила старшаго врача земской больницы, профессора Бекетова съ двумя другими врачами—и тогда тоже разыгралась буря, которая разрѣшилась выходомъ въ отставку почти всей управы. Пререканіямъ и саркастической, пронумерованной перебранкѣ и конца не предвидѣлось, такъ что въ управскомъ архивѣ накопился цѣлый ворохъ никому ненужной бумаги—очень, впрочемъ, цѣнной для будущаго историка. Представленъ огромный протестъ со стороны мѣстнаго начальства, и критикой этого протеста занята была особая коммиссія пять ночей напролетъ. Управу обвиняли даже въ томъ, будто она начала распорядиться земскою больницею за мѣсяць до принятія ея въ свое завѣдываніе, тогда какъ изъ дѣла оказалось, что первое распоряженіе управы вышло почти чрезъ мѣсяць, «по принятіи» больницы, слѣдовательно обвиненіе попало не въ ту сторону, куда было намѣчено. Обвиняли управу, зачѣмъ она уволила главнаго и двухъ неглавныхъ врачей, а между тѣмъ изъ больничныхъ книгъ *усмотрѣли*, что врачи эти прописывали на полтора ста больныхъ по десяти тысячъ рецептовъ въ мѣсяць, такъ что, круглымъ числомъ, приходилось на каждаго больнаго *по два рецепта въ день*, тогда какъ, въ дѣйствительности, аптекарскимъ поварамъ нечего было дѣлать.

Пока, съ теченіемъ времени, болѣе чѣмъ теперь точно не опредѣлятся эти взаимныя отношенія между управами и служащими въ земствѣ лицами, необходимо каждому запастись съ толкомъ составленными контрактами, какъ при наймѣ въ разныя частныя конторы, правленія обществъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Тогда дѣло-то будетъ прочтѣе и для обѣихъ сторонъ безобиднѣе. Баронъ Косинскій, въ своемъ объясненіи (въ С.-Петербургск. Вѣдом.) говоритъ, что ему добрые люди совѣтовали заключить съ земствомъ письменное условіе, но я—говорить не безъ гордости баронъ—«не послѣдовалъ этому совѣту, какъ касающемуся вопроса второстепеннаго, мичнаго. Меня не устарила даже мысль о возможности крушенія, хотя я понималъ, что чѣмъ выше истина, лежащая въ основѣ дѣла, тѣмъ возможнѣе его крушеніе».

Далѣе баронъ прибавляетъ, что еслибы даже теперь, послѣ «крушенія», ему представилось такое же дѣло, то онъ опять съ «тѣмъ же сознательнымъ, горячимъ увлеченіемъ снова посвятилъ бы ему себя», — и, вѣроятно, опять бы безъ контракта, потому что, по мнѣнію барона, *«подобные расчеты недостойны (?) въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ земское дѣло народнаго образованія»*.

Напрасно, напрасно, баронъ! Вотъ г. Рашевскій, инспекторъ петербургской земской учительской школы, тоже, надобно полагать, не безъ горячаго увлеченія посвятилъ себя великому дѣлу, но онъ, однакоже, предварительно, заключилъ съ управой формальный контрактъ, кажется на пять или на три года со всевозможными неустойками — и контрактъ очень выгодный. Онъ выговорилъ себѣ прежде всего готовую квартиру съ годовымъ содержаніемъ по три тысячи и, сверхъ того, включилъ слѣдующія условія: 1) чтобъ инспектору было предоставлено право выбирать преподавателей школы; 2) чтобъ инспектору была дана возможность служить въ одномъ изъ учебныхъ заведеній и для этого опредѣлить ему свободнаго времени ежедневно отъ 12 до 4 часовъ и 3) *«чтобъ увольненіе инспектора отъ этой должности зависѣло только отъ постановленія губернскаго земскаго собранія»*. Комитетъ согласился на условія г. Рашевскаго, съ оговоркою, что утвержденіе избираемыхъ имъ преподавателей должно остаться за губернской управой» (См. отчеты о засѣд. петерб. губ. собр.).

Вотъ, при эдакихъ условіяхъ служить дѣйствительно можно, не опасаясь никакихъ подвоховъ съ чьей бы то ни было стороны! Занимайся себѣ потихоньку «великимъ земскимъ дѣломъ образованія», а, вмѣстѣ съ тѣмъ, можешь въ то же время служить еще въ другомъ мѣстѣ и писать статьи въ педагогическихъ журналахъ. И себѣ и другимъ хорошо: г. Рашевскій, укренившись прочно, по контракту, не можетъ уже ввести управу въ искушеніе, какъ это сдѣлалъ баронъ, который, увлекшись громкими фразами о безкорыстіи и величіи своего подвига, до-

стягъ только того, что и его погнали, и членовъ управы чуть-чуть не выгнали, да, наконецъ, и семинарія-то ничего отъ такого безкорыстія (впрочемъ, помнится, и баронъ тоже получалъ тысячи три съ квартирой?) не выиграла!

Г. Рашевскій, если чѣмъ и рисковалъ, то развѣ въ томъ лишь случаѣ, еслибы контрактъ, заключенный съ нимъ исполнительнымъ комитетомъ, не былъ утвержденъ земскимъ собраніемъ. Впрочемъ, и въ этомъ крайнемъ случаѣ онъ, вѣроятно, взыскалъ бы съ членовъ неустойку. На земскомъ собраніи, дѣйствительно, раздавались по пустынной залѣ чьи-то голоса на счетъ дороговизны, но эти голоса скоро потерялись въ громадномъ пространствѣ залы «потерянныхъ шаговъ». Гласный Жуковскій первый замѣтилъ, что сумма расходовъ въ 10,000 р. на училище съ 12-ю учениками непомѣрно велика; что жалованье директору въ 3,000 р. вмѣстѣ съ предоставленіемъ ему права служить въ другомъ вѣдомствѣ и давать частныя уроки, слишкомъ значительно; что, въ виду заявленія г. Бландова, если ужъ расходовать деньги, то ихъ слѣдуетъ употреблять на приготовленіе учителей, приспособленныхъ къ суровымъ условіямъ жизни.

Но читатель, быть можетъ, позабылъ уже, что именно заявилъ гласный Бландовъ, на котораго ссылаются? Онъ, какъ человѣкъ бывалый, практическій, заявилъ собранію, ни больше ни меньше, что дѣйствія петербургской губернской управы по народному образованію, по его мнѣнію, *такого свойства, что не относятся собственно къ народному образованію*. При этомъ онъ прочелъ выдержку изъ доклада Рашевского, который, между прочимъ, говоритъ, что «пособій нетолько для учителей, но и для учениковъ нѣтъ; плата за обученіе, въ большинствѣ случаевъ, бѣдна—10 руб. въ мѣсяць, и то лишь въ зимніе мѣсяцы, когда идетъ ученье. Особенно жалуются учителя на школы, содержимыя обществомъ. Говорять, что *въ нѣкоторыхъ школахъ этого рода учителя приобретаются съ торговъ, кто меньше возьметъ*; въ другихъ мѣстахъ учителя получаютъ жалованье съ числа учениковъ, которые за ученье приносятъ въ концѣ мѣсяца опредѣленную плату. Случается, что плательщики за обученіе дѣтей бываютъ неакуратны, и учителя должны ходить по домамъ выпрашивать свой заработокъ». При такомъ положеніи народной школы трудно ожидать отъ нея благихъ послѣдствій. «Это, сказалъ онъ, смѣю выразиться, не школа, а игра въ школу». Потомъ, г. Бландовъ привелъ слѣдующій фактъ: изъ Гдовскаго уѣзда отъ одного учителя онъ получилъ письмо, въ которомъ учитель выражаетъ опасеніе за свое физическое здоровье, вслѣдствіе дурного помѣщенія. Г. Бландовъ ѣздилъ въ эту школу и нашелъ, что учитель помѣщенъ въ избѣ, полъ которой въ щеляхъ, двери не затворяются и одно маленькое окно на всю комнату, гдѣ учились ученики и жилъ учитель. Онъ исходилъ все село и едва могъ найти сколько-нибудь

сносное помѣщеніе. Поэтому онъ думаетъ, что *губернское земство будетъ готовить учителей на ихъ гибель*, и вслѣдствіе этого полагаетъ просить губернскую управу ознакомиться съ дѣломъ народнаго образованія на мѣстѣ и къ будущей сессіи представить собранію докладъ о томъ, въ какомъ положеніи находится это дѣло и какія нужно принять мѣры.

Мысль о приготовленіи будущихъ сельскихъ учителей «къ суровому образу жизни» многими, надо полагать, поправилась, такъ что контракту съ г. Рашевскимъ грозила нѣкоторая опасность, но въ эту критическую минуту, какъ бы на выручку г. Рашевскаго, явился баронъ Юлій Федоровичъ Корфъ и объявилъ, что бояться большихъ расходовъ нечего. *«Это, сказалъ онъ, только сумма велика, но расходъ не великъ»*. Онъ не думаетъ, чтобы была какая-нибудь польза въ приготовленіи учителей, приспособленныхъ къ суровому образу жизни, и полагаетъ, что если земство рѣшилось на устройство учительской семинаріи, то не должно жалѣть денегъ на приобретеніе самыхъ способныхъ учителей, которыхъ, какъ известно, очень и очень мало, а тѣмъ болѣе трудно найти людей на должность учителя народной школы. Онъ не отрицаетъ жалкаго положенія нашихъ школъ; но не можетъ изъ этого вывести заключенія, что *земство готовить учителей на ихъ гибель*; причину такого неудовлетворительнаго положенія слѣдуетъ искать въ другомъ обстоятельствѣ, именно: въ невиннѣ дѣла.

Дѣйствительно: *авось* попросимся, такъ и привыкнемъ; но, однакоже, нельзя не обратить вниманія и на серьезную сторону заявленія г. Бландова. Разумѣется, нельзя согласиться съ тѣмъ, что будто бы земство, выплачивая аккуратно по три по четыре тысячи въ годъ, одному только инспектору школы, уммышленно готовило учителей на ихъ гибель; но вѣдь нельзя, однако, скрыть и того, что обстановка ихъ очень-очень суровая! Мы уже приведемъ нѣсколько примѣровъ этой обстановки. Изъ заявленія г. Бландова каждый видитъ, какъ поживаютъ сельскіе учителя въ Петербургской губерніи, а вотъ и еще подобное же, новѣйшее извѣстіе изъ Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи. Коммисія, назначенная мѣстнымъ земскимъ собраніемъ для обревизованія своей управы, обнаружила, между прочимъ, *весьма прискорбное* состояніе мѣстной ремесленной школы. При самомъ входѣ въ школу, члены коммисіи были поражены удручающимъ и зловоннымъ запахомъ; мальчики были одѣты въ какое-то рубище; на нѣкоторыхъ сапоги не имѣли подошвъ, а другіе ходили и совсѣмъ босикомъ; число кроватей было гораздо менѣе числа мальчиковъ, вслѣдствіе чего на ночь кровати составлялись вмѣстѣ, и мальчики спали въ повалку, что способствовало разнымъ непозволительнымъ и вреднымъ для здоровья шалостямъ; тифяки, очень мало набитые соломой, ничѣмъ не были прикрыты, мириады клоповъ блуждали по грязнымъ подушкамъ; мальчики, въ особенности вузничнаго мастер-

ства, употреблялись въ работы не по силѣ; такъ, напримѣръ, они должны были дѣйствовать большими молотомъ, отчего часто :страдали грудью; мальчики школы, по приказанію члена управы, перенесли какую-то мебель; мальчиковъ посылаютъ за водой въ рѣку, которую они переходятъ почти по колѣно; наконецъ, оказалось, что школа помѣщается въ одномъ домѣ съ тюрьмой... (См. корреспонд. въ «Петерб. Вѣд.»).

И почти повсемѣстно, не только сельскія, но частію и городскія школы находятся не въ лучшемъ положеніи. Слѣдуетъ только передать одинъ фактъ, новидимому странный и нелегко объяснимый: въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ о земскомъ дѣлѣ (а, слѣдовательно, и народномъ образованіи) пекутся богатые, образованные дворяне, даже въ большомъ количествѣ князья, графы и бароны — тамъ сельскія училища находятся, почему-то, въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ въ губерніяхъ глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ, въ родѣ Вятской, Олонецкой, Вологодской, въ которыхъ просвѣщенныя, хорошо знакомыя съ разными методами воспитанія, дворяне встрѣчаются очень рѣдко. Хотя въ газетѣ «Русскій Міръ» и пишутъ, что «поднять падающее хозяйство, *придать большее значеніе земству возможно однимъ лишь путемъ: пребываніемъ аристократіи въ своихъ имѣніяхъ*» — но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Въ Вятской губерніи, напримѣръ, лицъ изъ аристократическихъ фамилій нѣтъ; тамъ и на губернскомъ собраніи не въ рѣдкость увидѣть вулца, торговаго крестьянина и священника, а, между тѣмъ, собственно на народныя нужды тамъ тратится больше, чѣмъ гдѣ либо и сельскіе учителя тамъ не пропадаютъ съ холода и голода. Такіе же пріятныя слухи и изъ Олонецкой губерніи, гдѣ, въ одномъ изъ уѣздовъ (Вытегорскомъ), въ два-трехлѣтія дѣятельности земства устроилось 16 хорошо организованныхъ школъ съ содержаніемъ собственно отъ земства 6,000 р. въ годъ. Крестьяне — пишутъ корреспондентъ «Пет. Вѣд.» — наперерывъ стараются заявить свое сочувствіе къ дѣлу образованія своихъ дѣтей и помогаютъ земству въ устройствѣ школъ чѣмъ могутъ. Такъ, Вытегорская волость ассигновала на постройку училищнаго дома 2,000 р., Девагинское общество 900 р., Макаченская волость 1,000 р., на устройство дома для училища съ ремесленными классами, Кондушская 1,000 рублей, Ухотская выстроила домъ, Никудинская къ ассигновкѣ земства на училище прибавляетъ въ годъ 200 рублей, Макачевская 150 р., Мегорское общество 100 р. и Девагинское 200 рублей; словомъ, каждая волость и общество, гдѣ открыты земскія школы, помогаютъ земству по мѣрѣ возможности. Кромѣ 16 земскихъ школъ, въ уѣздѣ устроено 2 образованныхъ училища: одно двухклассное, другое — одноклассное.

Такіе же пріятныя слухи доносятся къ намъ и изъ далекой Перми, гдѣ тоже, живущихъ на мѣстѣ, просвѣщенныхъ аристократовъ почти нѣтъ: тамъ и медицинская часть устроена

лучше, чѣмъ гдѣ либо, и училища заводятся, отопляются, и учителя кормятся до сыта. И отчего бы это?

Вѣроятно оттого, что тамъ не расходуютъ по 30—40 тысячъ, собранныхъ на учительскую школу, на реальныя гимназiи, какъ въ Полтавѣ. Не тратятъ на жалованье инспекторамъ и надзирателямъ такихъ суммъ, на которыя бы можно открыть два, три училища и привлечь въ нихъ хорошихъ учителей изъ другихъ мѣстъ. Въ Пермскую губернію и теперь уже ѣдутъ медики изъ разныхъ мѣстъ, прослышавши, что тамъ хорошо; то же самое повторяется и съ учителями. Московское земство возмутилось, когда узнало, что три лучшіе ученика земской семинаріи пожелали перебраться въ казенную, потому что тамъ лучше. Полтавское еще и семинарію не устроило, а наложило уже большіе штрафы на тѣхъ, кто не прослужитъ въ должности учителя четырехъ лѣтъ. Но, развѣ всѣ эти насильственныя мѣры приведутъ къ чему-нибудь путному? «Рыба ищетъ гдѣ глубже, человекъ—гдѣ лучше», а *лучше* только тамъ, гдѣ *своими* дѣлами сами и занимаются, гдѣ каждый чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. Кажется ясно, почему наши губерскія земскія собранія, если они постоянно будутъ въ томъ видѣ и составѣ какъ теперь,—очень скоро сдѣлаются притчей во языцѣхъ!

Нѣсколько словъ по поводу протестовъ и возраженій.

Не разъ уже, по поводу моихъ хроникъ, въ газетахъ (преимущественно въ московскихъ) появлялись опроверженія и очень рѣзкіе протесты за подписью цѣлой дюжины оскорбившихся, но, по счастливой для меня случайности, этими протестами и опроверженіями вовсе не опровергались, а напротивъ, только подтверждались сообщаемые мною слухи, въ которые я самъ готовъ былъ не вѣрить. Года два назадъ въ «Современной Лѣтописи» появился протестъ казанскихъ *родителей* (оказавшихся, впрочемъ, бездѣтными), съ тридцатью, помнится, подписями. Недавно (въ 327 № «Московск. Вѣд.») опять нанечатанъ новый протестъ съ дюжиною протестующихъ—и опять тави совершенно попускаю, въ чемъ читатель легко можетъ убѣдиться самъ изъ нижеизложеннаго.

Въ 10 № «Отечественныхъ Записокъ» за прошлый годъ, коснувшись въ своей хроникѣ мировыхъ судей, я, между прочимъ, привелъ изъ «Судебнаго Вѣстника» почти невѣроятное извѣстіе о Новокоперскомъ мировомъ судѣ Ширининѣ, который *убилъ купца Гусева*, но не только не устранилъ за это убійство отъ должности *мирового*, но, будто бы, производилъ даже раздѣлъ между наследниками самимъ же имъ убитаго, очень богатаго купца. Высказывая нѣкоторое недовѣріе къ такому странному, хотя и не опровергнутому слуху, я прибавилъ

отъ себя: «неужели, молъ, судья Ширинкинъ производить до сей поры свой *скорый* судъ, и, если производить, то чѣмъ именно: палкой, ножомъ, или топоромъ?»

Каждый грамотный читатель легко пойметъ, что въ приведенной фразѣ выражается недоувѣріе къ заимствованному извѣстію, такъ-какъ оно уже до нелѣпости странно, но дюжина новохоперскихъ протестантовъ не захотѣла или не счумѣла понять такой простой вещи и заявила въ своемъ протестѣ, будто я «совершенно увѣренъ въ этомъ происшествіи». Они, гг. протестанты думали, что для того «чтобы дойти до извѣстнаго вывода, надобно было подождать окончанія судебного слѣдствія, а не дѣлать оскорбительныхъ предположеній и тѣмъ увеличивать сумму нравственныхъ страданій лица, котораго роковая случайность *заставила быть причиною смерти* своего друга».

Но, позвольте, гг. протестанты: откуда же я могъ узнать, что судья Ширинкинъ былъ *дружъ убитаю имъ* купца Гусева? Въ корреспонденціяхъ, цѣлый мѣсяцъ никѣмъ не опровергнутыхъ, только и сказано, что судья *убилъ* купца, а послѣ этого началъ дѣлать его наслѣдство. Слово *убилъ* вовсе не наводитъ на мысль о какомъ-нибудь особенномъ дружествѣ — это не то, что, напримѣръ, *поцѣловалъ* или *обнялъ* — а дѣлежъ наслѣдства возбудилъ во мнѣ недоувѣріе къ газетному слуху. Только уже послѣ появленія протеста въ печати во мнѣ явилась увѣренность въ дѣйствительности происшествія, которое, до протеста, было сомнительно.

Но, неужели же цѣль протеста была единственно та, чтобы сомнѣніе превратить въ увѣренность? Не лучше ли было бы, въ такомъ случаѣ, вмѣсто ненужнаго протеста, поторопиться опровергнуть слухъ, появившійся въ газетахъ, если была какая-нибудь возможность его опровергнуть? Вѣдь мнѣ, какъ хроникеру, лично до г. Ширинкина никакого не было дѣла и я, разумѣется, серьезно никогда и не думалъ, чтобы мирового судью допустили производить скорую расправу топоромъ или палкой; но такого страннаго до нелѣпости, никѣмъ однакоже не опровергнутаго газетнаго извѣстія, я пропустить не могъ, потому что оно само въ глаза бросается. Если мировой судья начинаетъ бить до смерти мирныхъ гражданъ своего участка и все-таки остается на службѣ, то чего же больше ожидать отъ него въ будущемъ, какъ не такой же скорой расправы палкой, топоромъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ?

Въ защиту судьи Ширинкина (на котораго, лично, никто и не нападалъ) протестанты приводятъ слѣдующія доводы: 1) Ширинкинъ, со введеніемъ въ Воронежской губерніи судебныхъ уставовъ, два раза избирался въ мировые судьи: первый разъ всѣми бѣлыми шарами, а въ другой—съ однимъ чернымъ шаромъ. 2) Довѣріе со стороны общества къ г. Ширинкину было такъ велико, что наслѣдники убитаго Гусева *безъ страха* рѣшились вручить произволу убійцы раздѣлъ наслѣдства. Впро-

чемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что, по словамъ корреспондента, наследники убитого «*были съ нимъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ*»—и это, весьма важное обстоятельство, протестантами не опровергнуто.

Какой же смыслъ имѣеть этотъ странный протестъ? Протестанты сами подтверждаютъ, что судья Ширинкинъ дѣйствительно *убилъ* купца Гусева—съ умысломъ, или нечаянно—это покажетъ слѣдствіе, а теперь, пока, нельзя утвердительно сказать ни того, ни другого. Протестанты не опровергаютъ слуха о самыхъ дурныхъ отношеніяхъ наследниковъ къ убитому, богатому купцу, а, слѣдовательно, и *доверіе* наследниковъ къ судѣ не имѣеть никакого значенія. Остается только лишь выборъ г. Ширинкина въ судьи—одинъ разъ единогласно, въ другой—большинствомъ голосовъ; но, если мы избраніе большинствомъ вздумаемъ ставить въ особенную заслугу избраннымъ, то придется, всѣхъ безъ исключенія мировыхъ судей считать превосходными людьми, тогда какъ между ними встрѣчаются, къ сожалѣнію, и нечистые на руку, и помѣшанные, и озорники, которые бьютъ смиренныхъ священниковъ, приговариваютъ другихъ мировыхъ судей къ аресту и служатъ архіерейскія обѣды, нарядившись въ рогожу вмѣсто ризы, вооружившись старымъ лаптемъ на веревкѣ, вмѣсто кадила!

Что касается до «*особеннаго доверія*» къ судѣ Ширинкину со стороны наследниковъ убитого, на которое опираются протестанты, то, относительно этого предмета, не мѣшаетъ повторить здѣсь сказанное въ 232 № «Судебнаго Вѣстника»: «По нашимъ личнымъ свѣдѣніямъ и какъ усматривается изъ Сборника рѣш. гражд. кассац. департ., во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мировые судьи рѣшали *крутыя* дѣла на основаніи указанной статьи,—за кулисами этого патриархальнаго суда почти всегда срывались обстоятельства весьма сомнительнаго свойства. Сколько намъ извѣстно, сенатъ большею частью *уничтожаетъ* все производство по подобнымъ патриархальнымъ разбирательствамъ».

И далѣе: «еслибы кто и вздумалъ привлекать его къ таковой (отвѣтственности за отказъ), то сенатъ безъ сомнѣнія высказалъ бы здѣсь то, что онъ замѣтилъ одному мировому судѣ, неустраившему себя отъ разбора дѣла, въ коемъ одна изъ тяжущихся сторонъ состояла съ нимъ въ четвертой степени свойства,—а именно, что хотя законъ и не предписывалъ устроить себя отъ разрѣшенія этого дѣла, но того требовало «*благоразуміе*» (1872, № 172; «Суд. Вѣстн.» № 221; полож. № 117).

И въ данномъ случаѣ г. Ширинкинъ, по нашему мнѣнію, поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, еслибы онъ устранилъ себя отъ раздѣла наследства послѣ убитого имъ Гусева, да еще притомъ на основаніи обоюдоострой и весьма опасной ст. 30 уст. гр. суд.».

А, по нашему мнѣнію, гг. протестанты поступили бы гораздо

благоразуміе, еслибы воздержались отъ подобныхъ протестовъ, напоминающихъ собою знаменитую рѣчь одного провинціального адвоката, который, увлекшись защитой своего кліента, назвалъ его наконецъ воромъ и разбойникомъ и принужденъ былъ выслушать отъ прокурора такое замѣчаніе: вы, г. защитникъ, начали за здравіе, а кончили за упокой!

Н. Д.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Январь 1873 г.

На новый годъ. — Изъ исторіи отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. — Диссертация г. Зибера: «Теорія цѣнности и вѣнчала Рикардо». — Почему тенденціозная литература иногда даетъ замѣчательные художественные и научные результаты, а иногда нѣтъ. — Совѣтъ «Малдру». — Гг. Эдипъ де-Пуле и Эдипъ Коршъ. — «Разсвѣтъ, сборникъ произведеній писателей-самоучекъ». — Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ. — Куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ? — «Очерки ирландской жизни», Тренча. — Важный соціологическій законъ и его примѣненіе къ условіямъ успѣха и къ задачамъ литературы. — Самоотреченіе Милля. — Два слова о публицистахъ и беллетристахъ. — Г. Достоевскій о социализмѣ.

Съ новымъ годомъ, читатель, съ новымъ счастьемъ. Знакомые и родные пожелають вамъ чиновъ, крестовъ, многолѣтія, дѣтей, здоровья, богатства. Я, вашъ скромный собесѣдникъ по текущимъ дѣламъ русской литературы, могу вамъ пожелать только одного: честной и смѣлой литературы. Но за то, я увѣренъ, ни одинъ изъ вашихъ знакомыхъ не подноситъ вамъ своихъ пожеланій всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ съ такою искренностью, съ какою я приношу вамъ свое. И, можете быть, немного найдется благъ выше того, котораго желаю вамъ я. Въ принципѣ, литература есть такая же служительница истинны и справедливости, какъ и всѣ другія общественныя функціи. Но поле ея дѣятельности шире, чѣмъ у другихъ функціи, а потому съ нея больше и спрашивается, и большее благо представляетъ она, если исполняетъ свои обязанности какъ слѣдуетъ. Смѣлость и честность обязательны для нея въ такой же мѣрѣ, какъ для суда, для политики внутренней и внѣшней, для экономической дѣятельности. Но ея положительныя или отрицательныя качества важнѣе для общества, такъ какъ ей до известной степени принадлежитъ власть и надъ судомъ, и надъ политикой, и надъ экономической дѣятельностью. Конечно, мы

нѣсколько отвыкли отъ такого представленія о значеніи литературы. Но только потому, что литература теперешняя имѣетъ весьма мало положительныхъ качествъ, а качества отрицательныя—слабость, вялость, нечестность, распушенность—не могутъ давать результатовъ, вполне осозательныхъ. Они дѣлаютъ свое дѣло, эти отрицательныя качества, они вносятъ въ общество свой ядъ, и еслибы можно было вычислить количество его, мы изумились бы округленности цифры, но это вліяніе невидно и неуловимо. Доброкачественны или дрянны предлагаемые обществу продукты литературы, но à la longue они не остаются безъ вліянія. Если они не всегда воспринимаются сознательно, то всасываются бессознательно, и такъ или иначе дѣлаютъ свое дѣло. И вотъ почему я утверждаю, что, желая вамъ честной и смѣлой литературы, я желаю вамъ одного изъ величайшихъ благъ. Я очень хорошо понимаю, что многіе найдутъ мое желаніе идилическимъ. «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости», — все это для насъ «жалкія слова», смѣшныя слова, ненужныя, непонятныя, чужія слова. Литература наша умѣла понимать этотъ языкъ въ періодъ своего возрожденія и молодости, но теперь это для нея нѣчто въ родѣ засохшихъ желтыхъ цвѣтотъ Адуева, нѣчто въ родѣ изображенія предмета первой, чистой любви старой, нарумяненной кокетки, — воспоминаніе о шалостяхъ и увлеченіяхъ дѣтства. Приятно конечно иногда возобновить въ своей памяти розовыя мечты и золотыя надежды юношескихъ годовъ, ту рьяность, ту гордость, вѣру въ себя, широкій размахъ требованій отъ жизни, которые такъ врасяютъ молодость. Но не возвращаться же къ этой пройденной ступени. Я авторъ передовыхъ статей, фельетонистъ, беллетристъ и проч.,—при чемъ тутъ служеніе истины и справедливости, смѣлость, честность?—Говоря это, я, разумѣется, не имѣю въ виду отдѣльныхъ личностей, между которыми есть изношенныя и неизношенныя. Литература въ общемъ состарѣлась настолько, что не можетъ безъ скептической улыбки говорить не только о формахъ своихъ юношескихъ надеждъ и задачъ, а и о самыхъ надеждахъ и задачахъ. И тѣмъ не менѣе, я все-таки желаю вамъ смѣлой и честной литературы.

Но я долженъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться. Со стороны внѣшнихъ вліяній положеніе литературы невыгодно. Это всѣмъ извѣстно, хотя «Указатель по дѣламъ печати», къ сожалѣнію, не печатаетъ свѣдѣній объ арестуемыхъ и уничтожаемыхъ книгахъ. Законъ 7-го іюня 1872 года, извѣстный подъ именемъ дополненія закона 6-го апрѣля 1865 года, значительно ограничилъ свободу печати.

Не въ цензурномъ отношеніи конечно можемъ мы пожелать литературѣ избытка смѣлости. Дѣло ясное, что мы должны дѣлать только то, что намъ позволяютъ дѣлать, потому что если мы позволимъ себѣ дѣлать то, чего намъ не позволяютъ, то намъ ничего не позволятъ дѣлать. Таково положеніе вещей.

Но литература можетъ ослаблять по крайней мѣрѣ нѣкоторые мотивы недовѣрія и неуваженія къ ней, а можетъ — значить должна. Литература можетъ быть честна и смѣла, если не въ способахъ бесѣды съ читателями, если не во внѣшнемъ выраженіи своихъ идей, то въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ обществу, а можетъ — значить должна. И потому я опять-таки желаю читателю честной и смѣлой литературы, желаю — значить ея имѣть. Да, ея имѣть, или почти имѣть.

Литература можетъ въ значительной степени сама убѣдить и общество, и правительство, что удовлетвореніе празднаго любопытства не есть ея задача. Это очень нетрудно, ибо одна изъ существеннѣйшихъ задачъ литературы состоятъ напротивъ въ борьбѣ съ празднымъ любопытствомъ, куда бы оно ни было устремлено. Ученый, если онъ сообщаетъ только свѣдѣнія, хотя бы эти свѣдѣнія ни на что не годились, художникъ, который даетъ только картинки, хотя бы эти картинки не имѣли никакого содержанія, — удовлетворяютъ праздному любопытству и не только не исполняютъ задачъ литературы, но подлежатъ ея карѣ, какъ подлежатъ ея карѣ всякій другой гаеръ и фокусникъ. Мы не на столько ригористы, чтобы не признавать человѣческой слабости и законности извѣстной дозы гаерства и фокусничества почти на всѣхъ путяхъ жизни. Но *est modus in rebus*, что можно перевести порусски: свернаго по немножку. Всегда и во всѣхъ отрасляхъ науки, и во всѣхъ видахъ искусства найдутся гробоконатели, удовлетворяющіе праздному любопытству. Но желательно, чтобы приправа не превращалась въ кушанье.

Да позволено мнѣ будетъ напомнить читателю нѣкоторые моменты отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. Намъ незачѣмъ подниматься къ тому глухому времени, когда связанная по рукамъ и по ногамъ литература по необходимости удѣляла много силъ на удовлетвореніе празднаго любопытства. Мы напомнимъ лишь начало нынѣшняго царствованія, когда формулы празднаго любопытства: «наука для науки», «искусство для искусства» подвергались безпощадному бичеванію и были почти изгнаны дружными усиліями литературы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это время, но всякій долженъ признать, что литература пользовалась тогда уваженіемъ, что къ ея голосу прислушивались во всѣхъ концахъ Россіи, что люди стремились сообразоваться съ ея указаніями и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности. Одну изъ причинъ этого явленія несомнѣнно составляло презрѣніе литературы къ праздному любопытству. Конечно, мы называемъ здѣсь празднымъ любопытствомъ то, что другіе называютъ специально-научными и специально-художественными дѣлами. Эти другіе должны будутъ называть презрѣніе къ праздному любопытству презрѣніемъ къ наукѣ и искусству. Но — странное дѣло — это презрѣніе ни малѣйше не вредило интересамъ науки и искусства. Литература

была тенденціозна, она была вся поглощена разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяла на ходъ общественныхъ дѣлъ и поведеніе отдѣльныхъ личностей, научныя и художественныя дѣла отодвигала на послѣдній планъ и однако поучнымъ образомъ давала замѣчательные научные и художественные результаты. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1871 году вышла диссертация г. Зибера «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями»,—довольно замѣчательное явленіе въ нашей школьной литературѣ. Это «критико-экономическое изслѣдованіе» имѣетъ въ основаніи своемъ теорію цѣнности Карла Маркса и стремится доказать, что ученіе о цѣнности, какъ оно поставлено классической политической экономіей (Смитъ, Рикардо, отчасти Мальтусъ), требуетъ только извѣстныхъ дополненій и послѣдовательнаго развитія, чтобы достигнуть строго-научнаго значенія. Между тѣмъ, послѣдующіе экономисты не только не дали этого дополненія и послѣдовательнаго развитія, но, запутываясь въ эмпирическихъ фактахъ, все болѣе и болѣе уклонялись отъ истины. Въ предисловіи г. Зибера говорить, что ему извѣстны только два сочиненія, въ которыхъ разсматриваются важнѣйшія части системы Рикардо въ ихъ взаимной связи; одно изъ нихъ есть сочиненіе Баумштарга, а другое—статья нашего соотечественника г. Ю. Жуковскаго «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» («Современникъ», 1864 г.). О достоинствѣхъ этой работы авторъ говоритъ вскользь, именно, что, будучи согласенъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ г. Жуковскимъ, онъ не согласенъ съ нимъ въ другихъ. Мнѣ пріятно вспомнить, что въ статьѣ «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго» я отдалъ большую справедливость заслугамъ нашего экономиста. Я указалъ именно, что г. Жуковскій давно уже высказалъ мысль о необходимости возвращенія къ источникамъ политической экономіи, въ которыхъ имѣются всѣ данныя для правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, данныя, совершенно извращенными современною школьною политической экономіей. Но я тогда же указалъ, что честь «права перваго занятія» этой идеи, оказавшейся нынѣ столь плодотворною въ сильныхъ рукахъ Карла Маркса, принадлежитъ въ русской литературѣ не г. Жуковскому, а другому писателю, автору статей «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Современникъ», 1859), «Капиталъ и трудъ» (1860), примѣчаній къ Миллю и проч. Кромѣ старшинства по времени, разница между этимъ писателемъ и г. Жуковскимъ можетъ выразиться нагляднымъ образомъ такъ: Если, накримѣръ, г. Жуковскій обстоятельно и строго-научно, даже нѣсколько педантически, доказываетъ, что трудъ есть мѣра цѣнности и что всякая цѣнность производится трудомъ, то авторъ упомянутыхъ статей, не упуская изъ виду теоретической

сторонн дѣла, наираетъ преимущественно на логическій практическій выводъ изъ нея: будучи производима и измѣряема трудомъ, всякая цѣнность должна принадлежать труду. Во всякомъ случаѣ, г. Жуковскій былъ когда-то чадомъ своего времени, какъ теперь онъ чадо другого времени. И потому намъ пожалуй и не зачѣмъ мѣрять его съ кѣмъ бы то ни было. Намъ важно только указать, что въ періодъ презрѣнія къ наукѣ русская литература оказывала такія важныя услуги даже чистой наукѣ, что будущій историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи отпѣтитъ ихъ съ величайшимъ почтеніемъ. Слажемъ больше. Будущій историкъ напишетъ: еслибы въ это время русскій языкъ былъ извѣстенъ въ Европѣ, то европейская наука могла бы кое-чѣмъ позанимствоваться отъ этихъ якобы легкомысленныхъ и презирающихъ науку людей.

Въ области искусства напомнимъ, что въ періодъ презрѣнія къ искусству выросъ и окрѣпъ талантъ Щедрина, который безъ сомнѣнія займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Напомнимъ Островскаго. Напомнимъ группу талантливыхъ народныхъ писателей, каковы Рѣшетниковъ, гг. Гл. Успенскій, Левитовъ, Н. Успенскій, отчасти г. Слѣповъ. Этому направленію, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось развернуться и окрѣпнуть. Оно только начало слагаться, выванное самою жизнью, какъ колесо жизни повернулось. Судить эту маленькую группу пока очень мудрено. Во всякомъ случаѣ «Раззоренье» Гл. Успенскаго показало, что отъ нея мы вправѣ ждать своего рода драгоцѣнностей. Но, еслибы она даже совершенно заглохла, что было бы очень и очень печально, то историкъ литературы, даже имѣя въ виду спеціально-художественные интересы, несомнѣнно помянетъ добрымъ словомъ теплый, мягкій юморъ Гл. Успенскаго и, какъ выразился г. Тургеневъ, «трезвую правду» Рѣшетникова. Они будутъ помянуты такъ, какъ разумѣется не помянется ничто, порожденное нашимъ временемъ, когда мы вновь возвращаемся къ уваженію науки и искусства по одной терминологіи, къ праздному любопытству по другой.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ временъ возрожденія русской литературы. Это была литература смѣлая и честная, игравшая въ открытую, требовавшая отчета отъ всѣхъ явленій жизни и готовая всегда сама дать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ. Посмотримъ въ чемъ заключался секретъ этой литературы. Дальнѣйшая ея исторія показала, что одной искренности, одного отвращенія къ праздному любопытству недостаточно еще для того, чтобы попутнымъ образомъ получались замѣчательные художественные и научные результаты. Дѣйствительно, припомнимъ второй періодъ развитія честной и смѣлой литературы, періодъ Русскаго Слова. Всѣ мы помнимъ это время господства такъ-называемаго реализма, когда презрѣніе къ праздному любопытству достигло, повидимому, своего апогея. Но всѣ мы

знаемъ также, что ни одного сколько-нибудь виднаго научнаго или художественнаго продукта это время не дало, хотя въ литературѣ фигурировали, рядомъ съ бездарностями, и высоко-талантливыя натуры, каковъ покойный Писаревъ. Я знаю, что у многихъ русскихъ критиковъ есть вполне готовое объясненіе этого факта: литературу сгубила ея тенденціозность, ея неуваженіе къ наукѣ и искусству, какъ къ самостоятельнымъ жизненными дѣлами. Съ тѣми изъ господъ критиковъ, раздѣляющихъ это мнѣніе, которые ваятъ въ одну кучу Писарева и вышеупомянутаго предшественника г. Жуковского, Щедрина и г. А. Михайлова, Гл. Успенскаго и г. Важина,—съ этими господами я разговаривать не буду. Критиковъ же, нѣсколько болѣе разборчивыхъ, я спрошу: почему тенденціозность не мѣшала первому періоду возрожденной литературы и мѣшала второму? Если мнѣ скажутъ, что во второмъ періодѣ литература впала въ крайности тенденціозности, то я попрошу отвѣтить мнѣ: во первыхъ, почему это случилось? во вторыхъ, гдѣ лежить граница между мѣшающею и не мѣшающею тенденціозностью?

Разъ я задаю эти вопросы, значитъ я имѣю на нихъ отвѣты, и я предложу ихъ вниманію читателей. Литература перваго періода дѣлала общенародное русское дѣло, ближайшія ступени котораго были всѣмъ ясны до мельчайшихъ подробностей. Задача жизни состояла въ восстановленіи справедливости, въ теченіи вѣковъ правомѣрно нарушавшейся въ отношеніи къ милліонамъ русскаго народа. Литература взяла на себя обязанность быть органомъ возмущенной общественной совѣсти и всѣ сферы науки, всѣ формы искусства пускала въ ходъ въ видѣ средствъ для достиженія своей цѣли. Наслажденія собственно знаніемъ и художественнымъ творчествомъ и созерцаніемъ играли для нея подчиненную роль, и тѣмъ не менѣе наука и искусство отъ этого не страдали. Зависѣло это именно отъ того, что литература дѣлала дѣло не кружка, не группы, не сословія, а дѣло всего народа. Въ этомъ значеніи народнаго дѣла нѣтъ ничего мистическаго. Ниже мы увидимъ въ чемъ тутъ дѣло, а пока замѣтимъ просто, что чѣмъ шире поле вашихъ наблюдений, тѣмъ вы ближе къ истинѣ; чѣмъ шире поле вашего сочувствія, тѣмъ вы ближе къ справедливости. Поэтому беллетристъ, публицистъ, ученый, принимающій въ соображеніе фактическое положеніе народа и служащій интересамъ народа, будетъ, при равенствѣ другихъ условій, непремѣнно выше писателя, преслѣдующаго хотя бы самыя возвышенныя цѣли кружка хотя бы самыхъ благородныхъ людей. Онъ будетъ выше въ качествѣ служителя истины и справедливости; для него, опять-таки, разумѣется при равенствѣ другихъ условій, вѣроятнѣе созданіе высокохудожественныхъ произведеній и добыча научныхъ истинъ. И пониженіе уровня литературы въ періодъ Русскаго Слова объясняется для меня не тенденціозностью ея, а направленіемъ ея тенденціозности. Дѣло этой литературы вовсе не было

народнымъ дѣломъ. Это было дѣло «мыслящаго пролетаріата», дѣло молодыхъ образованныхъ русскихъ людей обоего пола. Дѣло это было въ принципѣ совершенно законное и полезное. Отряхнувъ отъ ногъ своихъ прахъ крѣпостничества, образованные русскіе люди, главнымъ образомъ, конечно, молодые, естественно должны были пожелать выработать себѣ правила личнаго поведенія. И вотъ мы видимъ цѣлую вереницу романовъ и повѣстей, переполненныхъ образами молодыхъ людей, стремящихся къ личной чистотѣ. Литературная критика провѣряла эти образы, сравнивала ихъ, спорила объ томъ какой изъ литературныхъ типовъ можетъ и долженъ быть образцомъ поведенія, или объ томъ, кто выше по степени личной чистоты: Рудинъ ли, или Лаврецкій, Базаровъ, Круциферскій, Печоринъ, Рахметовъ. Характеръ образа мыслей и дѣйствій, предписываемаго этою литературой, вполне опредѣлялся требованіями времени. Онъ долженъ былъ замѣнить лживый, грязный и размазанный, гнусный и ходульный образъ мыслей и дѣйствій, сложившійся подъ давленіемъ крѣпостничества. Требовалось свести ходульный идеализмъ на расчищенную землю, расчистить кучу поволоченного навоза, копившагося многіе и многіе годы. Сокращеніе всѣхъ статей общественаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія «мыслящаго пролетаріата», — таковъ былъ девизъ литературы. Имъ устранялась всякая роскошь, все бесполезное и лживое. Пока рядомъ съ этимъ теченіемъ продолжало жить и дѣйствовать въ литературѣ общенародное дѣло, оно было явленіемъ и законнымъ, и весьма отраднымъ. Оно отвѣчало потребностямъ наиболѣе свѣжей, воспримчивой части общества; оно было смѣло и честно; оно боролось съ празднымъ любопытствомъ. Поэтому оно должно было пользоваться и дѣйствительно пользовалось уваженіемъ общества. Но физиономія литературы приняла совершенно другой характеръ, когда силою внѣшнихъ обстоятельствъ и личныхъ вкусовъ литературныхъ дѣятелей, задача литературы специализировалась, когда въ ней не осталось ничего, кромѣ личнаго совершенствованія молодыхъ русскихъ людей обоего пола. Насколько эта тема велика и благодарна, когда она связана съ другими, болѣе широкими задачами, настолько же она плоска и неблагодарна, когда она поглощаетъ всѣ силы литературы. Мы очень быстро повыбросали за бортъ всякую ложь и ненужную роскошь жизни. Но за неимѣніемъ другихъ задачъ или за неумѣніемъ найти ихъ, мы все продолжали разрабатывать вопросъ: какъ мнѣ жить свято? мнѣ, т. е. мыслящему пролетаріату. Мы накладывали на себя все новыя и новыя эпитеты, регламентировали каждый свой шагъ, но мы заботились при этомъ исключительно о себѣ. Основныя правила добропорядочнаго поведенія крайне немногосложны и тянуть эту канитель достаточно долго можно только вдаваясь все въ большія и большія подробности. Такъ и было. Я—тогда еще только мечтавшій о литературной дѣятельности

мальчикъ—живо помню эти безконечные словесные споры о томъ, какъ мнѣ жить свято. Я никогда не брошу въ нихъ словомъ упрека, потому что по собственному опыту знаю какъ много въ нихъ было искренности и душевности. Но при большей дозѣ хладнокровія легко было бы замѣтить, что этотъ путь ведетъ въ глухой переулочекъ. Въ самомъ дѣлѣ, обрабатывая свой вопросъ до мельчайшихъ подробностей, мы выработали, наконецъ, два-три шаблона, по которымъ всякій, не имѣющій ни искры таланта или серьезной мысли, могъ сострапать романъ, повѣсть критическую статью. Но замѣчательныхъ художественныхъ и научныхъ результатовъ это направление дать не могло и дѣйствительно не дало; именно потому, что его дѣло было дѣломъ не народа, а секты, и притомъ секты, къ которой могли применить представители только очень немногихъ слоевъ общества. Поле наблюдений и сочувствія этой литературы было слишкомъ узко, чтобы на немъ могло вырасти что нибудь кромѣ личной морали. Я не хочу, разумеется, сказать, чтобы эта литература не ждала служить народу. Напротивъ, это служеніе несомнѣнно входило въ ея программу, и многіе изъ представителей этого направления дорого заплатились за неумѣлыя попытки служенія народу. Но служеніе это представлялось только въ самыхъ общихъ очертаніяхъ распространенія просвѣщенія и благосостоянія. Между тѣмъ какъ въ то же время мы до мельчайшей подробности разбирали вопросъ объ томъ какъ долженъ жить «мыслящій пролетарій»: какъ онъ долженъ спать, одѣваться, откостыться къ родителямъ, къ женѣ и проч., и проч., и проч. Стараясь, по возможности, упростить форму личной жизни «мыслящаго пролетарія», мы не замѣчали, что она становится въ такое противорѣчіе съ усложненіемъ формулы общественной жизни, которое отрѣзываетъ мыслящему пролетарію путь къ цѣлесообразной общественной дѣятельности, какъ бы ни были высоки его стремленія. Мы не замѣчали и того, что по мѣрѣ упрощенія жизненной формулы она становилась все искусственнѣе. Итакъ, не тенденціозность, не презрѣніе къ праздному любопытству было (и остается въ нѣкоторыхъ органахъ и по сю пору) главнымъ мѣстомъ этой литературы, а спеціальный характеръ ея тенденціозности.

Я совсѣмъ обойду ту инсинуаціонную, плоскую литературу, представителемъ которой можно признать хоть г. Стебницкаго, показавшаго въ своихъ «Соборанахъ», что для него не существуетъ предѣлъ «некуда». Я рекомендовалъ бы «Малюру» или «Будильнику» изобразить рядъ переходныхъ формъ отъ Базарова до героя «Саборанъ», Термососова, который есть уже просто каторжанинъ. Недурно было бы также изобразить градацію творцевъ этихъ формъ. Тогда можетъ быть оправдывается теорія одного нѣмца, въ силу которой не человекъ произошелъ изъ низшихъ формъ, а напротивъ обезьяны и проч. произошли отъ человека. Я перехожу къ другимъ сторонамъ современной ли-

тературы, которыхъ, несмотря на ихъ непривлекательность, можно все-таки касаться безъ перчатокъ.

Несомнѣнно, что мы нынѣ возвратились къ уваженію науки и искусства, какъ самостоятельныхъ цѣлей жизни. Мы приносимъ обильныя жертвы на оба эти алтаря, мы еще больше говоримъ объ нихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы литература была особенно бѣдна дарованіями. Нѣтъ, таланты есть, есть даже весьма крупныя. И тѣмъ не менѣе всѣ согласны въ томъ, что общій уровень литературы стоитъ весьма низко. Въ литературѣ нѣтъ не только живой общественной струны, но она не представляетъ почти ничего цѣннаго даже въ области чистой науки и чистаго искусства, за которыми она такъ усиленно ухаживаетъ. Тотъ самый г. Жуковский, о заслугахъ котораго было говорено выше, нынѣ, обратившись къ вѣщному служенію наукѣ, занимается просто фокусами. Новые научные дѣятели особенно азартны въ поклоненіи безстрастной, но мудрой Изидѣ, какъ, примѣръ, г. Стронинъ, опять-таки занимаются фокусами. Объ искусствѣ и говорить нечего: старое старится, молодое не растетъ, и все что есть дѣйствительно цѣннаго, дано не нашимъ временемъ. Естественно, что это явленіе интересуетъ многихъ, и всякій старается объяснить себѣ такъ или иначе фактъ оскуднѣнія литературы. Представилъ и я читателю свое объясненіе и постараюсь его дополнить сегодня. Я представилъ также объясненіе г. Стронина, которое есть, впрочемъ, не объясненіе, а не совсѣмъ вѣрное описаніе. Нынѣ я могу занести въ свои замѣтки еще нѣсколько объясненій того же факта.

Недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано письмо г. де-Пуле, имѣющее въ виду разъясненіе причинъ оскуднѣнія литературы. Разъясненіе это касается одной беллетристики и отличается замѣчательною, почти дѣтскою простотою. Г. де-Пуле начинаетъ съ заявленія, что фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Z., обнаруживаетъ такую способность критической оцѣнки беллетристическихъ произведеній, такое эстетическое пониманіе, какое въ русской литературѣ «не часто встрѣчалось послѣ Бѣлинскаго». Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотѣлъ сказать этими словами г. де-Пуле: то ли, что до Бѣлинскаго зеты встрѣчались часто или что другое,—но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поднести читателю означенное сопоставленіе именъ въ видѣ сюрриза на новый годъ. Я готовъ признать мнѣніе г. де-Пуле «непредложнымъ положеніемъ», но съ прискорбіемъ ожидаю, что съ помощію божіей и логики г. Корша, изъ него произойдутъ «самыя странныя, самыя невѣроятныя заключенія». И дѣйствительно они происходятъ. Вся бѣда современной беллетристики обуславливается, по мнѣнію г. де-Пуле, во первыхъ ея тенденціозностью, а вовторыхъ тѣмъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ недостаточно обращается вниманіе на «технику» нашихъ врупу-

ных мастеровъ, каковы гг. Тургеневъ, Некрасовъ и проч. Это сама *sancta simplicitas*. Проще, невиннѣе, «святѣе» этого объясненія ничего нельзя придумать. Оно напоминаетъ остроумные отвѣты нянекъ на вопросы любопытныхъ ребятишекъ: откуда у нихъ маменьки берутся маленькія дѣти? — «Боженька присылаетъ». Я хотѣлъ было пориться въ старыхъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» времени М. Н. Муравьева, редакторомъ которыхъ былъ г. де-Пуле. Миѣ хотѣлось именно посмотреть, что можетъ быть сдѣлано при помощи голубиной чистоты принциповъ г. де-Пуле. Но я сказалъ себѣ: да идетъ г. де-Пуле въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и далѣе съ миромъ; да благословить его г. Коршъ, какъ благословилъ онъ недавно г. Стронина.

И г. Коршъ благословляетъ. Онъ присовокупляетъ въ прилѣчаніи, что, будучи совершенно согласенъ съ г. де-Пуле относительно программъ среднихъ учебныхъ заведеній, онъ не можетъ не указать на другую причину оскуднѣнія литературы вообще и беллетристики въ частности: гражданское и промышленное развитіе Россіи, желѣзныя дороги, прокуратура, адвокатура и проч. — поглотили всѣ видныя силы и мало оставили литературѣ. Это механическое объясненіе достойно философскихъ приемовъ г. Корша вообще, но едва-ли онъ сумѣетъ поддержать его чѣмъ нибудь, кромѣ доводовъ «отъ разума». Фактическая несостоятельность его выйдетъ наружу тотчасъ-же, если вы припомните имена наиболѣе видныхъ нашихъ практическихъ дѣятелей. При этомъ окажется, что большинство ихъ никогда не были и не общали быть замѣтными литературными дѣятелями. Съ другой стороны окажется что многіе писатели стали писателями, по крайней мѣрѣ замѣтными, только подъ вліяніемъ гражданского и промышленнаго развитія Россіи, какъ напримѣръ гг. Васильчиковъ и др. Да это, надѣюсь, понятно и отъ разума. Если разсуждать по логикѣ г. Корша, то окажется, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего отечества литература будетъ все болѣе и болѣе обираема въ пользу другихъ общественныхъ функцій и наконецъ отъ нея останется одинъ голый скелетъ, — можетъ быть это будетъ г. Коршъ съ своими сотрудниками и съ своей страшной логикой. И такова будетъ литература въ высшій моментъ развитія нашего отечества. Спрашивается однако, почему такого обиранія не произошло въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда крестьянское дѣло и множество другихъ практическихъ сферъ потребовали массу силъ для своей эксплуатаціи, а между тѣмъ литература жила, какъ никогда ни до, ни послѣ того? Съ точки зрѣнія г. Корша это явленіе необъяснимо, между тѣмъ какъ оно совершенно естественно. Если и допустить, что какой нибудь десятокъ возможныхъ литературныхъ силъ поглощенъ практическою дѣятельностью, то онъ съ избыткомъ вознаграждается силами, приливающими именно вслѣд-

ствіе общаго развитія жизни. Такъ по крайней мѣрѣ должно быть. Но если этого и нѣтъ, если компенсація происходитъ въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ, то указаніе на этотъ фактъ все-таки отнюдь не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: почему скуднѣетъ русская литература вообще и беллетристика въ частности? Вопросъ остается открытымъ и даже осложненнымъ. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ государствахъ, во всѣ времена шаги общества впередъ на поприщѣ политическаго, экономическаго и гражданскаго развитія вызывали расцвѣтъ литературы, чтó совершенно естественно. У насъ этого нѣтъ. Почему? Мудрый Эдипъ (я разумѣю г. Корша)—разрѣши.

Во ожиданіи я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на книжку, заслуживающую вниманія только по нѣкоторымъ косвеннымъ причинамъ. Въ газетахъ недавно печатались объявленія о «небываломъ» (sic) сборникѣ. Вотъ его полное заглавіе: «Разсвѣтъ. Сборникъ произведеній писателей-самоучекъ (нигдѣ не бывшихъ въ печати)». Въ предисловіи говорится: «Изданіе Разсвѣта, сборника писателей-самоучекъ, возникло изъ желанія познакомить читающую публику съ произведениями современныхъ нашихъ писателей-самоучекъ, не получавшихъ научнымъ путемъ ни образованія, ни воспитанія, но саморазвившихся, самовоспитавшихся. Сборникъ нашъ не есть какая либо претензія на литературное его значеніе. Единственная его цѣль—показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою въ настоящее время развивается и какъ сочувствуетъ грамотности и какъ любитъ литературу». Я съ большимъ вниманіемъ перечиталъ сборникъ. При нынѣшнемъ безлюдьи поневолѣ съ особеннымъ интересомъ слѣдишь за вновь прибывающими въ литературу силами, а здѣсь ихъ представляется разомъ человекъ пятнадцать. Но я не помню, чтобы за послѣднее время какое нибудь чтеніе оставляло во мнѣ болѣе грустное впечатлѣніе. Не въ томъ, конечно, дѣло, что большинство произведеній сотрудниковъ «Разсвѣта» страдаютъ по части стихосложенія, а иногда и по части грамотности. Не въ томъ также, что буквально всѣ они свидѣтельствуютъ о слишкомъ уже пристальномъ изученіи «техники» Некрасова, Шевченки, Кольцова, Гл. Успенскаго. Дѣло въ цѣляхъ сборника. Сотрудники Разсвѣта рекомендуются людьми изъ народа. Надо думать, они большею частью изъ мѣщанъ и купеческихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ они по рожденію и условіямъ быта стоятъ довольно близко къ массѣ народа. Но они не только грамотны, а и не лишены нѣкоторыхъ знаній и развитія. Обстоятельства эти даютъ имъ право на своеобразное, почетное и полезное положеніе въ литературѣ. Одно изъ двухъ: или они могли бы, зная бытъ крестьянъ и умѣя съ ними говорить, поставить себѣ задачей литературу для народа; или они могли бы представить образованнымъ классамъ картины изъ жизни народа, передать чувства и возрѣнія народа. Къ

сожалѣнію, сотрудники Разсвѣта не выбрали ни того, ни другаго, а пожелали просто пофигуривать въ литературѣ. Или, какъ они сами выражаются, «показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою, въ настоящее время развивается» и проч. Вслѣдствіе этого, вмѣсто всего того, чего ми вправѣ были бы ожидать отъ сотрудниковъ Разсвѣта, получился сборникъ бездѣльных стихотвореній и разсказовъ, буйвально никому и ни на что не нужныхъ. Вотъ, на примѣръ, стихотворенія г. Новоселова.

Пройдетъ и ночь, пройдетъ и день,
 Пройдутъ недѣли и года,
 Какъ подемъ облачная тѣнь;
 Пройдутъ и явь отъ нихъ снѣда.
 Пройдетъ и жизнь, исчезнешь ты,
 Исчезнутъ всѣ твои мечты.
 И для чего, Богъ вѣсть, ты жилъ
 И ненавидѣлъ и любилъ.
 И тайна вѣчная Творца
 Все будетъ тайной безъ конца.

Изъ этого стихотворенія видно, что г. Новоселову приходится иногда въ голову мысли о тщетѣ всего земнаго, мысли, довольно часто посѣщающія поэтовъ вообще. Но въ немъ не видно ничего характернаго, ничего такого, что свидѣтельствовало бы о развитіи «нашего народа». Или вотъ отрывокъ изъ стихотворенія г. Жарова «На кладбищѣ». Поэтъ останавливается передъ одной могилой.

Я въ прошлаго сталъ вспоминать
 Погребеннаго вѣсь и значавше;
 И не могъ совершенно понять
 Почему сталъ онъ жертвой забвенья.
 Онъ приличный имѣлъ капиталъ,
 Всѣ знакомствомъ его дорожили,
 Изъ гдеславья онъ денегъ давалъ,
 Но ему ихъ навадь не платили.
 Каждый другъ въ нему въ домъ прѣзжалъ
 Акуратно къ началу обѣда,
 Онъ равно всѣхъ къ себѣ принималъ
 Опшвалу, глупца, дармоѣда.

Наконецъ друзья довели обладателя приличнаго капитала до нищеты и онъ умеръ, оставленный неблагодарными прихлебателями. Поэтъ заключаетъ:

Вотъ что значить убитъ капиталъ
 Для пустаго и глупаго дѣла!

Я привожу только образцы, вовсе не думая «критиковать» ихъ форму и даже мораль. Это было бы неумѣстно относительно сотрудниковъ Разсвѣта, хотя нѣкоторые изъ нихъ ухитряются говорить стихами о «собственномъ я». Но я спрашиваю: неужели «саморазвившимся и самовоспитавшимся» пред-

ставителямъ русскаго народа нечего сказать образованнымъ классамъ, кромѣ этихъ плоскостей и общихъ мѣстъ? Это было бы чрезвычайно грустно, если бы было вѣроятно.

Я искренно желаю бы убѣдить этихъ писателей, чтобы во второмъ выпускѣ сборника (предполагаемаго къ изданію въ нынѣшнемъ году) они бросили безцѣльную выставку своихъ глубокихъ думъ, своего благоразумія, своихъ высокихъ чувствъ. Все это давнымъ давно воспѣто, изложено и теперь воспѣвается и излагается, и притомъ гораздо благообразнѣе, обыкновенными сочинителями, изъ которыхъ нѣкоторые видѣли «народъ» только въ Парголовѣ и другихъ пріютахъ петербургскихъ дачниковъ. Но произведенія сотрудниковъ «Разсвѣта» далеко отстаютъ отъ другихъ произведеній на тѣ-же темы не только въ формѣ. Въ нихъ нѣтъ даже того теплаго, сочувственнаго, любовнаго отношенія къ народу, котораго мы разумѣется могли бы ждать отъ нихъ и которое такъ краситъ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Г. Григорьевъ напечаталъ въ сборникѣ легенду о «лихомангѣ» въ видѣ разсказа ямщика и заключаетъ такъ: «Очень жаль, что подобнымъ недѣлостямъ неразвитой народъ несомнѣнно вѣрить и вы его ничѣмъ не разубѣдите, что этого не можетъ быть, что этого не существовало и не существуетъ; хотя бы вы доказывали ему и фактами—не повѣрять; какъ не повѣрять и тому, что основано на законахъ природы, физики, механики и т. д.» Затѣмъ г. Григорьевъ сообщаетъ какъ тотъ-же ящикъ не повѣрилъ его, г. Григорьева, объясненію дѣйствія телеграфа и рѣшилъ, что здѣсь дѣйствуетъ («дѣвствуетъ») нечистая сила. Г. Григорьевъ опять заключаетъ: «Отчего это такъ? Прежде всего отъ суевѣрія, поселеннаго въ насъ съ дѣтства, съ колыбели разными сказками, разсказами нашихъ нянюшекъ, бабушекъ о чертахъ, домовыхъ и колдунахъ, а затѣмъ отъ простодушія и безграмотности русскаго народа».—Я преклоняюсь передъ здравымъ смысломъ и образованностью г. Григорьева, но не вижу вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рѣчахъ ничего, кромѣ плоскаго резонерства. Читатель публикѣ совершенно незачѣмъ выслушивать отъ г. Григорьева то, что извѣстно каждому гимназисту. Или вотъ, напримѣръ, г. Деруновъ, напечатавъ три «этнографическихкихъ очерка» въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о «поэтическихъ и суевѣрныхъ воззрѣніяхъ народа въ Помехонскомъ уѣздѣ», четвертый печатаетъ въ «Разсвѣтѣ». Прекрасная тема, въ особенности когда за нее берется человекъ, самъ вышедшій изъ народа. И дѣйствительно свѣдѣнія, сообщаемыя г. Деруновымъ не безынтересны. Но, въ сожалѣнію, прилетенныя собирателемъ собственныя размышленія сильно отдаютъ писаремъ, хватившимъ цивилизаціи. Напримѣръ: «Нѣкоторыя изъ прописанныхъ ниже суевѣрныхъ гаданій и примѣтъ имѣютъ смыслъ, мѣткость выраженій, поэтическую фантазію изъ міросозерцанія, а нѣкоторыя не только

не носить никакихъ вѣрованій, но даже лишени всякаго пониманія до бессмысленности.... Много слыветъ между грамотѣями о чудодѣйственной силѣ псалмовъ. И дѣйствительно Псалтырь високо стоитъ не въ одномъ литературномъ отношеніи. Она можетъ быть прекраснымъ руководителемъ во всякой жизни и болѣе ничего. Оттуда же нашъ народъ почерпнулъ какую-то особенную чудодѣйственную силу Псалтыри?—Все это писарское краснорѣчіе просто гадно въ виду того, чѣмъ могъ бы быть «Разсвѣтъ». И я опять таки спрашиваю: неужели русскому народу нечего сказать, кромѣ этой размазни и щеголянья цивилизаціей г. Дерунова?

Во всякомъ случаѣ сотрудники «Разсвѣта» отличаются отъ всей массы современныхъ писателей только нѣкоторыми отрицательными качествами. И затѣмъ сборникъ ихъ произведеній представляеть нѣкоторый микрокосмъ современной литературы. Возьмемъ же его такъ, какъ онъ есть, и попробуемъ приложить къ нему точки зрѣнія г.г. Эдипа де-Пуле, Эдипа Корша и другихъ Эдиповъ. Предположимъ, въ утѣшеніе Эдипа Корша, что эта группа писателей не увлечется практической дѣятельностью и всѣ силы свои посвятитъ литературѣ. Предположимъ, въ утѣшеніе Эдипа де-Пуле, что беллетристы эти будутъ самымъ тщательнымъ образомъ изучать технику Некрасова, Тургенева, Гончарова и проч.; предположимъ также, что они отбросятъ всякую тенденціозность. Предположимъ наконецъ, въ утѣшеніе нѣкоторыхъ другихъ Эдиповъ, что писатели эти будутъ самымъ пристальнымъ образомъ учиться вообще и, на примѣръ, естественнымъ наукамъ въ частности. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: практическая дѣятельность сотрудниковъ «Разсвѣта» очевидно не мѣшаетъ имъ сочинять и любить литературу; технику если не всѣкъ, то нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ Эдипомъ де-Пуле писателей, они уже и теперь старательно изучаютъ; тенденціозность и теперь у нихъ играетъ предпоследнюю роль; къ естественнымъ наукамъ и къ ученію вообще они и теперь очень склонны. Прибавимъ, что нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Разсвѣта» имѣютъ кое-какое дарованіе, хоть его и трудно усмотрѣть подъ избраннымъ ими костюмомъ. Но положимъ, что дарованій здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности. Что же получится въ результатѣ прочнаго прилива этихъ новыхъ силъ въ литературу? Я отвѣчаю: ничего. Число сотрудниковъ въ журналахъ и газетахъ, конечно, увеличится, увеличится даже можетъ быть число самихъ журналовъ, но фizioномія литературы не потеритъ ни малѣйшаго измѣненія. Изъ г. Дерунова можетъ выдти новый г. Стронинъ, который напишетъ новую «Политику, какъ науку» или даже что-нибудь получше; г. Новоселовъ сравняется съ г. Праховымъ или даже превзойдетъ и его, и другихъ поэтовъ, произведенія которыхъ сотнями печатаются въ толстыхъ журналахъ; г.г. Суриковъ и Развореновъ разрабо-

таютъ себѣ для переложенія былинъ стихъ, не уступающій стику г. Вуреннина; г. Григорьевъ будетъ научнымъ образомъ исследовать народныя предразсудки и т. д. Но, кромѣ этихъ чисто количественныхъ измѣненій въ составѣ литературы, не предвидится ничего новаго. Мало того, я утверждаю, что живы въ литературѣ десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, — они не измѣнятъ положенія вещей, если принесутъ съ собою только таланты, технику и знанія. Я утверждаю, что пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія, а о панацеяхъ Эдипа де-Пуле и Эдипа Корша и говорить нечего. До тѣхъ поръ она будетъ производить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только красивыя игрушки. Я не знаю сумѣю ли я доказать эту мысль и въ особенности въ литературныхъ замѣткахъ. Но я отъ души желаю быть правымъ и яснымъ. Зерно вопроса до послѣдней степени просто, но, чтобы добраться до него, надо снять нѣсколько слоевъ нарешей на него шелухи.

Я уже какъ то говорилъ, что народъ, какъ онъ фигурируетъ въ большинствѣ случаевъ въ литературѣ, лучше всего опредѣленъ Вазаровымъ: это таинственный незнакомецъ романовъ г-жи Ратклифъ. Въ немъ подозрѣваютъ то ту, то другую личность, но постоянно сбиваются въ своихъ рѣшеніяхъ, и онъ такъ и остается до конца романа таинственнымъ незнакомцемъ. О силѣ этой таинственности всякій можетъ судить по нѣкоторымъ, самымъ обиденнымъ явленіямъ. Напримѣръ, всакому вѣроятно случалось слышать такую фразу: такой-то, скажемъ г. Губонинъ или кто другой, вышелъ изъ народа. Говорящій это обыкновенно нѣсколько умилается и видитъ въ своихъ словахъ нѣкоторую рекомендацію г. Губонину. Если онъ станетъ анализировать свое умиленіе, то увидитъ, что его вопервыхъ радуется фактъ удачѣ г. Губонина, пробывшаго откуда-то снизу куда-то на верхъ; вовторыхъ, мысль, что г. Губонинъ будетъ добросовѣстнѣе, любивѣе, вообще лучше, чѣмъ кто либо другой, относится къ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ. Наконецъ, если г. Губонину пришлось конкурировать съ какимъ-нибудь инородцемъ или иностранцемъ и остаться побѣдителемъ, то въ составъ умиленія войдетъ патристическій, національный элементъ: представитель русскаго народа побѣдилъ представителя другого народа. Кажется, это довольно вѣрное и полное описаніе чувствъ чловѣка, говорящаго: г. Губонинъ вышелъ изъ народа. Едва ли однако говорящій это приготовленъ къ отвѣтамъ на слѣдующіе вопросы: куда вышелъ г. Губонинъ изъ народа? если слово «народъ» есть такое умиленное слово, то слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа? вышелъ ли куда-нибудь изъ наро-

да г. Губонинъ, если мы видимъ въ немъ представителя русскаго народа, побѣдившаго представителя другого народа? если г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа, сталъ ему чужимъ, то на чемъ основано мнѣніе, что онъ будетъ лучше относиться къ народу, чѣмъ, напримѣръ, русскій винодѣль графъ Воронцовъ или русскій сахарный заводчикъ графъ Вобринскій? Намъ скажутъ, что наши вопросы суть простая игра словъ, что мы беремъ народъ то въ смыслѣ трудящихся классовъ общества, то въ смыслѣ племени, націи. Положимъ, но замѣтимъ, что таинственному незнакомцу всегда приходится выходить на сцену подъ музыку игры словъ. Въ этомъ именно и состоитъ его роль, его миссія. Оставимъ однако это пока и повторимъ только два первыхъ вопроса: куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ? слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ куда-то вышелъ изъ народа? Здѣсь уже нѣтъ никакой игры словъ и подъ народомъ разумѣется только совокупность трудящихся классовъ. Замѣтимъ, что слова: г. Губонинъ вышелъ изъ народа—не простая метафора. Г. Губонинъ, положимъ, сохранилъ всѣ національныя особенности—костюмъ, вѣрованія и проч.,—но все-таки онъ теперь уже не тотъ, у него совершенно другая дѣятельность, совершенно другіе интересы. Пока г. Губонинъ не выходилъ изъ народа, прямой интересъ его состоялъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дорого; теперь, когда онъ вышелъ изъ народа, такой же прямой интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дешево. Въ виду этого нѣкоторые изъ умиленныхъ можетъ быть призадумаются надъ вопросами: куда вышелъ г. Губонинъ и хорошо ли, что онъ вышелъ? Можетъ быть даже нѣкоторые прямо скажутъ: не хорошо. Тогда мы спросимъ: хорошо ли, что Шевченко вышелъ изъ народа? Всякій, я думаю, отвѣтитъ утвердительно, но опять-таки скажетъ намъ, что мы занимаемся игрою словъ; что Шевченко вышелъ изъ народа совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вышелъ г. Губонинъ; что Шевченко вышелъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, «изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ», но что никогда интересы его не сталкивались враждебно съ интересами народа въ смыслѣ трудящихся классовъ; что самъ онъ вѣкъ свой работалъ, руководимый глубокимъ сочувствіемъ къ народу. Со всѣмъ этимъ намъ придется согласиться и только повторить въ свое оправданіе, что таинственный незнакомецъ весь построенъ на игрѣ словъ. Совсѣмъ опять-таки иной отвѣтъ получится, если мы спросимъ себя—хорошо ли, что г.г. Деруновъ, Григорьевъ, Развореновъ и прочіе сотрудники «Разсвѣта» вышли изъ народа.

Мы взяли ходячую фразу «вышелъ изъ народа», какъ первый попавшійся подъ руку образчикъ. Но читателю стоитъ только чуть-чуть повнимательнѣе осмотрѣться, чтобы найти множество такихъ примѣровъ. Возьмите, напримѣръ, объявленіе вновь открытаго французскаго ресторана «Армитажъ», въ ко-

торомъ (объявленіи), въ числѣ прочихъ приманокъ для публики, значится: «прислуга въ національныхъ русскихъ костюмахъ». Поставьте вопросъ: почему для публики заманчивъ полевой въ русскомъ національномъ костюмѣ?—и при помощи самыхъ несложныхъ соображеній вы убѣдитесь, что народъ есть дѣйствительно таинственный незнакомецъ; что, благодаря этой таинственности, на незнакомца валится, подъ видомъ участія, любви, заботливости, умиленія, цѣлая куча обидъ и бѣдъ, оскорбленій и гнета.

Прежде всего надобно опредѣлить взаимныя отношенія двухъ наиболѣе ясныхъ понятій о народѣ: народъ, какъ нація, и народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ общества. Съ перваго взгляда кажется, что эти понятія совпадаютъ и что если различіе ихъ важно, то только въ томъ отношеніи, что понятіе націи, совмѣщающей въ себѣ всѣ классы общества, шире понятія народа, который есть только сумма извѣстныхъ классовъ. Но это далеко не вѣрно. Что понятія націи и народа въ своемъ прагматическомъ выраженіи иногда дѣйствительно совпадаютъ, т.-е. что національное дѣло бываетъ иногда тождественно съ народнымъ дѣломъ,—это такъ. Но это бываетъ только иногда. Что же касается до сравнительной широты понятія націи, то это просто оптической обманъ.

Я предлагаю читателю познакомиться съ недавно вышедшей очень интересной книжкой Тренча «Очерки ирландской жизни». Книга эта, переведенная и изданная порусски крайне небрежно, представляетъ рядъ талантливо написанныхъ картинъ изъ быта ирландскихъ крестьянъ. Авторъ, управляющій или агентъ крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, сообщаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ видѣ записокъ или воспоминаній. Читатель увидитъ изъ этой книжки, между прочимъ, что значить безземельный земледѣлецъ. Это безвѣзвѣстно не только само по себѣ, а и по отношенію къ намъ, жителямъ страны земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ. Въ книгѣ Тренча есть рассказы изъ школьной жизни, рассказы о «ревайвелахъ» (судорожныя возбужденія религиознаго чувства въ массахъ) и проч. Но интереснѣе всего главная часть книги—эпизоды изъ исторіи войны ирландскихъ крестьянъ-фермеровъ съ англійскими лендлордами за землю. Война эта представляетъ любопытный случай совпаденія народнаго дѣла съ національнымъ. Земельная собственность въ Ирландіи находится, какъ извѣстно, въ рукахъ немногочисленныхъ богачей, лендлордовъ, главнымъ образомъ саксонскаго и англійскаго происхожденія. Ирландскіе крестьяне арендуютъ у нихъ землю небольшими участками, причѣмъ лендлорды естественно стараются повысить арендную плату и заключать контракты на возможно короткое время. Ирландцы не могутъ забыть, что обрабатываемая ими земля нѣкогда принадлежала имъ и всячески уклоняются отъ платежей, дохода даже до полного и открытаго отказа, до формальнаго

объявленія войны иногда въ одиночку, иногда обществомъ. Во время, къ которому относятся рассказы Тренча, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Ирландіи существовало тайное общество «риббонъ-меновъ», періодически то затихавшее, то поднимавшееся. Цѣли общества достаточно опредѣляются слѣдующими словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ рассказовъ Тренча: «Землю намъ нужно, землю. Саксонскіе грабители отняли ее у нашихъ праотцевъ, и я о пять говорю, мы вырвемъ ее у нихъ съ кровью ихъ сердца. Долой церковь, долой лендлордовъ, долой агентовъ, долой все, что стоитъ между нами и нашей зеленой землей». Это было время апогея такъ-называемыхъ аграрныхъ преступленій. Риббонъ-мены совершили цѣлый рядъ страшныхъ и часто совершенно безцѣльныхъ убійствъ.

Здѣсь мы имѣемъ полное совпаденіе народнаго дѣла съ національнымъ: рабочіе ирландцы ведутъ войну съ лордами англичанами. Однако это совпаденіе было не для всѣхъ полно. Нѣбѣста одного риббонъ-мена рассказываетъ Тренчу: «Они (риббонъ-мены) увѣрены, что англичане не имѣютъ права на землю и они надѣются снова вернуть ее, если они смогутъ запугать васъ и такихъ людей, какъ вы, и заставить бѣжать изъ Ирландіи; для этого они хотятъ убивать всѣхъ, кто станетъ держать здѣсь землю, кромѣ *старого рода*». Въ объясненіе подчеркнутаго выраженія, Тренчъ замѣчаетъ: «Многіе риббонъ-мены убѣждены, что земли Ирландіи должны владѣть старинные ирландскіе роды вмѣсто англійскихъ. Старинная ирландская аристократія ведетъ агитацію въ этомъ смыслѣ и эксплуатируетъ въ свою пользу старинное чувство клановъ, ссавзавшесся въ этомъ убѣжденіи» (274). Итакъ, одна часть риббонъ-меновъ смотритъ или смотрѣла на свое дѣло, какъ на преимущественно народное, другая—какъ на преимущественно національное. Которая изъ этихъ точекъ зрѣнія шире, обнимаетъ большую массу интересовъ? Казалось бы въ понятіе націи входить все общество, а въ понятіе народа только часть его, а между тѣмъ ясно, что риббонъ-мены націоналы вѣтаццили бы изъ печки каштаны только для меньшинства, тогда какъ другая ихъ отрасль работала на большинство ирландскаго народа. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего исключительнаго. Въ немъ выражается одинъ изъ самыхъ важныхъ и общихъ соціологическихъ законовъ. Еслибы я придерживался аналогическаго метода въ соціологіи, мнѣ бы ничего не стоило подыскать соотвѣтственную аналогію и въ нѣсколькихъ строкахъ доказать существованіе этого закона. Но я глубоко презираю аналогическое паясничество, а дѣйствительно научное и философское подтвержденіе закона потребовало бы слишкомъ много мѣста и времени и отвлекло бы вниманіе читателя въ сторону. Поэтому я предпочитаю просто формулировать законъ, рассчитывая, что этимъ я только подвожу итогъ собственнымъ наблюденіямъ и размышленіямъ читателей. Я замѣствую однако для краткости

однѣ изъ терминовъ аналогистовъ. Вотъ этотъ очень простой, но очень важный законъ: въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды. Законъ этотъ до такой степени простъ, въ жизни его дѣйствіе выражается въ той или другой формѣ такъ часто, о различныхъ частныхъ его проявленіяхъ говорено было такъ много, что мы дѣйствительно имѣемъ право представить его читателю въ качествѣ итога его собственныхъ наблюдений и размышлений. Что касается литературы, то она не только не можетъ избѣжать дѣйствія этого закона, но на ней легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, видѣть его вліяніе; тѣмъ болѣе, что говорить о литературѣ значить говорить обо всемъ, объ чемъ говоритъ литература, т. е. о всѣхъ явленіяхъ жизни.

Представимъ себѣ, что ирландскіе публицисты, проникнутые уваженіемъ къ непреложности математической истины: цѣлое больше части,—стали бы работать въ духѣ вышеупомянутыхъ риббонъ-меновъ націоналовъ. Они могли бы сказать много весьма хорошаго, дѣльнаго, блестящаго въ пользу идей свободы и національности. Но такъ-какъ они направили бы свои усилія ко благу цѣлаго — ирландской націи, а не трудящихся классовъ націи, то дѣятельность ихъ, въ случаѣ успѣха, пошла бы только къ удовлетворенію аппетита ирландской аристократіи. На оборотъ, ирландскіе публицисты, которые развивали бы программу другой фракціи риббонъ-меновъ и, выработавъ разумный планъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ, достигли бы перехода земель изъ рукъ англійскихъ лендлордовъ въ руки ихъ теперешнихъ фермеровъ,—эти публицисты очевидно получили бы попутно и разрѣшеніе національнаго вопроса.

Представимъ себѣ... Но чѣмъ представлять себѣ, возьмемъ изъ что дѣйствительности. Возьмемъ ретроспективные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на истекшій годъ въ промышленномъ отношеніи. Такой ретроспективный взглядъ помѣщенъ, напримѣръ, въ № 1 «Гражданина». Въ немъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія указанія: частная промышленность въ прошломъ году все возрастала; возникло до 80 торгово-промышленныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя простираютъ свои вѣды на цѣлыя округа Россіи, напримѣръ общество южно-русской каменно-угольной промышленности или каменно-угольной промышленности московскаго бассейна; для облегченія соединенія силъ и капиталовъ выработанъ проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, которымъ предполагается отмѣнить требованіе особаго правительственнаго разрѣшенія для каждой акціонерной компаніи и замѣнить этотъ порядокъ системой простаго нотаріальнаго разрѣшенія; въ прошломъ году въ Россіи дѣйствовало 27 акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, 23 общества взаимнаго кредита, и т. д. Если мы обра-

тима къ № 3 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», то найдемъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующее: «Кредитъ сдѣлалъ въ Россіи въ 1872 году большіе успѣхи. Духъ спекуляціи, проникшій и въ эту область, выдвинулъ устройство кредитныхъ учреждений въ разрядъ выгоднѣйшихъ предпріятій, затмившихъ пресловутыя желѣзно-дорожныя концессіи. Кромѣ образованія новыхъ кредитныхъ учреждений, большая часть старыхъ банковъ также увеличила весьма значительно свой основной капиталъ и расширила операціи... Правительство, по примѣру всѣхъ государствъ западной Европы, рѣшилось наконецъ отказаться отъ устарѣлой системы законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ новыхъ акціонерныхъ обществъ и хотеть замѣнить ее болѣе скорой системой нотаріальнаго разрѣшенія. Составленный сообразно съ этою цѣлью проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ не окончательно еще обработанъ министерствомъ финансовъ; но можно заранѣе предсказать, что издаемъ его, если только въ положеніе не будутъ введены многочисленныя извѣтія, сильно поднимется у насъ духъ промышленной ассоціаціи... Положеніе фабричной и заводской промышленности въ Россіи теперь весьма благоприятно. Даже горное дѣло, бывшее пятнадцать лѣтъ въ сильномъ застоѣ, начинаетъ оживать. Въ теченіе 1872 г. обсуждался вопросъ о дальнѣйшемъ покровительствѣ свеклосахарной промышленности и разрѣшенъ въ смыслѣ, успокоительномъ для отечественной промышленности» и проч. Пожалуй этого и довольно.

Всѣмъ этимъ шагамъ по пути экономическаго прогресса наши публицисты вообще радуются и хотя и не особенно энергично, но все-таки провоцируютъ и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Конечно, протекціонизмомъ, напримѣръ, у насъ увлекаются не многіе; огражденія акціонеровъ отъ эксплуатаціи спекулянтовъ желаютъ очень многіе; закономъ 31-го мая, въ силу котораго учрежденіе новыхъ акціонерныхъ банковъ въ городахъ, гдѣ уже существуетъ хотя одинъ такой банкъ, воспрещается впредь до новаго распоряженія, — одни довольны, другіе недовольны; частности проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ различными органами обсуждаются различно и т. д. Но вся наша публицистика стоитъ на одной и той же общей точкѣ зрѣнія. Вотъ хоть бы, напримѣръ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Казалось бы, это два противоположныя полюсы петербургской журналистики. Первые блестятъ своимъ либерализмомъ, второй требуетъ какой-то точки къ реформамъ. Другъ друга они глубоко презираютъ, постоянно объ чемъ-то препираются, все другъ надъ другомъ насмѣхаются. Между тѣмъ, по множеству вопросовъ внутренней политики, эти два органа могутъ быть весьма удобно подведены къ одному знаменателю. Оба они понимаютъ народъ исключительно въ смыслѣ націи и, въ силу этого, безъ дальнихъ размышлений, требуютъ развитія кредита въ Россіи, радуются умноженію

акціонерныхъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, съ торжествомъ указываютъ на развитіе отечественной промышленности и т. д. Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны,—все это вещи сами по себѣ прекрасныя, по поводу которыхъ можно бы было говорить и больше и лучше, чѣмъ говорить «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Въ своихъ передовыхъ статьяхъ, органы эти не исчерпываютъ и сотой доли величія и мощи всѣхъ этихъ помощниковъ человѣка, имъ самимъ создаваемыхъ. Но тѣмъ не менѣе, въ силу вышеприведеннаго социологическаго закона, всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты. Мы вовсе не претендуемъ на новостъ и оригинальность взглядовъ. Утверждая, что кредитъ, машины, эксплуатація силъ природы и т. д., будучи направлены ко благу пирамидальнаго цѣлаго, ложатся тяжелымъ гнетомъ на народъ, утверждая это, мы увѣрены, что все это очень хорошо извѣстно и читателю, и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», и «Гражданину». Въ самомъ дѣлѣ, кому же неизвѣстно, что всякая новая машина, введенная въ пирамидальное общество, прежде всего уменьшаетъ спросъ на человѣческій трудъ, отнимаетъ у извѣстнаго числа людей заработокъ. Правда, нѣкоторые оптимисты стараются утѣшить и себя и другихъ тѣмъ, что при этомъ производство растетъ, растетъ и потребленіе. Но этому никто не вѣритъ, то-есть никто не вѣритъ тону, съ которымъ это говорится. Конечно, и производство и потребленіе растетъ, но какъ бы мы далеко ни смотрѣли въ будущее, а машина въ пирамидальномъ обществѣ будетъ всегда отнимать заработокъ у извѣстнаго числа людей. Въ этомъ очевидно состоитъ ея роль. Самъ Милль, человѣкъ и авторитетный и благонамѣренный, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ наши механическія изобрѣтенія не облегчили ни на волосъ положенія трудящихся классовъ; что они только дали возможность большому числу людей жить жизнью острожниковъ и большому числу фабрикантовъ—обогащаться.—Всякому извѣстно также, что въ пирамидальномъ обществѣ кредитъ есть выраженіе довѣрія къ имущимъ и недовѣрія къ неимущимъ, такъ какъ послѣдніе кредитомъ не пользуются. Поэтому развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ.—Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разоряетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету.—Всякому извѣстна, наконецъ, формула, къ которой пришли добросовѣстные экономисты самыхъ различныхъ направленій: національное богатство есть нищета народа.—Поэтому всякому понятно, что и «Гражданинъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости», и вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ,

за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности, — ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа. Мы думаемъ, что это понятно даже самимъ «Гражданину» и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

Но представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они не только не провоцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и проч., но постоянно обращаютъ вниманіе правительства и общества на обратную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему специально-народнаго кредита; что, вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привиллегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и приобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда — отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Чтò будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществлятсѣ или приблизятсѣ къ осуществленію? Производство и потребление будутъ кочечно расти, потому что наши гипотетическіе публицисты не думаютъ враждовать съ кредитомъ, съ машинами, съ принципомъ сочетанія экономическихъ силъ и со всѣми другими помощниками человека. Но такъ какъ машины, напримѣръ, они предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то машины эти не могутъ уже отнять у кого-нибудь заработокъ. Или такъ какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и разоряющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а соединеніе самыхъ этихъ хозяйствъ, то понятно, что такому товариществу разорать некого. А между тѣмъ, товарищество это, между членами котораго вѣтъ ни спекулянтовъ, ни незаинтересованныхъ въ производствѣ, повело бы свое дѣло лучше акціонерной компаніи. Итакъ, программа нашихъ гипотетическихъ публицистовъ, направленная единственно ко благу народа, попутно достигаетъ общихъ экономическихъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, не худшихъ, чѣмъ тѣ, которые радуютъ сердца теперешнихъ нашихъ публицистовъ. Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ же нищету народа; добиваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, и національное богатство.

Читатель можетъ сказать намъ, что все, чтò мы говоримъ, имѣетъ только косвенное отношеніе къ занимающему насъ собственно литературному вопросу. Положимъ, скажетъ читатель, что и «Гражданинъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» одинаково

работаютъ на гибель русскаго народа. Это печально. Но дѣло не въ этомъ. Вы мнѣ скажите, отчего и «Гражданинъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости» плоски, слабы, безцвѣтны, вялы собственно въ литературномъ отношеніи. Я могу представить себѣ, что и неодобрительное дѣло ведется хорошо или, по крайней мѣрѣ, ловко, но я и этого не вижу.

Читатель, этому существуютъ причины двоякаго рода: общія и частныя, мѣстныя. И мы не уклонились отъ нихъ, а напротивъ, приблизились къ нимъ, благодаря предъидущимъ разсужденіямъ. Читатель, повторяемъ, знаетъ не хуже насъ, не хуже «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», не хуже «Гражданина», что національное богатство есть нищета народа, что свобода труда есть рабство работника и проч. Но онъ, можетъ быть, не замѣчалъ, что причины, обуславливающія этотъ маскарадъ, дѣлаютъ изъ знанія незнаніе или, по крайней мѣрѣ, непониманіе. Въ прошлый разъ мы видѣли образчики такого превращенія. Но въ исторіи политической экономіи можно найти примѣры, еще болѣе поучительныя. Изъ упомянутой выше книги г. Забера, читатель убѣдится, что вся огромная масса изслѣдованій о законѣ цѣнности (составляющихъ одинъ изъ главнѣйшихъ и основныхъ отдѣловъ политической экономіи), которая болѣе или менѣе уклонилась отъ понятія о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ и мѣрѣ цѣнности, пропала для науки безслѣдно; что и во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ ученіемъ о цѣнности (а съ нимъ связаны почти всѣ экономическіе вопросы) наука подвинулась со времени своего основанія на столько, на сколько она не упустила изъ виду и развивала этотъ основной принципъ. Конечно, какой-нибудь Маллеодъ, какой-нибудь Рошеръ обладаютъ несравненно болѣе обширными познаніями, чѣмъ какія имѣлъ Адамъ Смитъ, но это не мѣшаетъ наукѣ Маллеода быть сосудомъ незнанія и непониманія. И если мы будемъ искать причину этого обстоятельства, то онѣ будутъ заключаться, главнымъ образомъ, въ забвеніи или умаленіи роли труда въ производствѣ, практически—роли трудящихся классовъ, роли народа. Можно сказать положительно, что политическая экономія, какъ наука, а не какъ сборникъ эмпирическихъ законовъ, практическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ, существуетъ не столько, поскольку эта роль понята и поставлена во главу угла всего зданія. Послѣдній представитель классической политической экономіи, Милль грѣшенъ не извращеніемъ истины, какъ цѣлая фаланга французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ, а недостаточнымъ развитіемъ ея. И то ему на старости лѣтъ приходится получать сюрпризы, сбивающіе его установившіяся долгими трудами понятія. Всегда добросовѣстный Милль, котораго даже жесткій и часто несправедливый къ людямъ Марксъ, видѣляетъ, виѣстѣ съ Фосеттомъ и нѣкоторыми другими, изъ общей клики экономистовъ, Милль объявилъ, по поводу книги Торнтона «Трудъ, его должныя требованія» и проч., слѣдую-

щее: «Теорія, проповѣдуемая всѣми или почти всѣми экономистами (въ томъ числѣ и мною), о невозможности соглашеніями рабочихъ поднять заработную плату или объ ограниченіи ихъ дѣятельности, въ этомъ отношеніи, нѣсколько ранѣшимъ достиженіемъ такого повишенія, которое было бы произведено и безъ того соперничествомъ рынка—эта теорія теперь лишена всякаго научнаго основанія и должна быть отброшена. Достоинства и недостатки дѣятельности рабочихъ союзовъ становятся теперь вопросомъ общественнаго долга и благоразумія, а не вопросомъ, безусловно разрѣшаемымъ непреложными требованіями политической экономіи» (Торнтонъ, русск. перев., 427). Другой сюрпризъ доставила Миллю книга Мена объ общинномъ землевладѣніи. Вотъ къ какому еретическому заключенію пришелъ, между прочимъ, по поводу ея Милль: «Остается открытымъ вопросъ—какія изъ идей наиболѣе пригодны къ тому, чтобы править въ будущемъ, древнія ли идеи, или новыя. Если переходъ отъ однихъ къ другимъ произошелъ вслѣдствіе обстоятельствъ, изъ которыхъ міръ успѣлъ уже высвободиться, а тѣмъ болѣе, если этотъ переходъ произошелъ въ значительной степени вслѣдствіе насилія, то было бы лучше, можетъ быть, остановиться, по крайней мѣрѣ, на принципѣ древнихъ учреждений, какъ болѣе пригодномъ, нежели принципъ учреждений позднѣйшаго времени, чтобы послужить основаніемъ для болѣе совершеннаго, прогрессивнаго устройства общества» (Сомалъскій, Англо-саксонская сельская община, 40). Пожалѣемъ мимоходомъ, что книга Мена, заставившая такого человѣка, какъ Милль, подписать это во многихъ отношеніяхъ самоотреченіе, до сихъ поръ не издана порусски, хотя объявленія о ея переводѣ и печатались одно время въ газетахъ.

Если политическая экономія, какъ наука, существуетъ постольку, поскольку во главѣ угла ея зданія стоитъ роль труда; если уклоненія отъ этого принципа дѣлаютъ изъ науки незнаніе и осуждаютъ ее на перемалываніе нѣсколькихъ эмпирическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ; то само собою понятно, что публицистика, руководствующая этимъ незнаніемъ и игнорирующая интересы труда, должна быть безцвѣтна, слаба, плоска, вяла. Таковы общія причины неудовлетворительности нашей журналистики, поскольку она занимается экономическими вопросами. Но есть еще причины частныя, мѣстныя и мы на нихъ не разъ указывали.

Колесо національнаго богатства только что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Впервыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится еще въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства не программѣ отечественной журналистики, надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Вовторыхъ, отдрание это надо производить сознательно, потому что прислу-

знаемъ же мы, къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа, что Миллю приходится задумываться насколько состоятельны тѣ самыя начала, которыя мы у себя вводимъ. Втретыхъ, отодраніе должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самыя процессомъ отодранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе — вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія мысли отъ разума. Мудрено ли, что имъ нужно опьяненіе хорошими словами и общими мѣстами съ одной стороны, мелочами будничной жизни — съ другой. Я думаю, что самому закоренѣлому злодѣю нужно напиться пьянымъ, чтобы сознательно совершить безцѣльное убійство. Кто знаетъ, можетъ быть и въ «Гражданинѣ», и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» есть большіе таланты, но, придавленные своимъ ужаснымъ, почти невѣроятнымъ положеніемъ, они не могутъ развернуться. Прильпе языкъ къ гортани ихъ. И таково положеніе вещей, что этому надо почти радоваться, за людей, за человѣческую природу радоваться. Еслибы при такомъ дѣлѣ языкъ не прилипъ къ ихъ гортани, это были бы какія-то чудовища, которымъ нѣтъ имени въ зоологіи. И потому я еще разъ говорю: явись въ современную литературу десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, они ни на волосъ не измѣнятъ фizioноміи литературы, если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія. Эдинъ де-Пуле, Эдинъ Коршъ, вы жалки съ своими объясненіями и панацеями. И еслибы не окружающій васъ *limbus infantum*, вы заслуживали бы болѣе жесткаго опредѣленія. Вы знаете девизъ Софолова сфинкса, загадывавшаго загадки и вашему греческому тескѣ: угадай, или я тебя пожру. Вы не угадали, новѣйшіе Эдинъ, загадки времени, васъ нѣтъ, васъ ваше время пожрало. Вы имѣете полное право пѣть извѣстную разухабистую пѣсню:

Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ.

Вы именно были и остаетесь на мельницѣ и мелете, мелете въ надеждѣ, что когда нибудь все перемелется и мука будетъ.

Однако, скажетъ читатель, вы говорили только о характерѣ экономическихъ статей, но вѣдь есть и другія области науки, есть искусство. Это справедливо. Но мы вовсе не такъ далеко забѣжали впередъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего надо замѣтить, что въ литературѣ всегда есть одна струна, которая задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ. Почему сегодня даетъ тонъ такая-то именно струна, а завтра такая-то,

это зависит от разных обстоятельств, определенных самой жизнью. Такими струнами были у нас послѣдовательно поэзія, философія, литературная критика, экономическіе вопросы, естествознаніе; такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы. Что даетъ тонъ современной литературѣ, это одному Богу извѣстно. Но самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помысленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физиономію литературы. Далѣе, всѣ предъидущія соображенія могутъ быть приложены и ко всякаго рода другимъ вопросамъ.

Вольтеръ, будучи далеко не первостепеннымъ поэтомъ, написалъ прекрасную оду къ свободѣ. У насъ есть высоко даровитые поэты, но ни одинъ изъ нихъ не напишетъ ничего подобнаго. Вольтеръ вѣрилъ въ свободу, мы не вѣримъ и, прибавлю, имѣемъ право не вѣрить въ нее въ томъ смыслѣ, въ какомъ она вдохновляла Вольтера, ибо и она подверглась дѣйствию вышеприведеннаго социологическаго закона, и мы это очень хорошо знаемъ. И здѣсь опять такъ внѣ интересовъ народа спасенія литературѣ нѣтъ: все остальное съѣлъ нашъ совершенно законный скептицизмъ. О вредѣ тенденціозности говорить могутъ только Эдипы де-Пуле. Мы позволимъ себѣ напомнить, что мы давно уже приводили доказательства въ пользу того, что служеніе чистой красотѣ есть мифъ; что, поклоняясь чистой, идеальной красотѣ, жрецъ чистаго искуства только возводитъ въ принципъ тѣ черты эмпирической красоты, которыя ему доступны; что онъ только ратуетъ за тѣ общественныя условія, которыя дали возможность выработаться этой эмпирической красотѣ. А Эдипы лѣзутъ съ техникой. Читали-ли они лирическое стихотвореніе, болѣе высоко художественное, чѣмъ «пѣсня о рубашкѣ» Томаса Гуда? И знаютъ-ли они выстѣ съ тѣмъ лирическое стихотвореніе болѣе тенденціозное? Мнѣ говорили, что одинъ критикъ распустилъ недавно, между прочимъ, старый рассказъ г. Тургенева «Муму». Самъ я не читалъ этой критики и не знаю аргументаціи автора ея. Но для меня въ образѣ этого глухонѣмаго дворника, отправляющагося тонить, по приказанію нервной и чувствительной барыни, свою собаку—единственное утѣшеніе въ жизни, въ этомъ образѣ сосредоточивается цѣлая эпопея вѣрности и преданности. И я говорю, что это высоко художественное прозведеніе, именно потому, что авторъ въ немъ служилъ не правдному любопытству, не чистой красотѣ, воспитанной насчетъ глухонѣмныхъ дворниковъ, и не такимъ идеямъ, въ которыя онъ не вѣритъ, и не такимъ, которыя составляютъ достояніе секты, а идеѣ народа. И если поставить рядомъ съ этой предельной и полной глубокаго содержания картинкой теперешняго произведенія г. Тургенева, въ которой «воспѣваетъ, простодушный, онъ любовь и красоту»,

въ которыхъ техника доведена до совершенства, то никто, я думаю, не задумается сказать «гдѣ лучше». А между тѣмъ талантъ не оставилъ г. Тургенева, его оставило чутье, и въ этомъ все дѣло.

Да не упрекнуть меня читатель въ томъ, что я отвожу слишкомъ узкія границы мотивамъ современной беллетристики. Я не то хочу сказать, что беллетристика должна изображать исключительно страданія и радости мужиковъ. И это тема обширная и благодарная. Но не въ ней одной дѣло. Желательно, чтобы намѣнилась фивіономія всей литературы и если она въ цѣломъ станетъ голосомъ общественной совѣсти и служительницей истины и справедливости, то и беллетристы найдутъ свои, нынѣ потерянные ими темы. Наконецъ почему не ждать и не желать, чтобы идея труда заняла въ беллетристичѣ то-же или по крайней мѣрѣ такое-же мѣсто, какое занимаетъ идея любви. Любовь есть основной мотивъ беллетристики со временъ незапамятныхъ. Беллетристы выворачиваютъ ее и такъ, и этакъ, часто строятъ на ней произведенія высокаго нравственнаго достоинства, но столь-же часто волочатъ ее въ грязи и благоуханныхъ салоновъ и кабаковъ. И однако этотъ, въ сущности очень простой мотивъ не надоѣлъ, не исчерпалъ себя. Почему предполагать, что идея труда исчерпаетъ себя скорѣе или сузить рамки поэтической дѣятельности? Трудъ, какъ вѣчная доля человѣчества, безконечно разнообразенъ въ своихъ условіяхъ, въ своихъ цѣляхъ, въ своихъ формахъ, въ своихъ комбинаціяхъ. Это море бездонное.

Я заболтался съ вами, читатель, пора вончаты, и потому не буду на этотъ разъ говорить о задачахъ различныхъ отраслей науки въ виду идеи народа или интересовъ труда, тѣмъ болѣе, что объ этомъ у насъ уже была рѣчь въ послѣдней прошлогодней книжкѣ. Случай выпадеть, и мы договоримъ недоговоренное. Я заканчиваю тѣмъ началомъ: желаю вамъ на новый годъ честной и смѣлой литературы, внутренне честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта.

Впрочемъ, съ вашего позволенія, еще нѣсколько словъ. Съ новаго года редакторомъ «Гражданина» состоитъ нашъ извѣстный и талантливый беллетристъ, г. Достоевскій. Что онъ сдѣлаетъ изъ «Гражданина» неизвѣстно. Поживемъ увидимъ. А пока въ «Дневникѣ писателя» г. Достоевскаго (въ № 1), обратили на себя наше вниманіе слѣдующія слова: «Я засталъ Бѣлинскаго страстнымъ социалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго, именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ возваній, года два тому назадъ, начала

прямо съ знаменательнаго заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т.-е. начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій... Какъ социалисту, ему прежде всего слѣдовало изложить христіанство; онъ знаетъ, что революція непременно должна начинать съ атеизма. Ему надо было изложить ту религію, изъ которой возникли нравственные основанія отрицаемаго имъ общества... Ученіе Христово онъ, какъ социалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ челоуѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукою и экономическими началами. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія логическую сторону рѣчей г. Достоевскаго: почему Бѣлинскій долженъ былъ и проч. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о фактической сторонѣ дѣла. Богословскими вопросами социализмъ никогда не занимался. Въ этомъ отношеніи между социалистами существуютъ самыя различныя мнѣнія. Если г. Достоевскій приводитъ цитату изъ прокламаціи «интернаціоналки», то можно бы было привести тысячи цитатъ изъ Фурье, Сенъ-Симона, Луи Блана и проч., въ которыхъ на бытіи божіемъ настаивается въ самыхъ опредѣленныхъ и подчасъ пламенныхъ выраженіяхъ. Что касается въ частности христіанства, то почти всѣ социалисты признавали его ученіемъ высоко-нравственнымъ. Гораздо больше единства во взглядахъ социалистовъ на вопросы нравственно-политическіе, однако и здѣсь еще довольно равногласіе. Такъ одни обращаютъ вниманіе на форму правленія, другіе нѣтъ, одни требуютъ сильной центральной власти, другіе стоятъ за мѣстное самоуправленіе, одни рѣшаютъ вопросъ о положеніи женщины такъ, другіе иначе и проч. Наконецъ, всѣ социалисты согласны въ томъ, что рабочему принадлежитъ исключительное право на продуктъ его труда въ полномъ объемѣ. Согласны они всѣ также въ томъ, что резульатать этотъ можетъ быть достигнутъ только при помощи ассоціаціи. Затѣмъ относительно путей, которыми можетъ осуществиться въ жизни ихъ экономической идеаль, — опять полное разногласіе. Итакъ, если мы говоримъ о социализмѣ вообще, то не имѣемъ ни малѣйшаго права навязывать ему какое бы то ни было богословское или даже какое бы то ни было нравственно-политическое ученіе. Мы можемъ говорить объ немъ, только какъ объ экономическомъ ученіи. Мы сочли нужнымъ указать на это по слѣдующей причинѣ. Экономическое зерно социализма не представляетъ у насъ, въ Россіи, ученія революціоннаго, такъ какъ большинство нашего народа владѣетъ продуктами своего труда, и достигаетъ этого при помощи ассоціаціи—поземельной общины. Между тѣмъ совершенно неосновательныя показанія и разсужденія въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ г. Достоевскій, пугаютъ общество и извращаютъ истину. Это ведетъ къ множеству печальныхъ результатовъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ хоть одинъ—Нечаевское дѣло. Еслибы социалистическія ученія у насъ не инсинуировались безъ толку и рус-

ское общество, въ особенности русская молодежь имѣла возможность понимать и здраво обсуждать ихъ, то Нечаевъ, какъ представитель международного общества рабочихъ, собралъ бы очень небольшую жатву. Русская молодежь могла бы отвѣтить на всѣ его искушенія: я могу сочувствовать и не сочувствовать международному обществу въ Европѣ, но въ Россіи ему дѣлать нечего. Революціонный въ Европѣ, социализмъ въ Россіи консервативенъ.

Н. М.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Японія и ея реформы. — Древняя конституція. — Европейцы въ Японіи. — Убийства. — Партія прогресса. — Новая конституція, и реформы. — Древняя и новая религія. — Японская проповѣдь. — Умственное состояніе и культура народа.

Въ настоящее время вниманіе всей Европы обращено на великое движеніе, совершающееся на одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей Востока, именно въ Японіи. Движеніе это дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интеллигентныхъ людей въ Европѣ, а въ Россіи, какъ ближайшей сосѣдкѣ Японіи, въ особенности. По всей вѣроятности въ очень недалекомъ будущемъ движеніе это отразится очень важными послѣдствіями на отношеніяхъ Востока къ Европѣ, и прежде всего, конечно, къ Россіи, — а затѣмъ... движеніе Японіи никакъ не можетъ остаться одиночнымъ. Оно очень скоро отзовется въ Китаѣ и — рано или поздно — охватитъ весь Востокъ, — тогда держись Европа! Ей не только нельзя будетъ хозяйничать въ Азій такъ, какъ она хозяйничаетъ, на примѣръ, теперь въ Остѣ-Индіи, или подъ видомъ торговыхъ сношеній дѣлать хищничества, набѣги и грабежи въ различныхъ частяхъ Востока или святая истина христіанства и идеи цивилизаціи обращать тамъ въ орудія угнетенія, разврата и личной наживы, но придется, пожалуй, поплатиться и за свои старыя грѣхи. Населеніе всей Европы состоитъ съ небольшимъ изъ 300 милліоновъ душъ, а число азіатскихъ варваровъ простирается почти до 800 милліоновъ! Страшно подумать о томъ, что можетъ быть съ Европою, если вся Азія вооружится по европейски и въ основу своей цивилизаціи положить модный европейскій принципъ: «Macht geht vor Recht», — «la force prime de droit»!

Но помимо этихъ возможныхъ результатовъ болѣе близкаго или болѣе отдаленнаго будущаго, японское движеніе неволью привлекаетъ къ себѣ вниманіе грандіозностію своихъ размѣровъ и полетомъ для насъ европейцевъ баснословнымъ въ пол-

номъ смыслѣ этого слова. Ничего подобнаго мы не только не можемъ найти въ Европѣ, но и представить себѣ здѣсь даже въ возможности. Въ наше время всѣ европейскія движенія — и политическія, и социальныя сдѣлались какимъ-то общимъ мѣстомъ, риторическою формою съ избитымъ, давно всѣмъ извѣстнымъ содержаніемъ. Въ какой бы странѣ революціонное движеніе здѣсь ни начиналось, какимъ бы бурнымъ и грознымъ въ началѣ оно ни казалось, всегда впередъ можно предсказать, — и приблизительно довольно вѣрно, — не только его направленіе, но и размѣры и конецъ. Это происходитъ оттого, что Европа у всѣхъ какъ на ладони, извѣстна каждому, какъ свои пять пальцевъ. Положеніе cadaго государства, его правительства, отношеніе въ немъ различныхъ классовъ общества, количество существующихъ въ странѣ партій и ихъ направленіе, силы, проклятые вопросы дня каждой страны, наконецъ даже наличные дѣятели каждой страны со всѣми ихъ достоинствами и недостатками — все это извѣстно въ Европѣ до послѣднихъ, самое мельчайшихъ подробностей. При этомъ и содержаніе жизни во всѣхъ европейскихъ странахъ болѣе или менѣе однородно: вездѣ однѣ и тѣ же основы, всюду господствуютъ болѣе или менѣе общія идеи и принципы, наконецъ даже безпокойные бурные элементы всѣ болѣе или менѣе одинаковаго характера, и всѣ на перечесть. Если мы ко всему этому присоединимъ, что есть извѣстная заповѣдная черта, до которой не доскакивала еще ни одна европейская революція и перевалила за которую не можетъ никогда никакая революція по историческимъ, сложившимся въ теченіи тысячелѣтій, условіямъ европейской жизни, то намъ станетъ понятно, что европейскія революціи, если ихъ разсматривать съ міровой точки зрѣнія, въ сущности суть ничто иное, какъ бури въ стаканѣ воды, — оттого онѣ послѣ революціи 1789 года, которая вышла изъ мрака неизвѣстности и разразилась надъ Европой нежданно, негаданно, какъ страшная Божья гроза, не только не производятъ ни въ комъ страха, но даже должной сенсаци. Когда въ какой-нибудь странѣ вспыхиваетъ пламя революціи, всѣ впередъ знаютъ количество, качество, мѣсто тѣхъ горючихъ матеріаловъ, которые могутъ увеличить силу пламени или давать ему пищу, но вмѣстѣ съ тѣмъ знаютъ и благонадежность огнегасительныхъ снарядовъ и стражей, наблюдающихъ надъ невогораемостію горючихъ матеріаловъ, и затѣмъ еслибы, по Божію попущенію, паче чаянія не помогли ни усовершенствованныя машины, ни людскія усилія и пламя охватило бы всѣ горючіе матеріалы, то всѣмъ извѣстно, что по мѣрѣ приближенія къ заповѣдной чертѣ горючій матеріалъ становится все рѣже и рѣже, слѣдовательно пламя само собою чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должно ослабѣвать и что наконецъ на самой чертѣ всѣ цѣнныя имущества обведены высокими брандмауерами и окопаны глубокими рвами, гдѣ нѣтъ никакой пищи для пламени и гдѣ оно неизбѣжно должно пре-

жратиться. А потомъ когда на погорѣломъ мѣстѣ начинается постройка, никто нимаго не беспокоится о томъ: какое тутъ зданіе будетъ выстроено — имперія ли, конституціонная ли монархія или республика, ибо всѣ знаютъ, что какую шапку на Сеньку ни надѣнь, Сенька все останется Сенькой.

Совсѣмъ другой образъ представляетъ намъ собою Японія. Этой страны мы не знаемъ почти вовсе или знаемъ очень мало; что она можетъ воспринять и что можетъ изнести изъ себя, — для насъ покрыто совершеннымъ мракомъ. Оттого мы не можемъ не только приблизительно опредѣлить для себя впередъ силы, размѣровъ, конца происходящаго тамъ движенія, но и сколько-нибудь освоиться съ нимъ въ его совершающихся уже фазахъ. Все, что тамъ происходитъ, совершенно не подходить подъ мелкую мѣрку нашихъ европейскихъ размѣровъ. Въ Японіи идетъ теперь не революція, а мирная реформа, совершаемая ея прирожденнымъ монархомъ. Но можно смѣло сказать, что ни одна революція въ Европѣ не производила такого поражающаго впечатлѣнія, какое производитъ эта мирная реформа. Ибо въ Европѣ не было ни одной революціи, исключая революціи 1789 года, съ такимъ радикально-разрушительнымъ характеромъ относительно самыхъ коренныхъ, исконныхъ основъ общества и государства. Представьте себѣ человѣка, который передъ вашими глазами выдергиваетъ изъ земли столѣтніе дубы съ корнями точно какой-нибудь ничтожный тростникъ и затѣмъ съ такою же легкостію втыкаетъ, гдѣ ему вздумается новыя дубы и притомъ на какую угодно глубину. Такой богатырь невольно поражалъ бы васъ величіемъ своей силы, неукладываясь ни въ какія самые грандіозные максимумы вашихъ представлений о человѣческой силѣ. Такимъ точно богатыремъ является передъ нами микадо въ своей реформаторской дѣятельности. Онъ вырываетъ съ корнемъ или топчетъ ногами все, что ему не нравится, вѣковѣчные законы, обычаи, нравы страны, религію, даже власть свою и затѣмъ *pro lubito* вводитъ новыя совершенно чуждыя странѣ законы, обычаи, нравы, созидаетъ свою религію, себя самого не только лишаетъ божественной природы, которая въ вѣрованіяхъ народа неразрывно связана съ его достоинствомъ, но даже неограниченной власти, выдаетъ себя за слабого смертнаго, имѣющаго нужду въ совѣтѣ и помощи цѣлаго населенія, — и все это никого не поражаетъ, все безпрекословно исполняется точно по шучьему велѣнію, — точно онъ имѣетъ дѣло не съ живыми людьми, воспитанными на тысячелѣтней традиціи культуры весьма своеобразной, по крайней-мѣрѣ неимѣющей ничего общаго съ европейской цивилизаціей, людьми полными предрасудковъ, суевѣрій, страстей, — а какими-то автоматами, которые заводятся пружинками во всѣ возможныя стороны и которымъ все равно куда бы ихъ ни повернули. По европейской мѣркѣ тѣхъ реформъ, которыя совершилъ уже микадо въ Японіи, при самыхъ благо-

приятныхъ условіяхъ, стало бы на нѣсколько столѣтій, — и люди болѣе солидной постепенности говорили бы, что онѣ шли очень быстро; а мивадо всё эти реформы отмахалъ въ какихъ-нибудь три-четыре года. Каждая почти почта приноситъ извѣстіе о какой-нибудь новой громаднѣхъ размѣровъ реформѣ въ Японіи, и едва степенные европейскіе умы, пораженные смѣлостію начинанія, усядутся и станутъ разсуждать: благоразумна ли она? возможенъ ли подобный шагъ въ Японіи? какъ прибываетъ новая почта и приноситъ извѣстіе о новой реформѣ, еще громаднѣйшей прежней и т. д.

Недалѣе какъ въ декабрѣ, прибывшая изъ Японіи почта привезла извѣстіе о радикальномъ преобразованіи учебной части въ Японіи. «По новому положенію вся Японія раздѣляется на восемь учебныхъ округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ учреждается одинъ университетъ и 32 высшихъ среднихъ школъ. Кромѣ того основывается еще 210 другихъ высшихъ среднихъ школъ, въ высшихъ влассахъ которыхъ начинается изученіе новыхъ языковъ. За этими послѣдними слѣдуютъ элементарныя школы въ количествѣ 53,760, въ которыхъ обученіе бесплатно и обязательно для всѣхъ дѣтей свыше 6 лѣтъ возраста. Въ высшихъ среднихъ школахъ ученіи должны платить ежемѣсячно 5 долларовъ, въ университетахъ 7 долларовъ 50 центовъ. Изъ высшихъ среднихъ школъ ежегодно отправляются за границу 150 воспитанниковъ съ ежегодною стипендіею въ 1000 долларовъ въ годъ. Изъ университетовъ также отправляется ежегодно за границу по 30 челоуѣкъ съ стипендіею въ 1800 долларовъ въ годъ. 150 лучшимъ ученикамъ среднихъ высшихъ школъ государство даетъ стипендіи. Въ элементарныхъ школахъ иностранныя языки не преподаются, но въ преподаваніи вводится иностранный методъ. Многія превосходныя руководства уже переведены на японскій языкъ, для приготовленія учителей, знакомыхъ съ иностраннымъ методомъ, учреждается учительская семинарія. Нужно было нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы выработать это новое положеніе по учебному вѣдомству во всѣхъ его подробностяхъ и отъ министра народнаго просвѣщенія потребуется не мало трудовъ, чтобы привести его въ исполненіе. На этотъ постъ приглашенъ американскій педагогъ, профессоръ Нортронъ, въ настоящее время инспекторъ школъ въ Коннектикутѣ».

Въ концѣ того же декабра пришла новая почта и принесла извѣстіе, что мивадо даетъ народу голосъ въ законодательствѣ и съ будущаю мѣсяца 600 народныхъ представителей будутъ законодателями для своей страны».

Чтобы читатель могъ понять всю важность этого шага для такой страны, какъ Японія, мы познакоимъ его съ взглядомъ на этотъ предметъ нашего политика г. Стронина. Въ своей недавно вышедшей книгѣ: «Политика, какъ наука», дѣлая діагностику и прогностику Россіи, г. Стронинъ говоритъ, что ни одинъ народъ не бѣжалъ такъ быстро по пути прогресса, какъ

бѣжимъ мы, что въ теченіе около двухъсотъ лѣтъ, т.-е. со временъ Петра мы даже не бѣжимъ, а скачемъ,—и завѣмъ тѣмъ все-таки; не доскакали, можно сказать, до самаго необходимаго, до организациі функціи законодательства, соотвѣтствующей нашему развитію. Правительство наше создаетъ это, говоритъ г. Стронинъ, и изыскиваетъ всѣ мѣры, чтобы восполнить этотъ недостатокъ: оно основало около пятидесяти комисій для разработкн разнаго рода законовъ, въ комисіи призывало экспертовъ, по разнымъ законодательнымъ вопросамъ обращается къ содѣйствію литературы, общественнаго мнѣнія—своего отечественнаго и заграничнаго и т. п. Но желаннаго результата не получается. А между тѣмъ создать единственно компетентную организацию для законодательства—государственное самоуправленіе—не оказывается никакой возможности. Высчитывая подробно наличныхъ политическихъ дѣятелей нашей интеллигенціи, г. Стронинъ приходитъ къ тому заключенію, что во всемъ дворянствѣ найдется болѣе 600 человекъ, которые были бы годны для участія въ государственномъ самоуправленіи; затѣмъ о купечествѣ и крестьянствѣ и говорить нечего; здѣсь нѣтъ ни одного. А такъ какъ въ Россіи государственное самоуправленіе, вслѣдствіе историческаго развитія ея, немислимо безъ участія купечества и крестьянства, то ей пришлось бы ждать такого самоуправленія многое множество лѣтъ, еслибы оно не вызывалось настоятельною силою вещей, крайнею необходимостью. Но какъ ни велика эта необходимость, — продолжаетъ г. Стронинъ, — все таки нельзя человѣка безграмотнаго, неумѣющаго подписывать свое имя, посадить въ государственное самоуправленіе; въ земствѣ онъ еще можетъ быть кой-какъ терпимъ, но въ государственномъ самоуправленіи такой членъ немислимъ. Слѣдовательно послѣднее невозможно, пока наши крестьяне невнучатся, по крайней мѣрѣ, грамотѣ, а этой работы хватить на цѣлое поколѣніе. Стало быть, — заключаетъ г. Стронинъ, — ранѣе, чѣмъ пройдетъ еще одно поколѣніе, еще одно царствованіе, нечего и думать о государственномъ самоуправленіи.

Итакъ видите ли: мы, которые приобщились цивилизациі уже около 200 лѣтъ, мы, которые все это время не бѣжимъ, а скачемъ по пути прогресса, мы все еще, по расчету г. Стронина, должны подождать государственнаго самоуправленія лѣтъ, можетъ быть, пятьдесятъ и даже поболѣе,—а Японія, которая начала усваивать себѣ европейскую цивилизацию, назадь тому всего три-четыре года, много пять лѣтъ, уже вводитъ его.

Съ соображеніями, вычисленіями, выводами г. Стронина въ данномъ случаѣ, конечно, можно не соглашаться, но нельзя не признать вѣрнымъ того факта, что сила вещей, регулирующая развитіе нашего общества, все еще не такова, чтобы государственное самоуправленіе могло у насъ осуществиться немедленно, а въ Японіи оно уже осуществляется. Ясно, что Японія имѣетъ несомнѣнный авансъ передъ нами въ условіяхъ сво-

его развитія, — и намъ отсталымъ знать эти условія не бесполезно.

Мы обратимъ здѣсь бѣглое вниманіе на три предмета, играющіе всегда важную роль во всѣхъ реформахъ: на историческую конституцію страны, на ея религію и на культуру народа.

Исторія каждаго народа начинается обыкновенно баснословными преданіями, на которыя въ краткомъ очеркѣ можно не обращать никакого вниманія въ исторіи другихъ народовъ, но въ исторіи Японіи они весьма важны, потому что имѣли вліяніе на ея развитіе до самаго послѣдняго времени. Исторія Японіи по этимъ преданіямъ начинается еще до сотворенія міра. Семь небесныхъ боговъ, происшедшіе изъ ничего, управляли небомъ и землею преемственно другъ послѣ друга. Седьмой изъ этихъ боговъ Изанаги-но-микото, женившись на богинѣ имѣлъ отъ нея много дѣтей, которыя и сдѣлались потомъ первыми основателями японскаго царства. Разъ богъ сказалъ своей женѣ: «Надобно гдѣ нибудь основать твердую землю, постараемся объ этомъ». Съ этими словами онъ бросилъ свой мечъ, украшенный драгоценными камнями на воздухъ, и на него осѣли водяныя капли. Такимъ образомъ образовалась первая твердая земля въ пространствѣ міровъ, островъ, на которомъ и поселился богъ съ своею женою, а потомъ около этого острова постепенно образовались другіе японскіе острова. Тогда богъ поселилъ на нихъ восемь милліоновъ людей, и это свое твореніе завѣнчалъ тѣмъ, что произвелъ царство растительное. За Изанаги слѣдовало еще пять земныхъ боговъ, по смерти которыхъ японское царство вступило въ третій періодъ. Оно стало управляться уже людьми, и съ этого времени начинается собственно японская исторія. Первый основатель японскаго царства былъ Цинму, четвертый сынъ послѣдняго бога. Онъ явился въ 660 году до Р. Х., соединивъ въ своемъ лицѣ верховную духовную и свѣтскую власть подъ именемъ микадо, — уменьшительное слово отъ микото, которымъ назывались боги, создавшіе Японію. Цинму управлялъ страню 76 лѣтъ и умеръ 127 лѣтъ отроду. Всѣ микадо — его преемники и также божественной природы, какъ и онъ; поэтому съ давнихъ временъ для микадо оставился особенный ритуаль, отдѣлявшій и отличавшій ихъ отъ простыхъ смертныхъ, въ который вошло много глупостей; такъ, напримѣръ, микадо не могъ касаться ногами пола, его обыкновенно переносили съ мѣста на мѣсто, онъ не могъ дышать обыкновеннымъ воздухомъ, онъ не могъ освѣщаться солнцемъ; — всякій предметъ, котораго онъ касался, долженъ былъ подвергаться уничтоженію и т. д. Микадо жилъ въ многоженствѣ; обыкновенно онъ имѣлъ 12 женъ, изъ которыхъ мать наслѣдника носила титулъ императрицы. По смерти микадо ему наслѣдовалъ обыкновенно старшій сынъ; впрочемъ, отъ находившагося при микадо совѣта Дайри, составленнаго изъ высшихъ духовныхъ лицъ, зависѣло устранить старшаго сына отъ престола и передать его болѣе достойному

изъ сыновей. Этотъ неопредѣленный твердо порядокъ престолонаслѣдія и феодальная система, положенная въ основаніе управленія странюю первымъ микадо, который по жѣрѣ завоеванія новыхъ провинцій, раздавалъ ихъ въ ленъ своимъ сподвижникамъ были причиною, что микадо съ теченіемъ времени потеряли свою свѣтскую власть надъ странюю.

Около конца XII столѣтія, по случаю кровопролитныхъ междоусобицъ, происходившихъ между вассалами, микадо, вооруживъ сильное войско, поручилъ команду надъ нимъ своему второму сыну Йоритомо съ званіемъ тайкуна или главнокомандующаго. Йоритомо быстро усмиривъ вассаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ храбростію и талантами такъ привязалъ къ себѣ армію, что присвоилъ себѣ наслѣдственное начальство надъ нею, потомъ вмѣшался и вообще въ управленіе, присвоивъ себѣ многія изъ правъ императора и въ 1191 году потребовалъ отъ отца утвержденія ихъ,—на что микадо и долженъ былъ согласиться, предоставивъ ему управленіе дѣлами свѣтскими. Впрочемъ, и послѣ этого у микадо оставалась все еще нѣкоторая доля власти надъ тайкунами до конца XVI столѣтія. Въ это время, по случаю новыхъ кровопролитій между вассалами Японіи, успѣлъ захватить власть тайкуна въ свои руки нѣкто Тайко, происходившій изъ крестьянъ. Усмиривъ вассаловъ и, опираясь на армію, Тайко потребовалъ себѣ отъ микадо неограниченной власти въ свѣтскихъ дѣлахъ и получилъ ее съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ продолжалъ признавать микадо императоромъ по имени, новые законы издавалъ не иначе, какъ съ его согласія, и наконецъ, управленіе духовными дѣлами и раздачу титуловъ предоставилъ исключительно микадо. Новый тайкунъ Іейасъ, бывшій опекуномъ сына Тайко, отнявъ у послѣдняго власть, окончательно лишилъ микадо всякой власти, заключилъ его въ его дворцѣ въ Міако, приставилъ къ нему почетную стражу; затѣмъ, основавъ свою столицу въ Іедо, куда ее перенесъ изъ Міако еще его предшественникъ, сдѣлалъ достоинство тайкуна наслѣдственнымъ исключительно въ своемъ родѣ, именно въ домахъ трехъ своихъ братьевъ, которые по этому были выдѣлены изъ ряда другихъ дайміосовъ, т. е. владѣтельныхъ дворянъ особымъ титуломъ Гозанкай, — дававшимъ имъ среди другихъ вассаловъ значеніе въ родѣ европейскихъ курфирстовъ. Іейасъ собралъ свои и прежніе законы Японіи въ одинъ кодексъ, который подъ именемъ Гонго-Сама оставался дѣйствующимъ до послѣдняго времени. Въ этотъ кодексъ внесенъ былъ, между прочимъ, и тотъ законъ, что каждый японецъ можетъ безнаказанно умертвить иностранца, если послѣдній является въ страну безъ разрѣшенія японскаго правительства. Законъ этотъ, послужившій въ послѣднее время причиною многихъ убійствъ европейцевъ въ Японіи, и первоначально былъ направленъ противъ европейцевъ же.

Японія сдѣлалась извѣстна Европѣ еще около половины XVI

столѣтія. Прежде всѣхъ получили о ней свѣдѣніе португальцы отъ трехъ своихъ матросовъ, случайно попавшихъ въ Японію въ 1542 или 1545 году на китайскомъ кораблѣ. Такъ-какъ Японія открыта была тогда для торговли со всѣми странами, то быстро завязались торговныя сношенія и съ Португаліей. Въ 1549 году прибылъ въ Японію христіанскій миссіонеръ Іезуитъ Ксаверій и положилъ здѣсь основаніе христіанству, которое распространилось очень быстро. Христіанъ считалось здѣсь 200,000 человекъ съ 250 церквами и 13 семинаріями. Въ числѣ принявшихъ христіанство былъ не только народъ, но и князья, дайміосы, и другіе чины. Дайміосы покровительствовали христіанству, потому что отъ торговли съ европейцами получали много выгодъ. Они снарядили даже посольство, во главѣ котораго стояли три князя, съ подарками къ папѣ и Филиппу II, тогдашнему королю Испаніи и Португаліи. Но дѣла христіанъ приняли другой оборотъ, когда въ Японію прибыли францисканцы и доминиканцы. Между орденами началась вражда и ссоры за право миссіонерства, а потомъ они вмѣшались въ политическія дѣла страны; именно оказалось, что они старались подорвать власть тайкуна, дѣйствуя въ этомъ случаѣ за одно съ дайміосами, которые при помощи христіанства и иностраннаго оружія хотѣли сдѣлаться совершенно независимыми. Это навлекло на христіанъ сначала неудовольствіе тайкуновъ, а потомъ и гоненіе. Уже въ 1587 году вышелъ указъ объ изгнаніи миссіонеровъ изъ Японіи и уничтоженіи всѣхъ христіанскихъ церквей. Указъ этотъ остался впрочемъ безъ исполненія. Но въ 1596 году началось преслѣдованіе христіанъ, продолжавшееся 40 лѣтъ. Гоненіе это усилилось, когда въ Японію въ началѣ XVII столѣтія проникли голландцы и успѣли попасть въ милость къ тайкуну. Изъ ненависти къ португальцамъ, какъ папистамъ и изъ зависти къ получаемымъ ими торговнымъ выгодамъ, они всячески старались вредить португальцамъ. Наконецъ, имъ удалось перехватить письмо послѣднихъ, въ которомъ содержался планъ японскихъ христіанъ о низверженіи японскаго правительства съ помощью испанско-португальскихъ войскъ. Письмо это доставлено было тайкуну, и въ 1637 году вышелъ указъ, которымъ всѣ португальцы изгонялись навсегда изъ Японіи, а христіанство обрѣвалось на окончательное истребленіе. Японскіе христіане въ отчаяніи въ числѣ 40,000 человекъ собрались въ замкѣ Симабары и стали защищаться оружіемъ. Они сражались такъ храбро, что войска тайкуна не могли ничего сдѣлать съ замкомъ. Тогда тайкунъ обратился за помощью къ голландцамъ. Одинъ изъ голландскихъ кораблей дѣйствительно былъ данъ въ распоряженіе тайкуна и своими орудіями разрушилъ старыя стѣны Симабары. 37,000 христіанъ, находившіеся еще въ замкѣ, были взяты въ плѣнъ войсками тайкуна и въ одинъ день всѣ умерщвлены (12 апрѣля 1638 года). Затѣмъ остатки христіанства въ Японіи истреблялись еще впродолженіе двухъ лѣтъ.

Съ 1640 года Японія была совершенно очищена отъ христіанъ и заперта навсегда для всѣхъ странъ, кромѣ Китая и Голландіи. Но и голландцы, несмотря на блестящія услуги, оказанныя имъ японскому правительству, были чрезвычайно стѣснены въ своихъ сношеніяхъ съ японцами. Имъ указано было жить въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, вѣчно подъ стражею, точно въ тюрьмѣ; сюда должны были приходять ихъ корабли только въ извѣстное время года; на нихъ наложена была довольно значительная пошлина, которую они ежегодно должны были платить японскому правительству; при представленіи послѣднему они подвергались всѣмъ унижительнымъ обрядамъ. «Голландцамъ, — такъ описываетъ мѣсто ихъ новаго жительства одинъ изъ очевидцевъ, — вѣрно было ихъ поселеніе перенести съ острова Фирандо въ городъ Нагасаки. Здѣсь отведенъ былъ имъ маленькій островъ, отдѣлявшійся отъ города небольшою рѣкою и обнесенный тыномъ. Входъ сюда день и ночь охранялся японскими солдатами. Когда прибывалъ голландскій корабль, что случалось ежегодно въ извѣстное время, то всѣ прибывшіе на немъ осматривались съ ногъ до головы; товары, оружіе, даже руль и паруса — все это отбиралось японцами, складывалось въ особые пакгаузы и запечатывалось. При каждомъ кораблѣ ставился особый баркасъ съ японскими солдатами и безъ позволенія японцевъ никто не могъ ни съ корабля сойти на берегъ, ни съ берега на корабль. Хотя островъ отдѣлялся отъ города только небольшимъ мостомъ, но ни одинъ голландецъ не могъ пройти въ городъ, не имѣя особенно уважительныхъ на это причинъ и не испросивъ предварительно разрѣшенія начальства; но когда и получалось такое разрѣшеніе, онъ могъ идти въ городъ не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ и переводчика, которые не отходили отъ него во все время, пока онъ, сдѣлавъ все, что ему нужно въ городѣ, не возвратится на островъ. Равнымъ образомъ и японцамъ, если они не имѣли особенной нужды къ голландцамъ, запрещалось ходить на островъ, пока не получалось въ Нагасаки отъ императорскаго двора повелѣнія вступить въ торговые сношенія съ голландцами. Повелѣніе это каждый разъ по прибытіи кораблей надобно было испрашивать особо».

Какъ ни старались тайкуны уничтожить и унизить власть микадо и возвысить свою собственную, но въ идеѣ власть микадо оставалась все-таки верховною, передъ которою склонялись всѣ — и народъ, и всѣ дайміосы, тайкунъ же хотя и былъ *de facto* полновластнымъ государемъ, но на него смотрѣли всѣ какъ на власть исполнительную, какъ на высшаго чиновника, облеченнаго своимъ полновластіемъ отъ микадо. Феодальная система, лежавшая гнетомъ на низшихъ классахъ народа, была вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени гнетомъ и для тайкуна; она не давала тайкуну утвердить за собой верховенство и косвеннымъ образомъ поддерживала идею власти микадо. Вся Японія

была раздѣлена между даймїосами или наслѣдственными князьями и дворянами, которые управляли въ своихъ владѣніяхъ почти что неограниченно. Самыми высшими даймїосами были выше-означенные три князя Гозанкай, въ домахъ которыхъ было наслѣдственное достоинство тайкуна; за ними слѣдовали 18 Гокни или перовъ, которые послѣ многихъ войнъ съ тайкуномъ за свою самостоятельность, окончательно были признаны совершенно независимыми отъ тайкуна Іейасомъ, что внесено было въ основной законъ Японїи и утверждено микадо. Всѣ перы входили въ составъ такъ-называемаго совѣта 24-хъ, состоявшаго при тайкунѣ, на обязанности котораго лежало охранять права микадо при тайкунѣ. Перы проводили 6 мѣсяцевъ въ году въ Іедо при тайкунѣ и по наружности выказывали ему усердіе и преданность, но въ самомъ дѣлѣ зорко слѣдили за каждымъ его шагомъ. За перами слѣдовали остальные владѣтельные даймїосы, число которыхъ простиралось до 342. У 143 изъ этихъ даймїосовъ были свои крѣпости, у нѣкоторыхъ по двѣ и по три; въ этихъ крѣпостяхъ они и жили, когда не присутствовали въ Іедо, съ своими семействами, дворомъ и войсками. Войска нѣкоторыхъ изъ нихъ были очень значительны. Такъ князь Сатзумы имѣлъ подъ ружьемъ 25,000 ч. постоянного войска и не иначе являлся въ Іедо, какъ въ сопровожденїи 7—8,000 войска. Доходы 140 владѣтельныхъ даймїосовъ простарались отъ 40,000 р. до 3.000,000 р. При такихъ громадныхъ матеріальныхъ средствахъ тайкуны ничего не могли сдѣлать съ феодалами; но они не имѣли для послѣднихъ и никакого нравственнаго значенїя. Каждый даймїосъ считалъ себя по правамъ родовымъ ни чуть не ниже тайкуна; а тѣ, родъ которыхъ былъ гораздо древнѣе рода тайкуна, зависимость отъ него почитали униженїемъ для себя. Въ глазахъ даймїосовъ тайкунъ былъ только счастливый, но по этому самому для всѣхъ ненавидимый узурпаторъ.

Пока Японїя была заперта для иностранцевъ, пока тайкунъ имѣлъ дѣло только съ феодалами, его власть хотя и была не особенно прочна, но могла держаться на строгомъ соблюденїи давно уже существовавшей, всѣми признанной конституціи. Но допущенїе иностранцевъ въ Японїю должно было необходимо поставить тайкуна въ опасное положенїе, ибо самымъ этимъ допущенїемъ, не говоря уже о послѣдствїяхъ, конституція нарушалась. Надобно отдать честь феодаламъ, что они объ этомъ предупредили тайкуна. Едва въ 1854 году прибыла американская эскадра въ Японїю, какъ князь Мито, одинъ изъ Гозангаевъ, немедленно явился къ тайкуну Іейоси и отдавая въ его распоряженїе все свое войско, заклиналъ его не принимать посланїя отъ президента сѣверо-американскихъ штатовъ. Но такъ-какъ увѣщанїя его оказались напрасными, то онъ собралъ своихъ приверженцевъ, объявилъ тайкуна государственнымъ измѣнникомъ, какъ нарушителя конституціи, и достойнымъ смерт-

ной казни. Одинъ изъ родственниковъ Мито принялъ на себя исполненіе этого приговора, прокрался во дворецъ тайкуна и прокололъ его мечомъ, умертвивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и себя самого, такъ что происшествіе осталось совершенно неизвѣстнымъ для американцевъ, стоявшихъ подлѣ города. По смерти Іейоси тайкуномъ сдѣлался малолѣтній сынъ его подѣ опекою Готаиро, т. е. регента. Несмотря на очевидную опасность, угрожавшую со стороны феодаловъ, и регентъ не рѣшился послѣдовать совѣту Мито. Требованія Янки были такъ настойчивы и тверды, что было очевидно, что если не уступить имъ, то они возьмутъ силою то, что нужно. 31 марта 1854 года былъ заключенъ торговый трактатъ между Японіею и сѣвероамериканскими штатами. Этимъ трактатомъ съ одной стороны Японія открывалась для всѣхъ иностранцевъ; за американцами послѣдовало заключеніе подобныхъ же трактатовъ съ Англіею въ 1857 году, затѣмъ съ Россіею, съ Франціею, съ Португаліею, такъ что въ іюлю 1859 года гавани Нагасаки, Канагава, Гокодаде, были уже открыты для торговли Америки и большей части Европы; съ другой стороны заключеніе регентомъ трактата съ американцами было объявленіемъ прямой войны феодаламъ. Они не признали трактатовъ, заключаемыхъ тайкуномъ, для себя обязательными; по конституціи тайкунъ могъ заключать трактаты только относительно земель, ему лично принадлежащихъ; но не относительно всей страны, гдѣ никакъ новый законъ не могъ явиться безъ согласія миадо. Князь Мито основалъ нѣчто въ родѣ общества убійцъ, которые должны были умерщвлять тайкуновъ, какъ измѣнниковъ отечеству, и потомъ иностранцевъ, такъ-какъ по основной конституціи всякій иностранецъ, являющійся безъ разрѣшенія законнаго правительства въ Японію, могъ быть убитъ японцемъ. Со времени заключенія трактата съ американцами впродолженіе 12 лѣтъ было убито или отравлено три тайкуна, и вромѣ того палъ отъ руки убійцъ князь Мито регентъ, первый заключившій трактатъ съ американцами. Съ открытіемъ японскихъ гаваней для иностранцевъ въ 1859 году начались убійства иностранцевъ. Первыми жертвами убійцъ пали трое русскихъ изъ прибывшихъ въ Іедо въ этомъ году съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, одинъ офицеръ, одинъ чиновникъ и одинъ матросъ. Затѣмъ были убиты одинъ изъ служителей при англійскомъ консулѣ; вскорѣ потомъ переводчикъ у англичанъ; наконецъ подоженъ былъ храмъ, въ которомъ помѣщался французскій консулъ, — въ началѣ 1860 года были умерщвлены два голландца на улицахъ Юкагами. Какъ графъ Муравьевъ энергически протестовалъ по случаю убійства русскихъ передъ японскимъ правительствомъ, такъ точно всѣ европейскіе посланники вмѣстѣ протестовали по поводу каждаго изъ убійствъ, — правительство тайкуна извинялось, платило деньги, дѣлало другія удовлетворенія, — но убійцы никогда не отыскивались и не подвергались наказанію. Тайкунъ, оче-

видно, чувствовалъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ феодалами и боялся. Правительство тайкуна наконецъ перестало скрывать свою слабость передъ иностранцами. Оно старалось, сколько могло, разузнавать замышляемныя феодалами злоумышленія и извѣщало во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій объ нихъ иностранцевъ. Такъ 2 января 1861 года въ прибывшемъ въ Японію прусскому посольству губернаторы, уполномоченные съ нѣмъ для переговоровъ, явились вечеромъ и объявили стоявшему во главѣ посольства графу Эйленбургу, что у правительства есть въ рукахъ извѣстіе о составившемся изъ 500 дворянъ заговорѣ, которые намѣрены умертвить всѣхъ посланниковъ въ Іедо, въ томъ числѣ и прусскаго. Губернаторы, не ручаясь за его безопасность въ занимаемомъ имъ помѣщеніи, просили его убѣдительно перейти немедленно или во дворецъ тайкуна, или на прусскіе корабли. Графъ Эйленбургъ, разумѣется, не согласился; онъ отвѣчалъ губернаторамъ, что надѣется вполнѣ на японское правительство, которое, конечно, съумѣетъ найти должныя мѣры для предупрежденія опасности. Ожидаемаго губернаторами нападенія 2 января дѣйствительно не было, но 15 января былъ убитъ переводчикъ при американскомъ министрѣ Гейскенъ. Послѣ этого убійства посланники французскіе и англійскіе рѣшились-было выѣхать изъ Іедо въ Йогагаму, — но правительство тайкуна увѣрило ихъ, что они могутъ быть спокойны, что оно приняло всѣ мѣры для ихъ безопасности. Въ самомъ дѣлѣ правительство не жалѣло стражи для домовъ посланниковъ. Такъ, напримѣръ, при храмѣ, гдѣ жилъ англійскій посланникъ, день и ночь стояло 150 человѣкъ японской стражи. Несмотря на это, 6 іюня 1861 года т.-е. почти ровно черезъ полгода послѣ умерщвленія Гейскена, въ квартиру именно англійскаго посланника пробралась шайка изъ 17 дворянъ и нанесла опасныя раны двумъ секретарямъ посольства. Только уже на крикъ послѣднихъ сбѣжалась стража; многіе изъ шайки были убиты и изъ найденныхъ у одного изъ убитыхъ бумагъ оказалось, что былъ формальный заговоръ, составленный феодалами, цѣлью котораго было убить посланника. Чтобы предохранить себя впередъ отъ подобныхъ нападеній, англійскій посланникъ выписалъ немедленно изъ Китая конный отрядъ находившихся тамъ въ то время англійскихъ солдатъ, и сталъ даже выѣзжать не иначе, какъ сопровождаемый этимъ отрядомъ. Черезъ годъ послѣ этого именно 14 сентября 1862 года послѣдовало новое убійство, впрочемъ, не по злоумышленію феодальной партіи, а вслѣдствіе нечаяннаго нарушенія японскихъ церемоній. Три англичанина и англичанка, отправившись верхомъ на загородную прогулку изъ Йогагамы, встрѣтили на дорогѣ огромное множество японскихъ солдатъ отъ 2-хъ до 3,000, которые шли небольшими отрядами отъ 10 до 80 человѣкъ. Не подозрѣвая ничего, англичане продолжали путь и наткнулись на торжественную процессію: по обѣ стороны доро-

ги шло шпалерами богато вооруженное войско, въ срединѣ несли колоссальныхъ размѣровъ портшезъ, который употребляютъ только князья и высшіе сановники для своихъ путешествій. Оказалось, это князь Шимадзу, воспитатель князя Сатзумы, исполнялъ священную миссію — ѣхалъ къ микадо, чтобы исполнить данное порученіе, — и вдругъ на пути его «осквернила» встрѣча съ варварами! По японскому этикету, улица, по которой проѣзжаетъ князь или одинъ изъ его великихъ сановниковъ должна быть совершенно свободна отъ народа. Потому, передъ выѣздомъ ихъ, обыкновенно, впередъ бѣжитъ загощицъ, который извѣщаетъ объ этомъ, и всѣ, которые близко къ дому, обыкновенно, возвращаются домой, если же этого не могутъ сдѣлать, то становятся на колѣни и смиренно преклонивъ чело къ землѣ, ожидаютъ, пока проѣдетъ поѣздъ. Пройти мимо портшеза, снявъ только шапку по европейскому обычаю, — это значило бы нанести кровное оскорбленіе лицу сановника. Представьте же теперь оскорбленіе, какое нанесли англичане, встрѣтившись съ княземъ Шимадзу, какъ съ простымъ смертнымъ, и притомъ въ то время, когда онъ былъ на пути исполненія священной миссіи! Когда они поравнялись съ процессіей, одинъ японецъ немедленно съ крикомъ остановилъ одну изъ лошадей; англичане, не понимая въ чемъ дѣло, повернули все-таки назадъ, но было уже поздно. Своимъ поворотомъ они разстроили ряды процессіи. Князь въ портшезѣ изъявилъ неудовольствіе. Этого было довольно, чтобъ преданный слуга князя вынулъ саблю и нанесъ сзади ударъ одному изъ поворотившихъ англичанъ. Англичане пустили въ галопъ; но работа уже началась. Со всѣхъ сторонъ на нихъ сыпались сабельные удары, — и одинъ изъ нихъ, Ричардсонъ, получивъ до десяти ударовъ, не доѣхалъ до Юкагамы, на дорогѣ отдалъ Богу душу. Остальные отдѣлались только страхомъ или незначительными ранами.

Это происшествіе въ связи съ предшествовавшимъ нападеніемъ на посольство обратило серьезное вниманіе англійскаго правительства. Въ мартѣ 1863 года тогдашній министръ Россель предписалъ за нападеніе на посольство потребовать 700,000 талеровъ вознагражденія, и кромѣ того, извиненія отъ правительства; а за убійство Ричардсона, смерти князя Шимадзу и сверхъ того 170,000 талеровъ въ пользу наследниковъ Ричардсона. Первое требованіе англійскаго министра было немедленно удовлетворено правительствомъ тайкуна, — что касается до втораго, то надобно было имѣть дѣло съ княземъ Сатзумо, котораго безъ бою нельзя было заставить подчиниться распоряженіямъ министра. Въ августѣ 1863 года флотъ англійскій отправился въ принадлежащій князю Сатзумѣ городъ *Каосиму*, на островъ *Киусіу*, отлично укрѣпленный, считающій полмилліона жителей, гдѣ князь ждалъ уже англичанъ съ 60,000 войска. Англичане начали бомбардировать городъ, но вскорѣ под-

нявшаяся буря, которая легко могла бы разбить корабли, заставила их бросить бомбардировку и возвратиться ни съ чѣмъ, кромѣ того, что потеряли много убитыми и ранеными, потому что артиллерія князя Сатзума дѣйствовала отлично. Довольно неудачею англичанъ, князь Сатзума, миллионеръ, которому 170,000 ровно ничего не значили, уплатилъ имъ въ послѣдствіи эти деньги, отзываясь съ презрѣніемъ о европейскомъ обычаѣ—оплачивать кровь деньгами. Что касается до глупаго требованія англійскаго министра предать смерти князя Шимадзу, то объ этомъ не было болѣе и помину.

Успѣшнѣе были дѣйствія союзнаго европейскаго флота во владѣніяхъ князя Ногато въ столицѣ его *Симоносеки*. Городъ этотъ лежитъ при входѣ въ Японское море изъ пролива, отдѣляющаго островъ Нипонъ отъ Кіусіу. Батареи, поставленныя на берегу этого города, каждый разъ обстрѣливали проходившіе мимо европейскіе корабли и наносили имъ вредъ. Наконецъ, терпѣніе европейцевъ истощилось. По случаю нападенія на голландскій фрегатъ, соединились корабли англійскіе, голландскіе, французскіе, американскіе и въ сентябрѣ 1864 года приступили къ бомбардированію Симоносеки, потомъ сдѣлали вылазку, взяли штурмомъ батареи, отняли всѣ орудія у князя Ногато, который, сверхъ того, долженъ былъ заплатить нѣсколько миллионовъ талеровъ контрибуціи и открыть свободный проходъ мимо своихъ владѣній для всѣхъ кораблей. Дальнѣйшія распоряженія относительно князя Ногато тайкунъ взялъ на себя.

Всѣ эти происшествія ясно доказали феодаламъ, что имъ нечего ждать отъ тайкуна, что его ничѣмъ нельзя подвинуть къ войнѣ и ссорѣ съ европейцами, что онъ охотно будетъ исполнять всѣ ихъ требованія, которыя только отъ него зависятъ, и еще охотнѣе, въ случаѣ сопротивленія феодаловъ, будетъ предавать земли послѣднихъ на разграбленіе иностранцевъ. Въ концѣ концовъ это можетъ повести къ тому, что при помощи иностранцевъ, онъ уничтожитъ ихъ независимость и сдѣлается ихъ полновластнымъ владѣтелемъ. Уклончивая политика тайкуна, повидимому, дѣйствительно имѣла въ виду эти цѣли, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разъяснялась въ этомъ направленіи. Такъ въ 1865 году одинъ японецъ Семидчеу билъ двухъ англійскихъ офицеровъ. Тайкунъ не скрылъ уже этого преступленія и не побоялся предать преступника жестокой публичной казни. Несчастный былъ, стоя на колѣняхъ, крѣпко привязанъ къ лошади и въ такомъ положеніи въ продолженіе цѣлаго дня былъ возимъ по европейскому кварталу Юагама въ сопровожденіи шедшаго рядомъ съ нимъ отряда солдатъ и двухъ судебныхъ приставовъ, которые несли плакаты съ надписью о его преступленіи и опредѣленномъ ему наказаніи. Преступникъ, молодой человекъ, крѣпкаго сложенія, повидимому, истомленный пытками и тюрьмою, съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на окружающую его толпу; онъ исполнѣ олицетворялъ собою тотъ типъ мужества и безопасности,

который мы привыкли представлять себѣ въ людяхъ востока. До послѣдней минуты онъ сохранилъ тоже спокойствіе и мужество; при видѣ европейцевъ онъ выказывалъ свое презрѣніе къ нимъ и когда былъ привезенъ на мѣсто казни, твердыми шагами подошелъ къ ожидавшему его палачу. Онъ не позволилъ завязать себѣ глаза, сказавъ: «я хочу показать европейцамъ, какъ умѣетъ умирать японецъ». Послѣ этого онъ сказалъ краткую рѣчь народу. Въ ней онъ проклиналъ тотъ день, въ которой патриотъ долженъ понести смерть за исполненіе законовъ своего отечества и предсказывалъ японцамъ, что они подвергнутся безконечнымъ бѣдствіямъ, допустивъ европейцевъ въ свое отечество. Затѣмъ, палачу, державшему мечъ, онъ сказалъ твердо: «однимъ ударомъ»; ударъ былъ дѣйствительно хорошъ, голова немедленно отдѣлилась отъ туловища, и по японскому обычаю, на нѣсколько дней была выставлена на улицѣ въ страхъ народу.

Въ виду честолюбивыхъ стремленій тайкуна, южная партія дайміосовъ, къ которой принадлежали самые богатые и родовитые изъ японскихъ князей (въ томъ числѣ и князь Сатsuma, и Нагато) и потому самые сильные и непримиримые враги тайкуна,—рѣшилась уничтожить это достоинство и передать всю власть законному государю—миадо. Это рѣшеніе южныхъ дайміосовъ опредѣлило исходъ того броженія, которое началось между дайміосами съ самаго вступленія европейцевъ въ Японію. Всѣ дайміосы были болѣе или менѣе недовольны уже самымъ допущеніемъ иностранцевъ въ Японію. Затѣмъ уступчивость, съ которою велъ себя тайкунъ по отношенію къ нимъ, еще болѣе увеличивала это недовольство. Съ 1862 года нѣкоторые дайміосы отказались являться въ назначенные сроки въ Иедо ко двору тайкуна, что было равносильно отказу въ повиновеніи. Сильные князья прямо объявили распоряженія тайкуна для себя необязательными и съ своими войсками оставили Иедо и сосредоточились около миадо. Но броженіе это все еще не приняло опредѣленныхъ формъ до рѣшенія южныхъ князей. Въ Японіи съ давнихъ временъ существуютъ двѣ партіи дайміосовъ: сѣверная и южная, которыя во всѣхъ внутреннихъ войнахъ, при всѣхъ выборахъ чиновъ въ высшія должности и тому подобныхъ дѣлахъ всегда находились въ антагонизмѣ. Когда наступало какое-нибудь важное, рѣшительное событіе, то можно было впередъ предсказать, что партія сѣверная непременно откажется отъ того, на что рѣшится партія юга, и на оборотъ. Такъ случилось и теперь. Рѣшеніе партіи юга образовало въ партіи сѣвера оппозицію въ пользу тайкуна, противъ котораго до сихъ поръ равно возставали всѣ дайміосы. Побѣда партіи юга была, въ данномъ случаѣ, несомнѣнною не только потому, что она была сильнѣе, но и потому, что она дѣйствовала въ пользу миадо, божественнаго и единственнаго неограниченнаго верховнаго владѣтеля Японіи въ вѣрованіяхъ народа, слѣ-

довательно опиралась на народъ; тѣмъ не менѣе, борьба между двумя партіями была неизбежна.

Въ то самое время, когда южная партія дайміосовъ рѣшилась дѣйствовать въ пользу микадо и стала собираться около него, — и европейцы, не зная, что происходитъ среди дайміосовъ, сами рѣшились также прямо обратиться къ микадо и требовать отъ него утверженія ихъ трактатовъ, заключенныхъ съ тайкуномъ. Ибо не смотря на свою силу и побѣдоносность, они видѣли, что трактаты ихъ не имѣютъ никакого значенія для ихъ личной безопасности, что они нисколько не гарантированы отъ тайныхъ убійствъ. Но тайкунъ убѣдительно просилъ ихъ не дѣлать этого, обѣщаясь самъ выхлопотать у его святѣйшества микадо утверженія трактатовъ. Дѣйствительно, онъ отправился къ микадо въ Кіото, — но вскорѣ умеръ, неизвѣстно, впрочемъ, своею ли, или насильственной смертью, какъ утверждала молва. Новый тайкунъ князь Стотсбаши, сынъ уже знакомаго намъ князя Мито, принялъ на себя эту миссію. Но когда онъ въ концѣ 1866 года явился съ огромнымъ войскомъ въ Кіото, тамъ ему представилась неожиданная сцена. Жившій доселѣ весьма скромно, даже бѣдно, микадо развернулся теперь во всемъ своемъ блескѣ. Окруженный сильнѣйшими дайміосами, онъ встрѣтилъ тайкуна со всѣми древними атрибутами своего духовнаго и мірскаго величія. Что говорили между собою микадо и тайкунъ, неизвѣстно. Повидимому, микадо объявилъ тайкуну, что онъ самъ станетъ во главѣ движенія и поведетъ Японію на новые пути; по крайней мѣрѣ, тайкунъ, возвратившись, сказалъ ожидавшимъ его въ Огосагѣ европейскимъ посланникамъ, что «*микадо соизволилъ на утверженіе трактатовъ*». Въ мартѣ 1867 года старый микадо умеръ; его мѣсто заступилъ 15-тилѣтній мальчикъ. Это развязало руки южной партіи дайміосовъ для дѣйствія. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ иностраннымъ посланникамъ было сообщено, что тайкунъ добровольно отказался отъ управленія, и что новаго не назначено, такъ какъ микадо самъ беретъ въ свои руки и свѣтскую власть и уже собралъ всѣ высшіе чины для составленія новой конституціи. 8-го февраля 1868 года микадо послалъ къ европейскимъ посланникамъ особеннаго уполномоченнаго, который сообщилъ имъ, что микадо утверждаетъ всѣ трактаты, заключенные ими съ тайкуномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ имъ слѣдующій манифестъ новаго микадо:

«Микадо соизволилъ на увольненіе тайкуна Стотсбаши и на принятіе въ свои руки управленія, которое до сихъ поръ было ему ввѣрено. Извѣстно всѣмъ, какъ сердце покойнаго микадо было возмущено необыкновенными волненіями, начавшимися въ странѣ съ 1853 года; поэтому рѣшено произвестъ слѣдующія перемѣны. Чтобы дать правительству прежнюю твердость и возстановить силу страны, рѣшено уничтожить устарѣвшіе придворные чины микадо, въ томъ числѣ и чинъ тайкуна, и вмѣсто ихъ учредить три новыя: Созай, Гію и Сонію, которые впредь

и будутъ дѣлать повелѣнія относительно всѣхъ дѣлъ. Во всѣхъ дѣлахъ будутъ приниматься во вниманіе установленія Цинну (первый основатель японскаго царства 660 л. до Р. Х.). Добрый советъ будетъ съ благодарностью приниматься отъ всѣхъ безъ различія между высшими сановниками двора и войска, высшимъ и нисшимъ дворянствомъ. Императоръ радости и скорби будетъ раздѣлять со всѣмъ своимъ царствомъ. Да стремится каждый дѣйствовать въ духѣ этихъ рѣшеній, да отброситъ онъ отъ себя всякое зло, которое вкоренилось, и да исполняетъ свои обязанности съ искреннею вѣрностью и любовью къ отечеству».

Эта новая конституція однимъ ударомъ уничтожила вмѣстѣ съ тайкуномъ все, что сдѣлано было въ Японіи въ теченіи 700 лѣтъ со времени Іеритомо и Тайко. Униженный и почти совершенно лишенный всякой власти микадо становился снова единственнымъ самодержавнымъ императоромъ Японіи.

Немедленно по объявленіи этой конституціи сѣверные дайміосы взяли за оружіе, соединивъ свои войска съ войсками низверженнаго тайкуна. Противъ нихъ выступила южная конфедерація и послѣ сраженія, происшедшаго 28-го февраля 1868 года между Огосаки и Киото, получила окончательную побѣду. Разбитый тайкунъ бѣжалъ въ Іедо и здѣсь оставленный всѣми, вполнѣ покорился волѣ микадо, сдать ему свои корабли, оружіе и удалиться въ изгнаніе въ свой родовой замокъ Мито. Сѣверные дайміосы, однакожь, и послѣ этого не успокоились. Избравъ себѣ предводителемъ князя Эдцена, они продолжали съ южною конфедераціею войну въ продолженіи всего 1868 года. Этого мало: объявивъ, что микадо своимъ вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла лишилъ себя своего званія, они избрали новаго микадо! Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы повредить отношеніямъ микадо къ иностранцамъ, они хотѣли продолжать политику прежнихъ тайныхъ убійствъ. 3-го февраля посланные отъ южной конфедераціи объявили иностраннымъ посольствамъ, что тайкунъ окончательно разбитъ, что теперь единственнымъ государемъ остается микадо, и что иностранцы могутъ быть увѣрены въ твердости своихъ трактатовъ и своей безопасности. А 8-го марта тайными убійцами было умерщвлено 10 французскихъ матросовъ. Но теперь пора тайныхъ убійствъ уже прошла. Убійцы были немедленно отысканы и 16-го марта преданы казни.

Изъ сдѣланнаго нами очерка видно, что дѣло японскаго прогресса находится въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ. Князья южной партіи собственнымъ опытомъ убѣдились въ торжествѣ европейской цивилизаціи надъ японскою и поняли, что рано или поздно ихъ отечеству необходимо усвоить эту цивилизацію, какъ для огражденія себя отъ европейскихъ набѣговъ, такъ и вообще для развитія своего благосостоянія. Это побудило ихъ склониться на сторону реформъ, устранить двоевластіе въ странѣ

и поставивъ во главѣ движенія микадо, какъ единственнаго верховнаго главу свѣтской и духовной власти въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ народа съ самыхъ дравнѣйшихъ временъ. Смерть стараго микадо развязала имъ руки для свободнаго дѣйствія, а послѣдующія событія связали интересы прогресса съ ихъ личными интересами. Партія сѣверная совершенно успокоится и распустится только тогда, когда исчезнутъ всѣ старія учрежденія, поддерживающія феодализмъ и возникнутъ новыя, наполненныя людьми сочувствующими реформѣ, и затѣмъ, когда народъ *осязательно* пойметъ выгоды европейской цивилизаціи и самъ станетъ за нее активно. Чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше. Партія южная понимаетъ это очень хорошо. Какъ ни обезсилена въ настоящее время партія сѣверная, но пренебрегать ею никакъ нельзя. Надобно знать духъ и характеръ японскаго дворянства, его гордость и дерзкую отвагу, соединенныхъ съ презрѣніемъ всякихъ опасностей, беззавѣтную преданность мелкаго дворянства своимъ патронамъ-князьямъ, у которыхъ они состоятъ на службѣ, чтобы понимать, что здѣсь небольшая горсть людей, рѣшившаяся на что-нибудь, можетъ надѣлать гораздо болѣе хлопотъ правительству, чѣмъ двѣ нѣмецкія революціи въ Европѣ. Уваженіе къ родовому дворянству есть въ своемъ родѣ религія японцевъ. Эта религія дѣлаетъ нетерпимостію и фанатизмомъ и имѣетъ свой обширнѣйшій мартирологъ. По понятіямъ японскимъ, каждый дворянинъ всегда долженъ быть готовъ пожертвовать жизнью, если нужно отомстить за своего патрона, у котораго онъ состоитъ вассаломъ или воиномъ. Въ этихъ воззрѣніяхъ дворянинъ воспитывается отъ ногтей юности; умѣнье владѣть оружіемъ составляетъ важнѣйшую статью воспитанія. Оружіе составляетъ самое дорогое украшеніе для японскаго дворянина, на которое онъ ничего не жалѣетъ. Ихъ сабли, не имѣющія подобныхъ по своей остротѣ, блестятъ своими орнаментами и отдѣлкою. Но что болѣе всего даетъ цѣну саблѣ—это ея древность и ея слава. Каждая сабля въ старинныхъ семействахъ даймюсовъ имѣетъ свою исторію, свои преданія; ея достоинство считается по количеству крови, которое ею пролито. Считается позоромъ, если дворянинъ, купивъ новую саблю, не спѣшитъ омыть ее въ крови. Если не представляется случая окрестить ее въ человеческой крови, то требуется, чтобы ею убиты были, по крайней мѣрѣ, животныя, или, что еще лучше, чтобы палачъ попробовалъ ея остріе и доброту на приговоренныхъ къ смерти, для чего она и вручается ему. Въ такихъ предразсудкахъ воспитывается японское дворянство, приучаясь вмѣстѣ и владѣть оружіемъ и презирать опасности. Жизнь для японскаго дворянина ничего не значитъ, если ему нужно пожертвовать за свою страну или за своего патрона. Изъ исторіи Японіи можно привести безчисленное множество доказательствъ этого, но достаточно будетъ и слѣдующаго. Одинъ государственный сановникъ нанесъ какое-

то оскорбленіе другому. Послѣдній воротившись домой, повончилъ съ собою, распорозъ себѣ животъ. Его друзья и слуги, бывшіе свидѣтелями его благороднаго самоубійства, рѣшились отомстить за своего господина и тридцать пять изъ нихъ взяли на себя исполнить это. Вооруженные, они пришли въ домъ того, который былъ причиною смерти ихъ господина, умертвили тамъ всѣхъ, кто защищалъ его и отрубили у него голову, они привезли этотъ кровавый трофей на могилу своего друга. Затѣмъ, отправившись на короткое время къ своимъ семействамъ, чтобы устроить свои дѣла, они въ назначенный день снова собираются на могилѣ отомщеннаго, падаютъ на колѣни около нея, говорятъ длинныя рѣчи тѣмъ своихъ усопшихъ предковъ, произносятъ краткую молитву и затѣмъ лишаютъ себя жизни. Этотъ поступокъ «тридцати пяти» исторія японская прославляетъ, какъ подвигъ, и нѣтъ мальчика, который не зналъ бы ея и не прославлялъ бы героевъ. Въ этой исторіи вполнѣ вѣрно отражаются и нравы нынѣшняго времени. Японскіе дворяне и до сихъ поръ остаются такими же, какими были.

Вотъ почему южная партія и вообще правительство должны поспѣшать съ одной стороны окончательно обезсилить феодаловъ, съ другой—перевоспитать тѣхъ, которыхъ можно еще перевоспитать, внося другіе нравы, понятія, обычаи, законы, учрежденія и т. п. И вотъ почему южная партія ведетъ реформу съ несмысленною быстротою: въ какіе-нибудь четыре года преобразована и вооружена по европейски армія, сооруженъ очень значительный флотъ, построена желѣзная дорога отъ Токагамы до Іедо, строятся новыя, по всей странѣ протягиваются телеграфныя линіи и т. д.; еще быстрѣе идутъ реформы внутреннія. Онѣ производятся въ самыхъ различныхъ отрасляхъ управленія, но пока касаются только въ раздробъ тѣхъ или другихъ частей управленія, по мѣрѣ надобности, и являются въ формѣ личныхъ указовъ микадо, какъ было и у насъ при Петрѣ Великомъ. Поэтому дать полный очеркъ всѣхъ преобразованій въ Японіи за послѣднее время невозможно, тѣмъ болѣе, что они извѣстны пока по отрывочнымъ корреспонденціямъ, въ которыхъ нельзя искать полноты извѣстій. Мы упомянемъ здѣсь только о тѣхъ, о которыхъ извѣщали газеты за недавнее время: 1) Дозволена полная свобода всѣхъ религій.—Недавно въ Кіото вышло въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ доказывается, что «религія должна быть только одна». Въ опроверженіе его министръ народнаго просвѣщенія обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе весьма важный документъ, въ которомъ отстаивается свобода всѣхъ религій и въ особенности доказывается, что нѣтъ никакихъ основаній преслѣдовать христіанскую религію.—Выбраны пять японскихъ священниковъ и посланы въ Европу съ тѣмъ, чтобы они изучили тамошнія христіанскія вѣроисповѣданія и выбрали лучшее.—2) Для поднятія наукъ и искусствъ велѣно учредить академіи: въ Іедо, Сендай, Нагаѣ, Нагойѣ, Огосакѣ, Канагаѣ, Іерожи-

мѣ и Нагасаки.—Учреждены четыре химическихъ лабораторіи въ качествѣ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ три состоятъ подъ управленіемъ нѣмцевъ, и одна подъ управленіемъ американцевъ. Одно изъ этихъ заведеній находится въ Огосакѣ и имѣеть 100 учениковъ, другія три: въ Кагѣ, Шиддокѣ и Тувики,—шестое въ скоромъ времени откроется въ Іедо.—3) Правительство всѣми мѣрами старается объ облагороженіи женскаго пола. Съ этою цѣлью оно всачески поощряетъ учрежденіе женскихъ институтовъ.—Недавно вышелъ указъ, которымъ женщинамъ воспрещено являться передъ мужчинами въ полномъ дезабильѣ; всѣ бани и ванны велѣно устраивать для каждаго пола отдѣльно; тамъ, гдѣ это невозможно, въ продолженіи пяти дней велѣно пускать мужчинъ, въ продолженіи другихъ пяти дней женщинъ.—Правительство воспретило продажу дѣвочекъ, этимъ положенъ конецъ той постыдной торговлѣ, которую такъ долго вели съ Японіею китайцы, покупая дѣвочекъ для разврата.—Правительство воспретило родителямъ продавать своихъ дочерей въ публичные дома; а изъ послѣднихъ дозволило остаться только тѣмъ, которые будутъ организованы по европейскому способу. 4) Введено почтовое управленіе. Отъ Іокагамы въ Іедо почта ходитъ пять разъ въ день (теперь здѣсь уже желѣзная дорога). 5)—Воспрещены безнравственные представленія на театрѣ.—Мивадо воспретилъ дѣлать изображенія идоловъ въ безнравственныхъ позахъ — и гдѣ такіе будутъ найдены, велѣно немедленно сжигать. 6) Правительство велѣло ввести экзамены во всѣхъ коллегіяхъ, получающихъ субсидіи отъ правительства. Только хорошіе ученики могутъ кончать курсъ въ коллегіяхъ правительства; всѣ тѣ, которые получаютъ стипендіи правительства, должны быть немедленно отправляемы къ родителямъ, если не будутъ сдавать удовлетворительно экзаменовъ.—Мивадо посѣтилъ коллегію Нанхо въ Іедо, гдѣ шли экзамены воспитанниковъ. — 7) Для поднятія культуры шелка въ Японіи, вызваны въ Іедо лучшей шелководы, чтобы посовѣтоваться, какъ помочь этой индустріи, какъ сохранять яйца червей и какъ добывать лучшей продуктъ.—Правительство посылаетъ нѣсколько японовъ въ Италію для изученія шелкопрядства. — Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ чайная культура въ Японіи сдѣлала большіе успѣхи. Всѣ усилія употребляются для того, чтобы распространить эту продукцію; уже теперь много прекрасныхъ сортовъ чая доставляется изъ тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ не почитались пригодными для воздѣлыванія чайнаго растенія.—8) Черезъ посредство министерства земледѣлія сѣвероамериканскихъ штатовъ давно уже приглашенъ въ Японію Горасъ Кеpronъ для обученія японцевъ раціональному земледѣлію; для этой цѣли онъ привезъ всѣ земледѣльческія американскія машины и вообще, сельско-хозяйственныя аппараты всякаго рода, начиная отъ маслобойки до сложнѣйшей жатвенной машины. Но этотъ раціональный учитель от-

ровенно сознается, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ земледѣлія, напимѣръ, огородничествѣ, садоводствѣ японцы ушли далеко дальше американцевъ. По увѣренію же всѣхъ вообще европейцевъ, знакомыхъ съ японскимъ земледѣліемъ, и вообще земледѣльческая культура стоитъ въ Японіи такъ высоко, что съ нею не можетъ идти ни въ какое сравненіе европейское земледѣліе.

Изъ этихъ краткихъ извѣстій, извлеченныхъ нами изъ газетъ только за послѣднее полугодіе, читатель видитъ, что нѣтъ почти предмета, на который бы не обращало вниманіе японское правительство. Интересно бы было знать, кому во всемъ этомъ принадлежитъ главная инициатива—самоу ли микадо или его друзьямъ, членамъ южной партіи?—Микадо вступилъ на престолъ 15-ти лѣтъ,—теперь ему 21 годъ; все это время въ Японіи не прекращались броженіе и вражда партій, происходили междоусобныя войны, сношенія и столкновенія съ иностранцами; со всѣмъ этимъ близко связывались личные интересы самого микадо, не говоря уже о интересахъ страны. Школа воспитанія была очень хорошая даже для человѣка и не особенно даровитаго! Интересны черты, сообщаемыя газетами о личномъ характерѣ микадо. Нынѣшнимъ лѣтомъ микадо совершалъ путешествіе по Японіи. Какъ нарочно въ это время Японію посѣтили разныя бѣдствія. Надъ прибрежными жителями 23-го іюня разразилась страшная буря; 3-го іюля необыкновенно долгое землетрясеніе привело въ ужасъ жителей Токагамы. Въ Иедо явилась холера. Извѣстно, что вездѣ народное суевѣріе въ чрезвычайныхъ явленіяхъ природы или общественныхъ бѣдствіяхъ склонно видѣть какое-нибудь указаніе свыше. Противники реформъ не преминули воспользоваться этими явленіями, истолковывая ихъ народу какъ гнѣвъ Божій на микадо за его реформаторскую дѣятельность. «Но микадо, — говоритъ корреспондентъ, — неизвѣстно почему, — убѣжденъ ли онъ твердо въ разумности своихъ преобразованій или въ вѣрности своихъ подданныхъ, спокойно продолжалъ свое путешествіе и благополучно пробылъ въ Хіого, гдѣ, мимоходомъ сказать, образовалась уже газовая компанія».

Проведеніемъ двухъ великихъ послѣднихъ реформъ, о которыхъ мы сказали выше, то-есть новой системы народнаго образованія и организаціи народнаго представительства, начатныя преобразованія окончательно упрочатся и примутъ стройный видъ. Съ открытіемъ народнаго представительства, дѣло реформъ будетъ уже не личнымъ только дѣломъ микадо, а дѣломъ всего народа; оно пойдетъ не отрывочно какъ теперь, но по общему плану черезъ всѣ отрасли управленія и народной жизни; все, что является теперь по частямъ, въ обрывкахъ, часто въ дисгармоніи даже съ тѣмъ, съ чѣмъ оно состоитъ въ ближайшей связи, явится тогда въ общей связи, послѣдовательности и гармоніи со всѣми великими и малыми частями государствен-

ной и общественной машины; все, къ чему теперь съ осторожностью и даже нѣкоторою опасностію можетъ прикасаться микадо, будетъ тогда смѣло и съ корнемъ вырвано и выброшено, если оно не будетъ подходить къ общему строю: ибо это будетъ уже дѣло цѣлаго народа.—Въ то же самое время, когда народное представительство будетъ вычищать страну отъ стараго сора и устроить ее согласно новымъ идеямъ, школа заложенная на широкомъ основаніи будетъ брать себѣ все молодое поколѣніе и воспитывать его въ идеяхъ европейскихъ. При такомъ дружномъ дѣйствіи, много черезъ 50 лѣтъ, не останется и памяти о той Японіи, надъ которою теперь позволяемъ себѣ смѣяться даже мы, — мы, представляющіе въ европейской цивилизаціи, что называется, десятую спицу въ колесницѣ.

Въ Японіи существуютъ двѣ главныхъ религій: древнѣйшая и первоначальная религія *Синто* и *Буддизмъ* и третья, мало распространенная, *Сутосъ*.

Мы уже видѣли выше, какъ по представленію древнѣйшей религіи Синто произошли боги и міръ. Высшая всѣхъ боговъ есть богиня солнца, которой и принадлежитъ Синто. Но богиня солнца слишкомъ высока для молитвъ смертнаго. Между ею и людьми существуютъ безчисленные посредники — *ками*, духи, къ которымъ и должны обращаться люди съ своими молитвами. Эти *ками* раздѣляются на два разряда: на высшій, къ которому принадлежатъ урожденные боги, и на низшій, къ которому принадлежатъ люди, сдѣлавшіеся святыми. Душа человѣка безсмертна и получаетъ воздаяніе за гробомъ. Небесные судіи изрекають приговоръ надъ умершими и открываютъ имъ двери рая, гдѣ царствуютъ *ками*, или низвергаютъ ихъ въ адъ. Глава религіи Синто есть микадо. Смотра по заслугамъ умершихъ, онъ можетъ причислять ихъ къ лику святыхъ, и тогда они дѣлаются *ками*. Мораль этой религіи предписываетъ пять заповѣдей: 1) сохраненіе чистаго огня, какъ символа чистоты и средства очищенія; 2) чистоту души, сердца, тѣла. Первая достигается чрезъ повиновеніе предписаніямъ разума и законовъ; 3) соблюденіе праздничныхъ дней; 4) путешествіе къ святымъ мѣстамъ; и 5) почитаніе *ками* въ храмахъ и дома.—Человѣкъ дѣлается нечистымъ отъ сообщенія съ нечистыми, отъ слуханія безбожныхъ и неблагопристойныхъ рѣчей, отъ употребленія мясной пищи, отъ прикосновенія къ крови и мертвымъ тѣламъ. На всѣ эти случаи предписаны особые способы очищенія. Въ храмахъ религіи Синто нѣтъ никакихъ изображеній и изваяній, а находится только большое металлическое зеркало и бѣлые листы бумаги, какъ символы чистоты и близкаго присутствія божества. Изъ 22 святыхъ мѣстъ Японіи самымъ святымъ почитается храмъ богини солнца, въ провинціи Ісія, гдѣ побывать на поклоненіи обязанъ каждый японецъ, по крайней мѣрѣ, разъ.

въ своей жизни. — *Буддизмъ* проникъ въ Японію изъ Кореи въ 522 году и сильно здѣсь распространился. Буддизмъ исповѣдуетъ почти третья часть японцевъ, не говоря уже о томъ, что и древняя религія Синто только у немногихъ сохранилась въ своемъ чистомъ видѣ, вообще же является болѣе или менѣе смѣшанною съ буддизмомъ. Главная причина быстрого распространения буддизма состоитъ въ разнообразіи формъ, которыя онъ принимаетъ сообразно съ понятіями и развитіемъ своихъ поклонниковъ. Для людей суевѣрныхъ онъ дорогъ обиліемъ идоловъ, — которыхъ, напримѣръ, въ знаменитомъ буддійскомъ храмѣ Кавнонѣ, въ Іедо, считается большого размѣра болѣе 1000, а миниатюрныхъ свыше 33,000, — обиліемъ обрядовъ, амулетовъ и т. п. Людямъ, привязаннымъ къ древней народной религіи Синто, состоящей главнымъ образомъ въ обожаніи духовъ умершихъ, онъ толкуетъ своихъ идоловъ, какъ воплощеніе различныхъ духовъ. Для людей высшаго развитія онъ отрѣшается отъ всякихъ формъ. Говорятъ, что существуетъ въ Японіи до 30 буддійскихъ сектъ, которыя не имѣютъ никакихъ храмовъ, отрицаютъ почитаніе изображеній и идоловъ, и какъ высшую цѣль и высшее призваніе челоуѣка признаютъ чистую внутреннюю жизнь, внутреннее довольство и свѣтлое состояніе духа. Вообще буддійскихъ сектъ безчисленное множество. Религія *Сутосъ*, или Конфуція, въ прежнія времена была очень распространена, но теперь имѣетъ не много послѣдователей. Ученіе ея болѣе философскаго и политическаго содержанія, нежели религіознаго. Ученію Конфуція Японія обязана тѣмъ, что въ ней научное развитіе стоитъ выше, нежели у всѣхъ другихъ восточныхъ націй, потому что одно изъ главныхъ предписаній этого ученія составляетъ занятіе наукой.

Хотя буддизмъ, какъ мы видѣли, сильно распространенъ въ Японіи и изъ общаго числа 149,280 храмовъ, находящихся въ Японіи, только 27,000 принадлежатъ религіи Синто, прочіе всѣ буддійскіе, тѣмъ не менѣе образованные люди презираютъ буддизмъ; они не хотятъ, подобно невѣжественной толпѣ, быть игрушкою въ рукахъ буддійскихъ бонзъ, которые морочатъ людей посредствомъ намѣреннаго обмана. Напротивъ, религія kami или Синто равно уважается и знатными, и простымъ народомъ; даже послѣдователи ученія Конфуція относятся къ ней съ почтеніемъ. Вся народная и семейная жизнь тѣсно связана отъ колыбели до гроба съ обрядами и празднествами религіи Синто. Послѣднія соблюдаются даже всѣми японцами-буддистами; точно также не только японцы-буддисты, но и сами буддійскіе жрецы, вмѣстѣ съ храмами своихъ сектъ, посѣщаютъ и храмы Синто.

До послѣдняго времени обѣ религіи — и Синто, и буддійская — были равно государственныя религіи, пользовались одинаковыми правами и одинаковымъ покровительствомъ правительства. Во главѣ религіи буддійской, какъ и Синто, стоялъ также микадо.

Съ новою конституціею, которая, какъ мы видѣли, объявила,

что во всѣхъ дѣлахъ будутъ приниматься за основаніе институціи Цинму, перваго божественнаго основателя царства, и религія буддійская, вѣроятно подъ тѣмъ предлогомъ, что она представляетъ позднѣйшее нововведеніе, выключена изъ разряда государственныхъ религій. Жрецы ея лишены прежнихъ правъ и отличій, монастырскія и храмовыя имѣнія севеструются. Императорскій указъ рекомендуетъ всѣмъ обратиться къ религіи Синто, первоначальной религіи японцевъ, которая собираетъ своихъ вѣрующихъ не въ пышные и блестящіе храмы на поклоненіе идоламъ, но передъ простымъ деревяннымъ ковчегомъ на поклоненіе духамъ, при которомъ нѣтъ никакихъ изображеній, ни идиоловъ, ни утвари, а есть только бѣлые листы бумаги, символически напоминающіе о близости божества. Впрочемъ, инако не всѣмъ заповѣдямъ сочувствуетъ и въ религіи Синто. Такъ, напримѣръ, религія Синто воспрещаетъ употребленіе мяса животныхъ, даже молока, называя его бѣлою кровью. Но инако нынѣ лѣтомъ, во время путешествія по странѣ, на одной станціи, при безчисленномъ множествѣ народа, собравшагося смотрѣть его, вмѣсто приготовленнаго завтрака, потребовалъ стаканъ молока и выпилъ его. — Мысль его направлена къ тому, чтобы и религію Синто очистить отъ излишнихъ обрядностей и обратить вниманіе народа единственно на нравственную сторону. Съ этою цѣлью, онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ религіи Синто существенныхъ нравственныхъ правилъ и составилъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ новой религіи, велѣлъ ее проповѣдывать народу. Въ іюнѣ прошедшаго года вышло слѣдующее повелѣніе:

«Съ 10-го дня текущаго мѣсяца, въ различныхъ молеельняхъ Синто и въ буддійскихъ храмахъ будутъ говорить проповѣди, въ которыхъ ковчехохранители и жрецы, назначенные министерствомъ народнаго просвѣщенія для наставленія въ религіи, а равно и другія уполномоченныя на то лица будутъ изъяснять народу основанія религіи. Объ этомъ дается знать на тотъ конецъ, чтобъ народъ, безъ различія пола, шелъ слушать означенныя проповѣди, если имѣетъ въ тому охоту. Дано 9-го дня 5-го мѣсяца (14-го іюня 1872 г.)».

Послѣ оповѣщенія объ этомъ повелѣніи на улицахъ, на входахъ въ молеельни и храмы прибиты были дощечки, на которыхъ гигантскими китайскими буквами было написано «Sekio», то-есть «объясненіе религіи», — и рядомъ съ ними были объявленія на бумагѣ, въ которыхъ назначался день начала проповѣди. Ходили безчисленные слухи о необыкновенныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по этому случаю. Оно не пренебрегло вызвать въ Іедо даже жрецовъ презираемаго имъ буддизма, чтобы и съ ними посоветоваться о средствахъ, которыми можно пробудить народъ изъ его религіозной апатіи, и о томъ, какъ формулировать новое исповѣданіе вѣры, такое, которое соотвѣтствовало бы видамъ прави-

тельства. Для проповѣданія религіи Синто, оно вызвало самых ученых синтоистовъ изъ извѣстнѣйшей школы. На одну изъ этихъ проповѣдей и полюбопытствовалъ пойти одинъ изъ европейцевъ, со словъ котораго мы передаемъ эти извѣстія.

Начало проповѣди — говорить онъ — было назначено въ полдень. Кто знаетъ японскую точность, тому, казалось бы, нѣчего было и показываться въ молельнѣ въ 1 часъ дня. И однакожь кто входилъ въ этотъ часъ въ прихожую молельни, тотъ, къ удивленію своему, находилъ въ ней не болѣе двухъ-трехъ паръ деревянныхъ калошъ, принадлежавшихъ студентамъ, которые явились въ молельню за тѣмъ, чтобы убить нѣсколько часовъ празднаго времени. Болѣе не было никого. Когда, наконецъ, время приближалось уже къ двумъ часамъ и все собраніе было на лицо, всѣхъ присутствующихъ оказалось не болѣе 30 человекъ, изъ которыхъ, кромѣ того, нѣкоторые выглядели муниципальными чиновниками, и слѣдовательно, явились сюда только за тѣмъ, чтобы подать хорошій примѣръ другимъ. Въ два часа проповѣдникъ взошелъ на импровизированную кафедру, состоявшую изъ стола, съ возвышавшимся надъ нимъ намоємъ, сѣлъ на корточки, поклонился публикѣ, которая отвѣтила ему тѣмъ же, и началъ говорить намъ, что его величество возымѣлъ благое намѣреніе распространить въ своемъ народѣ истинное познаніе религіи, что съ этою цѣлью онъ, то-есть императоръ, избралъ нѣкоторые догматы для проповѣди и удостоилъ на него и другихъ недостойныхъ служителей возложить высокое порученіе объяснить эти догматы, что поэтому онъ проситъ публику слушать его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Послѣ этого вступленія онъ вынулъ бумагу, заключавшую новый символъ вѣры, приложилъ ее благоговѣйно ко лбу и прочелъ внятно и громко ея содержаніе:

Членъ 1. Ты долженъ почитать боговъ и любить отечество.

Членъ 2. Ты долженъ ясно знать повелѣнія неба и обязанности человека. *Членъ 3.* Ты долженъ почитать императора, какъ твоего верховнаго владыку и повиноваться волѣ его двора.

«Проповѣдникъ объявилъ, что на его долю выпало объяснить только первую половину перваго пункта, что вслѣдъ за нимъ другіе ученѣйшіе проповѣдники объяснятъ остальные части прочитаннаго текста, и затѣмъ началъ: — «Ты долженъ почитать боговъ». Есть люди, которые отрицаютъ бытіе боговъ на томъ основаніи, что они не могутъ ихъ ни чувствовать, ни видѣть; но такое основаніе могутъ приводить только глупцы. Что боги существуютъ, это онъ можетъ съ достовѣрностію доказать своимъ слушателямъ тремя различными способами. *Во-первыхъ*, разумъ говорить намъ, что наши тѣла, на примѣръ, съ ихъ чудною организаціею должны быть кѣмъ-нибудь созданы; невозможно, чтобы они произошли сами собою. Съ разу можно, пожалуй, отвѣчать, что они произошли отъ родителей; но если пойдемъ далѣе и спросимъ: кто сотворилъ нашихъ родителей, прародителей и т. д.

то необходимо придется къ богамъ, которые создали насъ и все, что есть въ мірѣ. *Восторжъ*, есть достовѣрныя свидѣтельства, именно въ древнихъ книгахъ Кодшики и Нихонноки, которыя содержатъ неоспоримые факты, исключающіе возможность всякаго сомнѣнія въ бытіи боговъ. *Втретъиъ*, есть здѣсь чудеса, совершаемыя богами по молитвамъ, которыя восходятъ къ нимъ отъ ковчеговъ; чтобы пояснить это примѣромъ, проповѣдникъ разсказалъ длинную исторію о маленькой дѣвочкѣ, которая еще въ дѣтствѣ была брошена своею безчувственною мачихою. Эту маленькую дѣвочку нашелъ ковчегохрани- тель Киби-Дайдшина (изобрѣтатель катаканскаго алфавита ¹⁾, полюбилъ ее и усыновилъ. Къ несчастью, она потеряла зрѣніе; чтобы дать ей возможность добывать какой-нибудь кусокъ хлѣба, воспитатель съ великимъ трудомъ выучилъ ее играть на арфѣ. Послѣ этого самъ онъ умеръ, и оставилъ дѣвочку одну въ мірѣ, на 15 году возраста. Дѣвочка непрестанно молилась Киби-Дайдшину, чтобы возвратилъ ей ея родителей (она знала, что она приемншъ) и наконецъ, молитва ея была услышана. Случилось такъ, что въ одинъ день отецъ ея, человѣкъ благо- честивый и набожный, идя въ модельню, встрѣтилъ дѣвушку, и изъ сожалѣнія къ бѣдной слѣпой, снялъ съ себя плащъ и далъ ей. И вотъ, къ его изумленію, дѣвушка вмѣсто благодарности, залилась слезами. На вопросъ: что это значить, дѣвушка отъ начала до конца разсказала ему свою исторію и сказала, что ея слезы — слезы радости, она радуется отъ мысли, что изъ сдѣланнаго ей подарка она будетъ имѣть возможность при- нести жертву богамъ. Послѣ этого, отецъ спросилъ у ней медальонъ съ амулетомъ, и нашелъ въ немъ записку съ под- писью: «дочь Сайеммона Навото». Это окончательно убѣдило его въ томъ, о чемъ онъ и прежде догадывался, то-есть, что она его дочь, которую онъ давно уже считалъ погибшею. Этой счаст- ливой встрѣчѣ послѣ пятнадцатилѣтней разлуки они были об- лаваны единственно вѣрѣ, которая ихъ обихъ одушевляла, и той ревности, съ которою они просили боговъ о помощи. Желалъ бы я знать, кто, слышавъ все это, отвѣтитъ еще отрицать бы- тіе боговъ?

«Разъяснивъ этотъ пунктъ вполнѣ удовлетворительно, по

¹ Въ Японіи всѣхъ алфавитовъ считается пять: 4 своихъ и 1 китайскій. Самый легкій изъ нихъ: *катакана*; въ немъ всего 48 буквъ. Въ остальныхъ трехъ вмѣстѣ 300 буквъ обыкновенныхъ, — и сверхъ того 400 буквъ — *мо- мятій*, то-есть буквъ, выражающихъ не звуки, а понятія. И этотъ родъ буквъ самый употребительный въ литературѣ. Очевидно, что грамоту япон- скую не легко осилить, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что изобрѣта- тели японскихъ алфавитовъ возведены въ боги. Нѣкоторые японскіе ученые, для придавіи вѣдшей учености своимъ сочиненіямъ, употребляютъ въ одномъ и томъ же сочиненіи всѣ пять алфавитовъ. Воображаемъ, съ какою завистью прочтутъ объ этомъ многіе изъ русскихъ ученых!

крайней мѣрѣ, для себя самого, проповѣдникъ перешелъ къ вопросу о томъ, что значить: «почитать боговъ?»

«Что мы ежедневно — говорилъ проповѣдникъ — ходимъ въ моленную, приносимъ жертвы, повергаемся тамъ ницъ — этимъ мы еще не все дѣлаемъ. Истинное богопочитаніе состоитъ въ заботѣ о чистотѣ своего сердца, такъ, чтобы въ немъ не оставалось никакого пятна, которое бы могло оскорбить боговъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, что его сердце совершенно чисто и непорочно — на томъ только основаніи, что онъ исполняетъ все то, чего требуетъ долгъ его къ его сосѣдямъ. Самые лучшие изъ насъ подвержены ошибкамъ, и единственное средство достигнуть полного совершенства — это непрестанно взывать къ богамъ о ихъ помощи намъ въ этомъ и потомъ прилежно внимать наставленіямъ тѣхъ людей, которыхъ его величество, по своей великой милости и добротѣ избралъ для того, чтобы указать народу правый путь. Благодарность къ богамъ составляетъ также часть богопочитанія, и она составляетъ обязанность всѣхъ людей. Такъ, напримѣръ, Увемотши-но-Ками создалъ для нашей пользы рисъ, этотъ самый главный изъ всѣхъ нашихъ полевыхъ хлѣбовъ, составляющій нашъ ежедневный хлѣбъ; но кто изъ насъ когда-нибудь благодаритъ его за это? Весною мы всѣ выходимъ услаждать наши взоры цвѣтущими вишнями и сливами; но, увы! нѣтъ никого, кто бы съ благодарнымъ сердцемъ пошелъ взглянуть на рисъ, когда онъ находится въ цвѣту! Мы довольствуемся тѣмъ, что скажемъ: «да, погода стоитъ хорошая для цвѣтенія рису», — и ни въ комъ изъ насъ не родится мысли о благодарности божеству, которое печется о нашемъ насущномъ хлѣбѣ».

«Проговоривъ такимъ образомъ добрыхъ полтора часа, нашъ проповѣдникъ объявилъ наконецъ, что слушатели могутъ немножко отдохнуть, пока явится другой проповѣдникъ и займется объясненіемъ прочихъ трехъ членовъ текста. Къ чести слушателей надобно замѣтить, что они въ продолженіи всей этой длинной рѣчи слушали проповѣдника съ полнымъ вниманіемъ и глубокимъ интересомъ, и даже не обнаруживали утомленія, оставшись и на слѣдующую проповѣдь. Слова проповѣдника на нѣкоторыхъ дѣйствовали такъ сильно, что они плакали, въ особенности, когда проповѣдникъ рассказывалъ трогательную исторію о бѣдномъ слѣпомъ приемышѣ».

Не далеко отъ моленной Синто находился буддійскій храмъ; въ немъ въ это время также шла проповѣдь. Собраніе здѣсь было многочисленно, но оно состояло преимущественно изъ женщинъ, стариковъ и наголо выбритыхъ жрецовъ. Содержаніемъ рѣчи проповѣдника была тема о взаимныхъ обязанностяхъ родителей и дѣтей, господъ и слугъ. Легкая улыбка постоянно скользила въ чертахъ его лица и его шутки часто вызывали веселость въ слушателяхъ, въ особенности, когда онъ говорилъ, что мужья обязаны доставлять своимъ женамъ до-

статочное количество черепаховыхъ спижекъ для волосъ, рисовую пудру для щекъ и розовую краску для губъ. Нѣкоторые изъ его выходокъ были такъ сальны, что ихъ нельзя передать приличнымъ языкомъ. Сущность его проповѣди состояла въ томъ, что мы прежде всего должны постоянно призывать Будду, и чтобы представить, какъ это должно дѣлать, онъ поклонился и, заванчивая свою рѣчь, нѣсколько разъ повторилъ «*Namu Amide Butsu*». Ему вторилъ усердно хоръ его слушателей, и когда онъ уже сошелъ съ каедры, еще минутъ пять продолжались эти крики. Во все время самой проповѣди, дѣти, играя, бѣгали и шумѣли на ступеняхъ храма; то и дѣло входили въ храмъ запоздавшія дѣвушки, неся кричащихъ дѣтей на спинѣ, и нарушали тишину; вообще на всемъ лежалъ оттънокъ легкомыслія и отсутствія всякаго благоговѣнія, что ясно показывало, что народъ шелъ сюда не столько для назиданія, сколько для развлечения.

«По незначительному числу слушателей, собравшихся на проповѣди можно заключить,—говоритъ авторъ,— что новое исповѣданіе въ сотняхъ тысячъ японскаго столичнаго населенія, возбуждаетъ интересъ весьма ничтожный. Нѣкоторые говорятъ, что правительство намѣрено слить вмѣстѣ синтоизмъ, буддизмъ и философію Конфуція и въ такомъ ихъ сліяніи сдѣлать оплотомъ противъ христіанства; но эта мѣра, во всякомъ случаѣ, встрѣтитъ весьма много затрудненій, если взять во вниманіе то презрѣніе, которое питаютъ другъ къ другу исповѣдники этихъ различныхъ вѣроученій. Одни буддисты распадаются на восемь признанныхъ сектъ, которыя грызутся другъ съ другомъ изъ-за ничтожнѣйшихъ вещей, напримѣръ, изъ-за вопроса о томъ, какъ надобно звать къ Буддѣ: «*Namu Amide Butsu* или *Nammio Novenge Kio*», и которыя взаимно другъ друга ненавидятъ такъ, какъ могутъ ненавидѣть только религіозные сектанты. Другіе думаютъ, что правительство ясно видитъ, что эти отжившія уже религіи, рано или поздно, непременно будутъ вытѣснены христіанствомъ, потому оно рѣшилось подвергнуть ихъ пробѣ и суду общественнаго мнѣнія, прежде чѣмъ согласится на введеніе христіанской религіи, которая до сихъ поръ была такъ ненавидима и презираема, но которая теперь ежедневно съ каждымъ днемъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи между людьми образованными и свѣдущими. Наконецъ, нѣкоторые съ увѣренностью говорятъ, что весь буддійскій персоналъ въ полномъ своемъ составѣ, какъ онъ есть, по императорскому слову: «да будетъ», съ удовольствіемъ превратится въ христіанскихъ пасторовъ и дьяконовъ».

Все народонаселеніе Японіи раздѣляется на восемь классовъ, которые представляютъ собою нѣчто въ родѣ кастъ, строго отдѣленныхъ другъ отъ друга, такъ что въ очень рѣдкихъ

и исключительных случаях возможенъ переходъ изъ одного класса въ другой. Японецъ почти всегда остается въ томъ классѣ, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію и для занятій котораго онъ воспитанъ. *Первый* классъ составляютъ князья, *второй*—дворяне; изъ этихъ двухъ классовъ избираются государственные люди, высшіе военные и гражданскіе чины; *третій*—духовенство религіи Синту и буддійской; *четвертый*—воины или вассалы дворянства. Въ прежнія времена воинъ могъ служить каждому, кто могъ и имѣлъ право содержать войско. За послѣднее время было постановлено, что воинъ можетъ служить только у своего леннаго господина. Всѣ эти четыре класса составляютъ высшія сословія; имъ только предоставлено носить по двѣ шпаги. *Пятый* классъ занимаетъ середину между высшими и низшими сословіями. Ему предоставлено право носить одну шпагу. Къ этому классу принадлежатъ низшіе чиновники, ученые, литераторы, врачи, хирурги. Собственно низшія сословія начинаются съ *шестого* класса, къ которому принадлежатъ купцы и вообще торговцы, ведущіе большіе дѣла. Тогда какъ князья и дворянство имѣютъ право дѣлать самыя безумныя расходы, купцамъ всякая ненужная роскошь строго воспрещена, даже предписаны правила относительно одежды. *Седьмой* классъ заключаетъ въ себѣ всѣхъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, кромѣ кожевниковъ. Къ этому же классу причисляются и художники. Въ *восьмомъ* классѣ входятъ крестьяне и чернорабочіе всѣхъ родовъ.

Внѣ этихъ классовъ, отверженниками общества стоятъ кожевники и всѣ тѣ ремесленники, которые имѣютъ дѣло съ кожами и мѣхами. Презрѣніе ко всѣмъ подобнымъ ремесламъ основывается на ученіи религіи Синто, что всякое прикосновеніе къ мертвому тѣлу оскверняетъ человѣка. Кожевники, какъ имѣющіе постоянно дѣло съ трупами животныхъ, совершенно исключаются изъ человѣческаго общества. Они не могутъ жить въ городахъ, не могутъ являться въ общественныя мѣста, ихъ бѣжить все и т. д. Презрѣніе, съ которымъ относятся къ нимъ, такъ велико, что при исчисленіи народонаселенія они не вносятся въ перепись, равно какъ и все то пространство, которое населяютъ они въ указанныхъ деревняхъ на особыхъ улицахъ, не принимается въ счетъ при измѣреніи длины пути.

Изъ 35-милліоннаго населенія Японіи высшія сословія составляютъ едва десятую часть. Но въ рукахъ этой десятой части сосредоточены всѣ богатства страны. Мы уже видѣли, что вся Японія раздѣлена между дайміосами, число которыхъ простирается до 400 и изъ которыхъ многіе имѣютъ громадныя доходы. Мелкое дворянство отъ нихъ уже получаетъ свои лены и служитъ имъ въ качествѣ вассаловъ, вонновъ, чиновниковъ и т. п. Всѣ низшія сословія живутъ въ бѣдности. Даже изъ купцовъ не многіе имѣютъ значительныя капиталы. Но въ самомъ тяжеломъ состояніи находятся крестьяне. На нихъ лежатъ всѣ

государственные налоги, которыхъ не платять ни дайміосъ, ни духовенство. Крестьяне находятся въ крѣпостномъ состояніи, есть впрочемъ и вольные на правахъ нашихъ арендаторовъ. Но и они не благоденствуютъ. Плата за аренду доходитъ иногда до 60%. Несмотря на бѣдность, въ народѣ японскіи нѣтъ того невѣжества, которое мы находимъ въ большей части европейскихъ народовъ. Японецъ считаетъ за стыдъ не выучить своихъ дѣтей по крайней мѣрѣ грамотѣ. Въ каждой деревнѣ есть непременно хоть одна первоначальная школа, а въ городахъ на каждой улицѣ, такъ что на каждую школу приходится отъ 30 до 40 человѣкъ дѣтей. Мальчики и дѣвочки учатся въ одной комнатѣ, но отдѣльно другъ отъ друга. Учитель имѣеть обыкновенно одного или двухъ помощниковъ, большею частью изъ своихъ сыновей и родственниковъ. Кромѣ общихъ предметовъ ученія: чтенія, письма, ариметики, дѣвочки обучаются еще шитью и вышиванью у жены учителя. Обращеніе съ дѣтьми въ школахъ вообще человѣколюбивое и кроткое. Учителя, несмотря на свою бѣдность, пользуются всеобщимъ уваженіемъ.—Чтеніе книгъ сильно распространено въ народѣ и составляетъ любимѣйшее занятіе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Ежегодно является безчисленное множество дешевыхъ книгъ для дѣтей и бѣдныхъ, равно какъ дорогихъ, украшенныхъ полиטיפажами и роскошно напечатанныхъ для богатыхъ. До послѣдняго времени въ Японіи былъ недостатокъ въ среднихъ школахъ, приготовительныхъ къ высшимъ заведеніямъ. Оттого кто хотѣлъ поступать въ послѣднія, тотъ долженъ былъ нанимать отдѣльныхъ учителей, что, конечно, не для многихъ было доступно. Что касается до наукъ, то онѣ также никогда не были въ Японіи въ пренебреженіи, напротивъ, разрабатывались очень тщательно, съ великимъ усердіемъ. И хотя при томъ разобщеніи, въ которомъ находилась Японія съ образованными странами и по причинѣ разныхъ предрасудковъ, напримѣръ, запрещенія прикасаться къ тѣламъ мертвыхъ животныхъ, не могла дѣлать большихъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе научная любознательность находилась въ постоянномъ напряженіи и нужно было только явиться европейской наукѣ, чтобы она была принята здѣсь съ распростертыми объятіями. Здѣсь нашла она не дикарей, которымъ нужно было толковать сначала о пользѣ наукъ, а потомъ начинать учить съ аза желающихъ, а готовый ученый персоналъ почти по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, съ методами и знаніями недостаточными, но способный и жаждавшій воспринять какія угодно методы и знанія. Вотъ почему ни сколько не странно, что мѣтко, черезъ какихъ-нибудь 11 лѣтъ послѣ открытія своихъ гаваней для торговли съ европейцами нашель возможнымъ учредить вдругъ восемь академій наукъ, тогда какъ у насъ до сихъ поръ существуетъ только одна, да и та большею частію наполнена иѣвцами и процвѣтаетъ по временамъ только благодаря имъ. Въ Японіи до прибытія европей-

цевъ разрабатывалась исторія и географія. Между прочимъ, во время своего уединенія отъ Европы, японцы превосходно знали все, что происходило въ Европѣ. Голландцы, каждагодно сюда прѣзжавшіе, обязаны были привозить имъ европейскія газеты, энциклопедіи, историческія и географическія сочиненія. Американцы во время первыхъ своихъ сношеній съ японцами въ 1854 году были удивлены ихъ вопросами о современной Европѣ, показывавшими ихъ близкое знакомство съ ея текущими дѣлами. Японцы занимались также ботаникой, медициной—(последняя, конечно, была въ незавидномъ состояніи, ибо ни анатомія, ни фзіологія, ни фзіологическая химія, требовавшія обращенія съ трупами, не могли существовать въ Японіи), астрономіей, математикой, механикой—последней теоретически и практически. Все это, впрочемъ, мы говоримъ о наукахъ въ Японіи въ ихъ прошедшемъ; въ настоящее время всѣ науки разрабатываются въ Японіи уже по европейскимъ приемамъ и методамъ. У японцевъ есть теперь уже свои медики, образованные по европейски; они сами себѣ строятъ пароходы и т. д. Что касается до такихъ ремесленныхъ или фабричныхъ издѣлій и работъ, которыя служатъ для удобствъ и роскоши, и которыя, не требуя особенныхъ научныхъ познаній, требуютъ только искусства, ловкости, усидчивости,—то многія изъ нихъ приготавливаются въ Японіи съ такимъ совершенствомъ, что они не уступаютъ европейскимъ, или даже превосходятъ послѣднія. Таковы, на примѣръ, издѣлія бронзовыя, лаковыя, фарфоровыя, и т. п. Одинъ изъ знатоковъ говоритъ о мелкихъ бронзовыхъ японскихъ работахъ: «вкусъ и искусство японцевъ въ мелкихъ бронзовыхъ работахъ выше всякихъ похвалъ. И здѣсь надъ чисто орнаментальными образцами у нихъ преобладаютъ юмористическіе сюжеты. Такъ на примѣръ заяцъ въ качествѣ аптекаря тащить огромный пестъ въ ступкѣ; котъ съ сантиментальными тѣлодвиженіями танцуетъ при лунномъ сіяніи; драконъ уноситъ прекрасную волшебницу и носится съ нею въ облакахъ; искатель клада отрываятъ ящигъ, изъ котораго выходитъ привидѣніе и насмѣшливо смотритъ на него; удильщикъ стоитъ на дождѣ около воды. Все это вещи очень трудныя для металлической работы, и однакожъ исполненіе истинно, характерично и блестяще. Японское искусство имѣетъ то преимущество, что оно никогда характерности и внутреннего смысла не приноситъ въ жертву мелочной виѣшней вѣрности, тогда какъ наши нынѣшнія модныя исполненія до того вѣрны, что едва узнаешь ихъ». Но европейцевъ, желающихъ торговать съ японцами, пугаетъ не столько уже пріобрѣтенное послѣдними превосходство въ разныхъ мастерствахъ,—ибо это превосходство пріобрѣталось въ теченіе столѣтій,—сколько ихъ изумительная способность быстро перенимать и усваивать себѣ механику, и искусство всѣхъ издѣлій,—стоятъ имъ только ихъ увидѣть. По свидѣтельству нѣмцевъ, участвовавшихъ въ прусской экспедиціи въ Японію въ

1860 году и посѣщавшихъ различныя японскія мастерскія и магазины, и тогда въ магазинахъ Іедо можно было найти японской работы увеличительныя стекла разныхъ сортовъ, термометры, барометры, которые по точности и по чистотѣ своей отдѣлки нисколько не уступаютъ европейскимъ. Понимающіе дѣло европейцы говорятъ, что европейской торговлѣ въ будущемъ не предвидится никакой значительной поживы отъ японцевъ послѣдующимъ причинамъ: 1) японскій народъ не принадлежитъ къ числу народовъ, не знающихъ ничего, кромѣ земледѣльческой культуры, напротивъ японское народонаселеніе впродолженіе не одной тысячи лѣтъ развивалось въ ремеслахъ и искусствахъ и во многихъ изъ нихъ само собою достигло изумительной высоты; 2) Вслѣдствіе чрезмѣрнаго населенія этой страны (5,000 на квадратную милю) и особеннаго социальнаго устройства трудъ имѣетъ здѣсь очень низкую цѣнность; 3) вмѣсто лѣниваго, изнѣженнаго климатическими и другими вліяніями народонаселенія, которое безъ крайности не возьмется ни за какой трудъ, мы встрѣчаемъ здѣсь народонаселеніе энергическое, жаждущее учиться, имѣющее навыкъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ, трудолюбивое и подвижное, и при этомъ населяющее страну, въ которой положены неисчерпаемыя натуральныя богатства всякаго рода, — въ металлахъ, деревѣ, питательныхъ веществахъ и т. д. и въ которой значеніе всѣхъ этихъ богатствъ понято, и они разрабатываются умѣлыми руками; 4) всѣ приобрѣтенныя потребности, привычки, вкусы удовлетворяются туземными произведеніями и отличными туземными мастерами; что кромѣ этого успѣетъ привить Европа, то сейчасъ же переймутъ японцы и будутъ дѣлать ни чуть не хуже европейцевъ. Много-ли останется послѣ этого такихъ статей, на отпускъ которыхъ въ Японію можетъ всегда рассчитывать Европа? Таковы японцы!

Изъ всего, что мы доселѣ сказали, ясно, что какъ ни колоссальны реформы, которыя совершаются въ Японіи, и какъ ни быстро онѣ идутъ, — онѣ нисколько не опередили собою развитія народнаго. Напротивъ, по своимъ способностямъ, по своей энергіи, по своему развитію, народъ японскій нѣсколько уже сошелъ назадъ тому могъ бы съ честью занять мѣсто въ ряду образованныхъ народовъ. Запретительная система, совершенное разобщеніе со всѣми образованными народами, феодальная система — вотъ что парализировало его развитіе, но убитъ все-таки не могло: оно и подъ такимъ гнетомъ подвигалось все-таки впередъ. Такъ оно было сильно! Говорятъ даже нѣкоторые, что двухсотлѣтнее разъединеніе съ цивилизованнымъ міромъ для японцевъ было полезно въ томъ отношеніи, что, поставивъ ихъ въ необходимость удовлетворять всѣ потребности произведеніями собственной страны, оно сосредоточило ихъ вниманіе и силы на разработку природныхъ богатствъ своей страны и на созданіе орудій для этой разработки, и такимъ образомъ,

изошря ихъ изобрѣтательность, вмѣстѣ съ тѣмъ создало богатую самостоятельную культуру.

Въ настоящее время, гнетъ, лежавшій на Японіи въ продолженіе двухсотъ лѣтъ, на половину сдвинуть: она вступила уже въ сношеніе съ цивилизованнымъ міромъ. Народное представительство въ скоромъ времени докончить эту работу. Оно быстро добьетъ феодальную систему, такъ долго связывавшую силы Японіи. И тогда, по всей вѣроятности, въ очень недалекомъ будущемъ, Японія займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду цивилизованныхъ націй.

Такъ мы думаемъ потому, что въ Японіи нѣтъ ни одного изъ тѣхъ тормазовъ, которые лежатъ на пути развитія въ европейскихъ государствахъ.

Въ отношеніи къ религіи японцы обнаруживаютъ полный индифферентизмъ и холодность: съ давняго времени у нихъ существуетъ нѣсколько религій и такое безчисленное множество сектъ, которыя всѣ исповѣдуются совершенно свободно, что японцы привыкли смотрѣть на религію какъ на дѣло совѣсти каждаго. Гоненіе на христіанство, назадъ тому два вѣка, было не дѣломъ народной нетерпимости, а дѣломъ правительства и имѣло смыслъ чисто политическій. По всей вѣроятности, Японія по отношенію къ религіи станетъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся Сѣвероамериканскіе Штаты, то-есть религія не будетъ имѣть здѣсь государственнаго значенія, оставаясь частнымъ дѣломъ каждаго.

Массы народа въ Японіи не невѣжественны, какъ въ Европѣ; они сознали потребность образованія и стремятся къ нему сами, несмотря на ничтожныя свои средства. Наука, которая придетъ къ нимъ на помощь, не будетъ для нихъ чѣмъ-то новымъ, дикимъ; путемъ тысячелѣтнаго опыта они уже добыли и внесли въ дѣло многія изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя принесетъ имъ наука. Несмотря на гнетъ феодализма, душившій экономическое развитіе страны, несмотря на отсутствіе торговли, культура стоитъ въ Японіи такъ высоко, что на одной квадратной мили пропитывается 5,000 человекъ. Земледѣльческая культура, составляющая главный источникъ пропитанія, находится въ такомъ совершенствѣ, что, какъ мы уже видѣли, всѣ европейцы, изучавшіе ее, единогласно говорятъ, что европейское земледѣліе, несмотря на свои усовершенствованныя машины и рациональныя приемы, не можетъ идти съ ней ни въ какое сравненіе.

Въ Японіи нѣтъ той полицейской подозрительности, которая тяготѣетъ надъ прогрессивнымъ развитіемъ въ Европѣ, и вслѣдствіе которой здѣсь каждый шагъ впередъ обыкновенно сопровождается такимъ же или еще болѣе понятнымъ шагомъ назадъ, затѣмъ начинается снова, но уже медленное движеніе по прежнему направленію и уже не прямою дорогою, а боковыми обходами—черезъ разныя дебри и болота, и продолжается это до того времени, пока люди движенія вымрутъ, а остальная

толпа, утомленная трудностью пути и безвыходностью, засядетъ гдѣ-нибудь въ болотѣ на цѣлые десятки лѣтъ. Такъ, въ теченіе ста почти лѣтъ толчется Европа на одномъ мѣстѣ, усвоивъ себѣ въ практикѣ жизни только самый ничтожный минимумъ—можно сказать, только хвосты и обрывки прогрессивныхъ идей. И все это происходитъ изъ нелѣпой боязни революцій, народныхъ волненій и ниспроверженія общественныхъ основъ,—боязни, которая сдѣлалась хроническою въ Европѣ, и, составляя основной грунтъ всѣхъ отраслей управленія, породила сверхъ того безчисленные институты явнаго и тайнаго охраненія общественнаго спокойствія, ничѣмъ не угрожаемаго,—институты,—способные, въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ,—какъ это было при Наполеонѣ III во Франціи,—развратить и опустошить страну такъ, какъ не въ состояніи сдѣлать это самое ужасное варварское нашествіе. Въ Японіи, которая не воспитывалась на европейскихъ полицейскихъ традиціяхъ, нѣтъ ничего подобнаго. Мивадо смѣло и честно ведетъ дѣло реформъ и, какъ чловѣкъ, твердо убѣжденный въ правотѣ и пользѣ своего дѣла, ничего, какъ мы уже видѣли, не боится за свои смѣлые шаги. Эта самая прямота его и честность возбуждаетъ безграничное довѣріе и преданность къ нему въ народѣ. Несмотря на то, что мивадо уничтожаетъ тысячелѣтніе порядки и обычаи страны, что онъ публично оказываетъ презрѣніе къ основнымъ догматамъ даже религіи Синто, народъ смотритъ на него, какъ на божество, которое, вромѣ добра, ничего желать ему не можетъ. Недавно, по случаю открытія желѣзной дороги изъ Иокагамы въ Іедо, въ Иокагамѣ происходило торжество этого открытія, на которомъ присутствовалъ и мивадо, и на особенной устроенной для него эстрадѣ принималъ поздравленія и депутации, при безчисленномъ множествѣ народа. Едва удалился отсюда мивадо, какъ народъ бросился на эстраду, выломалъ полъ, на которомъ онъ стоялъ, и, разбивъ его на мельчайшія частички, разобралъ эти частички въ видѣ амулетовъ. Полиція конечно не могла и подумать о томъ, чтобы воспрепятствовать такому напору массы!

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Засѣданіе комитета 22-го октября 1872 года.

1) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 25 р. вдовѣ писателя на нетерпящіе отлагательства расходы по содержанію ея семейства, и опредѣлено собрать о положеніи ея дополнительныя свѣдѣнія.

3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ-какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 150 р. писателю, лишенному всякихъ средствъ къ жизни.

5) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, находящемуся въ самой крайней бѣдности.

6) Выдано 250 руб. писателю на леченіе послѣ тяжелой операціи.

7) Отклонено ходатайство одного студента о предоставленіи ему стипендіи общества, такъ-какъ проситель не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при существованіи лишь которыхъ предоставляется право пользоваться стипендіей общества.

8) Назначена стипендія въ 120 р. студенту 1-го курса с.-петербургскаго университета, М. Ѳ. Чистякову.

9) Изъявлена благодарность Общества: А. А. Карасеву за содѣйствіе его комитету и типографіи А. И. Мамонтова и К^о за пожертвованіе 100 р.

О в ѣ щ е с о б р а н і е ч л е н о в ѣ о б щ е с т в а ,

22-го октября 1872 года.

Собраніе было закрыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя общества А. П. Заблоцкаго-Десатовскаго:

«Прежде открытіемъ нынѣшняго засѣданія, мнѣ предстоитъ напомнить вамъ, милостивые государи, о горестныхъ потеряхъ, понесенныхъ нашимъ обществомъ. Послѣ послѣдняго нашего собранія, смерть похитила многихъ нашихъ членовъ: А. Ѳ. Жохова, Ѳ. Ѳ. Кейзера, С. Н. Палаузова, М. Ѳ. Ростовскаго, И. Б. Штейнмаца; но въ особенности тяжка намъ потеря Б. И. Утина и П. П. Пекарскаго.

Б. И. Утинъ былъ въ числѣ учредителей общества, въ теченіе многихъ трехлѣтій состоялъ членомъ комитета и въ разное время, по нѣскольку лѣтъ, несъ многотрудную и отвѣтственную обязанность казначея; эту послѣднюю обязанность онъ исполнялъ до самаго отъѣзда своего за границу, не смотря

на тяжкую болязнь, которая свела его так скоро въ могилу. Не считая умственнымъ въ настоящую минуту говорить о его почетной и, конечно, не бесслѣдной ученой и педагогической дѣятельности въ университетѣ и училищѣ правовѣдѣнія, о его участіи въ журналистикѣ, о его служебной дѣятельности въ государственной канцеляріи и по судебному вѣдомству; я остановлюсь только на той сторонѣ его жизни, которая могла быть известна лишь ближайшимъ сотрудникамъ его по комитету общества, — на участіи, которое онъ принималъ въ дѣятельности нашего общества вообще и въ занятіяхъ комитета въ особенности. Участіе это было самое горячее; дѣятельность его не ограничивалась здѣсь только тѣмъ, чего нельзя было не исполнить: онъ, глубоко сочувствуя мысли, положенной въ основу общества, посвящалъ себя ему со всею теплотою своей честной и благородной природы. Трудно было найти человѣка, который былъ бы глубже его проникнуть идею долга, ей онъ былъ преданъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни, эту идею онъ проводилъ и въ обществѣ. Доброе, сострадательное сердце его живо отзывалось на нужды и страданія искавшихъ помощи отъ нашего общества; съ полною готовностью онъ всегда принималъ на себя трудную и деликатную обязанность посѣщенія нуждающихся и оказанія имъ, когда было необходимо, немедленной помощи. Память о Борисѣ Исакевичѣ должна остаться въ обществѣ на ряду съ именами тѣхъ, которые его основали, чество для него трудились и его упрочили.

П. П. Пекарскій поступилъ въ число членовъ общества съ самаго его основанія (въ декабрѣ 1859 года) и въ теченіе трехъ лѣтъ (1864—1866 годовъ) былъ членомъ комитета. По своему призванію и положенію Петръ Петровичъ былъ, по преимуществу, человѣкомъ науки и кабинетной работы, труды его по отечественной исторіи и по исторіи русской литературы всѣмъ известны. Что касается до практической дѣятельности, то она, главнымъ образомъ, принадлежала нашему обществу, трудамъ и успѣхамъ котораго онъ постоянно и горячо сочувствовалъ; во время состоянія своего членомъ комитета, онъ въ теченіе лѣта несъ обязанности предсѣдателя; заслуга его предъ обществомъ состоитъ главное въ томъ, что онъ въ это время велъ дѣла общества съ свойственною ему осмотрительностью и осторожностью, и тѣмъ вполне пріобрѣлъ право на особую нашу признательность. Воздавая должное памяти нашихъ умершихъ сочленовъ, съ грустью останавливаемся мыслями на томъ, что достойнѣйшіе изъ нихъ сходятъ въ могилу преждевременно, въ полномъ развитіи своихъ силъ, столь необходимыхъ для общества. Но благодаря тѣмъ, кто, дѣйствуя различно на пользу нашего благотворительнаго учрежденія, каждый, сообразно съ своимъ характеромъ и личнымъ положеніемъ, вносятъ въ него свою лепту вещественную и невещественную, и тѣмъ увеличиваетъ не только матеріальныя его средства, но — что гораздо важнѣе — нравственный капиталъ общества».

Послѣ того, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты:

«Мн. г. Съ 23-го апрѣля, для послѣдняго общаго собранія членовъ общества, по текущій мѣсяць комитетъ общества имѣлъ 12 засѣданій. Въ засѣданіяхъ этихъ были оказаны слѣдующія единовременныя пособія: одному лицу выданы 225 р.; одному 200 р.; одному 150 р.; тремъ по 125 р.; одному 115 р.; одному 105 р.; четыремъ по 100 р.; шести по 75 р.; двумъ по 60 р.; девяти по 50 р.; четыремъ по 40 р.; одному 35 р.; тремъ по 30 р.; шести по 25 р.; одному 15 р. На воспитаніе сына учителя отпущено 75 р. и положено отпущать такую же сумму на воспитаніе дочери вдовы писателя, начавъ отпускъ этихъ денегъ съ 1-го сентября 1873 г., такъ-какъ въ настоящемъ году уже оказано пособіе на этотъ предметъ. Кромѣ того, уплачено 49 р. 69 к. за воспитаніе пансіонерки общества, окончившей въ текущемъ году курсъ ученія. Независимо отъ денежныхъ пособій, были оказаны еще слѣдующія: комитетъ вхо-

дѣль съ ходатайствомъ о назначеніи пенсіи въ усиленномъ размѣрѣ вдовѣ скончавшагося въ нынѣшнемъ году писателя и о назначеніи ей пенсіи изъ суммъ комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Съ содѣйствіемъ комитета, сынъ той же вдовы помѣщенъ въ учебное заведеніе. Комитетъ хлопоталъ о помѣщеніи въ больницу дочери покойнаго писателя, но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. По просьбѣ комитета, морскимъ министерствомъ назначено ежегодное пособіе дочери известнаго русскаго мореплавателя. По ходатайству же комитета, сынъ покойнаго археолога опредѣленъ пансіонеромъ въ одну изъ с.-петербургскихъ гимназій. Наконецъ, сдѣлано сношеніе о предоставленіи должности повивальной бабки вдовѣ писателя, но отвѣта еще не получено. По просьбѣ одного писателя, сообщено редакціи газеты, въ которой помѣщены были статьи просителя, объ удовлетвореніи его. Ходатайства девятнадцати лицъ о пособіи были отклонены комитетомъ. Одна просьба оставлена безъ разрѣшенія впродъ до представленія просительницею свѣдѣній о трудахъ ея мужа.

Отчетъ казначая съ 1-го апрѣля по 1-е октября.

Къ 1-му апрѣля состояло на лицо 54,702 р. 65 к.; въ теченіи полугодія поступило 5,438 р. 85 к., въ томъ числѣ: 1) пожалованные Императорскимъ Величествомъ 300 р.; 2) проценты съ капитала общества 1,197 р. 85 к.; 3) пожизненные и годовые взносы 74-хъ голосовъ общества 1,540 р.; едино-временныя пожертвованія двухъ лицъ 20 р.; 4) возвратъ одного пособія 20 р.; 5) выручка отъ одного концерта и одной публичной лекціи 2,361 р. — Въ теченіи шести мѣсяцевъ израсходовано 5,699 р. 69 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 2,000 р., на воспитаніе 569 р. 69 к., на единовременныя пособія 49 лицамъ 3,180 р. — Къ 1-му октября состоитъ на лицо: 54,441 р. 81 к.; въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 р., по текущему счету 1,300 р., деньгами 1 р. 81 к.

Въ заключеніе была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены общества, причемъ выбраны единогласно: Василій Григорьевичъ Имшенецкій, Николай Александровичъ Чаевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Карасевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Имбергъ, Федоръ Ивановичъ Колесовъ и Дмитрій Александровичъ Миропольскій.

Засѣданіе комитета 6-го ноября 1872 года.

1) Выдано 50 руб. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

2) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ-какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда, и двухъ лицъ—о ссудѣ, такъ-какъ никто изъ членовъ комитета общества не принялъ на себя ручательства въ вѣрности возвращенія просимыхъ ссудъ.

3) Выдано 50 руб. писателю въ пособіе на выѣздъ изъ С.-Петербурга.

4) Слушали прошеніе О. М. Уткина о помѣщеніи въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета статьи о дѣлѣ просителя съ редакціей «Петербургской Газеты».

Справка. 28-го августа 1872 года О. М. Уткинъ просилъ содѣйствія комитета къ полученію слѣдующаго ему съ редакціи «Петербургской Газеты» гонорара, по 3 к. за печатную строку напечатанныхъ въ этой газетѣ корреспонденцій его отъ 28-го іюня, 21-го іюля и 3-го августа, и къ высказанію

ему тѣхъ номеровъ газеты, въ которыхъ помѣщены эти корреспонденціи. О ходатайствѣ г. Уткина было сообщено названной редакціи 4-го сентября 1872 г. за № 197, но отвѣта не получено.

Опредѣлено согласно §§ 4 и 5 утвержденныхъ 2-го февраля 1872 г. общимъ собраніемъ членовъ общества правилъ о посредничествѣ комитета общества между писателями, съ одной стороны и издателями ихъ сочиненій, книгопродавцами и редакторами повременныхъ изданій съ другой, о существѣ дѣла Ѳ. М. Уткина съ редакціей «Петербургской Газеты» помѣстить статью въ извлеченіяхъ въ журналовъ комитета, съ означеніемъ именъ обѣихъ сторонъ.

б) Внесено въ университетъ, въ уплату за слушаніе лекціи однимъ бѣднымъ студентомъ 86 р.

б) Изъявлена благодарность общества Д. Н. Свербѣеву за пожертвованіе имъ въ пользу общества 78 р.

Отчетъ казначея общества за октябрь.

Къ 1-му октября состояло на лицо 54,441 р. 81 коп.—Въ теченіи мѣсяца поступило 3,150 р. 81 коп.; въ томъ числѣ: а) пожалованные изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 руб.; б) отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ государей великихъ князей Владиміра Александровича 200 руб. и Алексѣя Александровича 100 руб.; в) взносы 6-ти членовъ общества 225 р.; г) единовременныя пожертвованія 228 р.; д) полугодовые проценты съ капитала 1,397 р. 81 коп. Въ теченіи мѣсяца израсходовано 1,007 р. 25 коп., въ томъ числѣ: пенсіи 4-мъ семействамъ 210 руб.; пособия на воспитаніе 92 р. 50 к.; единовременныя пособия 6-ти лицамъ 675 р.; государственному банку за храненіе процентныхъ бумагъ 29 р. 75 коп. — Къ 1-му ноября на лицо: 56,584 р. 87 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счету 3,150 р. 24 к. и деньгами 294 р. 63 к. .

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничьева
дворца, д. № 64 (Меншикова),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

- Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Изъ путешествій 1857—
58 и 1869—70 годовъ. Эдуарда *Циммерманна*. Въ двухъ
частяхъ. Съ приложеніемъ карты желѣзной дороги отъ
Нью-Йорка до Санъ-Франциско. М. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина-Вели-
каго. Франца *Куллера*, переводъ съ нѣмецкаго И. К. Ва-
сильева съ портретомъ автора. Третье изданіе. М. 1872 г.
Ц. 7 руб.
- Исторія перевода библии на русскій языкъ. И. *Чистовича*. Часть
первая. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Переведено съ
корректурныхъ листовъ, присланныхъ авторомъ, подъ ре-
дакціей профессора А. *Козалевскаго*. Спб. 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя
Соловьева. Томъ двадцать-второй. М. 1872 г. Ц. 2 руб.
- Руководство къ шахматной игрѣ. У. *Цукертона* и *Дюфрениа*.
Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Куль хлѣба и его походы, разсказанныя С. *Максимовымъ*.
съ 105 картинками и рисунками. Спб. 1873 г. Ц. 3 руб.
- Благодѣтели челоѣчества. Вильямъ Пеннъ, основатель Пенсил-
ваніи. Сочиненіе Вильяма *Говворта-Диксона*. Спб. 1873 г.
Ц. 2 р. 50 к.
- Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. М. *Салтыкова* (Щедрина).
Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

- Тишь да гладь.** Повѣсти и разгазны К. И. *Бабикова*. М. 1873 г. Ц. 3 руб.
- Карьера Ругоновъ.** Исторія одного семейства временъ второй имперіи. Романъ соч. Эмиля *Золя*. Переводъ съ французскаго. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Наслѣдники Магомета-Али** (Цвѣты и плоды прогресса въ Африкѣ). Романъ въ 4 хл частяхъ. А. *Мюльбахъ*. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.
- Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ.** Съ чертежами. Составилъ А. *Хлыстовъ*. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Забавникъ гостинныхъ и дѣтскихъ,** съ 16-ю картинами. 2-е изданіе. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Еврейская бібліотечка.** Томъ III Историко-литературнаго сборника А. Е. *Ландау*. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Скала чаекъ или заблудившіяся дѣти на Омеанѣ.** Сочиненіе *Жюль-ли Занда*, съ 65 рисунками. Переводъ Ю. Корнильевой. Спб. Изящное изданіе С. В. *Звонарева*. Цѣна 2 руб.

НА ДНЯХЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ:

- Путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.** Сочиненіе *Жюль Верна*. Съ рисунками. Переводъ Марка *Вовчка*. Изящное изданіе С. В. *Звонарева*. Спб. Цѣна 2 руб.

Выписывающіе книгу получаютъ билетъ на рисунки къ ней *бесплатно*. По выходѣ же книги въ свѣтъ съ рисунками, цѣна будетъ не 2 рубля, а *три рубля пятьдесятъ копеекъ*.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было публикованными.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1873 ГОДУ ЖУРНАЛА

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“ въ 1873 году, будетъ выходить нумерами въ 10—12 листовъ печати въ двухъ книгахъ въ большую осьмую долю листа ежемѣсячно, кромѣ мѣсяцевъ іюня и іюля, по слѣдующей программѣ:

Книга 1. Семейное Чтеніе.

Чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Разказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, руководѣлія, мастерства и проч., матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы рисунки и картины.

Книга 2. Часть 1. Воспитаніе и обученіе вообще.

ОТДѢЛЪ I. Педагогія, Дидактика и Методика. Общія статьи педагогическаго содержанія: Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе и гигиена. Предметы и методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. Критика и Вибліографія русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій, изданій и пособій, соприкосновенныхъ съ учебнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. Біографическіе очерки педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагогіи, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей иностранныхъ и русскихъ.

ОТДѢЛЪ IV. Хроника. Постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

ОТДѢЛЪ V. Слѣсь. Корреспонденціи. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

Часть 2. Наша Начальная Школа.

- 1) Правительственныя распоряженія.
 - 2) Руководящія статьи по всѣмъ вопросамъ училищевѣденія и школьной дидактики, а также по вопросу о народномъ воспитаніи.
 - 3) Земство и народная школа въ періодическихъ обзорніяхъ.
 - 4) Современное состояніе у насъ школьнаго дѣла. Начальныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Школы грамотности и частное обученіе.
 - 5) Историческіе очерки, біографіи и проч.
 - 6) Критико-біографическое обзорніе; указаніе пособій по начальному обученію; перечень вновь выходящихъ книгъ и проч.
 - 7) Приложенія, состоящія изъ образцовыхъ уроковъ, чтеній и учебниковъ, печатаемыхъ по частямъ или цѣликомъ.
- (По временамъ предполагается давать картины для нагляднаго обученія).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна въ годъ, за 10 №№ (20 книжекъ) „Семь Школъ“ съ „Нашею Начальною Школою“ (содержащихъ 100—120 листовъ):

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 8 руб.; съ доставкою на домъ 8 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 9 руб.

Въ Москвѣ съ пересылкою черезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 8 руб. 50 коп., съ пересылкою черезъ газетную экспедицію 9 руб.

Во всѣ города Имперіи съ пересылкою черезъ газетную экспедицію 9 руб.

За границу — съ пересылкою по почтѣ 12 руб. 50 коп.

Отдѣльно „Наша Начальная Школа“ 10 номеровъ съ приложеніями — съ доставкою въ Имперіи 5 р. 50 к. Безъ приложеній — 3 р. 50 к.

Лица и учрежденія, желающія получить по 2 или болѣе экземпляра каждого приложенія, приплачиваютъ за каждый миной годичный экземпляръ всѣхъ приложеній по 4 рубля.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма, заявленія, статьи и подписныя требованія на имя редактора-издателя

Юл. Симашко.

Она почти сердилась: ей казалось, что Додо поступает просто жестоко, уѣзжая отъ младенца, когда бы могла съ нимъ остаться.

— Милая Китти, а какъ нибудь прійду ночевать, отвѣчала Доротея:—но теперь мнѣ хочется побыть одной и у себя дома. Я желаю поближе познакомиться съ Фербротерами и поговорить съ мистеромъ Фербротеромъ о томъ, что можно сдѣлать для Миддльмарча.

Доротея не считала болѣе нужнымъ обращать всю свою врожденную силу воли на усмиреніе самой себя. Ей страстно хотѣлось переѣхать въ Лоуикъ; она рѣшилась отправиться туда, и не находила нужнымъ высказывать всѣ свои доводы. Но воѣ окружающіе казались недовольными. Сэръ Джемсъ былъ очень огорченъ и предлагалъ всѣмъ вмѣстѣ переѣхать въ Чѣлтенгэмъ на нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ священнымъ ковчегомъ, то-есть, говоря иными словами, вмѣстѣ съ колыбелью младенца: въ ту эпоху ресурсы къ развлеченію, которые могъ предложить мужъ и глава семьи, были не разнообразны.

Вдовствующая леди Четтемъ, [которая только что вернулась отъ дочери, жившей въ Лондонѣ, желала покрайней мѣрѣ, чтобы приглашена была миссисъ Виго въ качествѣ компаньонки миссисъ Кэзобонъ: нельзя было повѣрить, чтобы такая молодая вдова, какъ Доротея, вздумала жить одна, одиначенька въ Лоуикѣ. Миссисъ Виго была чтицей и секретаремъ у особъ королевскаго дома и по своему образованію и чувствамъ могла угодить даже Доротей.

Миссисъ Кадуолледеръ сказала по секрету:

— Вы, конечно, съума сойдете въ этомъ домѣ, душа моя, если будете жить тамъ однѣ. Васъ будутъ осаждать видѣнія. Всѣмъ намъ необходимо употреблять нѣкоторыя усилія для того, чтобы сохранить здравый смыслъ и называть вещи такъ, какъ ихъ называютъ всѣ остальные люди. Разумѣется, что для младшихъ сыновей и бѣдныхъ женщинъ сойти съума—довольно удобный исходъ: о нихъ начинаютъ тогда заботиться. Но вамъ не слѣдуетъ рисковать. Я полагаю, что вамъ надобѣдетъ здѣсь немного наша добрая вдовица, но подумайте, какой вы сами сдѣлаетесь несносной для вашихъ ближнихъ, если вѣчно будете разыгрывать трагическую королеву и смотрѣть на все съ высшей точки зрѣнія. Сидя наединѣ съ самой собой въ Лоуикѣ, вы, чего добраго, вообразите, что властны командовать даже надъ погодой. Необходимо, чтобы возлѣ васъ были люди, которые бы могли противорѣчить вамъ. Это хорошее отрезвляющее лекарство.

Миддльмарчъ.

— Я никогда не называла вещей такъ, какъ всё окружающее, возразила Доротея, твердо.

— Но я полагаю, что вы убѣдились въ своемъ заблужденіи, подхватила миссисъ Кадуолледеръ:—а это можетъ служить доказательствомъ здраваго смысла.

Доротея поняла колкость, но не оскорбилась ею.

— Нѣтъ, отвѣчала она:—я все еще думаю, что большинство людей заблуждаются на счетъ многихъ вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что здравомыслящій человѣкъ имѣетъ право такъ думать, потому что и большинство людей иногда мѣняло свои убѣженія.

Миссисъ Кадуолледеръ ничего больше не сказала Доротей, но замѣтила своему мужу:

— Ей хорошо бы было видѣти замужъ вторично, и такъ скоро, какъ только допустить приличіе. Если бы только можно было залучить ее въ порядочное общество. Разумѣется, Четтемы этого не желаютъ. Но я ясно вижу, что только мужъ можетъ держать ее въ рукахъ. Не будь мы такъ бѣдны, я бы пригласила лорда Трейтона. Онъ будетъ современемъ маркизомъ, а нельзя отрицать, что изъ нея вышла бы славная маркиза: она еще похорошѣла, съ тѣхъ поръ, какъ надѣла трауръ.

— Моя милая Элеонора, оставь въ покоѣ эту бѣдную женщину. Всѣ подобныя ухищренія бесполезны, отвѣчалъ покладливый ректоръ.

— Бесполезны? Какимъ же образомъ и женятся люди, какъ если не черезъ знакомство мужчинъ съ женщинами? Просто стыдъ, что дядя ея обратился въ бѣгство именно теперь и закрылъ доступъ въ Гренджъ. Слѣдовало бы приглашать побольше жениховъ въ Фрешитъ и въ Гренджъ. Лордъ Трейтонъ какъ разъ подходящій человѣкъ; голова его всегда набита планами о томъ, какъ бы сдѣлать людей счастливыми. Это какъ разъ то, что нужно для миссисъ Кэзобонъ.

— Предоставь миссисъ Кэзобонъ самой выбрать, кого ей нужно, Элеонора.

— Вы, умные люди, всегда говорите вздоръ! Какъ она можетъ выбрать, если ей не изъ кого выбирать? Выборъ женщины обыкновенно означаетъ, что она взяла перваго попавшагося ей мужчину. Попомни мое слово, Гумфри. Если друзья ея не озаботятся о ней, то можетъ случиться худшая исторія, чѣмъ исторія съ Кэзобономъ.

— Ради самаго неба, не упоминай объ этомъ, Элеонора! Это самое чувствительное мѣсто у сэра Джемса. Онъ будетъ глубоко оскорбленъ, если ты безъ нужды коснешься этого предмета.

— Я никогда его и не касалась, возразила миссисъ Кадуол-

ледерь, разставляя руки. — Силія сама мнѣ рассказала про за-вѣщаніе, хотя я ее вовсе не спрашивала.

— Хорошо, хорошо; но они желаютъ затушить все дѣло, а молодой человекъ, какъ я слышала, уѣзжаетъ изъ нашихъ мѣстъ.

Миссисъ Кадуолледерь ничего не отвѣчала, но побачала головой, саркастически глядя на своего мужа своими черными глазами.

Доротея спокойно настояла на своемъ, не взирая на всѣ возраженія и убѣжденія. Такимъ образомъ къ концу іюня ставни были отперты въ Лоуискомъ замкѣ и лучи утренняго солнца спокойно заглянули въ бібліотеку, озаривъ полки съ книгами, подобно тому, какъ они озаряютъ обширную, бесплодную пустыню, усѣянную исполинскими камнями, нѣмыми свидѣтелями позабытаго вѣрованія. И вечерній вѣтерокъ, пропитанный ароматами розъ, тихо проникалъ въ голубовато-зеленый будуаръ, въ которомъ Доротея проводила бѣольшую часть времени. Сначала она обошла всѣ комнаты, обозрѣвая въ воображеніи восемнадцать мѣсяцевъ своей замужней жизни и мысленно какъ бы разговаривая съ своимъ мужемъ. Затѣмъ заключилась въ бібліотекѣ и не успокоилась пока не разставила всѣхъ книгъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ, ей казалось, ему пріятно было бы ихъ видѣть. Состраданіе, главнымъ образомъ руководившее всѣми ея поступками во время жизни съ мужемъ, все еще было неразлучно съ воспоминаніемъ о немъ, даже и тогда, когда она съ негодованіемъ въ душѣ опровергала его и высказывала ему мысленно, что онъ былъ несправедливъ. Читатели, быть можетъ, разсмѣются надъ однимъ изъ ея поступковъ и назовутъ его суевѣрнымъ ребячествомъ. Она старательно уложила въ паке-тъ и запечатала *Синоптическую таблицу для руководства миссисъ Кэзботъ* и написала на внутренней сторонѣ пакета: «*Я не могла воспользоваться ею. Развѣ вы не видите теперь, что я не могла подчинить свою душу вашей, безнадежно работая надъ тѣмъ, во что я больше не вѣрю? Доротея*». Затѣмъ она заперла пакетъ въ свой письменный столъ.

Эта молчаливая бесѣда была, быть можетъ, тѣмъ серьезнѣе, что въ основѣ ея страстнаго желанія переѣхать въ Лоуикъ лежала надежда увидаться съ Вилемъ Владиславомъ. Она не ждала ничего хорошаго отъ этого свиданія: она чувствовала себя безпомощной. Она была связана по рукамъ и не могла устранить несправедливости изъ его жребія. Но душа ее жаждала встрѣчи съ нимъ. Справедливо, что Доротея желала ближе познакомиться съ Фербротерами и въ особенности побесѣдовать съ но-

вымъ ректоромъ, но несомнѣнно также и то, что она помнила о томъ, что Лейдгэтъ разсказалъ ей про Вилъ Владислава и маленькую миссъ Нобль, и рассчитывала, что Вилъ пріѣдетъ въ Лоуикъ, чтобы повидаться съ семействомъ Фербротера. Въ первое же воскресенье, она увидѣла его прежде, чѣмъ вошла въ церковь, совершенно такъ, какъ видѣла его въ послѣдній разъ, когда была тамъ: онъ сидѣлъ одинъ на скамьѣ священника, но когда она вошла въ церковь, скрылся.

Въ будни, когда ей случалось посѣщать ректорскихъ дамъ, она тщетно ожидала, чтобы разговоръ коснулся Вилъ; хотя ей казалось, что миссисъ Фербротеръ говорила рѣшительно обо всѣхъ сосѣдяхъ, ближайшихъ и дальнихъ.

— Вѣроятно, нѣкоторые изъ миддльмарчскихъ прихожанъ м-ра Фербротера будутъ приходить слушать его проповѣди въ Лоуикъ. Какъ вы думаете? спросила Доротея, презирая себя за то, что вопросъ былъ сдѣланъ ею не просто.

— Если они умные люди, то придутъ, миссисъ Кэзобонъ, отвѣчала старая леди.—Я вижу, что вы оцѣняете по достоинству проповѣди моего сына. Его дѣдъ, съ материнской стороны, былъ превосходнымъ священникомъ, но его отецъ былъ пристома, хотя самымъ примѣрнымъ и честнымъ, что между прочимъ и было причиной, что мы не разбогатѣли. Говорятъ, что фортуна женщина и очень прихотлива. Но порою она оказывается доброй женщиной и награждаетъ тѣхъ, кто этого заслуживаетъ, какъ это и случилось съ вами, миссисъ Кэзобонъ, когда вы отдали приходъ моему сыну.

Миссисъ Фербротеръ вернулась къ своему шитью, довольная своимъ ораторскимъ искусствомъ, но Доротея вовсе не это ожидала услышать. Бѣдная женщина! она даже не знала, находится ли еще Вилъ Владиславъ въ Миддльмарчъ, и не смѣла ни у кого спросить объ этомъ, за исключеніемъ Лейдгэта. Но какъ разъ въ это время ей не удавалось увидѣться съ Лейдгетомъ. Быть можетъ, Вилъ Владиславъ, прослышавъ о странномъ условіи, занесенномъ м-ромъ Кэзобономъ въ свое завѣщаніе, счелъ за лучшее избѣгать встрѣчи съ нею, и быть можетъ, она неправа, что желаетъ этой встрѣчи, которую другіе основательно не одобряютъ. Совсѣмъ тѣмъ, «миѣ такъ хочется» заканчивало всѣ эти мудрыя размышленія, подобно тому, какъ рыданіе является естественнымъ слѣдствіемъ задержаннаго дыханія. И встрѣча состоялась, но совсѣмъ формальнымъ и неожиданнымъ для нея образомъ.

Однажды утромъ, около одиннадцати часовъ, Доротея сидѣла въ своемъ будуарѣ передъ развернутымъ планомъ Лоуикскаго

помѣсты и другими документами, при помощи которыхъ она старалась составить себѣ вѣрный отчетъ о своихъ доходахъ и вообще о своихъ дѣлахъ. Она еще не принималась за работу, но сидѣла, сложа руки на колѣняхъ и задумчиво глядя вдоль тисовой аллеи, на отдаленныя поля. Каждый листокъ, казалось, отдыхалъ на солнечномъ припежѣ; привычный пейзажъ не измѣнилъ своей фязіономіи и какъ будто олицетворялъ собою картину ея собственной жизни, спокойной и безцѣльной—безцѣльной, если для ея энергіи не представится случая примѣнить себя къ дѣлу. Вдовій чепецъ того времени окаймлялъ какъ бы овальной рамкой лицо; платье, необъятной длины и ширины, было изъ чернаго крепа; но отъ этой торжественности въ костюмѣ лицо Доротеи, которому вернулся его прежній румянецъ, казалось еще моложе, а кроткіе глаза глядѣли невинно и пылко.

Она была выведена изъ задумчивости приходомъ Тантрипъ, которая доложила ей, что м-ръ Владиславъ дожидается внизу и проситъ позволенія увидѣться съ миссисъ.

— Я приму его, отвѣчала Доротея, немедленно вставая.— Введите его въ гостиную.

Гостиная была для нее самой нейтральной комнатою въ домѣ—единственной, которая всего менѣе напоминала ей о печалахъ ея замужней жизни: обивка изъ дамъ была подъ стать обоимъ, бѣлымъ съ золотомъ. Въ гостиной помѣщались два высокіе стѣнные зеркала и столы, на которыхъ ничего не лежало; словомъ, то была комната, въ которой было все равно куда ни сѣсть. Она расположена была подъ будуаромъ и въ ней также было полузруглое окно, выходившее на аллею. Но когда Праттъ ввелъ Виліа Владислава въ гостиную, окно было открыто и бабочка, влетѣвшая въ него и кружившаяся по комнатѣ, придавала ей менѣе формальный и болѣе жилой видъ.

— Я радъ, сэръ, что снова вижу васъ здѣсь, сказалъ Праттъ, останавливаясь, чтобы поправить штору.

— Я пріѣхалъ только затѣмъ, Праттъ, чтобы проститься, отвѣчалъ Виліа, которому желательно было, чтобы даже буфетчикъ зналъ, что онъ слишкомъ гордъ для того, чтобы ухаживать за миссисъ Кэзобонъ теперь, когда она стала богатой вдовой.

— Очень жаль это слышать, сэръ, возразилъ Праттъ, уходя.

Конечно, въ качествѣ слуги, которому не слѣдовало ничего знать, ему отлично былъ извѣстенъ тотъ фактъ, который до сихъ поръ оставался тайной для Владислава, и онъ выводилъ

изъ него свои заключенія. Однако не сталъ противорѣчить своей невѣстѣ Тантришъ, когда та замѣтила:

— *Вашъ* баринъ былъ ревнивъ, какъ чортъ—и безъ всякой причины. Бариня выберетъ кого-нибудь почище, чѣмъ м-ръ Владиславъ, или я ее не понимаю. Горничная миссисъ Кадуоледеръ говоритъ, что ожидаютъ пріѣзда одного молодого лорда, который женится на ней, когда кончится трауръ.

Вилю недолго пришлось рассказывать по комнатамъ съ шляпой въ рукахъ, въ ожиданіи Доротей. Встрѣча была совсѣмъ непохожа на первое свиданіе въ Римѣ, когда Виль былъ смущенъ, а Доротея спокойна. На этотъ разъ онъ чувствовалъ себя хотя и несчастнымъ, но твердымъ, между тѣмъ какъ она находилась въ такомъ волненіи, что не въ состояніи была его скрыть. Собираясь отворить дверь въ гостиную, она вдругъ почувствовала, что это давно-желанное свиданіе оказывается очень затруднительнымъ, а когда она увидѣла, что Виль идетъ къ ней на встрѣчу, густая краска, такъ рѣдко появлявшаяся на ея лицѣ, вдругъ мучительно разлилась по немъ. Никто изъ нихъ не зналъ, какъ это случилось, но оба молчали. Она подала ему руку на минуту и затѣмъ оба усѣлись у окна, она по одну сторону, а онъ по другую. Вилю было особенно неловко: ему казалось чѣмъ-то страннымъ въ Доротей, чтобы простой фактъ ея вдовства могъ произвести такую рѣзкую переиъну въ ея манерахъ съ нимъ: онъ не зналъ никакой другой причины, которая бы могла измѣнить ихъ прежнія отношенія, и ему ничего не оставалось какъ заключить, что ея друзья, — какъ онъ это предполагалъ и раньше, — отравили ея душу своими подозрѣніями.

— Я надѣюсь, что вы не сочтете дерзостью съ моей стороны, что я явился къ вамъ съ визитомъ, сказалъ Виль:—мнѣ казалось невозможнымъ уѣхать отсюда и начать новую жизнь, не попрощавшись съ вами.

— Дерзостью? Конечно, нѣтъ. Я бы сочла нелюбезнымъ съ вашей стороны, еслибы вы не пожелали меня видѣть, отвѣчала Доротея.—Привычка говорить вполнѣ откровенно взяла верхъ надъ смущеніемъ и волненіемъ. — Вы уѣзжаете отсюда немедленно?

— Думаю, что очень скоро. Я намѣренъ уѣхать въ столицу и поступить въ адвокаты, такъ-какъ черезъ это надо пройти, какъ говорятъ, прежде чѣмъ выступить на какое бы то ни было общественное поприще. Политическаго дѣла предстоитъ много впереди и я намѣренъ попытать свои силы на этомъ попри-

щѣ. Другимъ людямъ удавалось добиться почетнаго положенія безъ всякой протекціи и денегъ.

— Чтѣ еще почетнѣе, замѣтила Доротея, съ жаромъ.—Кромѣ того у васъ столько талантовъ. Я слышала отъ дяди, какъ вы хорошо говорите въ публикѣ, такъ что всякому становится жаль, когда вы замолчите, и какъ вы ясно излагаете свои мысли. И вы хлопочете о томъ, чтобы всякому оказана была справедливость. Я такъ рада. Когда мы были въ Римѣ, я думала, что вы интересуетесь только поэзіей и искусствомъ и всѣмъ тѣмъ, чтѣ украшаетъ жизнь такихъ счастливицевъ, какъ мы. Но теперь я знаю, что вы заботитесь и объ остальныхъ людяхъ.

Смущеніе, овладѣвшее передъ тѣмъ Доротеей, совершенно исчезло, пока она говорила, и она стала похожа на прежнюю Доротею. Она глядѣла Вилю прямо въ лицо съ восхищеннымъ довѣріемъ.

— Вы, слѣдовательно, одобряете, что я собираюсь уѣхать отсюда и не возвращаться прежде, чѣмъ не составлю себѣ карьеры? спросилъ Виль, изо всѣхъ силъ стараясь примирить крайнюю гордость съ крайнимъ желаніемъ добиться выраженія сильнаго чувства со стороны Доротей.

Она не сознавала, сколько прошло времени прежде, чѣмъ она отвѣтила на его вопросъ. Она отвернула голову и глядѣла въ окно на розовый кустъ, который какъ будто олицетворялъ собой лѣтніе мѣсяцы того длиннаго ряда годовъ, въ теченіе которыхъ Виль будетъ находиться въ отсутствіи. Такое молчаніе было не совсѣмъ прилично. Но Доротея никогда не думала о приличіяхъ: она думала только о томъ, что вотъ ей придется покориться печальной необходимости, которая разлучала ее съ Вилемъ. Его первые слова о своихъ намѣреніяхъ какъ будто все разъяснили ей: онъ зналъ, — такъ по крайней мѣрѣ она предполагала,—о послѣднемъ поступкѣ м-ра Кззобона, по отношенію къ нему, и онъ по всей вѣроятности также поразилъ его, какъ и ее. Онъ никогда и ничего не чувствовалъ къ ней, кромѣ дружбы, никогда не испытывалъ въ душѣ ничего такого, чтѣ могло бы оправдать оскорбленіе, нанесенное ей мужемъ имъ обонимъ: чувство дружбы до сихъ поръ жило въ немъ. Нѣчто въ родѣ внутренняго рыданія потрясло Доротею, прежде чѣмъ она сказала спокойнымъ голосомъ, который лишь слегка задрожалъ на послѣднихъ словахъ:

— Да, вы хорошо сдѣлаете, если поступите такимъ образомъ. Я буду очень счастлива, когда услышу, что вы добились того, что васъ оцѣнили по достоинству. Но вамъ придется запастись терпѣніемъ. Пройдетъ, быть можетъ, много, много времени.

Виль никогда не могъ хорошенько понять, какъ это случилось, что онъ не бросился къ ея ногамъ, когда слова «много, много времени», произнесенныя съ легкимъ дрожаніемъ въ голосъ, коснулись его слуха. Онъ говорилъ обыкновенно, что отвратительный цвѣтъ и необъятныя складки ея креповаго платья по всей вѣроятности удержали его отъ его поступка. Какъ бы то ни было, онъ сидѣлъ смиренно на своемъ мѣстѣ и только сказалъ:

— Я никогда и ничего не буду о васъ слышать. И вы всеѣмъ позабудете меня.

— Нѣтъ, отвѣчала Доротея:—я никогда не позабуду васъ. Я никого не забывала, съ кѣмъ мнѣ случалось встрѣчаться. У меня никогда не было много знакомыхъ, да по всей вѣроятности никогда и не будетъ. И мнѣ есть время для воспоминаній, въ Лоуигѣ, не правда-ли?

Она улыбнулась.

— Великій Боже! закричалъ Виль порывисто, вставая съ мѣста и не выпуская шляпы изъ руки, направляясь къ мраморному столу, къ которому прислонился спиной, повернувшись лицомъ къ Доротеѣ. Кровь бросилась ему въ голову и онъ казался точно будто разсерженнымъ. Ему представилось, что они похжи на двухъ существъ, медленно превращающихся въ мраморъ, въ присутствіи другъ друга, между тѣмъ какъ сердца ихъ еще бьются, а глаза говорятъ. Но помочь этому было невозможно. Никто не получить права сказать, что на этомъ свиданіи, на которое онъ явился съ горькой рѣшимостью распрощаться съ ней надолго, — онъ кончилъ признаніемъ, которое можетъ быть перетолковано въ смыслѣ погони за ея богатствомъ. Кромѣ того, онъ боялся дѣйствія, какое можетъ произвести его признаніе на Доротею.

Она глядѣла на него издали не безъ смущенія, вообразивъ, что въ словахъ ея, пожалуй, заключалось что-нибудь обидное. Но все время въ ней шевелилась одна мысль, что вотъ, по всей вѣроятности, ему нужны деньги, а она не можетъ предложить ихъ ему. Еслибы дядя не былъ въ отсутствіи, можно было бы сдѣлать кое-что при его содѣйствіи! Это тягостное раздумье о томъ, что Виль нуждается въ деньгахъ, между тѣмъ какъ она пользуется тѣмъ, что должно было бы принадлежать ему, побудило ее сказать, видя, что онъ молчитъ и издали глядитъ на нее:

— Желала бы я знать, было ли бы вамъ пріятно получить ту миниатюру, которая виситъ наверху? Я говорю про прекрасный портретъ вашей бабушки. Мнѣ кажется, что я не имѣю

права удерживать его, если вы желаете его имѣть. Онъ ужасно какъ похожъ на васъ.

— Вы очень добры, отвѣчалъ Виль, раздражительно.— Нѣтъ; я вовсе о немъ не думаю. Во все неутишительно имѣть свой собственный портретъ. Было бы утѣшительнѣе, еслибы другіе пожелали его имѣть.

— Я думала, что вамъ дорога ея память... я думала... Доротея умогла на минуту, воображеніе внезапно отвлекло ее отъ судьбы тетушки Джуліи: — вамъ конечно было бы пріятно сохранять портретъ, какъ семейную святыню.

— Къ чему мнѣ эта святыня, если кромѣ нея у меня ничего нѣтъ? Человѣкъ, у котораго все наслѣдство заключается въ его чемоданѣ, долженъ хранить свои святыни въ головѣ.

Виль сказалъ это необдуманно: онъ просто былъ не въ духѣ. Немного досадно было, что ему предлагали портретъ его бабушки въ настоящую минуту. Но для чувствъ Доротей въ словахъ его заключалась особая обида. Она встала и сказала съ отгнѣномъ негодованія въ голосѣ и не безъ нѣкотораго высокомерія:

— Вы счастливѣе изъ насъ двухъ, мистеръ Владиславъ, хотя у васъ и нѣтъ состоянія.

Виль вздрогнулъ. Какой бы ни былъ смыслъ ея словъ, но тонъ показался ему напоминовеніемъ о томъ, что ему пора уходить. Онъ оставилъ свою позицію и подошелъ къ ней. Они поглядѣли другъ на друга вопрошающимъ взглядомъ. Каждый думалъ о своемъ собесѣдникѣ и старался угадать его мысли. Вилю никогда и въ голову не приходило, что онъ имѣетъ право на Лоуиксовое помѣстье, и поэтому чувства Доротей были ему непонятны.

— До сихъ поръ я никогда еще не считалъ бѣдность несчастіемъ, проговорилъ онъ. — Но бѣдность можетъ быть такимъ же бѣдствіемъ, какъ и проказа, если она разлучаетъ насъ съ тѣми, кто намъ всего дороже.

Слова эти укололи Доротею въ самое сердце и смягчили ее. Она отвѣчала тономъ печальной симпатіи:

— Горе приходитъ въ такихъ разнообразныхъ видахъ. Два года тому назадъ, я не имѣла объ этомъ никакого понятія... я говорю про неожиданность формы, въ которой посѣщаетъ насъ горе, и связываетъ насъ по рукамъ, и заставляетъ молчать тогда, когда всего охотнѣе заговорилъ бы. Я, бывало, презирала женщинъ за то, что онѣ не умѣютъ распоряжаться своей жизнью и быть полезными. Я очень люблю поступать посвоему,

но теперь почти отвыкла отъ этого, докончила она, улыбаясь игриво.

— Я не отвѣкъ поступать по своему, но это мнѣ рѣдко удается, отвѣчала Виль.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, волнуемый самыми противорѣчивыми желаніями и намѣреніями — желая добиться какого-нибудь неотразимаго доказательства, что она любитъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшась того положенія, въ какое его поставило бы подобное доказательство.

— Самая желанная вещь можетъ быть обставлена такими условиями, которыя дѣлають ее недосигаемой.

Въ эту минуту вошелъ Праттъ и сказалъ:

— Сэръ Джемсъ ожидаетъ васъ въ библіотекѣ, сударыня.

— Попросите сэра Джемса сюда, отвѣчала Доротея, ни мало не медля. Словно электрическій ударъ заодно пробѣжалъ по ней и по Вилію. Каждый изъ двухъ проникся гордой рѣшимостью. Они ни разу не взглянули другъ на друга, пока дожидались прихода сэра Джемса.

Пожавъ руку Доротеѣ, послѣдній слегка кивнулъ головою Владиславу, который отвѣчалъ ему точно такимъ же поклономъ, и затѣмъ подошелъ къ Доротеѣ, говоря:

— Я долженъ проститься съ вами, миссисъ Кэзобонъ, и по всей вѣроятности надолго.

Доротея протянула руку и дружески распрощалась съ нимъ. Сознаніе, что сэръ Джемсъ пренебрежительно относился къ Вилію и былъ съ нимъ грубъ, поддержало въ ней твердость и чувство собственнаго достоинства: въ ея манерахъ не было больше никакого слѣда смущенія. Когда Виль вышелъ изъ комнаты, она съ такимъ самообладаніемъ поглядѣла на сэра Джемса, говоря: какъ поживаетъ Силія? что онъ вынужденъ былъ вести себя такъ, какъ еслибы съ нимъ не случилось ничего непріятнаго. Да и какой прокъ былъ вести себя иначе? Сэръ Джемсъ, по правдѣ сказать, съ такимъ отвращеніемъ отворачивался отъ самой мысли, что Доротея можетъ любить Владислава, что охотно закрылъ бы глаза на всякій внѣшній признакъ, который могъ бы намекать на эту непріятную возможность. Еслибы кто-нибудь спросилъ у него: почему ему такъ не по себѣ, то онъ сразу не въ состояніи былъ бы сказать что-нибудь болѣе опредѣленное, чѣмъ: «ужь *этотъ* Владиславъ!» хотя по размышленіи и сослался бы, пожалуй, на то, что одной приписки мистера Кэзобона къ завѣщанію, запрещающей замужество Доротеи съ Вилемъ, подъ страхомъ наказанія, достаточно, чтобы сдѣлать неприличными всякія

сношенія между ними. Отвращеніе его было тѣмъ сильнѣе, что онъ сознавалъ невозможность вмѣшаться въ дѣло.

Но сэръ Джемсъ былъ силой, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ того не подозрѣвалъ. Какъ разъ въ настоящую минуту, онъ олицетворялъ своей особой самыя неотразимыя доводы, которые придали Вилю силу гордо разстаться съ Доротеей.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЯТАЯ.

Hath she her faults? Jwould you had them too.
They are the fruity must of soundest Wine;
Or say, they are regenerating fire
Such as hath turned the dense black element,
Jnto a crystal path way for the sun.

Если юность можно назвать порою надеждъ, то зачастую только въ томъ смыслѣ, что старшіе бываютъ полны надеждъ за насъ, потому что именно въ этомъ возрастѣ человѣкъ склоненъ думать, что его волненія, прощанія и рѣшенія единственныя въ своемъ родѣ. Каждый переживаемый кризисъ кажется окончательнымъ только потому, что онъ новъ.

Для Доротей, находившейся какъ разъ въ той самой порѣ жизни, когда слезы способны течь ручьями, то утро, въ которое она простилась съ Вилемъ Владиславомъ, представлялось послѣднимъ днемъ ихъ личнаго знакомства. Онъ уѣзжалъ далеко и на долгіе годы, и даже если ему и суждено вернуться, то не прежде, чѣмъ онъ станетъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Настоящее настроеніе его души, его гордое рѣшеніе доказать неосновательность подозрѣнія, что онъ способенъ разыграть роль нищаго авантюриста, преслѣдующаго богатую женщину— все это совсѣмъ не приходило ей на умъ, и она объясняла его поведеніе тѣмъ предположеніемъ, что приписка къ завѣщанію, сдѣланная мистеромъ Кэзобономъ, представляется ему, такъ же какъ и ей, жестокимъ препятствіемъ для дѣятельной дружбы между ними. Юношеской радости, съ какой они бесѣдовали другъ съ другомъ о такихъ вещахъ, которыя не могли никого интересовать кромѣ нихъ, наступилъ конецъ, и она отошла въ прошлое. По этой самой причинѣ Доротей лелѣяла это драгоценное воспоминаніе безъ угрызений совѣсти. Единственная радость ея жизни умерла, и Доротей не стыдилась предаваться страстному горю, сила котораго удивляла ее самое. Впервые сняла она портретъ со стѣны и держала его передъ собой, не спуская глазъ съ женщины, которую свѣтъ такъ же несправедливо осудилъ, какъ

и ея внука, котораго защищали ея собственное сердце и сужденіе. Найдется ли такой человекъ, который осудить ее за то, что ей случалось порой брать въ руки маленькую овальную миниатюру и прикладывать къ ней щекой, какъ бы желая приласкать тѣ существа, которыхъ постигло несправедливое осужденіе? Она еще не знала тогда, что то любовь слетѣла къ ней неожиданно какъ сновидѣніе. Она чувствовала только, что что-то невозвратно порвалось и отлетѣло изъ ея жизни и будущее представлялось ей въ совсѣмъ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ. Однажды, когда она, исполняя данное обѣщаніе, отправилась въ Фрешитъ, чтобы провести тамъ ночь и присутствовать при томъ, какъ купали младенца, — гдѣ обѣду пріѣхала миссисъ Кадуолледеръ: ректоръ уѣхалъ на рыбную ловлю. Вечеръ былъ теплый и даже въ прелестной гостиной, откуда лужайка вела прямо съ балкона къ пруду, заросшему лиліями, было такъ жарко, что Силія, облеченная въ бѣлую кисею, и съ распущенными по плечамъ бѣлокурными локонами, съ состраданіемъ думала о томъ, каково должно было быть Додо въ ея черномъ платьѣ и тяжеломъ чепцѣ. Но это пришло ей въ голову уже послѣ того, какъ хлопотливая процедура съ младенцемъ была выполнена во всей подробности и она наконецъ получила возможность думать о чемъ-нибудь другомъ. Она просидѣла молча нѣсколько минутъ, обмахиваясь вѣеромъ, и потомъ сказала своимъ спокойнымъ гортаннымъ голосомъ:

— Дорогая Додо, сними свой чепецъ. Я увѣрена, что тебѣ тяжело въ этомъ костюмѣ.

— Я такъ привыкла къ этому чепцу, просто ежилась съ нимъ, отвѣчала Доротея, улыбаясь. — Я чувствую себя неловко, когда онъ не на мнѣ.

— Ты должна снять его; намъ всѣмъ становится жарко, глядя на него, настаивала Силія, бросая свой вѣеръ и направляясь къ Доротеѣ. Мило было видѣть, какъ эта маленькая леди въ бѣлой кисей развязывала завязки чепца у своей величественной сестры. Едва успѣли косы и пряди темныхъ волосъ высвободиться изъ-подъ чепца, который Силія бросила на стулъ, въ комнату вошелъ сэръ Джемсъ. Онъ взглянулъ на освобожденную голову и проговорилъ: «Ахъ!» довольнымъ тономъ.

— Это я настояла, Джемсъ, замѣтила Силія: — Додо совсѣмъ незначѣмъ такъ рабски держаться траура; она не должна больше носить этого чепца при своихъ.

— Милая Силія, вмѣшалась леди Четтемъ: — вдова должна носить трауръ по крайней-мѣрѣ цѣлый годъ.

— Но только не въ томъ случаѣ, если она выйдетъ раньше

домой проинкнутый глубокимъ уваженіемъ къ этому могучему сочетанію тоновъ, внимая которымъ онъ впадалъ въ задумчивость, и уставивъ глаза въ полъ и скрестивъ руки, предавался безмолвному созерданію.

При такомъ дружелюбномъ отношеніи, установившемся между ними, естественно было, что Доротея попросила мистера Гарта взять на себя управленіе тремя мызами и многочисленными фермами, принадлежавшими къ Лоуинскому замку; надежды его на то, что работы хватить на двоихъ, вскорѣ оправдались вполне. Какъ онъ говорилъ: «дѣло дѣломъ погоняетъ». Однимъ изъ дѣлъ, которое подвернулось какъ разъ въ это самое время, была постройка желѣзной дороги. Предполагаемая линія должна была проходить черезъ Лоуинскій приходъ, тамъ гдѣ до сихъ поръ бродилъ скотъ съ ничѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ. И надо же было, чтобы тревоженія, сопровождавшія возникновеніе желѣзно-дорожной системы, отразились на дѣлахъ Калеба и опредѣлили ходъ настоящей исторіи, въ томъ, что касается двухъ дорогихъ для него лицъ.

Подводная желѣзная дорога можетъ представлять свои трудности; но дно морское не раздѣлено между различными землевладѣльцами, изъ которыхъ каждый заявляетъ претензіи на уплату проторей и убытковъ, претензіи не только денежнаго, но и сантиментальнаго свойства. Въ числѣ тѣхъ сотенъ людей, для которыхъ миддлмарчская желѣзная дорога представляла такой же интереснѣйшій сюжетъ для бесѣды, какъ и билль о реформѣ и угрожающіе ужасы холеры — были женщины и землевладѣльцы. Женщины какъ молодыя, такъ и старыя, считали ѣзду посредствомъ пара безумной и опасной, и увѣряли, что ничто въ мірѣ не заставитъ ихъ сѣсть въ вагонъ; между тѣмъ какъ землевладѣльцы, которые различались другъ отъ друга въ способѣ аргументаціи столько же, сколько, напримѣръ, мистеръ Саломонъ Фитерстонъ отличался отъ лорда Медликота, тѣмъ не менѣе сходились на томъ мнѣніи, что продавая землю будетъ ли то врагу ли человѣческаго рода или компаніи, вынужденной ее купить, землевладѣльцамъ слѣдуетъ сорвать съ этихъ пагубныхъ агентовъ очень высокую цѣну за разрѣшеніе оскорблять человѣчество.

Но такіе тяжелые умы, какъ мистеръ Саломонъ и миссисъ Уоль, жившіе на своей собственной землѣ, не скоро пришли къ такому заключенію, такъ-какъ въ умѣ ихъ упорно возникало живое представленіе о томъ, что будетъ, если разбить Большое Пастбище на двѣ части и превратить его въ трехугольные участки. Вѣдь это будетъ «Богъ знаетъ что!» Устройство же

соединяющихъ мостовъ и высокая плата за уступленную землю представлялись пока отдаленными и невѣроятными.

— Корова всѣ стануть сбрасывать своихъ телятъ, братецъ, замѣтила миссисъ Уоль тономъ глубокой печали: — если желѣзная дорога пройдетъ мимо луга; да и не удивилась бы, еслибы и съ кобылой случилось несчастіе, будь она жеребая. Очень грустно думать, что собственность бѣдной вдовы можетъ подвергаться опасности, а законъ въ это не вступается. Чѣмъ можетъ помѣшать имъ откватывать землю направо и налево, разъ за это примутся? Всѣмъ извѣстно, что я беззащитна.

— Всего лучше было бы, не говоря худого слова, нанутишь на нихъ народъ, который бы помялъ имъ бока, когда они придуть сюда шпионить, да отиѣрять. Я слышала сколько мнѣ помнится, что люди такъ сдѣлали въ Брассингѣ. Это все вздоръ, будто имъ нельзя выбрать другого направленія. Пусть направляютъ дорогу черезъ другой приходъ. Да я и не вѣрю, что бы уплатили мнѣ за тѣ убытки, которые нанесетъ мнѣ шайка бездѣльниковъ, которые придуть и вытопчутъ мой хлѣбъ. Да, какъ же, держи карманъ!

— Братецъ Питеръ, Богъ его простить, нажился отъ компаніи, сказала миссисъ Уоль. — Но то была компанія по марганцу, а вовсе не по желѣзнымъ дорогамъ, которыя портятъ чужое добро.

— Можно сказать одно только, Дженъ, прибавилъ мистеръ Саломонъ, съ опаской понижая голосъ: — тѣмъ больше мы будемъ затруднять ихъ дѣло, тѣмъ легче удастся намъ сорвать съ нихъ большой кушъ, если уже никакъ нельзя отъ нихъ отдѣлаться.

Эти разсужденія мистера Саломона были, быть можетъ, не столь хитроумны, какъ онъ воображалъ. Но онъ принялся дѣйствовать сообразно имъ, весьма тонкимъ образомъ возбуждая недоувѣріе въ умахъ. Его усадьба въ Лоуикѣ была самая крайняя и расположена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія, а жилища землепашцевъ или же состояли изъ одинокихъ коттеджей, или же были скучены въ деревушкѣ, называвшейся Фрикъ, гдѣ водяная мельница и нѣсколько каменоломенъ служили маленькимъ центромъ вялой, неповоротливой промышленности.

За отсутствіемъ опредѣленнаго понятія о томъ, что такое желѣзныя дороги, общественное мнѣніе въ Фрикѣ было настроено противъ нихъ: въ этомъ глухомъ уголку, вошедшая въ пословицу, склонность человѣческаго ума преклоняться передъ неизвѣстнымъ — совсѣмъ, отсутствовала. Тамъ признавалось,

напротивъ того, что все неизвѣстное, слѣдуетъ полагать, клонится во вредъ бѣдному человѣку и всего разумнѣе встрѣчать всякую новизну съ недоувѣреніемъ. Даже слухи о реформѣ не возбуждали въ Фрикѣ никакихъ золотыхъ надеждъ, такъ-какъ не обѣщали ничего опредѣленнаго. Обитатели Фрика не голодали и вовсе не были заражены фанатизмомъ, а скорѣе были недоувѣрчивы и тяжелы на подъемъ.

Такимъ образомъ настроеніе умовъ въ Фрикѣ было именно таково, что представляло удобную почву для мистера Саломона Фитерстона, которому онъ могъ съ успѣхомъ эксплуатировать. Саломонъ былъ въ эту эпоху надсмотрщикомъ за дорогами и часто проѣзжалъ мимо Фрика на своей откормленной лошади, останавливаясь по дорогѣ, чтобы поглазѣть на рабочихъ, добывавшихъ камень, при чемъ видъ у него былъ таковъ, что со стороны можно было подумать, что остановки эти дѣлаются не спроста. Поглазѣвъ нѣкоторое время на работы, онъ приподнималъ глаза и всматривался въ горизонтъ; наконецъ трогалъ поводья, слегка подхлестывалъ лошадь и не спѣша ѣхалъ дальше. Мистеръ Саломонъ отличался медлительностью, пріятно сознавая, что ему незачѣмъ спѣшить. У него было въ обычаѣ останавливаться и осторожнымъ, хитрымъ образомъ заводить разговоры со всякимъ землекопомъ или другимъ рабочимъ, которые попадались ему на пути. Онъ особенно охотно выслушивалъ новости, которыя ему уже были раньше извѣстны. Тутъ его пріятно щекотала мысль, что онъ знаетъ больше своихъ собесѣдниковъ и можетъ лишь вполнину вѣрить ихъ словамъ. Разъ, однако, онъ пустился въ разсужденія съ Гейрамомъ Фордомъ, фургонщикомъ, причемъ самъ сообщилъ новость. Онъ пожелалъ узнать, видѣлъ ли Гейрамъ господъ съ шестами и инструментами, которые все шлются по сосѣдству: они зовутъ себя желѣзнодорожными агентами, но Богъ-вѣсть, что они такое въ сущности и что такое у нихъ на умѣ? Въ послѣдній разъ они утверждали, что собираются разбить Лоуикскій приходъ на мелкіе участки.

— Какъ, и тогда нельзя будетъ свободно проѣзжать съ одного мѣста на другое? спросилъ Гейрамъ, думая про свою фуру и лошадей.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Саломонъ. — И каково это! портить такую отличную землю, какъ въ нашемъ приходѣ! Пусть отправляются въ Типтонтъ, говорю я. Но кто знаетъ, что кроется за всѣмъ этимъ. Конечно, они не говорятъ настоящей своей дѣли, а ужъ она, навѣрно, въ ущербъ землѣ и бѣдному люду.

— Это, видно, лондонскіе молодцы все затѣваютъ, сказалъ Гейрамъ, который имѣлъ смутное понятіе о Лондонѣ, какъ о враждебномъ центрѣ, въ которомъ куется всякія ковы противъ деревни.

— Да ужъ разумѣется. А около Брассинга, какъ мнѣ говорили, народъ напалъ на нихъ въ то время, какъ они шпионили, и поломалъ ихъ инструменты, да и самимъ помялъ бока, такъ что они нашли за лучшее убраться по добру, по здорову.

— Славно придумано, отвѣчалъ Гейрамъ.

— Ну, самъ-то бы я не сталъ связываться съ ними, отвѣчалъ Саломонъ.

— Но люди говорятъ, что здѣшней мѣстности уже не видать больше красныхъ дней, а доказательство тому, что набѣжали сюда теперь эти люди, которые собираются настроить тутъ желѣзныхъ дорогъ; а все затѣмъ, чтобы крупная торговля совсѣмъ поглотила мелкую, такъ, чтобы не осталось здѣсь ни одной телеги, ни одного хлыста.

— Ну, прежде, чѣмъ это случится, они отвѣдаютъ мою хлыста, отвѣчалъ Гейрамъ, между тѣмъ какъ мистеръ Саломонъ, тронувъ за поводья, направился далѣе.

Сорная трава растетъ безъ ухода. Разореніе, грозящее странѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, вскорѣ сдѣлалось предметомъ неистощимыхъ толковъ не только въ трактирахъ, но и въ поляхъ.

Однажды утромъ, вскорѣ послѣ того свиданія между мистеромъ Фербротеромъ и Мери Гартъ, въ которомъ послѣдняя призналась, что любитъ Фрэда Винси, случилось, что ея отцу понадобилось съѣздить по дѣлу на Йодрельскую ферму, по направленію къ Фрику: онъ собирался измѣрить и оцѣнить участки земли, принадлежавшія Лоуикскому замку, который Калебъ надѣялся продать выгодно для Доротей (надо признаться, что онъ намѣревался устроить его на самыхъ выгодныхъ условіяхъ желѣзнодорожной компаніи). Онъ оставилъ свой кабриолетъ на Йодрельской фермѣ, а самъ съ своимъ помощникомъ и землемѣрной цѣпью отправился на то мѣсто, которое ему нужно было измѣрить. По дорогѣ онъ встрѣтилъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, которые возились съ своимъ ватерпасомъ. Поболтавъ съ ними немного, онъ пошелъ дальше, замѣтивъ, что они черезъ нѣсколько времени снова сойдутся, когда онъ приступитъ къ измѣренію. Дѣло происходило въ одинъ изъ тѣхъ сѣренькихъ деньковъ, которые бываютъ очаровательно около полудня, когда нѣсколько прояснѣетъ, а воздухъ кажется особенно свѣжимъ и душистымъ.

Воздухъ казался бы еще душистѣе Фреду Винси, который

ѣхалъ верхомъ по дорогѣ, еслибы ему не приходилось бесплодно ломать головы надъ тѣмъ, какъ ему теперь быть, когда съ одной стороны отецъ его ожидаетъ, что онъ прямо поступитъ въ священники, а съ другой стороны — Мери грозитъ, что откажется отъ него, если онъ это сдѣлаетъ, весь же остальной миръ, повидимому, нисколько не заботится о молодомъ джентльменѣ, нерасполагающемъ никакимъ капиталомъ и никакими особенными познаніями. Фреду было тѣмъ тяжелѣе, что его отецъ, довольный его покорностью, обращался съ нимъ ласково въ послѣднее время и послалъ его теперь прогуляться и присмотрѣть кое-какихъ борзыхъ собакъ. Но даже, еслибы онъ и придумалъ, что ему дѣлать съ собой, то все-таки ему предстояло бы неприятное объясненіе съ отцомъ. Но надо сознаться, что первое все-таки было труднѣе послѣдняго. Какое, ради самаго неба, могло быть занятіе для молодого человѣка (друзья котораго не могли доставить ему «мѣсто»), которое было бы вмѣстѣ благородно, выгодно и не требовало бы спеціальныхъ знаній? Проѣзжая въ такомъ настроеніи по дорогѣ, мимо Фрика, и задерживая лошадь, потому что раздумывалъ не объѣхать ли ему кругомъ, прямо въ Лоуинскій приходскій домъ, чтобы повидаться съ Мери, онъ могъ въ то же время заглядывать черезъ изгороди на поля. Вдругъ какой-то шумъ привлекъ его вниманіе и онъ увидѣлъ на другомъ концѣ поля, лежавшаго у него по лѣвую руку, какъ шесть или семь чловѣкъ въ блузахъ и съ вилами въ рукахъ наступали, очевидно, съ враждебными намѣреніями, на четырехъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, поджидавшихъ ихъ, между тѣмъ, какъ Калебъ Гартъ и его помощникъ поспѣшно бѣжали по полю, на помощь осажденнымъ. Фредъ, которому пришлось потерять нѣсколько минутъ, пока онъ нашелъ ворота, подошлѣлъ на мѣсто дѣйствія уже въ то время, какъ люди въ блузахъ, у которыхъ шумѣло въ головѣ отъ выпитаго пива, гнали передъ собой вилами людей въ сюртукахъ, между тѣмъ, какъ помощникъ Калеба Гарта, мальчикъ лѣтъ семнадцати, которому Калебъ приказалъ убирать ватерпасъ, лежалъ на землѣ, сраженный ударомъ, нанесеннымъ ему блузниками. Люди въ сюртукахъ быстро удирали отъ своихъ преслѣдователей и Фредъ прикрывалъ ихъ отступление, захавъ съ фронта на встрѣчу блузамъ, и своимъ внезапнымъ нападеніемъ произвелъ разстройство въ ихъ рядахъ.

— Что вы это задумали, дурачье? возопилъ Фредъ, преслѣдуя разрозненную ихъ группу и награждая ударами хлыста направо и налево. — Я всѣхъ васъ изобличу передъ судомъ. Вы ударили вонъ того мальчика, вы чуть не убили его. Каж-

даго изъ васъ повѣсять безъ церемоніи, на ближайшихъ ассизахъ, говорилъ Фрэдъ, который вносльдствіи хохоталъ отъ души, припоминая свои фразы.

Земленашцы продрали въ ворота на свое собственное поле, и Фрэдъ уже поворотилъ свою лошадь, когда Гейбрагъ Фордъ, замѣтивъ, что онъ отъѣхалъ на почтительное разстояніе, вернулся къ нему и послалъ ему вслѣдъ визавъ, не подозрѣвая, что поступаетъ какъ герой Гемера.

— Трусъ вы, и ничего больше. Сойдите-ка съ лошади, молодой баранъ, да помѣряйтесь-ка силами, вотъ что! Вы не пресѣдете сунуться ко мнѣ безъ лошади и клиста. Я вышибу изъ васъ духъ, вотъ что!

— Погодите минутку, я сейчасъ вернусь и стану бороться со всѣми вами поочередн, если хотите, отвѣчалъ Фрэдъ, который вѣрилъ въ свою силу и умѣнье боксировать съ своими ближними. Но теперь онъ спѣшилъ къ Калебу и къ его юности немощнику, распростертому на землѣ.

У юности была вывихнута нога у щиколки, и онъ чувствовалъ сильную боль въ ней, но больше никакихъ поврежденій не было, и Фрэдъ посадилъ его на лошадь, чтобы онъ доѣхалъ въ Йодрель, гдѣ ему могли оказать помощь.

— Видите имъ поставить лошадь въ конюшню и слажите агентамъ, что они могутъ теперь вернуться, сказала Фрэдъ.— Мѣсто очищено.

— Нѣтъ, нѣтъ, замѣтилъ Калебъ. — На сегодняшний день довольно. Заберите съ собой инструменты, Томъ. Они увидятъ, что вы ѣдете, и вернутся назадъ.

— Я очень радъ, мистеръ Гартъ, что подоспѣлъ въ время, началъ Фрэдъ, когда Томъ отъѣхалъ. — Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось все дѣло, еслибы кавалерія не подоспѣла на подмогу.

— Да, да, отвѣчалъ Калебъ, нѣсколько разсѣянн, уставивъ глаза на то мѣсто, гдѣ онъ занимался въ ту минуту, какъ его деривали. — Но... чортъ бы изъ избралъ... вотъ что значитъ быть дураками... Мнѣ помѣняли работать. Я не могу обойтись безъ помощи другаго лица; мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь держалъ цѣнь. Но вотъ развѣ!

Онъ было направился къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ разбоялъ съ видомъ досады и словно позабывъ о присутствіи Фрэда, какъ вдругъ повернулся къ нему и сказалъ послѣнно:

— Что вы думаете дѣлать сегодня, молодой человѣкъ?

— Ничего, мистеръ Гартъ. Я съ удовольствіемъ помогу

вамъ, если съумѣю, заявилъ Фрэдъ, сознавая, что помогая отцу, онъ окажетъ вниманіе дочери.

— Хорошо, только вамъ придется нагибаться и ходить по жарѣ.

— О, это не бѣда. Только прежде мнѣ нужно сбѣгать и побороться съ тѣмъ малымъ, который вызвалъ меня. Это послужитъ ему хорошимъ урокомъ. Я вернусь* черезъ какихъ-нибудь пять минутъ.

— Пустяки! отвѣчалъ Калебъ, самымъ рѣшительнымъ тономъ. — Я самъ пойду и переговорю съ ними. Все это происходитъ отъ невѣжества. Кто-нибудь наговорилъ имъ вздору. Бѣдное дурачье само не понимаетъ, что дѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я пойду вмѣстѣ съ вами, замѣтилъ Фрэдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь тутъ. Вы мнѣ только помѣшаете своей горячностью. Я самъ постою за себя.

Калебъ былъ сильный человѣкъ, и ничего не боялся, кромѣ того, какъ бы не оскорбить своего ближняго, да еще всякихъ пространныхъ объясненій. Но въ настоящую минуту онъ признавалъ своей обязанностью попытаться переговорить съ рабочими. Въ немъ была странная смѣсь—которая происходила отъ того, что самъ онъ былъ всегда работающимъ человѣкомъ—строгости въ понятіяхъ на счетъ рабочихъ и снисходительности въ немъ на практикѣ. Трудъ и добросовѣстный трудъ онъ считалъ неотъемлемой принадлежностью ихъ благосостоянія, подобно тому, какъ видѣлъ въ немъ же свое величайшее благополучіе; но въ то же время онъ чувствовалъ сильную братскую связь съ рабочими. Когда онъ подходилъ къ землепашцамъ, послѣдніе еще не принимались за работу, но стояли кучкой и бесѣдовали другъ съ другомъ. Они угрюмо поглядѣли на Калеба, который торопливо подходилъ къ нимъ, засунувъ одну руку въ варманъ, а другую заложивъ за пуговицы своего жилета. Лицо его выражало ту же доброту, какъ и всегда.

— Ну, братцы, какъ же это такъ? началъ онъ, съ свойственной ему манерой выражаться лаконическими фразами.—Какъ могли вы дать такого промаха? Кто-нибудь наговорилъ вамъ вздора. Вы подумали, что эти люди замышляютъ недоброе.

— А то какъ! былъ отвѣтъ.

— Пустяки! вовсе нѣтъ! Они ищутъ, какъ лучше провести желѣзную дорогу. Такъ-то, братцы, вы никакъ не можете помѣшать желѣзной дорогѣ: ее все-равно проведутъ, хотите вы этого или нѣтъ. А если вы вздумаете бороться противъ этого, то наживете хлопотъ. Законъ даетъ право этимъ людямъ осма-

тривать здѣшнюю мѣстность. Владѣлецъ не можетъ противиться этому, а если вы станете путаться, то будете имѣть дѣло съ констеблемъ и съ слѣдственнымъ судьей, да познакомитесь съ наручниками и Миддлмарчской тюрьмой. Да васъ уже и теперь могли бы посадить въ тюрьму, еслибы кто-нибудь началъ искъ противъ васъ.

Тутъ Калебъ замолокъ и, быть можетъ, величайшій ораторъ въ мірѣ не сдумалъ бы лучше подобрать свои доводы и замолчать болѣе встати.

— Но, полно, вы не хотѣли зла. Кто-нибудь сказалъ вамъ, что желѣзная дорога плохая вещь. Это ложь. Она можетъ помѣшать тому или другому человѣку, принести убытокъ одному или двумъ лицамъ. Но вообще желѣзная дорога хорошая вещь.

— Да, какъ же! хорошая вещь для богатыхъ, чтобы нажить еще больше денегъ, отвѣчалъ старый Тимоти Куперъ, который все время ворочалъ сѣно, пока остальные сражались съ агентомъ. — Я многое видалъ на своемъ вѣку... миръ и войну, и стараго короля Георга, и регента, и новаго короля Георга и еще новаго, котораго звали иначе... и все было единственно для бѣднаго люда. Какой толкъ вышелъ для него изъ всѣхъ этихъ перемѣнъ? Ему отъ него не холодно, не жарко. То же самое будетъ и съ желѣзными дорогами. Бѣднякамъ онѣ не принесутъ ровнехонько никакого добра. Но они дураки, что путаются въ это дѣло, и я такъ имъ и говорилъ. Въ здѣшнемъ мірѣ хорошо живется только богатымъ, да знатымъ. А вы, конечно, стоите за богатыхъ и за знатныхъ, мистеръ Гартъ.

Тимоти былъ старый землепашецъ, типа нынѣ уже отживающаго; у него водились кое-какія деньжонки въ кубышкѣ; онъ жилъ въ пустомъ коттеджѣ и его не могъ увлечь ни единый ораторъ въ мірѣ, такъ-какъ онъ вовсе не былъ зараженъ феодальнымъ духомъ и такъ же мало вѣровалъ, какъ еслибы ему не былъ вполне чуждъ вѣкъ разума и права человѣка. Калебъ былъ поставленъ въ затрудненіе, хорошо знакомое всякому, кто пытался во времена мрака и безъ помощи какого-нибудь чуда разсуждать съ крестьянами, которые владѣютъ бесспорной истиной, провѣренной ими тяжкимъ житейскимъ опытомъ, и могутъ огорошивать васъ ею, какъ палкой, когда вы пускаете въ ходъ всѣ свои прекрасные аргументы объ общественномъ благѣ, котораго они не чувствуютъ. Калебъ не могъ, еслибы даже и хотѣлъ, пустить въ ходъ аргументацію ханжи. Онъ привыкъ

во всѣхъ подобныхъ затрудненіяхъ строго держаться «дѣловой» точки зрѣнія. Онъ отвѣчалъ:

— Вы считаете меня дурнымъ человѣкомъ, Тимъ; пусть такъ, это въ дѣлу неидетъ. Вѣдному человѣку, можетъ быть, плохо живется на свѣтѣ... да и точно что плохо; но я хочу, чтобы вотъ эти ребята не дѣлали того, отъ чего имъ станетъ еще хуже. Скотина можетъ быть тяжело навьючена, но какой будетъ для нея прокъ, если грузъ снять и сбросать въ оврагъ, когда этотъ же грузъ служить ему и кормомъ.

— Мы просто пошутили, проговорилъ Гейрамъ, который начиналъ усматривать послѣдствія. — Мы пошутили, вотъ и все.

— Хорошо; такъ общайтесь же мнѣ не путаться больше въ это дѣло и я постараюсь его замять.

— Такъ-какъ я не путался, то мнѣ нечего общать, замѣтилъ Тимоти.

— Не вы, но остальные. Ну, скорѣй, у меня не меньше работы сегодня, чѣмъ у васъ, и мнѣ время дорого. Общайтесь, что будете смиры и безъ констебля.

— Ну, ужъ не станемъ больше путаться... пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ — вотъ формула, въ какой Калебъ выслушалъ вынужденное общаніе. Послѣ этого онъ послѣдшилъ назадъ къ Фрѣду, который послѣдовалъ за нимъ и наблюдалъ за сценой у воротъ.

Они отправились на работу и Фрѣдъ дѣлательно помогать Калебу. Тяжелое состояніе духа его разсѣялось и онъ отъ души наслаждался прогулкой по сырому грунту вдоль изгородей, прогулкой, которая совсѣмъ погубила его вязанные лѣтніе панталоны. Чтѣ же такъ утѣшило его? Удачный ли приступъ къ труду или удовольствіе помогать отцу Мери? Нѣчто иное, и болѣе важное. Событія нынѣшняго утра помогли его разочарованному воображенію нарисовать ему такую картину занятій, которая была для него привлекательна со многихъ сторонъ. Я не увѣренъ также, что въ умѣ мистера Гарта не проснулись его прежнія предположенія, которыя теперь зародились и въ головѣ Фрѣда. Совсѣмъ тѣмъ они молча шли, перекидываясь лишь самыми необходимыми словами. Наконецъ, когда они кончили и собрались домой, мистеръ Гартъ связалъ:

— Молодому человѣку ненадобно быть бакалавромъ, чтобы дѣлать такую работу, Фрѣдъ, неправда ли?

— Я жалѣю, что не взялся за нея раньше, чѣмъ вздумалъ сдѣлаться бакалавромъ, отвѣчалъ Фрѣдъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, затѣмъ продолжалъ съ маленькой запинкой:

— Какъ вы думаете, мистеръ Гартъ, я еще не слишкомъ старъ для того, чтобы научиться вашему дѣлу?

— Мое дѣло весьма разнообразно, другъ мой, отвѣчалъ мистеръ Гартъ, улыбаясь. — Главнѣйшія изъ моихъ повнаній приобрѣтаются только опытомъ: ихъ нельзя заимствовать изъ книгъ. Но вы еще достаточно молоды, чтобы заняться дѣломъ. Калебъ произнесъ послѣднія слова нѣсколько торжественно, но умолялъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Онъ былъ увѣренъ въ послѣднее время, что Фрэдъ рѣшился поступить въ священники.

— Какъ вы думаете, годусь ли я на такую работу? спросилъ Фрэдъ съ живостью.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Вы должны проникнуться двумя вещами: вы должны полюбить свое дѣло — это разъ. И не стыдиться его, не думать, что вы могли бы дѣлать что-нибудь болѣе почетное — это два. Вы должны гордиться своимъ дѣломъ и власть въ него свою душу. Вы не должны говорить: еслибы мнѣ дали вотъ то-то, или бы вотъ это, — тогда бы изъ меня пожалуй и вышло что-нибудь. Кѣмъ бы ни былъ человѣкъ, будь онъ хоть первымъ министромъ, будь онъ простымъ провельщикомъ, а бы его въ грошъ не поставилъ — тутъ ротъ Калеба презрительно искривился — еслибы онъ исполнялъ кое-какъ то дѣло, за которое взялся.

— Я чувствую, что буду не въ состояніи дѣлать хорошо свое дѣло, если поступлю въ священники, отвѣчалъ Фрэдъ.

— Если такъ, то откажитесь отъ этой карьеры, мой милый, замѣтилъ Калебъ рѣзко: — а иначе вы никогда не будете въ ладу съ самимъ собой. Да, вы были бы жалкимъ человѣкомъ, еслибы могли при такихъ условіяхъ быть въ ладу съ самимъ собой.

— Мери такого же точно мнѣнія, сказала Фрэдъ, краснѣя. — Я думаю, что вамъ слѣдуетъ узнать, мистеръ Гартъ, какія чувства я питаю къ Мери: я надѣюсь, что вамъ не будетъ не-пріятно слышать, что я всегда любилъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ и никогда и никого не буду любить такъ, какъ ее.

Выраженіе лица Калеба видимо смягчилось, когда Фрэдъ говорилъ. Но онъ покачалъ головой съ торжественной медлительностью и проговорилъ:

— Дѣло значительно усложняется, Фрэдъ, если вы желаете ввязать на себя заботу о счастіи Мери.

— Я знаю это, мистеръ Гартъ, отвѣчалъ Фрэдъ, поспѣшно: — и все готовъ сдѣлать ради нея. Она говоритъ, что не желаетъ, чтобы я поступалъ въ священники, и я былъ бы самымъ дряннымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибы обманулъ надежды Мери. Право, еслибы я могъ избрать себѣ какую-нибудь

другую профессію, какое-нибудь дѣло — словомъ, что-нибудь, къ чему бы я былъ способенъ, то сталъ бы работать какъ волъ и заслужилъ бы ваше доброе мнѣніе. Мнѣ было бы по душѣ всякое не-кабинетное занятіе. Я уже кое-что смыслу въ хозяйствѣ и скотѣ. Я полагаю, какъ вамъ это извѣстно — хотя вы конечно считаете меня глупцомъ за это,—что у меня будетъ своя собственная земля. Я увѣренъ, что скоро прибрѣлъ бы познанія этого рода, въ особенности еслибы могъ заниматься подѣ вашимъ руководствомъ.

— Тихе, мой милый, сказала Калебъ, которому вспомнилась въ эту минуту его Сусанна. — Говорили ли вы объ этомъ съ вашимъ отцомъ?

— Нѣтъ еще; но я съ нимъ переговорю. Я только желалъ узнать прежде, чѣмъ я могу заняться, если не поступлю въ священники. Мнѣ очень жаль разочаровывать его, но человѣку, когда ему минетъ двадцать-четыре года, слѣдуетъ предоставить свободу въ дѣйствіяхъ. Какъ могъ я знать, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, какое дѣло будетъ для меня самымъ пригоднымъ? Мое воспитаніе было ошибочнымъ.

— Но послушайте-ка, Фрэдъ, замѣтилъ Калебъ. — Увѣрены ли вы въ томъ, что Мери васъ любитъ или что она согласится выдти за васъ замужъ?

— Я просилъ мистера Фебротера переговорить съ нею, потому что она запретила мнѣ упоминать о моей любви... я право не зналъ, что мнѣ дѣлать, отвѣчалъ Фрэдъ, какъ бы извиняясь. — И онъ сказалъ, что я могу надѣяться, если добуду себѣ почетное положеніе... я хочу сказать въ церкви. Я боюсь, что вы сочтете дурнымъ съ моей стороны, что я беспокою васъ и надѣдаю Мери съ своими желаніями, прежде чѣмъ сдѣлалъ что-либо путное. Конечно, у меня нѣтъ никакихъ правъ, мало того я въ долгу передъ вами и въ долгу неоплатномъ, еслибы даже онъ и былъ уплаченъ деньгами.

— Нѣтъ, другъ мой, у васъ есть права, возразилъ Калебъ съ большимъ чувствомъ въ голосъ. — Молодые люди всегда имѣютъ право на помощь старшихъ. И я былъ когда-то молодой и долженъ былъ обходиться почти безъ всякой посторонней помощи, но помощь была бы мнѣ весьма кстати, хотя бы только для того, чтобы придать бодрости. Но мнѣ нужно подумать. Приходите ко мнѣ завтра въ контору, въ девять часовъ. Въ контору, помните.

Мистеръ Гартъ никогда не рѣшился бы ни на какое важное дѣло, не посоветовавшись съ Сусанной, но надо сознаться, что прежде чѣмъ онъ дошелъ до дому, рѣшеніе его уже было

составлено. Во многихъ вещахъ, относительно которыхъ другіе мужчины бывають упрямы или самовластны, онъ былъ самымъ покладившимъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ никогда не зналъ, какой заказать обѣдъ, и еслибы Сусанна сказала, что имъ слѣдуетъ переселиться въ болѣе тѣсный коттеджъ для того, чтобы скопить деньгу, то онъ отвѣчалъ бы: «ладно», не распрашивая о подробностяхъ. Но когда чувства и разумъ Калеба того требовали, то онъ становился главой; и не взирая на его протость и застѣнчивость, всякій зналъ, что въ исключительныхъ случаяхъ онъ бывалъ непреклоненъ. Но это всегда случалось, когда въ дѣлѣ были замѣшаны интересы другого лица. Въ девяноста-девяти случаяхъ изъ ста миссисъ Гартъ поступала, какъ ей было угодно, но на сотомъ она часто убѣждалась, что ей приходится приводить въ исполненіе необыкновенно трудную задачу примѣненія на дѣлѣ собственныхъ принциповъ о субординаціи.

— Случилось такъ, какъ я и предполагалъ, Сусанна, сказала Калебъ вечеромъ, когда они остались вдвоемъ. Онъ уже рассказывалъ о происшествіи, вслѣдствіе котораго Фреду пришлось помогать ему въ работѣ, но умолчалъ о дальнѣйшихъ результатахъ.—Дѣти любятъ другъ друга—я говорю про Фреда и Мери.

Миссисъ Гартъ положила свою работу на колѣни и съ тревогой устремила свои пронизательные глаза на мужа.

— Когда мы окончили нашъ трудъ, Фредъ все мнѣ рассказывалъ. Онъ не можетъ рѣшиться поступить въ священники, да и Мери говоритъ, что не выйдетъ за него въ такомъ случаѣ замужъ. А мальчику хочется заниматься подлѣ моихъ руководствомъ и посвятить себя дѣлу. И я рѣшился взять его и сдѣлать изъ него человѣка.

— Калебъ! проговорила миссисъ Гартъ густымъ контральто, въ которомъ звучало покорное удивленіе.

— Это будетъ доброе дѣло, продолжалъ мистеръ Гартъ, откидываясь на спинку кресла. — Мнѣ будетъ съ нимъ много хлопотъ, но я думаю, что я выйду побѣдителемъ. Мальчикъ любитъ Мери, а истинная любовь къ хорошей женщинѣ великое дѣло, Сусанна. Она перерабатываетъ людей.

— Говорила ли Мери съ тобой объ этомъ предметѣ? спросила миссисъ Гартъ, втайнѣ оскорбляясь тѣмъ, что ей придется объ этомъ спрашивать.

— Ни слова. Я спрашивалъ какъ-то ее на счетъ Фреда, и предупреждалъ не довѣряться ему. Но она увѣрила меня, что никогда не выйдетъ замужъ за лѣниваго, малодушнаго человѣка—больше ничего. Но кажется, что Фредъ поручилъ мистеру

Фербротеру переговорить съ ней, потому что Мери запретила ему говорить съ ней объ этомъ, и мистеръ Фербротеръ донятался, что Мери любитъ Фрэда, но только говоритъ, что онъ не долженъ поступать въ священники. Сердце Фрэда принадлежитъ Мери, а это вижу: это даетъ мнѣ хорошее понятіе о немъ... и мы вѣдь всегда любили его, Сусанна.

— Это большая жалость для Мэри, отвѣчала миссисъ Гартъ.

— Почему... жалость?

— Потому, Калебъ, что она могла бы выдти замужъ за челоуѣка, который стоитъ двадцати Фредовъ Винси.

— А? проговорилъ Калебъ съ удивленіемъ.

— Я твердо увѣрена, что мистеръ Фербротеръ привязанъ къ ней и намѣревался сдѣлать ей предложеніе, но конечно, если Фредъ выбралъ его въ свои повѣренныя, то теперь объ этомъ счастья нечего больше и думать.

Миссисъ Гартъ выражалась съ строгой опредѣленностью. Она была раздосадована, но не любила лишнихъ словъ.

Калебъ помолчалъ съ минуту, волнуемый противоположными чувствами. Онъ глядѣлъ въ полъ и помахивалъ головой и руками, какъ бы подъ тактъ какому-то внутреннему спору. Наконецъ сказалъ:

— Я былъ бы счастливъ за себя и за тебя, Сусанна. Я всегда чувствовалъ, что твоя обстановка недостойна тебя. Но ты выбрала меня, хотя я и простой челоуѣкъ.

— Я выбрала лучшаго и умнѣйшаго челоуѣка изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ, отвѣчала миссисъ Гартъ, убѣжденная, что она никогда не полюбила бы челоуѣка, который бы не обладалъ этими качествами.

— Хорошо, но быть можетъ другіе думали, что ты могла бы выбрать лучше. Но это было бы хуже для меня. И вотъ, что меня располагаетъ къ Фреду. Онъ въ сущности добрый малый и достаточно уменъ, если его направить какъ слѣдуетъ. Онъ любитъ и уважаетъ мою дочь пуще всего на свѣтѣ, и она въ нѣкоторомъ родѣ обнадеежила его, если онъ окажется ее достойнымъ. Я считаю, что въ моихъ рукахъ душа этого молодого челоуѣка, и я сдѣлаю все, что могу, для него, съ помощью Божіей! Это мой долгъ, Сусанна!

Миссисъ Гартъ не была плаксою, но крупная слеза скатилась по ея щекѣ, пока мужъ говорилъ ей это. Слеза эта была вызвана борьбой чувствъ, въ которой играли роль любовь и досада. Она послѣшшо отерла ее, говоря:

— Немногіе, кромѣ тебя, Калебъ, сочли бы своимъ долгомъ усугублять свои заботы такимъ образомъ.

— Это ничего не значить... пусть другіе люди думаютъ, что хотятъ. Внутреннее чувство ясно подсказываетъ мнѣ, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и я ему повинуюсь; я надѣюсь, что сердце твое будетъ на моей сторонѣ, Сусанна, и ты можешь мнѣ облегчить судьбу Мери, бѣднаго ребенка, на сколько возможно.

Калебъ съ тревожной мольбой взглянулъ на свою жену. Она встала и поцѣловала его, говоря:

— Богъ благослови тебя, Калебъ. У нашихъ дѣтей добрый отецъ.

Она вышла изъ комнаты и наплакалась вдоволь, чтобы облегчить себя за подавленное желаніе противорѣчить мужу. Она была увѣрена, что поведеніе ея мужа будетъ перетолковано, о Фредѣ же судила благоразумно и безнадежно. Кто-то окажется проникательнѣе: благоразумная Сусанна или великодушный Калебъ.

Когда Фредъ явился въ контору на другое утро, то ему пришлось пройти черезъ испытаніе, къ которому онъ вовсе не приготовился.

— Ну, теперь, Фредъ, сказалъ Калебъ: — вамъ предстоятъ письменныя занятія. У меня всегда много такихъ занятій, и я не могу обойтись безъ помощника и желаю, чтобы вы понимали счетную часть и умѣли вести книги, такъ-какъ намѣренъ отказать другому клерку. И такъ вамъ надо заперчься въ это дѣло. Хорошъ ли у васъ почеркъ и сильны ли вы въ ариѳметику?

У Фреда свнуло сердце; онъ не рассчитывалъ на письменныя занятія, но онъ былъ въ стойкомъ настроеніи духа и не желалъ отступать.

— Я не боюсь ариѳметики, мистеръ Гартъ, я всегда былъ въ ней силенъ. Кажется, вы знаете мой почеркъ.

— Покажите-ка, сказалъ Калебъ, беря перо, внимательно осматривая его и протягивая Фреду, вмѣстѣ съ листомъ бумаги. — Снизните-ка мнѣ одну или двѣ строки вотъ этой оцѣнки, вмѣстѣ съ цифрами.

Въ то время существовало мнѣніе, что джентльмену неприлично писать разборчиво, то-есть такимъ почеркомъ, который годенъ для клерка. Фредъ написалъ требуемое такимъ джентльменскимъ почеркомъ, какой былъ бы вверху епископу или вивонту того времени: гласныя всѣ походили одна на другую какъ двѣ капли воды, а согласныя различались другъ отъ друга лишь по крючкамъ, завернутымъ вверху или книзу; строчки же или гкривы и вкось—словомъ, то была рукопись изъ того почтеннаго

разряда, которыя легко читаются лишь тогда, когда вы знаете напередъ, что пишущій хочетъ сказать.

Когда Калебъ заглянулъ въ рукопись, лицо его омрачилось; но когда Фрэдъ подаль ему бумагу, то онъ даже заворчалъ, страстно ударяя рукой по бумагѣ. Плохая работа въ состояніи была возмутить добраго Калеба.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ, ворчливымъ тономъ.—Повѣрить трудно, чтобы въ нашей странѣ можно было потратить сотни и десятки сотенъ на образованіе человѣка и получить въ результатъ вотъ это!

Затѣмъ, переходя въ болѣе патетическій тонъ, сдвинувъ очки на лобъ и взглядывая на злополучнаго писара, проговорилъ:

— Господи помилуй насъ, Фрэдъ, мнѣ такой почеркъ не годится!

— Что же мнѣ дѣлать теперь, мистеръ Гартъ? спросилъ Фрэдъ, сильно упавшій духомъ, не только вслѣдствіе порицанія, которое навлекъ на себя своимъ почеркомъ, но и вслѣдствіе мысли, что его можно будетъ теперь зачислить въ разрядъ конторскихъ клерковъ.

— Что дѣлать? Вамъ слѣдуетъ научиться выводить буквы и писать прямо, а не врывъ и вбосъ. Какой толкъ въ такомъ письмѣ, котораго никто не можетъ разобрать? спросилъ Калебъ, энергически, совершенно поглощенный мыслью о плохомъ почеркѣ Фрэда.—Развѣ вы думаете, что людямъ такъ мало дѣла на свѣтѣ, что вы должны задавать имъ загадки? У меня пропадало бы богъ-знаетъ сколько времени за письмами, которыя присылаютъ мнѣ иные господа, еслиби Сусанна не разбирала ихъ для меня. Это просто противно!

Тутъ Калебъ оттодкнулъ отъ себя бумагу.

Всякій посторонній человѣкъ, который бы заглянулъ въ эту минуту въ контору, подивился бы: какая такая драма происходить между негодующимъ дѣловымъ человѣкомъ и красивымъ юношей, который, блѣднѣя, съ досадой кусалъ свои губы. Разныя мысли осаждали Фрэда. Мистеръ Гартъ былъ такъ добръ и снисходителенъ въ началѣ ихъ свиданія, что надежды его разыгрались не на шутку и разочарованіе было тѣмъ тяжелѣе. Ему и въ голову не приходила мысль о письменныхъ занятіяхъ. — Въ сущности, подобно большинству молодыхъ джентльменовъ, онъ желалъ такой работы, которая бы не представляла никакихъ неприятныхъ сторонъ. Я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, еслиби онъ не далъ себѣ слова съѣздить въ Лоуинъ повидаться съ Мэри и сообщить ей, что

намѣренъ заниматься подь руководствомъ ея отца. Ему не хотѣлось разочаровывать себя съ этой стороны.

— Мнѣ очень жаль! — вотъ все, что онъ могъ произнести.

Но мистеръ Гартъ уже смягчился.

— Мы не должны падать духомъ, Фрэдъ, началъ онъ своимъ обычнымъ, спокойнымъ тономъ. — Каждый человѣкъ можетъ научиться писать. Я самъ научился. Приложите стараніе и просиживайте ночи за дѣломъ, если днемъ не хватаетъ времени. Мы будемъ терпѣливы, мой милый. Колумъ будетъ вести книги, пока вы научитесь хорошо писать. Но теперь мнѣ пора ѣхать, прибавилъ Калебъ, вставая. — Вы должны передать своему отцу о нашемъ условіи. — Вы, знаете, поможете мнѣ съэкономничать на жалованьи Колума, когда научитесь писать. Я могу назначить вамъ восемьдесятъ фунтовъ жалованья на первый годъ, а впослѣдствіи сдѣлать прибавку.

Когда Фрэдъ сообщилъ новость своимъ родителямъ, то сравнительное дѣйствіе, которое это открытіе произвело на обоихъ, было для него такой неожиданностью, что глубоко запало въ его душу. Онъ отправился прямо изъ конторы мистера Гарта въ торговый складъ отца, справедливо сознавая, что всего почтительнѣе поступить съ отцомъ, если передастъ ему не-приятную новость самымъ серьезнымъ и формальнымъ образомъ. Кромѣ того рѣшеніе его получить болѣе рѣшительный характеръ, если свиданіе произойдетъ въ тѣ самые часы дня, когда отецъ его исключительно занятъ дѣломъ въ конторѣ своего торговаго склада.

Фрэдъ сразу приступилъ къ своему предмету и коротко объявилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ и какъ намѣренъ поступать далѣе, высказавъ въ заключеніе свое сожалѣніе о томъ, что причиняетъ такое разочарованіе своему отцу и винась въ своей собственной несостоятельности. Сожалѣніе было искреннее и внушило Фрэду сильныя, хотя и простые слова.

Мистеръ Винси слушалъ въ глубокомъ изумленіи, не испустивъ даже ни единого восклицанія. И это молчаніе, при его живомъ темпераментѣ, было признакомъ необычнаго волненія. Онъ былъ недоволенъ сегодня ходомъ торговыхъ дѣлъ своихъ, и горькая черта, которую сначала можно было едва уловить около его губъ, выступала все рельефнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ сына. Когда Фрэдъ кончилъ, наступило минутное молчаніе, во время котораго мистеръ Винси спряталъ книгу въ свою конторку и торжественно повернулъ ключъ. Затѣмъ онъ пристально посмотрѣлъ на сына и сказалъ:

